

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

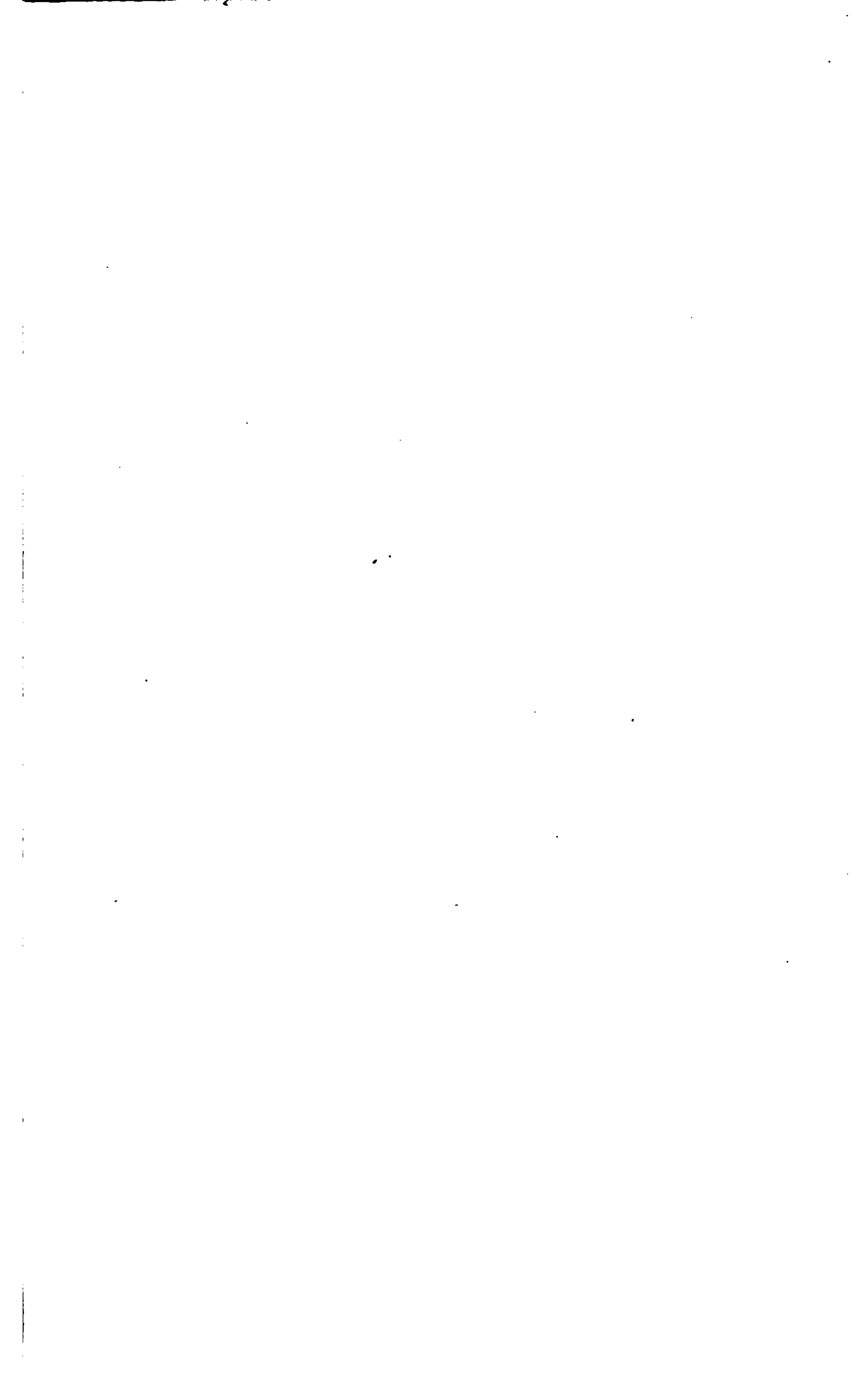
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СЛАВЯНЕ,
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА,

орд. профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ТОМЪ III.

Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ
Славянъ до конца XVIII вѣка.

Часть I.

Западные Славяне.

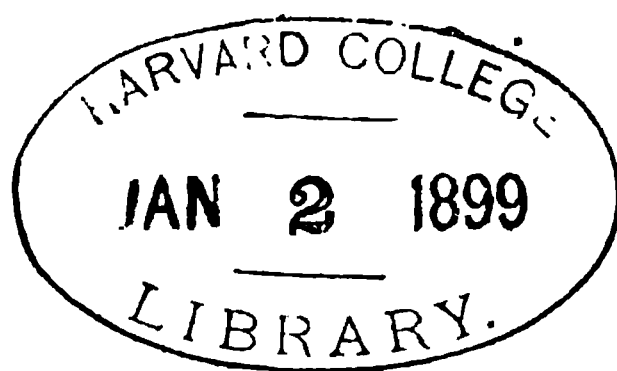

ВАРШАВА.

Типографія К. Ковалевскаго, Королевская N. 29.

—
1890.

Slav 290.3

Pierce fund.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

Ректоръ *Н. Лавровскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ III томѣ разсматриваются сношенія Славян политической и культурной, на сколько въ этихъ сношеніяхъ является славянское сознаніе народовъ, и на сколько мѣняется вліяніе одного народа на другой въ разныя народнои жизни, на пр. вліяніе одного языка славянъ на другой, воздѣйствіе одной литературы на другую, и востраненіе культуры одного народа къ другому. Въ этого III тома разсматриваются такіа сношенія славянъ, преимущественно Чеховъ и Поляковъ. Гуситизму отведено здѣсь надлежащее мѣсто, какъ одному блестящихъ періодовъ въ исторіи славянской идеи. Употребляю повсюду славянскую географическую нomenclature по этому пишу Чехія (а не: Богемія), Слезія — Слезавія), Вратиславль (др.-русс. Воротъславль), Опава, мучъ, Будинъ, Шаришскій Потокъ, и др. ¹⁾. Западе ѣ (польское *gz*) передаю по-руски черезъ мягкое *рѣ*, *рж*, что никакъ не соотвѣтствуетъ тому ѣ (*gz*), а

---

¹⁾ Славянская географическая номенклатура входитъ въ употребленіе и на русскихъ картахъ; такъ на пр. Славянства Риттиха, на новѣйшей стратегической к Европы, изданной Главнымъ Штабомъ (м. 40 в. = 1 д грѣшности въ названіяхъ можно исправить особенно по ловацкаго: Географическій словарь западно-славянскихъ земель (Вильна 1884, съ картою).

dzierzeć (держать), dzierżawa (держава), rżanie (ржание), rżanu (ржаной, отъ rze—рожь, срв. Ржевъ), rżysko (жниво, особенно послѣ ржи); по этому надо и по-русски писать: Держиславъ (Dzierżysław), Держикрай (Dzierżykraj), Держежъ (Dzierżek), Держановскій (Dzierżanowski), но не Оржеховскій (Orzechowski), Оржельскій (Orzelski), Вержбовскій (Wierzbowski), Бржезанъ (Březan), Пржемысль (Přemysl), что пишу: Орѣховскій, Орельскій, Верьбовскій, Брезанъ, Премысль; можно было это ř (rz) передать и по-русски посредствомъ р съ такимъ-же крючкомъ; но на это я, по типографскимъ причинамъ, не рѣшился.

Появленіе первыхъ двухъ томовъ этого сочиненія вызвало въ славянской и неславянской печати нѣсколько отзывовъ. Я замѣтилъ особенно три. Пріятно мнѣ было прочитать симпатическія слова о моей книгѣ и личности въ статьѣ французскаго слависта Л. Леже (*Revue critique d'histoire et de littérature*, 1888, Nr. 36—37, срв. Историческій Вѣстникъ 1889, февраль); вѣрно, что, si on lui (мнѣ) adresse l'épithète de panslaviste, il ne sera tenté ni de s'en irriter, ni de s'en étonner; mais c'est surtout au point de vue scientifique que P. a la prétention d'être panslaviste; ses travaux sur les rapports des peuples slaves ne sont pas des improvisations d'un publiciste de rencontre; P. est un savant; le travail qu'il nous offre aujourd'hui est le fruit de longues études et atteste des recherches immenses. Благодарю неизвѣстнаго мнѣ Хорвата за теплый и душевный отзывъ о моей книгѣ и личности, помѣщенный въ загребскомъ журналѣ *Vienac* 1889, Nr. 15. Критикъ въ журн. „Вѣстникъ Европы“ (1888, сентябрь) назвалъ мое сочиненіе весьма важнымъ вкладомъ въ литературу этого предмета. Но одна здѣсь высказанная мысль требуетъ объясненія. Критикъ замѣчаетъ, „что авторъ, по видимому, слишкомъ настаиваетъ на извѣстномъ положеніи, которое развивалось въ особенности въ чешской литературѣ, а также и у насъ, и которое сваливаетъ чуть ли не всѣ бѣды славянскаго міра на Нѣмцевъ, на нѣмецкое коварство. Эта склонность искать причины широкихъ историческихъ явленій въ постороннихъ внѣшнихъ фактахъ уже много вредила объясненію дѣла, и надо бы желать, чтобы авторъ настоящаго изслѣдованія не повторилъ еще разъ старой ошибки.“ Еслибъ я, дѣй-

брось, въ концѣ концовъ не отстаиваютъ свободы, не избѣгаютъ рабства, а Нѣмцы, добиваясь славы, подвигаютъ свою власть далеко на востокъ за Одру и до Карпатовъ. Положеніе дѣлъ не измѣняется и въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ: Славяне или совсѣмъ погибаютъ или прозябаютъ въ тѣни могущественной имперіи римско-нѣмецкой. Еще семь столѣтій тому назадъ нынѣшнія Аѳины на Шпрее, Берлинъ, былъ славянская деревня; тогда предки нынѣшнихъ герцоговъ мекленбургскихъ и пановъ Бонинъ, Камеке, Путбусъ, Краковицъ и др., говорили еще по-славянски. А что видимъ *нынѣ* въ этихъ странахъ? Славянскіе звуки тамъ давно уже замерли, а по-славянски, конечно на довольно исковерканномъ нарѣчій, говорятъ тамъ только рѣки, горы, мѣстности. Произнося громкія теперь названія Берлинъ, Лейпцигъ, Шверинъ, Штетинъ—не всякій знаетъ, что эти города славянскаго происхожденія; удивляясь необыкновеннымъ успѣхамъ государей прусско-бранденбургскихъ—не всякій уже знаетъ, что эта могущественная монархія между Лабой, Одрой и Вислой основана на развалинахъ славянскихъ. Вотъ какія перемѣны состоялись въ этихъ нѣкогда славянскихъ земляхъ! Что же, спрашивается, произвело такой громадный переворотъ въ отношеніяхъ тѣхъ странъ? Какія причины способствовали такому перевороту? Посмотримъ на оба воющіе лагеря. Германскій міръ, Нѣмцы и Скандинавы, выступаютъ въ борьбу съ громадными средствами. Императоры-короли, герцоги, маркграфы, епископы—все время направляютъ всѣ свои силы къ *одной* цѣли: къ покоренію и къ порабощенію славянскихъ язычниковъ. Что же дѣлаютъ Славяне? У нихъ не прекращаются внутреннія распри, междоусобицы; они, хотя храбро сражаются, но дѣйствуютъ какъ попало, безъ обдуманнаго плана; у нихъ не возникаетъ сильное государство, которое, сплотивши всѣ разрозненныя племена балтійскихъ Славянъ въ одно политическое цѣлое, могло бы противопоставить свои силы римско-нѣмецкой имперіи. У Нѣмцевъ замѣтно направленіе *центростремительное*, между тѣмъ какъ у Славянъ преобладаетъ направленіе *центробѣжное*. Мало того. Если ближайшіе соплеменники полабско-балтійскихъ Славянъ, христіанскіе Чехи и Поляки, помогаютъ Нѣмцамъ противъ своихъ языческихъ братьевъ, то это

еще понятно; тогда религиозное чувство поглощало все остальные стремления человечества. Но если языческие Ободричи помогают христианским Нѣмцамъ противъ Лютичей, если даже племена Лютичей—въ своихъ междоусобныхъ войнахъ—призываютъ другъ противъ друга на помощь нѣмецкіе отряды, то это просто возмутительно. Въ началѣ XI вѣка сильный князь повислянскихъ Ляховъ, польскій Болеславъ, задумываетъ планъ соединить западныхъ Славянъ въ одно политическое цѣлое. Германія дрожитъ передъ этимъ „грознымъ славянскимъ львомъ“, который водружаетъ знамя политическаго единства западныхъ Славянъ въ старинномъ городѣ чешскихъ Премысловичей, въ Прагѣ. И вотъ какъ западные Славяне отвѣчаютъ на политическую комбинацію этого славнаго Пястовича! Чехи соединяются съ нѣмецкимъ королемъ и прогоняютъ Болеслава изъ Праги; Лютичи—*языческіе* Лютичи, такіе же Ляхи, какъ и повислянскіе Ляхи, сами подстрекаютъ нѣмецкаго короля къ войнѣ противъ Болеслава. Этого мало. Они высылаютъ даже войско въ нѣмецкій лагерь, чтобъ воевать съ ненавистнымъ польскимъ княземъ. И вотъ является поразительное зрѣлище: богъ языческихъ Славянъ Лютичей, Сварожичъ, и патронъ христианскихъ Нѣмцевъ, святой Маврикій, идутъ дружелюбно рука объ руку противъ польскаго христианскаго князя, такъ что этотъ неестественный союзъ язычества и христианства возмущаетъ даже одного нѣмецкаго мисіонера. При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что наконецъ Славяне въ борьбѣ падаютъ, и Нѣмцы побѣдители водружаютъ на ихъ могилахъ крестъ и знамя своей народности. Въ покоренныя славянскія земли нахлынули нѣмецкіе господа и колонисты; оставшіеся мелкіе славянскіе князья, не находя у своихъ восточныхъ сосѣдей, тоже слабыхъ и разрозненныхъ князей польскихъ, надлежащей опоры, скоро поддаются все подавляющему нѣмецкому вліянію, и сами способствуютъ быстрому онѣмеченію своихъ малыхъ владѣній. Вамъ пришлось не разъ встрѣтиться съ такимъ взглядомъ, будто гибелью полабско-балтійскихъ Славянъ виноваты одни Нѣмцы. Припомните, какъ бессмертный пѣвецъ „Дочери Славы“, Коларъ, плачетъ надъ гробомъ тѣхъ Славянъ, и какъ онъ, подобно Данте, посылаетъ всехъ этихъ Генриховъ, Оттоновъ, Героновъ въ адъ.

Но по моему мнѣнію, всѣ эти нареканія и упреки—просто *lisep-tia poëtica*. Жизнь народовъ не поэзія, а серьезная реальность, борьба за существованіе. Малые и слабые народы естественнымъ образомъ должны применуть въ болѣе сильнымъ—одноплеменнымъ-ли, чужимъ-ли, все равно—и въ нихъ мало по малу расплавляться. Этого *безпощаднаго химическаго процесса*, происходящаго въ жизни народовъ, никто и ничто въ мірѣ задержать не можетъ. У каждаго народа, а тѣмъ болѣе у великаго и сильнаго, есть, если такъ можно выразиться, *экспансивная сила*, которая его влечетъ далеко за предѣлы собственной территоріи. Такое стремленіе лежитъ и въ характерѣ нѣмецкаго народа, и кто-же виновать, если восточные сосѣди Нѣмцевъ, разрозненные полабско-балтійскіе Славяне не сумѣли сплотиться въ одно сильное политическое цѣлое, и лишившись самостоятельности, передъ нѣмецкимъ напоромъ гнулись и растоплялись какъ воскъ! Противъ силы духовной и матеріальной надо поставить опять *такую же* силу, а не жалкую рознь и безконечную неурядицу“.

Эти слова можно сказать вообще о всѣхъ Славянахъ, и въ такомъ смыслѣ я говорю часто и на другихъ мѣстахъ. Въ статьѣ „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ. По поводу сербско-болгарскаго столеновенія и рѣчи Бисмарка“ (Извѣстія С.-П. славянскаго благотворительнаго общества 1886, мартъ, стр. 106—117) я указалъ на разныя причины неблагопріятной судьбы западныхъ и южныхъ Славянъ: „Много было причинъ печальнаго раздробленія Славянъ на западѣ и на югѣ. Причины были внѣшнія, но тоже внутреннія, а эти послѣднія рѣшили неблагопріятный исходъ историческаго развитія западнаго и южнаго Славянства. Уже Византійцы VI вѣка замѣтили у ближайшихъ Славянъ, подунайскихъ и черноморскихъ, одну черту, которая сдѣлалась для дальнѣйшаго историческаго развитія Славянъ роковою. Славяне—такъ разсуждаютъ Византійцы—не терпятъ никакого повелителя и преслѣдуются взаимною ненавистью; ни въ чемъ они между собою не согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, такъ какъ всѣ ненавидятъ другъ друга, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому; по этому нужно ихъ сварливыхъ вождей приводить на свою

диненія, весь вредъ разъединенія и междоусобицъ; а все-таки поддаются на затѣи своихъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ!

Вси покоя щиро прагнуть,
А не въ одинъ гужъ вси тягнуть,
Той на право, той на ливо,
А вси брати, то-то и диво!“

Въ такомъ-же смыслѣ разсматриваю судьбу славянскихъ народовъ и въ своемъ сочиненіи „Славяне“. Я тамъ говорю о трагической судьбѣ Славянъ, о центробѣжныхъ стремленіяхъ малыхъ народовъ славянскихъ на западъ и на югъ, но тоже о необходимости прекратить ихъ безконечныя дразги, которыми пользовались и пользуются ихъ враги, преимущественно Нѣмцы. Я, говоря объ успѣхахъ Нѣмцевъ (I. 74—76) въ ущербъ разрозненнымъ и отсталымъ Славянамъ, прямо заявляю, что „сила умственная и матеріальная взяла свое: нѣмецкое стремленіе на востокъ праздновало на славянскихъ нивахъ обильную жатву, вытѣснивши или подавивши славянскихъ хозяевъ, поссоренныхъ, разрозненныхъ, слабыхъ и запоздалыхъ, по собственной винѣ и въ слѣдствіе разныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Исполнились пророческія слова нѣмецкаго монаха Видукинда X-го вѣка: Нѣмцы добились славы и великой и обширной державы, Славяне на западъ и на югъ не отстаивали своей свободы, своей политической самостоятельности, а очутились въ повиновеніи и въ зависимости отъ Нѣмцевъ“. Я много говорю о политическихъ ошибкахъ Польши, именно въ 1420, 1526, 1618 и 1683 гг., о томъ, какъ Польша не переставала *travailler pour le roi de Prusse* (см. „Славяне“, т. II. 70—100, т. III, часто); о томъ, какъ Нѣмцы, усилившись покоренными Славянами, останавливали русское „ура“ на Дунаѣ, спасали Турцію, помѣшали соединенію Польши съ Россіею, захватили польскія земли, и наконецъ привлекли и Россію къ защитѣ нѣмецкихъ интересовъ въ средней Европѣ; а это послѣднее я считаю и называю *chef d'oeuvre* политическаго ума и прозорливости Нѣмцевъ (см. „Славяне“, II. 417—420).

И такъ, сдѣланный мнѣ упрекъ критика „Вѣстника Европы“, будто я тоже, вмѣстѣ съ другими наивными Славянами, „свали-

цевъ, 1
мъ. Н
ѣ Нѣ
міръ, в
нѣмецк
нскій м
нія, еди
внымъ 4

Еъ с
иятстві
“ III.

Ю есть
едпочту
емлені
и и за
взываю
соедин
у ховяй
о, друго
ь роль
а, сказ
а: „М
убійств
го сто
ѣ сиди
заявам
лавянс
имѣет
пасть
(см. ,
перваго
, стойк
краю,
сосѣду
Славя
ь само

Москва (см. „Славяне“ I. 168—169), — въ виду такого безалабернаго, безотраднаго и безвыходнаго славянскаго хаоса — нельзя удивляться, что многіе здравомыслящіе и незараженные еще тою убійственною философіею Славяне съ удовольствіемъ повторяютъ слова великаго Хорвата Крижанича (см. „Славяне“ II. 343), который отводитъ одной Россіи дѣятельную роль въ разсѣяніи того хаоса, той *rudis indigestaeque molis*. Я, зная разные славянскія идиомы и батрахомимахіи не изъ однихъ книгъ, уже давно принадлежу къ почитателямъ и сторонникамъ философіи Крижанича; свои мысли о „славянскомъ вопросѣ“ я высказывалъ часто, въ самой своей книгѣ и въ разныхъ статьяхъ (на пр. въ выше упомянутой „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ“, въ статьѣ „Чешско-русскія недоразумѣнія“ въ ж. Русская мысль 1884, октябрь, въ одной своей рѣчи, срв. Извѣстія Сп. славянскаго благотворительнаго общества 1885, май, стр. 277, и др.). Не могу иначе, какъ повторить свои слова („Славяне“ I. 90), которыми я характеризую новѣйшую исторію Славянства: „Возникаетъ вопросъ: на сколько основательны надежды южныхъ и западныхъ Славянъ и опасенія иноплеменниковъ на счетъ той роли, которую, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, долженъ въ Славянствѣ сыграть первый его народъ, русскій, единственное самостоятельное славянское государство, Русь. Этотъ вопросъ составляетъ важную, существенную часть возрожденія западныхъ и южныхъ Славянъ, интересуется все больше и русскій народъ, и становится тою осью, около которой начинаетъ двигаться новѣйшая исторія всего славянскаго племени.“ Меня ни чуть не смущаютъ событія, которыя иногда совершаются на балканскомъ полуостровѣ, и „которыя указываютъ (такъ думаетъ по крайней мѣрѣ критикъ „Вѣстника Европы“) на новый оборотъ славянской идеи, гдѣ прежнія идеалистическія ожиданія встрѣчаются съ рѣзкими противорѣчіями.“ Такіе „обороты“ бывали и прежде, во время Милоша Обреновича и Александра Карагеоргиевича, и всегда кончались поворотомъ Сербіи къ Россіи; а новѣйшій оборотъ въ этомъ послѣднемъ „новомъ оборотѣ“ славянской идеи состоялся опять въ Сербіи, гдѣ руководящіе кружки убѣдились, что Сербы безъ помощи Россіи никогда ничего достигнуть не могутъ. Такой же оборотъ состоится

всесторонняго напряженія всѣхъ ея матеріальныхъ и духовныхъ силъ.“¹⁾

Знаю, что многіе Славяне въ Россіи и внѣ Россіи согласны съ такими моими взглядами на славянскія дѣла, но что и многіе Славяне ихъ не раздѣляютъ. Можетъ быть, инымъ Славянамъ болѣе по душѣ слова, высказанныя еще въ 1848-омъ г. въ нѣмецкомъ парламентѣ въ Франкфуртѣ, гдѣ одинъ нѣмецкій политикъ, М. Гагернъ, ратовалъ въ пользу сближенія двухъ главныхъ нѣмецкихъ державъ, Австріи и Пруссіи, тоже въ виду того, что „всѣ тѣ народы по Дунаю, которые не имѣютъ ни права ни призванія къ самостоятельности, должны быть включены, какъ драбанты, въ нѣмецкую планетную систему“. Много такихъ славянскихъ „драбантовъ“ и „бурлаковъ“ всегда и работало и работаетъ, по доброй волѣ и по неволѣ, въ пользу интересовъ нѣмецкаго народа (срв. „Славяне“ I. 74—76, II. 418).

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ не всѣ Славяне западные и южные желаютъ быть „нѣмецкими драбантами“, и по этому все болѣе обращаютъ свои взоры на „сильную и мудрую Сѣверницу“ т. е. Русь, приносящую—по словамъ Ю. Пальмотича (см. „Славяне“ II. 361, повтореннымъ и мною въ предисловіи къ II тому)—Славянамъ помощь и примиреніе. Къ этимъ моимъ словамъ критикъ „Вѣстника Европы“ поставилъ вопросительный знакъ, по моему мнѣнію совершенно лишній. Я не говорю, что сильная Сѣверница всегда дѣйствовала мудро, — она тоже участвовала въ общеславянской работѣ pour le roi de Prusse—; я хочу этимъ сказать, что матеріально и культурно сильная и мудрая

---

¹⁾ Однажды — уже послѣ сербско-болгарскаго столкновенія—я говорилъ съ однимъ выдающимся югославянскимъ государственнымъ дѣятелемъ о разныхъ славянскихъ вопросахъ; я упомянулъ между прочимъ тоже о томъ, что въ Россіи многіе проклинали нынѣ „этотъ славянскій вопросъ.“ Южный Славянинъ спросилъ меня: „Какъ вы думаете: Россія желаетъ пріобрѣсти Царьградъ, или нѣтъ?“ Я, конечно, не могъ отвѣтить отрицательно. „Въ такомъ случаѣ славянскій вопросъ Россіи нуженъ.“ Замѣчу, что ни тотъ южный Славянинъ ни я не увлекались никакими идеалистическими ожиданиями, и толковали о славянскихъ дѣлахъ очень реалистически.

Русь может и должна—уже въ виду своихъ собственныхъ интересовъ—подумать о рѣшеніи славянскаго и что на это надѣются многіе Славяне. „Славянскій вѣстникъ“ Рублина, хорошо извѣстный гость; о немъ думалъ уже Погодинъ, и мою характеристику этого гениальнаго славянина (см. „Славяне“ II. 408—410) приводитъ тоже А. И. Соболевъ въ своей статьѣ „Обзоръ русскихъ изученій Славянства“ (Европы 1889). А гдѣ-же и чѣмъ была Россія тогда, XVIII в.? О Славянахъ много говорили въ Россіи и XIX в. въ царствованіе Императора Александра I; самъ императоръ понималъ важность славянскаго вопроса для Россіи, и хотѣлъ воспользоваться имъ противъ Австріи. Тогда явилась мысль о славянской федераціи. (См. нашу статью „Императоръ Александръ I и Славяне“ въ журн. Древняя и Новая Россія, кн. 1, 1877 г., и статью А. Пыпина: „Панславизмъ въ прошломъ“, въ ж. Вѣстникъ Европы 1878). Всѣмъ еще при жизни Императора Александра II, засвидѣтельствовавшего въ Александровскомъ Кремлѣ 29 октября 1876 г. — свое „живое участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по племени“, и вспомнившего Русскихъ погибшихъ „за славянскую свободу“.

Дорожа хорошимъ мнѣніемъ о моемъ сочиненіи „Вѣстникъ Европы“, я счелъ нужнымъ возразить ему, и съ тѣмъ выяснить ближе свой взглядъ на затронутыя вопросы славяно-нѣмецкія.

Варшава 1890 г.

11 Мая, день св. Кирилла и Мефодія.

Френцель, Н. Тицинъ, З. Бирлигъ. Католическая
сербская семинарія въ Прагѣ. Полянъ І. Цотоцкій
и его путешествіе въ полабско-балтійскихъ стра-
нахъ . . . . .

II. Чехи и Поляни.

1. Западно-славянскія государства моравскихъ Мой-
мировичей; чешскихъ Болеславовъ, польскаго Боле-
слава Храбраго; неудавшаяся попытка чешскаго Бря-
числава. Премысловичи и Пястовичи. Чешскій ко-
роль Премысль Отакаръ II, его отношеніе къ Поль-
шѣ, его борьба съ нѣмецкимъ королемъ Рудольфомъ
Габсбургомъ и смерть (1278). Габсбурги на сред-

немъ Дунаѣ и въ Альпахъ. Чешскій король Вячеславъ II королемъ польскимъ (1300). Люксембурги въ Чехіи, присоединеніе Слезіи къ чешской коронѣ, ихъ отношеніе къ Польшѣ. Пруско-нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ и ихъ борьба съ Польшею, Литвою и югозападною (литовскою) Русью . . . . .

20

2. Гуситское движеніе, національное чешское и славянское. Общіе враги Славянства, Чеховъ, Поляковъ, Литвы и Русскихъ, Нѣмцы въ Германіи и нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ. Чешскій король Вячеславъ IV, тевтонскій орденъ и Польша. Домбровенская (грюнвальдская) битва (1410). Чехи и польскій король Владиславъ Ягайло. I. Гусъ, Іеронимъ Пражскій, ихъ сожженіе на позоръ славянскому народу. Гуситскіе Чехи, ихъ борьба (1419—1434) противъ Нѣмцевъ за славянскіе интересы вообще, ихъ отношенія къ польскому королю Владиславу Ягайлу и великому князю литовско-русскому Александру Витовту, ихъ желаніе присоеди- ниться къ славянскому востоку. Непониманіе Ягайломъ и Витовтомъ чешскаго вопроса какъ національнаго славянскаго, и тщетныя ихъ попытки примирить чешскихъ гуситовъ съ Римомъ. Литовско-русскій князь Сигизмундъ Корибутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Национальная политика Шафранцевъ. Чехи и литовско-русскій князь Швитригайло. Чешскіе гуситы, союзники польскаго короля противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, въ балтійскихъ странахъ и на базельскомъ соборѣ. Паденіе ревностныхъ гуситовъ, Сиротковъ и Таборовъ (1434). Пораженіе Швитригайла (1435). Славянская партія Чеховъ призываетъ на чешскій престолъ подьскаго короля противъ короли нѣмецкаго и ея манифестъ объ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Чеховъ и вообще Славянъ. Тревога Нѣмцевъ по поводу предстоящаго соединенія Чехіи и Польши. Неудача плановъ этой партіи и поддерживающей ее Польши (1437—1439). Польская партія въ Чехіи (1439—1443). Чешскія военныя роты въ Угріи, Польшѣ

и Прусіи, ихъ участіе въ борьбѣ Польп
тонскимъ орденомъ изъ-за балтійскаго
побѣда Польши (1454—1466). Чешскій кс
Подѣбрадскій (1458—1471) и польскій ко
миръ, ихъ славянское сознаніе, роль Поль
рительницы по чешскимъ дѣламъ. Войн
съ Угрією изъ-за чешской короны. ъ
въ Чехии и въ Угрии (1471—1526) . . .

3. Габсбурги на престолахъ чешскомъ и
Политическая ошибка Польши. Стремле
бурговъ пріобрѣсти тоже польскую коро
скіе паны въ Польшѣ какъ послы императ
скихъ чиновъ, Розенбергъ, Чернштейнъ,
и др. и ихъ сношенія съ соплеменными
(1572—1573). Вильгельмъ изъ Розенбер
дать польской короны (1575). Неудача Га
именно императора Максимилиана (1576)
ная кандидатура Габсбурговъ въ 1587 г
эрцгерцога Максимилиана. Оломуцкій еп
Павловскій въ Польшѣ. Замоискій и І
Польскій король Сигизмундъ обличается
бургами; его отношеніе къ чешскимъ дѣл
1620 г. Чехи и Поляки, ихъ славянско
въ тѣ времена. Польша способствуетъ п
хін. Лисовичи. Политическая ошибка
Чехи и Поляки послѣ паденія чешскаго гс
Паденіе Польши . . . . .

4. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ
сударственный и общественный строй.
ство у Чеховъ и Поляковъ, богослуженіе,
и латинское. Пражскій университетъ.
въ Польшѣ, мѣры противъ него; польск
паны Спытекъ изъ Мельштына, Авраамъ
Николай Сестронецъ и др. Гуситство
до конца XV и начала XVI вѣковъ. По
ситскіе священники. Гуситскія мнѣнія
на изъ Остророга. Вопросъ причащенія
ми видами у католиковъ Поляковъ. Чеш
въ Польшѣ (съ 1548 г.) и ихъ сношенія
польскими протестантами. Чешскіе брать

І. А. Коменскій въ Лешнѣ. Язы-
дльскій, ихъ нарѣчія, фонологія,
кальная часть. Вліяніе чешскаго
въ древнепольской письменности.
ологія. Чешское духовенство въ
польскіе переводы библейскихъ
литургій, романовъ и др. и чешское
и чешское правописаніе. Поляки
ій языкъ въ Слезіи—офіціальныи,
ествахъ опольско-ратиборскомъ,
имскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ.
ратиборскій и тѣшинскій. Чеш-
скихъ статутахъ, грамотахъ и пр.
мезскихъ княжествахъ, присоеди-
ѣ, въ кн. сѣверскомъ, освѣтим-
тъ. Польско-слезскіе памятники.
самой Польшѣ. Польскій языкъ
е военное искусство, чешскія на-
рѣчія и въ подунайскихъ странахъ,
Руси; возовая ограда, названія
рминологія и пр. . . . .

ичи), или Мазовшане, народъ съ своимъ языкомъ, и которымъ олеменниковъ Сербовъ, родъ Ляховъ раздѣлила ютичи, Стодоряне, Пои политическое и народное и онѣмечились; востокъ Корваты, Мазовшане, и имени Полянъ въ одно ольскій ¹⁾).

западнаго Славянства въ (въ Лужицахъ), Чехи и Словаки по Морави, въ раню подумали объ ономъ государствѣ, о присоединеніи племенъ, объ освожденіи отношеніи отъ Нѣмцевъ въ IX в. удалось моравскому владѣтельству на с

кіе лѣтописцы употребляютъ мысль, подразумѣвая ея." Такъ уже т. н. Далматинскія (въ однѣхъ рукописяхъ) отъ адриатическаго моря (Рима); такъ и въ XVI вѣкѣ и балтійскіе, о чешскихъ лѣтописцы М. (Моравы) называютъ Людгаровско-поморскаго князя *azat serbskich, Kaszubski* вховскаго, Кромера: „с...“ Этотъ разсказъ поморскихъ лѣтописцевъ, и въ припискѣ Р. Д. П. 227) говорится о сербскихъ съ Кашубъ, отъ Каданскомъ."

сохранили свои дружескія отношенія къ Чехамъ; въ концѣ X в. (990) они помогали Чехамъ Ляховъ, и чешскій князь Болеславъ, разставаясь своими союзниками, старался уротить ихъ ненавистнымъ союзникамъ польскаго князя Мѣшка, Нѣмцевъ, что придетъ время, когда они имъ отомстятъ.

Но это время не наступило, а Лютичи съ союзниками ненавистныхъ Нѣмцевъ. Держава чешская исчезла; но не исчезла мысль о созданіи и восточно-славянскаго государства, а воспринята польскимъ Болеславомъ Мѣшковичемъ. Онъ не только соединилъ восточныхъ Ляховъ по Вислѣ и по Одрѣ въ государство, Польшу, а возмечталъ о соединеніи всѣхъ славянъ подъ своею рукою для успѣшной борьбы съ немцами. Болеславъ присоединилъ къ своей державѣ земли Славянъ и на короткое время тоже Чехію; онъ завоевалъ восточныхъ Сербовъ, Мильчанъ и Лужичанъ, гдѣ съ симпатіями этихъ соплеменниковъ, и гдѣ съ („вѣтниками“) охотно сдавали ему вѣрные имъ Сербовъ переселено тогда въ Польшу, и казало Болеславу освободить отъ нѣмецкаго господства и Польшу. Но тутъ то, въ это важное для славянства время, заявили свою роковую бѣдственную стремленія Славянъ. Лютичи, давнишніе враги своихъ соплеменниковъ Поляковъ, опасаясь польскаго князя, стали на сторону Нѣмцевъ, помогали имъ въ войнѣ противъ Болеслава; къ Лютичамъ присоединились Чехи, и очутились тоже въ лагерѣ нѣмцевъ.

пражскихъ епископахъ, Титмаръ и Тидагъ, Саксонцы *perfecte linguam sclavonicam*, то это можетъ быть въ Саксоніи, но скорѣе языкъ чешскій; оба они, до нѣкотораго времени, пребывали въ Прагѣ.

1) *Bolislavus Liuticios suis parentibus et sibi a auxilium sui invitat... Liutici antiquum foedus renouunt. (Thietmari Chronicon IV. 9).*

и Лютичей и Поморанъ къ Дымину и Щетину, гдѣ
валахъ кресты, узнали отъ поморскаго еп
оляка), что мнимые язычники, Поморяне и со
и Лютичи, давно уже христіане, и по этому ви
звернуться домой ни съ чѣмъ ¹⁾.

пособничество славянскихъ князей Нѣмцамъ
поработать и истреблять полабско-балтійски
уго не отозваться печально и на судьбѣ ближ
енниковъ. Нѣмцы господствовали въ Мишинѣ
бургѣ, въ земляхъ Ободричей и Лютичей, а въ
Фридрихъ стоялъ недалеко Познаня, гдѣ долже
лся — при самыхъ унижительныхъ условіяхъ —
лавъ, въ присутствіи чешскаго князя, пособни
асно Поляки задумали тогда задержать походъ Е
въ въ Бранденбургъ, вѣроятно рассчитывая на
ваго населенія; польскій панъ, Яцекъ, взялъ
гъ, но скоро долженъ былъ уступить передъ А
идемъ: времена Болеслава Храбраго давно ми
Іцка былъ послѣднею попыткою Польши защ
ѣмцевъ еще виѣ ся границъ, въ области слав
ковъ ²⁾. Приобрѣтенія Болеслава Храбраго у

временный чешскій лѣтописецъ Викентій (Fontes
417) хорошо замѣтилъ объ этомъ крестовомъ
*ius pro auferenda Pomerania terra, quam pro fide
nda tantam moverant militum... Ubi etenim I
causa, bono fine terminari difficillimum fuit. O
hemiae et Moraviae* I. p. 121. Роль, которую з
цамъ, сыграли славянскіе князья и епископъ, бы
необыкновенно глупа, и можетъ быть сравниваем
ей и чешскаго князя Ульриха, относительно Б

ъ этомъ Jasze dux Poloniae рассказываетъ ут
вибургская хроника, отрывки которой вошли въ
указавы XIV вѣка. См. Raabe: Jasze von Sorbic
дно рѣшить, какъ назывался по-славянски этот
ъ, Якентъ и пр.

и лужицкую (Лужица
Часть этой Сербии, и
верхняя Лужица)
лись Чехия уже въ Х
нижняя Лужица) те

земель въ чешско
(ности особенной по
дѣлу мишенскихъ С
Представители Лужи
или не Сербь, а Нѣ
этой коронной зем
й, хотя простое нар
сербское; но сербск
дахъ будышинскомъ

to právo v Čechách i
Zribia, Zribin упомина
bi, kněz erbaký въ
ла (ibid. III. 102, 120
neb žest měst — въ че
ové čestí, 77, 185, 321
Srbi — у Сигизмунда
оисхожденіи Тюринг
Sachsenspiegel); см. 1
3, примѣчаніе, и срв.
Закс. Зеркала). Въ
лы (Fontes г. в. I. 128
ны, князя сербскаго
ла дочь Славибора, не
сказать; во всякомъ
лись Чехамъ, и сдѣла
Зличанамъ, Лучанамъ
ь обширномъ смыслѣ.
ужиць на рѣкѣ Каме
авянская или сербск

аліе остатки Сер
: 1). Это унижені
ныя мысли и опас
Такъ Павелъ Ен
ешскаго государс
н. Далимила, воз
этой хроники неу
ивъ Нѣмцевъ иног
нявшихъ народъ
іотится о славѣ с
леніе. „Довольн
нашъ славянскій
сей землѣ мишен
вой и другихъ, а
эвства и втекающ
ранденбургѣ, Сак
Гольштейнѣ до да
посрамленъ, что,
і, родившемуся о
дозволяютъ обуч
допускаютъ его вл
окажетъ присяго
ой а нѣмецкой“.
ь на такое унижен
высказываетъ от
Еще въ концѣ Х
объ исторіи Нѣм
гивая германиза
тельно Чеховъ, в
ью заключить, чт
я въ такомъ пол

нѣкоторыхъ чешски
яно“ т. II, 33, 36, і
‘ т. II, стр. 62.

ственно въ чешскихъ и польскихъ городахъ не имѣло нѣ прѣятческаго значенія. Такъ на пр. выше упомянутая с Саксонскаго Зеркала о свидѣтельствахъ Нѣмца и Славянина ситъ по-чешски: „Pakli bude Sasie aneb Slovenín s bezpráv. v horkém účinku a s weppem (křik neb úp neb wepp neb na nestojte) přiveden před právo, ten Sasie usvědčí na Slovenína venín na Sasice a musí jich každý toho druhého ortel trpěti, i tak jat jest aneb bude" ¹⁾. По-польски: „Wszakże gdzieby wianin albo Sasin o występек albo o jawny uczynek (złaman koju) pojman, i do sądu z wołaniem przywiedzion był, tam po i Sasin Słowianinowe, i ten też owego świadectwo i decret o musi.“ А это дѣлается потому, что „te dwa narody są sobi wna nieprzyjacielmi. Albowiem byli Saxonowie Słowaki (któ Turynгами zwano) aże za rzekę Albim zagnali. Skąd w wojny potym między nimi powstały, aże do czasów Karła ce który wielkie wojsko zebrawszy Słowaki zgromił, i z onego stwa po wszystkiej Saskiej ziemi rosproszył, i tam im mi rozkazał. Stądże tam i po dzisiejszy dzień wiele wsi słowia jest“ ²⁾.

2. *Связи культурныя. Христіанство и христіанская термин у балтійско-полабскихъ Славянъ. Чешскій языкъ въ Луж Чешское правописание и его вліяніе на правописание сербо*

Дѣятельность великаго просвѣтителя западныхъ Славянско-моравскаго архіепископа Меѳодія, коснулась и вѣроятности тоже полабскихъ Сербовъ, входившихъ и

¹⁾ Изъ рукописнаго Сакс.Зеркала XV в. сообщилъ Я. Чешскій въ ж. Časopis Českého Muzea 1879, p. 152.

²⁾ Speculum saxonum albo prawo saskie i majdeburskie, i skich i niemieckich exemplarzów zebrane, a na polski język przez Pawła Szczerbicza (we Lwowie 1581, p. 75; там же с о побѣдѣ Саксовъ надъ Тюрингами — Turyngowie byli Słowak

Возможно, что Сербы знали чешскую . в., особенно переводы библіи и другихъ цер- обѣ этомъ не имѣется положительныхъ въ сожалѣнію, не проникло въ Лужици на сербское ихъ населеніе; если бы Сербы своему гуситству, то они бы не только охот- вѣроятности приняла тоже чешскій языкъ в въ польской верхней Слезіи съ XV вѣка ч- страннася въ значительной степени и сдѣ- то все это могло въ сербской Лужицѣ с- какъ языкъ сербскій ближе къ чешскому, ч- скіе священники въ Лужицахъ, не имѣя и своемъ языкѣ, вѣроятно пользовались — на- лось нужнымъ — чешскими церковными предполагать, что нѣкоторые Сербы знали языкъ сосѣднихъ соплеменниковъ и госпо- значались королевскими намѣстниками (фо- изъ родовъ изъ Штернберга, Розенберга, вратъ, Дубой, Поступицъ и др. Что чешск- стень въ Будышинѣ, именно въ городской д- етъ формула присяги для сербскихъ мѣщанъ съ нѣмецкою, въ городской книгѣ второй п- требляемая до начала XVII вѣка. Эта форм- сербская, но въ сущности это смѣсь чешск- начало: *Ja pschisaham Bohu a naschemu ney- zu knyazu... kraly Czeskem(u), a geho gnadi- czknyu potomnyu kraluom Czeskym, Burger- ho Miestu Budissina, wierny, poslužny (!) a dne a w potczy... (конецъ) tak jack my Buob Slowo ²⁾*).

скихъ Словенъ см. наше сочиненіе „Германиз- винъ“, 59.

¹⁾ Въ XVII в. въ церкви въ Рашцѣ хра- библія (Časopis Mašicu Serbskeje 1880, p. 76)

²⁾ Časopis Mašicu Serbskeje 1875, p. 51- ское слово *berne* (подать) было извѣстно и въ

Чешское гуситство не распространилось въ то нѣмецкое лютеранство привилось въ нимъ въ водъ въ возникновенію скромной сербской лите- реводы нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ можно на- рою. Сербскіе священники, переводя съ нѣ- до тѣхъ поръ неразработанный родной языкъ, по- ли вниманіе на богатую церковную литературу с- менниковъ чешскихъ (католиковъ, утравистовъ тьевъ, лютеранъ), у которыхъ до половины XVI- сьмь изданій полной печатной библии. И, дѣйстви- въ 1548 г. Николай Якубица ¹⁾ переводилъ съ нѣ- вода Лютера (но тоже съ помощью латинской и- Завѣтъ на сербскій языкъ ниже-лужицкаго нар- пользовался чешскимъ переводомъ, но уже ч- онъ не зналъ или не припомнилъ себѣ подход- слова, то онъ употреблялъ чешское слово даже въ- скаго языка, и придерживался вообще чешскаго на пр. пишеть hrlo, hrnczar рядомъ съ ghrnczar wottargowaly, hledacz — gleday, hniew — gne- czyho (рядомъ съ-ego), neposskwrnena, vce- wacz se, newiditedne, saud, welblaudu, hudcuov lo), gauhanu, и пр. Иногда онъ списывалъ пр- но, на пр. *mojní známosti své zgewuge—weta zgewuge*. „Правописаніе“ Якубицы однако нѣ-

---

на пр. въ одномъ постановленіи короля Фердинанда М. S. 1875, p. 76). Въ одномъ рукописномъ сборе- скихъ пословицъ конца XVIII в. встрѣчается то- *vi moje Čechi i Lechi — das ist mein ganzer Ein- voris Mašicu Serbskeje* 1856.—57, p. 103). „Чехи“ „чешскіе гроши“; „лехи“, въ значеніи денегъ, бли-

¹⁾ Пишется тоже Якубицъ; но по словамъ по- пову закон верраку... do verakeye reesu... rozine- в *zacha Jakubicu*“ видно, что правильная форма Я- т ю Лескина въ *Archiv für slav. Philologie* I. 161, и в *Časopis Mašicu Serbskeje* 1862, p. 46.

ательно; онъ правильно пишетъ с
(= č, č), z, dz, ě, é, sch (= š, ř); это правописание онъ
былъ въ сербскомъ переводѣ части евангелій (1670).

употребляетъ даже нѣкоторыя чешскія слова или слова
скій ладъ: acz (серб. hač), hned (hnydom), mezu (mjez),
zli), slowjasche (řekaše), swéczen (swěćnik), tobola (wa
czenicy, пишетъ даже wjga, hrjch, nemjgny, mlezasz, wro
schí¹⁾. Самымъ рѣшительнымъ образомъ исправилъ

правописание по чешскому сербскій іезуитъ Яковъ
граматикъ: Principia linguae wendicae quam antiq
uant (Pragae 1679); онъ, зная чешскій языкъ,
сербскаго языка чешское правописание, и, указывая
сербскаго языка съ чешскимъ въ склоненіяхъ, сп
замѣчаетъ, что „наша рѣчь — сестра чешской,
ей же самой матери славянской, по этому сп
она употребляла тѣ же самые знаки“; а это мн
гдѣ-де и другіе Сербы, какъ на пр. Донать Фя

Матвѣй Дубрау, и отъ части тоже Михаилъ Френцель.

пишетъ: é (но é = y), ě и čz (= č, č), d' (= dz), ě
произносится сербское ě), ss (= š), z, l',
очешское правописание какъ единственн
зыка, справедливо замѣчая, что нельзя
ими буквами хорошо написать на пр. sl
ceus), wotročk (servus), swéćo (imago),
pis), boććo wé (estote) и пр.²⁾. Къ с
азумная мысль не принята сербскими п
ти протестантами, вѣроятно потому, ч
ческаго іезуита. Имъ понравилась бо
нѣмецко-славянская орфографія, котору
протестантскій священникъ Захарія

описаніи М. Френцеля см. статьи М. Горни
is Maćicy Serbskejo 1870, p. 55, 1871, p
стр. 18.

инѣ см. статьи М. Горника въ ж. Савој
p. 9, 1883, p. 115.

III.

grafia vandal
1689). B
lfaltige Punk
аемые въ
еть — тоже
аясь на сло
ингъ пишетъ
dz, dsch, ñ
¹). М. Фрей
тъ своего лу
. Католики
и неуклюжее
ъ Тицина,
Свѣтликъ, ж
нешскій язык
ореографія
ія „католич
къ изъ мно

и между Чех
мъ католиче
(1706, 1716
образомъ в
ими студент
враждающей
Добровскій,
ербовъ, да у
Сербовъ съ
и, не смотря
вавшей и въ

М. Горнижа

къ его письма

.

ихъ полабскихъ
амъ: въ концѣ,
одствомъ. Лю-
и одинъ ученый
, графъ Іоаннъ
на родину дре-
, Полабянъ и др.
ждать интересъ
ко насыпи и мо-
ученый думалъ,
бы найдетъ еще
ихъ уже забыть,
въ славянскихъ,
нтіе по малому
мѣщикомъ, и по
(Шульца) ²⁾).

¹⁾ Былъ-ли Богумилъ Фабриціусъ, переводчикъ Нового За-
на ниже-сербскій языкъ (1709), Полянъ или Нѣмецъ, до сихъ
неизвѣстно. См. Časopis Maticey Serbskeje 1880, p. 132, Ni-
a serbskeho naroda, spis. W. Bogusławski a M. Hórník (1884,
4). О пребываніи Поляка Сарницкаго въ Лужицахъ см. „Славя-
н. II, стр. 129.

²⁾ Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la re-
che des antiquités slaves ou vendes. Fait en 1794 par le comte
Potocki (Hambourg 1795).

не только тѣ, которые его знали, а всѣ ихъ потомки лѣтописецъ, рассказавши о кончинѣ Болеслава, взыва жителямъ Польши, „Латинянамъ и Славянамъ“, плѣникомъ королѣ¹⁾.

Большая идея соединенія западнаго Славянства въ государство, чешско-польское, блеснула скоро послѣ славѣ, въ головѣ чешскаго князя Брячислава Ульри самаго, который такъ хорошо сознавалъ всю надмѣцель относительно Славянъ²⁾. Онъ занялъ Краковъ (1038—1039); но его планъ о присоединеніи Польши не удался, благодаря внимательству Нѣмцевъ³⁾. Имя Брячислава относительно Польши указывала лишь только Польша въ чешскую государственную казну е XI в., и титулъ перваго „чешскаго и польскаго короля Брячиславовича (1086).

Чешскіе и польскіе князья, какъ сосѣди и родственники, вѣдѣли въ дѣла сосѣдняго государства. И правились недовольные польскіе князья (Безпремичъ, Болеславъ и Збигнѣвъ Владиславовичи), а въ чешскіе князья (Болеславъ Болеславовичъ, Брячиславовичъ, Боривой и Собѣславъ Вратиславовичъ польской княжны Сватавы), и вельможи (Славичи и Собѣборъ, Вершовичи); Боривой Вратиславовичъ польскій князь Болеславъ III для достиженія чина, но напрасно. Не смотря однако на такіа столѣ-

¹⁾ Monumenta Poloniae historica I, 413. „Latino gum incolae“ могутъ быть жители обрядовъ латинскаго; срв. соч. „Славяне“, т. II, стр. 520.

²⁾ См. „Славяне“, т. II, стр. 24.

³⁾ Въ числѣ польскихъ плѣнниковъ, приведенныхъ въ Чехію, находился тоже прадѣдъ чешскаго лѣтмы, и жители города Гедча (недалеко Познаня); Гедчане югозападъ отъ Праги, около лѣса Чернина, и жили здѣсь XII в., пользуясь извѣстнымъ самоуправленіемъ. (bohemisagum II. 71, 77).

на пр. въ Нѣмцахъ, а только сосѣдей, которые поссорились но скоро опять примирались ¹⁾).

Смутное время, которое наступило въ Чехіи и Польшѣ въ слѣдствіе безпрестанныхъ споровъ и междоусобицъ Премысловичей и Пястовичей изъ-за великокняжескаго стола, прекратилось раньше въ Чехіи, именно въ самомъ концѣ XII в., между тѣмъ какъ Польша страдала отъ этихъ бѣдствій еще цѣлое столѣтіе. Въ Чехіи и Польшѣ происходили въ XIII в. важныя перемѣны въ слѣдствіе распространенія туда нѣмецкаго элемента въ городахъ, монастыряхъ и въ окрестностяхъ; поодрянское Поморье отчуждено отъ Польши и онѣмечилось; нижняя Слезія тоже онѣмечилась, и вообще вся Слезія отдалялась все больше отъ Польши, и польско-слезскіе Пястовичи, равнымъ образомъ какъ и чешскіе Премысловичи, тяготѣли къ Германіи, къ нѣмецкой культурѣ. Это распространеніе нѣмецкаго элемента въ западно-славянскихъ земляхъ возбуждало въ чешскихъ и польскихъ патріотахъ опасенія на счетъ ихъ народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливало старую ненависть западныхъ Славянъ къ Нѣмцамъ. Въ то же самое время, когда одинъ чешскій патріотъ-лѣтописецъ (такъ называемый *Далимилъ*) рѣзко и страстно нападаетъ на Нѣмцевъ, приписывая имъ почти всѣ бѣдствія постигшія Чеховъ, то одинъ польскій стихотворецъ жалѣетъ о бѣдствіяхъ нанесенныхъ Чехамъ Нѣмцами ²⁾).

Чешское королевство заняло въ XIII в. важное мѣсто въ Германіи и вообще въ средней Европѣ, и чешскій король сталъ пер-

---

¹⁾ Этимъ надо объяснить нѣкоторые неблагоприятныя сужденія лѣтописцевъ чешскихъ о Полякахъ, а польскихъ о Чехахъ, какъ на пр. разсказъ Космы о бѣгствѣ Болеслава Храбраго изъ Праги, вмѣстѣ обоихъ князей, чешскаго Владислава I и польскаго Болеслава III, передъ битвою на Трутнавъ 1110 г., въ лѣтописяхъ Космы и Мартына Галла и др. Но чешскіе и польскіе князья скоро примиряются, *firmant foedera pacis, et hilares ad proprios remeant lares*, какъ говоритъ Косма въ 1115 г. (*Fontes rerum bohemicarum*. II. 177).

²⁾ См. „Славяне“, II т., стр. 164.

es hiatus Teutonico-
 зъбѣ съ Рудольфомъ
 залъ въ польскимъ и
 Славянъ; онъ имъ
 нельзя найти болѣе
 хами, такъ какъ ихъ
 сѣдство, а тоже общ
 овъ, будто они проис
 жду ними была и долж
 однихъ должны служ
 радовался успѣхамъ
 астіе и помощь въ
 емъ Рудольфомъ. А
 сенія чешскаго коро
 ющенія Чеховъ, не
 въ Польшу, и ихъ
 ай имъ народъ польс
 тоже его. По этому
 Полякамъ, уже въ
 на помощь соплемен

I, стр. 25. Granhag-
 dex diplomat. Silesiae
 1884, I. b. 36) счи
 g eines szechischen I
 ствительно, можетъ
 но относится къ князю
 Польшею), которые
 и князь Генрихъ былъ
 ны самое письмо, вы
 ямѣтъ въ виду вообш
 нязей; антинѣмецкое
 „Славяне“ т. II, стр. 7
 реисъ и др. памятник
 лъ король Премысль,
 ознавалъ очень хореш
 оля Премысла наход

жалѣнію, сосѣдняя Польша, раздробленная и сла-
бѣ состояніи оказать дѣятельную помощь королю
польскіе князья, если и поняли этотъ раздирающій
наго короля чешскаго, все-таки не вняли ему; на-
и только польско-слезскіе князья Генрихъ врати-
славъ опольскій и Генрихъ глоговскій. Помощь
малѣнькая и не могла остановить гибели Премысла ¹⁾.
польскаго короля сбылось: „ненасытная пасть и дерз-
[ѣ]мцевъ“ водворила свою столицу и на среднемъ
вѣкахъ. Съ тѣхъ поръ австрійскіе Габсбурги да-
ли свою силу и Чехамъ и Полякамъ и южнымъ
славянамъ въ одни ряды съ другими проводниками „нѣ-
меченія на славянскій востокъ“, съ герцогами са-
ксонскими, маркграфами мищенскими и бранденбургскими, и съ
иными.

Государство скоро послѣ паденія Премысла опра-
вилъ молодой чешскій король Вячеславъ II Премысло-
милъ, на себя вниманіе многихъ Поляковъ. Казалось,

вѣкахъ XIV в., содержащихъ письма короля Премы-
смилъ изъ дворной бібліотеки N-ro 3143 (издалъ Dolliner: Co-
Primiislaui Ottocari, 1803), и краковской Ягайловской
439 (срв. Wisłocki: Katalog rękopisów bibl. uniwers.

Copenhagae: Geschichte Schlesiens, I. 97. Продолжа-
Юзефъ говоритъ: Nobiliores multi Bohemiae, Mora-
e capiuntur ab eis (exercitibus Rudolphi), circumdati ex
relut aues in stabulo conclusi etc. (Fontes rerum bo-
Оттокаръ Горнекъ въ своей хроникѣ (гл. 140, 146,
rerum austriacarum III) рассказываетъ разныя по-
лякахъ въ войскѣ Премысла, о присутствіи не только
славянъ (вратиславскаго, глоговскаго, опольскаго, ратибор-
польскихъ (польскаго, калишскаго, серадзскаго, помор-
но, однако въ то время не существовали (Казимиръ
и ратиборскій); уже по этому рассказъ Горнека
достовернымъ, не говоря о романическомъ характерѣ
анія этого нѣмецко-австрійскаго хрониста.

ицѣ XIII в. осуществятся давнишні
и Брячислава, польскаго Болесла
о-славянскія государства, чешское
дно подъ скипетромъ Вячеслава, и
Европѣ сильное славянское госуда
Моравы, Одры и Вислы, отъ Шума
о моря. Въ 1291 г. признали коро
и князя верхней Слезии, и Мало
и сандомирской; нѣсколько лѣтъ
слава, короля чешскаго и князя бр
и Великополяне на королевскій сто
лся на дочери польскаго короля І
анъ въ Гнѣзнѣ въ короли польскіе.
го короля Вячеслава въ польскіе, П
ко его могущество и богатство, а тс
въ и Поляновъ славянскаго языка; и
языкѣ, соединяются болѣе тѣсным
единеніе Чехіи и Польши было непр
временной смерти короля Вячесла

овременный лѣтописецъ збраславскій
славѣ — *Aula regia*) рассказываетъ
rex Wenceslaus inolitus praepotens ei
bezauros plurimos habet, terras fere i
et, unde optime ab hostium incursibus
Elizabeth virginem, nostri regis u
remus uxorem; sic erit Bohemis et no
vivendi amica bilis lex. Convenient
unt principe, qui non multum dissor
ae. Nam qui idem linguagium locun
ris nexibus complectantur. Visus est
itudinis universae etc. (Fontes rer
омъ Вячеслава гнѣзенскомъ архіепис
етъ тотъ же збраславскій лѣтописецъ
о онъ „*tam acce Theutonicorum aem*
na capita nominare solebat;“ такъ
епископа говорившаго тогда про новѣ
ваго короля, которому однако это не

III, послѣдняго Премысловича (1306), а политическое единство чешско-польское иванъ чешскихъ Премысловичей нечего гдѣ укрѣпился давнишній противникъ Вя-
славъ Владиславъ съ прозвищемъ Лохотокъ. польскій“, который чешскіе короли упо-
лѣтъ (до 1335 г.), указывалъ на неудав-
іа одного западно-славянскаго государ-

иной Слезіи въ онѣмечивающейся Чехіи, юй половины XIII в., кончилось присо-
сому государству при королѣ Іоаннѣ Лю-

Это отчужденіе Слезіи отъ Польши бы-
тъ для западнаго Славянства вообще, и на-
го Польша въ послѣдствіи не стремилась
пріобрѣтенію отчужденной ей части, хо-
тому случай въ первой половинѣ XV в.
за. Слезія, во время ея присоединенія
ла, правда, земля по большей части онѣ-
овичи, шляхта, духовенство, мѣщанство
іжней Слезіи — всѣ были онѣмечены или
олько въ верхней Слезіи, въ княжествахъ
мъ, бытомскомъ, возельскомъ, тѣшинскомъ,
мъ, сѣверскомъ — послѣдніа три мелкіа
около половины XV в. Польшею—остался
мошніе князья назывались нерѣдко поль-
тво—во время и въ слѣдствіе національна-
виженія—повліяло и на верхне-слезскихъ
части на города и духовенство, такъ что

ныхъ дѣятельныхъ орудій онѣмеченія Сле-
Еще въ концѣ XV в. вратиславскій епископъ
зваетъ подданнымъ поселянамъ одного се-
, въ теченіи пяти лѣтъ, по-нѣмцки; иначе
ichoppe u. Stenzel: Urkundensammlung zur
ge der Städte in Schlesien, p. 622).

ольско-славянская народность въ верхней Слезіи
гула къ чешскому языку ¹⁾). Но вообще говоря,
ронная земля чешская, представлялась какъ земля
нѣмецкая, гдѣ господствовалъ языкъ нѣмецкій.
уже ни Лужицамъ ни Слезіи возвратитъ прежня-
славянскаго. Польша же не заботилась о приобрѣ-
между тѣмъ Польшѣ XV—XVII вѣковъ, въ слу-
ніи къ ней всей или по крайней мѣрѣ большей
авѣрное удалось бы втиснуть вновь польско-сла-
ерь этой западной отчинѣ Пястовичей, какъ это
ругой, тоже на время отчужденной польской зе-
лѣ.

ороль, авантюристъ Нѣмецъ Іоаннъ Люксембург-
онечно, поддерживать дружескихъ сношеній обоихъ
скихъ народовъ, чешскаго и польскаго; вѣдь сами
ія говорили, что король хочетъ прогнать изъ Че-
аселить ихъ мѣста Нѣмцами ²⁾). Король Іоаннъ,
земъ польскимъ (до 1335 г.), дѣйствовалъ посто-
ъ Польши и ея короля Владислава Локотка, от-
всегда Слезію, заявлялъ притязанія на Мазовію,
оваль и помогалъ лютѣйшему врагу Польши и все-
нѣмецкимъ крестоносцамъ (тевтонскому ордену),
гъ Поморье; а въ Слезіи поддерживалъ нѣмецкое
отивъ польскаго ³⁾). Лучше стали отношенія Че-

скомъ языкѣ въ Слезіи см. обширно ниже.

лацкаго *Dějiny národu česk.* II. 1. p. 431.

inbagen: K. Johann v. Böhmen u. Bischof Nanker
tzungsberichte der k. Akademie, Wien, Bd. 47). Въ
атиславскаго епископа и капитула на сторонѣ Нан-
стояло польское меньшинство капитула, и сумѣло
ту внушить свою ненависть къ Нѣмцамъ; онъ на пр.
го „in omnibus civitatibus regni Poloniae, in quibus
antur, omnia jura sedis apostolicae et vestrae came-
eunt in totum,“ т. е. въ епархіяхъ вратиславской, на-
ской и хелменской. (Theiner: Monumenta historica
).

иъ Іоанна, императоръ римско-нѣмец-
арль (IV); онъ и польскій король Ка-
сто увѣряютъ другъ друга въ своей
казался отъ притязаній на Мазовію
втонскаго ордена противъ Польши
Карла и Казимира, правда, не обна-
славянскій; но едва-ли можно сомнѣ-
ороли сознавали свое племенное род-
рдостью указываетъ на свое славян-
мъ образомъ какъ и на славянское
аго народа; Славяниномъ онъ назы-
ъ другимъ славянскимъ государемъ
ремъ Стефаномъ Душаномъ, и сла-
ется особенно сильно въ дѣлѣ объ-
тыря въ Прагѣ ¹⁾. Любопытно, что
дражателя среди слезскихъ князей:
вельскій князь Конрадъ основалъ ве-
искихъ бенедиктинцевъ (*fratrum Scla-*
, призванныхъ изъ Праги, который
у и краковскому, уже въ XV вѣѣ

иненіи Чехіи и Польши нельзя было
ва разошлись уже слишкомъ и каж-
му особенному пути. Чехія, король
горомъ-королемъ римско-нѣмецкимъ,
на половину славянское, на половину
мель чешскихъ Бранденбургъ и чеш-
или нѣмецкія, Слезія и Лужицы, хо-
ельное число славянскаго, польскаго

стр. 29, 541.

абаха въ *Zeitschrift des Vereins für
asiens* (1860, III. p. 206). Изъ абатовъ
Ulricus ordinis S. Benedicti fratrum

религі
 Іоанна
 протамъ
 народъ
 ною обл
 и въ об
 лѣ уцѣ
 оужавши
 , матер
 рѣ Нѣ
 въ упо
 енныхъ
 альный
 веной
 ѣсннлъ
 ; чешс
 оственн
 изъ сам
 ѣаніи

ишнюю
 , хоро
 ѣ не хв
 ему, оз
 торая, і
 ей, прі
 мѣ ест
 го міра
 востовѣ
 родные
 ѣ и вел
 ѣевичѣ,
 ѣ двумя
 кимъ, і
 аго па
 къ себѣ

лѣвнiю, въ сл
[гайлу, не уд
али интересъ
е отряды на
и славянско
военной слуг
иу. Но многіе
на помощь то
ся въ славян
скимъ воинамъ
за славянску

ь нѣмецкихъ
е уныніе. І
еще за годъ
ицарямъ про
говцы, Татар
о жаловался
рцовъ Хрис
дяками, Руси
й христіанск
оружію на
валъ на томъ

славъ воспретилъ Чехамъ, Моравянамъ и
ся на службу или на помощь въ польскіе
отозвалъ уже отправившихся и наказалъ
забывшіеся не достойны своихъ христі

---

¹⁾ Длугошъ (IV. 92) рассказываетъ, что
Полыками немедленно послѣ битвы, по
колу, любимцу короля Владислава; гарнизонъ
и Чеховъ, *inter alios Zyeka Bohemus, prae-*
exercituum in Bohemia ductor. По этому
Жижка участвовалъ въ самой битвѣ; сомнѣніе
р. 11) не основательно. О Чехахъ въ войскахъ
комъ рассказываетъ Длугошъ.

дился за „ересь“, то онъ
 ихъ тамъ Поляковъ; за нег
 ь пановъ; и многіе „вѣрны
 ь говоритъ Гусъ—, именно
 ь изъ Тулишкова и Завиша
 , Дунинъ, Борута (Борота
 рмѣ; у него былъ слуга
 а соборѣ не было у него
 го польскаго доктора ¹⁾.
 имъ Пажскій, который по
 лѣ, отправился въ началѣ
 льшу и Литву, вѣроятно тож
 нѣнія гуситскаго реформат
 ороль Владиславъ и великіи
 гельно его пригласили къ
 посовѣтоваться о нѣкоторых
 аковѣ ученый Іеронимъ и
 реди духовенства и народа,
 ского епископа Войтѣха Яст
 , что Іеронимъ можетъ тѣ
 еду тѣмъ какъ простенькій
 ь состояніи понять мнѣнія
 равился дальше на Литву
 ру Витовту, который интере
 ой и восточной, и совѣщался
 юсахъ церковныхъ, на пр. н
 къ присоединяющихся къ к
 усскихъ Іеронимъ относилс
 вѣрѣ, и возбуждалъ этимъ

разсказъ Петра изъ Младенс

. suum videtur esse arida ca
 od simplex plebicula tanti pl
 let, et multo minus terrae Lit
 umenta J. Hus, 506, стр. 63,

Заточеніе и сожженіе Гуса и Іеронима, брошенное въ нихъ приверженцевъ позорное клеймо „еретиковъ“, ихъ изгнание, приводили Чеховъ въ неописанное волненіе и негодованіе. Они все это считали позоромъ и поруганіемъ не чешскаго языка (народа), а тоже языка славянскаго вообще *ска korigna česká i jazyk slovenský jest rohaněn, ad impon maculam genti nostrae bohemicae et moravicae ac totius l. slavonicae indelebilem et offensam* — вотъ что раздается въ году изъ рядовъ моравскаго панства (во главѣ ихъ Ладе. Краварь) и пражскаго университета, обращающагося къ то Лацку Краварскому ¹⁾).

Противъ еретическихъ Чеховъ римскій папа и римскаго императоръ и угорскій король Сигизмундъ, этотъ убійца Гуса и Іеронима и наибольшій врагъ и клеветникъ чешскаго народа — его называли Чехи — вели вооруженныя силы почти изъ народовъ Европы, преимущественно Нѣмцевъ ²⁾. Самое существованіе малаго чешскаго народа сдѣлалось вопросомъ, хамъ угрожала судьба истребленныхъ Нѣмцами Славянъ свихъ и балтійскихъ. Чехи знали, что когда-то ихъ сосѣди на сѣверѣ и западѣ не были Нѣмцы, а Славяне, ихъ и истребленные господствующими Нѣмцами, на Рейнѣ и въ нѣ, въ балтійскихъ странахъ въ Пруссіи подъ владычествомъ стоносецевъ; они вѣдали, что и другіе Нѣмцы, господствовавшие въ коронныхъ земляхъ чешскихъ Слезіи и Лужицахъ, изъ части еще славянскихъ, стали ихъ заклятыми врагами

---

gonum de Praga, a. paginae confessor, in universali synodo concilio Basiliensi sub a. d. 1433 in die s. Gregorii papae (ру вѣ краковской библиотекѣ Ягайловской, по каталогу Висл. № 385, срв. № 1487). Соборъ назначилъ Іеронима посредникомъ между польскимъ королемъ Владиславомъ и нѣмецкимъ королемъ.

¹⁾ Палацкаго *Documenta M. J. Hus*, 547, 561, *Archiv* III. 183.

²⁾ Срв. хронику Лаврентія изъ Брезовой (*Höfler: Geschreiber der husit. Bewegung* I. 374), и Палацкаго *Dějiny do vit. I. 387, 428.*

и Моравіи ста-
а этотъ король,
, высказался-де
давить во что бы
пскія земли дру-
и, что въ пред-
бленіи чешскихъ
ненавистнаго на-
кане въ самомъ
ѣрныхъ Чеховъ
евъ, съ помощью
еслава, противъ
ме безъ всякой
нашему народу
прогнали, такъ
рогнанныхъ“ 3).
ь, упорные про-
, скоро должны
рагу, въ рукахъ
ственно Нѣмцы
и противъ чеш-
щая „законъ бо-
и военное иску-
ажіѣ изъ Троц-
омъ войскѣ подъ
приверженцемъ
а, славный пол-
ъ тѣмъ человѣ-
оворить въ сво-
и правды закона

оля 1420 г. у Па-
Hussitenkriegea

ой
я
ая
не
лѣ
мъ
сег
ван
ов
ни
тъ
н
ру
нас
а
(ни
вс
гер
по
а
рст
мъ
ни
По.
, а
не
рем
в
, I
не
не
во
ав
(во.
за

необходимо имѣть въ виду при Витовта относительно гуситскихъ ныхъ симпатіяхъ Поляковъ и Русскихъ сословій литовскихъ въ Чешдѣляли и Ягайло и Витовтъ, чешмцевъ и ихъ короля, не могла не ихъ славянскихъ государяхъ уже и нѣмецкихъ крестоносцевъ и бла-

Сигизмунда и всей римско-нѣмцестороны, Ягайло и Витовтъ, нахолической іерархіи и думавшіе все (своей церкви съ Римомъ, не могли еховъ иначе какъ на „еретиковъ.“

принять чешскую корону изъ рукъ бують о ихъ „примиреніи“ съ Римомъ насильственнымъ, т. е. предаются ливаютъ изъ пустого въ порожнее. сваяго движенія, хотя онъ и выступъ гуситовъ съ Польшею и Литвою, І планъ, ступшевывается передъ разакъ короля Владислава и великаго разомъ какъ и въ глазахъ католической, чешская „ересь“ пересилила ги руководящихъ круговъ польскоой узкій вѣроисповѣдный взглядъ, о вполне обыкновенное, помѣшалъ уситства какъ движенія національ-

антинѣмецкаго, какъ отчаяннаго ютивъ Нѣмцевъ. Чехи гуситы подъ и Домажлицами защищали не каинные интересы Славянства процейся ненасытной пасти Нѣмцевъ, и, Литовцы и югозападные Русовною, Мариенбургомъ. Владигущественные славянскіе госудани вполне вѣрно гуситскаго дви-

Сигизмундъ хочетъ или не хочетъ, онъ на свободу; иначе мы хотимъ мстить ему наго бровопротія; ибо тотъ князь хочея уже между нами и нашими братьям

Витовтъ, Владиславъ и его племянни монть) Корибутовичъ, усиленно требовали были выпущены, и угрожали войною; пословта къ князю Іоанну былъ Николай Корграфъ пограничнаго города Бендзина, Слезин, а потомъ поселившійся въ кракешскій языкъ и симпатизующій Чехамъ бутовичъ заявлялъ, что Владиславъ и Вит не хотятъ оставить Чеховъ, а хотятъ имъ языку (народу) и своимъ подданнымъ. Жанъ, чтобъ они послали войско противъ стороны, онъ же пошлетъ войско съ другимундомъ Корибутовичемъ. Князь Іоантъмъ, что онъ выдалъ пословъ королю Сторого они освободились только позже. тиборскаго событія долго не улегалось въ самомъ началѣ 1422 года рыцари мечли, что Витовтъ, который только что охеретниковъ подъ свое покровительство, и мѣрены тайкомъ сойтись съ великимъ княроятно, чтобъ на западѣ имѣть болѣе своей стороны приготавливавшаяся тогда сламошь Чехамъ волновала тоже Нѣмцевъ в

---

¹⁾ Palacký Urkundl. Beiträge I. 153, sit. II. 123, Конецкаго статью въ Zeitschrift u. Alterthum Schlesiens IX. 209. С. 7, 47.

²⁾ О Сестренцѣ см. А. Прохаски: Hne gusze z XV w., Kraków i Warszawa 1884, нецъ и потомъ бывалъ посломъ Владислав зывали „рыцарь Николай.“

Литвъ, Руск¹). Но всё это
а не убѣдили Нѣмцевъ и не
Поляковъ и ихъ короля; недо-
статочно сильно, что, когда нѣ-
— больше Владиславу собрать
въ Моравію воевать противъ
самошнимъ королевскимъ пол-
ь Альбрехтомъ, и должны бы-
у еще униженію славянскаго

ичъ остался потомъ нѣсколько
женіемъ Пражанъ, и воевалъ
чешскаго народа. Онъ уча-
твомъ (1426), гдѣ разгромле-
современной чешской пѣсни
цряя войско въ бою; его Поля-
жане, храбро били непріате-
ы Корибутовичъ лишился рас-
итовъ, такъ какъ онъ намѣре-
прить Чеховъ съ Римомъ и до-

ицкаго *Urkundl. Beiträge I. 344*
sqq. Похода Корибутовича въ
Угріи долго простить, и еще въ
ивдываться по поводу того дѣла;
Ю, 113.

рв. *Palacký Urkundl. Beiträge I.*

české II. 303—310: Tu v pátek
ázaní, tělo, krev boží přijali, by
ind jest učinil a v pláči se bo-
nkuom mysl dobrú dáváje... Též
é, stateční páni Pražané perťate-
шниковъ въ этой битвѣ приво-
(Острожскій) и Янъ изъ Горки
Полякъ, а не таборскій гейтманъ
акъ писался по-чешски).

говъ" и стремиться къ ихъ истребленію. Политика Польши была только временная, ская, а не основывалась на болѣе глубо-браженіяхъ. Скоро оказалось, что тог-ременная политика польскаго короля или, была вѣрна.

вдѣла Витовта (1430) возникли споры меж-

Новый великій князь литовско-русскій ригайло ¹⁾, младшій братъ короля Влади-исъ симпатіями православныхъ Русскихъ ъ полному отдѣленію своего государства ѣствовать противъ нея и соединился съ ея иецкимъ королемъ Сигизмундомъ и съ нѣ-и; послѣдніе не находили на этотъ разъ юзѣ съ схизматиками Русскими и невѣр-въ католической Польши. Въ слѣдствіе ъ на славянскомъ востокѣ король Влади-гать о походѣ противъ еретиковъ Чеховъ,

былъ искать болѣе тѣснаго сближенія "естественными союзниками Польши про-образомъ начались тѣсныя сношенія между передъ національными интересами обонхъ уступилъ тогда вѣроисповѣдный моментъ этого и требовала политика Шафранцевъ. оль Владиславъ отправилъ посольство въ

изъ пишемъ такъ, какъ оно пишется въ рус-писяхъ; также и Чехи называли его Швидр-^{hal}, Švidrgal, см. *Starí losopisové čestí*, 113). го Switrigal, Switrigiello, Swidrygiello и пр.; исьмахъ Swidrigal (см. ниже). Левъ Шви-отѣ съ братомъ Яковомъ Ягайломъ, въ 1386 чествомъ (оттуда: Болеславъ), но симпатизо-славнымъ Русскимъ и они ему. О Швитри-зографію А. Коцебуэ (Leipzig 1820, русскій : Стадницкаго (Bracia Władysława Jagielly) 'rzewodnik naukowy, 1885).

русскихъ крестоносцевъ. Уже пространился слухъ, что Сигизмундъ „страшные и настоящіе еретической границѣ; этотъ слухъ оны знали, что еретики все ѣздятъ и соединились. Въ маѣ мѣсяцѣ роля Владислава прекратить поѣзъ Польши посредствомъ Сигизмунда и другихъ; укрѣпленные города и, заняты-де Поляками, добыча, и въ Краковѣ они свободно поведи ¹⁾).

Витригайло, воюя тогда съ коропріязни Чеховъ, и охотно принявшаю помощь нѣсколькихъ чешскихъ Корибутовича, Проконя Велика изъ Милетянка, Павла Совина Поступицъ и Смила Голицкаго. и чешскіе воины, вторые въ то время королемъ, входили въ сношенія Витригайломъ; какъ бы то ни бытъми чешскими полководцами для взаимной помощи, и лигъ на чешскія войска главную въ чешскомъ письмѣ (29 апрѣля) дарилъ своего племянника Сигизмунда помощь противъ всѣхъ мѣзу среди чешскихъ полководцевъ помощь въ случаѣ нужды. Витригайло тоже тѣмъ полководцамъ ²⁾). Въ концѣ этого года

ge II. 213, 277; Scriptores rerum
Die Hussitenkämpfe der Schlesier,
II. 367.

урн. Časopis Českého Musea 1831,
славъ послалъ королю Сигизмунду

ицы повсюду, въ Германіи, Пруссіи и Ливоніи. Король Сигизмундъ, узнавшій о чешскихъ Угріи, писалъ объ этомъ осенью нѣмецельскому собору: Поляки и Чехи соединили преимущественно же противъ нѣмецкаго и разорять прусскихъ крестоносцевъ и нѣоколо Чехіи и дальше; Поляки, равнымъ ежде на крестоносцевъ вели Татаровъ, по-тавъ и теперь ведутъ на нихъ еретиковъ: авъ тѣ, которые считаются правовѣрными, ѣрными еретиками на гибель католиковъ, все явнѣе, какъ они имъ помогали уже той ереси; а общезвѣстно, что не будь чешскіе еретики давно бы обратились въ почти въ тотъ моментъ, когда король Сигизмундъ и базельскому собору, магистръ цевъ имѣлъ уже въ рукахъ объявленіе войны: 8 сентября прислали ему изъ Кутной Горы оба чешскіе полководцы, сиротскій Іоаннъ борскій Отикъ изъ Лозы, во имя всѣхъ абаторскихъ и пановъ, владыкъ, пановъ,

ndl. Beiträge II. 303, 307, Danilowicz: Skaryński: Codex diplomat. Litvaniae 369, Длу-жкы: Dějiny husit. III. 53, Tomek: Dějepis Prá- hické Průběhu VII. 595.

мунда отъ 12 и 31 октября 1432 г. издали eichsrespondenz (Freiburg 1863), I. 381, erum scriptorum et monumentorum historico- oraliū amplissima collectio (Parisiis 1733), , польскій историкъ начала XVI в., расска- юслы сказали въ Памятицахъ королю Влади- лякамъ побратимскій и родственникъ, одного и языка, не желаютъ ничего столь горячо, -ское королевство было освобождено отъ не- ызывая на многихъ враговъ Польши, которые какъ римско-нѣмецкій король, нѣмецкіе кре-

Въ дружбѣ и помощи вояственныхъ тогда славянскій востокъ. Оба спорящіе Олѣ король и великій князь литовско-русскій, ховъ и обѣщаютъ имъ такую и съ своей обоихъ братьевъ къ Чехамъ было столь силѣ или свой споръ чешскому сейму, на ко 433 г.) вѣроятно трактовали объ этомъ дѣлѣ уже тогда думали о призваніи короля чешскій престолъ. Объ этой примирѣ говорилъ публично въ одномъ засѣданіи бискупа (прѣла) попъ Проконъ Великій, защищая епископствомъ Косткою изъ Поступицъ, и нѣмцевъ нѣмецкихъ крестоносцевъ; на а союзъ Чеховъ и Поляковъ какъ на вещь а соборѣ распространились слухи, что папѣ императора Сигизмунда коронъ римской и тобѣ первая досталась Венеціанцамъ а в олю ¹⁾).

отъшную исторію Длугошъ (IV. 368). Еще Сигизмундъ говорилъ де Владиславу и Витовту: *summi pontificem, ut concilium pro reformatione ecclesiae faciat, iturus ad illud, si esset, autoritate mea illud congregaturus. Nec contendere expedit, cum unam fidem nobiscum praestant et uxoribus a nobis secreti sunt. Id tamen enim uxore Graecorum presbyteri contentius amplius tenent. Scandalisavit hic sermo Iulianus Graecorum, et in suis confirmavit errorem Sigismundum sanctum vocabant, deducere esse praestantiorum quam Latinorum; eratque nomine Ruthenorum Sigismundus rex, summis Iulianum, quod Graecorum ritum propensiorum assot.*

¹⁾ См. Дневникъ (Liber diurnus de gestis Basil.) евреетскаго попа Петра Жатецкаго (Basil. I. 351), и Joannis de Segovia Historia Iudaei Basil. (Monum. concilii Basil. II. 346). С

ніе дѣлъ въ Чехіи и въ Литвѣ.
 , Чехіи междоусобная война, ко-
 ми паденіемъ славянскихъ демо-
 и побѣдою умѣренныхъ гуситовъ
 затіи утравистской и католичес-
 а короля Сигизмунда въ Чехіи.
 твы рѣшилась тоже судьба Шви-
 съ по смерти Витовта добивался
 , но вскорѣ нашелъ соперника,
 та, который сталъ великимъ кня-
 поддерживаемый Русскими, не
 жескаго достоинства противъ Си-
 ровительницы Польши. Въ 1435
 той недалеко Вилкомиря въ Ли-
 обоими претендентами. Войско
 цественно изъ православныхъ Рус-
 , полевовъ татарскихъ, нѣмецкихъ
 жихъ, „гостей Равушанъ (Австріи-
 и Чеховъ“, какъ рассказываютъ
 о окружилось крѣпкимъ таборомъ
 Чехіи—замѣчаетъ одинъ польскій
 нымъ вождемъ этого войска былъ
 ѣ, который послѣ липанской бит-
 ся черезъ Прусію и Ливонію въ
 войско ворвалось въ таборъ Шви-
 , „настоящихъ и притворяющихся

krieges II. 351, его *Dějiny husit. III.*
 , 577. По дневнику попа Петра ска-
 it domini Bohemi pessimos et abomi-
 et e converso. Cum ergo convenient
 r decisionem causae per dominos Bo-
 na fratrem Swidrigal, quia condescen-
 t habemus literas, loquentur, ut etiam
 ли позволительно считать Прокопа
 етъ Каро (*Geschichte Polens IV. 49*).

измундъ, тогда уже король чешскій, попы-
вилкомирскою битвою, примирить Швитри-
королемъ, именно при посредничествѣ лега-
бора и Чеховъ, которые заявляли большую
дѣлу. Послѣ вилкомирской битвы импера-
торъ свою попытку, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный
тихѣ мутить въ славянскомъ мірѣ, обѣщаль
отъ себя и отъ воинственного народа чеш-
ского онъ отправилъ въ Польшу и въ Литву Сле-
ва Баворова и Николая Брезинку; это посоль-
ство не имѣло однако успѣха ¹⁾).

Государственное соединеніе Чехіи и Польши, къ которому
стремились гуситскіе Чехи съ самаго начала гуситскаго движе-
нія, къ сожалѣнію, напрасно, осталось все-таки любимой мыслью
національной чешской партіи, особенно ревностныхъ утракви-
стовъ и удѣлѣвшихъ остатковъ Таборовъ и Сиротковъ. Это
оказалось уже три года спустя послѣ липанской битвы. По
смерти императора и короля Сигизмунда (1437) католическая
и аристократическая партія въ Чехіи поставила своимъ кандида-
томъ чешской короны Нѣмца, австрійскаго герцога Альбрехта,
женатаго на дочери императора Сигизмунда, Елисаветѣ. Но этой
кандидатурѣ сильно сопротивлялась національная партія чешско-

---

Историческія пѣсни малорусскаго народа изд. Антоновичъ и Драго-
мановъ (I, 24) встрѣчается одна (изъ Червоной Руси), которая можетъ
относиться къ князю Сигизмунду Корибутовичу; въ ней рассказы-
вается, что „русьскій король“ побѣдилъ „турьского царя“ и повелъ
его въ „чеську землю, а въ чеській земли короля нема: Ой ты паноч-
ку господаречку, а въ чеській земли королемъ будешь“. Замѣтимъ,
что когда въ 1670 г. польскій король Михайлъ Корибутъ Вишневец-
кій извѣстилъ Пражанъ о своемъ бракѣ съ австрійскою эрцгерцог-
нею Элеонорою, то Пражане въ своемъ отвѣтѣ вспомнили тоже о кня-
зѣ Сигизмундѣ Корибутовичѣ (письмо въ архивѣ города Праги).

¹⁾ Monumenta concilii Basil. I. 614, 697; Коцебуз: Свитригай-
скіе, 213; Daniłowicz: Skarbiec diplom. Litwy II. 166. Срв. Golebiow-
ski: Panowanie Władysława III. (Warszawa 1846), Caro: Geschichte
oleny IV. 161.

гуситская, которая уже лѣтъ восемь на Альбрехтъ управлялъ Моравією, тревъ съ Сигизмундомъ, чтобъ онъ и нибудь пану или князю языка чешскы

Противники Нѣмца на чешскомъ и города, паны Гянекъ Птачекъ изъ Пкій изъ Штернберга, Юрій изъ Подѣ изъ Поступицъ, Петръ изъ Звиретицъ братья Змералики и Борьки, Бенешъ Гертвикъ изъ Рушинова, Іоаннъ Колтаборскій попъ Бедрихъ и сиротскій 24 города, въ томъ числѣ Таборъ, ПЖатецъ. Эта славянская партія Чехсидатурою Альбрехта, обратила свои востокъ, въ Польшу ¹⁾. Здѣсь совѣтслова Владиславовича посматрѣли на нѣе, чѣмъ при покойномъ королѣ Вкакъ на вопросъ національный, славПольши въ ея борьбѣ съ Нѣмцами, а исповѣдный, гуситскій, „еретическій“

Славянская партія Чеховъ издававторико-политическую брошюру, роднароду; въ немъ она высказала свои и Нѣмцевъ вообще, и доказывала необ:

---

¹⁾ Палацкаго *Urkundl. Beiträge* I

²⁾ Въ числѣ сторонниковъ польска но тоже самый вліятельный вельможа чешенберга, который дѣйствовалъ въ такомъ и Альша, но потомъ измѣнилъ имъ и приписьмо Юрія Подѣбрадскаго пану Уль *Archiv Český* V. 268.

³⁾ О тогдашнихъ событіяхъ см. по *by husit. III*) и Каро (*Geschichte Polens* ского: *Elekoyn czeaka po śmierci Zygmuna* *wy akademii, Kraków 1876, V*).

скіе короли Чеха или Славянина, а не Нѣмца. манифеста „Братское собраніе изъ чешскихъ лѣтопостереженія вѣрныхъ Чеховъ“ ¹⁾, ревностный па славянскій и врагъ Нѣмцевъ, воспользовался люо чешскою лѣтописью т. н. Далимила, отличающею чешскимъ патріотизмомъ и ненавистью къ Нѣмцъ приписываются всякія бѣдствія постигшія чешскіи должны старательно и всѣми силами остерег начинаетъ авторъ свои разсужденія — „чтобъ управление чужого народа, особенно же нѣмца дѣтельству чешскихъ лѣтописей, тотъ народъ са битель народа чешскаго и славянскаго. Онъ всею силою и стремится разными способами и вои му, какъ бы истребить эти народы“. Нѣмецкій слѣ раздѣленія народовъ во время вавилонскаго служилъ славянскому, какъ объ этомъ свидѣтели Александра Великаго пожалованная славянскому томъ Нѣмцы, поселившись въ баварскихъ лѣсахъ блять славянскій народъ и заселить его земли свои это случилось въ земляхъ лужицкой и сербской. Е писи (Далимила) можно найти много примѣровъ ній Нѣмцевъ и нѣмецкихъ императоровъ, всячес востить Чехамъ, развращать чешскихъ князей ихъ противъ собственнаго народа въ угоду и все съ цѣлью, чтобъ чешскіе князья не были си. уже во время Премысловичей, но особенно же послѣднаго Премысловича короля Вячеслава III, щенію нѣмецкаго императора Альбрехта Авст и удалось посадить на чешскій престолъ своего чешскіе короли нѣмецкаго рода, Рудольфъ австѣ хорутанскій, Іованъ и даже Карлъ люксембургскі

---

¹⁾ См. „Славяне“ II т., стр. 33, и слова въ сав II тома (передъ стр. 1).

Славяне, Т. III.

и Нѣмцы и ихъ языкъ,
 по этому Чехи должны, въ
 своихъ лѣтописей, чтобъ
 ибо здѣсь для нихъ веро-
 ятное паденіе. Равнымъ
 быть для бѣдшаго бе-
 ли съумасшествіе или бол-
 ная въ народѣ славянск-
 о наконецъ истребленіе и
 бытокъ; какъ воле въ ст-
 ругого кромѣ убьтка и вр-
 евствѣ чешскомъ и славян-
 сударя изъ своего народа,
 славянскомъ или о другомъ
 бесахъ, только бы не было
 : ибо народъ и его воле
 олемъ изъ всякаго други-
 нтъ насъ господь богъ отъ
 хъ! Чехи, особенно лю-
 новаго короля, должны о-
 нѣ правду закона божія
 было другого совѣта какъ
 а объ успокоеніи земли по-
 исполненіи договоровъ съ
 и гуситскихъ Чеховъ отъ
 немецкій народъ не можетъ
 съ очистить отъ такой кле-
 вно больше замарать: то
 народа а нѣмецкаго отни-
 аботиться объ успленіи ч-
 го ослабленіи; Нѣмцы—на-
 ими видами, и въ своей
 нію Чеховъ и того прича-
 въ другіе народы. Имѣя вс-
 ыбирать въ свои короли,
 свои шен; вѣдь Нѣмцы не

и самаго могущественнаго Чеха въ государи, да не; „а мы ослѣпленные Чехи, подражая ихъ и сдѣлаемъ имъ то же, и въ государи Нѣмца не изслѣдуетъ вспомнить божіе слово въ книгѣ Второ Поставляя да поставиши надъ собою князя, его же сподѣ Богъ твой: отъ братій твоея да поставиши князя, не возможеши поставити надъ собою князя чехо не братъ твой есть ¹⁾“. А Нѣмецъ не братъ не чешскаго народа, ни братъ; онъ сопротивляетъ новленію и хулитъ причащеніе тѣла и крови на ста милаго и другія истины его. А такого не съ въ домъ ни привѣтствовать, какъ говоритъ св. Іоаннъ посланіи: Аще кто приходитъ въ вамъ, и сего учить, не приѣмлите его въ домъ, и радоватися ему глаголай бо ему радоватися, сообщается дѣлу. И такъ какъ не слѣдуетъ такого человѣка принимать конечно не слѣдуетъ такого избрать въ короли. дучи королемъ, хотѣлъ бы не столько ходить въ прогонять вѣрныхъ Чеховъ изъ домовъ и отнимать у нихъ имущество“ ²⁾).

Когда на избирательномъ сеймѣ (27 декабря) большинство высказалось въ пользу Альбрехта, то мейстѣр Птачка, вышла изъ сейма, и стала дѣйствовать въ пользу Владислава. Польскій король былъ готовъ

¹⁾ Срв. мысли Крижанича; см. „Славяне“, II. 3

²⁾ Этотъ манифестъ 1437 г. былъ хорошо извѣстенъ лѣтописцамъ XVI вѣка; они, рассказывая объ изгнаніи польскаго короля Владислава одною партією чеховъ, пишутъ: „Ti k tomu svoliti nechťeli, aby se v německú řečťi, ježto by to mohlo jíti k velikému zlému nynějšku toliko tomuto jazyku českému, ale i všemu slovu, ať vždycky shledáváno, i ve všech kronikách starých, že sů Němci úhlavní nepřítelé jazyka českého, a českého vždycky byli a býti nepřestávají“. (Starý český jazyk, I. Palacký, str. 106.)

Альбрехтъ старался побудить короля Владислава, и дозволилъ своему брату Казимиру принять чешскія указы на то, что онъ, Альбрехтъ, избранъ короли большинствомъ, именно знатными панами, на сеймѣ въ Прагѣ, между тѣмъ какъ Казимиръ избранъ не менѣе знатными „исполненными безуміа, жадности“, и еретиками Таборами, на съѣздѣ въ Кутной. Но упрекали папа короля Владислава и паньскихъ пановъ за ихъ союзъ съ чешскими еретиками и угорскаго короля Альбрехта. Поляки были убѣждены правы, что и королевичъ Казимиръ, избранный другою партіею, какъ Альбрехтъ другою, можетъ принять корону; они справедливо высказали свое удивленіе, что только другой государь а не римско-нѣмецкій король сдѣлается королемъ чешскимъ, то этого государя съ честолюбіемъ, ереси и многихъ неприличныхъ вѣдѣній Владиславъ указывалъ папѣ на то, что Казимиръ заслуживаетъ корону потому, чтобъ въ Чехіи, страдающей внутренними бѣдствіями и внутренними междоусобицами, вновь миръ и авторитетъ папы; а это удастся только тому, кто будетъ царствовать католическій король, въ ко-мъ народъ будетъ расположенъ по поводу одного въ Польшѣ тоже говорили о томъ, что оба народа, славянскіе, одного языка и происхожденія, между тѣмъ какъ въ нѣмцахъ ничего общаго, и что очень неудободанные не понимаютъ своего короля и всюду нуждаются въ переводчикахъ *). Нѣмцы въ имперіи полагали, что

x epistolae saec. XV, t. I. Nro 95, 96, 99 — 104; *An-
ische Beiträge zu den Geschichten u. zu den teutschen
sig 1777, p. 55).*

ae Sylvius: *Historia bohémica* cap. 55, и (изъ него) Длу-
оба полагаютъ, что эти тогда въ Чехіи и въ Польшѣ

очень распространенныя мысли включены были будто въ офиціальныя
отвѣты Владислава Альбрехту; этого однако не было. Этотъ пред-
полагаемый офиціальныя акты, какъ его приводитъ Догель (*Codex*

ибо „гуситскій сбродъ“ (о
эаго короля (или скорѣе
иными словами и стихами
и чешской короны, Нѣмцем
ромъ, не могъ быть рѣшенъ

щъ польской партіи въ Чехіи
юдами познанскимъ Сендзи
кимъ Іоанномъ изъ Тэнчи
Горою съ чешскимъ войско
зъ съ опытными гейтманами
мъ и Чапкомъ изъ Санъ —
едя простого народа съ жив
трийская партія насмѣхалас
ероями возовыхъ укрѣпленіи
знихъ воеводъ и король]

Poloniae I. Nro 10), сочинен
коловскаго.

на пр. хронику нюрнбергскую
) и бранные стихи у Каро IV
и памфлетъ Николая, пи
иъ Поляковъ, воровъ, разбойни
ыхъ монетчиковъ, приверженц
іанъ, оскорбителей духовенст
і святыхъ и богородицы, нестр
ei bona vis, de gente polona n
loffer: Geschichtschreiber der
ъ Nicolaus Bohemus, неизвѣст
ь Николай (natus de Bohemia
434 г. въ Нюрнбергѣ списалъ
латинскомъ языкѣ) Пулкавы;

roj z Ostrogoha, rân a vévoda
rský — въ одной чешской гра
III. 462); Jan z Thiczina (Туч
královského — въ письмѣ 14

визья и города приняли Казимира в предстоящему счастливому согласію, чешскаго и польскаго ¹⁾. Это же соединение обоихъ славянскихъ народовъ тревожило Нѣмцевъ. Король Альбрехтъ не довѣрялъ самимъ своей партіи ²⁾, и призывалъ въ 1438 и 1439 гг. всѣхъ на помощь противъ угрожавшей опасности: такое соединеніе Польскихъ и Поляковъ—что да предотвратитъ богъ—было бы всему христіанству, священной римской имперіи, значительнымъ членомъ которой чешская корона, и всѣмъ нѣмецкимъ еще недавно съ одними Чехами было много затруднено, еслибы нынѣ Поляки и Чехи другъ другу подали руки, то настала бы большая опасность священной римской имперіи и всему народу нѣмецкому—*dem heiligen reich und teutschen gezung*—который они притѣсняютъ и прогоняютъ ихъ земель. Въ подобномъ смыслѣ Альбрехтъ взывалъ къ прусскимъ крестоносцамъ: Поляки помогаютъ чешскимъ и говорятъ, что они отнимутъ чешскую корону священной имперіи и не оставятъ ея подъ Нѣмцами; немецкій орденъ, знаменитый членъ св. имперіи основанный, долженъ помогать имперіи и Нѣмцамъ противъ которыхъ поддерживаютъ невѣріе и выступаютъ противъ христіанства. Воззваніе Альбрехта къ патриотизму Нѣмцевъ было безъ успѣха; только нѣмецкій орденъ извинялся, что не можетъ принести желаемой помощи, будучи ослабленъ нею борьбою съ Поляками, Чехами еретиками, Литовцами

¹⁾ См. разные акты въ сборникахъ Догеля *Cod. diplomaticae I*, *Codex epistolaris saec. XV*, *Codex diplomat. Poloniae ed. Bonieski-Bobowski*, *Codex diplom. Silesiae VI*, etc.

²⁾ *Der konig ziehet nit gern mit den Behemern allein* думъ франкфуртской (Janssen: *Frankfurts Reichschronica* 150). Любопытно, что строго католическій чешскій летописецъ, рыцарь Бартошекъ изъ Драгомице, говоря о кончинѣ Альбрехта, прибавляетъ: *Cujus anima requiescat in sancta terra sit bonus (licet Teutonicus), audax et misericors*. (*Dobru zenska historica Boemiae I. 204.*)

на этотъ ра
будутъ по
ъ; не сбыл
• вырвана
s, aller „k
мецкаго на
овъ. Нап
жавшей ем
оказалось .
воимъ корс
свою Русь
аго дѣла.

юю; и пап
іе между
йнѣ, но ви
ы изъ когт
ою славянс
ехта (27 о
бывшая п
ъ пользу п
мѣтили сл
мъ польска
яне, и нѣв
олевича Ка

Не удаж
гда Поляв
вали однак

Reichs Corr
der Standet
ens VII. 72
называюся
Bohemiae (1
starodawne j

Тольши ерв
ыкѣ) чешск

нихъ настать въ слѣдствіе все угрожавша-
ціи и Польши, новаго избранія польскаго
и въ чешскіе короли. Нѣмецкіе курфюр-
ачалѣ 1440 г. въ Франкфуртѣ для избранія
ко-нѣмецкаго, отнеслись довольно ласково
которые, представляя собою — во время
каго короля-курфюрста, отпраздновали своего
; курфюрсты съ удовольствіемъ услышали
и король, добиваясь чешской короны, сдѣ-
лалъ своимъ вѣрнымъ землямъ чешскимъ много
и отказали ему во всемъ „ради христіанъ-
іи“, какъ выражался чешскій посолъ въ
лицамъ представителямъ этого „христіан-
во Чеховъ избрали своимъ королемъ Аль-
брехта, и когда тотъ отказалъ, придержива-
вшаго королевича Ладислава Альбрехтови-
ча смерти отца. Но славянская партія Че-
хманіе на Польшу, ратовала противъ „Нѣм-
цевъ“ желала имѣть чешскимъ королемъ поль-
скаго, что польскій король уже въ 1440
угорскіе, и съ радостью принять и южны-
ми, Босніяками и Сербями, какъ славян-
ы²). Сторонниками польскаго короля въ
естественно Таборы, ихъ гейтманъ попъ Бе-
чехляхъ, Іоаннъ Колда изъ Находа, Бе-
чехляхъ, Гертвикъ изъ Рушинова, Свойше
чехляхъ, Гертвикъ и Свойше назывались (1441)
короля, нашего государя“, и Гертвикъ все
іи король будетъ „нашимъ государемъ“.
чехляхъ, Чепекъ изъ Санъ, стоялъ на

Frankfurts Reichscongregation II. 11; Серв. Палац-
кего IV. 1. (начало).

южныхъ Славянъ къ Владиславу говорятъ
Бонфини; см. ниже отдѣлъ: Славяне западные

ЖЕЛТЬ
 ОННАКИ
 ПЛАН
 е жел
 не стр
 і того
 и обы
 лагали
 чешскі
 и 31
 отятъ
 горько
 „нѣко
 баго и
 сяются
 котятъ
 . горо

19; C
 '1, ed.
 Acta,)
 в. Čas
 ломат
 шекъ (

380. I
 ь прот
 (Sigm
 český
 by kter
 strach
 'zemi
 o zkažc
 lové té
 ti... A
 kto sto
 i či ti,

вы и Жатецъ называются „приверженцами нашего государя короля Владислава польскаго и угорскаго“ ¹⁾).

Таборы и ихъ соумышленники, возставая противъ нѣмецкихъ государей въ Чехіи, противъ Нѣмцевъ и ихъ друзей, противъ Сигизмунда, обоихъ Альбрехтовъ, противъ Ладислава Альбрехтовича и его матери Елисаветы, дочери императора Сигизмунда, и тяготѣя въ славянской Польшѣ, показали гораздо больше политической зрѣлости и патріотизма, чѣмъ та чешская аристократія, которая призывала на чешскій престолъ нѣмецкихъ королей. Сама Елисавета Сигизмундовна показала себя такою же королевою *deutschen gezunges*, какъ и ея отецъ и мужъ, именно въ виду славянскаго соперника ея сына Ладислава въ Угріи и Чехіи, польскаго Ягайловича Владислава. Королева Елисавета, на сеймѣ въ Вѣнѣ въ началѣ іюня 1441-го г. въ присутствіи многихъ пановъ чешскихъ и моравскихъ, говоря королю Фридриху о своемъ сынѣ Ладиславѣ и о польскомъ королѣ Владиславѣ, заявила съ гордостью, что австрійскій домъ Габсбурговъ по всѣмъ предкамъ—чистаго христіанскаго рода, между тѣмъ какъ польскій король происходитъ отъ невѣрнаго поганнаго рода, и всегда возставалъ съ помощью поганныхъ и „невѣрныхъ“ противъ „христіанъ“, именно противъ нѣмецкаго ордена; король Альбрехтъ никогда не могъ забыть сраму нанесеннаго его предку Вильгельму австрійскому Ягайломъ, отнявшимъ у него его жену Ядвигу, и не хотѣлъ никогда дружить съ Поляками; да король польскій намѣренъ соединиться съ Турками противъ христіанъ и противъ правъ ея сына Ладислава ²⁾. Еще рѣзче высказалась Елисавета о польско-русскихъ Ягайловичахъ въ письмѣ Альбрехту баварскому (1 мая 1442), пускаясь здѣсь въ глубокомысленныя разсужденія о большемъ благородствѣ нѣмецкой крови передъ славянскою: ея сынъ Ладиславъ происходитъ отъ императорскаго королевска-

---

¹⁾ Таборская хроника Николая изъ Пельгримова (*Geschichte der hussit. Bewegung*, ed. Höfler, II. 737).

²⁾ A. Kollar: *Analecta monumentorum Vindobonensia* (Vindobonae 1762, II. 921); срв. Палацкаго *Dějiny* н. ѡ. IV. 1. р. 53.

дѣловало бы повліять на Чеховъ и на Угровъ въ бла-
 : для Ладислава смыслъ и въ пользу всего христіан-
 : опросъ о возвращеніи чешскихъ „еретиковъ“ въ лоно
 : ркви не переставалъ интересоваться и стараго ихъ вра-
 : а кардинала Збыгнѣва Олешницкаго, еще въ концѣ

Узнавши о проповѣдяхъ монаха минорита инквизи-
 : Капистрана противъ гуситовъ въ Моравіи, Збыгнѣвъ
 : — въ письмѣ къ нему (2 августа 1451) — предпо-
 : прибытіе Капистрана наполнило славянскіе народы
 : достью; можно-де надѣяться, что уклонившійся отъ
 : скій народъ, знатная часть Славянъ, вернется опять
 : юской церкви. Если же это состоится, то Капистранъ
 : ѣ на всегда не только народъ чешскій, а тоже наро-
 : ды польскія, слезскій и славянскій: ибо мы по поводу одинаковаго
 : языка, которымъ связаны съ Чехами, жаждемъ ихъ спасенія какъ
 : своего собственнаго ¹⁾. Въ подобномъ смыслѣ, вѣроятно по
 : примѣру и побужденію епископа Збыгнѣва, самъ король Кази-
 : миръ въ письмѣ (7 сентября) Капистрану заявляетъ свою радость

¹⁾ Codex epistolaris saec. XV, t. II p. 6.

²⁾ Другошъ V. 93. Збыгнѣвъ Олешницкій желалъ тогда тоже,
 чтобъ Капистранъ дѣйствовалъ и въ польской Руси, гдѣ—не смотря
 на флорентинскую унію—Русскіе или Греки не отказались отъ сво-
 ихъ „superstitiones aut errores; pertinacius enim illas usque in diem
 hanc tutati sunt, nec se sed Latinos errasse, constanter astrunt et
 affirmant; Ruthenorum tamen natio facile a Graecorum obedientia
 scindi poterit, quoniam gens simplex et boni cupida est, et Latinorum
 moribus et conversatione plurimum limata“. (Codex epistolaris saec.
 XV, t. II p. 125). Письмо Олешницкаго Чехамъ (Ad regnum Boe-
 miae directa litera episcopi Graecov. baronibus et communitatibus scrip-
 ta de Belce 22 aug. 1447, въ одной ватиканской рукописи), о кото-
 ромъ вспоминаетъ Палацкій (Italienische Reise p. 61), намъ неавѣст-
 но; его не знаютъ ни Дзѣдушицкій (въ монографіи объ Олешницкомъ),
 ни Левицкій (въ списокѣ актовъ XV в.). Замѣтимъ, что тогда (1451—
 1452) въ Чехіи явилась мысль о соединеніи чешской церкви утрак-
 вистской съ церковью греческою царьградскою, и состоялось паденіе
 Таборовъ, которые должны были примкнуть къ церкви утраквистской.
 См. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. p. 227, 259, 269.

ія въ чешскія земля: бо
къ славянскимъ, избра
этому радуется весь с
Запистранъ прибудеть
въ Польшѣ и Литвѣ
и, Чехи и Русскіе, пов
е какъ болѣе простые с

ви, на сколько они уцѣ
вой старыя славянскія
анской битвы въ снош
къ этихъ таборскихъ и
зрны тѣмъ строгимъ і
предводителя Іоанна
себя только чешскихъ
ися за освобожденіе за
го, какъ это и было по
и Тчевомъ (1433) и Та
тали просто наемными
безразлично тому, вл
лось, что чешскія воє
тивъ друга въ интерес

мира сообщаютъ J. C.
549, p. 368), Wadding:
Francisco institutorum
Малиновскій въ изданіи
Ваддингга (p. 139) помѣн
(15 апрѣля 1452), въ ко
орскаго францисканца
-что Ладиславъ „in hom
resis boemicae infectis,
я вѣроятно къ жителямъ
Прутъ, основаннаго бѣз
См. Hunfalvy: Ethnogr
ria Česk. Musea 1885, p

скихъ, угорскихъ и нѣмецкихъ. Если Чапекъ ¹⁾ и Колда служили польскому королю Владиславу въ Угріи, то они такъ дѣлали вѣроятно не только какъ простые наемные войны за плату, а тоже какъ приверженцы славянскаго польскаго короля; между тѣмъ ихъ земляки Іоаннъ Искра изъ Брандыса и Іоаннъ Витовецъ изъ Гребня защищали интересы нѣмецкихъ Габсбурговъ въ Угріи и Хорватіи. Долголѣтнее пребываніе и правленіе Искры и его чешскихъ товарищей въ сѣверной Угріи среди Словаковъ имѣло для послѣднихъ извѣстное значеніе; гуситство проникало и въ словенскіе края, чешскій языкъ — столь близкій словенскому нарѣчію — входилъ въ употребленіе какъ языкъ литературный и среди Словаковъ. Къ чешскимъ ротамъ въ Угріи примкнули и словенскіе войны, на пр. Панерацъ изъ Св. Николая, братья Подманицкіе и другіе. Любопытно, что Искра является въ Угріи защитникомъ словенскаго сельскаго люда противъ шляхты ²⁾.

Подобную тому печальную роль играли чешскіе наемные войны во время долголѣтней войны Польши противъ нѣмецкаго ордена въ Пруссіи (1454-1466), войны, которая началась въ слѣдствіе добровольнаго подчиненія Польшѣ прусскихъ земянъ и городовъ. Борьба Польши и нѣмецкаго ордена была давнишняя борьба Нѣмцевъ и Славянъ изъ-за балтійскаго поморья, которое Нѣмцы завоеватели старались удержать за собою, а Поляки — освободить отъ нѣмецкаго господства и возвратить своему государству. „Не допускайте, чтобъ нѣмецкія земли, родъ и языкъ перешли подъ господство славянскаго короля и народа“! — вотъ какъ падежно отзывались представители нѣмецкаго ордена къ прусскимъ земянамъ и городамъ въ присутствіи польскихъ

---

¹⁾ Чапекъ „des kunigs von Polan obrister hauptmann“ послалъ королю Фридриху объявленіе войны an des h. Paule becherung 1442. A. Kollar: Analecta monumentorum Vindobonensia II. 1027.)

²⁾ Срв. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. str. 445, іс: Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht, 134—158, и. его же Über die Abstammung der Rumänen, 132 — 135.

Въ этой упорной борьбѣ Нѣмцевъ и Славянъ
сваго моря важную и въ значительной части и
играють военныя роты чешскія. Многіе чеш-
и ротмистры служили польскому королю, въ ихъ
Колда, Іоаннъ Славата, Альбрехтъ Костеа и
Іоаннъ Пушкарь, Капунъ изъ Смириць, Кавка
Жакъ изъ Свеборовиць, Ульрихъ изъ Смолотель
изъ этихъ чешскихъ воиновъ служили польскому
итно не за одну плату, что можно положительно
о Колдѣ и Костѣ; по съ другой стороны, не полу-
лись и за оружіе противъ короля. Такъ это сдѣл-
да вмѣстѣ съ освѣтимскимъ княземъ Іоанномъ и ст-
домъ людей изъ Чеховъ, Поляковъ и Слезановъ
жаются Длугошъ. Но не одинъ польскій король
этой войнѣ помощью наемныхъ ротъ чешскихъ;
водцы и ихъ отряды служили тоже нѣмецкому ор-
пр. Ульрихъ Червенка изъ Ледець и Бернардъ
Такимъ образомъ чешскіе наемные солдаты воевал-
тивъ друга: одни защищали интересы польско-слав-
гіе — интересы нѣмецкіе. Но при этомъ замѣти-
скихъ ротъ, служившихъ нѣмецкому ордену, распо-
лякамъ; Червенка не стѣснялся — не смотря на
нѣмецкихъ ротъ—сдать Маріенбургъ Полякамъ, и
замѣтъ, между тѣмъ какъ другой чешскій полковод-
занялъ потомъ городъ Маріенбургъ для нѣмецкаго
ия этой войны явился и гейтманъ Іоаннъ Искр
Польшу, и на сеймѣ въ Пётрковѣ (1458) увѣщев-
зимира и его пановъ, завладѣть Угрією, которая
по праву Казимиру по поводу его супруги Елиса-
товны, а отнята теперь вновь избраннымъ королемъ

---

1) зельсской, любупской и столпокой (западнаго П-
2) латиславской, любупской и каменской, воздвигнуть
великимъ. Вышло иначе: патристическія мечты Длуго-
3) сбылись опасенія Сташица; срв. „Славяне“, II. 97.

Славяне, Т. III.

ы Альбрехтовны, се-
ѣ тоже свое наслѣд-
ое однако не могло
ѣдъ самъ Казимиръ
е самую корону св.
телей, оспаривая на-
о супруги Елисаветы

оложеніе свое и сво-
подъ недовѣрчивыми
ы, все время старал-
шенія къ сосѣднему
ивая въ немъ и для
изаній нѣмецкаго на-
іѣ король Казимиръ,
нимыя права на чеш-
Польши сохраненія
пѣ и необходимость
могъ тоже отречься
горыя играли столь
ороли еще двадцать

зв. Politik II. 1. p. 204.
іе король замѣчаетъ
lost' věrným Čechům;
uvobodil je z toho, že
a myslili zlé učiniti li-
tenie svatého". (Starí
саксонскаго герцога
afen, herrn Girzik adir
keinen Dutschen adir
' (Palacký: Urkundi.
Georgs v. Poděbrad, in
, XX. p. 130). Другой,
го смерти, замѣчаетъ:
guine humano funden-

Вѣдительно, корол
[ехіи и на дѣлѣ въ
со сожалѣть, что не
равственныхъ силъ
го государства въ ср
л Польши и всего
и только силами П
я тогда смотрѣли на
гересовъ; кромѣ то
инимавомъ въ по
порнымъ сопротивл
овъ) въ Чехіи и ея
къ нѣмецкихъ земля
паню противъ про
ванца Юрика“, ли
этотъ крикъ „правд
алъ самого Казими
симпатіи.

оло балтійскаго мо
е Чеховъ, назрѣва
ва и правленія Ю
въ спорѣ съ нѣмцами
ство чешскаго короля
будутъ спрашиваем
исключеніемъ нѣм
ему не довѣрялъ нѣ
Въ интересахъ нѣм
боихъ королей, чеш
ѣ войны съ Польше
диславу. Посолъ с
бургскаго курфюрста
ападалъ на прусских
ордена, и высказа
я пожара вражды и
ольскимъ и предст
ь Прусіи, этой пос

ви и госпиталѣ для захудалаго нѣмецкаго дворян-

Орїй, зная притязаніа Казимира на чешскую корону, въ 1459 г. отправилъ своихъ пословъ къ польскому лагая ему послѣ своей кончины чешскую корону адежду на ея пріобрѣтеніе) и помощь противъ нѣ-а и для поворенія Пруссіи. Казимиръ, желая со-ественное настроеніе чешскаго короля, отвѣтилъ, а предпочиталъ дружбу войнѣ съ Чехами. Два го-61) чешскій король долженъ былъ быть посредни-ѣ между польскимъ королемъ и нѣмецкимъ орде-не состоялось по поводу неохоты магистра, кото-тарамся поссорить обоихъ славянскихъ королей; а въ Чехію нѣмецкими врестоносцами поджигатели, Полякамъ ¹⁾. Дружескія отношенія между Юріемъ не прекращались, и въ Бытомѣ (1460) и Глоговѣ ны или возобновлены дружескіе договоры и союзы славянскими государствами. Оба короля должны искреннемъ братствѣ, дружбѣ и доброжелатель-ни другой не долженъ дѣйствовать другъ противъ должны заботиться о добрѣ и о чести своихъ смотрѣть за тѣмъ, чтобъ не дѣлались наѣзды изъ хію, и изъ Чехіи въ Польшу. Въ Глоговѣ тоже нось о возлюбленной тогда идеѣ общаго похода

шь V. 175, 195. Въ 1454 г. Чехи и Мишнiane, въ спо-о нѣкоторыхъ замковъ, желали прибѣгнуть къ рѣше-измира. Въ 1465—1466 гг. послы чешскаго короля ами между королемъ Казимиромъ и слезскимъ кня-ь олесницкимъ и его супругою Маргаритою, княжною орне оба отказались отъ Мазовіи и Червоной Руси; аецкаго-Бобовскаго Codex diplomaticus Poloniae-Si-64.

epistolaris saec. XV, t. II. 192, Дяугошь V. 277; Ca-Poiena V. 177, 185, Палацкаго Dějiny n. č. IV. 2.

и по поводу „одного языка“ ¹⁾). Подобно тому и чешскіе измѣнники, союзъ католическихъ пановъ, во главѣ ихъ панъ Зденѣкъ изъ Штернберга на Конопищѣ, возставши противъ своего „еретическаго“ короля, обратились въ польскому королю, „такъ какъ у Чеховъ и Поляковъ почти одинъ и тотъ же языкъ“, и, призывая Казимира на чешскій престолъ (1467), просили его не допустить, чтобъ еретикъ царствовалъ въ королевствѣ славянскаго языка ²⁾).

Призываніе Поляка на чешскій престолъ со стороны папы и чешскихъ заговорщиковъ возбудило неудовольствіе римско-нѣмецкаго короля Фридриха и Нѣмцевъ вообще; на сеймѣ нюрнбергскомъ (1467) говорили, что чешскимъ королемъ не долженъ быть другой, какъ только Нѣмецъ какъ имперскій курфюрстъ, и король Фридрихъ соглашался видѣть на чешскомъ престолѣ кого бы то ни было, только не Поляка ³⁾). Нѣкоторые Поляки считали необходимымъ, чтобъ Польша всѣми силами стремилась къ пріобрѣтенію Чехіи; если эта достанется въ чужія руки, то Польша никогда не будетъ сильной; она въ слѣдствіе присоединенія Чехіи значительно усилится, и было бы преступленіемъ нея гибелью, если бы она не стремилась къ этой цѣли. „О Польша, дѣйствуй, о храбрый польскій народъ поднимись! Богъ тебѣ предлагаетъ богатый подарокъ, смотри, чтобъ онъ не пропалъ

---

¹⁾ Длугошъ V. 467. Длугошъ рассказываетъ, что Юрій Подѣбрадскій еще какъ правитель стоялъ въ началѣ войны Польши и ордена на сторонѣ послѣдняго, гибель котораго не была бы по душѣ королю Ладиславу, покровителю ордена; дальше, что торунскій миръ возбудилъ недовольство короля Юрія, который желалъ-де ослабленія Польши. Но все это вяжется такъ мало съ воззрѣніями короля Юрія на Польшу, что рассказъ Длугоша надо отнести къ извѣстной ненависти польскаго историка къ „еретику“.

²⁾ De Georgio Bohemiae rege (Höfler: Geschichtschreiber der usit. Bewegung III. 225), Длугошъ V. 482, Dogiel: Codex diplom. Poloniae I. Nros 17, 18, Archiv český III. 578 (Nro 798). Срв. Палацкаго Dějiny n. č. IV. 2. p. 404.

³⁾ Срв. Палацкаго IV. 2. p. 427, Каро V. 285.

ни!“ Король Юрій отдал
свою корону для предостережения
Чехии; чешское королевство
изъ католическихъ панов
и, папа уже обратился
онъ воевалъ съ Юріемъ
казалъ, такъ какъ „онъ
королевству и народу блажен
о томъ, чтобъ его пр
азнимира ¹⁾).

онъ не принялъ чешской
и чешскихъ заговоровъ
его и польскихъ панов
которые бы—какъ вырази
лись ²⁾. Отношенія ме
жду ними, и многіе по
лагаютъ королю Юрію; съ
короля Юрія съ папою
онъ, „глубоко сожал
ительнаго языка, и опасая
сь своей короны и родного яз
зыка, баварскаго во
дого старосту Якова изъ
Баварии. Этимъ польск
заключить перемирие ме
жду ними (1467), и
иной любви къ королю
и всѣ старанія милого
короля королевствъ „сл.

regno Bohemiae, статья
1 (разноязычныя, F. IV. 1
Museum 1880, p. 417.
der Stadt Breslau II. 60.
IV. 147—164, Urkundl. I
82, 496—517; рассказъ

то
тя
і
сті
ю
ня
гус
на
ь; в
да
о
Р
ка
І
ол
в
гус
ет
гія
е

fine
rec
on
iod
ppr
os,
(H
sk.
pie
e
, 51
lek
ere
oz:
19 c

бываютъ случаи, когда и Поляки сильно бранятъ папу и съ удовольствіемъ слушаютъ бранныя рѣчи о папѣ; еслибъ въ Польшѣ не сопротивлялось высшее духовенство и его друзья, то христіанское послушаніе встрѣчалось бы въ Польшѣ рѣже, чѣмъ въ Чехіи. Сохрани боже—восклицаетъ этотъ Нѣмецъ — чтобъ соединились въ ереси Чехія и Польша! ¹⁾

На симпатіи Поляковъ и Чеховъ жалуется папскій легатъ епископъ Рудольфъ. Когда онъ въ началѣ 1468 г. предлагалъ чешскую корону бранденбургскому курфюрсту Фридриху, то упомянулъ тоже объ опасности въ томъ случаѣ, еслибъ эту корону принялъ польскій король. Самъ римско-нѣмецкій король указывалъ-де легату на необходимость, чтобъ чешская корона досталась сильному нѣмецкому князю, именно курфюрсту Фридриху, въ избѣжаніе многихъ бѣдствій, которыя могутъ произойти отъ соединенія Чехіи и Польши; слезскіе князья и города по большей части тоже желаютъ не польскаго короля, а нѣмецкаго князя, именно курфюрста. Самъ папа не желаетъ польскаго короля на чешскомъ престолѣ, не довѣряя Полякамъ и ихъ готовности въ случаѣ приобрѣтенія польскимъ королемъ чешской короны, искоренить въ Чехіи ересь. Польскіе прелаты и паны — разсуждалъ дальше легатъ, бывший тоже въ Польшѣ—убѣждены, что польская корона имѣетъ старыя права на бранденбургскую марку; эти права осуществляются, когда польскій король или его сыновья приобрѣтутъ Чехію. По этому Польша находится съ обѣими чешскими партіями въ хорошей дружбѣ; по смерти Юрія или даже добровольнымъ его уступленіемъ приобрѣтетъ чешскую корону король Казимиръ или его сынъ; потомъ можетъ приобрѣсти

---

¹⁾ Вратиславская исторія Эшенлоэра (латинскій текстъ изданный въ *Scriptores rerum siles. VII. 148*, нѣмецкій—позднѣйшій—изданный Кунисшемъ, II. 88—89, 190). Изъ латинскаго текста: „Puto Polonos non odire Bohemos, quia unius linguae unus alterius destructi ni non consentiet, neque haeresis neque offensa qualiscunque dei deferentiam faciet inter Polonos et Bohemos.“ Эшенлоэръ въ своей исторіи помѣстилъ много актовъ и писемъ того времени, относящихся къ дѣламъ чешско-польскимъ.

—

оба Хорваты—но и
той войнѣ королей
ли печальную роль
в сторонахъ другъ
на время разорвана:
а чешскія коронныя
угорскому королю М
границъ не союзъ
а смерть Матвѣя
угорскіе короли, и
цѣлость чешской
чешская и угорская (
пріобрѣтеніе угорск

роны не обошлось для Владислава безъ борьбы. Нѣмцы с
ли съ недовѣріемъ и злобою на такое усиленіе славянскихъ
ловичей въ средней и юговосточной Европѣ; римско-нѣ
императоръ Фридрихъ и король Максимилианъ обратились
тріотизму Нѣмцевъ въ виду избранія чешскаго короля Вла
ва въ угорскіе короли и въ виду возможнаго отторженія ч
короны отъ священной римской имперіи нѣмецкаго
и включенія той короны въ угорскую; такое соединеніе П
Чехіи и Угріи принесло бы безчисленные бѣдствія св. и
нѣмецкому народу и всему христіанству ¹⁾. Да, король
миліанъ попытался добыть себѣ угорскую корону съ ор
въ рукахъ. Съ другой стороны королю Владиславу пр
бороться изъ-за угорской короны съ роднымъ своимъ б
Іоанномъ Альбрехтомъ, на котораго угорскій канцлеръ еп
Іоаннъ Филипецъ, Чехъ, старался, отъ имени Владислава
ствовать въ примирительномъ духѣ во имя славянской с
ности ²⁾. Во время этой борьбы изъ-за угорской короны в

---

¹⁾ Dogiel I. Nro 21, нашъ I Отчетъ 1882, стр. 70, Па
Méjiny n. č. V. 1. p. 290. Срв. Vetera monumenta historica
iam sacra illustrantia, ed. Theiner, II. 526.

²⁾ Janzen: Frankfurts Reichsrespondenz II. 546.

³⁾ См. „Славяне“, II. 208.

—
, чтобъ онъ
обонхъ
рѣе соедин
отивъ Тур
веніемъ и
адшій бр
, 1499 —
снзъ она
, и могъ
царства, и
гъ. По с
съ борс
угорско-ч
бовали от
гъ, чтобъ
льскаго р
ли его со
къ чешск
роны пол
ніе“ Чехо
дѣлъ въ
мнѣ вра
ия Чехи
а пр. посл
адъ Русс
і канцлер

ислава въ
о чешски
мнцнаго (в)
еларіи въ
3, Codex d
t. rerum
[partъ), и в
іотекѣ ко

га, стоя вполнѣ на сторонѣ Поляковъ и называя Русскихъ „разбойниками“. Подобно тому Пражане, вѣстѣ съ посломъ польскаго короля, праздновали побѣду Сигизмунда надъ Русскими подъ Стародубомъ (1517) ¹⁾. Когда же король Сигизмундъ началъ войну съ прусско-бранденбургскимъ Альбрехтомъ (1520), то чешскій король Людовикъ строго запретилъ нанимать войско въ Чехіи и Моравіи для Альбрехта, дозволяя это, въ случаѣ нужды, одному только королю польскому. Этою войною любимаго польскаго короля очень интересовался выдающійся тогда чешскій панъ Вильгельмъ изъ Пернштейна; онъ, прося извѣстій о войнѣ у слезско-тѣшинскаго князя Казимира, замѣчаетъ, что онъ желаетъ много узнать не изъ простаго любопытства, а изъ искренней любви къ польскому королю, которому желаетъ всего добра; къ Нѣмцамъ же „нашъ языкъ“ есобеннаго благоволенія питать не можетъ ²⁾.

3. Габсбурги на чешскомъ престолѣ. Ихъ стремленія пріобрѣсти польскую корону, и чешскіе паны какъ ихъ послаы въ Польшѣ. Вильгельмъ изъ Розенберга—кандидатъ польской короны. Розенбергъ и Замоискій. Возстаніе Чеховъ противъ Габсбурговъ, отношеніе Польши къ чешскому возстанію, паденіе чешскаго государства. Паденіе Польши.

Больше чѣмъ полъ-вѣка польско-литовскіе Ягайловичи занимали престолъ чешскій и угорскій. Когда же онъ упраздненъ послѣ короля Людовика, погибшаго въ мохачской битвѣ (1526), то король Сигизмундъ, ссылаясь на свое „право“ на чешскій престолъ — которое-де имѣетъ свое основаніе въ его родствѣ съ погибшимъ королемъ Людовикомъ — предлагалъ себя Чехамъ

¹⁾ Письмо пана Ладислава изъ Штернберга (3 окт. 1514 г.) пану Зденку изъ Рожмиталя (списокъ въ архивѣ Чешскаго Музея); *taří letopisové české*, 403.

²⁾ *Archiv český* II. 142.

кимъ сановникомъ Мустафою пашею, с

воснулъ и по
едлагалъ ей вс
всѣ мы одного
любви надо л

нечно, дѣйстви
вать своею се
і союза съ Ту
ковской Руси,
ся съ надлеж
не поддержи
тъ національн
ла въ Чехіи
али жизненн
сдѣлалъ или
рдинанда въ
емъ". Но до

го 1527—1528

ъ славянскаго
авелъ Варда сч
lege Solavorum
ensis: Epistola
gariae historio
none Solavoru
при угорскомъ
x fuerat ex ges
um terranei fu
orum. Et isto
колько король
емъ; но онъ вѣ
бін онъ писа
ватски, далмат
Плижіами херп
480, 481.

на престолы чешскій и угорскій отнюдь не было для Польши и всего Славянства событіе: это была съ польской стороны, равнымъ образомъ какъ и допущеніе бранденбургскаго Гогенцоллерна Альбрехта въ прусскіе князья (1525). Оба событія, столь важныя для Славянства въ своихъ роковыхъ послѣдствіяхъ, состоялись почти одновременно, съ согласія польскаго короля Сигизмунда ¹⁾.

Въ слѣдствіе воцаренія нѣмецкихъ Габсбурговъ въ Чехіи, Чехи очутились вновь въ водоворотѣ нѣмецкой политики римской имперіи. Габсбурги, соединивши короны чешскую и угорскую съ короною римско-нѣмецкою, стали стремиться тоже къ присоединенію къ ней упраздненной — послѣ пребрѣтенія Ягайловичей — короны польской. Такимъ образомъ приготовлялось распространеніе владычества нѣмецкихъ Габсбурговъ чуть не надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, а на долю Чеховъ, подданныхъ, должностныхъ лицъ, слугъ и пословъ Габсбурговъ, выпала странная роль: служить орудіемъ стремленія Нѣмцевъ на славянскій востокъ, для водворенія господства нѣмецкихъ Габсбурговъ среди соплеменныхъ Чехамъ Поляковъ и югозападныхъ Русскихъ.

Мысль о приобрѣтеніи польской короны внушили Габсбургамъ, именно еще императору Фердинанду I (1562), сами нѣкоторые Поляки, Филиппъ Падневскій епископъ краковскій и Петръ Зборовскій воевода познанскій. Вопросъ о польскомъ наслѣд-

---

¹⁾ Срв. X. Liske: *Dyplomacya polska w r. 1526* (*Studia z dziejów wieku XVI*, Poznań 1867), *Dyplomacya polska w r. 1527* (*Biblioteka Ossolińskich* XII, Lwów 1869); St. Smolka: *Polaka i Austria w l. 1526 i 1527* (*Przewodnik naukowy*, Lwów 1877); F. Bostel: *Przeniesienie lena pruskiego na elektorów brandenburskich* (*Przewodnik naukowy*, 1883). На небрежность Сигизмунда жаловались нѣкоторые Поляки позднѣйшихъ временъ, и называли тогдашнее поведеніе Польши политическою ошибкою; такъ выражаются именно оба польскіе историки XVII в., епископъ Пясецкій (*Chronica*, 1645, p. 71) воевода Фредро (*Gesta populi poloni sub Henrico Valensio*, 1652, p. 202). Срв. „Славяне“, II, 93.

ихъ; всѣ Поляки спрашиваютъ, знаетъ-ли эрцгерцъ; пусть онъ, чтобъ сдѣлать на Поляковъ хорошее впечатлѣніе, напишетъ чешское письмо польскому подканцлеру епископу Красинскому или другимъ знакомымъ Полякамъ ¹⁾. Вскорѣ послѣ того въ Польшу прибыли цесарскіе послы, чешскіе сановники, паны Вильгельмъ изъ Розенберга, наивысшій бургграфъ, и Вратиславъ изъ Пернштейна, наивысшій канцлеръ. Императоръ отправилъ въ Польшу этихъ чешскихъ пановъ потому, что онъ — какъ замѣчаютъ современники ²⁾—предполагалъ, что они, по поводу общаго съ Поляками языка, будутъ ими приняты болѣе благосклонно и легче сблизятся съ ними. Цесарскіе послы должны были Полякамъ въ королѣ рекомендовать и восхвалять эрцгерцога Эрнста; онъ привыкнетъ-де скоро къ польскому языку, обычаямъ и законамъ, такъ какъ онъ учится по-чешски отъ своей дружины; между королевствами чешскимъ и угорскимъ и польскимъ изъ-давня существуютъ дружескія отношенія, да часто одинъ король господствовалъ въ Польшѣ и въ Чехіи, въ Польшѣ и въ Угріи; извѣстно же, что народы польскій и чешскій—одного происхожденія, а по поводу сходства языка, обычаевъ и др. ни одинъ народъ не можетъ сравниться съ польскимъ, кромѣ чешскаго; оба народа уважаютъ и любятъ другъ друга, такъ что они, хотя нынѣ подданные различныхъ королей, все-таки называютъ другъ друга братьями и считаютъ себя однимъ и тѣмъ же народомъ ³⁾.

---

¹⁾ Письмо Цыруса отъ 21 іюля 1572, въ придвор. и госуд. архивѣ вѣнскомъ, сообщилъ О. Вербовскій; срв. его Отчетъ IV. стр. 13 (гдѣ вмѣсто 28 іюля надо читать: 21 іюля).

²⁾ Шуанэнъ (Choïenin), секретарь тогдашняго французскаго посла въ Польшѣ, Монлюка (Mémoires, по изданію лондонскому 1789, р. 247), и Гейденштейнъ, секретарь I. Замойскаго (Regum polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII, Francofurti 1672, р. 12).

³⁾ Legatio a S. Caesarea Majestate ad ordines regni Poloniae 2 aug. 1572, въ рукописи Имп. публ. библ. (латинскія F. IV. 33): Acta interregni, fol. 346. Срв. тоже О. Вербовскаго Отчетъ IV. 18.

о и Станиславъ Шафранецъ изъ Малой Польши, подумали объ избраніи въ польскіе короли самого Розенберга, считая его какъ Чеха „Цястомъ“ т. е. природнымъ Полякомъ; да въ Польшѣ говорилось, что при посредствѣ Розенберга Чехія присоединится къ Польшѣ. Но самъ Розенбергъ, вѣрный слуга своего императора и короля, не хотѣлъ тогда и слышать о такомъ планѣ ¹⁾.

Императоръ Максимилианъ, желая своему стремленію къ приобрѣтенію польской короны придать еще больше вѣсу, заставилъ чешскіе чины, чтобъ они тоже отъ себя отправили пословъ въ Польшу съ цѣлью поддержать кандидатуру эрцгерцога Эрнста. Дѣйствительно, на чешскомъ сеймѣ 1573 г., 28 января, чины чешскаго королевства заговорили о томъ, что Поляки и Чехи всегда жили и живутъ въ дружбѣ, любви, братствѣ; чешскіе чины желаютъ, чтобъ эта дружба и любовь усиливалась и чтобъ оба королевства имѣли одно или родственное начальство; они рѣшили отправить своихъ пословъ на польскій сеймъ съ тѣмъ, чтобъ эти послы дѣйствовали на Поляковъ въ пользу избранія въ польскіе короли императора Максимилиана или его сыновей ²⁾. Послами чешскихъ чиновъ въ Польшу были Ладиславъ изъ Лобковицъ, Альбрехтъ Капоунъ изъ Свойкова, и Андрей Зутеръ. Чешскіе чины, въ вѣрительной грамотѣ (6 марта) своимъ посламъ, рекомендуютъ ихъ польскимъ чинамъ, „сопле-

---

¹⁾ О кандидатурѣ Розенберга уже въ 1573 г. говорятъ нѣкоторые современники; см. Вербовскаго: Двѣ кандидатуры 67—70. О присоединеніи чешскаго государства къ Польшѣ толковали тогда тоже иностранные агенты; такъ Шомбергъ, французскій посолъ въ Германіи, писалъ (29 августа 1572) дюку д'Анжу, что сынъ императора предлагаетъ Полякамъ тоже присоединеніе чешской короны къ Польшѣ (Nomilles III. 290); въ одномъ итальянскомъ Discorso о предстоящихъ выборахъ (Piliński: Bezkrólewie 38, срв. Droysen: Geschichte der preuss. Politik II. 2. p. 470) тоже утверждается, что императоръ легко бы приобрѣлъ польскую корону для своего сына, если бы этотъ присоединилъ къ ней и чешскую.

²⁾ Sněmu české (v Praze 1884), III. 741.

и сосѣдамъ
они дѣла
и указы
чешскаго
сейма
апрѣля)
ороли эри
всею инс
лѣ канд
роды поли
охожи об
ходить
исвѣй; и
отъ въ эт
связуютъ с

спустя (1
панъ Л
пожела
раторъ

замота и
комъ (Dec
ozelacich
юмъ Отче

га напеча
Legatio S
чатана по
икъ рѣчи
съ преим
го послы
мъ польс
ъ, посолъ,
. Розенб
лей, гово
каго Крон

зыхъ бра-
мъ, обы-
же отъ
ь своимъ
чешскій
вторые
Юляковъ.
другихъ
на друга
обычаями,
ое начало
наменова-
аѣ. Уже
у народа
и избрали
Ячеслава,
Поляковъ
и короля
и короля
Юляковъ.
дно цар-
еди Поля-
иуъ Вла-
импетромъ
тъ своимъ
чше Эрн-
ти сыно-
объ Чехи
своей ко-
сь соеди-
Ладиславъ
чешскихъ
что Поля-
Чеховъ,
а народа
обычая-

ми, законами и другими похожими вещам однимъ народомъ; Чехи пламенно желаютъ расходиться, и очень будутъ радоваться, вѣдь будутъ, какъ это бывало часто и при царяхъ или короляхъ родственные ¹⁾).

Но всѣ эти старанія пословъ цесарскихъ тщетны. Ненависть Поляковъ противъ всѣхъ другихъ соображеній и стараній привлекла на своихъ сѣздахъ рѣзко высказывавшихся и заставляла ихъ сторонниковъ случилось нѣчто неожиданное. Чешскіе императоръ и чешскихъ чиновъ, дѣйствовалъ за Габсбурговъ, восхваляли ихъ и все годиненія соплеменныхъ Чеховъ и Поляковъ за Габсбурга; но многочисленная дружина подружившись съ Поляками особенно на переговорахъ ихъ отъ австрійскаго господства, было для нихъ свободы и благосостоянія, в Чехіи ²⁾).

Посольства чешскихъ пановъ въ Польшу; польскимъ королемъ избранъ не императоръ Эрнстъ, а Французъ Генрихъ д'Анжу. Паны, хотя они не исполнили желаній императора такъ дружелюбно въ его посланіи, и поблизины особымъ отвѣтомъ на ихъ посольство.

---

¹⁾ Рѣчь пана Ладислава изъ Лобковицъ записаны въ выше упомянутомъ квал. К., также и въ рукописныхъ сборникахъ, 33), варшавскомъ (394), вѣнскомъ (132), въ 1 напечатаны въ нашемъ Отчетѣ 1882, стр. 78 въ ж. *Slovaneky Sbornik* 1885, р. 12—15, и 767—772. Срв. Бѣльскаго *Kronika polska*, 69

²⁾ По словамъ Ант. Граціани, секретаря легата въ Польшу I. Коммендоне (*De vita Jo. Patavii* 1685, р. 385; срв. Нѣмцевича *Zbiór p. „Славяне“* II. 166.

ь, но ;
 ѡскомѣ
 бра, уи
 соплел
 ѡ корс
 есаря
 гимъ І
 ать са
 ѡ Габ
 лисъ
 рскихъ
 ѡ.
 къ де
 ле Нѣ
 ѡднихъ

енцевъ
 юльск
 ять Ве
 азомъ
 эхъ, І
 равилс
 къ вр

t nobis
 et pro
 idio fei
 7. Pias
 qua lo
 цкій Ро
 ты стр
 ревека
 Zreadle
 voris C
 1 іюля
 кривск

императора, который окружилъ его иппіонами, въ свою пользу деньгами—главный способъ добычи короны—и вообще велъ себя очень пассивно, не императоръ и его польскіе и литовскіе сторонники противъ него. Такимъ образомъ вскорѣ исчезъ Розенберга, подданнаго и слуги императора, какъ ляхи говорили. Мысль о возведеніи чешскаго на престолъ и о присоединеніи Чехіи къ Польшѣ—идея осуществится только послѣ счастливой войны Германіею—блеснула только какъ метеоръ на зорѣ. Если товарищъ пана изъ Розенберга, Ладковецъ, донося императору о возможномъ избрѣніи въ польскіе короли ¹⁾, думаетъ, что это не въ пользу, то онъ правъ; но если онъ прибавляетъ, что не было бы въ пользу чешскаго государства, то онъ предполагаетъ присоединеніе Чехіи къ Польшѣ осуществленія и сохраненія на болѣе продолжитъ придадо бы исторіи западнаго Славянства другою вернуло бы Чехію къ славянскому востоку.

На избирательномъ сеймѣ, въ концѣ 1575 получили очень мало голосовъ; сенаторы по болѣе брали императора Максимилиана, шляхта семью Стефана Батори. Другіе два Габсбурга, эрцгерцогъ Фердинандовичъ и Эрнстъ Максимилиановичъ, и хотя ихъ сторонники въ Польшѣ и ихъ послы между прочимъ потому, что оба они знаютъ то же польскому близкій; одинъ изъ пословъ Фердинанд Турнь, зная кое-какъ по-чешски и по-хорватски помощи этихъ двухъ славянскихъ языковъ, до Поляками ²⁾. Польскіе сенаторы отправили къ Максимилиану посольство, во главѣ котораго наход

---

¹⁾ Письмо Л. изъ Лобковицъ императору отъ: у Верьбовскаго: Двѣ кандидатуры, документы стр.

²⁾ Верьбовскій: Двѣ кандидатуры, документы

своей королевской династии, Габсбурговъ, тому, что будутъ соединены Лѣхи, Моравяне и Чехи, и что будетъ новое утѣшеніе ¹⁾). Также и сторонники Габсбурговъ въ Польшѣ дѣйствовали въ пользу эрцгерцога Максимилиана, имѣя при этомъ въ виду соединеніе силъ всего христіанства противъ Турокъ. Вареоломей Папроцкій выразилъ надежду, что подѣ господствомъ Габсбурговъ Поляки, подобно Чехамъ, успокоятся и возвысятся, и что Вильгельмъ изъ Розенберга, Поляками любимый и почитаемый, успокоитъ ихъ отечество. Христофоръ Варшевицкій, въ формѣ разговора Поляка и Чеха, рекомендовалъ избраніе эрцгерцога Максимилиана; Чехъ отвѣчаетъ на всѣ возраженія Поляка, критикуетъ всѣхъ кандидатовъ польскаго престола—при чемъ бранитъ особенно варварскаго Москвитянина,—защищаетъ нѣмцевъ Габсбурговъ противъ польской пословицы: *Róki świat światem, Polak Niemcu nie bratem*, старается разсѣять всѣ опасенія Поляковъ и рекомендуетъ имъ въ короли эрцгерцога Максимилиана какъ единственно достойнаго кандидата. Также и Петръ Дунинъ Скринскій рекомендовалъ Максимилиана, особенно въ виду соединенія силъ христіанства противъ Турокъ ²⁾).

Максимилианъ, отвергаемый большинствомъ Поляковъ, вздумалъ добиваться польскаго престола съ оружіемъ въ рукахъ. Но разбитый І. Замоискимъ подѣ Бычиною (1588) Максимилианъ поплатился за эту свою попытку плѣномъ. Побѣда бычинская

---

¹⁾ Е. Mayer: *St. Pawłowski's Gesandtschaftsreisen nach Polen* (Wien 1861, p. 252, 322).

²⁾ По словамъ современной пѣсни: *Austriac beata domus, gauat omnis Polonus, sprízpěni budou Lechové, Moravané i Čechové, mězení bude nové.* (Н. а J. Jireček: *Rozprawy z oboru filologie*, 78). Не написалъ-ли эти стихи В. Папроцкій?

³⁾ Paprocki: *Pamięć nierządu w Polsce r. 1587* (посвящено Розенбергу); Wargzewicki: *Lechitae et Bohemi colloquium 1587*

аго господства, и приготовили самимъ себѣ судьбу, которая постигла другіе славянскіе Розенберги — кончилъ Замоискій — навѣрное о своемъ народѣ и о своемъ отечествѣ, чѣмъ вѣ и честолюбін. Чешскій панъ, посолъ нѣвъ своемъ безвыходномъ положеніи, не могъ скія разсужденія польскаго пана отвѣтити ни въ того, что онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ го отечества и вѣрность государю; но въ ду- корошо понималъ всю правду словъ Замоиска- тѣмъ всю фальшь своего положенія: чешскій печтавшій о польской коронѣ, а на дѣлѣ — по- цкихъ интересовъ на славянскомъ востокѣ ¹⁾.

зенберга на этотъ разъ увѣнчалось успѣхомъ: ней Максимиліанъ, отказавшись отъ польской на волю. Эти событія не ослабили друже- еховъ и Поляковъ. Чешскіе чины на сеймѣ ператора и короля, чтобъ старинное согласіе льшею оставалось въ своей прежней силѣ, оразумѣніе, которое произошло между нѣко- шской короны и польскимъ королевствомъ, ъ между ними обоими искренняя любовь, еди- осѣдство ²⁾.

столя занялъ болѣе счастливый соперникъ цскій королевичъ Сигизмундъ III, Полякъ по йся, посредствомъ двухъ браковъ съ австрій- ми, съ Габсбургами. Во время долголѣтня- гизмунда III въ Польшѣ произошли важныя новлія и на взаимныя отношенія Чеховъ

секретарь Замоискаго Heidenstein: Vita J. Za- vitam resque J. Zamoyscii illustrantia, ed. Dzia- изъ рукописи взялъ уже Bohomolec: Życie J. Za-

нія чешскаго сейма 1589 г. (современная печать).

и Пол
католи
ганда
много
дентов
тизов
протес
униєю
затѣмъ
отчуж
нула и
попыт
падѣ :
I, отде
ливше
внутр
ослаб
ка" п
чала :
въ та
да же
ру эт
ствен
вѣдь
нопле
дали
обще
Полы
круж.
проя

_____

въ на
ны д
шлях

дѣйствія противъ Чеховъ ¹
 III старался въ началѣ см-
 ператоромъ Матвѣемъ, и у
) прекратить всѣ враждебны
 го возмущеніе чешскаго кор
 ечалило по поводу доброжа
 евству, которое съ польскн
 ольскихъ короляхъ жило въ
 Чехи въ отвѣтъ королю (3 о
 ній и клеветъ своихъ враго
 нскій миръ противъ нихъ на
 стремясь къ уничтоженію е
 нему, чтобъ сами могли удо
 ъ, поглотить жизнь и имуще
 ели. Чешскіе чины благода
 ъ нимъ доброжелательство
 между ними и императоромъ
 тво королевствъ чешскаго в
 рода, тотъ же языкъ, старш
 ѣ любви и благоволенія о
 полнилъ просьбу Чеховъ і
 старался примирить его с

чешскій подлинникъ (съ мног
 орыхъскихъ въ Краковѣ; срв.

ременные Pavel Skála ze Z
 vydal Tieftunk, II. 397), Fr.
 ipzig 1724), IX. 198.

ъмо въ спискахъ земскаго ар
 , тоже въ рукописи Имп. п
 ычныя Q. IV. I. fol. 395); срв
 дѣлательны слова Чеховъ:....
 i nostram, quo ipsi in turbati
 inis nostris inbiare, atque ex

ala II. 442.

го, то въ прагу приюли послы польскаго короля, увѣщевая Чеховъ примириться съ преемникомъ Матвѣя, королемъ Фердинандомъ. Король Сигизмундъ, въ письмѣ Чехамъ (18 октября 1619), заявляетъ о своей готовности способствовать ихъ примиренію съ Фердинандомъ, сожалѣетъ о чешскихъ смутахъ тоже потому, что королевство чешское съ польскимъ соединено не только сосѣдствомъ, а тоже однимъ языкомъ, началомъ, и великою дружбою уже отъ предковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ польскій король отождествляетъ уже свои интересы съ интересами Габсбурговъ, и указываетъ на свое родство и на многіе договоры съ ними, такъ что все постигшее австрійскій домъ касается и его. Въ такомъ же смыслѣ Сигизмундъ писалъ Слезакамъ, сожалѣя о смутахъ въ чешскомъ королевствѣ, соединенномъ съ польскимъ почти однимъ языкомъ, началомъ и великою дружбою ¹⁾. Чехи отвѣтили королю Сигизмунду (14 ноября 1619), что они уже не могутъ отказаться отъ избраннаго короля, и просили, чтобъ польскій король оказалъ милость и доброжелательство чешскому королевству и всѣмъ его короннымъ землямъ, изъ-за великой дружбы и благоволенія существующихъ между обоими королевствами по поводу одного языка и начала обоихъ народовъ, и старинныхъ договоровъ заключенныхъ между обоими королевствами и народами и всегда сохраняемыхъ. Чины чешскаго королевства и депутаты остальныхъ коронныхъ земель чешскихъ, собравшіеся на генеральномъ сеймѣ въ Прагѣ, въ письмѣ Сигизмунду (16 ноября), защищали свой образъ дѣйствій и союзъ съ Слезакami ²⁾.

¹⁾ Письмо Сигизмунда Чехамъ (въ современномъ чешскомъ переводѣ) въ спискѣ въ земскомъ архивѣ чешскомъ; письмо Слезакамъ (въ нѣмецкомъ перев.) у Лондорпа: *Acta publica* (1668, I. 847); срв. Служу III. 397.

²⁾ Оба письма (въ чешскомъ переводѣ) записаны въ земскихъ документахъ чешскаго королевства (*Kvatern první zelený listův poselucích* с г. 1607 *old.*, arch. I. 20); второе письмо тоже у Скалы III. 398, у Лондорпа I. 848.

Король Сигизмундъ и строго католики смотрѣли на положеніе дѣлъ въ отвращеніемъ; многіе польскіе паны какі были готовы на всякія услуги Габсбургманъ Жолкевскій, узнавши о коронаціи Фридриха, замѣтилъ, что Полякамъ не утѣшенія, смотрѣть на все это сложа думываютъ эти еретики ¹⁾. Король Сигизмундъ интересовался больше Чехами, до увротить или истребить, чѣмъ Чехамъ надо было спасать отъ Нѣмцевъ. устахъ тогдашняго короля были фразы, что и нѣмецкихъ Габсбурговъ были для чѣмъ интересы обоихъ западно-славянъ и Польши въ особенности: польскій и католическіе соумышленники въ Польшѣ почитались грозныя — по истинѣ пророчески угрожаетъ страшная опасность имъ на чужбѣ, что многочисленные враги призывали на истребленіе Чеховъ, чтобъ поощрить и возрасти изъ ихъ гибели.

Осенью, въ октябрѣ 1619 г., король о дѣлахъ чешскихъ и угорскихъ съ сенаторами опасность, угрожавшую-де Польшѣ съ и печальное положеніе католиковъ въ чужбѣ сенаторы рѣшительно отсовѣтывали вмешательство въ чужія дѣла въ пользу австрийской Польшѣ никогда не помогалъ; они указывавшую Польшѣ со стороны Турокъ, и помощи австрійскому дому не могло бы съ ущерба для Польши. Кромѣ того у Польши сосѣдства, старинныхъ договоровъ и,

---

¹⁾ Niemcewicz: Zbiór pamiętników i listów, Warszawa: Wiadomości do dziejów polskich

Чехія, передъ тѣмъ не было существенной причины, чтобъ предпринимать противъ Чехіи что-нибудь враждебное; напротивъ, Польша съ Чехіею всегда и до сихъ поръ оставалась въ дружбѣ, согласіи и мирѣ. По этому король пусть серьезно подумаетъ о томъ, противъ кого онъ хочетъ воевать, особенно потому, что бѣольшая часть польскихъ чиновъ едва-ли согласится съ нимъ. Дальше надо сообразить, что споръ Чеховъ не одинъ только споръ изъ-за религіи, а что тутъ дѣло идетъ о старинныхъ правахъ чешскаго королевства, которыя чины чешскаго королевства и другихъ коронныхъ земель пріобрѣли отъ прежнихъ императоровъ и чешскихъ королей. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь свободный выборъ короля; если же польскіе чины помогали бы нарушить этотъ старинный обычай чешской короны, то со временемъ и ихъ право свободного выбора короля могло бы сдѣлаться сомнительнымъ да совсѣмъ пропасть, за что они не хотятъ принять на себя отвѣтственности передъ своими потомками ¹⁾).

Въ то время одинъ „богу, королю и родинѣ вѣрный польскій шляхтичъ“, т. е. князь Юрій Збаражскій, потомокъ рода нѣкогда литовско-русскаго православнаго Кобытовичей, но тогда уже католикъ, въ особой анонимной брошюрѣ рѣшительно отсовѣтывалъ войну противъ Чеховъ, которые не сдѣлали Польшѣ никакого зла. Збаражскій приводитъ семьдесятъ важныхъ причинъ, по которымъ польскому королю, сенаторамъ и шляхтѣ нельзя сопротивляться необходимой самооборонѣ Угровъ и Чеховъ; они защищаютъ самое справедливое дѣло противъ австрійскаго дома; Чехи и Поляки — одного происхожденія отъ бра-

---

¹⁾ По (сокращенному) разсказу Скалы въ рукописной, неизданной части его исторіи IX. 580 (въ библіотекѣ чешскаго музея). Скала ошибается, разсказывая, что Сигизмундъ предложилъ дѣло польскому сейму; Лондорцъ (I. 850) и Кефенгиллеръ (IX. 632) говорятъ только о совѣтѣ сенаторовъ. Оба они приводятъ тоже письмо неистиннаго сенатора гнѣзенскому архіепископу, что не слѣдуетъ вѣшиваться въ чешскія дѣла, въ чужіе опасные споры, и что лучше, если Польша защищала самую себя.

тьевъ Чеха и Лѣха, а слезскіе князья Паслѣдники польскихъ королей, и по этому гведливой причины на ихъ гибель не что имать въ собственныхъ внутренностяхъ ¹⁾).

Польскіе паны заговорили съ достоинствомъ королю не понравился совѣтъ его сената прочь заключить съ Фердинандомъ союзъ и представилась Польшѣ надежда приобрѣсти союзъ не состоялся, и Польша должна была маніе на турецкія дѣла ²⁾). Но если король могъ выступить на помощь Нѣмцамъ противъ“ со всѣми силами Польши, то дѣлалъ Нѣмцамъ доставлялась по крайней мѣрѣ в Польши; онъ старался удерживать Слезаконщи Чехамъ, строго запрещалъ нанимать сенины потребности въ Польшѣ на пользу Чехамъ его секретаря Петра Бискупскаго скалъ, что бы могло быть полезнымъ империальная услуга, оказанная польскимъ королемъ зволеніе цесарскимъ агентамъ Юрію изъ

---

¹⁾ Septuaginta graves et arduae rationes niae nec non senatores et nobilitatem regni d Bohemia et alibi locorum, inevitabili necessitate agi decet (Розоніи—т. е. вѣроятно въ Поанавѣ бургъ—1619); то же по-нѣмецки (перепечатано по-чешски у Скалы (рукоп. IX. 581). Срв. „Стивъ Збаражскаго издалъ илюцій епископъ Rozponio ad 70 rationes (1620). Лубенскій, и нѣ католическихъ Габсбурговъ, упрекаетъ schismata et haerese placet. Въ брошюрѣ то же слѣдующая выходка противъ Русскихъ: pruritu vel dominandi libidine arma sumpta a fuerunt justae et legitimae causae, quae nos eo solo nomine christianam, caeterum feritate barbarum ...christiani nominis inimicam, bello impet

²⁾ Gindely: Geschichte des böhm. Aufst

маса увѣщавшіе
а а защищать о
и не на Турокъ а
къ началъ февраля
; имъ говорилъ ихъ
хали о польскомъ
прославился и от.

или однако иначе в
народа черезъ по
ючвѣ, тамъ гдѣ де
жо-русское войско
ажсвихъ, Сигизмундъ
своимъ гуситскимъ
і король Фридрихъ
панъ Вячеславъ
Сигизмунду (10 фе
рабежъ Лисовчик
ные договоры и
лись ненарушимо
хотѣлъ именно то
ю возобновить и
о. Онъ требовал
ско было изъ Мор
цетъ впредь мѣста
ринная жизнь и св
ъ и происхождені

Wiadomości 259, Ni
piał listu utrapione
ѣчь Клечковскаго з
ліотеки (иногда чны
і ближе неизвѣстн
заетъ Brandl: Gloss
ъ, Сигмундъ.

скій король надѣялся, что этого

Слезскіе князья и чины, въ номъ польскимъ чинамъ (29 мая) и требовали, чтобъ Польша противъ нихъ; чешскія дѣла толку ведутъ справедливую борьбу, и себѣ короля. Относительно раз пусть вспомнятъ тоже о своихъ и своей исторіи; король Владиславъ щую борьбу почти всего христі товъ, ограничившись только нѣ товъ въ Польшѣ; да и при немъ помогали гуситамъ противъ рим мунда и Альбрехта; король Казе общей борьбѣ противъ гуситовъ, диславу царствовать тоже на пусть не забываютъ, что между польскимъ и чешскимъ, существу юры, которые соединяютъ оба происхожденіемъ, языкомъ, уст лави тоже родня и соединены деніемъ, языкомъ, устройствомъ рошо извѣстятъ короля о дѣлахъ будетъ помогать императору, то сность тоже свободѣ польской ².

¹) Письмо въ архивѣ чешска чешскомъ земскомъ архивѣ; см. на

²) *Ad senatores regni Poloni* временная брошюра, которую не 2'), Palm: Acta publica. Verhandlungen der böhmischen Fürsten u. Stände (Bro. Ч хм, защищая тогда свое право си бѣ „Дедушціи“, ссылались на тако с „Славяне“ П. 29.

раторъ сломить Угровъ и лютеранъ съ польскою помощью, „у насъ будетъ вѣра католическая, но тоже неволя нѣмецкая“. Станиславъ Конецпольскій, полевой коронный гетманъ, возвратившись уже въ 1623 г. изъ турецкой неволи, писалъ одному слезскому князю, что онъ очень удивился, какъ усилилось своеволие нѣкоторыхъ дивихъ и надменныхъ людей, что они не стѣсняются непосредственно нападать на сосѣднія королевства и земли, съ которыми Польша всегда сохраняла дружбу и миръ, и какъ злоба тѣхъ людей все больше распространяется и усиливается ¹⁾.

Но грубый религіозный фанатизмъ затмилъ уже политическій разсудокъ польскаго короля и многихъ Поляковъ. На тѣхъ же самыхъ Чеховъ, за которыхъ заступались когда-то польскіе Владиславы и Казимиры, Шафранцы и Корибуты, на тѣхъ же Чеховъ, которыхъ еще тридцать лѣтъ назадъ первый польскій государственный человѣкъ, І. Замойскій, называлъ такъ сказать представителями Славянства—въ тѣ роковые 1618—1620 гг. могла отъ польскихъ публицистовъ и памфлетистовъ посыпаться разная брань: Чехи-де, не смотря на общее съ Поляками происхожденіе отъ братьевъ Чеха и Лѣха, удалились отъ польской доблести и мужества; они народъ во всемъ похожій на Москву, переродившійся на безчестіе и презрѣніе всѣхъ своихъ соплеменниковъ; ихъ гербъ не левъ, а скорпіонъ; у нихъ имѣетъ свое жилище Марсъ, и они охотно убиваютъ, какъ это показали во время гуситскихъ войнъ; они ослобды, пьяницы, опричники (оргусіенсу), друзья поганныхъ, мѣшкы Іуды и пр. Эти польскіе фанатики радовались пораженію чешскихъ еретиковъ и написали имъ надгробную надпись: здѣсь лежатъ тѣ, которые надѣли кальвинскіе доспѣхи, съ зарѣзанными отъ острыхъ бритвъ горлами, гдѣ ихъ ни Гусъ ни Жижка не спасли изъ ада; съ ихъ кровью душа сейчасъ изъ нихъ утѣкла. Это знакъ клятвеннаго преступленія и позорной кривды относительно бога и императора. Не забудутъ никогда о Лисовчикахъ Чехи!

---

¹⁾ Письмо Збаражскаго въ рукописномъ сборникѣ Имп. публ. бібліотеки (иноязычныя F. XVII. 46, fol. 225), письмо Конецпольскаго у Мосбаха *Wiadomości do dziejów polskich* 289.

Nagrobek Czechom 1620.

и лежѣ, co w kalwińskie ubrali się zbroj
ołożyli od ostrych brzytew garła swoje.
dzie ich Hus ani Zyska ani Kalwin
atował, zaraz ze krwią dusza z nich
rzywoprzysięstwa to znak i haniebn
ak boskiěj jak cesarskiěj; niezapomni
isowczyków Czechowie . . . ¹⁾).

„*Отсутствие Польши*“ — говорит
ольскихъ историковъ ²⁾— „среди испол
аемой на столь близкой сценѣ соплеме
противно; но еще противнѣе и больнѣ
а какое намъ приходится смотрѣть.

умѣющаго глядѣть въ будущее пол
еловѣка чешское возстаніе раскрывало
изонты. Чехя, чувствуя, что въ Пол
тыскивая его даже въ Варшавѣ уже
орской битвы черезъ особое посольство
переться на Польшу, избрать себѣ здѣ
а Нѣмцемъ Фридрихомъ или Эмануило

---

¹⁾ Jan Zrzenezycki: Nowiny z Czes
zi (1619), Nowe nowiny z Czech, z Tatars
использовался Bart. Pogodziński: Nowiny
iejowski: Piśmiennictwo polskie III. 680,
Czechów i Kalwinistów przez Lisowczyki
Дзѣдушицкаго Rys dziejów Lisowczy
Czechom“ встрѣчается у Зреняцкаго (ср.
01). Зреняцкій рассказываетъ, что про
овские („żydzi chrześni krakowscy“) посл
8,000 złotych, 20,000 szeregownych; Гдань
гдѣ, что однако-де конфисковано. Отно
ослобдами“ см. „Славяне“ II. 190.

²⁾ K. Jędrzejowski: Wojny trzydziel
пав. журн. Ateneum 1880, I. 104).

ниться съ чешскимъ движеніемъ, завладѣть имъ, руководить имъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, которымъ чешскіе интересы не противорѣчили, значило то же самое, что пріобрѣсти потерянную Слезію, занять въ сердцѣ Европы первостепенное положеніе, создать въ ея срединѣ большую славянскую державу, обезпеченную своею силою и положеніемъ отъ всякихъ перемѣнъ и капризовъ судьбы. Мѣшать осуществленію такой мысли могла захотѣть въ тогдашней Европѣ одна только Испанія, но никто этому помѣшать не могъ. Странно, что, не говоря уже о королѣ Сигизмундѣ III, который подчинялся вліяніямъ и теченіямъ не допускавшимъ подобной мысли, въ обществѣ въ то время столь падкомъ на политическія авантюры — доказательствомъ походы московскіе и волошскіе — не нашлось тогда достаточно фантазіи и прозорливаго смысла, чтобъ стремленіе первой и дѣятельность второго обратить на Чехію, втянуть можетъ быть короля и Польшу въ такое дѣло, какъ и прежде втянули ихъ въ походъ противъ Москвы. Къ сожалѣнію, это было время религіозной реакціи въ Польшѣ, не позволявшей ставить дѣла народнаго величія и могущества выше интересовъ католической церкви; это было время, когда породнившійся сверхъ того съ габсбургскимъ домомъ польскій король не подалъ бы никогда руки еретикамъ, срывающимъ въ добавокъ корону съ головы его родственника. Даже при такихъ условіяхъ Польшѣ, умѣющей пользоваться обстоятельствами, представлялись все-таки менѣе широкіе, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно немаловажные замыслы. Мы упомянули о томъ, какъ Фердинандъ въ моментъ самыхъ тяжелыхъ своихъ затрудненій предложилъ Сигизмунду Слезію. Пріобрѣсти Слезію было конечно меньше, чѣмъ стать разомъ, какъ это было возможно, государемъ Чехіи, Моравіи, Слезіи и Лужицъ; но стать государемъ, хотя бы одной только Слезіи, значило оторвать отъ нея на вѣчныя времена домъ бранденбургскій, привести его притязанія вмѣстѣ съ ериторіальнымъ пространствомъ въ весьма скромные размѣры, исправить столь невыгодную западную границу, спасти отъ онѣ-

***

***

о неумѣстности своей радости по поводу по-
свихъ“ Чеховъ, скоро почувствовали недост-
государства въ средней Европѣ, и усиливаю-
нѣмецкихъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ.
тилѣтней войны Польша вынуждена была молча
чего предпринимать на пользу своихъ инт-
только въ виду приобрѣтенія Пруссіи и Слезіи
радоваться,—вмѣстѣ съ своими іезуитами и
разбивающими церкви - сборы „еретиковъ“, -
лицизма въ средней Европѣ, что однако соедине-
леніемъ нѣмецкихъ Габсбурговъ ¹⁾. Поступо-
роля Іоанна Собескаго въ 1683 г. составляет
тическую ошибку, и такъ его понимали тогда-
торые Поляки, не переставая и впредь относи-
подозрительностью къ нѣмецкой политикѣ Га-
Поляки въ 1683 г. возставали противъ плана с-
польскою кровью отъ Турокъ, замѣчая, что на-
денбургъ и Австрія — вѣковые враги Поль-
и по смерти короля Іоанна (1696), совмѣстно
посломъ, предостерегали отъ избранія въ коро-
савсонскаго курфюрста: если курфюрстъ римси-
ривъ будетъ польскимъ королемъ, то можетъ сл-
вами то, что случилось съ ихъ братьями Чехами
роль тоже былъ курфюрстомъ; такая связь Ч-
поглотила это злополучное королевство, такъ
существуетъ. Напрасно Франція старалась о-
дузскаго принца Конти; напрасно одинъ фра-
ственный человекъ напоминалъ о правахъ пол-

---

¹⁾ Na cały przebieg wojny trzydziestoletniej
bez tego, który jej się należał, wpływu. Była to
długa bez miary abdykacya z politycznego stanow-
nych sprawach europejskich. Z martwym koło-
Polska coraz to więcej zbliżała, przedstawano się li-
ski: Dzieje Polski, Warszawa 1881, II. 193).

²⁾ См. „Славяне“ т. II, 82—85, 92, 96, 164—

и Святополка, чешскихъ Болеславовъ и Брячислава, польскаго Болеслава Великаго. Полабско - балтійскіе Славяне, неподдерживаемые — по разнымъ причинамъ — ни Чехами ни Поляками, погибли, Чехія спаслась отъ такой-же участи только въ слѣдствіе добровольнаго присоединенія къ Германіи. Польша, отраженная на западѣ напирющимъ на востокъ нѣмецкимъ народомъ, бросилась въ свою очередь тоже на востокъ, на Русь, и не могла уже подать помощь тонувшимъ въ нѣмецкомъ морѣ Чехамъ, тѣмъ болѣе, что подачѣ такой помощи мѣшали разные постороннія соображенія Поляковъ, имѣвшія въ виду не защиту славянскихъ интересовъ противъ дружной анти-славянскости Нѣмцевъ, а „исправленіе“ вѣроисповѣданія въ — „еретическихъ“ Чеховъ. Наконецъ Поляки отразивъ славянскаго востова, — гдѣ тоже взяли за „исправленіе“ „схизматической“ Руси, — очутились между Нѣмцами и Чехами, не применили добровольно въ послѣднемъ, смяты и Чехами, и Нѣмцами, не приняли участія остальныхъ западныхъ Славянъ. Въ XII вѣѣ Нѣмцы воздвигли гробницу полабско - балтійскимъ Славянамъ безъ содѣйствія Чеховъ и Поляковъ; вторая западно-славянская гробница поставлена Нѣмцами въ началѣ XVII вѣка, о „Nagrobek Czechom г. 1620“, при чемъ помогали и Поляки. Въ концѣ XVIII вѣка тѣ же побѣдители Нѣмцы воздвигли по очереди западно-славянскій „Nagrobek Polakom 1815“.

Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. Государственное и общественное устройство. Христіанство въ Моравіи, Чехіи и Польшѣ. Пражскій университетъ. Гуситство и чешскіе братья въ Польшѣ. Чешскій языкъ въ Польшѣ и его вліяніе на польскій. Польскій языкъ въ Слезіи. Чешское военное искусство въ Польшѣ.

Чехи (Моравяне, Словаки) и Поляки, происходили — по древнимъ сказаніямъ — отъ двухъ братьевъ, Чеха и Лѣха.

— — — — —

— — — — —

бстирадъ, Грабиша, Яр
ресиславъ (Бреславъ), Е
въ, Мѣшео, Милей, Ми
гъ, Мстигивъ, Мутыш
лъ, Одолянъ, Павосла
ъ, Прудота - Прждота,
ъ, Радованъ, Ратиборъ.
авата - Славата, Славе
таниславъ - Станѣвъ, С
ъ, Судивой - Сждивой,
роянъ, Унѣславъ, Ваце
авъ, Верхославъ, Вите
, Вратиславъ - Вродис
Варшъ, Всеборъ, Зави
др. Чужія имена изъ
и часто передѣлывали о
, Янъ - Яникъ (Ioannes)
sius), Бенедикъ (Benedict
Идикъ - Идзій (Aegid
цъ (Laurentius), Пабян
, и др. Что касается
встрѣчается множество
ихъ, названія по имен
ь, Познанъ, Чеховъ, Тр
- Вышогродъ, Загорье)
е, Сувольники, Псары,
и пр. Прага, Вышег
Сждомѣрь, Кошице, Зи
ь), Ратиборъ, Быстриц
ъ, Словаковъ, Поляковъ
христианство проникло в
лю Хорватовъ и въ др
же въ поодранскимъ Л
ика, изъ епархіи панс
оттуда распространило
еніе удержавшееся там

Вѣхомъ и Станисла
номъ. Такъ на п
ередъ домбровенско
ронамъ Станиславу
ъ, въ эпилогъ сво
окончаніе своего тру
1 г., день св. Вячесл
и „чешскаго князя се
денія“ ¹⁾. Самое им
у, латин. Wenceslau
slaw, хотя эта фор
въ живомъ польскомъ
малопольскихъ, вел
правильная польск
Wenczslaf, Wancz
иеш. Vach) ²⁾, а въ н
исовой звукъ сохрани
ъ Чеховъ, возобнов
и свв. Кирилла и Ме
мъ соединяющимъ Ч
нетъ. Поляки сост
тырехъ университет
и другими народами
и числялись тоже Ли

Historia Wladislai p
Wojna Chocimska, p.
conu czeskiemu, a ze
. Св. Вячеславъ пр
нигъ Ст. Соколовскаг
ас (1580 и часто, еще
ращенная форма чеш
iv, Břeněk - Břecislav
e“, II. 606.

ni, ecce Rutheni, ecc
юръ Андрей Бродскій
eschichtschreiber der I

Но не смотря на всякія препятствія, и себѣ путь и въ Польшу, находя по-
спорахъ шляхты съ духовенствомъ
дѣль²⁾. Гусъ переписывался съ и
ронимъ Пражскій возбуждалъ больш
численнаго духовенства въ Польшѣ,
санціи за Гуса ходатайствовали так
императоръ Сигизмундъ заявилъ здѣсь
иѣтъ много приверженцевъ также в
г. гуситскія мнѣнія являются и пр
ольшѣ, именно въ Равѣ³⁾. Черезъ г
ольшкіе епископы, на синодахъ въ В
были обнародовать строгія мѣры прот
ольшѣ гуситства. Они проклинали
и Гуса и ихъ приверженцевъ, особе
провозглашаютъ или тайкомъ учатъ,
и причащеніе подъ обоими видами;

Мнѣнія чешскаго ревнителя Іоанна Ми
Чехіи и въ Польшу, въ епархіи гнѣзен
aldi Annales eccles. ad a. 1374.

См. Н. Любовича: Исторія реформаціи
нѣнію „можно смѣло сказать, что польс
родолженіе борьбы шляхты съ духове
и генетическую связь польской рефор
мъ въ Польшѣ. Это, вообще говоря,
ольшѣ возникла не на гуситской основѣ
гдѣ гуситы - утраквисты (но не чешс
льшей части къ лютеранству; Поляки -
рямо къ новымъ ученіямъ нѣмецкому
, позже и къ чешско - братскому. Но
о находило въ Польшѣ XV в. достат
иготовлять, хотя бы только отъ части

См. выше, стр. 39—41.

Documenta M. J. Hus, ed. Palacký, 11
Smolka: Archiwa w w. kę, Poznań. i v
IV. 256).

Слезію, гдѣ проживалъ подъ покровите-
зя Болеслава. Здѣсь онъ написалъ
Виклефа; онъ восхваляетъ этого велич-
ратовалъ противъ господства антихрис-
папы происходитъ-де не отъ Христа, а
побить словомъ Христа, словомъ ист-
ваютъ; и такъ какъ они ея боятся, то го-
стось да пошлётъ такихъ священниковъ
шали истину и разбили антихриста ¹⁾).

Въ числѣ польскихъ гуситскихъ п-
хію, извѣстны Іоаннъ Галетъ, который
Таборъ, и Михаилъ, прозванный *Поля*
въ Великой Польшѣ. Михаилъ училъ
въ Краковѣ и въ Гнѣзнѣ, и вернулся
жилъ около тридцати лѣтъ и применилъ
Полякъ, но усердный любитель чаши Х-
ется одинъ современникъ. Михаилъ
бовью и популярностью, и способствовалъ
въ чешскіе короли. Но его рвеніе к
короля; Михаилъ засаженъ въ тюрьму
и умеръ (1480) ²⁾. Бывали и позже
гара реформація въ Польшѣ, что по-
присоединились къ чешскимъ утравистамъ
польскій попъ Альбрехтъ Мичмаеръ
Польшѣ ³⁾).

¹⁾ О Галкѣ см. Wiszniewski: *Historya*
425; *Codex diplomat. universitatis Cracov.*
коловскаго въ *Przewodnik naukowy* 1874,
Пѣснь начинается: „Lachowie, Niemcowi
picielei (wątpię jeśli?) w mowie i wszego pi-
rowie“. Срв. Nehring: *Altpoln. Sprachd*
реть все о Виклефѣ, а нигдѣ о Гусѣ.

²⁾ О Галетѣ (Галкѣ?) говоритъ Эн-
1451 г. Таборъ (см. Палацкаго *Dějiny nář.*
халкѣ тамъ-же V. 1. р. 201, и *Starí letopis*

³⁾ *Jednání a dopisy konsistoře katoli*
Bogový (v Praze 1868), I. 316.

1

2

3

4

5

6

7

—
и сами нѣмецкіе
и въ близкія сно-
го и славянскаго,
— сказали Лю-
теръ уже раньше
, посредствомъ
ѣе распростране-
нъ¹⁾).

пропаганда среди
мъ братьямъ, ког-
жны были высе-
родныхъ по язы-

—
сообщаетъ вели-
кій въ своей исто-
fratrum Bohemor-
гровскаго и I. Бл-
аны въ 1585 г. чел-
у изъ Жеротина д-
I. Лукашевича Д-
288). Гдѣ находи-
вѣстно. Въ 1649 г.
и Ласницкаго (De e-
um Bohemorum) с-
ическаго содержи-
az jednoty českob-
ří českých (новыя
ицкій, приводя сле-
гобъ они были апо-
иѣй (Systema histor-
, p. 58) употребля-
такія слова Лютер-
ныхъ, Симеонъ Θε-
ротестантовъ въ
a z poimí w nar-
mí". (Kazania wun-
gious) съ братьями

ихъ языкъ чешскаго; видно, что они а писали по-польски, да употребляли скія слова или чешскія слова на польскі braterska (только позже bratska, bractwo, bractwino, gadka (въ смыслъ чеш. hádka), jednanie (чеш. jednání), zalubić się (zalíbiti se), ponukać, uczedlnik, podstatny, zawierka - zawirka, pokrzyctwo (pokrytství), pry, prózny być czego (prázdny býti), zjewny, przedni, domacy, opatrowanie, fedrować, zględano (shledáno), wymianka (výminka), zbierka - zbirka, pieśniczka, dowierność (důvěrnost'), dziesiątek (desátek, поль. dziesięcina), rząd i káźń św. cerkwie (řád i kázeň sv. církve), spis - spisek (т. е. сочинение), sakramenta albo świętości, umienie, skuszenie, и др. ¹⁾). Еще на съѣздѣ въ Ксѣнжѣ (1562), гдѣ обсуждался тоже вопросъ о польскомъ переводѣ чешско-братской конфесіи, Малополяне могли упрекать чешскихъ братьевъ въ недостаточномъ знаніи польскаго языка ²⁾). Это скоро измѣнилось, и чешскіе братья, происхожденіемъ Чехи, родившіеся еще въ Чехіи или въ Моравіи, но воспитанные и дѣйствовавшіе уже въ Польшѣ, стали писать по-польски не хуже Поляковъ, своихъ единовѣрцевъ. Въ Польшѣ

¹⁾ См. много такихъ братскихъ записокъ 1555—1560 гг. у І. Лукашевича: *Dzieje kościołów wyznania helweskiego w dawniej Małej Polsce*. Такъ на пр. въ 1556 г. оба чешскіе брата, Юрій Израэль и Рыба находились среди кальвинистовъ въ Малой Польшѣ; однажды „brat Jerzy grównanie a zjednoczenie braterskie z ministrami ich w Koźminku uozynione, z czeskiego na polskie wykładał, a br. Ryba konfessyą braterską po polsku pisał (p. 70).. Brat Jerzy kazał (Малополянамъ) śpiewać pieśń z kancyoŃalu braterskiego (p. 80).. Co się dotyczy spisów braterskich, niektóre poselają się tym (Малополянамъ), którzy nieco rozumieją po czesku, i którzy je też radzi czytają, a ich już nie mało jest (p. 131)“. На съѣздѣ въ Влодзиславѣ (1557) „każdy artykuł (со стороны чешскихъ братьевъ) z osobna prowadzon, a oni (Малополяне) wszystko pisali, a czego w czeskim języku zrozumieć nie mogli, po łacinie było dopełniono“ (p. 179). Чешскимъ братьямъ, заботившимся столь о хорошемъ чешскомъ стилѣ, не нравилась смѣсь польско - латинская въ проповѣдяхъ кальвинистовъ — „połowica słów polskich a połowica łacińskich (p. 68).

²⁾ Любавичъ, *Исторія реформаціи въ Польшѣ*, 300.

тели ¹⁾. Польскіе протестанты встрѣчались съ тѣми въ Чехіи и въ Моравіи, на синодахъ брешскихъ во второй половинѣ XVI в. въ Липникѣхъ, Болеславѣ, гдѣ присутствовали часто деи-братъевъ и тоже кальвинистовъ, и гдѣ обсуж-польскихъ братъевъ и кальвинистовъ, при чемъ Поляки говорили на своемъ языкѣ и читали свои статьи по-польски. Съ другой стороны и братья изъ Чехіи и Моравіи бывали у своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ ²⁾. Польскіе братья посылали свою молодежь въ Чехію и Моравію на воспитаніе, а съ другой стороны отправлялись и чешскіе воспитатели въ Польшу; такъ на пр. въ 1608 г. ректоръ пражскаго университета Мартинъ Бахачекъ посылалъ чешскаго воспитателя протестантскому пану польскому Стадницкому ³⁾.

Въ слѣдствіе распространенія протестантизма въ Польшѣ польскіе некатолики стали смотрѣть на чешскую реформацію XV-го вѣка, на гуситство, совершенно иначе, чѣмъ ихъ предки. Кальвинистъ Станиславъ Сарницкій, говоря о зачаткахъ гуситства въ Чехіи, радуется, что оппозиція Риму началась раньше въ языкѣ славянскомъ, чѣмъ въ нѣмецкомъ (*Colloquium Piotrkowskie* 1565) ⁴⁾. Другой кальвинистъ, Киприанъ Базилевъ (*Historia*

---

¹⁾ Ласицкаго исторія братъевъ въ чешскомъ переводѣ І. Коменскаго, по изд. 1869 г., стр. 225, 236. Чистый нравственный характеръ жизни братъевъ дѣлалъ вообще на многихъ глубокое впечатлѣніе; срв. на пр. восторженные отзывы о братьяхъ католика Фрица Модревскаго (*Commentarii de republica emendanda*, ed. 1554, p. 345), и протестанта П. Вергерія въ письмѣ Стан. Остророгу 1558 г. (*Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder*, ed. Gindely, Wien 1859, p. 216, in *Fontes rerum austriac., Diplomataria et Acta*, t. XIX).

²⁾ Подробности въ сб. *Dekrety jednoty bratrské*, vyd. Gindely (v Praze 1865). Связи польскихъ антитринитаріевъ съ моравскими анабаптистами были очень непродолжительны; срв. Н. Любович Начало катол. реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ, 156.

³⁾ *Sazoriv Českého Musea* 1845, p. 624.

⁴⁾ См. „Славяне“ II. 129.

ти на
съ язы
нарѣ
, по В
вшант
чей и
гавлял
изнѣтъ (с
ыками
овъ, ст
ювые (с
Морав
ия —
и, как
ъ ХП
ъ фор
тали г
тѣмъ
ревнее
ли съ
ловами
западн
ековой
и сосѣ
цуюся
на то
прису
згладит
Чехія

вукн (с
enzel),
Angel,
и—Lun
lane) и
ія.

Сосѣди моравскихъ „Ляховъ“ (по-чеш. Слезаци) ¹⁾ въ тѣшинской (здѣсь тоже „Ляхи“ и „Горали“ въ горахъ) употреблены приняты неорганически изъ моравскихъ (*nejlepsi, bodej, wys* и много словъ чешско-моравскія: польск. *ksiądz*), *howado, hołka, szukać, zieli* (карпатск.), *chasa* (брод), *porząd* (сѣдло), и пр. По Словаковъ, польскіе карпатскіе знали много словъ словенскихъ, туда: *Podhalanie*), *hladzić* (хлѣбъ) и пр. Въ словенскихъ пѣсняхъ на свой ладъ, осталось много нѣмецкихъ по-польски, на пр. *hoga, d*

(холмъ), *hoga* (дѣло), *ikro* (икра, иголка), *poła* (ноша), *úpek* (упекъ) и пр. Замѣтимъ, что „Ляхами“ равнины въ тѣшинской землѣ (въ Галиціи) и въ западной Галиціи на сѣверѣ (а въ Карпатахъ: Горали, Подгалич).

¹⁾ Употребляемъ и въ русск. Слезаци, известную тоже въ древн. П. 458), а не латинскую: Силезію на чешской (*Slezsko*), а не на польск. позже *Szlązacy, Szląsk*); форма *Sl* мой Слезин.

²⁾ Польскіе горцы живутъ въ Галиціи, а тоже на югѣ предѣлахъ угорско-словенскихъ моравской, липтовской, сеницкой, польской, а въ церкви и школахъ о нихъ Шемберы *Dialektologie československé* Мюнх. 1876, р. 413; и замѣтку въ варшав. журналѣ V

bouk), szaty (ubranie, ŷaty, дрполь. szatba (skarga, žaloba, дрполь. žaloba), и пр. У польскихъ горцевъ въ Карпатахъ (siti), dźwierze, chudobny (ubogi, chudoba), dla (jodla, jedla - jedle), latoś (tego roku roku, loni), luto mi (żał mi, lito mi), pasta, чеш. pasta), otawa (potraw, otawa), smrek (świerk, smrk), sądek (becz sąd), pełć (tratwa, plć, плоть), и пр. земляхъ краковской, сандомѣрской, кельцкой, szaty, giździć (paskudzić, hyzditi), niec), gospodzki (właściciel gospody, hoździć), niezdara (niezdatny, nezdara), jak leży, jak se patří), jagoda (poziomka, jabłko), isczina (gotówka, дрполь. iscina, isczina), bielizna, prądło), siąg (siążeń, sáh), na dufać (ufać, donfati), modry (błękitny, modry), kraj (brzeg, kraj), kapka (kropla, kapka), pieron (piorun), wiosna (wiosna), dziełati), buog, buoginka (dziwożona), twierdza поляна и Буляно: kłobuk, latoś, loni, czyną), dźwierze, kobyłka (polny konik, paduch (złodziej, padouch), siewierz (północ), ruchno (ubranie, дрполь. ruchno, че

1) Общи горцамъ польскимъ и словакамъ (верхній плащъ), kierpse - kerpse (обувь), buška, łasa - łasa (начальникъ овчаровъ). Карпатскіе горцы знаютъ слова: oesta (путь), watra (огонь), živina (скотъ), и южнымъ Славянамъ; слово watra знаютъ зурь.

2) Если кое-гдѣ въ Малой Польшѣ рус. пошелъ!), то это чешское: hybaj, hybati); также и djos (чортъ, idź do kroc (děsný, děsiti); впрочемъ В. Потоцкій (XV вѣкъ) (чортъ).

—

(ml
от
раз
и
и пе
(b
оло
swi
пéw
, 2
льс
оль
був
взм
Т в
ю
ово
исы

дсти
мен
вст
/, в
и по
и,
ини
ki

ко-т
ю (ч
ихъ
149
ъ д
таю
нск
Бн

праи
совъ
(чеп
szka
zana
dří,
пу,
свое
—н
тори
виѣ
Ubr,
поли
нито
Орѣ

ду т
свиз
встр
русс
сопо
скаг
hasł
(чеп
gizd
(дру
gojic
и ру
się—
(чеп
знач
hý),

—

скиѣ

изъ чешскаго, когда Поляки говорили уже и такъ и поль. *niestety!* (ehen, vae!) надо съ чешскимъ *pastojte! nestojte!*, между тѣмъ и *pastojcie, niestojcie* (*pastojec*—настоять, рѣшѣтъ), вѣтствуетъ законамъ польской фонетики ¹⁾.

Югославянскимъ и чешскимъ формамъ русскимъ *город(ъ)*, *волость*, соответствующее время—польскія *rod(ъ)*, *włość* (*włość*, в польскія формы не первичныя, на это указываютъ нарѣчья полабско-балтійскихъ Ляховъ *rod* у люнебургскихъ Славянъ позже *gorđ*, но и у Кашубовъ *bardawka* (*brodawka*), *karwa karw* (еще въ XVI в. то что *wół*, срв. назва *Karwice*) и *smard* (въ XVI в., срв. *Smardzow*). Если же въ историческое время, рядомъ съ нами *Wrocisław—Wrocław*, *Włodzisław—Bronisław*, *Bronice*, *Bronowice* (но тоже *Bronina*, *brona*, *włodyka*, *włodarz*, *włość*, в *płoz*, *płozic*, встрѣчаются тоже формы *Wrat*

¹⁾ Цеканье и дзеканье встрѣчается тоже въ нарѣччяхъ моравскихъ и словенскихъ, въ нарѣччяхъ одномъ говорѣ великорусскаго нарѣчья. По древнечешскимъ памятникамъ моравскаго произношенія *dzěd*, *ucěcha*, *uživaci*. Срв. Г. Иречка О старѣйшихъ рукописяхъ моравскихъ (1887). На рубежѣ въ Моравіи (въ опавской землѣ?), сочинена такая на ранни *žalovać, niechoielať mi trochy dať* (*Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften*).

²⁾ Словѣнское *smrdeti* и дррусское *смердѣть* знали Поляки еще въ XIII в. *smard* (*smardonec*) и *di* встрѣчаются тоже у полабско-балтійскихъ XV в. люнебургскіе Славяне называли селян забыли свое *smard* въ значеніи селянина (а еи *smród* и *plugawu oźłowiek*, *pićroń*), и приняли *chłop* въ болѣе презрительномъ смыслѣ: *Gdy prawa uciesze, zagaz mi mówią: Nie dla was tądzie, ale dla panów*—пищеть еще въ XVII в.

jechać—jechać, и пр. Формы съ *e* - *ie* тоже чешскы *o* и *a*, а не непременно чехизмы ¹⁾).

Древнепольскія формы приближались въ слѣдующемъ болѣе, чѣмъ новопольскія, при чемъ мы польскія и чешскія не нужно приводить а слѣдуетъ ихъ просто объяснить одинаковымъ слаго языка вообще. Родит. пад. множ.—*ioiu ow*), встрѣчающійся изрѣдка въ XIV—XVI вв. въ такой же польскій, какъ и чешскій, тѣмъ болѣе встрѣчается, какъ уже замѣчено, въ одномъ и томъ же словѣ до сихъ поръ ²⁾. Мѣстный падежъ *im* - *ich* (*sądziech*, какъ и чешское—*ech*, *-ich*), позжѣ рит. падежъ *-u*, *-i* (*chlebu*, *słowu*, *bogi*, *mazi*, по формамъ *zdrowie*, *zdrowie*, но тоже *imieni*, *ruszeni*, *seli*, *w słońcu*, *w siercu* (словѣн. срѣдци) *potowani*, *w sieciu*, *imienim*, *opolim*, *Podlaszu* и пр. — тоже польскія, а не чешскія. Чешскіе можно объяснить развѣ только рѣдкій родит. пад. *rokoenie* (рядомъ съ: *rokoenia*), *sierce* (*sierca*), *psalteria*, *cesarze* (вм. *cesarza*, въ пѣснѣ Галльскій родит. пад. ед.—*e* (первонач. *e*) *duze*, *ziem* *grase*, рядомъ съ—*ej*, *-ej*, изъ чего *i* - *u*: *duzej*—*woli*; *cerkwie*, *krwie* (такъ и въ слезскомъ говорѣ рядомъ съ *krwi*, *cerkwi* ³⁾), какъ и въ чешскомъ: *ze*, *vřle*, *krve*, *církvě*, и въ словѣнскомъ: *doŭša* *crkŭve*. Дрполь. формы: *dobrem słowie*, *dobrym mi słowu*, а нын. *dobrem słowie*, *dobrem słowem*, *mi*. Въ глаголъ простыхъ прошедшихъ (*mołwich*, *sze*, *rzecze*, *śpiewachę*) составляютъ уже въ XIV

¹⁾ Въ одной рукописи XV в. (*Prace filologiczne*) рѣдка встрѣчаются формы: *jojes*, *oje*, *jewno*, *szlecht je*, *zjevno*, *ślecht*).

²⁾ См. выше, стр. 200.

³⁾ Уже ок. 1400 г. употреблялись формы (*goi* *krwiej*, рядомъ; см. *Archiv f. slav. Phil.* III. 479.

дивитися), żenie (žene, goni), krasakny), drzewie—drzewiej (dřive, dawiszy (velmi — veliký—větší, bardzo—obiecane, no ślub małżeński), kaźń (poslední, ostatni), wen (ven, precz), диалект. łoni), nadziewać się (nadívati i lec, tron), pastwa (pastva, pasza, диалект. handel), faleszny (falesný, fałszywy), woli), szpatny (špatný, szpetny), gaka, kindzał), krzyżewnik (křižovník, kta—obieta—obiet (obět, ofiara), bratr, brat), dufać (doufati, ufać), niełza (nemocný, słaby), zaiste (zajisté, za przeszkoda), zapowiadać (zapovídati, chłop), paduch (padouch, podły, но диалект. —zobać (zvon, zvuk, zobati, нын. (jeli, jechali), miłować (milovati, kochać się), czyść—czetł (čísti—četl, czyta łaknąć), dzieć (díti, zwać), stojeć (stát (kolna, szopa), kupia (koupě, kupn niepokalana), wiciądz (vítěz, zwycięzc ciężyć в. zwyciężyć), Gniezdno— gdenický, Gniezno и неправильное gnieź

---

¹⁾ Общеславянское *vitjazь* (срв. VIII 13—18) существовало несомненно *wiciądz* (срв. *raciądz*, *robociądz*, *wrzesią* туда прилаг. *wicieżny* (kościół, въ п Uchaneviana, ed. T. Wierzbowski I. 116 лавской) *wicieżca* (wyszczeszca). Въ XV есть югослав. форму *vitcz* въ значении б Гнѣзна пишется въ древнихъ памятникахъ *vitaz Gnezdensis*, и летописецъ объясняетъ *dux interpretatur sclavonice* (см. словарь польскомъ языкѣ); правильное прилаг. в познанской рече 1391 года, но *gnieźnie* ловиѣ XV-го вѣка. Срв. тоже *Lesza*

'НХ'
ове
аго
тах
7га
во
ве
іг,
ція
і, S
і то
мо
не
ъ и

іи,
іні
і со
Рол
вич
і ге
С
вет
лка
етъ
ице
row
ган
Сла
ь ол
-Сл
(см
den
anі
-go
(с

(чеш. *prak*, поль. обыкновенно *prosa*), *szy odzienie*, *kruty*, *wieczerzadło*, *stan* (шата *byłka*, *bydlić*, *stryc*, *gataj*, *osoczca*, *biernia*, и пр. ¹⁾ Формы: *jedla*, *ganię*, *udzielał*, и польскія (древнія и діалектичeskія), как *obiatował* и пр. ²⁾

Сильное чешское вліяніе замѣтно еи библейскихъ разсказовъ, изданныхъ въ

---

¹⁾ Общеславянское *ратай* (вмѣсто *ор* библіи, равнымъ образомъ какъ и въ чеш. *Musea* 1864, p. 158) въ значеніи *colopus*; но ствѣ *легницкомъ*, *ратай* въ XIII—XIV вв. пользовавшіеся своимъ „*ратайскимъ* *пра* *Silesiae* XIV. 115). *Osoczca* можетъ быть то есть и слово *osocznik*, отъ *oszyc*, *osoczyc* (идти отъ *osk*; срв. *Nehring: Altpoln. Spr* *Linde. Biernia* (боръ, поборъ отъ *brata*, *datъ*) означало въ Чехіи (*berna*, *berně*) госу и въ Олезіи); слово было извѣстно въ Польш XIV в.: *omnes proventus in toto regno Pol* *surantur berne* (*Helzel: Pomniki prawa* ро неприятель) означало въ древнепольскомъ убійцу (какъ и чеш. *vrah*); по крайней мѣрѣ означаетъ тоже вину (пеню) за убійство. Ср *Stryc* (чеш. *strýc*) и *stryk* сокращено изъ *st* *stryj*, прилаг. *stryjesznu*, *stryoznu*, срв. *w* *wujesznu* отъ *wujec* *vm. ujeo*, чеш. *ujeo*); формъ юридическихъ памятникахъ XV в. (*stryc*, *brat stryjesznu*), у М. Бѣльскаго (*Kroni* *stric*).

²⁾ О шарншско-потодкой библіи, хран Потокъ въ сѣверной Угріи и изданной А Неринга (*Archiv für slav. Philologie* VI. *Českého Musea* 1872, 297), Огоновскаго (*A* IV. 243, 253), Семеновича (*Archiv f. slav. F* скій отыскалъ въ языкѣ библіи тоже вліяніе ское, что однако оказывается произвольны рыхъ словъ древнепольскихъ и чешскихъ.

zodynu a

wy gich,
zhoу gich.
nebesiech,
a hospo-
n.

z k nym
w rida-
.
zen sem
yon hogn
kazanye

ими пользовали-
в., но уже тол-
которое одне
лія и вѣроятно
ходились въ ру-
и, исправленн-
) и изданной III
(1577). Чешск-
переводчикъ і
вліяніе не замѣ-
ались тоже про-
звивала, 1563),
і, хорошій знат

библии 1561 г. и
миниканецъ Лео-
iach Szarfenberg
[. 549; Jocher: O
начала XVII в.
bohémico idio
невѣрно; тексты

д
н
д
я
к
т
н
д
ш
с
в
м
д
к

ч
с
л
з,
в
к
с
в
в
в
о
п
го

—

ра
из
вс
те

ва

i, Mezihořský, Dub
 овны XVI в. wład
 мъ urodzeny, sław
 юва pohon, erbi—
 o herb), statek—z
 údci (schutczі ряд
 a biskupa (т. е. чеш
 ь). Польскіе писа
 ьный польскій яз
 по-чешски, оставя
 термины чешскіе,
 atha (lieta) ranуе (
 изъ сосѣдней Сл
 , сѣверскимъ, то э
 во-чешской, очеви
 2 г. въ спорѣ меж
 , изъ Вербна и с
 Пётровицъ въ суд
 osci zostawujemy: c
 sci naši panskú tą
 oгеj řeckу ránovie

Вѣшая судебная кни
 главномъ архивѣ в
 риз Českého Musea
 andomieraki (Warg
 цва 1505 г., но съ т
 ца не годны. Тамъ-
 1422 года (!), т. е.
 ь потому, что неда
 , о польской грамот
 скаго Codex diplom
 е никакихъ польски
 (1449—1562 гг.).
 а начало первой чеш
 tia proxima post fes
 s in Syewier celebri

въ употребленіе тоже польскій языкъ, да еще ран (1538 г.) встрѣчаются формулы присяги писаря, на яскомъ и чешско-польскомъ т. е. чешскомъ съ примѣрыхъ польскихъ словъ (przysyegam, wżand, tajemno и пр.). Чешскій языкъ сохранился въ судебныхъ кн тимско-заторскихъ до полного сліянія обоихъ княжес

164 гг. (последняя чешс
и пожаловано имъ польско
скій языкъ сталъ ихъ оф
винѣ XVII в. (1638) ов
ішія актовыя книги XV
дчивы оставили нѣкотор
іе nalezli, prawo palazło,
На чешскомъ языкѣ на
ролемъ Сигизмундомъ I
и заторскому 1532 г.: U
sebrané z lantfridu slezsk
бляемый въ публичной
рскаго, обыкновенный то
ьной примѣсью польскою
скій, всѣ уроженцы тѣхъ
Горскій и др.), изучали х
Голько въ самомъ началѣ
, что писарь еще не совсѣ
языку, и записывалъ—с
ъ—кое-что и на польскій
—въ чешскомъ актѣ—пол
aden (т. е. польское kładę
льскую: z guменуа wwe

Въ чешскихъ освѣти
въ встрѣчаются слова и
ic, otčizna, mateřizna, mal
lziego, sandiego (т. е. sud
ahrodici, řeč (т. е. вещь
поль., позже sejm), neum
uchajíce zbuoží, vagunek,

При такомъ распространѣніи чеш-
Слезіи нарѣчіе слезско-польское долго
нелитературнымъ. употреблялось только

за—какъ
письмен
городовъ
гикотвори
менности
каго госу
и протест
и просто
мною лв
инціализм
ыхъ пис
вященни
ъ, употре
істѣ съ т
рядомъ ст
я къ мѣс
je, z miłoś
ски, упот
uzdzieć, c
asek, ki l
zatrascenie
ой польс
ихъ като
вами: ma
azliwie, s

językowe
ъ этихъ
отория чеш
и mocnost
земь: Ро
1650), Кв
инжкѣ см.

жбѣ. Тотъ же
кторину, сыну
ободный въѣз
жомъ, а тоже
коронной метр
къ съ слезски
обляли чешскій
между короле
ми—по повод
в 1449); прису
староста Нив
и польских
облялъ тоже
еще со врем
съ княземъ мие
опольскимъ
ны въ сношен
чешскій языкъ
а судомирскій
съ княземъ
братья Сынов
другой подком
езскимъ земян
но изъ сандечс
счель нужны

egistum s. Wo
. Срв. тоже сп
О. Верьбовска
вѣтимско-заторм
юкъ изъ судебн
же Ф. Бостель
х diplomat. Po
Česk. Muzea 188
коронной метр
покомъ языкъ
ами см. ниже.

Такъ и во время кандидатуры имскій престолъ (1575) одинъ пописалъ ему по-чешски ¹⁾.

Чешскія книги, рукописныя переходили въ Польшу, читали и изучали чешскаго языка среди сношеніями Чеховъ и Поляковъ ²⁾ могло случиться, что знамениты Целътесъ, пребывая въ Краковѣ (только по-польски, а тоже по-чешски) объяснялъ латинскія стихи и одна польская его любовница І (1500 г.) ³⁾ Въ началѣ XVI в. (

въ Галиціи хранилось собраніе чешскими павами.

¹⁾ См. выше, стр. 137, примѣ

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 58. Криводъ хроники Энея Сильвія (1510) для Поляковъ:

Protož ji sobě neobtěžuj
Nebť může tobě užitek
Čechu, Slováků, Moravcům

Замѣтимъ еще, что огромная латинская Библия (срв. о немъ письмо епископа 1454 г. въ монографіи М. Дзѣдушиці XI), хранящаяся нынѣ въ краковской библиотецѣ польскому чародѣю Тва Мучковскій (1835, срв. *Śaworiz Čechův* Мацебвскаго (*Piśmiennictwo* изъ Шадка списалъ ок. 1530 г. чешскій находится эта библия?

³⁾ Письмо этой Польки Гасиле статьи о Целътесѣ въ *Sitzungsberichte* (1868, Bd. 60, p. 144); срв. о Целътесѣ въ *Rozprawy krakow.* ак вводимъ въ вопросъ, кто написалъ (z Kęptajna i z Ritonie—названія мѣ

чешскаго короля Юрія, и опасаясь этихъ чуждъ государствъ, велъ съ ними настоящую истребилъ силою недалеко Тернавы (1467)

Чешскія наемныя роты находились въ Польской. Польша вела свои войны съ нѣмцами съ помощью такихъ наемныхъ ротъ уже и позже во второй половинѣ XV вѣка, принимая роты сражались тоже въ рядахъ Польши. Подобно тому чешскія роты служили во время короля Владислава III, и въ чешскихъ войнахъ Польши и Угрии изъ-за чешской и Подѣбрадскаго. Такія же чешскія роты нѣмцамъ Габсбургамъ и угорскому королю Матфею²⁾. Польскіе короли, именно Казимиръ при которомъ особенно много чешскихъ было на польской службѣ — сносился съ нѣмцами латинскомъ, а тоже на чешскомъ. При немъ Кольда изъ Находа, Іоаннъ изъ Вальдштейна, Альбрехтъ Костка изъ Поступицы, А. Смирицъ, Вячеславъ Кавка изъ Собѣсухы, Свеборовицъ, Урбанъ изъ Старицы, Брезанъ изъ Смолотель, Іоаннъ изъ Шарова, Войтъхъ Ричка изъ Кръгова, Генрихъ изъ Манетына, Главачъ изъ Голедча, Генрихъ Циво, Генри

¹⁾ По поводу этой побѣды Угровъ надъ саксами Григорій изъ Геймбурга, совѣтникъ остригомскому архіепископу (19 февр. 1467): *prudenti viro loquor et maturo ac in omnibus consilientiam pariat neve Hunni vel Pannonii quidem ilirici aut liburnici, sed scythici praesent, quasi palladium Minervae abstuler regis Bohemiae favore, qui feroces loones inter victoriam se pactos esse.* (Diplomatarium Gebhardi bibliothekъ князей Лобковицъ въ Прагѣ, д. Dějiny n. č. IV. 1. р. 452—458.

²⁾ См. выше, стр. 37—39, 94—98.

воины изъ Чеховъ, Моравянъ, Слезавовъ, П
были въ литовскихъ и русскихъ земляхъ въ
въ 1500 г., когда великій князь литовскій А
лялся къ войнѣ съ Москвою, то по его поруч
ны въ Польшѣ и въ Чехіи, Моравіи и Слезіи,
ными гейтманами этихъ войскъ были Чехъ І
лякъ Іоаннъ изъ Барикова, опытный и
шій въ польскомъ войскѣ во второй поло
наемное войско стояло подъ Смоленскомъ, и
полоцкимъ воеводою Станиславомъ Глѣбо
псовскую землю. Въ 1517 г. были чешскіе
воины (Чахи, Ляхи, Угрове, Мораве, Мазов
ве) въ польско-литовскомъ войскѣ въ Сѣверн
псковской землѣ. ¹⁾

Въ чешскія войска поступали многіе П
въ самомъ началѣ гуситскихъ войнъ и позн

---

¹⁾ Срв. хроники Ваповскаго, Мѣховска
говскаго, литовско-русскую (т. наз. Быховца) и
Черный (Cerninus Bohemus, Curne Bohemus,
вѣроятно чешскій гейтманъ Черный изъ Град
въ 1469 г. вмѣстѣ съ Самуиломъ изъ Праги оп
гошь V. 529); онъ часто упоминается въ 150
топись въ П. С. Р. Л. IV. 275, Акты запад.
Russ. Monumenta, ed. Turgenev, Supplem.
и Капкова подписался на одной чешской
hajtman na Hluboké въ южной Чехіи (см. наш
65). I. Благославъ въ своей чешской граматик
равскую пословицу: „divná chaza, lotrovina, l
tentum quasi diceres Scythae, Scytharum co
„Litva“ словомъ „certovina“. Неизвѣстно, и
свидѣніи Чеховъ о Литвѣ XV в., или относ
вѣку, къ временамъ походовъ нѣмецкихъ и
Литвы, въ которыхъ участвовали тоже многіе
знали Литву еще въ XIII в., со временъ коро
II; въ чешской Александреидѣ приводятся Li
vermoné, Rusi, и упоминается литовскій обы
(по изд. Гатталы и Патеры 77, 66).

ТОИ
ЦЫ
ВОЗ
ВЪ
ЛАИ
ГРЕ
Ь С
ИХ'
По

А ПУ
'i q
ve
edi
voi
я с'
8).
Ц.
рья
цы
187
Ц.
абк
'ар
ны
: I
eni
гун
(S
сле
ну
вти
ел
лов
in
t"
zie
иня

ско въ Молдавіи передъ Турками (1620) в
лено. Таборъ употребляли украинскіе коза
съ Поляками и Татарами. Очевидецъ, *с*
Бопланъ, служившій въ первой половинѣ Х
ворить, что козаки идутъ черезъ степи въ т
идутъ посреди своихъ воевъ, восемь или
и столько жѣ взади, вооруженные самопа
на ратовищахъ; лучііе наѣзники ѣдутъ с
нападенія таборъ останавливается и козаки
непріятелемъ. Самъ Бопланъ нѣсколько
съ 50 или 60 козаками и выдерживалъ въ
таровъ, которые не въ силахъ были разстр
таборъ козаки и ихъ семейства подъ атама
ступали передъ польскимъ гетманомъ Ж
и Украинѣ (1596), отстрѣливаясь изъ 20
нападенія Поляковъ; около Бѣлой Церкви
въ таборѣ, переправились за Днѣпръ и у
четырьмя рядами воевъ; здѣсь они защи
противъ осаждавшаго ихъ польскаго войска
были сдаться.¹⁾ Такіе таборы употреби
съ Поляками въ первой половинѣ XVII в. (1
гг.), во время войнъ Б. Хмѣльницкаго (на
1651, подъ Охматовомъ 1655); въ табо
Ханенко передъ Татарами на Подольѣ (16
козаки въ Молдавію (1685), и пр.

Военная терминологія польская (и з
XVI вв. по большей части чешскаго про
говъ многія военныя названія общеслав.
мечъ, копье (коріе, позже коріа), лувъ, с
щитъ, порокъ (ргок, ргоса), воевода, соті

---

¹⁾ Description d'Ukraine (Rouen 1650
водъ въ Петербургѣ 1832.

²⁾ Этотъ походъ подробно описалъ І.
ніи польской хроники (изд. Туровскаго, стр. 1
Возсоединеніе Руси, II.

Юзефъ Тривонофъ

СЛАВЯНЕ, ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА

(† 21 дек. 1891 г.).

съ портретомъ автора и указателемъ ко всѣмъ тремъ томамъ.

ТОМЪ III.

**Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ
Славянъ до конца XVIII вѣка.**

Часть II.

**Славяне западные и восточные
въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ.**

ВАРШАВА.

**ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
Королевская улица № 13.**

1893.

**Печатано по опредѣленію Совѣта Император
Университета.**

Ректоръ И.

Совета Императорскаго Варшавскаго Университета оставшаяся въ рукописи и не вполне часть III-го тома многолѣтняго труда покойнаго Первольфа. Смерть застала нашего товарища окончательной обработки къ печати этого труда, но успѣшностью онъ работалъ надъ нимъ, итакъ какъ имѣвшійся въ виду IV-ый — о развитии славянской идеи за послѣднее сочиненіе не написаннымъ; для него были собраны матеріалы въ видѣ массы выписокъ, справокъ,

а III-ий томъ посвященъ разсмотрѣнію *взаимныхъ въ области политической и культурныхъ сношеній* проявляется славянское влияние насколько въ нихъ замѣчается влияние одной въ разныхъ сторонахъ народной жизни, напр. славянскаго на другой, воздействие одной и вообще распространение культуры одной (2). Въ первой части этого тома (изд. въ

вѣкъ къ I тому, стр. VIII.

вѣкъ къ I части III-го тома, стр. I.

1890 г.) рассматриваются такі сношенія западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ и Поляковъ.

Предлагаемый нынѣ вниманію читателей посмертный II-ой и послѣдній выпускъ III-го тома заключаетъ въ себѣ обзорѣніе *взаимныхъ сношеній Славянъ западныхъ и восточныхъ*. Къ сожалѣнію авторъ не успѣлъ довести его до конца, а равно обработать окончательно тѣ части послѣднихъ его отдѣловъ, которыя уже были написаны или набросаны.

Большую часть настоящаго выпуска занимаютъ сношенія *руско-польскія*, и на нихъ сосредоточивается весь его интересъ ¹⁾. Но и этотъ отдѣлъ остался не вполне обработаннымъ (см. напр. пропускъ на стр. 221) и недописаннымъ, и изъ заключительной главы (о церковной уніи), куда долженъ былъ войти и обзоръ политическихъ сношеній польско-русскихъ въ позднѣйшій періодъ до конца XVIII в. — согласно общему плану книги, нашелся лишь небольшой отрывокъ.

Въ видѣ отрывковъ же, хотя и болѣе обширныхъ, являются и другіе два отдѣла книги, изъ которыхъ одинъ посвященъ *сношеніямъ Чеховъ съ православными Славянами (Русскими и Югославянами)*, а другой — по всему видно — долженъ былъ обнять *сношенія южныхъ Славянъ между собой и съ остальнымъ славянствомъ*. Первый изъ нихъ остался не конченнымъ и не обработаннымъ, — имѣющееся было очевидно написано гораздо раньше и должно было быть дополнено по новѣйшимъ изысканіямъ; а изъ второго написана лишь одна глава: „Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы“.

Послѣдній трудъ I. I. Первольфа печатается конечно совер-

---

¹⁾ Первоначально очерки эти — лишь отчасти и притомъ въ нѣсколько иной формѣ (какъ извлеченіе изъ подготавлиаемаго большого труда) — появились по-чешски въ журн. *Osvěta* за 1881 г. („*Poláci a Rusini*“), изданіи мало доступномъ русскимъ читателямъ.

шенно въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера автора. Самые незначительныя измѣненія текста, нами допущенныя, касаются исключительно внѣшней формы: языка и стиля. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ мы вездѣ руководствовались только необходимостью. Такое точное воспроизведеніе рукописи возможно было лишь потому, что большая часть книги (до 7 главы польско-русскаго отд., стр. 175) была вполне готова къ печати. Остальное — особенно послѣднія написанныя страницы этого главнаго отдѣла и отрывочныя части прочихъ — нося вообще характеръ неоконченности, не было еще въ такой же мѣрѣ подготовлено къ печатанью, не говоря уже объ отсутствіи внѣшней отдѣлки: не доставало кое-гдѣ ссылокъ и выносокъ, иныя изъ нихъ нуждались въ провѣркѣ и дополненіи, не доставало заголовковъ и проч. Всѣ эти, Впрочемъ незначительныя пробѣлы нами усиленно пополнены.

Кромѣ того мы рѣшились составить и присоединить къ этому заключительному тому почтеннаго труда покойнаго слависта—*указатель личныхъ именъ* ко всѣмъ тремъ томамъ, дабы облегчить каждому пользованье этимъ богатымъ и интереснымъ сводомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній изъ исторіи всего славянства, особенно нуждающимся—по самому характеру изложенія и группировкѣ матеріала—въ такомъ пособіи.

Принявъ на себя трудъ по редактированью и печатанью этой послѣдней книги Іосифа Іосифовича, мы счастливы, что имѣемъ случай тѣмъ самымъ принести посильную дань нашего глубокаго уваженія и сочувствія—памяти незабвеннаго товарища.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ высказать нашу искреннюю признательность профессору И. П. Филевичу за помощь при чтеніи корректуръ.

Константинъ Гротъ.

Варшава, 12 апр. 1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отъ редактора.	I

III. Поляни и Русскіе.

1. Славянскія племена по Вислѣ, въ Карпатахъ, по Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ. Ляхи и Русь, ихъ этнографическая граница. Государства польское (лядское) и русское; польскій католицизмъ и русское православіе, ихъ борьба изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ. Стремленіе Поляковъ на русскій востокъ. Присоединеніе Руси карпатской и поднѣпровской къ Польшѣ. Побѣда польской культуры въ юго-западной Руси.	1
---	---

2. Раздѣленіе славянскаго праязыка. Словѣнскій языкъ церковный и литературный всей Руси, юго-западной и сѣверо-восточной. Языки западно-русскій и польскій, ихъ вліяніе другъ на друга. Вліяніе языка польскаго на западно-русскій. Книжный языкъ западно-русскій	23
---	----

А) Русь польская (коронная).

3. Католицизмъ—вѣра польская, православіе—вѣра русская. Преслѣдованіе православія. Католицизмъ и унія—орудія ополяченія Руси.	45
---	----

4. Польскіе порядки въ коронной Руси. Бояре, земляне, шляхта, паны. Русь и Поляки. Ополяченіе	
---	--

русской шляхты. Верещинскій, Орѣховскій, Гербуртъ. Польское право на Руси и его русскій переводъ. Города-мѣста на Руси, ихъ ополяченіе, мѣщане польскіе и русскіе. Селяне-кметы 58

5. Русскій языкъ и русская письменность въ карпатской Руси въ XVI—XVII вв. Польскій языкъ въ карпатской Руси; вліяніе русскаго языка на польскій, польскаго на русскій. Польская литература въ карпатской Руси 128

Б) Русь литовская.

6. Литва и присоединеніе къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Великое княжество литовско-русское. Русскій языкъ и русская вѣра въ Литвѣ. Гедиминовичи. Литва и литовская Русь и Польша, столкновеніе католицизма и православія, католическая Литва и православная Русь. Русскій языкъ — офиціальныи и литературный языкъ литовско-русскаго государства, католической Литвы и православной Руси. Русское устройство литовско-русскаго государства; князья и бояре, города, селяне. . 148

7. Соединеніе Литвы съ Польшей и его послѣдствія для Литовской Руси. Распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ Литвѣ и отстаиванье Литвою своей отдѣльности. Статутъ Литовскій. Антагонизмъ Литвы и Польши, переходящій въ явную вражду. Литовское „Подляшье“, особое его положеніе и быстрое ополяченье 175

8. Люблинская унія и ея вліяніе на отношенія литовско-русскаго вел. княжества къ Польшѣ. Укорененіе польскихъ порядковъ въ Литвѣ и югозападной Руси. Распространеніе польскаго элемента и вліяніе польскаго языка въ ущербъ русскому элементу и языку. Культурное значеніе польскаго вліянія въ литературѣ и просвѣщеніи; вѣроисповѣдное движеніе (распространеніе протестантизма). Польскій языкъ въ западной Руси 200

Отрывокъ изъ главы о церковной унії 237

IV. Чехи и православные Славяне	
V. Югославяне въ сношеніяхъ между собой и съ прочи вянами (отрывокъ).	
Югославяне католики и Славяне православн тарены и гуситы	
Содержаніе предыдущихъ томовъ	
Указатель личныхъ именъ по всѣмъ тремъ томамъ	

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И КУЛЬТУРНЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНЪ

ДО КОНЦА XVIII ВѢКА.

III. ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

„Cóż wżdy za pożytek ma król Jegomość z tak wielu kłopotów, które zażył z narodem ruskim? Ten pożytek ma, że jest nas sławiańskich narodów różnych ośmnaście; ci wszyscy kładli swobody swój ratunek na królach polskich; ci wszyscy rozumieli, że naród polski miał ich z ciężkiego pogańskiego jarzma wyswobodzić, ci wszyscy na każdą potrzebę króla i narodu polskiego garła swe gotowi dać byli. A teraz jako krzywdę poczęto czynić narodowi ruskiemu, są nam głównemi nieprzyjaciółami. Teraz wolą pomrzeć na wojnie sami, żony i dzieci swe popalić, jako to w Smoleńsku uczynili, niżby mieli do zgody jakiej przyjść z nami krwią swoją“.

(Zdanie o narodzie ruskim pana Szczęsnego Herburta, 1613, см. ниже стр. 78).

III.

ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

1. *Славянскія племена по Висль, въ Карпатахъ, по Днѣпру, Днѣпру, Двинь. Ляхи и Русь, ихъ этнографическая граница. Государства польское (лядское) и русское; польскій католицизмъ и русское православіе, ихъ борьба изъ-за первенства на славянскомъ востокъ. Стремленіе Поляковъ на русскій востокъ. Присоединеніе Руси карпатской и поднѣпровской къ Польшѣ. Побѣда польской культуры въ юго-западной Руси.*

Земли на сѣверъ карпатскихъ горъ, орошаемая Вислою и Днѣпромъ, искони заселены славянскими племенами, которыя въ послѣдствіи стали означаться двумя главными названіями *Ляхи* и *Русь*. Многія изъ этихъ племенъ были въ своихъ земляхъ автохтоны, другія производили себя — по крайней мѣрѣ по древнимъ преданіямъ русскимъ и польскимъ — изъ южныхъ подкарпатскихъ и подунайскихъ странъ ¹⁾. Нельзя опредѣлить, когда въ закарпатскихъ и повислянскихъ земляхъ состоялось раздѣленіе тамошнихъ Славянъ на двѣ группы, Ляхи и Русь, принимая послѣднее названіе вообще въ смыслъ восточныхъ Славянъ ²⁾. Это раздѣле-

---

¹⁾ См. „Славяне“ II, стр. 100 и сл. и 420 и сл., о лѣтописяхъ русскихъ и польскихъ.

²⁾ Русскій народъ назывался искони *Русь* (собирает.), единств. *Русинъ* (срв. Литва---Литвинъ, Чудь---Чудинъ, Мазовше — Мазовшанинъ, Сербинъ, Болгаринъ, Угринъ, Волошинъ и пр.), позже на гре-

ніе случилось во всякомъ случаѣ въ доисторическія времена; несомнѣнно, что русское полногласіе и недостатокъ ринезма съ одной стороны, а ляхскій ринезмъ и недостатокъ полногласія съ другой стороны установились уже въ тѣ времена, и что уже тог-

---

ческій ладъ *Россія, Россіянинъ*, о чемъ см. „Славяне“ II, 435. Форма „Русинъ“ означала каждого Русскаго въ Галичѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Москвѣ, въ противоположность Гречину, Словенину, Варягу, Нѣмчину, Латинину, Литвину, Татарину, Ляху и пр. Въ сѣверовосточной Руси (Москвѣ) позже вмѣсто „Русинъ“ стали употреблять прилаг. „Русскій“ (т. е. человѣкъ). Такъ напр. въ договорѣ польскаго короля Сигизмунда съ московскими боярами, писанномъ подѣ Смоленскомъ (Акты западной Россіи IV, № 180), говорится о „господарствѣ рускомъ московскомъ, о Руси (т. е. московскомъ государствѣ“, о томъ, что „Русину (въ москов. госуд.) руская, а польскимъ и литовскимъ людямъ людская вѣра вольна быти маеть“ и пр.; еще въ концѣ XVIII в. Поляки называли жителей русской имперіи *Rusin* (см. „Славяне“ II. 196). Латинская форма *Ruteni, Rutheni, Ruthenia* употреблялась рядомъ съ *Russi, Russia* безразлично въ значеніи Руси югозападной и сѣверовосточной; форма *Ruteni*, основываясь на формѣ *Русинъ*, опиралась тоже на воспоминанія книжниковъ, наткнувшихся у латинскихъ классиковъ на народъ въ Галіи *Ruteni*; они и стали означать Русь, какъ и *Teucři — Турокъ, Daci — Датчанъ, Roxolani — Русскихъ, Triballi — Сербовъ, Curetes — Хорватовъ* и пр. Такъ назывались король галичско-русскій Данилъ — *rex Russiae, Ruthenorum*, Гедиминъ — *rex multorum Ruthenorum*, царь русскій Василій Ивановичъ — *imperator Ruthenorum* и пр. Гнѣзенскій архіепископъ І. Ласкій называетъ Русскихъ въ московскомъ государствѣ — *Rutheni albi*, а въ Польшѣ и Литвѣ — *Rutheni rubei*. Матвѣй изъ Мѣхова, въ описаніи Сарматіи, говоритъ, что „*in Moscovia unam linguam et unum sermonem esse, scilicet rutenicum seu slavonicum*“; Герберштейнъ — *Russi gentiliter, Rutheni latine*, и пр. Греческую форму „Россія“, „Россіяне“, полюбили въ концѣ XVI и въ XVII вв. особенно львовскіе и кіевскіе книжники въ значеніи южной Руси, и такъ писали тоже нѣкоторые Поляки (см. ниже). Названія Русь (Россія) Малая, Великая, Бѣлая, Черная, Червоная — формы книжныя отчасти греческо-византійскаго происхожденія, о чемъ срв. нашу статью въ *Archiv für slav. Philologie* VIII. 21. Прилагательное отъ Русь, Русинъ, было и можетъ быть только — русьскій (древнее), русскій (этимолог.) рускій (фонетич.), какъ и отъ Литвинъ — литов.

да восточныя племена говорили Судомирь, Володимирь, Ляхи — лядскій, а западныя—Сждомирь (Sandomierz), Влодимирь (Włodzimierz), и вѣроятно Ляхи ¹⁾.

Нѣкоторыя одинаковыя названія племенъ ляхскихъ и русскихъ могли бы указывать на одно происхожденіе, на переселенія ихъ съ востока (Руси) на западъ (къ Ляхамъ) и наоборотъ; за неимѣніемъ однако другихъ болѣе положительныхъ свидѣтельствъ нельзя еще настаивать на такомъ фактѣ и отчасти можно его объяснить просто случайностью, духомъ славянскаго языка вообще, по которому у всѣхъ Славянъ жители полей (равнинъ) названы—Поляне, жители лѣсовъ (деревъ) — Деревляне, и пр. Такъ напр. встрѣчаются Поляне по Днѣпру и по Вартѣ, Деревляне (Древяне) по Припети (въ Полѣсьѣ) и по нижней Лабѣ, Сѣверяне по Деснѣ и по Вислѣ, Воляняне по Бугу и на балтійскомъ морѣ, и пр. Въ началѣ XII вѣка восточно-русскія племена Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка, хотя только названіе Радимичей можно производить отъ Радима, а Вятичей—скорѣе отъ Вѣтовъ (Veneti, Venedi, Antae)²⁾. Тогда-же, въ началѣ XII вѣка, въ кievской землѣ въ Поросьѣ, по рѣкѣ Роси (Рѣси), въ числѣ Поросьянъ, Поршанъ жили еще потомки плѣнныхъ Ляховъ, которыхъ тамъ поселилъ Ярославъ Володимировичъ. Такихъ поселенцевъ плѣнниковъ лядскихъ (польскихъ) на Руси, а русскихъ въ Польшѣ, было вообще много, но они, подобно другимъ переселенцамъ, живя среди соплеменниковъ, скоро примкнули къ господствующему народу. Жители карпатскихъ горъ и земель по верхней Вислѣ, по Сану и по верхнему Днѣстру—Хорваты, вѣроятно уже рано раздѣлились на двѣ по-

---

скій (поль. litewski, а не litwiński), Словенинъ -- словенскій, Болгаринъ—болгарскій. Если же нѣкоторые поляки и ихъ русскіе ученики въ Галиціи отличаютъ ruski (даже rusiński!), русьскій, рускій (это-де малорусскій и бѣлорусскій) и russki, rossyjski, русскій, россійскій (а это-де великорусскій, московскій), то здѣсь играетъ роль, конечно, не наука, а какая-то особая наивная славянская политика.

¹⁾ См. Archiv für slavische Philologie IV. 68.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 93, 105.

ловины, такъ что западные Хорваты по верхней Вислѣ въ землѣ краковской прикнули къ Ляхамъ, а восточные Хорваты по Сану и верхнему Днѣстру къ Руси ¹⁾. Такіе же Хорваты жили и дальше на западъ въ Чехіи подъ крѣконошскими горами и между полабскими Сербаміи, на югѣ же въ Далмаціи ²⁾.

¹⁾ Ляшское происхожденіе всѣхъ карпатскихъ Хорватовъ („Chrobatów“, срв. Archiv für slav. Philologie VII. 626), на чемъ настаиваетъ изъ новѣйшихъ историковъ Ст. Смолька (Rok 1386, p. 51), сомнительно. Что было въ доисторическія времена, неизвѣстно; въ историческое время восточные Хорваты были не Ляхи, а Русь, и говорили: Перемышль, Теробовль, Звенигородъ, Городокъ, Дулѣбы, Холмъ, Володимеръ, Володаръ, Володиславъ, Судиславъ, Святополкъ, а не: Przemyśl, Trzebow', Zwenigrod, Grodek, Dudlebi, Chełm, Włodzimierz, Włodarz, Włodzisław, Sędzisław, Świętopełk; имена карпатско-русскихъ бояръ въ родѣ Судиславъ (а не: Sędzisław) или Володиславъ (а не: Włodzisław) вовсе не „lechickie“ (ляшскія, по латин. формѣ Lechitae), а тоже русскія и общеславянскія. Подобно тому нечего искать слѣдовъ Ляховъ въ земляхъ русскихъ Радимичей и Вятичей, т. е. если признать преданіе русской лѣтописи о происхожденіи обоихъ племенъ отъ Ляховъ; въ историческое время Радимичи и Вятичи (а не: Вѣтичи—Vetici) были Русь и говорили: Воробейна, Городецъ, Радимль, Дѣдославль, и пр. О переселеніи разныхъ славянскихъ племенъ см. нашу статью Slavische Völkernamen (Archiv. f. slav. Philologie VII. VIII).

²⁾ Разсказъ Константина Багрянороднаго о переселеніи южныхъ Хорватовъ изъ карпатской Хорватіи „бѣлой“ или „великой“ встрѣтился съ сильнымъ сомнѣніемъ со стороны Рачкаго (Rad jugoslav. akademije, kn. 52). Срв. тоже наши замѣтки въ Archiv für slav. Philologie, VII. 625, VIII. 2—5. „Хорваты“ въ учредительной грамотѣ пражской епископіи (973, 1086) это — Хорваты въ Чехіи въ двухъ областяхъ подъ крѣконошскими горами, а не Хорваты карпатскіе. Въ польскихъ лѣтописяхъ Хорваты — хорошо извѣстные русской лѣтописи — почти неизвѣстны, и только Викентій Кадлубекъ знаетъ, что Болеславъ Храбрый „Hunnos seu Hungaros, Cravatos (вѣроятно краковскихъ, повислянскихъ) et Mardos gentem validam (Моравянь съ Словаками) suo manseravit imperio. Если Карпы или Карпіаны греческихъ и римскихъ писателей первыхъ столѣтій Р. Х., воевавшіе въ подунайскихъ странахъ — Хорваты, то можно принять отчасти разсказъ Константина Багрянороднаго, но только въ смыслѣ дви-

Какія были первоначально границы между Ляхами (Хорваты около Кракова, Висляне около Вислицы, Мазовшане по средней Вислѣ) и Русью (Хорваты по Сану и Днѣстру, около Перемышля и Теребовли, Дулѣбы - Бужане - Воляняне на верхнемъ Бугѣ около Червены, Воляня, Володимири, Бужска и Белза, Дреговичи на среднемъ Бугѣ)—неизвѣстно, вѣроятно средняя Висла; позже, въ XII—XIII вѣкахъ, составляютъ эту границу водораздѣлъ рѣкъ Вислоки и Вислока, Санъ (Сянъ), Быстрица, Вепрь, Кросна, Нурецъ, верхняя Наровъ (Narew'), Бобря (Biebrza); здѣсь на сѣверѣ Ляхи и Русь граничили съ литовскими племенами, именно съ Ятьвягами (польск. Jądzwingi — Jąćvegi), которые истреблены соединенными силами Ляховъ и Руси. Пограничные польскіе города были здѣсь, въ XII — XIII и XIV вв. Сандечъ, Тарповъ, Сандомѣрь, Люблинъ, Луковъ, Нуръ, Визна, а русскіе—Кросно (Коросно), Решовъ, Ярославль, дальше въ „украинѣ“ по Вепрю Щекаревъ, Холмъ, Верещинъ, наконецъ Берестье, Мельникъ, Дорогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ ¹⁾.

женія карпатско-подунайскихъ Хорватовъ на югъ въ Далмацію, равнымъ образомъ какъ и движеніе карпатско-подунайскихъ Сарматовъ—Сербовъ на югъ въ Мизію и Далмацію. Греки и Римляне знали горы Карпаты (хребты) и ихъ части Пенины и Бескиды (срв. племена Piengitae, Biessi), племена Арсіеты (Решовъ?) и Сабоки (по Сану), городъ Асанка (Сандечъ—Санчъ или Санокъ?).

¹⁾ Подробное изслѣдованіе вопроса объ этнографическомъ польско-русскомъ рубежѣ во всѣхъ его историческихъ фазахъ ждетъ еще своего историка. См. Н. Барсова Очерки русской исторической географіи (Варшава, 1885), Д. Зубрицкаго Granice między ruskim i polskim państwem w Galicyi (Lwów 1849), А. Добрянскаго О западныхъ границахъ подкарпатской Руси (Ж. М. Н. П. 1880, кн. 208), Андріашева Очеркъ исторіи волинской земли до конца XIV в. (Кіевъ 1887), Петрушевича, Краткое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во время свв. Кирилла и Меѳодія, (Львовъ 1882) и Краткое извѣстіе о холмской епархіи (1867), И. Линниченка Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV в. (Кіевъ 1884), Филевича Борьба Польши и Литвы - Руси за галицко-владимирское наслѣдіе (СП. 1890), Е. Крыжановскаго Забужная (т. е. Забужская) Русь (Собраніе сочиненій, Кіевъ 1890, II), Лонгинова Чер-

Всѣ эти сѣверныя славянскія племена по Вислѣ и по Днѣпру долго жили въ раздробленіи, не думая о болѣе прочномъ и продолжительномъ союзѣ; нѣкоторыя повислянскія и карпатскія племена, Висляне и Хорваты, вошли въ составъ велико-моравскаго

венскіе города (Варшава 1885), Сборникъ Батюшкова Холмская Русь (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, VII, VIII СП. 1885), Алекс. Будиловича, Истор. очеркъ милеевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія завопрянской Руси до р. Быстрицы (Варшава, 1890), О. Кольберга Mazowsze, t. V (Kraków 1890), и др. Среднее Побужье съ Дорогичиномъ было исконно русское, а не ятвяжское, о чемъ срв. статью С. Кулаковскаго въ Этнограф. Сборникъ III. 47, Барсова Очерки 39, 231, ст. Авенариуса въ сб. Древности сѣверо-западнаго края (СП. 1890, I); ст. Крыжановскаго о забужской Руси; о Ятвягахъ срв. тоже Sjögren: Über die Wohnsitze u. die Verhältnisse der Jatwägen (SP. 1858), Sembrzycki (Altpreuss. Monatschrift 1891, I. 76). Что касается люблинской земли, то возможно, что она первоначально была русская, но въ XII—XIII вв. она принадлежала уже Польшѣ (въ галичско-волинской лѣтописи упоминаются часто люблинскіе Ляхи), но галичско-волинскіе князья постоянно ея добивались. Во всякомъ случаѣ люблинская земля скоро ополячилась, только по Вепрю и по Быстрицѣ отчасти сохранилась православная, потомъ уніатская Русь, а въ городѣ Люблинѣ она имѣла свою церковь и свое церковное братство, о чемъ срв. соч. Ал. Будиловича о милеевской церкви, Лонгинова Памятники русской старины въ г. Люблинѣ (Холмская Русь, Памятники VIII. 229) и Червенскіе города, 79. Въ городѣ Казимирѣ на Вислѣ была еще въ XV в. православная русская церковь (Востокова, Опис. рукописей Румянцева стр. 185, срв. „Славяне“ II. 550, примѣч. 3, гдѣ однако вмѣсто „католическая церковь“ надо читать „православная“). Что касается русскаго населенія на лѣвомъ берегу Вислы въ землѣ сандомирской (судомирской), то можемъ указать только на присутствіе русскихъ жителей въ Чмелёвѣ (Śmiełów) около Опатова; по крайней мѣрѣ въ 1505 г. король Александръ, жалую селенію Чмелёву (Szczmielewo) нѣмецкое право, уничтожаетъ въ новомъ городѣ всѣ права польскія и русскія—removentes omnia jura polonica et ruthenica (Metryka koronna XXI, 211; грамоту знали Baliński i Lipiński, Starożytna Polska II. 316), т. е. если послѣднихъ словъ не считать обыкновенною формулою, встрѣчающеюся часто въ тогдашнихъ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право вообще. Мнѣніе о русскомъ на-

государства, а позже въ составъ чешскаго государства. Въ IX—X вѣкахъ возникаютъ однако два государства, въ которыхъ со временемъ соединились Ляхи и Русь. Ляхи по Вартѣ, около озера Голя и по средней Вислѣ, Поляне, Куявяне, Мазовшане, являются около половины X в. соединенными подъ сильною рукою князя польскаго (Полянъ) Мѣшка, который могъ подумать уже о борьбѣ съ Нѣмцами, Лютичами, Чехами и Русью, и о распростра-

---

селеніи около Опатова (изъ соч. Петрушевича вошло и въ Исторію Россіи Иловайскаго I. 2. стр. 28, 40, и въ соч. Ант. Будиловича: Общеславянскій языкъ (Варшава 1892, II. 103)—просто недоразумѣніе; аббатъ католическаго опатовскаго монастыря и его преемники, епископы любушскіе были въ XIII в. не епископы русскіе (*Ruthenorum episcopi*), а епископы для сосѣднихъ Русскихъ, которыхъ эти епископы должны были сдѣлать католиками; срв. К. Reifenkugel: *Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien von Halicz u. Wladimir* (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 52, p. 406), Н. Дашкевичъ: Первая унія югозападной Руси съ католичествомъ, стр. 6 (Кіев. Университ. извѣстія 1884). Въ городѣ Сандомирѣ могла существовать и православная русская церковь, хотя объ этомъ упоминаетъ только писатель XVIII в., доминиканецъ Сейковскій (*Dni rocznie ś. закону kaznodziejskiego, Kraków 1743*), который утверждаетъ, что доминиканскій „kościół św. Jakoba w Sandomierzu był przed oddaniem Dominikanom ruskiej religii, w którym odprawiała Ruś swoje nabożeństwo“. Угорскій монахъ Рикардъ (около 1227 — 1241 г., *Regum hungaricarum monumenta Arpadiana*, ed. Endlicher 1849, p. 254) рассказываетъ, что язычники „Мордваны“ (*regnum Morduanorum* около заволжской *Ungaria Magna*), желая принять христіанство, послали „ad ducem magne Sondemerie, que est terra Ruthenorum illis vicina“, а этотъ дух указалъ имъ на папу; очевидно, здѣсь говорится о какомъ-то русскомъ князѣ около Мордвы; поэтому думаемъ, что тутъ вмѣсто *Sondemerie* надо читать *Londemerie* (*Ladomerie*) т. е. Володимерь. Считать нѣкоторыя церкви даже въ краковской епархіи, въ которыхъ въ началѣ XIV в. въ 1326 г. (*Theiner: Monumenta Poloniae I, № 358*) встрѣчается по два священника, на половину латинскою и словѣнскою — какъ это дѣлаетъ Петрушевичъ — слишкомъ фантастическое предположеніе. Наконецъ замѣтимъ еще, что нѣкоторые историки (напр. Петрушевичъ, Лонгиновъ), не вникая въ языкъ русской лѣтописи, по однимъ ея словамъ „епископы, игумены, попы, черноризцы, церкви, монастыри“ въ смы-

неніи границъ своего княжества. Восточныхъ Славянъ по Ильмену, Двинѣ, Днѣпру и Днѣстру соединили князья русскихъ кievскихъ Полянъ, и власть этихъ князей въ X вѣкѣ доходила на западъ за Санъ и Бугъ въ земли Хорватовъ, Дулѣбовъ и Дреговичей, гдѣ Русь сосѣдила съ государствами чешскимъ и польскимъ, и тоже съ литовскими племенами, именно съ Ятвягами. Зачатки христіанства проникли къ карпатскимъ Ляхамъ изъ Моравіи, имен-

слѣ католическихъ польскихъ — впадаютъ въ большое заблужденіе, считая всѣхъ тѣхъ—словѣнскими или прямо русскими. Между тѣмъ древніе русскіе лѣтописцы называютъ и католическихъ польскихъ и православныхъ русскихъ іереевъ „епископами, попами“, и православные и католическіе храмы „церквами“ и „божницами“; а слова *церковь* и *попъ* тоже древнепольскія, срв. „Славяне“ Ш. 213. Равнымъ образомъ русскіе лѣтописцы говорятъ тоже о польскихъ „князьяхъ, боярахъ, челяди“; такъ напр. въ 1030 г.: „бысть мятежь великъ въ лядской земли, и вѣставше людье избиша епископы и попы и бояры своя“; въ 1261 г. (т. е. 1260), въ разсказѣ о разгромѣ Сандомира Татарами: „церкви погорѣ.. игумени съ попы и съ дьяконы, бояре, бояринѣ, слуги боярьскіе (погибли)“; эти игумени, попы, дьяконы—доминиканскіе монахи, которые тогда перебиты въ Сандомирѣ; въ 1286 г. (т. е. 1288) по смерти краковского князя Лестька „епископъ, игумени и поповѣ и дьякони... положиша тѣло его во Краковѣ городѣ, во церкви св. Троицѣ, и плакашася по немъ вси людье, боярѣ и прости“, и пр. Непростителенъ промахъ Лонгинова (Грамоты малорусскаго князя Юрія II. стр. 13 въ москов. Читеніяхъ 1887, II), который говоритъ даже о православной церкви св. Юрія въ Варшавѣ въ XIV в., ссылаясь на Балинскаго и Липинскаго *Starożytna Polska* I. 411, гдѣ однако говорится о католической церкви св. Юрія въ Варшавѣ. Введеніе православныхъ русскихъ церковныхъ терминовъ въ польскій и латинскій языки (*władica — władyka, pop, bayt-ko — batko, archymandryt, ihumen, czerniec, cerkiew, monaster, krest* и пр.), а католическихъ польскихъ — въ русскій языкъ (бискупъ, князь—ксѣндзъ, патель, костель, кляшторъ, крыжъ и пр.) принадлежатъ уже позднѣйшему времени; срв. тоже „Славяне“ II. 552. Еще янычаръ Константиновичъ, Хвальчевскій, Бѣльскій говорятъ о православныхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ *biskupach, zakonnikach, kościołach, klasztorach, krzyżu* и пр., между тѣмъ какъ Стрыйковскій говоритъ о русскихъ *władykach, archymandrytach, porach, czerncach, cerkwiach, monasterach* и пр. Съ другой стороны выраже-

но изъ епархіи Меѳодія, и словѣнское богослуженіе сохранилось у нихъ отчасти и внослѣдствіи до XI вѣка, когда съ X в. католическая латинская церковь сдѣлалась въ Чехіи и Польшѣ господствующею ¹⁾. Русь прикнула къ церкви восточной, право-

нія: крыжъ латинскій или ляцкій (а *крестъ* православія), костель сирѣчь церковь, костель, бискупъ и пр. встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ уже въ XV вѣкѣ.

¹⁾ О словѣнскомъ богослуженіи въ Польшѣ знаемъ, по достовѣрнымъ источникамъ, очень мало; срв. „Славяне“ II. 520, III. 170, 213, и Wł. Abraham, Organizacya kościoła w Polsce do połowy w. XII. (Lwów, 1890, p. 104—111). Устарѣвшія сочиненія В. Мацеѣвскаго: Pierwotne dzieje chrześcijaństwa u Słowian obojga obrządku (Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie, prawodawstwie Słowian, Petersburg, 1839, I. 61, русскій переводъ въ Варшавѣ 1840, срв. тоже „Славяне“ II. 520, примѣчаніе), и Инокентія Борисова: О началѣ христіанства въ Польшѣ (Ж. М. Н. II. 1842, перепечатано особою брошюрою въ Кіевѣ 1886)—не выдерживаютъ критики. Также и нѣкоторыя мнѣнія о словѣнской церкви въ Польшѣ А. Петрушевича (см. выше) и Ант. Будиловича (Общеславянскій языкъ II, 95 — 100) требуютъ болѣе вѣскихъ доказательствъ. Греко-византійская архитектура, скульптура, живопись могли переходить въ Польшу съ начала черезъ Моравію и позже черезъ Русь; о такихъ греческихъ памятникахъ часто говоритъ Длугошъ, по словамъ котораго (IV. 536) еще король Владиславъ Ягайло украсилъ церкви въ Гнѣзнѣ, Сандомирѣ и Вислицѣ *sculptura graeca*, предпочитая ее латинской; а Дамалевичу казалась еще въ XVII в. живопись въ церкви гнѣзенской — *pictura ruthenica et moscovitica*. Длугошъ (*Liber beneficiorum dioecesis Cracov.* III. 229), говоря о польскомъ монастырѣ св. Креста на Лысой Горѣ, вспоминаетъ о его *opere graeco, pictura graeca*. Православные греко-византійскіе и русскіе образа переходили и въ Польшу; такъ напр. образъ богородицы въ Ченстоховѣ — происхожденія православнаго и переданъ туда во второй пол. XIV в. изъ Львова, срв. Zimorowicz, *Historya m. Lwowa*, przełoż. Piwockiego, p. 81, и срв. М. Baliński, *Pielgrzymka do Jasnej Góry w Częstochowie*, Warszawa, 1846, тоже книжку: Ченстоховская чудотворная икона Богородицы (Вильна, 1881). О греческихъ образахъ съ словѣнскими надписями въ нѣкоторыхъ катол. церквахъ краковской епархіи въ началѣ XVII в. вспоминаетъ Копыстенскій, Палинодія, стр. 995—996. До сихъ поръ въ краковскомъ соборѣ есть одна часовня, Ягайлов-

славной греческой съ богослуженіемъ на словѣнскомъ языкѣ. Это религіозное и культурное раздвоеніе сѣвернаго Славянства дало его дальнѣйшему историческому развитію рѣшительный оборотъ, и повліяло на взаимныя отношенія Ляховъ и Руси. Еслибъ лядскія племена, подобно Руси, приняли православіе съ церковнымъ языкомъ словѣнскимъ, или еслибъ католическое вѣроисповѣданіе съ латинскимъ языкомъ распространилось и укрѣпилось на Руси, то племена лядскія и русскія слились бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ образовалась бы вѣроятно только такая разница, какъ между Кіевомъ и Володимиремъ-Москвою. Но католицизмъ „лядская (польская) вѣра“ и православіе „русская вѣра“ и связанный съ ними вѣроисповѣднѣй и культурный дуализмъ и антагонизмъ воздвигли между Поляками и Русскими такую преграду, которая придала всей ихъ исторіи особый характеръ: на славянскомъ востокѣ пачинается борьба изъ-за первенства не только между обоими славянскими народами Ляхами и Русью, — какъ это было напр. между Русью южною (Кіевомъ) и Русью сѣверною (Суздалемъ, Володимиремъ, Москвою)—а тоже между Ляхами-католиками „латинами, латинянами, римлянами, кривовѣрными, полувѣрными, еретиками“, и между Русью—православными „греками, схизматиками, невѣрными, погаными“¹⁾. Оба вѣроисповѣданія сдѣлались существенною при-

---

ская, украшенная въ концѣ XV в. русскою живописью и надписью, о чемъ см. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства (Кіевъ, 1885, стр. 107). Основаніе католическаго словѣнскаго монастыря въ Краковѣ съ монахами глаголяшами въ концѣ XIV в. не имѣетъ никакой связи съ православно-словѣнскими преданіями въ Польшѣ; см. „Славяне“ II. 546 — 547. О чествованіи св. Кирилла и Меѳодія въ Польшѣ см. тамъ же II. 606.

¹⁾ Приводимыя у Петрушевича (О введеніи христіанства, 59) слова Длугоша объ „идололатріи“ Русскаго Теодорика (*Theodoricus genere Rutheni*) читаются въ новомъ изданіи Длугоша (II. 409, ad a. 1268): *Tenutarius castri Bydgoszcz in Cuyav. ducatu Theodoricus genere Pruthenus, qui idololatria relictas, fidem rectam professus est.*—Католическая вѣра называлась на Руси тоже „фряжскою (Франговъ, Франковъ), нѣмецкою, варяжскою“. По византійскому примѣру и

надлежностью народностей польской и русской, и поддерживали и разжигали еще болѣе давнишній политическій и народный антагонизмъ Поляковъ и Русскихъ, тѣмъ болѣе, что Поляки охотно приняли на себя роль, указанную имъ Римомъ: быть католическими миссіонерами на славянскомъ востокѣ и пособниками всевозможныхъ притязаній римскихъ папъ относительно распространенія католицизма среди огромной Руси ¹⁾.

Ляхи (Польша) и Русь, два сосѣдніе государства и народы, сносились и сталкивались издавна. Польскіе князья, со временъ образованія польскаго государства по Вартѣ и по средней Вислѣ, обращали свое вниманіе не только на западъ, а тоже на востокъ, гдѣ на юго-востокѣ отъ Кракова (съ 999 г. польскаго) по Вислокѣ до источниковъ Дунайца начиналась Русь ²⁾. По мѣрѣ того, какъ Польша была тѣснима Нѣмцами съ запада на востокъ, теряла славянскія земли по Одрѣ и балтійскому морю, она стремилась все

православные Славяне раздѣляли языки (народы) на правовѣрные—православные, полувѣрные (еретики, въ томъ числѣ и Ляхи, Чехи, Хорваты) и невѣрные, какъ это встрѣчается напр. въ одномъ памятникѣ болгарскомъ (Шафарика Слав. Древности, послѣднее приложеніе) и сербскомъ (Тихонравовъ, Памятники отреченной литературы II. 441). Такъ и въ русскихъ памятникахъ часто латиняне, полувѣрцы, еретики, безбожные, поганые, о чемъ срв. А. Попова: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), Москва, 1875. Сборники разныхъ такихъ полемическихъ статей противъ латинянъ (см. Макарія Исторія русской церкви, V. 329) часто списывались на Руси „на посрамленіе Ляховомъ и Латынамъ“. (А. Поповъ, 155). Русскіе лѣтописцы называютъ православіе просто „христіанская вѣра“ (правая, православная), а католицизмъ „вѣра латинская, нѣмецкая, лядская“, срв. лѣтописи литовско-русскія, новгородскую, софійскую.

¹⁾ См. „Славяне“ II, 80.

²⁾ Жидъ Ибрагимъ 965 г. (Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ, 49), говоритъ, что въ Прагу приходятъ изъ города Кракова Русы; въ одной запискѣ (послѣ 999 г.), впрочемъ довольно темной (Bielowski, Monumenta Poloniae histor. I. 148, Zeissberg въ Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 38, p. 109): fines Russe extendente (!) usque in Cracooa.

больше на востокъ, и русскія земли должны были ей замѣнить утраченныя западно-славянскія земли, Лужицы, Поморье, Слезію. Ляхи вмѣшивались въ дѣла Руси карпатской, волынской, кievской, присоединили значительную часть этой южной Руси къ своей державѣ, вступали вмѣстѣ съ Литвою и въ Русь западную, наконецъ стремились завладѣть Русью восточною. Съ другой стороны, и русскіе князья вмѣшивались въ дѣла Польши и помогали польскимъ князьямъ Пястовичамъ въ ихъ междоусобицахъ. Польскія войска часто стояли подѣ Червенемъ, Володимиремъ, Галичемъ, Кіевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ, Москвою, а русскія войска стояли подѣ Люблиномъ, Сандомѣремъ, Краковомъ, Калишемъ, Варшавою; въ славянскихъ земляхъ по Вислѣ, Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ, Волгѣ лилась кровь потоками въ братоубійственной борьбѣ обоихъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и Руси; долго не рѣшался ихъ споръ изъ-за политическаго первенства въ восточной Европѣ, пока наконецъ не водружено русское знамя надъ Варшавою. Эта упорная и кровавая борьба все разжигала политическую, народную и вѣроисповѣдную вражду обоихъ славянскихъ народовъ до безконечности; равнымъ образомъ какъ кievскій лѣтописецъ представлялъ себѣ „бѣса въ образѣ Ляха“, а галичско-волынскій лѣтописецъ называлъ Ляховъ „безбожными“, такъ и для польскаго лѣтописца Викентія Русскіе—заклятые враги Поляковъ, которые при каждомъ случаѣ утоляютъ вражеское бѣшенство ненависти и старинную жажду зависти въ крови Поляковъ ¹⁾. Но не смотря на эту страшную борьбу Поляки и Русскіе не забывали о своемъ славянскомъ родствѣ, о томъ, что Чехія, Польша и Русь—огромная славянская страна, что Русь—какъ бы другой міръ, а русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ равняется звѣздамъ, какъ выражаются въ половинѣ XII вѣка краковскій епископъ Матей и кметъ Петръ Власть въ письмѣ Бернаруду, аббату клервоскому; но они вмѣстѣ съ тѣмъ не нахо-

---

¹⁾ Русскія лѣтописи къ 1074 и 1143 гг. Слова Викентія: *Rutheni, quos nulla occasio, nulla remoratur difficultas, non ut amico morem gerant, sed ut hosticam odii rabiem, ut antiquam invidiae sitim cruore Polonorum expleant.* (*Monumenta Poloniae histor.* II. 286).

дять словъ чтобъ выругать соплеменный народъ русскій, только „по имени христіанскій“, за его „безбожные обряды“, „заблужденія“, „ереси“, которыя слѣдуетъ истребить, вѣроятно, тоже такимъ крестовымъ походомъ, какой затѣялъ тогда аббатъ Бернардь на дальній востокъ и какой предприняли тоже одновременно сѣверные Нѣмцы противъ балтійскихъ Славянъ ¹⁾. Но не смотря на все взаимное озлобленіе обоихъ славянскихъ народовъ, все-таки раздавались изъ рядовъ Ляховъ такіе возгласы, обращенные къ Руси: „яко дьяволъ есть вовергъ вражду сію межи нами“, „братья моя милая Руси, потягнете за одно сердце“, а послѣ борьбы „уиришася Ляхове съ Русью и начаша быти въ любви велицѣ“, собирались „снемы рускимъ княземъ и лядскимъ, и положиша рядъ межи собою о землю рускую и лядску, утвердившеся крестомъ честнымъ“, и „створиша межи собою клятву Русь и Ляхове: аще посемъ коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ руское челяди, ни Руси лядской“ ²⁾.

Сношенія Поляковъ съ южною и западною Русью были, конечно, болѣе близки и тѣсны, чѣмъ съ Русью сѣверовосточною; а самыя тѣсныя сношенія завязались у Польши съ Русью кіевскою, и особенно съ Русью карпатскою (княжествами перемышльскимъ, теребовльскимъ, галичскимъ) и волынскою (княжествомъ володимиро-волынскимъ). Польскіе Пястовичи и русскіе Рюриковичи не только сталкивались и боролись то другъ съ другомъ, то какъ союзники противъ борющихся между собою князей польскихъ и князей русскихъ; они и ихъ народы сносились тоже мирнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, посольствъ, пребываніемъ Ляховъ на Руси а Русскихъ въ Польшѣ, купцовъ (гостей), вои-

---

¹⁾ Monumenta Poloniae historica II. 15; срв. „Славяне“ III. 5. Петръ Власть играетъ извѣстную роль и въ исторіи карпатской Руси, см. упомянутое сочиненіе Линниченка, стр. 217.

²⁾ См. рассказъ галичско-волынскою лѣтописи 1202, 1229, 1262, 1268, 1281 гг. Лѣтопись издана, по ипатьевскому списку, въ полномъ собраніи русск. лѣтописей, II, особо археограф. комиссіею Сп. 1871; и Петрушевичемъ во Львовѣ 1871 — 1872, срв. монографію Шараневича Die Hupatioschronik (Lemberg, 1872).

новъ, плѣнниковъ, и пр. ¹⁾). Такимъ образомъ Ляхи познакомились съ русскимъ языкомъ, а Русь съ лядскимъ. Ляхи на своемъ языкѣ не писали, а русская грамота была для Ляховъ „рамота“ (поль. *ramota* — каракули), которую знали очень не многіе изъ нихъ. Въ началѣ XIII в. находилась у одного каноника въ Плоцкѣ русская лѣтопись, которая однако не могла оказать вліяніе на польскихъ лѣтописцевъ XIII—XIV вѣковъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ ²⁾). Только въ послѣдствіи, когда русскія земли стали входить въ составъ польскаго государства, польскіе историки, вводя въ польскую исторію тоже исторію Литвы и Руси, почувствовали необходимость знанія русскаго языка и русскихъ лѣтописей. Такъ І. Длугошъ, желая пользоваться русскими лѣтописями, учился уже въ старости русскому языку; русскими лѣтописями пользовался тоже М. Стрыйковскій въ своей исторіи Литвы и Руси ³⁾).

Борьба между Ляхами и Русью изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ началась очень рано, уже въ то время, когда племена Ляховъ по Вислѣ, а Русскихъ по Днѣпру соединялись Пястовичами и Рюриковичами въ два государства. Польскій князь Мѣшко, стремясь, съ начала второй половины X вѣка, къ распространенію предѣловъ своего государства, и натолкнувшись на западѣ на сильное сопротивленіе своимъ завоевательнымъ планамъ со стороны Нѣмцевъ, Лютичей и Чеховъ—послѣдніе владѣли краковскою Хорватіею и Слезіею — бросился на востокъ, на сосѣднюю Русь, именно на земли карпатскихъ Хорватовъ и побужскихъ Дулѣбовъ или Бужанъ (позд. Воынянъ), гдѣ были горо-

¹⁾ См. выше упомянутое соч. И. Линниченка.

²⁾ Wiszniewski: *Historya literatury polskiéj*, II. 108, *Biblioteka Warszawska* 1853, III. 23; срв. „Славяне“ II. 105.

³⁾ См. „Славяне“ II. 110, 122. Длугошъ говоритъ: *Capo jam capite ad perdiscendas litteras rutenas me ipsum appulegam*; какъ онъ воспользовался русскими лѣтописями, о томъ срв. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей (приложенія, 64). По словамъ Длугоша, краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій зналъ русскій языкъ, чѣмъ снискалъ себѣ расположеніе великаго князя литовско-русскаго Александра Витовта.

да Перемышль и Червень, и занялъ ихъ на время. Но скоро русскій князь Володимиръ отвоевалъ эти „червенскіе города“ и присоединилъ ихъ опять къ Руси ¹⁾. Эта русская область, — гдѣ потомъ являются княжества волынское, перемышльское, теремовельское, галичское, — осталась и впослѣдствіи яблокомъ раздора между Польшею и Русью и представляла ближайшую цѣль завоевательныхъ стремленій Польши на востокъ, куда она старалась распространить свое вліяніе и свое господство. Такъ это было уже въ XI вѣкѣ при Болеславахъ I и II, доходившихъ до Кіева для поддержки русскихъ князей, своихъ родственниковъ; Болеславъ I присоединилъ червенскіе города на нѣсколько лѣтъ къ Польшѣ, а Болеславъ II сдѣлалъ такую же попытку, хотя вѣроятно безъ успѣха. Въ концѣ XI в. засѣли въ червенскихъ городахъ, Перемышль и Теремовли (и Галичъ) Ростиславичи, которые

---

¹⁾ Слова русской лѣтописи (981 г., но скорѣе 979 г.). „Иде Володимеръ къ Ляхомъ, и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины города“ — слишкомъ ясны, чтобъ можно было сомнѣваться въ достовѣрности этого факта, какъ это дѣлаютъ Крыжановскій и Лонгиновъ. Мѣшко былъ сильный князь завоеватель; равнымъ образомъ, какъ онъ до 990 г. отнялъ у чешскаго князя Болеслава какое-то герцогство (вѣроятно Слезію), такъ онъ могъ занять на время и русскія области. Слова лѣтописи, конечно, нельзя понимать въ такомъ смыслѣ, будто Хорваты по Сану и Дулѣбы (у Арабовъ Дулабы, а не Дудлебы, какъ они бы назывались попольски, какъ и чешскіе Дудлебы) по верхнему Бугу были Ляхи; лѣтопись называетъ оба племени Русью, а не Ляхами, и вся исторія „червенскихъ городовъ“ указываетъ на ихъ русское происхожденіе. Разсказъ лѣтописи опровергаетъ тоже слова учредительной грамоты пражской епископіи (973, 1086 гг.), по которой восточныя границы этой епископіи были рѣки Бугъ и Стырь, т. е. именно въ области Дулѣбовъ — Волынянъ; границы Руси начинались въ X в. уже недалеко отъ Кракова (см. выше). По словамъ русской лѣтописи, тогда, въ концѣ X вѣка (ок. 980—999 гг.), „Володимиръ бѣ живя съ князи околными его миромъ, съ Болеславомъ лядьскимъ, и съ Стефаномъ угорьскимъ, и съ Андрихомъ (Ондроникомъ, т. е. собственно Болеславомъ, отцомъ князя Ольдриха) чешьскимъ, и бѣ миръ межи има и любы“. По городу Червеню карпатская Русь называлась позже Червоною, что однако встрѣчается не раньше XVI вѣка.

относились къ Польшѣ враждебно; князь теребовельскій Василько, желая отомстить Ляхамъ за землю русскую, мечталъ прямо о завоеваніи Польши ¹⁾. Враждебныя дѣйствія противъ Польши продолжали галичскіе Ростиславичи и въ XII в., а ихъ преемники въ Галичѣ въ XIII в., Романъ волинскій и его потомки Романовичи. Казалось, что въ началѣ XIII в. Польшѣ удастся осуществленіе завѣтной ея мысли, что она распространитъ свое господство въ волинскую землю; здѣсь распоряжался тогда Лестько князь краковскій, между тѣмъ какъ галичская земля сдѣлалась добычею Угровъ, отчасти и Поляковъ. Но скоро посредствомъ сѣвернаго князя новгородскаго Мстислава Удалаго „спасъ Богъ рускую землю отъ иноплеменикъ: вси бо Угре и Ляхове убьени быша“, и Данилъ Романовичъ соединилъ свою волинско-галичскую отчину, Татарами страшно опустошенную, и поднялъ ее къ небывалой славы; онъ, подобно отцу своему, оспаривалъ у Польши Люблинъ, вмѣшивался въ дѣла польскія, доходя до западныхъ предѣловъ

---

¹⁾ По одному посланію кіевскаго митрополита Никифора (1104—1121) о Латинахъ „къ неизвѣстному князю“ (см. митр. Макарія Исторія русской церкви II. 352): „понеже земля лядская въ *судьхъ* у тебе есть“—казалось бы, что въ началѣ XII в. какая-то лядская земля находилась подъ властью русскаго князя; но оказывается, что въ этомъ посланіи *волинскому* князю Ярославу Святополковичу надо читать: „земля лядская въ *судьдахъ* у тебе есть“. (А. Поповъ: Историко-литерат. обзоръ древно-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ, 109). Митрополитъ Никифоръ пишетъ между прочимъ, что Латины „молвятъ, яко не достоитъ инѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо тремя языки, жидовьскимъ языкомъ, еллиньскимъ и римскимъ. Блудуть бо въ томъ: Христосъ же за вся умре, и пророци вся языци научаютъ. Глаголетъ бо Давидъ: вси языци въсплещѣте руками, вси языци прїидутъ и поклонятся предъ тобою Господи. Всяко дыханіе да хвалитъ Господа, яко всякомъ языкомъ достоитъ хвалити Господа, ни единого бо не отгонитъ Господъ отъ хваленія и отъ иѣнія его“. Никифоръ, самъ Грекъ и писавшій по гречески, возстаетъ здѣсь противъ той „тріязычной ереси“, которую столь блестящимъ образомъ поразилъ и посрамилъ еще въ 867 г. св. Константинъ въ спорѣ съ латинскимъ духовенствомъ въ Венеціи; срв. „Славяне“ II 613.

Польши, до Калиша: „иный князь не входилъ бѣ въ землю лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго“; да онъ, какъ союзникъ угорскаго короля и польскаго князя, проникъ въ сѣверную Моравію: „не бѣ бо нѣкоторый князь рускій воевалъ землѣ чешское, не бѣ бо въ землѣ русцѣй первее, иже бѣ воевалъ землю чешьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святой“¹⁾. Романовичи галичскіе и волынскіе вообще дѣятельно вмѣшивались въ польскія дѣла; Левъ Даниловичъ въ концѣ XIII в. мечталъ о занятіи краковскаго стола, хотя напрасно; но ему удалось занять Люблинъ, который однако уже въ началѣ XIV в. взяли вновь Поляки.

Стремленія Польши распространить свое господство или вліяніе на Русь галичскую и волынскую не удавались, не удавались тоже планы папской куріи о водвореніи католицизма, уніи православной церкви съ Римомъ въ галичско-волынскомъ княжествѣ, ни при Романѣ²⁾, ни при королѣ Данилѣ, при чемъ польское духовенство и монахи думали играть роль папскихъ слугъ на Руси не только въ пользу католицизма, а также и Польши. Но положеніе дѣлъ перемѣнилось послѣ прекращенія галичско-волинскихъ Рюриковичей-Романовичей (1321 — 1322), когда на княжескій столъ галичскій и володимирскій вступилъ Пястовичъ, мазовскій князь Болеславъ Тройденовичъ (1325 — 1340), сынъ Маріи, сестры послѣднихъ двухъ Романовичей, жены мазовско-черскаго князя Тройдена. Болеславъ принялъ православіе и имя Юрія II; но вскорѣ послѣ занятія галичскаго стола возвратился къ католи-

---

¹⁾ Эти слова галичско-волинскаго лѣтописца не вѣрны: по его же словамъ, уже въ 1076 г. „ходи Володимеръ сынъ Всеволожъ (Мономахъ) и Олегъ Святославль Ляхомъ въ помочь на Чехы“; а князь Володимеръ ходилъ „за Глоговы до чешскаго лѣса“, какъ князь самъ написалъ въ своемъ поученіи.

²⁾ Неизвѣстно, откуда Длугошъ (II. 173) почерпнулъ свое свѣдѣніе, что князь Романъ, собираясь въ походъ противъ Польши, *minatur se non solum Poloniae regnum vastaturum, sed et paginam divipam Latinorem exterminaturum*. Въ галичско-волинской лѣтописи какъ разъ недостаетъ разсказа о княженіи князя Романа Мстиславича.

цизму и сталъ преслѣдовать православіе¹⁾. Болеславъ-Юрій заплатилъ за это жизнью—онъ былъ отравленъ галичскими боярами; но анти-православную и анти-русскую дѣятельность этого мазовскаго Пястовича продолжалъ его преемникъ въ галичской Руси, другой Пястовичъ, польскій король Казимиръ; онъ занялъ ее—послѣ неудачной попытки въ 1340 г. — въ 1349 г. и удержалъ ее противъ Литвы, которая тогда завершала собираніе югозападной Руси и отразила Польшу по крайней мѣрѣ отъ Володимира, Луцка, Белза, Холма, Берестя. Съ половины XIV в. югозападная Русь стала раздѣляться на „Русь што Литвы слушаетъ“ и на „Русь што польского короля слушаетъ“. Къ послѣдней скоро присоединены были Холмъ и Белзъ (1396 — 1462 принадлежавшій мазовскимъ князьямъ), и—послѣ долголѣтней борьбы съ Литвою—Подолье; между тѣмъ Волынь Литвѣ удалось отстоять отъ всѣхъ притязаній Польши²⁾. Такимъ образомъ въ половинѣ XIV в. и оконча-

---

¹⁾ Тождество Болеслава Тройденовича и Юрія II доказалъ особенно Режабекъ (*Časopis Česk. Musea* 1883), срв. тоже замѣтки Бѣлѣвскаго (*Monumenta Poloniae histor.* II. 620), Рейфенкутеля (*Archiv für österreich. Geschichte*, Bd. 52, p. 422), Лонгинова (Москов. Чтенія 1887, II). Монеты съ русскою надписью „Болеславъ“ (т. е. польскій Б. Храбрый, см. „Славяне“ II. 520) не могутъ принадлежать Болеславу Тройденовичу, какъ предполагаетъ Болсуновскій (*Solidy Bolesława z ɣławiańskim parışem*, Kijów 1887); Болеславъ, какъ русскій князь, назывался не Болеславъ, а Юрій.

²⁾ И. Филевичъ: Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наслѣдіе (СП. 1890), И. Линниченко: Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи галицкой Руси (Ж. М. Н. II. 1891, май, іюнь, іюль). Нѣкоторыя свѣдѣнія о галичскихъ дѣлахъ сообщаетъ современный чешскій лѣтописецъ Францискъ (*Fontes rerum bohém.* IV. 430); онъ, подобно польскимъ лѣтописцамъ, тоже говоритъ о „*scismaticus error Ruthenorum*“ (а „*christiani*“ у него только *catholici*). О Подольѣ см. Н. Молчановскій: Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 г. (Кіевъ 1886, срв. Варшав. Атеней 1887, I.), Батюшковъ: Подолія, историческое описаніе (СП. 1891). Потѣшныя рѣчи короля Казимира и пана Снытка изъ Мельштыны помѣщаетъ Зиморовичъ въ хроникѣ Львова (XVII в., изд. въ польскомъ переводѣ 1835). Мельштынскій, какъ истый Катонъ, кончаетъ

тельно въ 1387 г. Польша достигла своей завѣтной цѣли и на продолжительное время на русской почвѣ первый болѣе успѣшный и прочный шагъ въ своемъ дальнемъ походѣ на славянскій востокъ, на Русь. Это стремленіе на востокъ означало рѣшительный поворотъ въ исторіи народа, именно его поворотъ съ запада на востокъ; оно сдѣлалось все усиливающимися успѣхами, указывало какъ бы на будущую роль польской народности въ восточномъ Славянствѣ, а послѣдствіемъ въ концѣ концовъ для Польши роковымъ: Польша не выстояла противъ окрѣпшей Руси и пала подъ ея напоромъ и стремленіемъ на западъ. Это движеніе и стремленіе Польши на востокъ естественно и понятно; роль ея на западѣ была—во время Казимира—уже сыграна: Польша вынуждена была сложить передъ все наступающими на западныхъ Славянъ Нѣмцами почти половины своихъ земель на западѣ, и безъ своей помощи и съ силами Литвы и Руси не могла и подумать объ удержаніи въ борьбѣ съ страшнымъ врагомъ Славянства, съ нѣмецкими рыцарями, которые стремились прямо къ истребленію польскаго народа ¹⁾. Соединеніе Польши и Литвы состоялось во второй половинѣ XIV в., хотя эта связь обоихъ государствъ съ начала была только династическая; литовская династія Гедимина заняла цѣль Ягайла Ольгердовича также и польскій престолъ. Но важная политическая связь Польши и Литвы была для Польши еще важна, сколько связь внутренняя, религіозно-культурная

свою рѣчь противъ ненавистной Руси такъ: (стр. 50). „*Tej ojczyzna, potomki, patronowie i opiekunowie duchy milezące wabyśmy las wyciąwszy i wilków, także ich wolności wypłenili zguba nienawistnego narodu końcem nieszczęścia a początkiem dzie wolności. Upadkiem niegdyś zawistnego miasta (Kartagi) wzniósł się najwyżej, ani my, jak długo Rusini zostają, bezpiętawać będziemy mogli, jeżeli ich niezgladziemy, sami zginie-*

¹⁾ *Temerarii fratres et rabidi cruciferi temere contra destitiam terram suam (Wladisłai Loketkonis) occupare volentes exterminare idioma polonicum*—говорить одинъ лѣтописецъ к (Monumenta Poloniae historica II, 815).

одна, т. е. земля литовско-жемонтскаго (жмудскаго) народа по Нѣману, не могла бы придать особая силы Польшѣ; Литва сдѣлалась великою державою только вслѣдствіе присоединенія къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Эта литовская Русь сдѣлалась для Польши важнѣе, чѣмъ понѣманская Литва.

Вслѣдствіе присоединенія всей югозападной Руси къ двумъ чужимъ государствамъ, къ Польшѣ и къ Литвѣ, русскій народъ въ Карпатахъ, по Днѣпру и по Двинѣ очутился въ близкихъ отношеніяхъ къ двумъ народамъ, чужому литовскому и соплеменному польскому. Результатъ этой связи Руси съ Польшею и съ Литвою не былъ однако тотъ же самый. Воинственные, но необразованные князья и вельможи литовскіе вскорѣ подчинились вліянію своихъ подданныхъ, болѣе многочисленныхъ и образованныхъ Русскихъ, которые дали своимъ повелителямъ свои учрежденія, языкъ, литературу, вѣру и вообще культуру. Литва между морями балтійскимъ и Чернымъ, хотя основанная и управляемая литовскими князьями, стала собственно государствомъ русскимъ, и ея государи не только назывались, но и были великими князьями литовскими и русскими; офиціальнымъ и вообще литературнымъ языкомъ этого государства былъ языкъ русскій, учрежденія по большей части — русскія, и многіе литовскіе князья и вельможи, если не остались вѣрны своей національной вѣрѣ, приняли отъ Руси тоже вѣру православную, русскую и русскую образованность. Иначе было на Руси польской. Здѣсь польскій элементъ, господствующій и виѣсть съ тѣмъ представитель западно-европейской культуры, не подчинился болѣе многочисленному, но менѣе культурному элементу русскому; напротивъ, онъ дѣйствовалъ на него все сильнѣе, проникалъ въ него все глубже, и наконецъ втянулъ въ себя вполнѣ его высшіе, господствующие и образованные классы, которые со временемъ приняли порядки, языкъ, вѣру, культуру своихъ повелителей, стали Ляхами—Поляками.

Польша въ своемъ стремленіи на востокъ, на Русь, не остановилась однако на Карпатахъ и на Бугѣ: она стремилась дальше на юговостокъ и на востокъ. Это стремленіе Польши къ устьямъ Дуная, къ Днѣпру и Двинѣ увѣнчалось тоже успѣхомъ. Съ одной стороны православные молдавскіе князья съ своимъ народомъ, во-

люшскимъ и русскимъ, должны были признать верховную власть польскаго короля, хотя они часто разбивали своихъ повелителей, стремившихся все дальше на юговостокъ къ Черному морю. Съ другой стороны въ 1386 г. великій князь литовскій и русскій Ягайло избранъ въ польскіе короли, принялъ католицизмъ и имя Владислава. Такимъ образомъ Литва съ своею Русью и Польша соединены подъ одною династіею, и польскій элементъ сталъ дѣйствовать на поднѣпровскую и подвинскую Русь и на Литву настоящую и обрусѣвшую съ такимъ же успѣхомъ, какъ на Русь карпатскую: Ягайловичи, литовскіе и русскіе вельможи и бояре со временемъ окатоличились и ополячились и сдѣлались такими же Ляхами, какою была шляхта въ „коронѣ“ (Польшѣ) и какими давно сдѣлались и русскіе бояре въ коронной (польской) Руси. Одинъ только простой народъ во всей Руси не пошелъ по слѣдамъ своихъ князей и бояръ, остался вѣренъ своей народности, отстоялъ ее отъ окончательнаго ополяченія, приготовлялъ свое соединеніе съ Русью сѣверовосточною, и наконецъ прекратилъ дальнѣйшее существованіе польскаго государства въ той формѣ, какую оно приняло со времени присоединенія всей югозападной Руси къ Польшѣ. Вѣстѣ съ тѣмъ прекратился тотъ постепенный процессъ асимилации югозападной Руси съ господствующею надъ нею Польшею и прививки той Руси польскихъ порядковъ и нравовъ.

Съ водвореніемъ польскаго господства въ югозападной Руси завѣтныя желанія краковскаго епископа Матея о приобрѣтеніи католическою церковію „схизматическихъ“ Русскихъ приняли болѣе осозательную форму и стали осуществляться, тѣмъ болѣе, что Поляки, давно уже усмотрѣвши въ католической церкви важное орудіе въ дѣлѣ усиленія и умноженія своей народности, стали дѣйствовать въ такомъ духѣ: и дѣйствительно, тамъ, гдѣ на Руси стали латинскіе-„лядскіе“ (польскіе) крестъ, церковь, монастырь, тамъ, гдѣ появились латинскіе-польскіе епископы, священники, монахи, — тамъ и водворялось не только католичество — „вѣра лядская“, а также господство или притязанія на такое господство Ляховъ съ ихъ культурою, которая тоже заявляла свои притязанія на православную Русь. Этотъ тѣсный союзъ латин-

ства и „лядства“, или вѣрнѣе тождество этихъ двухъ факторовъ, религіозно-культурнаго и политическо-національнаго, объясняетъ лучше всего громадныя успѣхи польской народности въ русскихъ земляхъ, отъ Перемышля и Львова до Кіева, отъ Полоцка, Чернигова до Смоленска. Малый польскій народъ, лишенный поддержки католичества, не могъ бы никогда пріобрѣсти себѣ такого значенія и такой силы на Руси ¹⁾).

---

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 77 и дальше. Поляки, справедливо отождествляя католицизмъ съ „польскою“ вѣрою, а православіе или „схизму“ съ „русскою“ вѣрою, смотрѣли на свое стремленіе на востокъ очень просто. Уже завоеватель карпатской Руси, король Казимиръ, въ письмѣ (1370 г.) царыградскому патріарху—у котораго онъ хлопотеть объ учрежденіи особой галичской митрополіи (противъ кievско-московской) — высказываетъ такую мысль, что „если у Русскихъ не будетъ митрополита, то намъ нужно будетъ крестить ихъ на латинскую вѣру (Русская истор. библіотека, СП. 1880, VI, приложенія, стр. 128, и срв. Smolka: Rok 1386, p. 133). Митрополита не стало въ концѣ XIV в., и латинская польская вѣра на Руси восторжествовала. Въ 1406 г. католическій епископъ перемышльскій Матвѣй объясняетъ введеніе извѣстной платы католическому духовенству вмѣсто десятины просто—„*ut ad partes Russie populus catholicus liberius conflueret Ruthenosque et alios scismaticos easdem partes inhabitantes potencius extirperet*“. (Akta grodzkie i ziemskie IV. № 12). Въ XVI в. Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ Червоной Руси, замѣтилъ: „*In hanc postea gentem (Graecorum-Ruthenorum in Roxolania), maiorum nostrorum memoria, Polonorum victoria latinum nomen invexit, tanto rerum successu, ut latinus pro graeco princeps habeatur nunc in Roxolania ritus, quod maximam partem nobilitas ipsa ritus sit latini, colonis et infimae plebi ritu derelicto graeco*“ (автобіографія Орѣховскаго 1564 г., изд. краков. 1891, p. 6, и срв. Orichoviana, p. 587). Еще въ концѣ XVI в. польскій поэтъ-философъ Сев. Клёновичъ восхваляетъ короля Казимира: „*Rex Casimirus abusus otio non est, sed eo tempore Leopolim et alias primarias civitates et arces Ruthenorum subjugavit et in fide societateque Polonorum ita continuit, ut jam Russia sacrorum ritu, moribus, artibus, lingua, legibus, commerciis, consanguinitatibus omnino polonizet*“. (Стихотвореніе Gorais ок. 1590, wyd. Okecki, w Warszawie 1875, p. 19). Отъ людей старыхъ временъ нельзя, конечно, ожидать вѣротерпимости, и Поляки не бы-

2. Раздѣленіе славянскаго праязыка. Словѣнскій церковный и литературный всей Руси, юго-западной и восточной. Языки западно-русскій и польскій, ихъ вліяніе на другія. Вліяніе языка польскаго на западно-русскій языкъ западно-русскій.

Раздѣленіе славянскаго праязыка на нѣсколько языковъ фонетическими особенностями состоялось еще въ древнія времена. Подунайскіе Словѣне говорили: градъ, межда, поштъ, штуждъ, свѣтъ, мѣжъ, радъ; подиѣпировскіе—город(ъ), болото, межа, поч(ь), чуж(ь) свѣтъ(ъ), нуло; повислянскіе Ляхи — грод (гард), блото, медза, не свѣтъ, мѣжъ, радъ и пр. Ближайшіе соплеменники и восточныхъ Славянъ (Анговъ-Руси), подунайскіе Славяне (стали—первые среди Славянъ вообще—писать на своемъ, который сдѣлался у Руси языкомъ церковнымъ, литературнымъ, оказывая свое вліяніе и на русскій языкъ. Съ политическимъ вліяніемъ Польши на славянскомъ востокѣ и вѣстѣ съ нимъ преобладаніемъ польскаго элемента въ юго-западнѣ началось вліяніе польскаго языка на языкъ этой Руси ¹⁾).

Словѣнскій языкъ сдѣлался на Руси, послѣ принятія христіанства, языкомъ церковнымъ и вообще письменнымъ, литературнымъ, хотя онъ не сохранился на Руси въ первоначальной чистотѣ: большее или меньшее вліяніе домашняго русскаго на этотъ принятый изъ Болгаріи и вообще изъ подунайскіхъ церковный и литературный языкъ Руси создало славянскій изводъ, который употреблялся въ книгахъ церковныхъ, но заявилъ свою силу отчасти и въ литературѣ свѣтской, послѣдней, именно въ лѣтописяхъ, писанныхъ преимущественно на болѣе чистомъ народномъ языкѣ русскомъ,

---

ли ни лучше, ни хуже другихъ народовъ; еще хорошо, въ мрачныя времена пробивались хоть нѣкоторые болѣе гуманныя вѣянія въ пользу инновѣрцевъ, въ Польшѣ напр. голоса Орушана, Гербура, Сапеги, Пясецкаго, о которыхъ см.

¹⁾ Срв. „Славяне“ I. 197, II. 530.

не могли обойтись безъ церковно-словѣнскихъ словъ: градъ, глава, злато, дщерь, дрѣжати, потврѣженіе и всего поддався вліянію церковнаго словѣнскаго языка юридическихъ памятниковъ, законовъ, грамотъ. Такъ это было во всей Руси, въ юго-западной и въ сѣверной; обѣ эти половины Руси участвовали соединенно въ разработкѣ литературы: произведенія южной Руси достояніемъ сѣверной Руси, и наоборотъ²⁾. Связующимъ звеномъ былъ именно книжный церковный языкъ съ своимъ русскимъ изводѣмъ. „Если языкъ этой письменности читаютъ одинъ изъ лучшихъ ея знатоковъ—, не былъ церковно-славянскій, слегка видоизмѣняемый вліяніемъ русскаго, то онъ былъ совершенно одинаково доступенъ сѣверу. Кроме того, были совершенно одинаковы культурныя условія, создавшія эту письменность. Главнымъ источникомъ письменной дѣятельности была одна и та же церковь, несшая на югъ и сѣверъ одни и тѣ же сначала вѣсти южно-славянскіе памятники въ видѣ переводовъ писанія, богослужебныхъ книгъ, твореній святыхъ отцовъ, церковныхъ писателей, житій и поученій, византийскихъ исторіковъ, повѣстей, апокрифическихъ легендъ и т. д. Изъ этихъ произведеній, являвшихся въ большомъ числѣ южно-славянскихъ переводахъ, очевидно, не могло быть спеціально ни сѣверной, ни южной письменности: содержаніе, дававшее пищу возникавшей образовательности и направлявшее известнымъ образомъ литературныя силы, воспринималось одинаково на югѣ. Первые результаты этого просвѣтительнаго вліянія

---

¹⁾ Обширно см. „Славяне“ II, послѣднюю главу.

²⁾ Подробныя указанія на древнѣйшія рукописныя книги, именно южно-русскаго происхожденія, см. мѣст. А. Архангельскаго: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888, стр. 51 и слѣд.), тоже у П. П. Румянцева: Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ отъ XI до XVII ст. (Кіевъ 1890).

появленіемъ русскихъ учительныхъ сочиненій и русской . то и другое являлось опять одинаково на сѣверѣ и ю старыхъ книжныхъ людей видимо не представляло ника личія то, исходили-ли они отъ писателей сѣверныхъ или это была одна и та же школа, одно и то же содержаніе. бывали отбѣнки: вслѣдствіе того, что на югѣ сосредот въ первое время великія княженія, шла болѣе оживлен тическая жизнь, собирались бѣльшія образовательныя въ южныхъ произведеніяхъ сказывалось болѣе оживле въ лѣтописи, тогда какъ на сѣверѣ эта лѣтопись была хою; на югѣ, по видимому, письменная производительн въ первое время сильнѣе, но это не измѣняло общихъ у тературы, и доказательствомъ ея цѣльности въ этомъ пе жетъ служить то легко наблюдаемое обстоятельство, что денія письменности — безразлично сѣверной и южной— лись одинаково тамъ и здѣсь. Такъ, южная лѣтопись на сѣверѣ и служила обыкновенно началомъ для мѣстныхъ писей, которыя въ дальнѣйшемъ продолженіи посвяща только мѣстнымъ событіямъ, какъ, съ другой стороны, что лѣтописный сводъ, посящій имя Нестора, въ свои заключалъ въ себѣ данныя, почерпнутыя изъ чужихъ лѣтописей. Словомъ, если Русь удѣльнаго періода, при дѣленія на земли съ ихъ мѣстной жизнью и интереса объединена одною вѣрою, династіею и общимъ племен стинктомъ, то она была также объединена и одною письмен Очевидно, что выдѣлить изъ этой письменности тѣ и произведенія, писанныя на югѣ, и механически сопоста какъ историческое явленіе, это будетъ значить насиль вырвать факты изъ ихъ естественной связи и поставить чисто искусственную и потому фальшивую систему. Пра памятниковъ древней письменности, и особливо южно погибло въ позднѣйшихъ нашествіяхъ и военныхъ пог многое, вѣроятно, безслѣдно, но внимательный историкъ бы тѣмъ не менѣе забыть того знаменательнаго факта, шинство этихъ произведеній сохранилось до нашего в спискахъ сѣверно-русскихъ... Можно признать (и это

справедливо), что именно южная Русь въ древнемъ періодѣ проявляла наиболѣе оживленную умственную дѣятельность; но результатъ ея, быть можетъ, становился тѣмъ цѣннѣе, что дѣлался достояніемъ обще-русскимъ. Историческая картина довершается еще слѣдующимъ важнымъ явленіемъ. Когда миновалъ древній періодъ и произошло политическое раздробленіе Руси на сѣверную (новгородскую и суздальско-московскую), западную (малорусско-бѣлорусскую въ литовскомъ великомъ княжествѣ) и юго-западную (галицко-русскую въ составѣ Польши), то литературная традиція чрезвычайно ослабѣла, частью прервалась даже совсѣмъ въ двухъ послѣднихъ и сохранилась только въ первой. Здѣсь въ письменности сѣверной Руси не только берегались произведенія стараго періода, но и послужили исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Такъ развивалось обширнымъ образомъ лѣтописаніе, причемъ основою оставалась Несторова лѣтопись, и здѣсь же создались потомъ первые опыты историческихъ сводовъ, т. е. цѣльныхъ изложеній русской исторіи, конечно, въ томъ духѣ, какъ въ тѣ вѣка понималась исторіографія. Первые житія святыхъ, явившіяся на югѣ (житія Бориса и Глѣба, Печерскій Патерикъ), развились на сѣверѣ въ цѣлую обширную литературу житій, первые древнія поученія—въ обширную литературу подобныхъ произведеній. Самое Слово о полку Игоревѣ нашло отзвукъ на сѣверѣ у писателя, прославлявшаго побѣду Дмитрія Донского надъ Татарами. Обширное собраніе древней повѣсти византійско-южнославянскаго происхожденія и апокрифической легенды, какъ надо думать, впервые появлявшееся на югѣ, разрослось по преимуществу въ сѣверной письменности, получивши здѣсь распространеніе въ народной массѣ и разнообразно отразившись въ самой народной поэзіи, и т. д. Однимъ словомъ, наблюдая ходъ старой русской письменности отъ древнѣйшихъ временъ до самаго XVIII вѣка, мы находимъ *непрерывающуюся* нить развитія, составившую цѣльное историческое преданіе. Наконецъ, даже народно-эпическая память о древнемъ Кіевѣ и князѣ Владимирѣ сохранилась только въ сѣверной былинѣ: въ настоящее время Илья Муромецъ несравненно популярнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, въ Кіевѣ, гдѣ преданіе указываетъ мѣсто его погребенія.

тественно. Въ древнемъ періодѣ, до Татаръ и до
аздробленія Руси, не было никакой спеціально
итературы; была общая литература русскаго или
аго письменнаго языка, распространявшаяся одина-
блостямъ тогдашняго русскаго племени. Для той
не филологи только съ нѣкоторымъ усиленіемъ оты-
ятникахъ слѣды мѣстныхъ нарѣчій, во всякомъ
случаѣ столь незначительные, что строить на нихъ какую-либо
отдѣльную литературу нѣтъ никакой возможности“ ¹⁾).

¹⁾ А. Пыпинъ: Особая исторія русской литературы (Вѣстникъ
Европы 1890, сентябрь, 262, нѣмецкій переводъ въ Archiv. für sla-
vische Philologie XIII, 434 и сл.), т. е. отзывъ о странной исторіи „рус-
кой“ литературы Омеляна Огоновскаго (Львовъ 1887), которая сви-
дѣтельствуесть о низкомъ уровнѣ историко-филологическихъ наукъ
въ современной Галиціи. Литература „русская“ должна быть что-то
другое, чѣмъ „русская, російская, московская“ (срв. выше стр. 3, пр.)
равнымъ образомъ какъ „Исторія Руси“ А. Барвинскаго (Львовъ
1890) — исторія Руси юго-западной (съ портретами напр. Володимира
ев., Данила галичскаго, князя К. Острожскаго, гетмана Хмѣльниц-
каго и др., и нѣмецкихъ государей Маріи Терезіи, Іосифа II, Фран-
ца-Іосифа, кронпринца Рудольфа). Въ исторіи „русской“ литературы
являются на сцену, ни къ селу, ни къ городу, „московскіе пансла-
висты“, къ которымъ причисляется — въ отвѣтъ Огоновскаго Пыпину —
также и послѣдній. О воображаемой роли этихъ ужасныхъ русскихъ
„панславистовъ“ (скорѣе петербургскихъ, чѣмъ московскихъ) въ мірѣ
русскомъ и вообще славянскомъ можно, конечно, думать, говорить,
писать, фантазировать сколько угодно, что и дѣлается особенно въ
Галиціи; но едва-ли можно серьезно думать, что забитымъ карпат-
скимъ Русскимъ, Лемкамъ, Бойкамъ, Гуцуламъ помогутъ Нѣмцы съ
своими союзниками; такая своеобразная „помощь“ оказывалась для
Славянъ всегда роковою, и едва-ли на карпатской Руси оправдается
южно-русская пословица: „Мова не полова, ніякій вѣтеръ еѣ не вы-
вѣе“. Что касается языка книги Огоновскаго и другихъ галичско-
русскихъ ученыхъ, какой-то смѣси русско-польской, то уже въ поло-
винѣ нашего столѣтія одинъ изъ лучшихъ представителей галичской
Руси, Д. Зубрицкій (Исторія древняго галичско-русскаго княжества,
Львовъ 1852, II. 47) высказался о необходимости одного литератур-
наго языка въ научныхъ книгахъ для всей Руси довольно рѣзко:

Культурнолитературная связь между Русью югозападною и сѣверовосточною не порвалась и впоследствии, когда югозападная Русь подпала господству и вліянію Польши; эту связь поддерживало православное вѣроисповѣданіе и церковный языкъ словѣнскій (славянскій) или скорѣе словѣнско-русскій (славено-россійскій), на который переводились въ Москвѣ книги „бѣлорусскія (бѣлороссійскія)“; а между писателями и дѣятелями сѣверовосточ-

---

„Есть мрачные изступленники или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣтніе доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному разговору своихъ слугъ и работниковъ, и желавшіе теперь, чтобъ мы писали свою исторію на областномъ нарѣчій галичской черни. Странное и смѣшное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыри. Где-же то пишутся исторіи на нарѣчій простого земледѣльца?“ Читая книгу Огоновскаго и его *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*, убѣждаешься все болѣе въ той великой благодати, какую представляетъ одинъ общій литературный языкъ для всей Руси, и въ глубокой истинѣ словъ Я. Гримма: „*Alle Mundarten und Dialekte liefen Gefahr sich ins unendliche zu splintern und zu verwirren, wäre dem nicht eine weise Schranke gestellt durch das Uebergewicht der sich niedersetzenden grösseren Schriftsprachen, wie die Herrschaft grosser Völker dem Zerfahren der Stämme steuert und die im kleinen unvermögenden Kräfte zu einem mächtigen Ziele sammelt. Herrschende Sprachen verzehren schonungslos, aber wohlthätig, eine Masse von Eigenheiten, günstigen und nachtheiligen, deren Schalten der grossen Wirkung des Ganzen nicht zu gute kommen würde. Wie es den Bäumen des Waldes versagt ist, alle Aeste, dem Ast alle Zweige in gleicher Reihe zu treiben, so werden auch Sprachen, Dialekte, Mundarten neben und durcheinander gehindert und zugleich gefördert: zwischen zurückbleibenden ragen erblühende desto herrlicher vor.*“ (*Geschichte der deutschen Sprache*, II. Ausg. p. 578). Вопросъ объ одномъ обще-литературномъ языкѣ русскомъ рѣшается въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ кружкахъ болѣе лирическо-эпическимъ тономъ козацкихъ бандуристовъ, чѣмъ въ практическомъ смыслѣ стремленій славянскихъ философовъ и политиковъ въ родѣ Крижанича или Петра Великаго. „Между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьезно“ — замѣчаетъ А. Пыпинъ (Споръ между южанами и сѣверянами, *Вѣстникъ Европы* 1886, апрѣль)—„могло бы

пой Руси XVII — XVIII вв. является значительное число югозападных Русских, которые писали на славяно-русском и со временъ Петра Великаго на общелитературномъ русскомъ языкѣ¹⁾.

Фонетика языковъ русскаго и польскаго строго опредѣлена; такъ напр. полногласіе, отсутствіе носовыхъ звуковъ — характеристическая черта русскихъ нарѣчій, а носовые звуки, отсутствіе полногласія — характеристическая черта лашскихъ (польскихъ) нарѣчій. Нарѣчія русскія и польскія на этнографическомъ рубежѣ народностей русской и польской стоятъ другъ къ другу ближе, чѣмъ нарѣчія болѣе отдаленныя. Вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, вліяніе польскаго языка на болѣе близкія русскія нарѣчія оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ вліяніе языка русскаго на польскій. Нѣкоторыя одинаковыя явленія фонетики польской и русской не нужно непременно считать вліяніемъ тѣхъ или другихъ нарѣчій, а можно ихъ объяснить — какъ общеславянскія черты²⁾. Такъ напр. произношеніе *ъ* (тоже *e*) какъ *ja*, *ъa* (въра — *vjara*, гнѣздо — *gnjazdo*) свойственное языку польскому и нарѣчію бѣлорусскому, встрѣчается тоже отчасти въ говорахъ мало-

---

быть дѣйствительно сильною опорою для мѣстной русской жизни Галиціи, могло бы доставить ей поддержку той великой умственной и нравственной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего развитія, успѣла собрать русская литература въ своемъ новомъ періодѣ... Что же касается до того, что русскій языкъ „не есть еще всемірный“, то во всякомъ случаѣ его литература есть самая обширная по объему и богатая по содержанію славянская литература; и если ея поэтическія произведенія получаютъ въ послѣднее время такое широкое распространеніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои самостоятельные вклады въ содержаніе науки европейской, то, думаемъ, они бы могли съ пользою послужить и для Галичанъ: имъ естественнѣе было бы примкнуть къ этому родственному движенію, чѣмъ нуждаться во „всемирной литературѣ“ чужого языка, которая огромному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ имѣть на слабую народность подавляющее вліяніе.“

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 465, 472.

²⁾ Въ подробности не входимъ, о нихъ см. сочиненія по исторіи языковъ русскаго и польскаго, и по ихъ діалектологіи.

русскихъ и великорусскихъ, и въ языкѣ болгарскомъ. Перенѣна долгаго *о* въ *уо* (*уа, уе*), *у* въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ (*конь* — *куонь, кунь*, *Польша* — *Пуольша*) встрѣчается и встрѣчалась въ говорахъ бѣлорусскихъ, чешско-словацкихъ, польскихъ и сербскихъ ¹⁾. Такъ какъ носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ не было — въ историческое время — и нѣтъ, то употребляемая въ русскихъ нарѣчіяхъ слова въ родѣ Венгрія, вензель, заценты, ксѣндзь, дзенковаць (-ати) уже этимъ самымъ указываютъ на свое нерусское происхожденіе. — срв. русскія Угрія, узель, утаты, князь, дакувати (передѣланное на русскій ладъ польское *dziękować*). Съ другой стороны если Поляки говорятъ *łuk* (вмѣсто *łak, łek*) или *zubr* (неправильно *żubr*, ви. *zabr*), то отсутствіе въ такихъ словахъ носовой гласной указываетъ на ихъ русское происхожденіе ²⁾. Полногласныя формы *город(ъ)*, *голова* — свойственны издавна русскимъ нарѣчіямъ, а формы *грод, глова* — польскимъ ³⁾; поэтому, если въ русскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются слова: *грод, кроль* (*круль*), *хлоп*, *хлопец* (*хлопецъ* и *хлопецъ*), то это заимствованія изъ польскаго: если же въ польскомъ языкѣ встрѣчаются слова *drożka, czereda, czerer, dereń, hałas*, то это заимствованія изъ русскаго, какъ и слова *sobor* (тоже *sbor, zbor, concilium*, но позже только *sobor*, а *zbor* — протестантская церковь), *sojusz* (*союзъ*). Смягченіе зубныхъ *д* и *т* въ *дзь* и *ць* (*dź, ć*), свойственное польскому языку (нарѣчіямъ Ляховъ восточныхъ, но не западныхъ) ⁴⁾ и нарѣчію бѣлорусскому (*дзень, дзевяць, жици—жиць*) можетъ быть общее этимъ нарѣчіямъ явленіе, а не непременно польское вліяніе на бѣлорусское нарѣчіе. Это дзеканье и цеканье въ бѣлорусскомъ во всякомъ случаѣ — явленіе болѣе новое (первые его слѣды можно отыскать только во второй пол. XII в.); оно встрѣчается спорадически и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ на рубежѣ бѣлорусскомъ и польско-

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 200.

²⁾ Срв. тоже „Славяне“ III. 200.

³⁾ Срв. тоже „Славяне“ III. 204.

⁴⁾ Срв. „Славяне“ III. 195. 203.

карпатскомъ, и въ одномъ говорѣ великорусскомъ (Ситкарей). Гортанное *z*, произносимое у Ляховъ, Словѣнъ и восточныхъ Русскихъ (Великорусовъ) какъ *g*, произносится у всѣхъ западныхъ Русскихъ (Малорусовъ, Бѣлорусовъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ западно-великорусскихъ) какъ *h*; поэтому, если въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ встрѣчается *g* (здѣсь писалось *ж*, въ отличіе отъ *z* = *h*), то такія слова указываютъ на свое польское происхожденіе, напр. кгородъ, кгвалтъ, кгрунтъ. Съ другой стороны въ польскій языкъ перешло нѣсколько западно-русскихъ словъ съ *h*, напр. *hulać*, *hultaj*, *hołota*, *hruby*, *rubacha* — *rubaszny* (вѣроятно вмѣсто *hrubacha*), *bohater* (*bohater*), *hreczka* (и *gryka*, „греческое“ растеніе), *hospodar*, *hody* (годі, довольно), *hubka* (*gąbka*), *druh*, *rozhowor*, *hołoble*, *buhaj* (*bugaj*), *hajdamak*, *hałas*, *hornostaj* (*gronostaj*), *hoży*, *czerna* и др. ¹⁾.

Польскія (и вообще западно-славянскія) *радло*, *седло* соотвѣтствуютъ русскимъ *рало*, *село*; если въ западно-русскомъ нарѣчіи употребляется слово *быдло* (скоть), то оно уже по суффиксу *дло* указываетъ на свое польское происхожденіе помимо польскаго значенія этого слова (скоть). Равнымъ образомъ польское *sielanka* взято изъ русскаго (село-селянка); по польски было бы *siedlaczka* (*siedło*, *siedlce* — *siedlaczka*, срв. *wieś* — *wieśniaczka*). Замѣна мягкаго *p* (*rz*) твердымъ (*r*) въ нѣкоторыхъ польскихъ словахъ *śrebro*, *środek*, *źródło*, *źrebie*, *źrenica*, конечно, не русское вліяніе, а новѣйшее правописаніе старопольскихъ *grzebro*, *grzodek*, *źrzódło*, *źrzebie*, *źrzenica*. Но суффиксъ — *icz*, — *owicz* (*panicz*, *królewicz*) вѣроятно русскій, такъ какъ польскій — *ic*, — *owic*: *królewic*, (дрполь.), *panic* (другое значеніе чѣмъ *panicz*), *ościs* (*ojczys*, *ojcowic*), *dziezic*, *rodzic*, *księżys*, *wojewodzic*, *starościs*, *Prawdyc*, *Wojślawic* (*Wojślawice*), *Włostowic* (*Włostowice*) и др. ²⁾. Нѣкоторыя слова съ начальными группами *жн*

¹⁾ Срв. еще „Славяне“ III. 202.

²⁾ Формы именъ *Kłownicz*, *Szymonowicz*, *Zimogowicz* надо слѣдовательно считать русскими вмѣсто польскихъ *Kłownic*, *Szymonowic*, и пр.

(кпѣти, кріс изъ нѣмецкаго), *пс* (псувати), *кв* (квѣтъ рядомъ съ цвѣтъ) и др. указываютъ на польское ихъ происхожденіе.

Формы русскія и польскія—своеобразны, хотя въ нихъ, какъ вообще во всѣхъ славянскихъ формахъ, замѣчаются и сходства. Такъ простыя прошедшія времена (аористъ, имперфектъ) исчезли, уже въ историческое время, изъ обоихъ славянскихъ языковъ. Въ прошедшее время выражается формулою *ходилъ есмь*, что въ польскомъ языкѣ съ XIV—XV вв. сокращается: изъ *chodził jeśm, jeś, jest, jeśmъ, jeście, są*, въ *chodziłem, chodzilem* и пр., во въ русскихъ нарѣчіяхъ сохранилось съ разными измѣненіями—до сихъ поръ; если же кое-гдѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ слышны напр. форма *ходиламъ, ходилась*, то это по всей вѣроятности вліяніе польское. Форма *буду ходила* не непременно польская, такъ какъ она встрѣчается также въ древнерусскихъ памятникахъ и въ югославянскихъ нарѣчіяхъ ¹⁾.

Польское вліяніе на русскія нарѣчія и говоры сказалось особенно сильно на этнографическомъ рубежѣ Ляховъ и Руси по Сану, Вепрю, Нурцу, Бобрѣ. Такъ, въ говорѣ Русскихъ на крайнемъ западѣ въ карпатскихъ горахъ, около источниковъ Вислоки и Вислоки и на верхнемъ Санѣ, такъ называемыхъ „Русняковъ Лемковъ“ (по слову *лемъ*, у Словаковъ *leu*, у Поляковъ *jeu, jeuo*), живущихъ около другихъ славянско-карпатскихъ горцевъ, польскихъ (Горалей и Подгалянъ) и словенскихъ. Въ говорѣ Лемковъ слышны польскія формы: кроль, брозда, заграда (рядомъ съ русскими борозда, боронити), крстити—кстити, мьудъ, льудъ, при-ньусъ (*miód, lód, przyniósł*), дзевча, дзядекъ, идземъ, здрадзиць (вмѣсто: здрадзиць, хотя обыкновенно—ити), маць, цы—ци (поль. *czy, cy*), знаме, продаламъ, и др.; Лемки употребляютъ вообще много польскихъ словъ, не передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. власна, цура (*sóga*), лясъ, пасъ, попатрети (*popatrzeć*), барзъ, обѣцати, гварь (говори), заржнути (*zarżnąć*), соботка (праздникъ Ивана Купала), крижъ, панна Марія, и пр.; даже удареніе въ говорѣ западныхъ Лемковъ ставится, по польскому примѣру, на

¹⁾ Срв. П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889), стр. 48—50, 70—71.

предпоследнемъ слогѣ ¹⁾. Въ говорахъ побужскихъ Русскихъ на Руси холмской (губ. люблинской) и подляшской (губ. сѣдлецкой и городенской), соприкасающихся по рѣкамъ Вепрю, Кроснѣ, Нурцу и Бобрѣ съ Поляками малопольскими и мазовскими, замѣтно тоже сильное вліяніе польское въ разговорной рѣчи и въ пѣсняхъ; такъ напр. Русскіе говорятъ — на польскій ладъ — дзись, заценты (zasięty), дзенкую, хоць, госци, цякнулъ (ściachnął, śiał); чарноксентникъ (czarnoksiężnik), конкуоль (kąkol), цѣнкгле (ciągle), тѣнко (tego), ксѣнже, цо, цы, и вообще на мазурскій ладъ: дружина, цорный, сце (еще), пусцу, чтó замѣтно у Русскихъ городенской губерніи на рубежѣ съ польскими Мазурами; иногда встрѣчается въ пѣсняхъ удареніе польское, хотя въ разговорной рѣчи удареніе другое. Притомъ многіе Русскіе, принявшіе изъ уніи католичество, сохранили свое малорусское нарѣчіе, хотя они говорятъ тоже на польскомъ языкѣ; послѣдній

---

¹⁾ См. о Лемкахъ, ихъ пѣсняхъ и обычаяхъ, въ сборникѣ Ян. Головацкаго: Народныя пѣсни галичской и угорской Руси II. 718, III. а. 115, 248, б. 366, 521, тоже у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 333, у Кочубинскаго: Отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями (Одесса 1876); объ удареніи въ говорахъ галичскихъ Русскихъ вообще ст. Верхратскаго (Archiv. für slav. Philologie III. 381). Вотъ начало одной пѣсни Лемковъ изъ окрестностей Сандча, перенятой очевидно отъ Поляковъ: „Ишолъ дзядекъ, не преставши, трафилъ на богача: заночуйте добры люде, бо мя ночка зашла! Мы тя не пріймеме, бо мы тя не знаме, не будешъ ту ночевати, иди собѣ дале“. Лемки и другіе угорскіе Русскіе заимствовали тоже отъ Словаковъ разныя слова, пѣсни и пр. часто совсѣмъ неорганически, напр. хлалъ, глава, гавранъ, младенець (т. е. юноша, парень), злато, заграда, шугай, сетникъ, крѣвавый (3-слож.), пожегнати и пр. Вообще въ западныхъ Карпатахъ славянскіе горцы смѣшались въ значительной степени, при чемъ словенскій элементъ занялъ первое мѣсто. У всѣхъ этихъ славянскихъ горцевъ, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ жизни, встрѣчается много общихъ словъ — специфически карпатско-славянскихъ, напр. салашъ (шалашъ), острова — островница (ostrev), гуня, колиба, ватра, поляна, и пр. Срв. „Славяне“ III. 196.

употребляется тоже многими побужскими Русскими, прежде уніатами, а нынѣ православными ¹⁾).

Поляки, живущіе на этнографическомъ рубежѣ польско-русскомъ, приняли отъ своихъ русскихъ сосѣдей и соплеменниковъ русскія слова, хотя русское вліяніе на Поляковъ не столь значительно, какъ польское вліяніе на Русь. Такъ напр. карпатскіе Поляки употребляютъ русскія слова *brechać* (брехати)—*pleść*, *brezić*, *herba* (горбъ)—*grzbiecik góry*, *harny* (гарный) — *dumny*, *haraśny* (гараздъ)—*piękny*, *hory* (гори)—на *górze*, *stryło* (стрѣла, стріла)—*piorun*, *wataszka* (ватажка, т. е. топоръ), *hody* (годи)—*wcale nie*, и др. Гораздо больше повліяла Русь (Малорусы и Бѣлорусы) на Поляковъ-Мазуровъ въ бывшемъ Подляшѣ по Бугу, Нарви, Бобрѣ (пол. *Biebrza*). Эти восточные Мазуры употребляютъ много словъ русскихъ, особенно въ пѣсняхъ, которыя приняты отъ Руси, напр. *hołys* (голышъ, но *nagis*), *het* (геть, вотъ), *nahledziu sie* (нагляжуся), *blani* (гляни), *huska* (тоже *gaska*, булка, чеш. *houska*), *dub* (*dąb*), *okutać* (окутать), *cudzać się* (чуждаться), *chołojec* (вм. *chołodziec*, холодецъ — *chłodnik*), *korowaj* (коровай), *cerez* (черезъ), *woronieńki* (вороненькій, конь), *droga* (дорога), *horodzici* (городити, но *zagrodzić*), *sołoma*, *hronostaj* (тоже *gronostaj*), *horoch* (*groch*), *hruszecka* (*gruszcza*), *daryci*, *trymaci*, *prysel*, *dobre*, *korenje*, *skrydło*, *gospodar*, *śłozka* (*łza*), *sioło*, *pirog*, *choroso*, *bojary* (въ свадебной пѣснѣ), формы: *pytaje*, *zbieraје*, *maје*, *takaја*, и пр. ²⁾. Поляки,

¹⁾ О говорахъ Руси холмской и подляшской см. Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. П. Чубинскимъ (СП. 1872, VII. 364, 552), П. Житецкого Очеркъ исторіи звуковъ малорусскаго нарѣчія 297, замѣтки Желеховскаго (варшав. Русскій Филолог. Вѣстникъ 1884, 255), Страшкевича (въ сб. Батюшкова Холмская Русь II. 494), Янчука (въ Памятной книжкѣ сѣдлецкой губерніи на 1891 годъ), С. Кулаковскаго, о западной части городенской губерніи (Этнограф. Сборникъ III. 85), П. Бобровскаго соч. о городенской губерніи I. 623, и др. Городенскіе Русскіе поютъ даже польскія пѣсни (срв. Этнограф. Сборникъ, 101); въ Червоной Руси поется напр. пѣснь о Жальманѣ отчасти по-русски, отчасти по-польски (срв. сборникъ Як. Головацкаго II. 697).

²⁾ Вотъ нѣсколько стиховъ изъ пѣсенъ подляшскихъ мазуровъ: *Hej rójdziemy bracia rzecki horodzici, zagrodzim rzeckę... Siadaj pro-*

живущіе на Руси Малой и Бѣлой среди русскаго населенія, приняли много русскихъ словъ и фразъ, часто вопреки законамъ фонетики, даже русское удареніе, и употребляютъ эти русскія особенности, если не въ языкѣ письменномъ, то по крайней мѣрѣ разговорномъ; такъ напр. *hołoble*, *strymhołow*, *robereźnik*, *rohany*, *storożka*, *hołubić*, *badinka*, и много другихъ русскихъ словъ, напр. *sobaka*, *futor*, *kurzeń*, *perebendiować*, *padalica*, *postoły*, *osełedeć*, *tuman*, *wertepu*, *czerha*, *czupurno*, и пр., и формы *piszu*, *widuszczu*, *my pili*, *okółica*, и др. ¹⁾.

Что касается лексикальнаго богатства, то въ нарѣчіяхъ ляхскихъ и русскихъ—не говоря объ общеславянскомъ богатствѣ—встрѣчается множество одинаковыхъ словъ; нѣкоторыя вышли изъ употребленія въ литературномъ языкѣ, но сохранились въ нарѣчіяхъ, говорахъ, другія совсѣмъ исчезли и встрѣчаются только въ древнихъ памятникахъ. О заимствованіяхъ словъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ можно говорить только послѣ тщательнаго ихъ изслѣдованія. Въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ находится, конечно, больше словъ, общихъ съ ляхскими нарѣчіями, чѣмъ въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ; но много такихъ словъ, общихъ нарѣчіямъ ляхскимъ и западно-русскимъ, встрѣчается тоже въ во-

---

ściuseńko, *hlani milusieńko*... *Cerez bór zieleneńki biezy koń woronieńki*... *Niet cem druzeńków daryci*... *Ojceńko wianka nie wstrzymaje; bo w nim nadzieję małą ma*... *Sokół leci, skrydłami zwinie do duba*... *Idzie dziewczyna z komory, do swej matuli howory: moja matulu, moja rodzona, rozłaka mnie z toboju*... *Rozwijaj się suchy dubie choć na cztery liście, jak ja cię kochał, tak kochać będę*, etc. Подробно у Кольбера: *Mazowsze. Obraz etnograficzny* (t. V, Kraków, 1890). Неорганическія въ польскомъ языкѣ слова: *horodzici*, *drogoha*, *dub*, *sioło*, *daryci* и пр., встрѣчаются главнымъ образомъ въ пѣсняхъ, очевидно перенятыхъ Мазурами у ихъ русскихъ сосѣдей. Въ этихъ пѣсняхъ часто *dunaj*—вообще вода.

¹⁾ См. разныя статьи польской діалектологіи (срв. „Славяне“ III. 199), Верхратскаго въ *Archiv. für slav. Philologie* III. 381, Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскі край, П. Чубинскаго, VII. 251, и др. Русское слово *mudo* замѣнило у Поляковъ польское *mędo* (срв. *mędak* у Мазуровъ =быкъ); слово *mud* (мудъ) сдѣлалось у Поляковъ въ южной Руси даже презрительнымъ названіемъ мужика.

сточно-русскихъ (великорусскихъ) говорахъ. Такъ напр. *вѣжа* (архангельск.)—*wieża*, *вечерять* (ужинать, смоленск., пензенск.)—*wieczerzeć*, *господыня* (кухарка, тверск.)—*gospodyni*, *грохота* (въ курск. губ. сходка поселянъ, какъ и въ югозападной Руси и въ Польшѣ)—*gromada*, *жадать* (желать, вологод., рязан., тамбов.)—*żadać*, *жито* (рожь, въ г. курск. и донской землѣ)—*żyto*, *жупанъ* (въ г. вологод., смоленск., худой кафтанъ)—поль. *żupan*¹⁾, *звычайно* (обыкновенно, въ костром., смолен.)—*zwyczajnie*, *кій* (палка въ г. псков., смолен., твер.)—*kiż*, *купа* (куча въ г. твер.)—*kuromara* (призракъ въ г. курск.)—*мага*, *надѣя* (надежда, въ г. архангель.)—*nadzieja*, *пильно* (прилежно, въ г. курск., смолен., твер.)—*pilnie*, *посагъ* (приданое и свадьба въ г. орлов., твер.) — *posag*, *рачить* (хотѣть въ г. олонецк.) — *gasczyć*, *честовать* (угощать, въ г. архангель., малорусск. *частувати*)—*częstować*, *вмѣсто* *częstować*, и пр.²⁾. Въ нарѣчіяхъ и говорахъ русскихъ и польскихъ вообще встрѣчается много одинаковыхъ словъ, которыя не вошли въ литературные языки или прежде употреблялись, а потомъ исчезли. Такъ напр. въ польскомъ языкѣ употреблялись слова: *imie nie* (имѣніе), *ułożenie* (уложеніе), *zakoń* (законъ), *gospodzin* — *gospoda* (господинъ), *gospodza* (госпожа), *żeńszczyzna* (женщина).

¹⁾ Слово вѣроятно татарское (тоже *зипунъ*), которое перешло къ Полякамъ только въ XVI в., какъ и татарскіе *kontusz*, *szarawary*, *karabela*, *sałajdak* — *sajdak*, *kołczan*, *buńczuk*, *dzida*, *tabor*, и др. Замѣтимъ, что слово *żupica* (у Секлюціана и Рея) означаетъ плащъ; оно встрѣчается тоже въ западно-русскомъ романѣ о Тристанѣ (зютоглавая жупица), и было извѣстно до недавна въ мазурскомъ Подляшѣ (Kolberg, Mazowsze V. 170). Можно-ли поль. *żupan* сопоставить съ француз. и итальян. *juron* — *giubbone* (юбка, женская), не знаемъ. Срв. слова Л. Горницкаго (Dworzanin polski 1566, wyd. Turowskiego p. 92): „Dziś u nas tak wiele jest strojów, iż im liczby nie masz; to po włosku, to po hiszpańsku, po brunswicku, po usarsku, po kozacku, po tatarsku, po turecku... jedni golą brody, a z wąsy chodzą, drudzy strzygą brody po czesku, trzeci przystrzygają po hiszpańsku... My polacy nie mamy swego własnego ubioru i (jesteśmy) do cudoziemskich ubiorów zbytnie chciwi“.

²⁾ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., стр. 45.

rzecz (рѣчь, а не вещь), niedziela (недѣля), łoż (ложь), lubieźny (любезный), wien (вонь), sła (сле́за), niełza (нелзя), kupia (купля), junoś — junosza — junoszka (юноша), młodzię (молодец), poźny (ножны), zdać (ждать), wrzeź — brzeź, wrzeźny (время, временный), kłodnik w ciemnicy (колодникъ въ темницѣ), pobiedzić (побѣдить)¹⁾, przytę (притча — случай), szłom (шело́мъ, шоло́мъ), przystaw (приставъ), cyrkiew — cerkiew (церковь католическая), sbór — zbór (церковь — соборъ), por (попъ католический), chrzebt — chrzybiet (хребетъ), dziewica (дѣвица), gęśli (гусли), gorze (горе!), jęstwo (ятство-нятство), kiki-kako (какой — како), lubić się (полюбится), miłość (милость, gratia), mowa (молва, нынѣ mowa), myto (мыто, pretium), nynie (нынѣ) obiata (обѣтъ, votum), oріęć (опять), ostrow (островъ), piac — pienie (пѣтъ — пѣние), smard (смердъ), ssad (сосудъ), iskać (искать), odiskać (отыскать), iściec (истецъ), piżwieniec (первенецъ), płoszczyca (площица), pośledni (последний), skot (скотъ), smieć (смѣсь), teszno — tesznica (тошно), trzem (теремъ, atrium et tentorium), wieliki (великий), zapad (западъ), zaszczyćć — zaszczyćca (защитить, защитникъ), zeli (зелье), znamienity (знаменитый), zwać — zwięk (звукъ), żadny (жадный), żyź — żyźność (жизнь, ubertas), jętry — jętrew', jątrew' (ятровъ), świekry (свекровь), żełw' — żełwica — żółwica (золовка), dziewierz (деверь), szurz — szurzu (шуринъ),²⁾ ćma (тьма, часть войска), wiodro (ведро), robioneć (ребенокъ), prok (порокъ, т. е. праща, поль. тоже proca), posuły (посулы), utolić (утолить), zmiennik (измѣнникъ), rzeźniwy (ревнивый), przysiodłec (приселокъ), przugrodek (пригородъ, у балт. Ляховъ prigard), pisanu (писанный, т. е. malowany), rozbójca (разбойникъ), najmit (наймитъ), bies (бѣсъ), и др. Нѣкоторыя такія слова исчезаютъ изъ польскаго

¹⁾ Срв. польскія географ. названія Pobiedzisko, Pobiednik, Pobiedna.

²⁾ Szurz (а не: szurza) въ краковскихъ судебныхъ книгахъ 1439 г. (Helsel: Pomniki II. № 2779), szurzu у М. Бѣльскаго. Въ польскомъ Подляшѣ до недавна żółwica — сестра жениха (Kolberg, Mazowsze, V. 141).

языка въ XIV в., другія въ XV и въ первой половинѣ XVI в., и позднѣе; такъ напр. слово *wrzenie* (*brzenie*), *wrzenie*ну, встрѣчается еще въ проповѣдяхъ св.-крижскихъ XIV в. и въ обихъ псалтиряхъ XIV—XV вв., *szłom*, *przystaw*, *pobiedzić* въ XVI (рядомъ съ *wiciestwo*, *wicieżca*), *zabr*, *łączyszcz*е въ началѣ второй половины XVI в., *smard*, *gospodzin* — *gospodza* во второй половинѣ XVI в. (хотя уже въ XV в. преобладаетъ *pan* — *pań*); другія слова употребляются еще во время разцвѣта польской литературы во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в., напр. *rosuły*, *rzewniwy*, *bies*, и пр. ¹⁾.

Въ польскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ употребляются до сихъ поръ многія слова, которыя употреблялись въ древнепольскомъ или не вошли въ литературный языкъ польскій, но извѣстны и въ другихъ славянскихъ языкахъ, именно въ чешскомъ и русскомъ; такъ напр. слова: *gańbież* (рубежъ), *zabuc* (забыть), *top'* (топь), *śma* (тьма, множество), *jajco* (яйцо), *siewierz* (сѣверъ), *pisaka* (писанка), *oberwanie* (оборванецъ), *ani widu ani słychu* (ни виду ни слуху), *narocznie*—*znarocza* (нарочно), *dźwierze* (двери), *niewiasta* (невѣста), *szczuka* (щука), *żałoba* (жалоба), *niedziela* (недѣля), *doma* (дома), *ostrow* (островъ), *leż* (ложь), *wietew* (вѣтка), *zdać* (ждать), *przystaw* (смотритель рабочихъ, въ польской библии XV в.: *przystaw jen za żency stał*, на островъ Равъ въ 1307 г.: *puncius qui pristaw dicitur*), и др. ²⁾.

Многія названія разныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій у Ляховъ и у Руси, равнымъ образомъ какъ и

---

¹⁾ См. Nehring, *Altpolnische Sprachdenkmäler*, его-же словарь къ псалтири XIV в., срв. разныя статьи по древнепольскому языку въ *Archiv für slavische Philologie*, и польскій словарь Линде. Многія такія древнепольскія слова встрѣчаются тоже въ чешскомъ языкѣ; срв. „Славяне“ III. 208. Что касается формъ *wrzenie* (въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ) и *brzenie* (въ псалтиряхъ XIV—XV вв.), то срв. *brіeme* вмѣсто *vrіeme* въ древнехорватскомъ евангеліи Н. Ранины 1504 года. Въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ встрѣчаются формы *togo* (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, нын. *togo*), *chociał* (хотѣлъ), нын. *chciał*.

²⁾ Срв. „Славяне“, III. 197.

у другихъ Славянъ, одинаковы или сходны, и относятся къ нѣйшему періоду славянской исторіи, напр. слова городъ община (obec), село—весь (siedło—wieś), вѣче (wiece), (kniądz), господарь (gospodarz), староста (starosta), в (włodyka), дѣдичъ (dziedzic), воевода (wojewoda), (szwad), холопъ (chłop), отчина и дѣдина (ośczyzna, dziewość), дань и боръ (dań, robog), укладъ и уло (układ, ułożenie) и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ со временемъ и вслѣдствіе разнороднаго вліянія приняли у Русскихъ различныя значенія; такъ напр. Русскіе употребляли кновенно село, а Поляки wieś; общеславянское городъ сохранилось у Русскихъ, между тѣмъ какъ Поляки приняли по нѣм. stadt—stätte, miasto, а grodъ сталъ у нихъ означать замѣсто крѣпость; zamek (нѣм. schloss); русское вѣче—общее собраніе, польское wiece—судъ, русскій князь—господарь (сударь), польскій kniądz, ksiądz—духовный начальникъ (wspodarz—хозяинъ), равнымъ образомъ какъ русскій владыка (языка церковно-словѣнскаго)—духовный начальникъ, а польское włodyka—низшій землянинъ; русское и польское ста—первоначально начальникъ общины, но со временемъ у Русскихъ—княжескій намѣстникъ, замковый судья; русское воевода—военный начальникъ вообще, потомъ въ первый придворный сановникъ (comes palatinus) и намѣстникъ воеводствъ, и пр. Названія оружія у всѣхъ Славянъ одинаковы или сходны; общія русско-польскія названія: мечъ, ножъ (же дрполь.), щитъ, лукъ (дрполь. łuk, łek), тулъ (тоже дрполь.), копье, рогатина (rogaciņa), шоломъ (szłom), и др. Если употребляли (уже въ XV в.) формы sulica, rohatyna, то всѣскія формы вѣсто польскихъ wudlica (срв. чешское wuhogaciņa указываютъ на заимствованіе изъ русскаго; и szłom (XV в.) можетъ быть чисто польское, а не заимствованное изъ русскаго шоломъ, шоломъ (словѣн. шлѣмъ), хотя Поляки употребляли тогда обыкновенно przylbica и тоже нѣмецкая форма szłomъ соотвѣтствуетъ вполне законамъ польской фонетики какъ и ргок—ргоса (порокъ, праща) ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 259. Сулицы „лядскія“ въ полку Игоревѣ.

Племенное родство Ляховъ и Руси и вообще всѣхъ Славянъ выразилось тоже во множествѣ одинаковыхъ или сходныхъ названій лицъ и мѣстъ; такъ напр. Русскіе и Поляки назывались Моллибогъ (Modlibog), Володиславъ (Włodzisław, Władysław), Збынѣвъ, Вячеславъ (Węcesław, Węclaw), Ярославъ, Славята (Ślawęta), Святополкъ (Świętopełk, Świętopełk), Станиславъ, Ратиборъ, Перемышль (Przemysł — Przemyśl), Мстиславъ, Кій и пр. Подобно тому въ земляхъ русскихъ и ляхскихъ встрѣчается множество одинаковыхъ географическихъ названій: племень, селеній, горъ, рѣкъ, урочищъ и др., какъ Поляне, Воляняне, Лучане, Хорваты, Сѣверяне, Деревляне (Древяне), Новгородъ, Бѣлгородъ, Вышегородъ, Волянь, Пѣна, Бобръ, и др. Эти имена и географическія названія оба славянскіе народа произносили по своему, по законамъ своей фонетики; Русскіе говорили о польскихъ Володиславахъ, Святополкахъ, Межкахъ, а Поляки о русскихъ Влодзимірахъ, Влодзиславахъ, Святопелкахъ; русскія географическія названія Перемышль, Холиъ, Межирѣчье, Володава, Берестье, Дорогичинъ, Городно (Городня), Новгородокъ, Володимиръ и др. Поляки произносили Przemyśl, Chełm, Miedzyrzecze (Międzyrzecz), Włodawa, Brześć, Drohiczyn, Grodno, Nowogródek. Włodzimierz и пр., польскія Sandomierz, Łęczysa, Goniądz, Rajgród называли Русскіе—Судомиръ, Лучица, Гонязь, Райгородъ. Вслѣдствіе политическаго и культурнаго преобладанія польскаго элемента въ юго-западной Руси польскія формы сдѣлались господствующими и среди Русскихъ, напр. Влодава, Дорогичинъ, Гродно, Новогрудокъ, и пр. ¹⁾).

Все здѣсь сказанное надо имѣть въ виду, если говорить о вліяніи языка русскаго на польскій и польскаго на русскій. Вліяніе русскаго языка на польскій до половины XVI вѣка очень незначительно, ограничиваясь принятіемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ вопреки законамъ польской фонетики,

---

¹⁾ Въ Руси холмской и подляшской древнерусскія названія возобновлены, но въ остальной юго-западной Руси употребляются часто польскія формы до сихъ поръ, напр. Брестъ, Гродно, Новогрудокъ.

напр. *salica* вмѣсто *sudlica*, *rohacyna* вм. *rogacina*, *luk* вм. *lak*, *iek*, *rubl*—*rubel* ¹⁾). Больше русских словъ переходило въ польскій языкъ позднѣе, по мѣрѣ постепеннаго присоединенія югозападной Руси къ Польшѣ, не только политическаго, а тоже культурнаго, напр. *bohater* (*bohater*), *hultaj*, *smierd*, *zubr*, *cerkiew* (православная), *por* (православный) и др. Вліяніе русскаго языка на польскій было вообще незначительно, ограничиваясь принятіемъ сотни русских словъ въ польскій языкъ: за то вліяніе польскаго языка на русскій оказалось гораздо сильнѣе вслѣдствіе политическаго и культурнаго перевѣса Польши надъ Русью; въ послѣдней и въ ея языкѣ являются польскіе шляхта, земяне, воеводы, старосты, паны (и пани, панны), гетманы, войты, князья (т. е. поль. *ksiądz*, священникъ), замки, кгороды (*grod*, а не *hograd*), и др. Такой переходъ русских словъ въ языкъ польскій, и польскихъ въ русскій совершался тѣмъ легче, что многіе польскіе писатели XVI в. считали такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ возможнымъ и желательнымъ ²⁾).

При переходѣ нѣкоторыхъ русских словъ въ польскій языкъ играютъ извѣстную роль тоже разныя національныя, вѣроисповѣдныя и соціальныя соображенія и сословныя курьёзы, которые придавали тѣмъ же самымъ славянскимъ словамъ въ польской ихъ формѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ въ формѣ русской. Такъ напр. у Поляковъ русское слово *kniaź* означало князей низшаго разряда (какъ-бы *podlejszego gatunku*), чѣмъ польское *książe*; такъ и русское *bojar* стало ниже, чѣмъ *szlachcic*, *por*—ниже, чѣмъ *ksiądz*; слово *gramota* (изъ: грамота, *hramota*) стало означать марање, каракули (непонятная для Ляховъ русская грамота), *hałas*

¹⁾ Предполагаемое В. Макушевымъ (Славянскій Сборникъ III) русское вліяніе на польскій языкъ XIV—XV вв. опровергаетъ А. Крынскій (Варшав. *Ateneum* 1879). Предполагаемая О. Огоновскимъ (*Archiv. f. slav. Philologie* IV. 364) „русскія“ слова въ польской библии XV в. вовсе не русскія, а дрпольскія (*prok*, *plowczysa*, *mirzocu*, *udacien*, *przystaw*, *robionek*), и чешскія (*duha*, *skiba* изъ нѣмецкаго); о словѣ *lug* см. замѣтку Крынскаго и нашу въ *Archiv. f. slav. Philologie* VII. 599; только слово *rubel* заимствованное русское.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 150—157, III. 204, 208, 213.

(голосъ, hołos) — шумъ, крикъ; hałasować—поднимать шумъ, a głos—голосъ, głosować—подавать голосъ, и пр.

Народный языкъ югозападной Руси входилъ въ употребленіе въ свѣтской письменности, въ памятникахъ юридическихъ, грамотахъ, въ лѣтописяхъ, при чемъ вліяніе церковнаго языка словѣнскаго заявляло бѣльшую или меньшую силу, а даже исчезало совсѣмъ. Со временемъ образовался особый книжный языкъ русскій, на основаніи разныхъ нарѣчій югозападной Руси и выработавшихся традицій въ канцеляріяхъ и судахъ великаго княжества лиговско-русскаго. Въ этомъ книжномъ языкѣ русскомъ встрѣчаются особенности то нарѣчія западнаго, то южнаго, но вообще характеръ этого языка одинъ; онъ и назывался всегда просто языкомъ „русскимъ“ или „рускимъ“ (фонетическимъ правописаніемъ); онъ отличался сначала не много отъ языка „русскаго“ въ сѣверо-восточной Руси (Москвѣ) и назывался здѣсь — по ближайшей Руси Бѣлой—„бѣлорусскимъ, бѣлороссійскимъ“, хотя въ немъ не встрѣчалось собственное въ послѣдствіи народному говору въ Бѣлой Руси дзе-канье, це-канье и а-канье. Этотъ книжный языкъ югозападной Руси нашелъ себѣ мѣсто не только въ юридической и исторической (лѣтописной) литературѣ, а тоже въ романахъ, повѣстяхъ и другихъ произведеніяхъ свѣтской письменности. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ начала XVI в. въ югозападной Руси является стремленіе сдѣлать и библію болѣе доступною для простаго народа, и замѣнить, болѣе или менѣе, церковный языкъ словѣнскій или скорѣе словѣнско-русскій языкомъ русскимъ, при чемъ понятіе „русскій языкъ“ опредѣлялось субъективными взглядами переводчиковъ. Они, воспитанники церковныхъ школъ, гдѣ господствовалъ церковный словѣнскій языкъ (въ изводахъ русскомъ, болгарскомъ и сербскомъ), не могли сразу отрѣшиться отъ всѣхъ традицій; поэтому они, предоставляя въ своихъ переводахъ больше или меньше мѣста народному русскому языку, не могли вполне отдѣлаться отъ словѣнскаго текста книгъ, такъ что ихъ языкъ представляетъ не чистый народный языкъ югозападной Руси, а какую-то смѣсь языковъ русскаго, словѣнско-русскаго и словѣнско-болгарскаго (съ юсами) ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 595 и слѣд.

Давнишнія сношенія сосѣднихъ двухъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и югозападной Руси, ихъ политическое соединеніе и послѣдствія этого соединенія,—все это обнаружило свою силу и въ языкахъ Ляховъ и Руси; если русское вліяніе на польскій языкъ было незначительно, то вліяніе польское на русскій языкъ было очень значительно, усиливаясь съ теченіемъ времени все больше. Сначала это польское вліяніе въ русскомъ языкѣ сказалось принятіемъ польской терминологіи въ области государственнаго устройства, судопроизводства и военнаго искусства (воевода, ка-стелянъ, староста, войтъ, шляхта, панъ, речникъ, гетманъ, рот-мистръ и др.); но позднѣе въ русскій языкъ переходило тоже мно-го другихъ словъ польскихъ, прежде всего въ Руси польской (Червоной), потомъ литовской. Въ червоно-русскихъ переводахъ польскихъ коронныхъ статутовъ XV в. русскій языкъ очень чистъ, и польское вліяніе замѣтно—кромѣ той польской терминологіи—въ немногихъ словахъ, въ родѣ: моцъ, члонокъ, скарбъ, превротность и др. Подобно тому русскій языкъ, употребляемый въ литовской Руси въ памятникахъ юридическихъ, въ лѣтописяхъ, повѣстяхъ и др. до начала XVI в. довольно чистъ, безъ особенной примѣси польской. Фр. Скорина въ своемъ бѣлорусскомъ переводѣ библіи отвелъ гораздо больше мѣста словамъ чешскимъ, чѣмъ польскимъ. Послѣдующіе за Скориною переводчики библіи на русскій языкъ, авторы разныхъ богословскихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, под-давались вліянію польскаго языка и отводили ему въ своемъ рус-скомъ языкѣ больше мѣста уже въ силу привычки. Съ половины XVI в. польщизна приобрѣтала въ литовской Руси все больше гражданскихъ правъ, почти такія права, какими она уже давно пользовалась въ коронной Руси, гдѣ со второй четверти XV в. почти перестали писать по-русски, и русскій языкъ уступилъ мѣсто латинскому и польскому.

По мѣрѣ все усиливающихся связей, политическихъ, соціаль-ныхъ и культурныхъ, соединяющихъ Литву и литовскую Русь съ Польшею и закончившихся политическою уніею Польши и Литвы 1569 года, — русскій языкъ всей югозападной Руси принималъ все болѣе польскихъ элементовъ фонетическихъ, формальныхъ, синтаксическихъ и лексикальных; они водворились въ письмен-

номъ языкъ русскомъ до такой степени, что не возбуждали никакого удивленія и сопротивленія, да считались даже свойствомъ русскаго языка; подъ конецъ этотъ русскій языкъ казался почти транскрипціею польскаго языка, чѣмъ дѣйствительно и былъ: русскіе писцы и авторы, слыша постоянно польскій языкъ, читая разцвѣтающую польскую литературу, употребляя все больше польскій разговорный и письменный языкъ, по неволѣ поддавались ему и предоставляли ему все больше вліянія на свой родной языкъ русскій. Польское вліяніе сильно замѣтно въ русскомъ языкѣ уже перваго литовскаго статута (1529), а языкъ друхъ послѣдующихъ литовскихъ статутовъ (1566, 1588) кажется какою-то русскою транскрипціею польскаго текста. Польское вліяніе замѣтно все больше и въ другихъ юридическихъ памятникахъ, грамотахъ, судебныхъ записяхъ и пр., въ лѣтописяхъ, въ историческихъ, полемическихъ, богословскихъ, филологическихъ сочиненіяхъ, въ романахъ и повѣстяхъ, стихахъ, вообще во всей литературѣ югозападной Руси XVI — XVII вв., въ сочиненіяхъ Бронскаго, І. Вишенскаго, Ставровецкаго, Копыстенскаго, Могилы, Галятовскаго, Барановича, Зизанія, Берынды, Саковича и др. Многіе изъ русскихъ писателей, владѣя хорошо польскимъ языкомъ и желая дѣйствовать на болѣе широкіе кружки русскіе и польскіе, и просто по привычкѣ, писали по-польски, и — надо отдать имъ справедливость — лучше и правильнѣе чѣмъ по-русски; при томъ они примѣшивали въ свои польскія сочиненія разныя русскія слова, подчасъ совсѣмъ лишнія. По-польски писали Смотрицкій, Кревза, Кальнофойскій, Саковичъ, Коссовъ, Могила. Барановичъ, Жоховскій и др. Такое распространеніе польскаго языка среди югозападныхъ Русскихъ было вполне естественно, и происходило само собою безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ; да литовскій статутъ (2 и 3) прямо защищалъ право русскаго языка въ юридической жизни Литвы и литовской Руси, хотя это право, вслѣдствіе повальнаго ополяченія шляхты югозападной Руси, съ теченіемъ времени сдѣлалось чисто теоретическимъ.

А) Русь польская (коронная).

**3. Католицизм—вѣра польская, православіе—вѣра русская
Преслѣдованіе православія. Католицизмъ и унія — орудія
ополяченія Руси.**

Польскому вліянію подчинились прежде всего русскія земли, присоединенныя къ Польшѣ непосредственно, т. е. Русь Червоная (земли перемышльская, галичская, львовская, и др.), Русь белзская, холмская и подольская. Вѣрный союзникъ Поляковъ въ ихъ походѣ на Русь, латинскій католицизмъ, вступая на Русь подъ покровительствомъ польскаго короля, присвоилъ себѣ тотчасъ роль господствующаго вѣроисповѣданія и воинствующей церкви противъ греческой русской вѣры, т. е. православія или „схизмы“ ¹⁾. На польской Руси основаны во второй половинѣ XIV вѣка католическія епископіи въ Галичѣ (архіепископія, перенесенная позже во Львовъ), въ Перемышлѣ, Володимирѣ волинскомъ (позже перенесена въ Луцкъ), Холмѣ, Каменцѣ подольскомъ; строились католическія церкви и монастыри для католическаго духовенства польскаго и ради пропаганды среди русскаго народа ²⁾. У православныхъ епископій русскихъ отнимались

---

¹⁾ „Греческая“ вѣра называлась и на Червонной Руси православною (см. „Славяне“ II. 328), не только у Русскихъ („православные христіане нашего закону греческаго“—перемышльскій епископъ Арсеній 1547 г., „православная церковь россійская“ — львовскій епископъ Арсеній Желиборскій 1644 г.), а тоже у Поляковъ („prawosławni chrześcianie“ у польскаго поэта XVII в. львовянина І. Зиморовича).

²⁾ Въ 1412 г. король Владиславъ Ягайло просилъ папу о перенесеніи архіепископіи изъ Галича во Львовъ „pro defensione fidei orthodoxae ac etiam incremento fideliumque salute, ac reductione ad ovile dominicum infidelium et oberrantium populorum.“ (Theiner, Monumenta histor. Poloniae II. 5). Тотъ же король въ 1423 г. пожаловалъ львовскому архіепископу право наказывать еретиковъ и схизматиковъ, именно: Ex nunc nullus christianorum vel christianarum ritus romani audeat pueros suos in scismaticam sectam quocummodo bap-

церкви и иѣнія и передавались католическимъ, какъ на чѣ, Львовѣ, Перемишлѣ, Холмѣ; въ Перемишлѣ въ 141 Владиславъ Ягайло отнялъ у православныхъ русскихъ передалъ католикамъ, чтобъ очиститься передъ Нѣмца де не покровительствуетъ „схизматикамъ“ ¹⁾. Особая митрополія въ Галичѣ, возникшая въ половинѣ XIV в. живаемая, по политическимъ соображеніямъ — въ виду польской Руси отъ митрополіи всерусской, — польскимъ Казимиромъ, скоро исчезла, и Галичъ остался, съ начала первой половины XVI в., безъ духовнаго пастыря. на Руси вѣра православная, „русская“, ея приверженство, церкви, праздники не пользовались у ющихъ католиковъ Поляковъ, королей, епископовъ и ства, пановъ и шляхты особою симпатіею и уваженіемъ встрѣчались часто прямо съ презрѣніемъ. Старая вражда Руси, народная и религіозная, выступила еще ярче рода (*Rutheni et Lechitae sive homines ritus romani Rutheni et catholici*) находили въ своихъ вѣроисповѣдизсякаемый источникъ взаимнаго недоброжелательства. особенно долюбивали всѣхъ этихъ схизматиковъ (*schismatici Rutheni*), владыкъ, архимандритовъ, игуновъ, чернцовъ, этихъ церквей или „синагогъ“ (и монастырей, ставили ихъ ниже своихъ католическихъ, правовѣрныхъ бискуповъ, опатовъ, ксендзовъ, законниковъ, костеловъ, кляшторовъ; они употребляли скихъ и польскихъ документахъ ихъ русскія названія *wladicae, popones, batko, baytko, popowicz, czyn*

---

tizare et si baptizati sunt, ad ritum suum catholicum redu-
метрики коронной XXIII. 287 сообщаетъ J. Pociej: *Zbi-*
ści histor. i aktów dotyczących dziesięcin kościelnych na Ru-
wa 1845, p. 6, то же A. Prochaska: Codex epistolaris Wit-
срв. „Славяне“ III. 173. Перечень католическихъ церк-
стырей на польской Руси XIV—XVIII вв. см. въ статистическаго, Карпатская Русь (Ж. М. Н. II. 1875, кн. 179, стр

¹⁾ Длугоша *Historia Polon.* IV. 149.

mendrita, humyon, dyak, monaster — *manastir*), а слово „христіанинъ“ считали какъ бы принадлежащимъ исключительно католикамъ ¹⁾. Въ городахъ и въ селеніяхъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ, православные Русскіе не всегда допускались въ представительства общинъ, въ цехи, и это право предоставлялось только католикамъ, Нѣмцамъ и Полякамъ.

Это враждебное отношеніе католиковъ къ русскому православію, „схизмъ“—явленіе, въ тѣ времена обыкновенное и повсемѣстное, нашло себѣ позднѣе и формальную причину, именно въ томъ, что въ 1439 г. русскій митрополитъ Исидоръ во Флоренціи принялъ унію церквей западной и восточной и старался водворить ее и на Руси, вызывая всѣхъ христіанъ, Латиновъ и Грековъ, и всѣхъ „иже подлежатъ соборной церкви константинопольской, еже суть Руси и Серби, Влахи“, принять это „свято-

---

¹⁾ Срв. напр. въ судебныхъ книгахъ львовскихъ. А. 1445: *nobiles Stanislaus et Suprom de Czeperow recusabant ad colcza* (кольца, цѣпь) *ecclesie ruthenicalis jurare, sed voluerunt ad crucem sicut christiani*, хотя эти Чеперовскіе сами себя называютъ *terrigenae ab antiquo Rutheni*. А. 1448: *juveni filio est nomen Johannes et non Jakowycz, et est Christianus et non Ruthenus*. (*Akta grodzkie i ziemskie XIV. № 1277, 2024*). Срв. въ другихъ актахъ: *jure ruthenico jurare... per catenam ecclesie, circa ecclesiam, synagogam*; въ перемышльскомъ земскомъ судѣ 1468 г. разсматривался вопросъ: *qualiter nobiles Rutheni debent jurare, an circa synagogam ipsorum vel circa crucem more terrestri*; а въ 1462 г. перемышльскій городскій судъ постановилъ способъ присяги *more ruthenico* (*Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 6899, 5034*). Въ Перемышлѣ католическіе радцы утверждали „*esse sancitum de jure communi civili, testimonia Ruthenorum in causis christianorum non esse admittenda*“; перемышльскіе православные принуждались праздновать и латинскіе праздники, что однако отчасти отмѣнили короли Іоаннъ Альбрехтъ (1497), Александръ (1502) и Сигизмундъ (1519); послѣдній приказываетъ: *Rutheni jurabunt apud suam synagogam, non tamen secundum jus ruthenicum etc.*“ (изъ Метрики коронной XXXI, 511 сообщаетъ Поцѣй, *O dziesięcinach*, р. 8). Во Львовѣ въ 1518 г. сожжены Армянинъ Ивашко и его любовница Полька католичка Софія — *quia ipse existens Armenus commisceri ausus est cum christiana* (*Zubrzycki, Kronika miasta Lwowa, 141*).

пресвятое единачество“¹⁾. Исидоръ, возвращаясь изъ Флоренціи черезъ Угрію и Польшу на Русь, проживалъ нѣкоторое время (1440) въ польской Руси и отправился потомъ въ Кіевъ и Москву²⁾. Скоро послѣ того польскій король Владиславъ III особою жалованною грамотою (1443) уравнилъ русскую церковь и духовенство, принявшее унію съ Римомъ, въ правахъ съ католическою церковью и духовенствомъ въ Польшѣ, т. е. на Руси коронной (Червонной и подольской); эта привилегія въ послѣдствіи подтверждалась еще нѣсколько разъ (1504, 1543, 1621)³⁾. Но эта

¹⁾ Воскресенская лѣтопись въ П. С. Р. Л. VIII. 106.

²⁾ Послѣ берестьевской уніи, во время полемики между православными, уніатами и католиками, уніаты выдумывали разные факты и документы, которые должны были доказывать существованіе флорентинской уніи на Руси въ XV—XVI вѣкахъ. Въ началѣ XVII в. (1605) уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй сочинилъ и напечаталъ, по-русски и по-польски, „Поселство до папежа римскаго Сикста“ уніатскаго митрополита Мисаила, духовенства и пановъ литовской Руси будто 1476 г., найденное-де имъ въ Кревѣ (см. Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 193). Православные Русскіе уже тогда считали эту грамоту подложною, такъ напр. львовскій священникъ (см. „Славяне“ II. 447) и авторы „Synopsis“ 1632 г. (см. Архивъ югозапад. Россіи I. 7, стр. 574, 635). Къ этому же времени и къ этой же фабрикѣ относится подложная грамота митрополита „всея Росіи“ Исидора, изданная будто-бы въ Холмѣ 1440 г. „старостамъ холмскимъ и воеводамъ и заказникомъ и всимъ православнымъ“; Исидоръ въ ней проповѣдуетъ такую мысль: что „намъ сущимъ православнымъ христіяномъ Ляхомъ и Руси достоитъ исполнять божія церкви, и ихъ священниковъ, а не обидети: есмо бо нини, далъ Богъ, едино братя христіяне Латыни и Русь“. Эта подложная грамота Исидора была хорошо извѣстна въ XVII вѣкѣ (Nagajewicz, Annales 75), записана въ 1637 г., по просьбѣ холмскаго епископа Меодія Терлецкаго, въ Метрику коронную (Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 4); одинъ ея списокъ, находящійся въ публичной библіотекѣ познанской, издалъ О. Бодянский въ московскихъ Чтеніяхъ 1846, I. (О моихъ поискахъ въ познанской публичной библіотекѣ, стр. 13). Надо удивляться, что архіепископъ Макарій (Исторія русской церкви IX. 45) могъ грамоту Мисаила считать подлинною.

³⁾ Nagajewicz 78, Архивъ югозапад. Россіи I. 1. стр. 440,

унія принята однимъ только митрополитомъ Исидоромъ и его преемникомъ Григоріемъ; на Руси польской, литовской и московской она не была принята и скоро пришла въ забвеніе, не смотря на всѣ старанія польскаго духовенства. Напрасно нѣсколько лѣтъ спустя послѣ флорентинскаго собора (1451) краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій надѣялся на краснорѣчіе Іоанна Капистрана, которому удастся-де отвратить многихъ знатныхъ людей отъ „старой секты греческой“ и присоединить ихъ къ католической церкви; правда, флорентинская унія не сдѣлала своего дѣла на польской Руси, и Русскіе или Греки не отказались отъ своихъ заблужденій и суевѣрій; напротивъ, они ихъ берегутъ до сихъ поръ еще упорнѣе, утверждая, что не они, а Латиняне заблуждались; между тѣмъ русскій народъ можно бы было легко отвратить отъ греческаго послушанія, такъ какъ онъ — народъ простой и жаждущій добра и очень проникнутый нравами и образомъ жизни Латинянъ ¹⁾).

Дѣйствительно, русскій народъ держался крѣпко своей ста-

Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи I. № 42. Въ грамотѣ говорится только о королевствѣ польскомъ, а не о великомъ княжествѣ литовскомъ.

¹⁾ Codex epistolaris saec. XV, t. I. в. р. 125; срв. „Славяне“ III. 93. Флорентинская унія пришла въ полное забвеніе до самаго конца XVI вѣка на всей Руси вообще, и въ коронной Руси о ней нѣтъ и помину. Самъ папа Павелъ II считаетъ (1471) Перемышль лежащимъ *inter gentes scismaticas et ruthenicas ac neophytos*; а въ началѣ XVI в. Іоаннъ изъ Освѣтима (*Sacranus*) и Іоаннъ Ласкій, архіепископъ гнѣзенскій, говорятъ только о *Rutheni schismatici* и о ихъ *errores*, при чемъ Ласкій (1514) раздѣляетъ Русскихъ: *Rutheni albi modo vero Moscovitae, Rutheni Walachi (idioma habent commune cum rutheno et italico vulgari, ritum ruthenicum), Rutheni rubei subditi regis in corpore regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae*. Подобно тому польскій географъ и историкъ Матвѣй Мѣховскій (*Tractatus de duabus Sarmatiis*, 1517) знаетъ только православныхъ Русскихъ въ Польшѣ: *Ad montes sarmaticos habitat genus Rutenorum, quibus praesident nobiles Polonorum; in Russia sunt plures sectae; est enim religio christiana romano pontifici subjecta, et illa regit et praevallet, quanquam sit exigua numero; est altera secta Ruthenorum amplior, quae ritum Graecorum*

(1469): онъ долженъ заботиться о всѣхъ своихъ подданныхъ, и надѣется, вмѣстѣ съ папою и другими католическими государями, на будущую унію церкви греческой или русской съ Римомъ, и поэтому онъ беретъ подъ свое покровительство владыку и запрещаетъ строго всѣмъ католическимъ чиновникамъ и земянамъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла Русскихъ, что принадлежитъ одному владыкѣ¹⁾. Эту привилегію короля Казимира перемышльскому русскому епископу подтвердилъ король Сигизмундъ I въ 1509 году; но съ другой стороны тотъ же король въ томъ же самомъ году (1509) пожаловалъ католическому львовскому архіепископу право назначать „намѣстниковъ русскихъ“ православной львовской епископіи, съ тою цѣлью, „чтобъ схизматики тѣмъ легче приводились къ христіанской религіи или по крайней мѣрѣ исправились въ своихъ заблужденіяхъ—*quo ipsi scismatici tanto facilius ad religionem christianam adducantur seu saltem in eorum erroribus emendarentur*“²⁾. Подобно тому, и въ холмской землѣ по мѣрѣ того, какъ тамошняя русская шляхта окатоличивалась и ополячивалась, польскіе короли отнимали имѣнія у холмской православной епископіи (*vladicatui*) и давали ихъ католической епископіи (*episcopatu*); такое отчужденіе имѣній православной епископіи совершилъ король Сигизмундъ I (1533), въ виду того, что почти вся

---

¹⁾ Послѣ принятія перемышльскимъ православнымъ епископомъ уніи (въ концѣ XVII в.) въ Перемышлѣ подумали, что эта жалованная грамота Казимира дана *Ruthenis unitis*, что конечно не вѣрно; другіе правильно считали ее данной *favore non unitorum*.

²⁾ См. документы 1458 и 1469 гг. (*Akty grodzkie i ziemskie* VII. № 51, 60, XII. № 4286), 1509 и 1516 гг. (изъ Метрики коронной, кн. 23 и 29 издалъ Поцѣй *O dziesięcinach*, р. 9, 10); срв. Turgenev, *Supplementum ad historica Russiae monumenta* р. 137, Harasiewicz *Annales* р. 50, Д. Зубрицкаго *Kronika Lwowa* 160, Галицкая Русь въ XVI ст., 37 (въ москов. Чтеніяхъ 1862, III). По словамъ акта 1458 г. „*na mitropolita*“ и королевской грамоты 1522 г. „*vladica seu metropolitae Haliciensis*“ видно, что бывшая галицкая епископія считалась митрополіею.

холмская шляхта перешла отъ обряда греческаго или русскаго въ единство съ римскою церковью ¹⁾).

Оставшаяся, но все рѣдѣющая шляхта въ коронной Руси— въ ряды которой вступали и нѣкоторые волошскіе бояре изъ сосѣдней Молдавіи—не переставала, на сколько могла, защищать свою православную вѣру и жаловаться на ея притѣсненіе и на вспышки католической нетерпимости. Въ 1539 г. духовенство, шляхта и посольство греческой вѣры въ земляхъ русской и подольской просили своего митрополита кіевскаго заступиться передъ королемъ за намѣстника галичской епископіи Макарія и вообще за тѣснимое православіе противъ католическаго архіепископа львовскаго. „Столецъ галицкій загинулъ отъ колька сотъ лѣтъ, и на томъ столці галицкомъ учинено есть арцибискупство латинское; которыи были мѣста и села къ Галичу, то все отобрали и на томъ фундовали арцибискупство, гдѣжъ имъ былъ того фундовалъ Якгейло король и листы папѣжскими подтвердилъ“; нынѣ же настала для нихъ „великая бѣда, плачъ и тяжесть, гдыжъ насъ былъ выдалъ король на вальномъ сеймѣ арцибискупу и бискупомъ у розказованье и у моцъ на вѣки вѣчныи“; всѣ эти притѣсненія дѣлаются съ тѣмъ, „обыхмо тымъ рыхлѣй были принуужени къ вѣрѣ римской“. Наконецъ удалось православной шляхтѣ въ коронной Руси выхлопотать у короля Сигизмунда I возобновленіе православной епископіи во Львовѣ (1539) ²⁾. Православные русскіе роды были тогда Шумлянскіе, Болобаны (Балабаны), Станимирскіе, Дѣдошицкіе, Чолганскіе, Шептицкіе, Ярмолинскіе,

---

¹⁾ Грамоту (изъ Метрики коронной, кн. 49) издалъ Цоцѣй *O dzieiesięcinach*, стр. 13.

²⁾ Католическій архіепископъ львовскій сохранилъ однако свое вліяніе на замѣщеніе православной львовской епископіи. Еще во второй половинѣ XVII в. (1671) уніатскій митрополитъ Коленда пишетъ римской конгрегаціи пропаганды: *Episcopatus Leopoliensis immediate confertur seu praesentatur regi ab archiepiscopo Leopoliensi ritus latini. Nulla bona et villas habet. Statim enim ac schismaticis cessit, occupata fuerunt bona per potentiam variorum magnatum. Reditus ipsius sunt ex parochiis ecclesiarum, quas dicitur sex millia numerare.* (Theiner *Monumenta Poloniae histor.* III. p. 600).

Грабовецкіе, Горбачовскіе, Желиборскіе, Свистельницкіе, Дубравскіе, Замостьскіе, Жолковскіе и др. Нѣкоторые изъ этихъ русскихъ шляхтичей (въ томъ числѣ Олехно Замостьскій) сдѣлались тогда (1544) членами православнаго церковнаго братства львовскаго ¹⁾. Православная русская шляхта защищала свою вѣру, жаловалась на ея притѣсненія на сеймахъ и въ судахъ, такъ напр. на сеймѣ въ Пётрковѣ 1558 — 1559 гг., въ градскихъ судахъ галичскомъ и львовскомъ и пр. ²⁾.

¹⁾ См. грамоты 1509 — 1544 гг. въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 137, въ Актахъ западной Россіи II, соч. Гарасевича Annales 94, Зубрицкаго Галицкая Русь 38. Жолковскихъ считаетъ Бартошевичъ (Encyklopedia powszechna) русскимъ родомъ, назвавшимся по русской Жолкви (Nicolaus Zolkowski wojwoda Sanoensis a. 1388), хотя они въ XVI в. производили себя изъ Польши. Православные русскіе Замостьскіе происходили изъ Замостья около Радымна въ перемышльской землѣ (nobiles heredes de Zamoszcze Jaszko, Josko, Senko, Piechno, Michno, Wanko, Hawrilo, Wolczko, Iwan, Hanyu, Fena, въ XV в.). Гнѣздомъ другихъ Замостьскихъ было Замостье въ белзской землѣ, около котораго въ 1580 г. гетманъ Іоаннъ Замостьскій (Замойскій) основалъ городъ Замостье; но и эти Замойскіе были по всей вѣроятности русскій православный родъ; Христофоръ Филалетъ, посвящая свое сочиненіе Апокрисисъ (1597, по-русски 1599) канцлеру и гетману Іоанну Замойскому, прямо заявляетъ, „że przodkowie W. M. niekiedy greckiej religiej byli“, выхваляя его вообще за его вѣротерпимость, такъ что современники называли его oziębłym katolikiem (озяблымъ католикомъ). Но русское происхожденіе этихъ Замойскихъ скоро пришло въ забвеніе; они стали считать себя Поляками. М. Смотрицкій, который хорошо зналъ русскіе роды, сдѣлавшіеся Ляхами (срв. его Lament wschodniej cerkwie, 1610), Замойскихъ къ нимъ не причисляетъ, и, посвящая свое соч. Apologia peregrynacyej do krajów wschodnich (1628) подканцлеру Ѳомѣ Замойскому (сыну Іоанна), замѣчаетъ, что „podać usadziłem katolicki script katolikowi, obronę prawdy obrońcy prawdy, istotne ruskiej cerkwie wiary wyznanie z przodków istotnego ruskiej cerkwie wiary wyznania, urodzonemu potomkowi, pobożnego ojca pobożnemu synowi.“

²⁾ Приводимъ здѣсь любопытныя слова русской шляхты о положеніи „Ляховъ и Руси“ въ коронной Руси, сказанныя на сеймѣ въ Пётрковѣ 1558—1559 г.: „Angariae ziem ruskich. Stan duchowny

Но ряды этой православной русской шляхты все рѣдѣли, благодаря дѣятельности іезуитовъ и другихъ католическихъ монаховъ и священниковъ, Нагая, Скарги, Камила, Гербеста, Скрипскаго, которые въ концѣ XVI вѣка обращали много русской шляхты въ католичество. Съ конца XVI в., когда въ Берестѣ провозглашена вновь унія русской православной церкви въ Польшѣ и

---

rzymskiego kościoła jako w innych ziemiach ślachtę a rycerstwo koronne do sądów swych ciągnie i za dworem wyzywa; tak się też to wszystko dzieje w ruskich ziemiach; ich m. księża przywłaszczają sobie nad nami zwierzchność, prawo, sądy o majątności, o gardła, o pocziwości, o małżeństwa, o dzieci nasze i dusz naszych zbawienie, co nic innego nie jest, jeno tyraństwo a niewola ludziom wolnym a zwłaszcza krześcijańskim nieznośna; k temu nad wszystkie innych ziem uciski to jeszcze większe okrucieństwa cierpiemy. Ślachtę posłuszeństwa kościoła greckiego do sądów swych przymuszają, prawa swe na nich przewożą, klątwy wydawają, roku doczekawszy do starosty na exekucyą odsyłają; jeśli się kiedy trafi, by jeden raz rzymski człowiek na roli siedział, już po nim kmiotki nasze greckie w nabożeństwie, zwyczaju, na dawanie mesznego przyciskają. Przetoż gdy rola po Lachu spustoszeje, nie chce na nią Rusin dla płaceni mesznego siedzieć, tak iż wiele pustek we wsi mieć musimy. Są to rzeczy barzo obciążliwe, a przed tym nigdy w Rusi niesłychane, abowiem ludzie ruskiego zakonu mają osobne swe kościoły, osobne władyki, osobne popy, których pasterstwa używają a onym skromne wyżywienie z dobrej wolej swej oddzielają, co wdzięcznie a z dzięką przyjmując Pana Boga chwalą, a służby owiec swych pilnują, o dochody swe sądów sobie żadnych nieprzywłaszczają, ani klątwy żadnej na ludzi niewydawają, ani pro exequutione do urzędów odsyłają, jako ich m. księża kościoła rzymskiego czynią. Których praeangariae nam cięższe, niżli Tatarzyn albo który iny poganin, aby się nam i braciej naszej i poddanym nie działały, prosimy i pilnie się oświadczamy, żeśmy się pod nie nigdy nie poddali, ani poddać chcemy, bo niewyznawamy ani mamy inszego pana, jeno W. K. M.“ (Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta króla polskiego, w. ks. litewskiego, 1555 i 1558 r. w Piotrkowie złożonych, Kraków 1869, p. 228). Срв. жалобы русской шляхты на разныя притѣсненія православія—въ Актахъ западной Россіи III, № 140, 146, 147, въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 148, и пр.

Литвѣ съ Римомъ, былъ внесенъ раздоръ въ русскую церковь; какъ бы полноправными считались только Русскіе принявшіе унію, „униты, уніаты“, между тѣмъ какъ православные „схизматики, дисуниты“ стали считаться врагами Польши. Унія стала распространяться разными безнравственными средствами и въ коронной Руси, въ епископіяхъ холмской, перемышльской и львовской, хотя не безъ борьбы съ православіемъ, продолжавшейся до конца XVII вѣка. Унії благопріятствовали польское правительство, духовенство, шляхта, вполне соглашаясь со словами одного холмскаго уніатскаго епископа XVII в., Якова Суши, что „унія необходима не только для спасенія душъ, но и для сохраненія Рѣчи посполитой“. Холмскіе епископы были уніаты уже съ конца XVI вѣка, хотя въ ихъ епархіи унія боролась съ православіемъ до второй половины XVII вѣка. Въ концѣ этого вѣка (1691) унія восторжествовала въ перемышльской епархіи¹⁾. Всего позже присоединился къ унії львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій (1700), хотя онъ уже съ 1677 г. былъ тайнымъ уніатомъ. Не смотря на то, онъ все заискивалъ у русскихъ царей и у русскаго резидента въ Варшавѣ, и даже по смерти короля Іоанна Собескаго выразилъ желаніе возвратиться къ православію, увѣряя кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго и боярина Бориса Шереметева, что онъ — *prawdziwy cerkwie bożej prawosławno-wostocznej syn*, щоденный Его Царско-Величества богомольца“, и желаетъ „царевнѣ нашему Петрови на враги побѣду и всему воинству христіанскому покорить подъ нозѣ всякаго врага и супостата“²⁾. Но всѣ эти

---

¹⁾ Въ началѣ XVII в. Іоаннъ изъ Вишни восхваляетъ перемышльскую церковь: „Сія имать похвалу въ Мало-глаголемой Росіи въ захованію вѣры, непорочности, отъ всѣхъ прочихъ честнѣйшую: не бо помазася духомъ латиномудрія, ни же обесчестися ересію, но въ красотѣ апостольской проповѣди неподозрено стоитъ.“ (Архивъ югозападной Россіи, ч. I. т. 7. стр. 37). Любопытно, что въ концѣ XVII в. при церкви русскаго посольства въ Варшавѣ служилъ одинъ священникъ изъ Перемышля (Сводная галицко-русская лѣтопись, 365).

²⁾ О Шумлянскомъ см. Антоновича: Очеркъ состоянія православної церкви въ югозападной Россіи съ половины XVII до конца

слова остались словами, и въ 1700 г. епископъ Шумлянскій принялъ окончательно унію. Примѣру епископовъ послѣдовало духовенство, оставшаяся еще шляхта — которая однако скоро сдѣлалась прямо католическою, а тѣмъ самымъ и польскою — мѣщане и простой народъ, церковныя братства, наипозднѣе львовское ставропигійское (1708). Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. православіе исчезаетъ во всей коронной Руси, въ Червонной Руси, Подольѣ, Холмѣ и Белзѣ; унія здѣсь вполне восторжествовала, да кромѣ того съ теченіемъ времени многіе русскіе уніаты, особенно на польско-русскомъ рубежѣ, переходили прямо въ католицизмъ и такимъ образомъ дѣлались вполне Поляками ¹⁾. Этому

XVIII столѣтія (Монографіи I. 281). О сношеніяхъ Шумлянскаго съ Россіею см. особенно Самуила Величка Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи (Кіевъ 1851, II, 503, III. 388), С. Соловьева Исторія Россіи XIV. 194; срв. Сводную галицко-русскую лѣтопись 253, 347, 371. Около этого времени искали тоже нѣкоторые православные Русскіе сѣверной Угріи помощь у русскаго царя Петра, покровителя Фр. Ракоцы, о чемъ см. Bidermann, Russische Umtriebe in Ungarn (Innsbruck 1867, p. 2 sqq.), тоже Slovenské Pohľady 1886 p. 46. Царь Петръ, какъ союзникъ польскаго короля Августа, бывалъ часто въ русскихъ земляхъ Польши; такъ напр. въ 1698 г. онъ пребывалъ въ Жолкви, Равѣ, и въ православномъ монастырѣ Креховскомъ (см. Холмская Русь I. 334), въ 1707 г. въ Жолкви и Львовѣ, въ 1711 г. съ войскомъ подъ Ярославлемъ; здѣсь онъ пользовался большою популярностью: *Nikt się przed carem darmo nie rozkarzył, z najmniejszym rad gadał, na biesiady mieszczan uczęszczał, w obozie najwięcej przebywał, i sam każdemu sprawiedliwość czynił* — замѣчаетъ одинъ современникъ; см. Siarczyński, Wiadomość histor. i statyst. o mieście Jarosławiu, p. 111.

¹⁾ Въ холмскомъ и подляшскомъ Забужьѣ замѣчаются слѣды русскаго происхожденія въ говорѣ и обычаяхъ у многихъ Поляковъ католиковъ на рубежѣ польско-русскомъ, да многіе изъ этихъ католиковъ говорятъ по малорусски, о чемъ срв. вышеупомянутыя сочиненія Крыжановскаго и Будиловича, см. Щебальскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1883, кн. 165, стр. 492, Страшкевича въ сб. Холмская Русь II. 453, Труды этнограф.-статист. экспедиціи VII. 364, и др. Подобно тому и на верхнемъ Дунайцѣ, въ нѣкоторыхъ нынѣ польскихъ селеніяхъ сохранились нѣкоторые остатки русскихъ церквей

способствовало тоже недружелюбное отношеніе польскаго католическаго духовенства, шляхты и мѣщанства даже къ уніатской Руси, которая не считалась равноправною съ католическими Поляками. Такъ напр. въ карпатскомъ мѣстечкѣ Тыличѣ, подданномъ краковскому епископу, между русскими Лемками, многіе като-

---

(нынѣ католическихъ) и образовъ, о чемъ срв. Biblioteka Warszaw-
ska 1850, III. 422. Dodatek do Gazety lwow. 1855, № 32 (Ruś san-
decka). Въ епархіи перемышльской было въ XVII в. нѣсколько ты-
сячъ приходовъ (3,000 по словамъ холмскаго епископа Суши, 5,000
по словамъ уніатскаго митрополита Коленды), нынѣ только ок. 800;
въ епархіи холмской было въ XVII в. 700 приходовъ, въ XVIII в.
менѣе 300, а въ концѣ существованія уніи 267. См. упомянутыя
сочиненія Петрушевича (о холм. епархіи), Головацкаго, Гарасевича,
Поцѣя, Малиновскаго (Die Kirchen— u. Staatssatzungen bezüglich des
griechisch-katholischen Ritus in Galizien, Lemberg 1861), Шараневича
(Patryarchat wschodni w obec kościoła ruskiego i rzeczypospolitěj
polskiej, Rozprawy krakow. akademii, wyd. histor. t. 8, 10), Петру-
шевича (Сводная галичско-русская лѣтопись, Львовъ 1874 и 1887,
т. е. матеріалы для исторіи Червоной Руси 1600—1772 гг.). Приве-
демъ здѣсь два свидѣтельства современниковъ о введеніи уніи въ
карпатской Руси. Въ 1593 г. Екатерина Ваповская, кастелянша
перемышльская, желая „dusznego zbawienia“ своихъ русскихъ поддан-
ныхъ около Дынова и соображая, „iż wiele Polaków wiary katolickiej
między Rusią mieszkając na ruskie niedowiarstwo dla swawolniejszego
żywota przystawali“, рѣшила „cerkwie ruskie na kościoły rzymskiej
wiary przemienić, kapłany katolickie w nich postanowić, popu ruskie
uprzętnąć“; католическіе священники и іезуиты должны „pawracać
Ruś do kościoła św. rzymskiego, dzieci ruskie chrzcić“, etc. (Harasie-
wicz, Annales 53—55). Нѣсколько лѣтъ спустя (1606) православный
епископъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій жалуется на жесто-
кое поведеніе уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя въ своей епар-
хіи; здѣсь онъ „cerkwi pieczętuje, zabrania chwałę bożą wedle starego
zwyczaju cerkwie św. odprawować; on wiele zacnych panów do tego
przywiódł, że popów swoich w władcytwie moim gwałtownie iŃmusem
do posłuszeństwa tegoż ks. metropolity przywiedli; on do władcytwia
mego takowych osób nasyła, którzy wielkie zamieszanie i nienawiść
między ludźmi duchownemi i świeckimi czynić nieprzestają etc. Wiel-
ki a nigdy niesłychany rozruch i niemiłość między krześciany urosła;
zaczyn krzyk, płacz ludzi dla wiary uciśnionych“. (Maciejowski, Piś-

лики приняли православіе; епископъ дозволилъ жить тамъ только уніатамъ (1612), отнялъ церковь у православныхъ и вытѣснялъ ихъ изъ мѣстечка насильственнымъ образомъ. Позже (1682) отнята церковь и у Руси уніатской, какъ это случилось еще раньше въ другомъ сосѣднемъ мѣстечкѣ краковскаго епископа, Мушинѣ, такъ что русскіе уніаты тыличскіе и мушинскіе сдѣлались уже прямо латинскими католиками, а тѣмъ самымъ и Ляхами ¹⁾).

4: Польскіе порядки въ коронной Руси. Бояре, земляне, шляхта, паны. Русь и Поляки. Ополяченіе русской шляхты. Верещинскій, Орѣховскій, Гербуртъ. Польское право на Руси и его русскій переводъ. Города-мѣста на Руси, ихъ ополяченіе, мѣщане польскіе и русскіе. Селяне-кметы.

Галичско-волинское княжество во время своей самостоятельности при Рюриковичахъ рода Ростислава и Романа имѣло свое древне-русское устройство, политическое и общественное: около князя находились бояре (великіе, старшіе, и малые, младшіе)—землевладѣльцы, дѣдичи, отчичи, на своихъ дѣдинахъ-дѣдичствахъ, отчинахъ-отчествахъ, пріобрѣвшіе уже рано много политическихъ правъ и бѣльшее значеніе, чѣмъ въ другихъ рус-

---

miennictwo polskie, Dodatki, p. 223). О насильственномъ распространеніи уніи въ холмской Руси епископомъ Меѳодіемъ Терлецкимъ (1626—1649) см. въ запискѣ холмскаго епископа Якова Суши 1664 г. (у Гарасевича *Annales ecclesiae ruthenae* 298—349); о дѣятельности самого Суши см. его письмо римской пропагандѣ 1681 г. (*Theiner Monumenta Poloniae* III. 682). Срв. Петрушевича, Холмская епархія (1867), Н. Попова, Судьбы уніи въ русской холмской епархіи (Москва 1874), и др. (срв. въ вышеупомянутомъ соч. Ал. Будиловича о милеевской церкви).

¹⁾ См. *Ordynacya komisarzyw biskupa krakowskiego przeciwko Rusi po wzjętej cerkwi r. 1636* (Dodatek do *Gazety lwowskiej* 1855, № 34, 35), *Liber fundalis ecclesiae ritus graeci in Tylicz a. 1682* (Зубрицкій: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или галицкой Руси, Москва 1845, приложенія, стр. 20—28).

скихъ земляхъ, въ городахъ жили горожане, въ селахъ—селяне, смерды, временно обязанные, но лично свободные, отправлявшіе разныя повинности, наконецъ невольная челядь (рабы); всѣ эти классы народонаселенія подчинены одному общему земскому праву. Земля принадлежала князю, боярамъ, духовенству и общинамъ. Княжество дѣлилось на земли и волости, а населеніе—на тысячи, ста (сотни), десятки, единицы административныя, судебныя, финансовыя и военныя; въ ихъ главѣ стояли тысяцкіе или воеводы, сотскіе (сотники) и десятскіе (десятники), сначала народомъ выбираемые, потомъ назначаемые княземъ чиновники преимущественно судебныя, какъ и другіе княжескіе сановники и чиновники, дворскій или дворецкій, печатникъ, княжескій дядька, держатели городовъ, дѣтскіе, отроки, тіуны-живуны, стольники, и др. Въ карпатской Руси существовали, какъ и повсюду на Руси, народныя вѣча (а снемы—вообще сходки), хотя они здѣсь, вслѣдствіе особаго историческаго развитія этой Руси, рано лишились своего значенія¹⁾. Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ сосѣднею Польшею и Угріею князья галичско-волынскіе и ихъ бояре знакомились съ порядками польскими и угорскими, съ языками польскимъ и особенно латинскимъ, столь необходимымъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними „латинскими“ государствами, съ Польшею, Угріею, Чехіею, съ Нѣмцами, въ томъ числѣ и съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Галичско-волинскій лѣтописецъ, по которому можно себѣ составить хорошее понятіе объ устройствѣ княжества XIII в., знаетъ сосѣднюю Польшу, ея порядки, языкъ и исторію. Хотя онъ польскія учрежденія обыкновенно называетъ по-русски (лядскіе бояре, воеводы, епископы, попы, игумены, церкви и пр.), но изрѣдка онъ употребляетъ и польскія слова, напр. крижевники (т. е. крестоносцы нѣмецкіе), керьлѣшь (какъ пѣли Ляхи *кугіе елеісон*²⁾), пасати мечемъ (хотя пишетъ всегда по-русски: поясъ), пробощъ (люблинскій), Краковъ городъ (т. е. замокъ, поль. *grod*)

¹⁾ Подробно въ I т. „Славяне“, внутренний бытъ.

²⁾ Такъ пѣли и Чехи: *kerlesn*, какъ видно изъ хроники Косьмы (*Fontes rer. bohém.* II. 38); въ концѣ пѣсни *Hozrodine romiŭj ny* по-

и мѣсто (*miasto*), а жители—горожане и мѣстичи, и пр. Польскія имена и географическія названія приводитъ онъ то въ русской, то въ польской формѣ, напр. Володиславъ, Святополкъ, Судиславъ Бернатовичъ, Вячеславъ, Воршъ, Судомиръ (*Sandomierz*), Воротъславъ (*Wrocisław, Wrocław*), Вышегородъ (мазовецкій), Индрихъ, Кондрать, Лестько, Межко, Сомовитъ и пр. Княженіе Болеслава-Георгія мазовскаго въ галичско-волинскомъ княжествѣ сблизило эту Русь еще больше съ Польшею; при немъ разныя учрежденія русскія стали, въ латинскихъ грамотахъ, называться на польскій ладъ: *barones et milites palatini*, т. е. воеводы—тысяцкіе, именно въ Белзѣ, Перемышлѣ, Львовѣ, Луцкѣ, надворный судья (*judex curiae*), и др.

Водвореніе польскаго господства въ Карпатской Руси въ половинѣ XIV вѣка раскрыло польскимъ порядкамъ путь въ русскія земли; они вмѣстѣ съ громаднымъ наплывомъ польской шляхты мало по малу прививались на Руси и со временемъ почти совсѣмъ вытѣснили русскіе порядки. Въ белзской Руси, присоединенной въ 1396 г. прямо къ Мазовіи, порядки польско-мазовскіе распространились съ самаго начала господства въ ней мазовскихъ князей, раньше и глубже, чѣмъ въ коронной, польской Руси, червонной, холмской, подольской.

Древніе бояре-землевладѣльцы въ княжествахъ галичскомъ и володимирскомъ уже рано пріобрѣтали большую силу, вліяли на занятіе княжескаго стола, подобно панамъ польскимъ и угорскимъ. Присоединеніе карпатской Руси къ Польшѣ произвело въ боярскомъ сословіи громадный переворотъ. Вслѣдствіе господства польской народности и вѣры въ карпатской Руси и все усиливающейся польской колонизаціи, именно переселенія туда польской шляхты, бояре въ Руси Червонной, въ земляхъ белзской, холмской, подольской, входили все болѣе въ сношенія съ польскою шляхтою, принимали польскіе гербы; многіе изъ нихъ дѣлались католиками, а такимъ образомъ и „ляхами“ въ отношеніи вѣроисповѣданномъ и народномъ, *панами, землянами (земянами)*,

---

ется тоже *krlež*. Слово „вицькій“ въ лѣтописи галичско-волин. — не польское, а угорское (взятое изъ хорватскаго) *vitez*.

шляхтою¹⁾. Такимъ образомъ въ рядахъ земянства карпатской Руси водворился дуализмъ народный и вѣроисповѣдный: земянство было „Поляне и Русь“, „добрые люди шляхты Ляхи и Русь“, „Poloni et Rutheni de nobili genere“. Русскіе ~~земляне~~ долго, глубоко въ XV вѣкѣ, назывались по русскому ~~способу~~: Васко Кузмичъ, Гаврило и Ванко Кирдеевичъ, Габъ Дядковичъ, Дмитръ Волчковичъ, не только въ ~~грамотахъ~~ русскихъ, а тоже латинскихъ: Hleb Dworscowicz, Wasco Cusmicz, Hriczko Kierdejowicz, Iwancko Ruthenus; другіе стали называться по своимъ имѣніямъ: Задеревецкіе (Данило-Дажбоговичъ), Ходоровскіе, Быбельскіе, Дѣдошицкіе, Облазницкіе, или Ивашко изъ Бориничъ, Братко изъ Дулебъ, также и въ латинскихъ актахъ: Jurscha Chodorowski, Iwan Zamosczsky, Czurylo de Stoyanicze, Iwancko Werboticzski, Wolczco Boretinsky, Federko et Fedko filii Wasconis de Malczyce, Stecko de Czerkas, Iwasko de Duleby, Wolczko Przesluha (Przesluzicz) de Rohatyn. Такъ напр. въ спискѣ шляхты земель львовской и зучевской (жидачевской) 1464 г., Поляковъ и Русскихъ, шляхта называется по своимъ имѣніямъ, названія которыхъ пишутся обыкновенно на польскій ладъ: Czemierynce, Strzelczyce, Pomorzany, Czartoryje; немногія сохранили русскія формы: Pohorelec, Duleby, Drewlany; нѣкоторые шляхтичи русскаго происхожденія называются еще по-русски: Iwan, Fedko, Dmitr. Olechno, Jurscha и пр., именно изъ родовъ Ходоровскихъ, Лагодовскихъ, Мальчицкихъ, Гошовскихъ, Дѣдошицкихъ, Балицкихъ, Черкаскихъ и пр.; надписи на печатахъ по большей части латинскія, и только на нѣкоторыхъ еще русскія²⁾.

---

¹⁾ „Бояре“ еще въ грамотахъ 1371—1378 гг., потомъ „земляне, земяне“; „Бояре и земляне“ въ грамотѣ подольскаго князя Александра Коріятовича 1375 г., заподозрѣнной К. Стадницкимъ, но защищаемой Житецкимъ (Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 355) и Молчановскимъ (Очеркъ извѣстій о подольской землѣ, 219); „бояре хмельницкіе“ (въ Подольѣ) въ грам. Швитригайла 1431 года. Еще въ грам. 1427 г. nos bojari, proceres, nobiles, terrigenae Halicienses et sic de aliis terris Russiae (Ciolek Liber cancellariae, I, N-ro 116).

²⁾ Akta grodzkie i ziemskie VII. 105.

Название „бояре“—замѣненное польскимъ „паны, земяне, шляхта, рыцари“—стало съ тѣхъ поръ означать особый классъ вободныхъ людей, занимавшихъ мѣсто между шляхтою и кметями и зависимыхъ—какъ и литовско-русскіе бояре—преимущественно къ военной службѣ въ замкахъ; они назывались тоже служки. Такіе „бояре“ встрѣчаются въ XVI—XVII вв. въ селахъ земель холмской и львовской, и въ Подольѣ около Скалы, Каменца, Хмельника и Бара¹⁾.

Къ этому коренному русскому земянству прибывала—со временъ польскаго владычества въ Червонной Руси и Белзѣ—шляхта польская, преимущественно изъ Малой Польши (земель краковской и сандомирской) и Мазовіи. Польскіе короли и ихъ намѣстники, епископы и вообще польско-католическое духовенство благопріятствовали такой польской колонизаціи по соображеніямъ экономическимъ, религіознымъ и національнымъ. Польская шляхта получала на Руси отъ короля или посредствомъ браковъ съ русскими шляхтянками земли, города, села, по которымъ стала и называться. Уже во второй половинѣ XIV в. и еще больше въ XV вѣкѣ являются въ Червонной Руси, въ Холмѣ, Белзѣ, Подольѣ польскіе роды: Пилецкіе, Одровонжы, Далеѣвскіе, Ходецкіе, Мельштынскіе, Кмиты, Тарлы, Тэнчинскіе, Ясинскіе, Конецпольскіе, Фредры, Калиновскіе, Сенявскіе, Конопки, Цебровскіе, Стадницкіе, Бучацкіе—Язловецкіе и др.²⁾.

¹⁾ О холмскихъ и подольскихъ боярахъ см. люстраціи староствъ любомльскаго и барскаго 1564 и 1565 гг. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2; около Бара: *wsí ziemiańskie, które tak ślacheccie polscy jako i ziemianie abo bojarowie ruscy dzierżą*), люстраціи ст. скальскаго 1570 г. (Dodatek do Gazety lwowskiej 1859, Nro 38) и королевскихъ имѣній въ воеводствѣ подольскомъ 1615—1616 гг. (Źródła dziejowe V); о львовскихъ боярахъ см. О. Любомирскаго *Rolnicza ludność w Polsce XV—XVI w.* (Biblioteka Warszawska 1858, I, 244). Еще въ уставѣ цеха портныхъ г. Тернополя (1636) говорится тоже о тѣхъ членахъ цеха, которые работали „*u ziemianina i bojarzyna którego w naszym państwie*“. (Dodatek do Gazety lwowskiej 1855, Nro 8).

²⁾ Въ Подольѣ поселились польскіе шляхетскіе роды особенно по смерти Витовта; но еще раньше, въ концѣ XIV и въ началѣ XV

Нѣкоторые изъ нихъ приняли свои родовыя названія уже по своимъ русскимъ городамъ и селамъ, какъ напр. Далеевскіе по Далееву, Бучацкіе по Бучачу, Язловецкіе по Язловцу, Жабокруцкіе и Браницкіе (Цебровскіе) по Жабокрукамъ и Браницамъ (Браницамъ), Бѣлецкіе по Бѣлкѣ и пр. Эта польская шляхта, осѣдлая и дѣйствующая въ русскихъ земляхъ, привыкала къ русскому языку, который былъ столь близокъ ихъ родному языку¹⁾.

вѣка являются въ Подольѣ многіе Поляки или ополяченные Русскіе (изъ Червонной Руси), напр. Спытекъ изъ Мельштына, Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ, Дерславъ Конопка, Петръ Шафранецъ, Фредро, Бучацкій, Бедрихъ (Бедришко) и др. Около половины XIV в. одинъ изъ подольскихъ князей Коріатовичей, Александръ, принялъ католицизмъ (первый Гедиминовичъ). См. K. Stadnicki, *Synowie Gedymina* (Lwów 1881, отдѣлъ о Коріатовичахъ и объ исторіи Подолья), Н. Молчановскій, *Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 года* (Кіевъ 1886).

¹⁾ Происхожденіе многихъ родовъ, осѣдлыхъ въ карпатской Руси, надо — послѣ изданія актовъ городскихъ и земскихъ — вновь разсмотрѣть; такъ напр. Цебровскіе не были Русскіе, какъ думаетъ Шапаневичъ (*Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w 2 poł. 15 wieku*, Lwów 1869, р. 79), а Поляки, происходившіе отъ Бенка изъ Кухаръ, который въ 1374 г. получилъ отъ Владислава опольскаго Жабокруки и Бранице въ землѣ львовской съ тѣмъ, чтобъ онъ съ семьей поселился на Руси *propter carenciam populi* (срв. *Akta grod. i ziemskie VII. Nro 10, XIV. pag. XI - XII*). Бучацкихъ-Язловецкихъ считаетъ Шайноха (*Jadwiga i Jagiełło*, Lwów, 1861, III. 245, глава „*Ruś Czerwona*“) Русскими, но они были Поляки и католики (Михаилъ Бучацкій католикъ въ 1379 г.); они, конечно, знали и русскій языкъ, какъ видно изъ русскихъ грамотъ Михаила Бучацкаго, старосты галичскаго (1418 и около 1434 г.), Мужила и Бартоша Бучацкихъ, старостъ снятинскаго и подольскаго (1454), Яна Бучацкаго (около 1458 г.); о Бучацкихъ-Язловецкихъ см. К. Стадницкаго *Synowie Gedymina*, Lwów, 1881, стр. 247. Родъ Бирецкихъ или Берецкихъ (изъ Бирчи) былъ русскій православный, какъ видно уже по именамъ его членовъ XV в.: Іванъ, Івашко, Денко и др.; два изъ этого рода, Анастасій (Аѳанасій) и Иванъ, были православными епископами (*władicami*) перемышльскими, и послѣдній называется прямо *nobilis de ritu Grecorum*; поэтому не вѣрно производство Бирецкихъ отъ мазовскихъ Гижицкихъ (по Папроцкому, Несецкому, Бар-

Заселеніе русскихъ земель польскою шляхтою не обходилось однако безъ насильственныхъ мѣръ. Старые русскіе роды боярскіе, потомъ шляхетскіе, часто не могли доказать своихъ правъ на свои дѣдины-отчины, проигрывали въ судахъ процессы, которые начинали противъ нихъ новые польскіе колонисты, получавшіе на эти земли королевскія грамоты. Такъ напр. въ 1421 году полякъ Іоаннъ Бѣлецкій, предъявивъ на львовскомъ судѣ русского старосты королевскую грамоту на Бѣлку (по которой онъ и назвался), выигралъ процессъ противъ стараго русского рода Лопатичей, который эту свою дѣдину Бѣлку „стратилъ на вѣки и его ближніи“¹⁾. Старинные національные и религіозные счеты между Ляхами и Русью не могли быть вообще заглушены. Они проявлялись часто еще въ безконечныхъ распряхъ между Литвою и Польшею, вспыхнувшихъ по смерти великаго князя литовскаго и русскаго Александра Витовта (1430 г.) и поведшихъ къ кровавой войнѣ изъ-за Волини и Подолья; послѣднее только тогда окончательно присоединено къ Польшѣ и открылось для наплыва польской шляхты²⁾. Многіе польскіе паны, по-

---

тошевичу, который предполагалъ даже, что польскіе Бирецкіе приняли потомъ православіе). Кромѣ польской шляхты поселялись въ русскихъ земляхъ и другіе шляхтичи, напр. Гербурты изъ опавской земли (см. ст. К. Стадницкаго во львовскомъ журн. *Przewodnik naukowy* 1874, II. 83), *Paulus Bohemus de Zahradiszczu* (1389), Хорваты Ярмолинскіе, и др.

¹⁾ Актъ напечатали Р. Губе (*Wyrok lwowski r. 1421, Warszawa 1888*) и И. Линниченко (*Ж. М. Н. П.* 1891, іюль, 168). Остальные три акта, напечатанные у Губе, изданы между тѣмъ въ сборникѣ А. Прохаски *Materyały archiwalne wujęte głównie z Metryki litewskiej od 1348 do 1607 r. (Lwów 1890)*. Недостатокъ грамотъ, (какъ документальныхъ доказательствъ на землевладѣніе передъ судомъ, вызвалъ уже во второй половинѣ XIV в., а еще больше въ XV и XVI вв. цѣлый рядъ подложныхъ „листовъ“ будто князя Льва Даниловича. См. Востокова, *Описаніе рукописей Румянцева*. № 69, и статью Линниченка.

²⁾ О Подольѣ смотри вышеупомянутыя сочиненія Стадницкаго и Молчановскаго; тоже Владимирскаго-Буданова: *Населеніе югозапад-*

лучивши въ 1442 г. отъ короля Владислава города и селенія на Руси и Подольѣ, прогоняли оттуда старинныхъ жителей и дѣдичей, которые въ отчаяніи бѣжали къ Татарамъ и побуждали ихъ къ наѣздамъ на русскія земли и на тѣ имѣнія, откуда были прогнаны. Они бывали вѣроятно и въ числѣ татарскихъ „козаковъ“, сброда бѣглецовъ и разбойниковъ, которые опустошали русскія земли¹⁾. Недостатокъ населенія въ карпатской Руси вѣстѣ съ нерадѣніемъ польскаго правительства въ виду постоянныхъ наѣздовъ татарскихъ²⁾ вызывали часто вопросъ объ уси-

---

ной Россіи отъ половины XIII до пол. XV в. (Архивъ югозападной Россіи VII. 1, 2).

¹⁾ Срв. Длугоша *Histor. Polon.* IV. 422, 683, V. 530, рассказы къ 1430, 1442 и 1469 гг. „*Augebant autem hujusmodi malum baronum Poloniae ambitio, quia a rege donationibus oppidorum et villarum in terra Russiae et Podoliae impetratis, antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi ad Tataros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerant, inducebant*“. Къ 1469 г. упоминаются впервые *козаки*: *frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis praedonibus et exulibus, quos sua lingua kozacos appellabant, collectus*. Къ рассказу Длугоша относится напр. процессъ львовскихъ русскихъ земянъ Лопатичей Чеперовскихъ противъ Іоанна Далеевскаго (1444—1446 гг.), который выпросилъ себѣ село Чеперовъ у короля; но Чеперовскіе доказали, что село не королевское, а ихъ старинная дѣдина, что они ея старые „отчичи“; см. *Akta grodzkie i ziemskie* XIV. Nro 946, 1577, и др. Эти Чеперовскіе не хотѣли однако присягать по русскому обычаю, о чемъ см. выше, стр. 47. Темные слухи о такихъ притѣсненіяхъ въ Червоной Руси доходили и на Литву, которая тогда боролась противъ притязаній Поляковъ на унію Литвы съ Польшею. Литовско-русскій лѣтописецъ XVI в. (изд. Нарбуттомъ, 57), говоритъ, что черезъ годъ послѣ коронаціи короля Казимира паны польскіе на сеймѣ въ Парчевѣ „вмыслили пановъ литовскихъ порезать, а княство литовское до коруны привлациить, и потомужъ вчинити, какъ вчинилъ (король) надъ паны русскими, премысльскими, позвавши ихъ до рады, и тамъ порезали и Премысль засели“.

²⁾ Вотъ напр. какъ описываетъ Длугошъ (V, 608) наѣздъ Татаръ на Подолье и Русь 1474 г.: „*gemitus et ploratus in Podolia et aliis Russiae locis, suorum carorum mortes et abductiones, ab his, qui*

ленной колонизаціи русскихъ земель и о лучшемъ устройствѣ вооруженныхъ ея силъ. Въ началѣ XVI в. представленъ планъ о такой колонизаціи людьми изъ разныхъ западно-европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ также Чеховъ; эти послѣдніе пойдутъ можетъ быть на Русь ради торговли и славы, которой они всегда жаждутъ; они вообще приносятся къ новымъ странамъ и обычаямъ, и такъ будетъ тѣмъ скорѣе на Руси, что они приходили бы изъ славянскихъ странъ, и полагаютъ, что они самый знатный изъ славянскихъ народовъ¹⁾.

Число шляхты изъ „Ляховъ“ на Руси все увеличивалось не только новыми пришлецами—земьянами польскими, а также все поступающими въ ихъ ряды лицами русской шляхты, которая принимала католицизмъ, а тѣмъ самымъ и польскую народность²⁾. Важную роль играли здѣсь браки Русскихъ съ Польшаками и вообще родство Русскихъ съ Ляхами, съ ихъ гербами. Такъ напр. въ 1441 г. русскій шляхтичъ Сенко Быбельскій, женихъ польки Ядвиги Фредровны, долженъ былъ передъ бракомъ сдѣлаться ка-

---

residui erant, deplangentium, et suos principes atque rectores execrantium, usque ad Altissimi pertingens thronum, andiebatur: interim justa forsitan effervens rabie, ut niterentur sibi de alio principe providere, videntes, se non solum ab ope, sed etiam omni spe destitutos.

¹⁾ Уляницкій: Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи (Москва 1887, стр. 236). Замѣтимъ, что около этого времени въ подольскомъ Каменцѣ былъ чешскій гарнизонъ; срв. „Славяне“ III. Ч. I. стр. 253.

²⁾ Любопытны слова католическаго архіепископа галичскаго Якова, которыя онъ сказалъ по поводу основанія католической церкви русскимъ земляниномъ Іоанномъ Ключомъ (панъ Ключъ Вижнянскій въ русской грамотѣ 1414 года) въ его дѣдинѣ Вижнянахъ, (1400); архіепископъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что при немъ „eadem provincia haliciensis orthodoxis pro magna parte sui tamquam choruscantibus gemmis preciosis principibus et baronibus est illustrata, per quos divinus cultus crescit in eisdem partibus cotidie ac augetur, scismaque mira dei dispensacione decrescit et extirpatur“, и желаетъ, чтобъ примѣръ Ключа подѣйствовалъ и на другихъ. (Грамоты напечатаны въ изд. Dodatek do gazety lwowskiej 1851, Nro 39, 1852, Nro 25, 26, 27).

толикомъ или, какъ тогда говорилось, „окреститься“¹⁾. Русскіе шляхтичи Чеперовскіе доказывали передъ львовскимъ судомъ (1445—1446 г.) право—какъ отчичей на свою дѣдину тоже тѣмъ, что ихъ предки были не только „шляхта русскаго рода“ (*nobiles de ruthenicali genologia*), а тоже „шляхта Ляхи“ (*nobiles Lachi*); они, хотя себя называли землянами издавна русскими (*terrigene ab antiquo Rutheni*), не хотѣли однако уже присягать по русскому обычаю, а непременно—какъ католики²⁾. „Ляхами“ сдѣлались Клюсы (Клюши), Кирдеи (Кирдеевичи, Кердеевичи), Ходоровскіе, Давидовскіе, Лоевичи, Быбельскіе, Бѣлецкіе, Мальчицкіе, Дѣдошицкіе (нын. графы Дзедушицкіе), и др.³⁾. Въ родѣ Дѣдошицкихъ первый католикъ былъ Іоаннъ въ началѣ XVI в., но его сыновья и внукъ Вячеславъ были опять православные; Вячеславъ Дѣдошицкій, котораго называетъ еще Рей (*Zwierzyniec*, 1562) „Грекомъ“, принялъ только передъ смертью († около 1583) съ семействомъ католицизмъ⁴⁾.

Русское происхожденіе многихъ родовъ, не говоря о генеалогическихъ данныхъ, можно узнать тоже по русскимъ именамъ, употребляемымъ въ тѣхъ родахъ и тогда, когда они сдѣлались „Ляхами“-католиками, но продолжали еще долго употре-

---

¹⁾ Akta grodzkie i ziemskie XIII, N-ro 1491.

²⁾ Akta grodzkie i ziemskie XIV, N-ro 946, 1277, 1577; см. тоже выше, стр. 65. Лопатичи Чеперовскіе приводятъ въ этомъ дѣлѣ *nobiles de ruthenicali genologia Michaellem de Remynno, Hlerkonem de Chilczicze, Fedorkonem Moschenski, Dimitronem de Lahodow, Jurgiy de Lahodow, Olechnonem de Borschow, Chodkonem de Stanimirz, Dimitronem de Czanstin; nobiles Lachos Nicolaum de Romanow, Nicolaum de Dawidow, Johannem de Hermanow, Stanislaum de Chodorowstaw*; но и эти „Ляхи“ Романовскіе, Давидовскіе (Осташко Д. упоминается въ русскихъ грамотахъ, 1386, 1414, 1422 гг.), Германовскіе, Ходоровскіе были по происхожденію тоже русскіе земляне.

³⁾ Случалось, что одни члены и линіи одного рода были католики, другіе остались православными; такъ напр. панъ Иванъ Ключъ изъ Вижнянъ былъ ок. 1400 г. католикъ, а двѣсти лѣтъ спустя (1600) другой Иванъ Ключъ былъ православный, членъ львовскаго ставропигійскаго братства.

⁴⁾ Kronika domowa Dzieduszyckich (Lwów, 1865).

блять родной языкъ русскій. Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ изъ латинскихъ актовъ XIV—XV вѣковъ съ прибавленіемъ именъ, встрѣчающихся въ немногихъ русскихъ актахъ конца XIV и начала XV вѣковъ: Балицкіе, (Татомиръ, Нгуско, Stecko, Danko), Бирецкіе (Elena, Denka, Iwanko), Боратинскіе (Dimitr, Hleb, Iwaszko, Wolczko), Боршовскіе (Olechno, Fedko, Michno), Быбельскіе (Ходко-Chodko, Андрейко-Andrejko, Грицко-Нгуско, Iwan, Kostko-Koscej, Wasko, Semon-Senko, Duchna), Бѣлецкіе (Budko, Fedko), Давидовскіе (Осташко, Ostaszko), Дѣдошицкіе (Dmitr, Jacko), Замостьскіе (Senko, Iosko, Iwan, Piechno, Michno, Wanko, Hawryło, Wolczko, Fenka, Nastka), Кирдеевичи (Нгуско, Ванко-Wanko), Лагодовскіе (Iwaszko, Dimitr, Jury), Лоевичи (Стецко, Ходко-Волчко сыновець пана Ходковъ Лоевича, вѣроятно Волчко Переслюжичъ, Преслюжичъ, Wolczko de Rohatyn), Лопатки или Лопатичи-Чеперовскіе-Осталовскіе (Sopron, Roman, Iwaszko, Senko, Mitko, Иванъ Юрьевъ), Мошенки, Мошенчичи-Мальчицкіе (Fedorko, Fedko, Jury, Wasko, Нгуско, Senko, Oluchna, Nastka), Неслуховскіе (Olechno, Stecko, Iwan, Ostaszko), Ременовскіе (Michalo, Lazar), Романовскіе (Hleb, Dmitrius), Рыботискіе, Рыботицкіе, (Fedko, Jurko, Ihnatko, Wasko, Iwanko-Иванко, Радко), Ритеревичи, Рытеровскіе (Нгуско, Iwasko), Свистельницкіе (Iwan, Wasyl-Wasko, Anastasia), Станимирскіе (Wasko, Danko, Iwanko, Hleb, Stecko, Kuprian, Chodko Rutenus), Хилецкіе (Hlebko, Wasko, Ihnatko), Ходоровскіе (Jursza-Georgius, Klichna), Шептицкіе (Hlib, Fedor. Senko), Шумлянскіе (Fedko, Jurko, Ihnatko, Iwanko, Wasko), и др. Этотъ обычай употреблять въ латинскихъ и польскихъ актахъ русскія, а не польскія формы извѣстныхъ именъ христіанскаго календаря во многихъ родахъ первоначально Русскихъ, но потомъ Ляховъ, сохранился до XVII вѣка включительно; въ рядахъ шляхты львовской и жидачевской половины XVII в. встрѣчаются въ польскомъ актѣ многія такія имена: Fedor-Fedko, Hrehory, Iwan, Wasyl-Wasko, Hawryło, Нгуцъ, Dumitr, Ihnat, Нгуцъ и др. въ родахъ Чайковскихъ, Лозинскихъ, Гошовскихъ, Березовскихъ, Струтинскихъ (у нихъ даже съ отчествомъ Leś

Pawłowicz, Stefan Olechnowicz, Hryć Witowicz, Iwan Daszkowicz), Витвицкихъ (Wasko Demkowicz, Fedko Andruszewicz), и др. ¹⁾).

Въ русскихъ родахъ нерѣдко водворялся дуализмъ вѣроисповѣданія; одни члены остались православными, и такимъ образомъ сохранили болѣе свой русскій характеръ, не говоря о принятіи ими многихъ чертъ польскаго быта; другіе члены рода сдѣлались „Ляхами“—католиками Поляками. Въ началѣ XVI в. въ холмской землѣ жилъ православный русскій землянинъ Федоръ Верещинскій; его жена, урожденная Сосновская, была сестра православнаго епископа холмскаго Ивана; другой ея братъ Григорій принялъ, не смотря на всѣ отсовѣтыванія родителей, католицизмъ, и пользуясь покровительствомъ католическаго епископа холмскаго сдѣлался католическимъ священникомъ. Когда у Федора Верещинскаго родился сынъ, то католикъ Сосновскій поспѣшилъ предупредить своего православнаго брата и окрестилъ его по-католически именемъ Андрея къ большой досадѣ епископа Ивана и отца Федора, который жаловался, что католикъ Сосновскій сдѣлалъ его сына „бѣсовымъ Ляхомъ“. Мальчикъ учился дома русской грамотѣ у дѣяка; но католикъ Сосновскій сманилъ его къ себѣ и воспитывалъ, желая сдѣлать изъ него тоже священника; однакожь молодой Верещинскій избралъ военную службу и поселился потомъ въ Холмской землѣ и жилъ, хотя и „Ляхъ“, въ дружбѣ съ родителями ²⁾. Такія довольно дружелюбныя сношенія шляхты

---

¹⁾ Popis rozpolitego ruszenia szlachty lwow. i żydaczow. 1651 г. (Akta grodzkie i ziemskie I. № 42).

²⁾ Всю эту исторію рассказываетъ сынъ Андрея, Іосифъ Верещинскій, католическій каноникъ холмскій, абатъ сецеховскій и наконецъ епископъ кіевскій, въ книжкѣ: Wizerunek na kształt kazania (Kraków 1585), а еще раньше В. Папроцкій: Herby rycerstwa polskiego (Kraków 1584, р. 544); срв. тоже статью Шайнохи: Jak Ruś polszczała (Szkice historyczne IV. 175). Іосифъ Верещинскій былъ извѣстный польскій писатель, авторъ проповѣдей и разныхъ сочиненій моральныхъ и политическихъ; онъ много мечталъ и писалъ о войнѣ христіанъ противъ Турокъ, и объ основаніи рыцарскаго ордена въ Украинѣ на нижнемъ Днѣпрѣ; онъ старался дѣйствовать въ та-

Ляховъ и Руси не были необыкновенны именно въ XVI вѣкѣ, поглощенномъ разными вѣроисповѣдными мудрствованіями, и поэтому довольно вѣротерпимомъ. Протестантизмъ кальвинскій нашелъ себѣ и въ коронной Руси сторонниковъ, въ родахъ Горайскихъ, Сенявскихъ, Бучацкихъ, Дорогостайскихъ, Дрогоёвскихъ, Потоцкихъ, Стадницкихъ, Реевъ, Замойскихъ, Жолкевскихъ и др. Такое разнообразіе вѣроисповѣдныхъ мнѣній въ Польшѣ при королѣ Сигизмундѣ Августѣ способствовало тоже перемѣнѣ во взглядахъ многихъ Поляковъ, не только протестантовъ, но тоже католиковъ, на православную русскую церковь, которую въ Польшѣ привыкли считать все „схизмою“ и—въ виду постепеннаго усиленія и обаянія Москвы въ русскомъ мірѣ—даже опаснымъ Польшѣ вѣроисповѣданіемъ. Равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій въ Польшѣ при благоразумномъ королѣ Сигизмундѣ Августѣ стали многіе Поляки считать лучшимъ укрѣпленіемъ своего отечества и прославляли своего короля: онъ де уничтожитъ тоже „ссоры между латинянами и Русью, которыя породили столько кровопролитія, столько смутъ въ Рѣчи посполитой¹⁾“.

Такой благоразумный взглядъ на православную греческую, русскую вѣру раздѣлялъ тоже одинъ изъ первыхъ польскихъ писателей тѣхъ временъ, Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ перемышльской земли, сынъ польскаго шляхтича и русской поповны. Онъ, католическій священникъ, каноникъ перемышльскій, заклятый врагъ всѣхъ ересей—въ томъ числѣ и чешскаго гуситства,—относился всегда дружелюбно къ русскому православію, вѣроисповѣданію своей матери, и, хотя и желалъ уніи церкви западной и восточной, защищалъ всетаки русскій народъ и православную церковь противъ католическихъ фанатиковъ, утверждая, что православные Русскіе—добрые христіане; да одно время онъ даже самъ хотѣлъ присоединиться къ русскому православію; впервые онъ въ молодости хотѣлъ

комъ смыслѣ и на русскаго царя Федора Ивановича. См. I. Wereszyńskiego Pisma polityczne (wyd. I. Turowskiego, Kraków 1858).

¹⁾ Такъ выразился сандомирскій депутатъ Зомбскій на пѣтровскомъ сеймѣ 1559 г. См. L. Kubala: Stanisław Orzechowski (Lwów, 1870, p. 47).

сдѣлаться православнымъ священникомъ, чтобъ избѣгнуть неестественнаго и ненавистнаго celibата, а позже, преслѣдуемый католическою іерархіею за свой бракъ, онъ намѣревался примкнуть опять къ православной русской церкви и въ ней проводить и кончить свою жизнь ¹⁾. Орѣховскій называлъ себя—въ виду своего русскаго происхожденія по матери и по поводу своей родины „Руси“ (во-еводства русскаго, Russia)—часто Русскимъ (Ruthenus, Russus, Rusin, hruby Rusin) ²⁾; но, чувствуя себя вполне польскимъ

---

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя мысли Орѣховскаго (изъ сб. Orichowiana. Opera inedita et epistulae St. Orzechowski, ed. I. Kozłowski, Cracov. 1891, I): Ego in Ruthenorum ecclesiis, graeco ritu constitutis, versari errorem nullum scio, ne illum quidem de Spiritu sancto... ceterum matrimonium sacerdotum et plebis calicem, id error non est, sed ipsissima veritas (p. 218). Quae gentes atque integrae nationes schismatis nomine a papa romano notatae sunt non aliam ob causam, nisi quod religionibus vetustis et sacerdoti uxorem et plebi suam linguam faventissime conservarunt (p. 451). Dissidium hoc (въ вѣроисповѣданіи) peperit absurdum et reprehendendum, ut alii Latini, alii Graeci, alii Rutheni, alii Poloni in Russia appellentur, ut quasi familiae dissentientes inter se et arrogantes magis quam disjunctae aut dispares, alteri sibi solis debere possessionem ecclesiae contendunt, alteri vero tanquam commune patrimonium derelictum a communi parente adeant jure cum Romanis pari. (p. 41). Орѣховскій изо всѣхъ силъ стремился уничтожить разныя такія злоупотребленія—abusus, quibus improbissimi idemque avarissimi atque ignavissimi homines efficiunt, ut Ruthenus Polonum, Polonus vicissim in Russia damnet Ruthenum, quae omnia ad ipsius Christi domini nostri contumeliam fiunt. (p. 311, и срв. 315 жалобы Орѣховскаго на фанатизмъ перемышльскаго католическаго епископа). Si ex ecclesiae latina pellar, non in partem haereticorum, sed in illam veterem atque sanctissimam ecclesiam Graecorum concedam... cum hominibus graecis communicabo... idque instituto majorum meorum maternorum faciam, qui omnes alto a sanguine graeco fuerunt creti (p. 463).

²⁾ Такъ часто въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ (Ruthenum me esse et glorior et libenter profiteor, memor generis graeci ac sanguinis rutbenici, unde cretus ortusque sum, etc.), хотя онъ зналъ, что majores mei a Polonis oriundi etc.; срв. Orichoviana, 30, 38, 219, 588. Въ соч. Chimaera sive de Staneari funesta regno Poloniae secta (1562) Орѣховскій выражается такимъ образомъ: Est mihi genitrix Polonia, pro-

шляхтичемъ, Полякомъ, гражданиномъ польской Рѣчи посполитой, онъ называлъ себя „родомъ Русскій, а народомъ Полякъ“ — *gente Ruthenus, natione Polonus*, а въ своихъ рѣчахъ онъ могъ говорить къ шляхтѣ польской и къ русской (изъ Руси) „мы Поляки“, или иногда и на русскій ладъ (по-польски) „*ту Ласховіе*“¹⁾.

Орѣховскій зналъ, кромѣ языковъ латинскаго и греческаго, польскаго и русскаго, тоже языкъ церковный словѣнскій (*słoweński, bułgarski*), который онъ очень уважалъ, а отчасти и чешскій; онъ называлъ свв. апостоловъ Славянъ, Кирилла и Меѳодія, переведшихъ съ языка греческаго на словѣнскій священныя книги и для Руси, „величайшими геніями Славянъ—*maxima genia inter Schlavos*“²⁾. Орѣховскій счелъ возможнымъ вводить въ польскій языкъ и нѣкоторыя слова словѣнскія и русскія, напр. *kierchmasz albo prażnik* (праздникъ); *krzyż który po słowiańsku krzest zowią*; славянское *король* сравниваетъ съ гре-

---

creatrix Ecclesia, altrix Roxolania, patria Peremisia, postremo Orichovianum est mihi natale rus et solum.

¹⁾ Высокое мнѣніе Орѣховскаго о польскихъ шляхетскихъ привилегіяхъ видно напр. по слѣдующимъ его словамъ, обращеннымъ къ литовцамъ: „*O niewolny Litwinie! mnie wolnego słuchaj Polaka... z niewolnika wolnym wolnością swą cię czynię, jakom też niewolnego przed laty Rusina wolnym i swobodnym panem, i równym we wszem sobie uczyniłem, z którym w ziemi jego mieszkam, i gruntu jednego z nim używam, wszystkiego na połę z nim mam, nie jako z sąsiadem, ale jako z swym własnym bratem. Grunt i wszystko księstwo ruskie ja Polak dobywszy go pod ruskimi pany, pod srogimi tyrany, w jednym ciału królestwa polskiego, pod jednym królem i pod jednem prawem złączyłem*“. (*Quincunx*, t. j. wzór korony polskiej na cynku wystawiony, 1564). Но одинъ Литовецъ въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ Орѣховскому (*Rozmowa Polaka z Litwinem*, 1564) возразилъ: „*Nie wiem co za libertas u was... i żeście insze stany uciśnęli, iż ich sobie prosto za nic nie macie, stan miescki i oracki ledwo ludźmi być rozumiecie, czasem wzgardzieńsze niż żydy i podlejsze poczytacie, rychlej o żydowską niż o ich wolność się zastawicie*“. Срв. *Przewodnik naukowy i literacki*, 1891, p. 916.

²⁾ *Orichoviana* p. 39.

чекимъ *κοίρανος* (kiran): Polacy jako i ini słowiańskiego języka ludzie, z greckiego *κοίρανος*, u Węgrów kiral, u Rusi korol, u nas Lachów król; подобно тому онъ слово кметъ (kмієć) считаетъ греческимъ *κομήτης*: robotny człowiek kмієć-kmit starzy Słowacy грецием словом назвали; lichwa—якобы jakie osobliwe złe, bo lichо по словіаńску злѧ rzecz знамієнує¹⁾.

Въ русскихъ земляхъ саноцкой и перемышльской, находящихся на польскомъ рубежѣ въ сосѣдствѣ земель краковской и сандомирской, Русь и Ляхи искони сносились и сталкивались, и какъ-бы помимо воли приучались смотрѣть другъ на друга не всегда съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія. Еще въ концѣ XVI в., уже во время приготовленій къ уніи, раздается съ католической стороны жалоба на многихъ Поляковъ, живущихъ между перемышскою Русью, что они присоединяются къ „русскому полувѣрію—на ruskie niedowiarstwo²⁾“. Даже не всѣ католическіе епископы перемышльскіе XV—XVI вв. относились къ православної Руси съ обязательною для нихъ враждою, и заботились о православныхъ попахъ и церквахъ въ своихъ имѣніяхъ, какъ напр. епископъ Валентинъ Гербортъ изъ Фульштейна (Фель-

---

¹⁾ Срв. „Славяне“ П. 88, 135, 149, 151, Ш. 126, 245. О Ст. Орѣховскомъ см. гр. I. Оссолинскаго *Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiéj* Ш. (w Krakowie 1822), гр. Ст. Тарновскаго *Pisarze polityczni XVI w.* (w Krakowie 1886, I), вышеупомянутую статью Кубали, и ст. Сумцова (Кієв. старина 1888, ноябрь). Русскіе знали мысли Орѣховскаго о православної церкви, авторъ „Апокрисисъ“ (1597—1599), и Зах. Копыстенскій (Палинодія 1621, по изд. въ Русской истор. библіотекѣ IV. 606, 931, 997, 1162, VII. 1577). Копыстенскій восхваляетъ Орѣховскаго: „То правый и старый правды мовца Ляхъ. О! гды бы и нынѣшніи панове Поляцы такъ чтили, шановали и поважали св. столицу Константинополскую, те-ды нѣгды бы зъ нами, братією своею, которыхъ одинъ народъ рок-солянскій сплодилъ, одна отчизна—корона польская выховала, и одна Константинополская столица вѣры Христовы научила,—нѣгды бы зъ нами, братією своею, въ шранки о вѣру не вступовали“.

²⁾ См. выше, стр. 11, примѣчаніе.

штына), который помогалъ православнымъ Русскимъ въ своихъ нѣвѣностяхъ строить церкви (1562—1566)¹⁾. Одинъ изъ его преемниковъ, Павелъ Пясецкій (съ 1644 г.), прежде епископъ въ подольскомъ Каменцѣ и въ Холмѣ, былъ въ тѣ бурныя времена фанатическихъ вѣроисповѣдныхъ споровъ человѣкъ необыкновенный; онъ, Полякъ изъ сандомирской земли, жившій много лѣтъ въ русскихъ земляхъ, относился къ православному русскому народу и козакамъ съ симпатіею, и—что особенно замѣчательно—не долюбивалъ лелѣяннаго католическою польскою іерархіею дѣтища, *унии* (такъ онъ пишетъ это слово всегда въ своей всемірной хроникѣ), называя ее главнымъ источникомъ всѣхъ смутъ въ тогдашней Польшѣ²⁾. Пясецкій еще какъ епископъ холмскій выступилъ рѣзко противъ холмскихъ уніатовъ, утверждая, что русскіе уніаты католической церкви вреднѣе, чѣмъ православные (*disuniti*³⁾. Не забудемъ, что въ перемышльской землѣ съ конца XVI в. и съ начала XVII в., именно при одномъ изъ предшественниковъ Пясецкаго, Сецинскомъ, шла ожесточенная борьба между православіемъ и уніею, поддерживаемою епископомъ Сецинскомъ⁴⁾.

¹⁾ Pawłowski, *Premisia sacra*, 297, 319; Prochaska въ статьѣ о Радымнѣ (*Przewodnik naukowy* 1891, p. 774).

²⁾ По его словамъ православные противники унии „*omnibus populis suis adeo exosam fecerunt, ut audito solo unionis nomine, ab omni de ea tractatu prorsus abhorreant, et nihil magis hucusque quam tumultus istorum seditiosi et querelae perennes pro unione et contra unionem rem publicam polonam turbant*“. (*Chronica gestorum in Europa, Cracoviae* 1645, p. 165).

³⁾ Harasiewicz, *Annales ecclesiae ruthenae*, 352.

⁴⁾ Взглядъ польскаго епископа Пясецкаго на дѣла восточнаго Славянства крайне не понравился его новѣйшему біографу, Юл. Бартошевичу: „*Piasecki nie lubi unii religijnej, której wszędzie przymawia, jego całe współczucie ma syzma. Nigdy nie mówi o unii jako o kościele, który powstał natchnieniem i potrzebą naprawy upadłej cerkwi, ale jako o wymyśle ludzkim, unitów ma za wichrzycieli i zawsze, o nich mówiąc, pisze: tak zwani unici; samo nazwisko unitów odmiennemi głoskami drukuje. Niepojęta jest w nim, biskupie, ta zaciętość dla katolickiego obrządku, dla cudownych ducha spraw, które wywołało święte wes-*

Энергическій голосъ въ защиту Руси раздается въ началѣ XVII вѣка изъ саноцкой земли, именно изъ Добромила, города Гербуртовъ (Гербортовъ) изъ Фульштына (Фельштына), переселившихся въ концѣ XIV вѣка изъ опавской земли въ карпатскую Русь, и здѣсь вполнѣ ополячившихся¹⁾. Въ началѣ XVII вѣка унія распространялась всѣми средствами въ земляхъ русскихъ; православная шляхта и епископы—въ томъ числѣ и перемышльскій Михайлъ Копыстенскій²⁾—протестовали противъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Въ перемышльской землѣ явился, по смерти Копыстенскаго (1610), уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій, который, поддерживаемый католическимъ епископомъ перемышльскимъ Станиславомъ Сецинскимъ, оспаривалъ перемышльскую епархію у православнаго епископа²⁾. Вмѣстѣ съ этими вѣроисповѣдными вопросами Польша волновалась тогда возстаніемъ Зебридовскаго—въ которомъ играли видную роль нектолики, — московскими дѣлами и московскою войною. Въ тѣ бурныя времена *Іоаннъ Феликсъ Гербуртъ*, ученый и просвѣщенный польскій панъ, жилъ и дѣйствовалъ—послѣ возстанія Зебридовскаго, въ которомъ онъ тоже принималъ участіе—въ Добромилѣ, слѣдилъ за политическими событіями и издавалъ въ своей типографіи разныя книги на языкахъ польскомъ и латинскомъ. *Іоаннъ Гербуртъ*,

---

technienie Rusi“. (Kronika P. Piaseckiego, polski przekład, Kraków 1870, р. LVIII, LIX, срв. XLII). Пясецкій не любилъ не только „святого вздоха Руси“, но также іезуитовъ, Нѣмцевъ, Габсбурговъ, и, какъ истый Славянинъ, съ любовью вспомнилъ о свв. апостолахъ славянскихъ, Кириллѣ и Меѳодіѣ; см. „Славяне“ П. 93, 74, 167. Пясецкій только въ имѣніяхъ своей епископіи не могъ не поддерживать унії; см. Pawłowski, Premisla sacra, 459.

¹⁾ Герборты или Гербурты были родъ нѣмецкій, поселенный оломуцкимъ епископомъ Брунономъ въ опавской землѣ; одинъ Гербуртъ (Гѣрьбортъ) защищалъ, вмѣстѣ съ двумя панами Бенешевичами, въ 1253 г. опавскую землю противъ Данила Романовича галичско-волинскаго, о чемъ см. галичско-волинскую лѣтопись (изд. археограф. комис., 548). О Гербуртахъ см. выше (стр. 64) упомянутую статью К. Стадницкаго.

²⁾ См. выше, стр. 74, и Павловскаго Premisla sacra, 366.

католикъ, Полякъ, любилъ русскій народъ, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ, изъ котораго происходила и его жена, русская княжна Елисавета Заславская, хотя уже католичка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, зная Польшу, Русь и Чехію—гдѣ онъ былъ въ 1590 г.—былъ тоже ревностнымъ Славяниномъ¹⁾. Не даромъ польскій поэтъ Каспаръ Мясковскій прославляетъ І. Гербурта, „славянскаго Геркулеса“, какъ онъ озаглавилъ свою поэму „*Herkules słowieński*“, изданную въ Добромиль (1612): этотъ славянскій Геркулесъ—Русскій (*Rusin*), украшеніе русской земли, который живетъ на сѣверѣ, гдѣ процвѣтаетъ нынѣ держава внуковъ Лѣха, кровь Славянъ! Санъ Гербуртъ, въ предисловіи къ поэмѣ Мясковского, вспоминаетъ объ обоихъ славныхъ польскихъ поэтахъ, Реѣ и Кохановскомъ, этихъ пѣвцахъ „пѣсни богини славянской“, восхваляетъ тоже Мясковского, что онъ „столь прелестно одѣлъ эту славянскую дѣвушку—*żeś nam tę dziewoję słowieńską tak strojno ubrał*“, и желаетъ поэту, „украшенію языка и славы славянской“ многихъ лѣтъ: „*choć cię boże długo ozdobo języka i sławę słowieńskiej*“²⁾! Въ приложенномъ къ поэмѣ Мясковского разговорѣ Геркулеса съ Счастьемъ и Доблестью—родѣ автобіографіи,—Счастье говоритъ Геркулесу, чтобъ и Славяне искали груши въ пеплѣ, что оно любитъ славянскій языкъ; Доблесть же приводитъ изреченія о счастѣ Грека и Латинина, а также „моего славнаго Славянина“, и говоритъ „о твоихъ доблестныхъ Славянахъ“. Гербуртъ, зная русскій языкъ, сообщаетъ въ этой статьѣ одну русскую пѣснь и двѣ русскія пословицы³⁾. Іоаннъ Гербуртъ, понимая всю важность отечественной исторіи, издалъ въ своемъ Добромиль лѣтопись Викентія Кадлубка, аналы Орѣховскаго, и начало польской исторіи Длугоша, котораго онъ справедливо называлъ „первенствующимъ въ славянской исторіи—*princeps historiae slavicae*“; изданію всей исторіи Длугоша помѣшала глупость современниковъ⁴⁾.

¹⁾ О. І. Гербуртъ см. ст. А. Соколовскаго въ журн. *Biblioteka Warszawska* 1883, II. III.

²⁾ См. „Славяне“ II. 161.

³⁾ Срв. Вишневскаго *Historya literatury polskiej* VII. 122.

⁴⁾ Срв. „Славяне“ II. 101.

польскій и славянскій патріотъ не могъ молчать въ вѣ-
братоубійственной борьбы между Поляками и Русски-
униі“ и всѣхъ ея послѣдствій, и дѣйствительно заго-
е какъ Полякъ римскій фанатикъ, а какъ истый Полякъ

На сеймѣ 1613 г. панъ Іоаннъ Гербуртъ представ-
иѣніе о народѣ русскомъ — *Zdanie o narodzie ruskim*
рану задаетъ въ сердце отчизнѣ нашей, хто колвекъ
иетъ, згodu межи народами, зъ которыхъ есть пол-
осполитая зложена, розрываетъ, тотъ въ сердце отчи-
тъ. Такая есть колотня, которую зачали зъ народомъ
атьею и кровью нашею, тая есть якъ рана сердечная,
наиеншая была, смерть приносить. Вѣдаю добре, што
отъ зѣзду берестійского онимъ дѣетъ. Тое вѣдаю
на сеймикахъ надѣю имъ чинятъ, а на сеймахъ зъ нихъ
ятъ. На сеймикахъ братьею зовутъ, а на сеймахъ от-

Чого они хотятъ по томъ зацномъ народѣ, якую ра-
юрого цѣлю змѣряють? того я жаднымъ способомъ ро-
югу. Бо если того хотятъ, абы Руси не было въ Ру-
речъ неподобная, и такое подобенство есть, яко бы
мо, жебы тутъ море было коло Самбора, а Бесчадъ
а. Жаденъ того розумъ, жаденъ гвалтъ перемочи

Zdanie o narodzie ruskim собственноручной рукописи
находится въ экземплярѣ книги *Wizerunek utrapionej*
litęj i parawa Piotra Grzegorzewicza. Przy tym Her-
bski K. Miaskowskiego. (Dobromil 1616), хранящемся въ
библіотекѣ львовской (*Harasiewicz, Annales 40, Петру-*
цкая галицко-русская лѣтопись, 63). По другой рукописи
назано въ сборникѣ: *Документы, объясняющіе исторію*
каго края (СП. 1865, стр. 214). Современный западно-

Палинодія или книга обороны каволической св. апо-
одней церкви (1621 г., по изданію въ Русской истор. би-
956): „Здане премудрого и велможного мужа и пана
ного Герборта, старосты выпивенского и мостиского, кра-
выборного оратора на сеймѣ вадномъ у Варшавѣ пода-
одимъ слова Гербурта по этому переводу.

не можетъ, абы Руси не было въ Руси. Штожь, а коли зась ся кому зобачить, абы Поляковъ не было въ Полщи? ба, безналюжь не такъ, бо хотяжь по-полску мовимо, але правъ и звычайъ запомнимълисмо. Але речеть хто: „не хочемо мы Руси отиѣнати въ Руси“. Ба, и не можете! Але хотѣте ихъ позискати до вѣри нашей повшехной римской и до едности ведлугъ собору флорентского привести. Того я не ганю, если то пристойне чинять и ведлугъ науки Христовы“. Гербуртъ строго осуждаетъ насильственные мѣры въ дѣлѣ введенія уніи, какъ это дѣлается и при уніатскомъ перемышльскомъ епископѣ Крупецкомъ. „Штожь вжды за пожитокъ маеть король его милость зъ такъ великихъ хлопотовъ, которыхъ зажилъ зъ народомъ рускимъ? Тотъ пожитокъ маеть, же есть насъ словенскихъ народовъ розныхъ осмнадцать: тыи всѣ розумѣли, же народъ полскій мѣлъ ихъ зъ тяжкого поганского ярма высвободити; тыи всѣ на каждую потребу кроля и народу полского горла свои дати были готови. А теперь, якъ кривду почато чинити народови рускому, суть намъ головными неприятели. Теперь волять померети сами на войнѣ, жоны и дѣти свои попалити, якъ въ Смоленску учинили, нѣжбы мѣли до згоды якої прійти зъ нами, кровью своею. А што есть перешкодою до успокоеня Москвы? Едно уражоная вѣра руская. А што помогло до побитя въ Волошехъ Потоцкаго? Едно таяжь нехуть народу руского ку народови нашему“¹⁾.

Іоаннъ Гербуртъ высказалъ свои убѣжденія относительно уніи самому папѣ Павлу V, который—по просьбѣ католическаго епископа перемышльскаго Сецинскаго — потребовалъ отъ него содѣйствія въ дѣлѣ распространенія уніи среди Русскихъ. Гербуртъ, въ письмѣ отъ 5 августа 1616, отвѣтилъ папѣ, что онъ одобряетъ принципъ уніи, которую слѣдуетъ распространять средствами мирными, но ничуть не насильственными. Польша до сихъ поръ была свободна отъ религіозныхъ смуть; но уже надо опасаться, чтобъ и въ Польшѣ не возникъ такой пожаръ, отъ ко-

---

¹⁾ Эти послѣднія слова Гербурта о Славянахъ, о Москвѣ и Потоцкомъ повторилъ князь Х. Збаражскій на сеймѣ 1627 г.; см. „Славяне“ II. 94. Срв. эпитафъ въ началѣ этой 2 части III-го тома

тораго, погибла бы она какъ Троя: *Fuimus Troes, fuit Pium et ingens gloria!* Этого боится и Гербуртъ. „Русскіе — народъ мой, Русь—наше общее отечество, съ ними у насъ безконечное родство, подданные почти всѣ Русскіе; вижу, что дѣло уніи проводится насиліемъ: насиліе возбуждаетъ смуту, смута — очень опасна. Русская держава — огромна, состоя изъ шести воеводствъ, которыя могутъ приравниваться не областямъ, а державамъ. Сосѣди у насъ безчисленные народы Угріи, Болгаріи, Греціи, Москвы, всѣ той же самой вѣры, всѣ рождены къ войнамъ“¹⁾. Епископъ Сецинскій, познакомившись съ этимъ письмомъ, упрекалъ Гербурта за его помощь, оказываемую „схисматикамъ“ и противникамъ уніи: онъ, Гербуртъ, ихъ вождь, онъ ихъ защищаетъ повсюду, публично и частно, онъ дозволяетъ строить православныя церкви въ имѣніяхъ королевскихъ и своихъ, покровительствуетъ православному монастырю въ Добромиль, позволяетъ грубому люду идолопоклонничать, дѣлая изъ глупыхъ сумасбродныхъ; онъ отвращаетъ отъ послушанія уніатскому владыкѣ, утвержденному папою, его подчиненныхъ и преслѣдуетъ ихъ; онъ содержитъ у себя какого-то бѣжавшаго изъ Угріи злодѣя и велитъ ему рукополагать поповъ; онъ вообще дѣйствуетъ въ смыслъ противномъ своему католическому имени. Что касается Русскихъ, которыхъ Гербуртъ называетъ своимъ народомъ,—кончаетъ епископъ—то это не вѣрно; онъ родился въ Руси и породнился съ Русскими, именно посредствомъ своей жены изъ русскаго рода князей Заславскихъ, но католиковъ, мать его была католичка Дрогоёвская; но первый Гербуртъ прибылъ на Русь изъ Фульштына около Оломуца въ Моравіи²⁾.

---

¹⁾ *Russi gens mea est, Russia patria nostra communis, adfinitates cum illis infinitae, subditi fere omnes Russi; vi rem geri video: vis excitat tumultum, tumultus periculosissimus. Regnum Russiae maximum, sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis aequiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes hungaricae, moesicae, bulgaricae, graecae, moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella natae!*

²⁾ Эти любопытныя письма издалъ, въ особой брошюрѣ, уже по смерти Гербурта († 1616) Яковъ Сливскій, канторъ тарновскій: *Grus*

Еще во второй половинѣ XVII в., когда православіе въ Польшѣ клонилось уже къ упадку, а унія все больше торжествовала, изъ той же карпатской Руси, именно изъ ея окраины, изъ Кросна, раздался польскій голосъ въ защиту православныхъ и противъ уніи. На варшавскомъ избирательномъ сеймѣ 1669 г. права православной Руси защищалъ молодой польскій панъ Іоаннъ Фредро, староста кросенскій, — онъ возсталъ противъ уніи и назвалъ ее — въ смыслѣ словъ епископа Пясецкаго — прямо причиною войнъ и смутъ въ Польшѣ, которой козаки гораздо нужнѣе, чѣмъ уніаты ¹⁾).

Православіе, составлявшее всегда важную принадлежность русской народности, осталось — особенно при повальномъ ополяченіи русской шляхты, члены которой дѣлались „Ляхами“, и при повсемѣстномъ распространеніи среди русской шляхты польскаго языка и польскихъ нравовъ — почти единственною чертою русской народности той шляхты и мѣщанства въ коронной Руси, которые не сдѣлались „Ляхами“, а остались вѣрны своей старинной русской православной вѣрѣ греческаго закона. Около половины XVII в. въ воеводствахъ русскомъ и подольскомъ православные были Балабаны, Замойскіе (перемышльскіе), Тисаровскіе, Рознятовскіе, Чолганскіе, Виницкіе, Шумлянскіе, Жураковскіе, Березовскіе, Струтинскіе, Васильковскіе, Витвицкіе, Братковскіе, Балицкіе, Подвысоцкіе, Свистельницкіе, Терлецкіе, Грабовецкіе, Лозинскіе, Шептицкіе,

---

spiritualis seu vigilantia pastoris, continens litteras de unione schismaticorum Ruthenorum cum catholicis optanda (Cracoviae 1617). См. Nagasiewicz, Annales eccles. ruthenae, 249—252, Петрушевичъ, Сводная галицко-русская лѣтопись I. 424. Въ помянникѣ православнаго добромилскаго монастыря съ благодарностью упоминается (къ 1614 г.) „арцышляхетный панъ милостивый Янъ Щенсный Гелбулъ“ и его семья; срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 50.

¹⁾ Объ этомъ съ негодованіемъ пишетъ уніатскій митрополитъ Коленда римской пропагандѣ 1671 г. (Theiner: Monumenta Poloniae, III. p. 597). Коленда радуется тоже, что на слѣдующемъ коронаційномъ сеймѣ оказалась слабость православія: *tum cognovimus parvas jam vires superesse schismaticorum; nam vix 30 nobiles schismatici in hac electione rivabantur nobiscum.*

Предимирскіе, Устрицкіе, Путятинскіе, Яворскіе, Тустановскіе, Шопели, Кульчицкіе, Копыстенскіе, Кропивницкіе, Добрянскіе, Дубравскіе, и др. ¹⁾). Но со временъ побѣды уніи надъ православіемъ въ епархіяхъ перемышльской и львовской вся тамошняа шляхта сдѣлалась не уніатскою — унія была для мѣщанъ и для хлоповъ, — а католическою, и тѣмъ самымъ и Ляхами.

Польское господство въ карпатской Руси повліяло на весь ея политическій и общественный строй. Намѣстникомъ короля въ карпатской Руси былъ съ половины XIV в. староста (сарітапеус), какъ онъ назывался по образцу польскому, староста „русскій“, староста „русской земли“ во Львовѣ; кромѣ этого главнаго старосты были меньшіе старосты въ Санокѣ, Перемышлѣ, Галичѣ, Самборѣ, Зудечевѣ (Жидачовѣ), Коломыѣ, Снятинѣ, Глинянахъ, Городкѣ, Терехови, Холмѣ и др., были старосты въ подольской землѣ, въ Белзѣ. Старосты вѣдали администрацію, судъ, военное дѣло; они съ самаго начала польскаго владычества были Поляки, католики, сановники въ коронѣ (Польшѣ); такъ во второй половинѣ XIV в. и въ началѣ XV в. „русскими“ старостами были паны Пилецкій, Кмита, Тарновскій, Далеевскій, Корицинскій, Обыховскій, Мельштынскій, Харбиновскій, Менжикъ изъ Домбровы ²⁾; саноцкіе старосты—Бенко изъ Кухарѣ, Оглендовскій, Браницкій, Кобылянскій, Пенѣнжекъ; перемышльскіе старосты—тотъ же Бенко изъ Кухарѣ, Бучацкій, Конецпольскій, хотя королева Ядвига (1387 г.) обѣщала назначать здѣсь старосту „Поляка или Русскаго шляхетскаго рода“ ³⁾; галичскіе старосты—Щекоцкій,

---

¹⁾ Эти и другіе „szlachta wojewodztwa ruskiego i podolskiego... naroda naszego starożytnego religiej greckiej... podług obrzędu cerkwie wschodniej apostolskiej“ подписались на актѣ избранія новаго „episkopa prawosławnego, lwowskiego, halickiego i Kamieńca podolskiego“ 1641 г. См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600 — 1700, стр. 87—91.

²⁾ О русскихъ старостахъ см. М. Дзедушицкаго въ ж. *Przewodnik naukowy* 1875, р. 428, въ соч. Филевича (Борьба Польши, стр. 203), Губе (*Wyrok lwowski*), Линниченка (Ж. М. Н. II. 1891), и др.

³⁾ *Akta grodzkie i ziemskie* VII. 37.

Бучацкій, Тарновскій, Одровонжъ; нѣкоторые подольскіе старосты—Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ (ополяченный Русскій), Петръ Шафранецъ, Михайлъ и Федоръ Бучацкіе. Помощникомъ старосты сдѣлался древнерусскій *воевода*, называемый еще до XV в. и въ латинскихъ актахъ по-русски *wojewoda*, *woyвода*, или *palatinus*, тоже *subcapitaneus*—*vicescapitaneus* (подстаростій), иногда *burggravius*; его помощники были до начала XV в. древнерусскіе сотскіе ¹⁾. Староста, воевода и сотскій, судья, писарь и нѣсколько земянъ составляли судъ, на которомъ рѣшались всѣ судебныя дѣла по обычному праву русскому, но тоже по праву польскому; приговоры записывались въ актъ (листъ) на языкъ рускомъ или чаще латинскомъ, потомъ въ особыхъ судебныхъ книгахъ латинскихъ, вводимыхъ по образцу польскому и на Русь. Члены суда, кромѣ старосты Поляка, были Русскіе и Поляки ²⁾. Польскіе порядки судебные и др. вообще проникали все болѣе и на Русь, и по мѣрѣ все усиливавшагося переселенія польской шляхты въ карпатскую Русь, распространялись туда разныя постановленія и обычаи польскаго права и примѣшивались все болѣе къ „русскому“ праву и обычаямъ. Судъ староства саноцкаго уже въ началѣ XV в. принимаетъ нѣкоторыя черты земскаго суда по образцу польскому. Наконецъ является и высшій земскій судъ по образцу польскаго вѣща (хотя самое слово вѣще еще не встрѣчается), состоявшій изъ наивысшихъ сановниковъ земскихъ и многихъ земянъ ³⁾. И внѣшняя форма судопроизводства по „русскому праву“ лишилась русской одежды: латинскій языкъ (и ка-

---

¹⁾ Сотскіе (соцкіе, *szoczku*, *szeczku*) упоминаются въ Львовѣ, Тереховѣ, въ грамотахъ русскихъ и латинскихъ 1368—1412 гг.

²⁾ *Tempore juris ruthenicalis* (т. е. уже во время польскаго господства на Руси) *erat moris inscriptiones facere coram capitaneis pro causis quibuscunque*—записано въ одномъ саноцкомъ актѣ 1442 г. (*Akta grodzkie i ziemskie* XI. № 1445).

³⁾ О судопроизводствѣ въ коронной Руси (до 1435 г.) см. В. Нубе: *Wyrok lwowski* г. 1421 (Варшава 1888) и замѣтки И. Линиченка въ Ж. М. Н. П. 1891, июль, 144; предисловія къ сборнику *Akta grodzkie i ziemskie*, начиная съ XI тома. О польскихъ судахъ см. Нубе: *Prawo polskie w 14 wieku* (Варшава 1886).

лендарь) сдѣлался официальнымъ въ политической и юридической жизни коронной Руси со всѣми юридическими терминами польской государственности, такъ что со второй половины XIV в. латинскія грамоты подавляють своимъ количествомъ небольшое число русскихъ грамотъ, а судебныя книги писались съ самаго начала только на латинскомъ языкѣ ¹⁾. Такъ какъ писари латинскихъ грамотъ и судебныхъ книгъ были Поляки, то и тѣ нѣкоторыя нелатинскія слова, встрѣчающіяся въ латинскихъ актахъ, — польскія, а не русскія, напр. *kmetones*, alias *mąży*, *humiliacionem* alias *pokora*, *obligavit* alias *zastawił*, *daciam* alias *danina*, *obszary*, *posag*, *possessionabit* vulgariter *osadzi*, *communitas ville* alias *gromada*, *terminus magnus* alias *wiece*, *pamiętne*, *potoczne*, *manu conjuncta pospolną ręką*, *pena quindecimalis pięćnadzieścic*, *pena niestanie*, *terminus peremptorius rok zawity*, *tenutarius officialis* alias *urzędnik*, подать *podymne* (1426), и др.

Русскія грамоты выходили изъ королевской канцеляріи, отъ нѣкоторыхъ князей, пребывавшихъ временно въ Червоной Руси (напр. Володислава опольскаго, Швитригайла, Федора Любартовича), отъ старостъ въ русскихъ земляхъ (Пилецкаго, Далеевскаго, Кухарскаго—Жабокруцкаго, Обыховскаго, Щекоцкаго, Бучацкаго и др., и отъ нѣсколькихъ русскихъ пановъ. Въ этихъ русскихъ грамотахъ — писанныхъ особыми писарями, дьяками попо-

---

¹⁾ Отъ судебныхъ книгъ временъ „русскаго“ права сохранились только саноцкія 1423—1434 гг., изд. въ сборникѣ *Akta grodzkie i ziemskie* XI. Русскія грамоты изданы въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты зап. и южной Россіи, Научовый сборникъ галицко-русской Матицы 1865—1867, *Archiwum książąt Sanguszków* I, Матеріалы изд. Уляницкимъ, *Akta grodzkie i ziemskie*, *Materyały archiwalne* (изд. Прохаски) и др. Срв. *Lisiewicz: Język urzędowy na Rusi Czerwonej* (*Przewodnik naukowy* 1886), соч. Филевича, Губе, Линниченка. Послѣдній русскій судебный актъ ок. 1434 г.—Михаила Бучацкаго, пана и старосты галичскаго, и Колы Далеевскаго, судьи галичскаго (*Akta grodzkie i ziemskie* XII. 425). Въ статью Линниченка (стр. 160, прим.) вкралась опечатка: вмѣсто 1474 г. надо читать 1424 г. Замѣтимъ еще, что и на монетахъ (грошахъ), чеканенныхъ для Руси, имѣются только латинскія надписи.

вичами — замѣтно уже вліяніе польское, матеріальное и формальное (въ языкѣ): панъ, землянинъ — земянинъ, шляхетни панове, рада панская и землянская, пани, панна, урядникъ (врядникъ), староста, кметъ, войтъ, мѣстичъ, князь архиепискупъ (львовскій, *książ arcybiskup*), бискупъ (премыскій, католическій и православный), рокъ завилый, покупити три гривны (поль. *rokipić trzy grzywny*, т. е. заплатить вину), оправити (*orgawić*), посполная рука, помочное, привиліе, ланъ, чиншъ, личба (польская, русская), гроши, и пр. Въ языкъ русскихъ грамотъ вкрадываются польскія формы: кроль, кролество, королевскій (подлѣ обыкновеннаго короля), гродъ (подлѣ обыкновеннаго городъ), влостъ (подлѣ волость), кторый (подлѣ который), обротити, габати, прозвиско; даже географическія названія: Премысль, Премышль (премыскій), Сендомиръ (Сундумиръ) подлѣ Перемышль (перемыскій), Судомиръ; Влодиславъ (Владиславъ и Володиславъ), Бартошъ, Мацѣй, Бенко, Крщень (Хрщень), Вятславъ, Бедрихъ, Алжбета; наконецъ и въ русскихъ грамотахъ употребляется обыкновенно лѣточисленіе не съ сотворенія міра (такъ только въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ грамотахъ), а съ Рождества Христова. Но рядомъ съ этимъ новымъ польскимъ наслоеніемъ въ русскихъ грамотахъ встрѣчаются еще многія древнерусскія черты и учрежденія: воеводы, сотскіе, тивуны, дѣяки, земли или волости (перемышльская, саноцкая, снятинская, галичская, теребовльская, смотричская, и въ нихъ волости меньшія, села и селища съ ихъ уѣздами, и дворища съ ихъ обѣздами, дѣдицтва — дѣдины — дѣднины — дѣднинны, вотнины (отчины), вотчичи (отчичи), и др.; древнерусская гривна, рубель-рубль, рядомъ съ новыми пѣнязи, копами грошей русской и польской личбы, краковского разу, краковской монетой, подольскими полугрошниками - полугрошками, и пр. Равнымъ образомъ какъ западноевропейскіе гроши перешли изъ Польши на Русь и стали здѣсь означать вообще деньги, такъ и русскій рубль сталъ извѣстенъ въ Польшѣ ¹⁾).

---

¹⁾ Rubl, rubel — отрубленный кусокъ серебра (русск. *рубить* = польск. *gać* *gać*) означалъ въ Польшѣ XV в. извѣстный всѣмъ

Такиѣ образомъ многіе польскіе обычаи и постановленія польскаго права распространялись постепенно въ русскія земли еще до формальнаго въ нихъ введенія польскаго права. Такъ было именно въ белзской землѣ, гдѣ уже съ конца XIV в. и въ XV в. являются польскіе чиновники—воевода, кастелянъ, староста, (а подстаростій—древнерусскій воевода), судья земскій и подсудокъ, особые суды городскій и земскій; наконецъ въ 1462 г. белзское воеводство соединено съ короною и пожаловано польскимъ правомъ. Въ остальной польской Руси, при многочисленной въ ней польской шляхтѣ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ короною, введено польское право раньше, именно при Владиславѣ Ягайлѣ, на съѣздахъ въ Едльнѣ (1430) и въ Краковѣ (1433), и наконецъ на коронаціиномъ сеймѣ 1434 г. при Владиславѣ Ш.¹⁾ Съ 1435 г. водворено въ новыхъ воеводствахъ (дѣлимыхъ на земли и повѣты), русскомъ и подольскомъ,—вмѣсто русскаго права—окончательно польское право, какъ оно уложено въ статутахъ вислицкомъ, вартскомъ и др. Вмѣсто старостъ—намѣстниковъ королевскихъ, являются воеводы (*palatini*) русскій и подольскій; кастеляны, которые отчасти являются еще раньше; дальше старосты и под-

---

серебра (*waga, siclus, talentum*); это слово встрѣчается въ разныхъ юридическихъ памятникахъ, въ судебныхъ книгахъ краковскихъ, перемышльскихъ (а. 1464: *unius finistri (!) argenti alias rubel*), въ польской библии XV вѣка и пр. Отъ слова *рубить* происходитъ и слово *рубежь*, которое вошло тоже въ литературный польскій языкъ—*rubież*, но которое въ кувяско-добринскомъ говорѣ встрѣчается съ правильнымъ носовымъ звукомъ *rabież*.

¹⁾ *Volumina legum* I. 40, 91 (изд. Петербург.), Длугоша *Historia polon.* IV, 296, 548; *Bandtkie Jus polonicum* p. 292 (возобновленіе правъ 1456 г.); срв. К. Стадницкаго *Synowie Gedymina* (1881, p. 213--216). Польское право пожаловано, конечно, всей шляхтѣ, католической и православной — *tam catholicis quam scismaticis* (срв. *Liber cancellariae St. Ciołek*, I. № 40). „Русское право“ упоминается потомъ рѣдко; такъ напр. въ саноцкой землѣ въ 1445 г. *terrigenae de Dobra* осуждены на *niestanie, videlicet bovem secundum jus ruthenicum*; а въ 1450 г. осужденъ мельникъ на такое *niestanie in bove secundum jus polonicum*; другіе примѣры въ ст. Линниченка въ Ж. М. Ц. П. 1891, іюль, 166—167.

старостіе (эти въ XV в. еще по-древнерусски воеводы), судьи, писари на судѣ городскомъ (для уголовныхъ дѣлъ), судьи и подсудки, писари на судѣ земскомъ (для гражданскихъ дѣлъ), и двоякія судебныя книги, городскія и земскія, подкоморіе, бургграфы (тоже воеводы и подвоеводы), коморники, войскіе, хорунжіе, мечники и другіе урядники; земскіе вѣчевые суды (*wіеса, colloquia*) и сеймики въ земляхъ русскаго воеводства (львовской, перемышльской, саноцкой, галичской, холмской); на этихъ сеймикахъ выбирались земскіе послы (депутаты) на польскій сеймъ, которые вмѣстѣ съ сенаторами собирались еще на генеральномъ сеймикѣ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ въ Вишнѣ и Галичѣ; въ подольскомъ воеводствѣ былъ сеймикъ въ Каменцѣ, въ белзскомъ — въ Белзѣ ¹⁾).

Статуты польскіе (коронные и мазовскіе) написаны на латинскомъ языкѣ, который однако понимали немногіе паны и земяне; оказалась потребность перевести статуты на языкъ польскій, что и сдѣлано въ половинѣ XV вѣка ²⁾. Но эти и нѣкоторые болѣе поздніе польскіе переводы имѣли характеръ частный, а не офиціальны; офиціальнымъ остался текстъ латинскій. Подобно то-

---

¹⁾ Въ самомъ началѣ земскихъ книгъ галичскихъ находится слѣдующая записка: *Anno domini 1435 proxima feria secunda post festum Nativitatis Marie* (т. е. 12 сентября) *post donacionem juris polonici terre Russie per serenissimum principem dominum Wladislaum presens registrum est factum pro judicio terrestri presentibus magnifico domino Johanne Cola iudice, Stiborio de Wasyczyn subiudice, Nicolao de Wodnyki, camerario iudicis et Congrado de Kunaschow, camerario subiudicis dominorum.* Въ городскихъ книгахъ галичскихъ 1435 г. (12—18 ноября) записано одно постановленіе — *ius quod fit in terris cracov. et sandemir. et terra Polonie*, которое приняли и для Руси старосты львовскій и галичскій и многіе паны галичскіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми сенаторами Польши. Одна записка въ земскихъ книгахъ львовскихъ относила начало польскаго права къ 1 января 1435 г. Срв. *Akta grodzkie i ziemskie* t. XI. p. V, t. XII. p. 1, 425. Слово „рядца“ едва-ли можно по-польски передать *radca*, а скорѣе *rzadca*, управляющій, то что владарь, *włodarz* (*villicus*) или тивунъ.

²⁾ Польскіе переводы изданы въ Вильнѣ 1824 г. (Лелевелемъ, *Księgi ustaw polskich i mazowieckich*), въ Познани и Парижѣ 1876

му и въ коронной Руси, послѣ введенія здѣсь польскаго права, оказалась потребность перевести польскіе статуты для Русскихъ на русскій языкъ. Статутъ вислицкій переведенъ на русскій языкъ два раза; переводы сдѣланы независимо другъ отъ друга прямо съ латинскаго текста, при чемъ переводчики не знали польскаго перевода и не воспользовались имъ. Первый русскій переводъ статутовъ, вислицкаго и вартскаго ¹⁾, сдѣланъ, по всей вѣроятности, въ промежутокъ 1430—1434 гг., т. е. въ то время, когда польское право провозглашалось обязательнымъ и для коронной Руси, но еще не было введено вполнѣ, когда еще не устроены воеводства русское и подольское, не назначены воеводы и другіе чиновники, а когда еще дѣйствовало „русское право“, правда, пропитанное уже многими польскими порядками, и когда русскими землями управляли королевскіе намѣстники—старосты. По крайней мѣрѣ русскій переводчикъ вислицкаго и вартскаго статутовъ не совсѣмъ точно знакомъ со всѣми подробностями польскаго права и государственнаго строя, и переводить иногда не совсѣмъ вѣрно. Такъ напр. онъ перевелъ слово *colloquium magnum* — *соймъ* великій (земскій, однажды тоже правильно: рокъ великій земскій), между тѣмъ какъ слѣдовало перевести великое *вѣче*, какъ перевелъ и польскій переводчикъ (*wielkie wiesce*); польское *wiesce* — наивысшій судъ, а *sejm* — парламентъ ²⁾. Русскій перевод-

---

(по рукописи 1460 г.), и—вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ—Гельцелемъ: *Starodawnego prawa polskiego pomniki I* (1856 w Warszawie), новымъ правописаніемъ, въ которомъ однако часто затерты особенности древней польщизны.

¹⁾ Изданы по списку съ новгородской софійской рукописи (о ней срв. Востокова Описаніе рукописей Румянцева, № 430) въ Актахъ западной Россіи I. № 1 и 27. Русскій переводъ короннаго вартскаго статута (1420, 1423 гг.) сдѣланъ, конечно, не для Литвы, какъ полагаетъ Г. Иречекъ (*Svod zákonův slovanských*, 1880, р. IX, 69), а для коронной Руси. Слова въ скобкахъ ниже, въ выпискахъ, взяты изъ выписки Востокова.

²⁾ Русскій переводчикъ, очевидно, уже забылъ о древнерускомъ „вѣчѣ“, о томъ времени, когда — по словамъ галичско-волинскаго лѣтописца—князь Даниилъ созвалъ вѣче, на которомъ присут-

чикъ не счелъ нужнымъ переводить слова palatinus (wojewoda) и castellanus (kastelan, pan) — воевода и кастелянъ, такъ какъ эти должности въ русскихъ земляхъ (еще не воеводствахъ) не существовали; онъ переводитъ эти слова, равнымъ образомъ какъ и capitaneus (starosta), — *староста*, общее названіе королевскихъ намѣстниковъ на Руси; при томъ онъ не могъ избѣгнуть противорѣчій, такъ какъ онъ — говоря о судахъ — называетъ всѣхъ этихъ сановниковъ одинаково старостами; воевода у него скорѣе воевода русскій, помощникъ старосты, подстаростій ¹⁾. Названія: шляхта (шляхтичъ), землянинъ, рыцарь — означаютъ то же самое, что и польскіе ślachta (ślachcic), ziemianin, rycerz (nobilis, terrigena, miles), пользующіеся правомъ рыцарскимъ (jus militare, prawo ślachtetne, prawo rycerskie); слово панъ употребляется иногда въ смыслъ шляхтичъ (nobilis), или вообще какъ владѣлецъ

существовали его тысячскій, сотскій и отроки; онъ забылъ тоже о тѣхъ временахъ, когда „снимашася снемы, сонмы“ (сходки) князей русскихъ и лядскихъ, или даже „снемы“ русскихъ и лядскихъ воевъ; а вислицкое вѣче онъ назвалъ, болѣе по русски, соймомъ. Такъ въ сѣверно-русской лѣтописи разсказывается, что въ 1382 г. „сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы и сташи суймомъ народы мятежницы, крамолницы“; въ уставной грамотѣ полоцкой (во второй половинѣ XV в.) постановляется, „абы вси сымались послоу... а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“. Послѣ 1435 г. въ коронной Руси слова *вѣче* (wiece) и *сеймъ* употребляются въ польскомъ значеніи: вѣче — высшій судъ, напр. въ актахъ саноцкихъ 1438 г. (collocutio generalis alias wiece), галичскихъ 1435, 1471 гг. (convencio magna dominorum alias wiece, colloquium generale alias wiece, magnum judicium alias wiece), пероворскихъ 1463 г. (colloquium alias wiece). Сеймъ — сходка, напр. въ актахъ львовскихъ 1442, 1443 гг.: convencio alias sejm (въ Мостискахъ), convencio ubi terre cracoviensis, sandomir. et Russie convencionaliter convenient alias sejmą się. О словахъ *вѣче* и *сеймъ* (сонмъ, снемъ, съемъ, сеймъ) см. „Славяне“ I. стр. 162.

¹⁾ Срв. напр.: iudex, palatinus, castellanus, oprawca — sędzia, wojewoda, kastelan alibo grodzтва pan, oprawca — судья, староста, воевода, буркграбя, оправца; castellanus cracov., sandomir., lublin. — kastelan (kr., sand., lub.) — староста алюбѣ воевода, castellania — grodzтво — староста; filia palatini — dziewczka wojewodza — дочка старо-

села и кметей (*dominus*), но обыкновенно въ смыслъ наивысшихъ сановниковъ, засѣдающихъ вмѣстѣ съ королемъ въ вѣчѣ (*barones*, паны рады, головные паны),—прежніе кмети, которыхъ польскій переводчикъ называлъ уже не *kmieście*, а *guscerze*¹⁾. Въ русскоиъ переводѣ нѣтъ и влодыкъ (*włodyka* — *miles*, простой шляхтичъ, а *ślachcic* — *miles famosus*—знаменитый шляхтичъ), нѣтъ паноншей (*simplex miles*—*prosty panosza* — простой землянинъ)²⁾.

Приведемъ здѣсь выписки изъ этого перевода статутовъ вислицкаго и вартскаго.

Статутъ вислицкій:

О ставленьѣ правъ, коли вси права мають быть. Колижъ вси уставленья, законъ и право (права) чинять всимъ рѣчемъ, то хочемъ, штобы (чтобы) тыя (тая) права, што есмы уставили на великомъ соймѣ у Вислицы, прииманы были (была): про тожъ (тоже), коли кого хто на судъ зазоветъ за дѣдичьство (дѣ-

O ustawieniu nowem, a którą moc ima. Gdyż wszystkie ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) i statuta układają rzeczom a dziejom przydającym nie przeminającym, chcemy, aby nasza ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) wszystka nynie w wiecu wielkiem (r. 1506: na smowie pospolitej) w Wislicy uczyniona nie patrzyli przeminających, ale tylko nyniejszych a

стина; да въ одной и той же статьѣ переводится *capitaneus* — староста, *palatinus* — староста. Въ статутѣ вартскомъ тоже *palatinus* — староста, а между тѣмъ въ томъ же статутѣ опредѣляется точно кругъ дѣятельности старость (*capitanei*), начальниковъ городскихъ судовъ. Послѣ 1434 г. не встрѣчается уже такое колебаніе относительно значенія словъ *palatinus*, *castellanus*, *capitaneus*; кругъ дѣятельности этихъ „урядниковъ“ точно опредѣленъ, по примѣру польскому, и въ коронной Руси.

¹⁾ См. „Славяне“ I. 138.

²⁾ Влодыки сохранились въ Польшѣ до XV в. (срв. „Славяне“ I. 135, III. 211). Въ мазовскихъ статутахъ XV в. хорошо отличаются *nobilis*—*ślachcic* и *miles* — *włodyka*. Мазовскіе статуты были вѣроятно извѣстны тоже въ белзской Руси. Польскій текстъ приводимъ по изданію Лелевеля, по рукописи 1449 г., но нынѣшнимъ правописаніемъ; латинскій — по изд. Гельцеля (своду).

дѣство) на пѣнези зоставлено (заставлены), а колижъ виноваты не станеть на року, тогда подводца изыщеть дѣдичьство (дѣдство).

przydających rzeczy. A tego dla, gdy kto pozywa do sądu kogo o dziedzina w pieniądzoach zastawioną, a ji do sądu wyzowie, tedy, acz są pierz na roku zawilem nie stanie, powod (r. 1460: powod abo jisciec) zyscze mienionej dziedziny pieniądze wżdy sąprzewi wrociwszy.

I. Quum omnes constitutiones et statuta legem imponant rebus et negotiis futuris et non praeteritis, volumus, ut omnes nostrae constitutiones, editae nunc in colloquio generali in Vislicia, non respiciant praeterita, sed tantum modo praesentia et futura. Unde, si quis citat ad iudicium aliquem pro hereditate in pecunia obligata, et ipsum ad iudicium evocat, extunc, si reus in termino peremptorio non parebit, actor lucrabitur nominatam hereditatem, pecunia reo nihilominus restituta.

Коли хто наганить алюбю на-речеть сказанью старосты краковского, ииѣть ему откладать лупежъми горностайными, а старость судомирскому или любельскому ласицами, судьи краковскому и судомирскому кунницами, подсудкомъ ласицами, подкоморымъ по 6 гривень, коморникомъ по 6 шкотъ, судьямъ городнымъ по полугривны каждому, земскому писареву каждому по лисицы.

Kiedy kto nagani abo otzowia skazania pana krakowskiego, co rzeczono jest popolicie narzeczenie alibo naganienie, łupieże (r. 1460 i 1503: kocz abo torlop) grono-stajowe to jest takie kozuchy, ale panu sandomirskiemu a lublinskiemu łasiczne, a *każdemu wojewodzie łasicze*, sądziam krakowskiemu i sandomirskiemu kunie, podsądkom lisie, podkomorzam po 6 grzywien, komornikom tych wszystkich po 6 skot, sądziam kastelańskim alibo pańskim po półgrzywny każdemu, pisarzowi ziemskiemu łupieże lisie.

XCV. Cum aliquis arguit seu provocat sententiam castellani cracoviensis, quod vulgariter dicitur narzecze vel nagani, pel-

Ies ermelineas, castellanis autem sandomiriensi et lublinensi pelles mustellinas, *cuiilibet palatino pelles mustellinas* ¹⁾, iudicibus cracoviensi et sandomiriensi pelles mardurinas, subiudicibus pelles vulpinas, subcamerariis per 6 marcas, camerariis istorum omnium per 6 scotos, iudicibus castellanorum per mediam marcam, cuiilibet notario terrestri pelles vulpinas.

Статутъ вартскій.

Головныи паны земль нашихъ на великихъ соймѣхъ... сѣдаютъ отъ насъ на судѣхъ, предѣ которымижъ то паны жалобы великыи дѣдичьныи бывали жаловани, а ихъ сказаніе бывало правдиво, какъ бы предѣ нашею обличью то ся дѣло.

Rycerze ziem naszych w sądziech wiec pospolitych lubo wielgich personą naszą znamionują, przed jimiż rzeczy dziedzinne i jine wiąższe wodzą się a rozprawiają, a skazania przez nie uczyniona moc mają wiekuistą, jako przed oblicznością naszą się stała.

XIII. Barones terrarum nostrarum in iudicio colloquiorum generalium personam nostram repraesentant, coram quibus causae haereditariae et aliae majores agitantur et tractantur, et sententiae per eosdem latae robur oblinent firmitatis, ac si in praesentia nostra ferrentur.

Мы уставляемъ, которыи члонки имѣють судить старосты: напервѣй судить о усиство женское, другое о розбои на добровольной дорозѣ, третее о пожогу, четвертое о кгвалты домовыи; а въ иньшихъ жалобѣхъ не имають судить.

Ustawiamy, aby starosty ziem naszych jinszych rzeczy mimo członki niżej popisane nikakie sądzić nie mieli: gwałt albo fatanie dziewic albo niewiast, sbijanie na gościńcu albo na jawnej drodze albo uczyniony gwałt, pożega a ognia wypuszczenie, nagabanie gwałtowne czyjego przebytku; ale jinszych rzeczy mimo ty członki nie mają mieć mocy sądenia.

¹⁾ Эти слова въ русскомъ переводѣ не находятся. Слово *łupież* въ значеніи звѣриной шкуры Поляки знали еще въ XVI—XVII вв.; см. словарь Линде.

XVII. Decernimus, quod capitanei terrarum nostrarum non debeant alias causas praeter infrascriptos articulos judicare, videlicet pro violentia feminarum, pro depraedatione stratae publicae, pro incendio et emissionе ignis, pro violentia domicilii alicujus invasione; aliarum autem causarum minime judicandi habeant facultatem.

Другой русскій переводъ вислицкаго статута сдѣланъ ок. 1440 г. побужденіемъ Ванка Кирдеевича изъ Квасилова, кастеляна (пана) холмскаго ¹⁾. Этотъ „Ванко Кирдеевичъ, панъ земли холмской, дворенинъ а рыцерь удатный, изъ рады пана короля Володислава“—говоритъ переводчикъ въ предисловіи къ статуту, „о то былъ сталъ, абы тыто книги правъ польскихъ изъ латинны были въ часку (? руску) ричь и въ тыхто странахъ на дальней земли рускiи выложены; онъ о тыто книги праведныи статочне стоялъ, абы ему могли изъ чески (?) изъ латинны выложены быть, небо латинны чести невиѣше, але литеру руску добре чтыше“. Переводчикъ былъ по всей вѣроятности Чехъ или въ русскомъ переводѣ участвовалъ какой-нибудь Чехъ, и зная по опыту близость языковъ чешскаго, польскаго и западно-русскаго, не могъ пропустить случая, чтобъ не заговорить о близкомъ племенномъ родствѣ Чеховъ и Русскихъ: „далеко суть одъ себе тыто земли, Чехи а Руси за лесы... суть Чехове люди на западе слонца на горахъ, а люди довцепны; мало отъ руского языка оттаргнены... а Русь есть люди близки ричи свы языка ческа подъ усходеиъ слонцемъ. Чехове тито великими и успанелыми довцепносцами часы суть своими воевали, а велики вальки по краль Вятславе а

---

¹⁾ Ванко Кирдеевичъ изъ Квасилова, холмскій кастелянъ, упоминается часто въ грамотахъ 1434 — 1470 гг.; по одной грамотѣ 1438 г. видно, что онъ служилъ уже королю Владиславу Ягайлу; въ русской грамотѣ 1470 г. „Ванко Скердѣевич (!) сын Джусин ис Квасилова панъ Холмъскіи“ объявляетъ, что онъ продаетъ свою „отчизну и дѣдину“ (11 селъ въ луцкомъ повѣтѣ, въ томъ числѣ и Квасиловъ) князю Семену Васильевичу дѣдичу Збаразскому за „тысяч коп широкихъ грошей чешское монеты.“ (Archiwum książąt Sanguszków I. № 69). Ок. 1500 г. упоминается Кирдей Ванковичъ.

по смерти его и съ цесаремъ Зыгимонтемъ королемъ угорскимъ, и зъ его стороны Немци, Ракушане, Швабы, Дурынки, Харвати, Бавори, Сляжане и съ иными многими суть поступовали“. Въ предисловіи упоминается „князь Казимиръ а панъ король польска роду“, несомнѣнно братъ польскаго короля Владислава III, избранный Чехами гуситами въ чешскіе короли въ 1438 году ¹⁾. Русскій языкъ этого польскаго статута довольно не удаченъ, и переводъ сдѣланъ подѣ вліяніемъ языковъ польскаго и чешскаго; только чешскимъ вліяніемъ можно объяснить нѣкоторыя слова русскаго текста, которыхъ Полякъ употребить не могъ; такъ напр. въ предисловіи вышеупомянутыя слова: удатный (чеш. *udatný*, т. е. храбрый), о то былъ сталъ (*o to był stál*), статочне стоялъ (*statečně stál*), ричи (т. е. рѣчью, чеш. *řečí*), по краль Вятславе (*po král Václavě*), названія упомянутыхъ народовъ вполне чешскія: *Rakušané, Durynkové, Bavoři, Slezané, Charvátí*, и пр. Такъ и въ самомъ текстѣ статута: дѣти цо летъ немаи (*děti co let nemají*), седлакъ, прото седлаци въ той вси быдлаци (*proto sedláci v té vsi bydlící*), разгрешить (*rozgrěšiti*), книжата (*knížata*), опытати (*opytati, optati*), посвятный (*posvátný*), небъ (*neb*, ибо), окончанія—*емъ,—ехъ*, и пр. ²⁾. Приведемъ изъ этого русскаго перевода вислицкаго статута одну выписку (изъ постановленія архіепископа Ярослава о десятинахъ), виѣстѣ съ польскимъ переводомъ 1449 г. и съ латинскимъ подлинникомъ:

---

¹⁾ Это обстоятельство опредѣляетъ ближе время русскаго перевода, т. е. скоро послѣ 1438 г. О симпатіяхъ карпатскихъ Русскихъ къ гуситскимъ Чехамъ см. „Славяне“ III. 58.

²⁾ Этотъ русскій переводъ вислицкаго статута помѣщенъ въ рукописномъ сборникѣ 1520 г., хранившемся до 1827 г. въ супрасльскомъ монастырѣ. Даниловичъ издалъ изъ этого сборника литовско-русскую лѣтопись: *Latorisięs Litwy (w Wilnie 1827)*; здѣсь на стр. 9 и 325 описанъ супрасльскій сборникъ; срв. тоже статью Даниловича о литовскихъ лѣтописяхъ въ варшавскомъ изданіи хроники Стрыйковскаго 1846, I. 56. Раньше эта рукопись была въ рукахъ Сосновскаго, который напечаталъ изъ вислицкаго статута нѣсколько выдержекъ (*Dziennik Wileński 1822, II. 277*) со многими ошибками, латинскимъ письмомъ и польскимъ правописаніемъ. Предисловіе см.

Кды жака забиють, такежъ кде и ксенза алибо жака посве- цоного, былъ бы раненъ а не забить, тоготъ мястя костель алибо церковь правемъ суть по- ложоны во посвятныхъ обхо- дехъ, а прото въ немъ служба божия неима быти о бозе такъ длуго, ажъ тенъ злосникъ ксен- зю бискупу поданъ будетъ; а естлижбы тенъ злосникъ не могъ улапанъ быти, тогда тито се- длаци имаю присячь, ижъ его влапити немогли, ани таки при- чины давали, абы втекль; тогда бискупъ има костель разгре- шить зася ку службе божии.

Gdzie żak święcony albo kapłan był by zabity, uranion, ufacon, jąt albo w jątstwie dzirżan, tam cirkiew (r. 1460 i 1503: parrachia, parochia), albo cirkwi, acz jich wiacej jest, prawem albo ot prawa się zapowiedzany, to jest iż interdykt w nich samem pra- wem położon, a tego dla w nich urząd służby bożej niema być przez kapłany czynion, ale winowaciec księdzu biskupo- wi bądzie podan, jeu nie bą- dzie-li być moc ufacon albo jąt, tedy przebywacze tego miasca (r. 1460 i 1503: kmie- cie onej wsi albo miasta) przy- siąga, jako winowacca jąć nie mogli ani jemu przyczyny u- ciecienia dali, zatym biskup albo jego namiastnik włoży zapowiedź lubo interdykt pra- wem położony, to jest odpuści (1460 i 1503: ma dać rozgrze- szenie) wspiewać i jinszych urząd cirkiewny czynić jako pirzwej, ale wždy złostnik ten ma być sbiegiem i przez ko- gokole ufacon może być, ksia- dzu biskupowi podan bądź a kłat ma być rozumien, aliz dosyć uczyni.

тоже у Вишневскаго Historya literat. pol. VIII. 442. По словамъ „въ часку ричь“ и „изъ чesки изъ латини“—очевидной безсмыслицъ, про- испедевшей отъ неумѣнья Сосновскаго читать русское письмо—Бѣлѣв- скій (Biblioteka Ossolińskich 1864, 182) и I. Иречекъ (Časopis. Česk. Musea 1875, 168) совершенно произвольно говорятъ о „чешскомъ“ переводѣ вислицкаго статута. Нынѣ супрасльскій сборникъ затерянъ; срв. нашу замѣтку въ Трудахъ VI археолог. съѣзда (Одесса 1886,

Praeterea ubi clericus ordinatus, vel presbyter esset occisus, captus, vulneratus vel detentus, illius loci ecclesia vel ecclesiae, si fuerint plures, jure sint interdictae; et ideo in eisdem divinum officium non debet celebrari, quousque malefactor domino episcopo tradatur; qui si comprehendi non poterit, tunc habitatores ejusdem loci praestabunt juramentum, quod malefactorem deprehendere non potuerunt, nec occasionem effugiendi dederunt; extunc ordinarius sollet interdictum a jure statutum; et nihilominus malefactor sit proscriptus, et per quemcunque capi potuerit, domino ordinario tradatur, et omnino excommunicetur.

Русскій переводъ этихъ коронныхъ статутовъ представляетъ наглядно всѣ тѣ перемѣны въ жизни коронной Руси, которыя начались съ половины XIV в., распространялись все больше и наконецъ узаконены коронными статутами, обязывающими съ 1435 г. тоже русскія коронныя земли. Шляхта воеводствъ русскаго и подольскаго дѣлается такимъ же политическимъ факторомъ государственной жизни Польши, какъ и шляхта Польши Малой и Великой и Мазовіи, посылаетъ въ польскій сенатъ своихъ сенаторовъ (епископовъ католическихъ, но не православныхъ, воеводъ, кастеляновъ), и въ избу посольскую своихъ пословъ (депутатовъ). Статуты вислицкій и вартскій не представляютъ еще политическаго устройства Польши въ той полнотѣ, въ какой оно является со второй половины XV в. и въ какой оно опредѣлено статутомъ Ласкаго 1506 г.; поэтому польскій парламентаризмъ не опредѣленъ еще въ тѣхъ двухъ статутахъ, не говорится напр. о сеймахъ и сеймикахъ (какъ назывались эти собранія и по-русски), и словомъ „соймъ“ означается наивысшій судъ — вѣче (wiece); кромѣ того переводчикъ вислицкаго и вартскаго статутовъ, имѣя въ виду особенности политическаго и юридическаго устройства коронной Руси, не передаетъ во всей точности обязанностей воеводъ и кастеляновъ. Но въ остальномъ и въ русскомъ текстѣ коронныхъ

I. 307). Замѣтимъ еще, что, переписывая русскій текстъ русскимъ письмомъ съ изданія Сосновскаго, мы, конечно, не ручаемся за его исправность.

статуты являются все устройство Польши,—польское право, которыми управлялись паны, шляхта, рыцарство, земляне, со своими урядниками, называемыми по-польски: староста, подсудокъ, подкоморій, оправца, коморникъ, служебникъ, владарь, буркграбя; кмети (рѣдко: селяне) на правѣ польскомъ и нѣмецкомъ, и начальники послѣднихъ—шелтысы; вся юридическая терминологія польская: роки, поводъ и супоръ (тоже виноватый), речникъ, злодѣй, мужебойство, вины 15 и 70, паметное, закладъ или отежаніе (ciąża, ciężanie) или дѣцкованіе (dzieckowanie, pignoratіo); опекальникъ (opiekadnik)¹⁾, отчизна (oścużna, imienie oścużne), материзна (macierzużna), пустовщина (puścina, puścizna), и пр. Нѣкоторыя изъ такихъ названій и юридическихъ терминовъ общеславянскія, польскія и русскія, напр. староста, судья, писарь, злодѣй, дѣдичъ, дѣдина и пр., но они приняли на Руси подъ вліяніемъ польскимъ извѣстное значеніе, равнымъ образомъ какъ нѣкоторыя русскія слова и термины приняты и Поляками, жившими на Руси. Такъ напр. русскій переводчикъ статута употребляетъ слово *владарь* (włodarius, władarius, włodarz), хотя могъ употребить русское *тивуунъ*, извѣстное и въ судебныхъ актахъ XV вѣка (władarius alias tywon)²⁾. Слово *злодѣй* приняло у западныхъ Славянъ болѣе опредѣленное значеніе вора,—древнерусскій *татъ*; хотя злодѣй тоже у карпатскихъ Русскихъ стало означать вора, но старинное *татъ* сохранилось въ судебныхъ актахъ—*otaćbić* (otaćbił alias obwinił złodziejską winą, 1455). *Дѣтскіе* (*дѣцкіе*) въ смыслѣ молодой служни княжеской и боярской, отроковъ, пасынковъ, были хорошо извѣстны на Руси³⁾ и означали позднѣе въ литовской Руси низшихъ судебныхъ чиновниковъ; можетъ быть, что дѣтскіе были и въ Польшѣ, судя по слову *dzieckowanie*; львовскій *dziecki* въ актѣ 1446 г. можетъ быть и русскаго

¹⁾ Это слово (латин. tutor) встрѣчается уже въ русской грамотѣ литовскаго князя Семена Лыгвенія 1389 г., изданной въ польскомъ Судомирѣ.

²⁾ Обязанности тивуна описаны напр. въ двухъ перемышльскихъ актахъ; см. Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 472, 4727.

³⁾ См. „Славяне“ I. 136.

происхожденія. Общеславянское *дѣдичъ* (латин. *heres*) земле-
владѣлецъ,—собственникъ, господарь, и князь государь; у Рус-
скихъ, кромѣ дѣдича, употреблялось тоже слово *отчичъ*; такъ
назывались (дѣдичъ и отчичъ) князья русскіе, московскіе, литов-
скіе и галичскіе ¹⁾. Это слово сохранилось въ карпатской Руси
до XV вѣка, и употреблялось не только въ русскомъ переводѣ
вислицкаго статута: отчичи алюбѣ дѣдичи (латин. *heredes*, поль.
только *dziedzicy*), а также въ латинскомъ языкѣ судебныхъ актовъ.
Дѣдичи или отчичи владѣли своими землями: дѣдинами, отчинами
(поль. *dziedzina*, *ośczyzna*), имѣніями дѣдичными (*imienie ośczy-
zne*), дѣдичьствами или отчествами, тоже бабинами, или, какъ на
Руси позднѣе стали говорить на польскій ладъ, отчизнами, мате-
ризнами (*macierzyna*), бабизнами (*babizna*); все это земли дѣ-
довъ, отцовъ, матерей-бабъ (*hereditates*, *patrimonia*, *bona pa-
terna*, *materna* — *matrimonialia*, *avalia* — *avalitates*) ²⁾.

Кромѣ юридическихъ терминовъ въ русскій переводъ вислиц-
каго и вартскаго статутовъ вошло нѣсколько польскихъ словъ не
передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. пани, панна, невѣста (т. е.

¹⁾ Въ галичско-волынской лѣтописи, разсказывается, что въ
1190 г. „галичскіи мужи срътоша Володимера Ярославича, князя
своего и дѣдича“, а въ 1208 г. галичскіе бояре говорили угорскому
королю: „дай намъ отчича Галичю Данила.“

²⁾ Срв. въ актахъ львовскихъ 1444 г.: *heredes alias ościzczo-
wye et terrigene ab antiquo Rutheni*; въ актахъ львов. 1443—1444 г.:
bona materna et paterna alias babizna y ościzna, въ актахъ галич-
скихъ 1472 г.: *porcio matris et avae alias babina*; въ актахъ пере-
мышльскихъ 1445 г.: *villa patrimonialis alias ościztwo*) и пр. Въ
русскихъ грамотахъ второй половины XIV р. и начала XV в.: дѣ-
дичьство, дѣдичтво, дѣдина, дѣднина, дѣдинина, вотнина, отчичи—
вотчичи. Дѣдинами владѣли не только семьи, а цѣлые роды или
племена. Слово *отчичъ* было извѣстно и древнимъ Полякамъ: *ościs*
(отъ *ościs*, какъ *dziedzic* отъ *dziad*), позже *ojczys*, *ojcowis*, это сло-
во означало первоначально несомнѣнно то, что *dziedzic*, а въ XVI—
XVII вв. — сынъ отца, сынъ отчества, но тоже, подъ литовско-рус-
скимъ вліяніемъ, отчичей—подданныхъ (см. словарь Линде). Кажет-
ся, что и Чехи знали это слово *otčic=dědic: čstní otčici, všie šlechty
předci dědici* (Alexandreis).

жена), малжонка, хоругвь (chorągiew, т. е. знамя), моць, речь (т. е. вещь), кгвалть, чонокъ, скарбъ, брониъ (bronnje), готовизна (gotowe pieniądze), вымовляти, злюбити (ślubić), ошацовати, варовати ся, частокротъ (—kroć), польскія формы именъ Якубъ, Кондрать, Идій, Индрихъ, и др. ¹⁾. Русскій переводчикъ употребляетъ слова: бискупъ, прелать, ксензь, капланъ, жакъ; ecclesia (католическая) переводитъ: церковь (такъ и польскій переводчикъ: cugkieu), рѣдко костелъ. Видно, что противоположность обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, польскаго и русскаго, все больше выступала, и латинско-польская церковная терминологія входила въ употребленіе у Русскихъ для католицизма, а греческо-русская у Поляковъ для православія ²⁾. Въ латинскихъ грамотахъ, относящихся къ карпатской Руси, и въ судебныхъ книгахъ русскихъ земель церковная православная русская терминологія остается непѣреведенною на латинскій языкъ: wladica, роро, batko—baytko, ihumen—humion, и др. ³⁾.

Въ русскомъ текстѣ польскихъ статutowъ осталось не много древнерусскихъ терминовъ: отчичъ, дѣдичъ, дѣдичство, племенникъ (членъ племени-рода), дѣцькованье, селяне (изрѣдка подѣ обыкновеннаго кмети), село (тоже на польскій ладъ: весь), dospъшний людъ (armata militia, harnaszowa szlachta) и пр. Вообще

---

¹⁾ Въ статьѣ 96 „о голотахъ“ встрѣчается „слуга реченый уломокъ“, т. е. famulus qui dicitur gołomaka (въ другой рукописи włomek, вѣроятно испорчено вм. gołomek), поль. rąberek już gzeszon po polsku gołomaka, изд. Гельцеля § 94); въ позднѣйшихъ изданіяхъ famulus dictus gołota aut alias obłomek (Volumina legum I. 36), służa czyj rzeczony gołota albo inaczéj obłomek (Herburt Stat.).

²⁾ Напр., въ русской грамотѣ 1404 оба перемышльскіе епископы, католическій и православный, называются еще бискупы: мы бискупы Мацѣй премышки и Ованасей владыка премышки; въ русской грамотѣ 1415 г.: князь архибискупъ львовскій по польскому kwiadz arcubiskup; въ русской грамотѣ польскихъ сенаторовъ въ Молдавію 1433 г. духовные сенаторы называются бискупами: іарцибискупъ гнѣзденскій, бискупове краковскій, познанскій, холмскій, влоцлавскій.

³⁾ См. выше, стр. 46. О древнепольскихъ словахъ cugkieu, рор; см. „Славяне“ III. 213.

въ русскомъ переводѣ коронныхъ статutowъ сохранилось менѣе слѣдовъ древнерусскихъ словъ и учрежденій, чѣмъ въ русскихъ грамотахъ второй половины XIV в. и начала XV вѣка, или даже въ латинскихъ грамотахъ и актахъ XIV — XV вв., издаваемыхъ въ коронной Руси и для нея.

Русскій переводъ статutowъ вислицкаго и вартскаго, сдѣланный частнымъ образомъ, служилъ только частнымъ потребностямъ карпатской Руси. Со времени введенія польскаго права въ этой Руси употребленіе русскаго языка въ официальныхъ документахъ—явленіе и до того времени довольно рѣдкое — совсѣмъ прекратилось. Во всякомъ случаѣ скоро миновало время, когда можно было сказать о русскихъ панахъ, что они не знали по-латыни, а читали хорошо по-русски; латинскіе статуты коронные сдѣлались болѣе или менѣе понятными и русской шляхтѣ около Перемышля, Холма, Львова и Каменца, равнымъ образомъ какъ и польской шляхтѣ на Руси, въ Польшѣ Малой и Великой, и въ Мазовіи. Въ судахъ и сеймикахъ русская шляхта говорила по-русски или по-польски, подражая своимъ польскимъ собратьямъ; но всѣ судебныя дѣла, приговоры, постановленія записывались на официальномъ языкѣ латинскомъ, тѣмъ болѣе, что урядники (чиновники) были почти все Поляки. То, что практиковалось уже въ судахъ еще во время „русскаго права“, т. е. что въ судебныхъ книгахъ въ латинскіе акты примѣшивались польскія слова ¹⁾, происходило потомъ и въ судебныхъ актахъ и другихъ документахъ въ воеводствахъ рускомъ, подольскомъ и белзскомъ. Вся юридическая терминологія была, конечно, латинско-польская (*fidejussio*, *hereditas*, *memoriale*, *pignoratio*, *terminus*, *dziedzina*, *cięża* — *dzieckowanie*, *ramiętne*, *posag*), равнымъ образомъ и другія не-латинскія, славянскія слова и цѣлыя фразы, роты (формулы присягъ), попадающіяся въ латинскихъ грамотахъ и актахъ,—польскія, при чемъ объясненіе латинскаго слова польскимъ сопровождается часто словами: *alias*, *vulgariter*.

Подобно тому и географическая номенклатура Руси, названія городовъ, селъ, горъ, рѣкъ, урочищъ и пр., передавалась По-

---

¹⁾ См. выше стр. 83 (объ актахъ саноцкихъ).

ляками, польскими писарями на польскій ладъ, хотя часто сохраняла и подъ руками польскими свою русскую форму. Такиѣмъ образомъ являются формы Przemyśl—Перемышль, Chełm—Холмъ, Gródek — Городокъ, Trębowla (Trzebowla въ XVI в.) — Теребовль, Dziedoszyce—Дѣдошичи, но также русскія формы Halicz, Horodło (Hrodło), Hrubieszów, Podhajce, Hlebowice, Nawyżów, Horysławice, Drewlany, Dublany, Uherce, Horodnyca, или двойныя формы: Dołhe—Dłuhe — Długie, Werbeża—Werbiaż, Czeſtin — Częſtin, Dubrowlany — Dąbrowiany, Czortoryje—Czartoryje, Tołstobaby—Tłustobaby, Bortniki—Bartniki, Połowce—Płowce, Hruszowice — Gruszowice, Kniaża Dąbrowa, и пр. Польскія формы многихъ названій урочищъ въ русскихъ имѣніяхъ объясняются тоже присутствіемъ въ этихъ земляхъ польскаго населенія ¹⁾, которое могло употреблять такія польскія названія, напр. Trzy Dęby, Długi Potok, rzeka, błoto, рядомъ съ русскими: Tatowy Czerteży, ustie (русское устье)—uście, wirchowiny—wierzchowiny, połoniny — płoniny ²⁾, и пр. Но съ другой стороны такія польскія формы географическихъ названій въ русскихъ земляхъ являются просто какъ результатъ польскаго происхожденія писцовъ, которые русскія названія часто писали на свой польскій ладъ. Равнымъ образомъ и Русскіе произносили и писали на свой ладъ Судомиръ (Sandomierz), Лучица (и Ланчица, Lancicia — Łęczysa) и др.; даже въ русскихъ актахъ Поляковъ встѣчаются такія русскія формы польскихъ именъ и названій, напр. Судивой (Sandiwoj — Sędziwoj), Мужикъ з Дубровы (Mężyk z Dąbrowy), Заруба (Zaręba), Судомиръ (Sandomierz), Брѣсть ((Brześć), Межирѣчье (Międzyrzecze),

---

¹⁾ Селенія Ляшки, Ляцкое и др. въ русской Галиціи, давно уже русскія, были сначала дѣйствительно „лядскія“. Срв. Як. Головацкаго Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179, стр. 365), повторено тоже въ I т. его сборника пѣсенъ галицкой и угорской Руси.

²⁾ Длугошъ пишетъ: montes et silvae provinciarum Russiae, qui połoniny nuncupantur; писари судебныхъ актовъ пишутъ часто płoniny. Русское полонина = югослав. планина. Срв. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, изд. Я. Головацкимъ, I. 577.

Ляда (Lęda), рядомъ съ польскими формами Влодиславъ, Марцинъ, Войцехъ, Ланчица, Влоцлавъ и пр.¹⁾. Обрусеніе и ополяченіе коснулось даже именъ лицъ; такъ напр. Полякъ Иво изъ Обыхова, староста русскій (въ началѣ XV в.), называется въ грамотахъ русскихъ и польскихъ по-русски Иванъ (Iwo alias Iwan), галичскій воевода Zaludz (1435—1436, т. е. Жалудъ) называется обыкновенно Zolaḏz (Żolaḏz), сынъ пана Ходка Головенчича (Hołowieńczycz) называется Jacko Głowieńczycz, и пр.

Писари латинскихъ актовъ и документовъ на Руси—какъ Поляки—употребляли польскія формы географическихъ названій и примѣшивали и польскія слова и фразы; но случалось тоже, что писарь, живя долго на Руси, привыкши къ тамошнему русскому нарѣчію, слыша его и передъ судомъ, иногда помимо воли поддавался ему, и употреблялъ изрѣдка и русскія слова и формы. Нѣкоторыя исключительно русскія названія разныхъ русскихъ учреждений оставались и въ латинскихъ (позже и въ польскихъ) актахъ, напр. *władyka*, *por*, *dyak* и вся русская церковная терминологія, далѣе *bojari*, *homines kalanny*, *setny*—*sotny*, *ciągły* (тяглый), *ordyniec*, *wojewoda* (русскій), *setski*—*sotski*, *dziecki*, *tywon*, *krajnik*, *kniaz*, *wataman*, *zbor*, *kunica*—*kuniczne*, *prazniczne*, *pojemszczyzna*, и пр. Кромѣ того изрѣдка попадаютъ въ латинскихъ актахъ русскія слова и формы случайно вмѣсто польскихъ, напр. *sudza* (судья, поль. *sandza*—*sędzia*), *rokoru* (обыкновенно *rokorą*—*humiliacionem*), *słuha*, *boho* (въ польской присяжной ротѣ вмѣсто *bog*), *grossi prahenses* (*pragenses*), *otaćbić* (татъ), *ośczyc* (отчичъ), *tretina*, *czetwertnia*, *kniaz* (староста села по волошскому праву), но также на польскій ладъ *knedz*, *kniadz*, *kniądz*, *ksiądz*—*ksią-*

---

¹⁾ Срв. русскую грамоту польскихъ сенаторовъ 1433 г. молдавскому воеводѣ Стефану (Уляницкій: Матеріалы, 37). Въ этой грамотѣ встрѣчается тоже польское слово *столечники* (въ переводѣ статута вислицкаго 1460 г. *stolnik*, 1503: *stolecznik*), т. е. сановники, пользующіеся правомъ сидѣть на стульяхъ (*stoł*, *stolec*, *stolica*, *krzesło*). Это слово перешло тоже въ западно-русскій языкъ, въ одну библію XVI в. „столечникомъ и бояромъ земьскимъ“, польск. *starostowie i książęta* (Владиміровъ о Скоринѣ, 240).

stwo, и пр. ¹⁾). Этому влиянію языка русскаго на польскій поддавались болѣе или менѣе не только писари актовъ и документовъ, но также другіе Поляки, жившіе между Русскими. Такъ напр. въ одной латинско-польской рукописи ок. 1462 — 1468 г., списанной во Львовѣ доминиканцемъ происхожденія польскаго или русскаго, встрѣчаются изрѣдка такіа формы: *światu wiara*, *łaju*, *maju* (вмѣсто *maja*), *koruści* (вм. *korzyści*), *recz* (вм. *rzecz*), *wurgzeczonogo* (вм.—его, по русскому—оно) ²⁾.

Со времени введенія польскаго права въ коронной Руси русскій языкъ, употребляемый и до тѣхъ поръ довольно рѣдко, исчезъ изъ публичной жизни и совсѣмъ уступилъ мѣсто языку латинскому, а позже польскому. Польскіе короли писали на Русь по латыни, и только очень рѣдко и по-русски, какъ напр. король Сигизмундъ I (1535) перемышльскому епископу Лаврентію и пану Рагозинскому. Въ рядахъ русской шляхты карпатской Руси ихъ родной языкъ или скорѣе знаніе его письма приходило мало-помалу въ забвеніе; она, хотя и говорила еще долго послѣ принятія католицизма на своемъ языкѣ, въ судахъ, сеймикахъ, вѣчахъ и въ частной жизни ³⁾, все-таки признавала офиціальнѣй латинскій языкъ. Поэтому уже въ первой половинѣ XV в., особенно послѣ водворенія польскаго права, оказалась необходимость переводить русскія грамоты на офиціальнѣй языкъ латинскій, а позже и польскій; такіа русскія грамоты предъявляли Быбельскіе, Мальчицкіе, Свистельницкіе, Дѣдошицкіе, Замостьскіе, Шептицкіе, епископы

---

¹⁾ Если въ судебныхъ книгахъ коронной Руси XV в. встрѣчается форма *wпuk* рядомъ съ *wпак*, то и первая форма (безъ носового звука)—польская; обѣ формы встрѣчаются тоже въ краковскихъ судебныхъ книгахъ XV в. (*wпанк*, *wпuk*). Срв. „Славяне“ III. 202.

²⁾ *Sprawozdania komisji językowej akademii* I. 21.

³⁾ Любопытный примѣръ русской рѣчи въ судахъ записанъ въ актахъ львовскихъ 1446 г., о чемъ срв. выше, стр. 67. Русскіе земляне Лопатици Чеперовскіе, въ числѣ свидѣтелей своихъ правъ отчичей на отчину, приводили тоже „шляхтичей Ляховъ“—причемъ они подразумѣвали нѣсколькихъ окатоличившихся русскихъ землянъ; а градскій писарь написалъ въ латинскомъ актѣ необыкновенное слово „*nobiles Lachos*“—вмѣсто *Polonos, christianos* (т. е. *catholicos*).

перемышльскій и львовскій, и другіе шляхтичи и священники, часто съ просьбою перевести ихъ на языкъ латинскій ¹⁾. Въ числѣ такихъ грамотъ нерѣдко предъявлялись тоже грамоты подложныя, напр. князя Льва Даниловича. Русскія грамоты и ихъ переводы, латинскіе и польскіе, записывались тоже въ коронной метрицѣ и въ судебныхъ книгахъ XVI—XVII вѣковъ въ русскомъ подлинникѣ или въ польско-латинской транскрипціи. Въ польскихъ, иногда и въ латинскихъ переводахъ, сохранялись нѣкоторыя русскія слова, не говоря уже о церковной терминологіи (władyka, pop, cerkiew и пр.), напр. kniaz, wojewoda (русскій), carz, samodzierżec, horodyszcze, hramota — ramota, kuna, и др. ²⁾. Польскіе переводы оказались нужными по мѣрѣ водворенія польскаго языка, какъ офиціального, и его распространенія и употребленія среди русской шляхты въ воеводствахъ коронной Руси; даже протесты православныхъ Русскихъ противъ притѣсненій львовскихъ православныхъ изъ народа русскаго Поляками „roszuczeństwa rypieskiego“ записаны въ львовскихъ городскихъ книгахъ (1592, 1595) по-польски. Также въ дѣлахъ русскихъ кметей по волошскому праву уже рано сталъ употребляться польскій языкъ, какъ видно напр. по польскимъ письмамъ сельскихъ „князей“ 1544 и 1558 гг. ³⁾. Март. Кромеръ, въ описаніи Польши

---

¹⁾ Такъ напр. въ 1530 г. львовскій землянинъ І. Мальчицкій предъявилъ русскую грамоту 1407 г. королю Сигизмунду, съ просьбою „illud privilegium suum de ruthenico idiomate in latinum transferri et innovari“.

²⁾ См. въ *Aktach grodzkich i ziemskich* I. № 4, 5, 60; III. № 84, 87, V. № 27, VI. № 12, VII. № 26, въ метрицѣ коронной кн. 77, стр. 166, у Поцѣя *O dziesięcinach na Rusi* 21, *Dodatek do Gazety lwowskiej* 1853, № 12, и др. Составляя подложныя русскія грамоты будто-бы XIII—XIV вв., авторы употребляютъ ополяченный русскій языкъ XVI в.: кроль, царь и царь самодръжець, метрополить, православной вѣры, грецкой (а не греческой), землямъ, прѣмыскый и др.; они знаютъ и „боярь“ въ древнерусскомъ значеніи, хотя въ XVI в. „бояре“ Руси Червоной и подольской уже не означали земель—шляхты. См. выше, стр. 62.

³⁾ *Supplementum ad hist. Russiae monumenta*, 151, A. Stadnicki: *O wsiach wołoskich*, 47 (первая намъ извѣстная запись на поль-

1573 г., замѣчаетъ, что въ коронной Руси, особенно на югѣ, употребляется почти больше нарѣчіе польское, чѣмъ русское, такъ какъ со временъ польскаго господства на Руси Поляки охотно тамъ поселялись вслѣдствіе плодородной почвы и борьбы противъ Татаръ ¹⁾).

Русскій языкъ употреблялся съ XVI вѣка рѣдко, преимущественно въ дѣлахъ церковныхъ, православною русскою шляхтою, мѣщанствомъ, духовенствомъ. Такъ напр. въ началѣ XVII в. панъ Иванъ Ключъ записался въ книгу церковнаго братства львовскаго по-русски (1600), паны Адамъ и Александръ Балабаны, основывая и жалуя одинъ монастырь, употребили въ своихъ грамотахъ, первый — русскій языкъ (1612), а второй — польскій (1629). На польской грамотѣ объ избраніи львовскаго владыки (1641) православные духовные подписались по большей части еще по-русски, а нѣкоторые по-польски; изъ присутствовавшей православной шляхты изъ воеводствъ русскаго и подольскаго большинство (81) подписалось уже по польски (Jerzy Zamojski, Jerzy Bałaban, Prokop Tysarowski, Andrzej Czołhański, Theodor Winnicki, Stefan Szumlański, Eliasz Swistelniccki, Bazyli Rozniatowski, Alexander Balicki, Wasko Jaworski, Roman Popiel, Gabriel Kulczycki, Jordan Dobrański, Jan Przedymirski, Fedor Żurakowski, и др.), и только меньшинство (30) еще по-русски (Юрій Рознятовскій, Θεодоръ Балицкій, Павелъ Предимирскій, Миколай Яворскій, Иванъ Попель, Федоръ Кулчицкій, Иванъ Добрянскій, и др.). И русское письмо дѣлалось среди русской шляхты менѣе обычнымъ, чѣмъ польско-латинское; поэтому и тѣ Русскіе, которые употребляли еще свой родной русскій языкъ, иногда стали его писать письмомъ польско-латинскимъ; такъ напр. на одной церковной книгѣ написалъ (1686) Andrey Żurakowski woyski zewski Halicki: *Syia knyha kuplena ot*

скомъ языкѣ 1544 г. въ городскихъ книгахъ перемышльскихъ), *Dodatek do Gazety lwow. 1853, № 17.*

¹⁾ Polonia sive de situ, populis, moribus et republica regni polonici (Coloniae 1578, p. 46).

mene mnohohrisznoho do seľa Turi do chramu Preswiatoy Bohorodycy, aby precz neodbyrana proszu ¹⁾).

Русскій языкъ, уступая въ коронной Руси латинскому, а позднѣ польскому, сохранился дольше въ сношеніяхъ Польши и карпатской Руси съ сосѣднимъ молдавскимъ княжествомъ. Земля по рѣкамъ Пруту и Днѣстру до устьевъ Дуная издавна заселена была тоже русскими племенами, которыя находились въ постоянныхъ сношеніяхъ и въ зависимости отъ галичской Руси; еще въ началѣ XII в.—по словамъ русскаго лѣтописца—жили русскіе Тиверцы въ своихъ городахъ по Днѣстру до устьевъ Дуная и до Чернаго моря въ „Великой Скиѣи“, а въ концѣ этого вѣка пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ восхваляетъ галичскаго князя Ярослава Осмомысла, что онъ „подперъ горы уторскыя своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви (угорскому) путь, затворивъ Дунаю ворота, суды ряда до Дуная“. Русское населеніе сохранилось въ этихъ земляхъ до позднѣйшихъ временъ, когда здѣсь распространились Волохи (Румуны) и основали княжество молдавское—съ устройствомъ и культурою славянскою, именно русскою ²⁾. Въ православной церкви молдавской, равнымъ образомъ какъ и волошской, и между Волохами въ Угріи и Семиградіи, употреблялся словѣнскій языкъ болгарскаго извода, а этотъ изводъ распространился тоже въ карпатскую Русь и въ первыя старопечатныя книги словѣнскія, изданныя въ Краковѣ ³⁾. Молдавскіе воеводы или господари, жупаны-сановники, бояре были ревностные поборники православія, которое поддерживали и на Руси и въ болгарскихъ странахъ до Охриды и до Св. Горы Аѳонской;

---

¹⁾ См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг.

²⁾ О сношеніяхъ Русскихъ и Волоховъ см. въ статьѣ Я. Головацкаго: Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179); срв. тоже А. Jabłonowski: Sprawy wołoskie za Jagiellonów (Źródła dziejowe X, Warszawa 1878). Разные русскіе акты Молдавіи см. въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты южной и западной Россіи, Памятники дипломат. языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ, Акта grodzkie i ziemskie, въ сборникахъ Хаждеу, Яблоновскаго, Уляницкаго и др.

³⁾ См. „Славяне“ II. 550, 559, 572.

они писали по словѣнско-болгарски, а въ сношеніяхъ съ Русью польскою, литовскою и московскою—по-русски; на русскомъ языкѣ писали имъ тоже изъ королевской канцеляріи польской, нѣкоторые пограничные паны польскіе (напр. Бучацкіе), хотя обыкновенный дипломатическій языкъ между Польшею и Молдавіею былъ языкъ латинскій. Молдавскіе господа признали во второй половинѣ XIV в. верховное владычество польскихъ королей, но не всегда его признавали, а часто оспаривали. Это вело къ частымъ войнамъ между Польшею и Молдавіею, такъ что „Волохъ“ (молдавскій) считался такимъ же врагомъ Польши, какъ и Турокъ, Татаринъ, Москаль; оно и понятно, если принять во вниманіе, что молдавскіе воеводы, повелители православныхъ Волоховъ и Русскихъ, восприняли отъ князей карпатскихъ Русскихъ роль поборниковъ православія противъ наступательнаго движенія католическо-польскаго элемента; они, дѣйствительно, долго останавливали стремленіе на русскій востокъ католическихъ Поляковъ, которые, завладѣвши карпатскою Русью, все стремились дальше на юговостокъ, къ устьямъ Дуная и къ Черному морю и старались и здѣсь насаждать свою культуру. Это имъ хоть отчасти удалось. Скоро дипломатическій русскій языкъ между Молдавіею и Польшею уступилъ мѣсто латинскому; а съ первой половины XVI в. входитъ въ употребленіе и языкъ польскій¹⁾. Въ государственный строй Молдавскаго воеводства входятъ въ употребленіе тоже нѣкоторые польскіе порядки и названія, напр. панъ, панове рада, староста, прѣколабъ (бургграфъ) и др. вмѣстѣ съ тѣмъ и католическая пропаганда стремилась въ Молдавію, хотя съ небольшимъ успѣхомъ²⁾. По мѣрѣ повсемѣстнаго ополяченія шляхты

---

¹⁾ Срв. напр. польскіе договоры между королемъ Сигизмундомъ I и воеводою молдавскимъ Стефаномъ 1519 и 1527 гг. (*Acta Tomiciana* V. 90, IX. 172).

²⁾ Въ 1571 г. удалось обратить въ католицизмъ около двухъ тысячъ угорскихъ гуситовъ (*Ungari, qui prius sequebantur haeresim Joannis Hus*) Молдавіи, гдѣ гуситство распространялось уже ок. 1430 года (срв. *Codex epistolaris saec. XV*, t. II. 254, 290, и „Славяне“ III. 94); см. о томъ письмо секретаря каменецкаго епископа папскому нунцію въ Польшѣ (*Theiner, Vetera Monumenta Poloniae* II. p. 762).

и мѣщанства въ коронной Руси польскій языкъ входилъ въ употребленіе все чаще и въ сношенія молдавскихъ воеводъ съ православными русскими „бургарами (брѣгарами)“, Львовянами, съ ставропигійскимъ братствомъ; уже во второй половинѣ XVI в. и особенно въ XVII в. молдавскіе воеводы употребляютъ въ этихъ сношеніяхъ польскій языкъ, и на такомъ же языкѣ пишутъ воеводамъ и Львовяне, именно съ XVII вѣка ¹⁾).

Со временъ польскаго господства въ карпатской Руси измѣнился характеръ древнихъ городовъ, которыхъ было здѣсь много: Санокъ, Перемышль, Ярославль, Галичъ, Львовъ, Звенигородъ, Теремовль, Коломия, Белзъ, Холмъ, а въ волынской Руси Володимиръ, Луцкъ и др. Въ этихъ русскихъ городахъ уже давно поселялись — на болѣе или менѣе продолжительное время — иностранцы, именно гости (купцы): Нѣмцы, Ляхи, Чехи, Угры, Татары, Жиды и др.; въ Холмѣ въ XIII в. поселились не только Русскіе, а также Нѣмцы, Ляхи и другіе „иноязычники“; такъ и въ Володимирѣ—Нѣмцы; и во Львовѣ рядомъ съ Русскими жили тоже Жиды, Татары, Армяне, Нѣмцы и др. Но всѣ эти иноплеменники въ городахъ югозападной Руси не исключались изъ-подъ общаго русскаго права; въ русскихъ городахъ не образовались особыя общины иноплеменниковъ, какъ это было въ сосѣдней Польшѣ. Здѣсь въ XIII в. на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ возникали особыя нѣмецкія *мѣста*, а вмѣстѣ съ ними и нѣмецкія села; жители мѣстъ, *мѣщане* или *мѣстичи*, и жители новыхъ или вновь устраиваемыхъ селъ (всей) управлялись своимъ особымъ нѣмецкимъ правомъ, въ противоположность земскому польскому праву, съ своими избираемыми бурмистрами и радцами, войтами, шолтысами (шелтысами) и лавниками и пр. ²⁾. Всѣ эти перемены въ общественномъ и государственномъ строѣ Польши были, конечно, хорошо извѣстны и въ галичской и волынской Руси; здѣсь точно умѣли отличать, какъ напр. и въ Краковѣ, старый

---

¹⁾ Срв. разныя грамоты (русскія и польскія) въ юбилейномъ изданіи въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886).

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 125.

„городъ“ (grod, zamek) и „горожанъ“, и новое „мѣсто“ и „мѣстичей“; да жители города Володимира, Русскіе и Нѣмцы, назывались тоже „мѣстичами“, хотя эти володимирскіе „мѣстичи“ вовсе не были то же, что краковскіе „мѣстичи“, а просто старые горожане ¹⁾. Въ русскихъ городахъ были тысяцкіе или воеводы — давно уже намѣстники княжіе, а не народомъ выбираемые старшины и сотскіе ²⁾.

Водвореніе польскаго господства въ Руси Червоной и белзской открыло путь и нѣмецкому праву въ города и села. Русскіе города измѣнялись въ „мѣста“, въ такія же общины мѣщанъ, управлявшихся правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ, которое вводилось вмѣсто права русскаго (consuetudines ruthenicales, jus ruthenicum) или права польскаго, и привилось съ польскимъ господствомъ среди польскаго ихъ населенія ³⁾. Подобно тому какъ въ Польшѣ въ городахъ водворился сильный элементъ нѣмецкій, и въ карпатской Руси города принимали другой характеръ, наполняясь Нѣмцами ⁴⁾.

Нѣмецкое право пожаловано потомъ королемъ Казимиромъ и его преемниками городамъ Львову (Lamburg, Lemburg, Lemberg, 1356), Саноку ⁵⁾, Перемышлю, Ярославлю, Терехову, До-

¹⁾ Срв. галичско-волинскую лѣтопись, по изд. археограф. комисіи, 596, 614.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 115.

³⁾ Въ привилегіяхъ городамъ на нѣмецкое право все говорится объ уничтоженіи въ нихъ права русскаго и польскаго обыкновенно безъ болѣе точнаго ихъ опредѣленія; только изрѣдка встрѣчаются нѣкоторыя ихъ подробности, напр. въ привилегіи г. Тышовецъ (1453), гдѣ между прочимъ уничтожается подать *odumarszczyna*, основывающаяся на „правѣ русскомъ“. Эта *odumarszczyna* встрѣчается часто въ актахъ карпатской Руси XV вѣка.

⁴⁾ Любопытно, что Владиславъ Опольскій вызывалъ (1387) жителей Червоной Руси къ войнѣ съ королевою Ядвигою нѣмецкимъ манифестомъ—*alle landleuten und stätten in Reussen*. (A. g. z. III № 39).

⁵⁾ По грамотѣ галичско-волинскаго князя Болеслава-Юрія 1339 г. (Codex diplomat. Poloniae III. 197) Саноку пожаловано уже тогда нѣмецкое право, которымъ должны были пользоваться всѣ ея жители Нѣмцы, Поляки, Угры, Русскіе. Эта грамота упоминается

рогобычу, Холиу, Красному Ставу, Белзу, Бужску, Туробину, Городлу, Каменцу, Смотричу, Лятичеву и др.; позднѣе, въ XVI — XVII вв., вновь основываемымъ городамъ Бару, Тернополю, Бережанамъ, Бродамъ, Жолкви, Замостью, Станиславову, Фирлеёву и др. ¹⁾). Въ этихъ городахъ селились Нѣмцы, Поляки, Русскіе, Армяне, Жиды и др., составляя тоже особые общества церковныя: католическое господствующее, православное, армянское, жидовское; православные Греки, Волохи, Сербь примыкали къ своимъ русскимъ единовѣрцамъ.

Русскимъ и другимъ жителямъ городовъ предоставлялось пользоваться правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ или ихъ стариннымъ правомъ. Въ Коломыѣ встрѣчается въ концѣ XIV в. русскій войтъ. Въ Каменцѣ подольскомъ съ XV в. были общины польская или лядская (*Lechitae*), русская и армянская, со своими войтами, лядскимъ, русскимъ и армянскимъ, радцами (*consules ritus polonici, consules ritus rutenici*), и пр. ²⁾). Городъ Баръ

въ XV в. (1439) въ саноцкихъ судебныхъ книгахъ (*Akta grodzkie i ziem. XI, p. 161*).

¹⁾ О Львовѣ см. *Zubrzycki: Kronika miasta Lwowa* (1844), *Шараневичъ: Стародавній Львовъ 1250—1350* (1861), *Rasp: Beiträge zur Geschichte der Stadt Lemberg* (*Archiv für österreich. Geschichte*, Bd. 43), *Łoziński: Lwów starożytny* (1889—1890, 2 t.), *Czołowski: Lwów za ruskich czasów* (*Kwartalnik histor.* 1891). О Каменцѣ и о другихъ подольскихъ городахъ см. вышеупомянутыя люстраціи подольскихъ староствъ, статьи Яблоновскаго и Молчановскаго, *Przezdziecki: Podole, Wołyń, Ukraina* (1841), *Rolle: Zameczki podolskie na kresach multańskich* (1880). Вообще срв. *Baliński i Lipiński: Starożytna Polska*; *Szajnocha: Zdobytcie pługa polskiego* (*Dzieła II. 327*); *Tatomir: Geografja ziem dawnéj Polski* (1868, p. 186), и др. Много документовъ см. въ сборникѣ *Akta grodzkie i ziemskie*.

²⁾ Въ люстраціи каменецкаго староства 1565 г. (Архивъ юго-западной Россіи VII. 2. стр. 165) говорится: „*Miasto Kamieniec ma w sobie trojaki naród ludzki, trojaki obyczaj prawa: Polacy autoritate praeeminent, a sądzą się prawem maydemburskim, Ruś prawem i zwyczajem ruskim sądzą się i wojta swego mają, Ormianie — obyczajem armeńskim i wojta też swego mają*“. Въ Каменцѣ тогда были *pisarz grodzki i pisarz ruski* (*Źródła dziejowe XIX. 216*).

раздѣлялся тоже на три части, лядскую, русскую и черемисскую (Черемисы — Татары); такъ и городъ Могилевъ на Днѣстрѣ состоялъ изъ общинъ польской, русской (съ Греками, Волоханами, Сербами), армянской. Такъ какъ съ XV и особенно съ XVI в. Нѣмцы католики сливались съ господствующимъ народомъ польскимъ, то Поляки скоро пріобрѣли и въ городахъ перевѣсъ и господство, и такимъ образомъ придали имъ польскій характеръ. Во львовскихъ городскихъ книгахъ XV — XVI вв. записано, что Нѣмцы мало-по-малу превращались въ Поляковъ (*Germani in Polonis sensim mutati*), и наконецъ сдѣлались, вмѣстѣ со многими Русскими, — Поляками (*Russorum magna pars, antiqui Germani omnes in Polonos transierunt*). Польскій элементъ восторжествовалъ и въ городахъ коронной Руси; польскій языкъ сдѣлался господствующимъ, офиціальнымъ, равнымъ образомъ какъ и нѣмецкое магдебургское право въ польской одеждѣ ¹⁾.

При вѣроисповѣдной исключительности и нетерпимости среднихъ и новыхъ вѣковъ мудро было установить въ городахъ болѣе сносный способъ общежитія между католиками Поляками (и другими народностями, примкнувшими къ Полякамъ) и православною Русью. Польскіе католическіе короли, паны и шляхта, епископы, священники, монахи относились съ надменною спѣсью къ русскому православію или „схизмѣ“, къ „русской сектѣ“, къ ея служителямъ „владыкамъ“, „попамъ“, „батшкамъ“, „игуменамъ“, „чернцамъ“, къ ея „церквамъ — синагогамъ“, „монастырямъ“, и только и твердили, въ Польшѣ и на Руси, что главная цѣль польскаго захвата Руси — уничтоженіе здѣсь „схизмы“ и торжество католицизма ²⁾. Отъ своихъ пановъ и епископовъ не

¹⁾ Срв. „Славяне“ Ш. 11 — 12. Съ магдебургскимъ правомъ перешли и на Русь всѣ его варварскія казни, и мѣстскія власти пріобрѣтали „*facultatem seu potestatem secundum jus maydeburgense decolandi, rotandi, mutilandi pedes, manus, aures, linguas, prout jus decernet*“ — какъ замѣчаетъ панъ Андрей Тарло въ привилегіи, данной на это право городу — мѣсту Хырову (1538).

²⁾ См. выше, стр. 13, 21. Еще въ концѣ XVI в. (1596) львовскій архіепископъ Іоаннъ Соликовскій заявляетъ, что онъ всегда желалъ въ своей епархіи торжества католицизма „*in media turba haeretico-*

Отставали и католическіе мѣщане, нѣмецкіе и польскіе, и, если ужъ не могли удалить „схизматиковъ“ изъ ихъ древнихъ городовъ, то давали имъ во всемъ чувствовать преимущество своего „христіанства“, т. е. католической, „лядской“ вѣры передъ ихъ „русскою“ вѣрою ¹⁾. При такой вѣроисповѣдной нетерпимости и ненависти трудно было предполагать, чтобы католическіе мѣщане безропотно терпѣли въ своей средѣ православныхъ. Дѣйствительно, если уже общежитіе „христіанъ“ (католиковъ) и „схизматиковъ“ оказывалось, по разнымъ экономическимъ соображеніямъ, необходимымъ, то первые относились ко вторымъ болѣе или менѣе враждебно, стараясь исключать ихъ изъ городского представительства, изъ цеховъ и вообще всевозможно имъ вредить и солить. Это враждебное настроеніе католическаго большинства въ городахъ противъ православнаго меньшинства усиливалось вмѣстѣ съ усиленіемъ польскаго элемента, въ которомъ исчезъ элементъ нѣмецкій, и со временъ провозглашенія уніи одной части русской церкви съ Римомъ; вражда „Ляховъ“ къ „Руси схизматической, дисунитской“ не осталась на одной почвѣ вѣроисповѣдной, а очутилась тоже на почвѣ національной.

Въ столицѣ Червоной Руси, въ городѣ Львовѣ, послѣ его обращенія въ нѣмецкое „мѣсто“ *Lamburg—Lemberg*, сначала новый элементъ нѣмецкій относился къ старому населенію русскому довольно хорошо, и въ XIV—XV вв. даже въ числѣ мѣстскихъ радцевъ попадаются тоже Русскіе (*Ruthenus, Reusse*) ²⁾.

---

rum et schismaticorum aliorumque infidelium“, въ чемъ ему помогутъ водворенные во Львовѣ іезуиты.

¹⁾ Въ уставѣ львовскихъ мѣховщиковъ (1470) постановлено тоже, что „*die Reussen zu unsir kristenlichen beigruft (похороны), und die zechе zu erer reusseschen beigruft, nisnichten haben sullen. Auch sall man keinen Reussen, weder keinen unkristen zu zechmeister kysen*“. Въ польскомъ уставѣ (1557) выражаются уже иначе: *na po-grzebach polskich i ruskich... na cechmistrzostwo żaden inszy tylko z rzymskiej religiej nie ma być*. Срв. *Akta grodzkie i ziemskie VI. № 97, Dodatek do Gazety lwow. 1861, № 22*.

²⁾ Въ числѣ львовскихъ мѣщанъ Русскихъ въ первой половинѣ XV в. часто упоминается радца и лавникъ *Johannes (Januszko) Tolmacz, J. dictus interpres*.

Съ начала XVI в. однако католическіе мѣщане выступали все болѣе противъ православной Руси, не выбирали ихъ въ мѣстное представительство, не признавали ихъ свидѣтельства въ судѣ, заставляли ихъ присягать не въ ихъ церкви, а въ церкви католической или въ ратушѣ, мѣшали имъ въ отправленіи ихъ обрядовъ. Король Сигизмундъ I защитилъ львовскихъ православныхъ противъ такихъ враждебныхъ дѣйствій львовскихъ католиковъ (1521), но вскорѣ послѣ того (1525) самъ поступилъ по примѣру послѣднихъ и запретилъ имъ покупать дома внѣ ихъ „русской“ улицы, вступать въ цехи, въ которые они и раньше не допускались, и вообще одобрилъ разныя притѣсненія, практиковавшіяся съ цѣлю повредить ихъ матеріальнымъ интересамъ и религіознымъ чувствамъ. Этою грамотою короля Сигизмунда прикрывалось всегда католическое польское большинство городского представительства, когда русскіе мѣщане жаловались на разныя стѣсненія и требовали ихъ уничтоженія ¹⁾. Отправленіе православныхъ обрядовъ въ публичныхъ мѣстахъ часто возбуждало неудовольствіе католиковъ; напр. похороны Русскихъ не смѣли отправляться торжественно черезъ весь городъ, такъ какъ такіе обряды ненавистныхъ „схизматиковъ“ производили соблазнъ и вызывали негодованіе католиковъ ²⁾. Даже въ тѣхъ цехахъ, въ которые допускались Русскіе, пришлось имъ терпѣть разныя притѣсненія со стороны католическихъ членовъ цеха. Цехи котельниковъ и суконщиковъ исключали схизматиковъ (1616), мѣховщики допускали и Русскихъ, но только въ члены, а не въ начальники (цехмистры), которыми должны были быть только католики (1470, 1557). Львовскіе сапожники, раздѣлявшіеся на два цеха, польскій и русскій, сочли потомъ (1635) болѣе удобнымъ соединиться въ одинъ цехъ

---

¹⁾ Срв. напр. *Lustracya starostwa lwowskiego* г. 1570, wyd. Heck, р. 35 (Stryj 1890).

²⁾ Срв. напр. любопытную жалобу львовскихъ католиковъ по поводу русскихъ похоронъ (1623 г.), приговоръ львовскаго войта І. В. Зиморовича (1659 г.) въ спорѣ двухъ бабъ, польской и русской, о колоколахъ, и пр. (Сводная галицко-русская лѣтопись, 277, 315). Зиморовичъ въ хроникѣ Львова называлъ „*kondaki*“ и „*tropari*“—прислужбою митрополита (Zubrzycki: *Kronika m. Lwowa*, 271).

съ двумя цехмистрами, польскимъ и русскимъ; но не смотря на это соглашеніе, между безпокойными львовскими сапожниками „religii rzymskiéj i religii greckiej“ споры не прекращались ¹⁾. Въ началѣ XVII в. (1609) православные мѣщане львовскіе жаловались королю: „Утяжени естесмо мы, народъ рускій, отъ народа полского ярмомъ надъ египѣскую неволю, же насъ лечъ безъ меча але горѣи нѣжъ мѣчемъ съ потомствъ выгубляютъ, заборонивши намъ пожитковъ и ремеслъ обходовъ вшелякихъ, чимъ бы толко человекъ живъ быти могъ, того не воленъ Русинъ на прироженой земли своей русской уживати въ томто рускомъ Львовѣ. А зажъ панове цехмистрове и ремесници лвовские, шевцѣ, кравцѣ, рѣзники, поворозники, гончары ец. ец. (et cetera), цось зачнѣйшого о собѣ надъ войска Ваш. Кор. Мил. быти розумѣють, же насъ въ цехахъ своихъ весполъ зъ собою мѣти не хотятъ? А зажъ панове райцѣ лвовские и цехове лвовские щось большого надъ то себе быти розумѣють, же насъ народу русского при боку своемъ мѣти не хотятъ, але съ потомствъ насъ выгубляютъ?“ ²⁾. Но всѣ такія жалобы были бесполезны, и притѣсненія православныхъ Русскихъ не прекращались, не смотря на разныя королевскія грамоты, уравнивавшія православныхъ съ католиками: и въ Польшѣ теорія и практика расходились.

Подобное тому болѣе или менѣе униженное положеніе занимали Русскіе и въ другихъ городахъ карпатской Руси. Въ Перемышлѣ городскіе радцы были только католики; они въ дѣлахъ католиковъ не принимали свидѣтельствъ Русскихъ, взыскивали съ Русскихъ высшія судебныя платы, заставляли ихъ участвовать въ католическихъ праздникахъ, такъ что къ концѣ XV и въ началѣ XVI в. сами польскіе короли, Іоаннъ Альбрехтъ, Александръ и Сигизмундъ (1519), должны были вмѣшиваться въ дѣла перемышльскихъ католиковъ и православныхъ, отчасти и въ пользу

---

¹⁾ См. Łoziński: Lwów starożytny II. 253, Литер. сборникъ галицко-русской матицы 1870, стр. 101, Akta grodzkie i ziemskie I. № 47, срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 308.

²⁾ С. Голубевъ: Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (Кіевъ 1891, I, 65).

последних¹⁾. Въ цехахъ перемышльскихъ является та же самая вражда католиковъ къ православнымъ; сапожники раздѣлялись на два цеха, польскій (Поляки и Нѣмцы) и русскій, а по уставу кузнецовъ (1471) прямо запрещалось польскому мастеру держать и обучать русскихъ подмастерьевъ—*nullus magister Polonorum debet servare ac docere discipulum Ruthenorum*²⁾. Король Сигизмундъ I вообще нерѣдко занимался взаимными отношеніями католическихъ и православныхъ мѣщанъ во Львовѣ и въ другихъ городахъ коронной Руси. Въ Красномъ Ставѣ православные Русскіе не могли быть ни радцами, ни лавниками, ни членами цеховъ: король Сигизмундъ уничтожилъ этотъ несправедливый обычай, и допустилъ и православныхъ Русскихъ въ городское представительство, по два радцы и лавника, и въ цехи (1523, 1524). Но тотъ же король въ г. Бужскѣ исключилъ православныхъ Русскихъ изъ представительства города и довершилъ постановленіе 1411 г., по которому запрещалось Русскимъ готовить напитки и солодъ³⁾. Въ Каменцѣ сапожники, мѣховщики, портные и др. раздѣлялись на польскихъ и русскихъ. Въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, равнымъ образомъ какъ и въ селахъ, православные Русскіе должны были давать десятину или другія платы католическимъ священникамъ, прибывшимъ въ тѣ русскіе города и села только съ польскимъ завоеваніемъ. Въ Холмѣ — по распоряженію короля Сигизмунда (1519)—всѣ некатолики и Жиды, которые владѣли землями и домами, принадлежавшими прежде Ляхамъ (*Lechitis sive hominibus catholicis, ritus romani*), должны были платить десятины католическому священнику холмскому. Въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно новыхъ, православные Русскіе прямо исключались изъ пользованія мѣстскимъ правомъ, которое предоставлялось однимъ только католикамъ, такъ напр. въ Яслискахъ, въ Плазовѣ⁴⁾. Въ Замостьѣ основатель го-

¹⁾ См. выше, стр. 51.

²⁾ *Akta grodzkie i ziemskie* VI. № 99.

³⁾ См. грамоты изъ метрики коронной у Подѣя, *Dziwięcinu*, 10—13.

⁴⁾ Въ Яслискахъ, мѣстечкѣ среди карпатскихъ русскихъ Лемковъ, подчиненномъ перемышльскому католическому епископу, въ нача-

рода, Іоаннъ Замоискій (1580), тоже постановилъ, чтобъ мѣщане были одни только католики; но скоро онъ убѣдился, что такое постановленіе трудно исполнить, и поэтому распространилъ пожалованныя городу привилегіи и на православныхъ Грековъ и Русскихъ, которые—вмѣстѣ съ давно обрусѣвшими Греками—приняли унію только въ концѣ XVII вѣка ¹⁾. Въ другихъ городахъ, гдѣ нельзя было обойти многочисленное русское населеніе, оно занимало второстепенное положеніе въ думѣ, судѣ, цехахъ, чувствуя на каждомъ шагу господство католическаго польскаго населенія. Въ городское представительство русскіе мѣщане имѣли только ограниченный доступъ, имѣя обыкновенно только по одному члену между радцами и лавниками; въ нѣкоторыхъ городахъ Русскіе, хотя были и мѣщане, не допускались въ городское представительство. Въ городскихъ цехахъ Русскіе то исключались, то допускались въ майстры, изрѣдка и въ цехмистры (*jeden laski, drugi ruski*), и вообще русскіе члены цеха занимали въ немъ второстепенное мѣсто ²⁾.

При всей этой всеобщей фанатической вѣроисповѣдной враждѣ находились всетаки среди Поляковъ люди болѣе просвѣщенные, которые искренно желали установленія болѣе дружескихъ отношеній между обоими славянскими народами. Такъ, ок.

лѣ XVII в. не дозволялось быть мѣщанами „Руснакамъ“, людямъ *greckiej wiary*, а *Ruthenus* ставился наравнѣ съ *illegitime natus*. (*Przewodnik naukowy* 1890, p. 806).

¹⁾ О Замостьѣ см. Холмская Русь I. 187, 259.

²⁾ Вотъ напр. одно постановленіе устава ткачей въ Немировѣ (1624): „*Między tymi mistrzami tego rzemiosła aby nie był żaden Rusin, któryby sobie majstrował, oprócz tego, któryby towarzysz Rusin przywędrował, któremu wolno robić dwie niedzieli. A jeśliby nadwędrował Polak towarzysz, mistrz ten, u któregoby Rusin towarzysz robił, powinien go odprawić, a towarzysza Polaka przyjąć, odprawiwszy Rusina*“. (*Dodatek do Gazety lwowskiej* 1853, № 62). Отношеніе Ляховъ и Руси въ русскихъ городахъ и цехахъ напоминаетъ до известной степени отношеніе Нѣмцевъ и Славянъ въ полабско-балтійскихъ городахъ, о чемъ срв. наше соч. „Германизація балтійскихъ Славянъ“.

1576 г. Иеронимъ Сенявскій, воевода русскій, жалуя городу Олешичамъ нѣмецкое право, справедливо замѣтилъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Польша, гдѣ столько вѣроисповѣданій, никто не долженъ господствовать надъ вѣрою и совѣстью людей, и поэтому въ городѣ могутъ поселяться люди всѣхъ вѣроисповѣданій ¹⁾ Въ началѣ XVII в. гетманъ Станиславъ Жолкевскій, потомокъ православнаго русскаго рода, но уже давно окатоличеннаго и ополяченнаго, самъ ревностный католикъ и врагъ чешскихъ еретиковъ, относился всетаки съ уваженіемъ къ православной Руси, по примѣру просвѣщеннаго своего современника и родственника Іоанна Гербурта. Станиславъ Жолкевскій принялъ православныхъ Русскихъ въ основанномъ имъ городѣ Жолкви подъ свое особое покровительство; онъ, въ виду „размноженія хвалы божіей и украшенія религіи греческой“ (dla pomnożenia chwały bożej i ozdoby religiej greckiej), пожаловалъ (1612) православной церкви разныя льготы, и православнымъ жителямъ полную свободу въ отправленіи обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія и право заступать тоже въ городскомъ представительствѣ, по одному радцѣ и лавнику ²⁾.

---

¹⁾ A iż korona polska okwita jest w rozmaite stany ludzi, zwłaszcza z strony religiej, k temu że żadna zwierzchność nie ma panować nad wiarą, czią i sumnieniem, pozwalamy to najwięcej, aby mogli dla spokojnego życia osiadać ci ludzie, którzyby nie dla jakich występków a złości, ale z inszych przyczyn prześladowanie albo ucisk mieli, używając wszystkich wolności i prawa od nas nadanego. A jeśliby kto z potomków naszych, mierząc się nabożeństwem takich ludzi, chciał je wyganiać, tedy powinien będzie wszystkie nakłady w budowaniu domów, browarów, słodowien, naprawowania ogrodów, sadów, łąk, rol im odłożyć, pod zakładem winy do skarbu królewskiego złotych dwu tysięcy. (Изъ Метрики коронной у Балинскаго и Липинскаго Starożytna Polska II. 1220). Приводимыя въ Сводной галицко-русской лѣтописи (стр. 313) гуманныя слова будто-бы Андрея Потоцкаго (1658) относительно православныхъ его города Станиславова — позднѣйшая выдумка, такъ какъ эта грамота подложна (Szarłowski: Stanisławów 1887, p. 99).

²⁾ Грамоту Жолкевскаго напечаталъ J. Barącz: Pamiętka miasta Żółkwi (Lwów 1852, p. 113). Привилегіи Жолкви утвердилъ ко-

Селяне карпатской Руси, называемые еще въ концѣ XIII в. и навѣрное и въ XIV в. *смерды* ¹⁾, а со временъ польскаго завоеванія по-польски *кметы* (въ русскихъ и латинскихъ актахъ), пользовались и потомъ своимъ стариннымъ русскимъ правомъ (*jus ruthenicum, ruthenicale*), отправляя разныя повинности и платы натурою государству и своимъ панамъ, которые, по образцу польскому, приобрѣтали право суда надъ своими подданными. Со второй половины XIV в. поселялись въ карпатской Руси колонисты изъ сосѣдней волошской Молдавіи и сѣверной подкарпатской Угрии, Волохи и Русские, на особомъ волошскомъ правѣ, которое основывалось преимущественно на денежной платѣ владѣльцу ²⁾, Кроме селъ на правѣ русскомъ и волошскомъ, основывались села на правѣ польскомъ (*jus polonicum, poloniale*) и на правѣ нѣмецкомъ (*jus theutonicum*), которыя распространялись на Русь изъ Польши; польское право, похожее на русское, служило польскимъ кметямъ-католикамъ, которыхъ польскіе земьяне охотно поселяли въ своихъ селахъ на Руси; нѣмецкое право, основываясь—подобно волошскому—на денежной платѣ (чиншѣ), служило не столько кметямъ нѣмецкимъ—которыхъ на Руси было вѣроятно мало,—сколько польскимъ и русскимъ. Польскіе земьяне на Руси и сами русскіе земьяне, подобно тому какъ они приняли польское право (1434), такъ стремились и потомъ уравнить положе-

---

роль Іоаннъ Собескій (1693), внушая католикамъ, aby religii greskiej okiem nie przenosili.

¹⁾ Слово *смердъ*—плебей, земледѣлецъ—знали Русские, Ляхи (смардъ) и Словѣне (смръдъ); срв. „Славяне“ I. 128, III. 204. Впослѣдствіи это слово приняло значеніе браннаго слова, мужика, хлопа въ презрительномъ смыслѣ, такъ что оно вызывало даже жалобу въ судъ со стороны такъ обзываемаго; срв. въ актахъ львовскихъ 1440 и 1443 г. (Akta grod. i ziem. XIV) дѣло о брани словомъ smard. Это слово знаютъ еще Поляки XVI в. (Мончинскій, Рей, Бѣльскій, Папроцкій) въ презрительномъ смыслѣ: простака мужика, хлопа, неряхи.

²⁾ Срв. въ грамотѣ князя Швитригайла (1424): „Село Косово имѣють намъ давати подлугъ права волоского тыто доходы, штожь съ полонинъ..., а съ каждого кмета по 2 гроши польскихъ краковского разу у каждый годъ“.

ніе своихъ подданныхъ кметей съ положеніемъ кметей въ Польшѣ. Такъ напр. уже въ 1435 г. земляне галичской земли приняли нѣкоторыя постановленія относительно кметей, которыя были обязательны въ земляхъ краковской, сандомирской и польской ¹⁾. Случалось, что въ одномъ селѣ жили кмети—Поляки католики и Русскіе православные, одни на правѣ польскомъ, другіе на правѣ русскомъ; когда тѣ и другіе переходили и переводились на право нѣмецкое, то обязывавшее ихъ право русское или польское уничтожалось, и только изрѣдка право польское (и русское?) считалось какъ бы дополненіемъ нѣмецкаго. Значительное количество польскихъ католическихъ кметей въ земляхъ карпатской Руси въ началѣ XV вѣка видно уже по все увеличивающемуся числу католическихъ церквей, основываемыхъ въ селахъ не только католическихъ, а также въ селахъ русскихъ. Эти церкви, не говоря о ихъ характерѣ католической пропаганды среди православнаго населенія русскаго, должны были служить всетаки прежде всего духовнымъ потребностямъ католическаго населенія на Руси, землянъ и кметей. Кромѣ того на польское населеніе въ имѣніяхъ карпатской Руси указываетъ тоже польская географическая номенклатура, которая встрѣчается постоянно въ разныхъ письменныхъ памятникахъ конца XIV и начала XV вѣка; если такія польскія названія надо отчасти объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что писцы латинскихъ грамотъ были Поляки, польскіе священники, то всетаки трудно предполагать, чтобъ эти писцы назвали всѣ урочища по-польски, тѣмъ болѣе, что они знали и употребляли тоже русскія названія. Такъ напр. около Рогатина въ галичской землѣ, имѣнія русскаго пана Волчка Переслужича изъ Рогатина (1415—1419), употреблялись польскія слова (съ прибавленіемъ *vulgariter*): *powrozy*, *obszary*, *włok bobrownicy* (другія слова, *ostrow*, *potok*, могли быть польскія и русскія); въ Рогатинѣ была католическая церковь и плебанъ и двѣ русскія церкви (*ruthenicales ecclesiae*, а ужъ не *synagogae*) и священники (*presbyteri ruthenicales*, а не *popones*, *baytkones*). Около села Мальчичъ въ львовской землѣ, принадлежавшаго русскимъ землянамъ Федорку

¹⁾ Akta grodzkie i ziemskie XII. p. 425.

и Федьку Мошенчичамъ-Мальчицкимъ (1447), почти всѣ слова и названія урочищъ—польскія: *głęboki potok, rzeka, obszary, stawek, wgon, stępy, spuścić, na wirzech, podatki, dzieckować, przasny, obcy*; но встрѣчаются тоже названія русскихъ повинностей: *kupica, concordatio alias mirne, divortionabile alias rozrust*, и пр. Бывали тоже случаи, что въ одномъ и томъ же самомъ селѣ жили кметы на правѣ русскомъ, волошскомъ и нѣмецкомъ,—что кметы, пользовавшіеся правомъ нѣмецкимъ и особенно волошскимъ, переводились или добровольно переходили на право русское,—что надо было рѣшать вопросъ, пользуются-ли они правомъ волошскимъ или русскимъ; да иногда русскіе кметы не хотѣли переходить на право нѣмецкое, такъ какъ они привыкли къ праву русскому (*nos polnimus sedere in jure theutonico, quia consuevimus sedere in jure ruthenico*). Сельскій староста кметей на русскомъ правѣ назывался уже въ XIV в. *ватаманъ* (*атаманъ*)¹⁾; сельскій староста кметей на волошскомъ правѣ — *князь* (въ селѣ) и *крайникъ* (въ краинѣ, округѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ селъ); староста кметей на нѣмецкомъ правѣ—*войтъ* (*voigt, advocatus*), *шелтысъ* (*schultheiss, scultetus*, у Поляковъ *szołtyś, sołtyś*); назывался-ли староста кметей на польскомъ правѣ *староста*—какъ въ Польшѣ въ XIII—XIV вв. — неизвѣстно. Во многихъ селахъ коронной Руси, напр. въ земляхъ белзской, холмской, галичской, въ Подольѣ, старосты назывались *ватаманами* еще въ XVI—XVII вв., хотя эти села давно уже не были на правѣ русскомъ, а на правѣ „чиншевомъ“ (нѣмецкомъ), и такой *ватаманъ* былъ собственно говоря уже *войтомъ*, *шелтысомъ*²⁾. Старинное славянское дѣленіе населенія на тысячи, сотни (ста) и десятки сохранилось и въ карпатской Руси XV вѣка: люди сотные (*homo sotny* или, на польскій ладъ, *setny*); воеводы (тысячскіе)

---

¹⁾ Это слово по всей вѣроятности татарское. Такіе ватаманы были тоже въ сѣверной Руси (срв. „Славяне“ I. 114). У русскихъ козаковъ атаманъ—разные начальники.

²⁾ У карпатскихъ Гуцуловъ сельскій староста еще въ первой половинѣ XIX в. назывался *князь*, *атаманъ*. Срв. ст. Вагилевича въ *ж. Časopis Česk. Musea* 1838, 491.

и сотскіе встрѣчаются только въ городскихъ многолюдныхъ общинахъ, но десятники (*dzesatnik, dzesantnik*)—въ селахъ. Кметы на Руси назывались въ XV в. тоже селяне, мужи, людъ; община—уже по-польски *gromada* (*communitas villae alias gromada*), и даже, по польскому примѣру, *gmin* — изъ нѣмецкаго *gemeine, gemeinde* (*communitas alias gmin*), сходки кметей—вѣча, сборы (*congregationes rusticorum quod sbory nuncupantur*) ¹⁾. Русскіе кметы раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, вольныхъ и невольныхъ, служебныхъ сотныхъ, каленыхъ (каляныхъ, каленики, калыники, въ калынствѣ, срв. малорусское калати, польское *kałis, kałas, marać, zagryznić*) и ординцевъ (въ „ордѣ“, какъ бы въ рабствѣ, неволѣ) ²⁾.

¹⁾ Въ одно село галичскаго староства „*podstarości halicki zjeżdżał dwakroć do roku sądzić wieś*“ (*Lustracya starostwa halickiego* г. 1566). Сельскія *wieś* встрѣчаются въ XVI в. тоже въ ратенскомъ староствѣ холмской земли (см. ст. Любомирскаго о ратен. староствѣ въ ж. *Biblioteka Warszawska* 1855, II). Сельскія вѣча — сходки и суды знали Поляки и поднѣпровскіе Русскіе; срв. „Славяне“ I. 117. Въ одномъ селѣ саноцкаго староства (*Rewizya star. sanock. г. 1565*) въ числѣ разныхъ податей встрѣчается *owies wiesowy*, т. е. дань натурою со стороны вѣща; срв. *zarna zborowa*—серна, даваемая зборомъ, *owies rostowy czupszowy* — овесь, даваемый какъ поцта (какъ бы почетный подарокъ), чиншъ (оброкъ).

²⁾ Въ жалованной грамотѣ короля Казимира 1456 г., данной русскимъ землямъ (*Bandtkie: Jus polonicum* 292, *Turgenev: Supplementum ad histor. Russiae monum.* 456) постановляется тоже, чтобъ „*cmetones terrigenarum per capitaneos ac officiales ipsorum aliosque violenter non recipiantur in servitute vulgariter mordinice (mordanice)*, hoc expresso, nisi prius villicus alias *tywon* seu *wataman* cum omnibus *cmetonibus* possessionatis super eo juraverint, quod sit de eorum genere et servitute“. Въмѣсто непонятнаго слова *mordinice* (Шафэрикъ сравнивалъ его съ *смердѣ*) читаемъ „*w ordinice*“ — „*w ordince*“ (въ ординцевѣ). Князь Фад. Любомирскій (*Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w.*, *Biblioteka Warszawska* 1858, I) приводитъ, изъ львовскихъ книгъ 1446—1452 г., одинъ разрядъ свободныхъ кметей—*roschożu* (извѣстные тоже въ Литвѣ): *est tributarius verus, illiberus, non procedens, nie pochodzący*. Этого мѣста мы въ изданныхъ актахъ львовскихъ (*Akta grodz. i ziemskie XIV*) отыскать не могли

Положеніе кметей въ коронной Руси уравнивалось все болѣе съ положеніемъ кметей въ Польшѣ уже послѣ 1435 г., когда они очутились въ большей зависимости отъ своей шляхты, особенно же въ силу статутовъ 1496 и 1505 гг. „Русское“ право пришло въ забвеніе, и отъ него остались только нѣкоторые слѣды; чиншевое право нѣмецкое сдѣлалось — рядомъ съ волошскимъ правомъ — господствующимъ, да оно стало называться и было собственно польскимъ ¹⁾. Дольше, чѣмъ право русское, именно до XVIII в., сохранилось право волошское, которое существовало въ русскихъ земляхъ отъ Покутья на молдавскихъ границахъ — на западъ до Сандча и на сѣверъ до Холма, Белза и Воляня. Такія „волошскія“ села были, особенно позднѣе, русскія, да и назывались тоже русскими (*villae ruthenicae seu Valachorum*), равнымъ образомъ какъ были русскими и села на „нѣмецкомъ“ правѣ. Отъ русскаго права сохранились немногіе остатки, именно нѣкоторыя

Въ галичскихъ актахъ 1446 г. упоминается *homo zaroschodzacy*; но его положеніе не ясно. Также не ясно названіе и положеніе людей „каленныхъ, каляныхъ“ (или каланыхъ?); въ другихъ русскихъ земляхъ встрѣчаются въ землѣ кievской (ок. 1471 г.): „въ селѣ Цветковѣ отаманъ и два челоуѣка, одинъ слуга, а другой коланъный“, въ барскомъ староствѣ въ Подольѣ (1565 г.): „*służkowie kolanni (kołanni?) alia zubożale ludzi, obracają na posługi potoczne*“; но и здѣсь значеніе этого слова темно. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2. стр. 2, 222). Въ львовскихъ книгахъ XV в. встрѣчается слово *ятвежинъ, ятвежанинъ* (*homo regalis alias iathwyesin, homo yathwyeszanin*); положеніе этихъ подданныхъ не ясно, но ихъ названіе русское, а не польское, — по литовскому племени Ятвеговъ, Ятвяговъ, Ятьвяговъ (по-польски *Jadźwing, Jaćwęg*), съ которыми воевали галичско-волянскіе князья XIII в., и о которыхъ много рассказываетъ галичско-волянская лѣтопись; срв. выше, стр. 5 и 6 пр. Народное названіе Ятвягъ сдѣлалось нарицательнымъ, какъ напр. влахъ — валахъ, склавъ; срв. „Славяне“ I. 72, 129, 132.

¹⁾ Такъ напр. около Сандча 1578 г. кметы одного села заявляютъ, что они *a jure eorum ruthenico ad ius polonicum quoad labores et servitia sunt translati a dominis ipsorum* (Любомирскій). Въ саноцкомъ староствѣ въ 1565 г. въ числѣ селъ встрѣчаются *Dąbrówka Niemiecka dziś Polska* (кметы съ названіями польскими и нѣмецкими), и *Dąbrówka Ruska* (кметы — Русскіе); оба села платятъ чиншъ.

названія должностныхъ лицъ и повинностей, встрѣчающіяся въ селахъ (sioła и по-польски) на правѣ волошскомъ и нѣмецкомъ, напр. kniaz, wataman, tywon albo włodarz, kniaz alias wataman, kniaz alias tywon, przełożenstwo czyli tywoństwo, kuna—kunica—kuniczne, pojemszczyzna, prazniczne, wychodne, po—hołowszczyzna, poczerewizna, połudzie, ciągli—zaciągłi — ro—ciągli (тяглые люди), hultaj (голтяй, безземельный голышъ, бродяга, бобыль), и пр. На рубежѣ польской и литовской Руси, земля подольской и кievской, сохранились еще въ XVI в. слѣды стариннаго сельскаго копнаго суда, на которомъ „о злодѣйства и о всякіе кривды яко зъ сель людскихъ, такъ и зъ сель великаго князства повѣту кievского права себѣ даютъ“ ¹⁾.

¹⁾ Старинное русское полюдьє (у Византійцевъ X в. *πολοδιον*, срв. „Славяне“ I. 157) встрѣчается въ XVI в. въ староствѣ ратенскомъ (сначала часть земли волынской, потомъ земли холмской русскаго воеводства); это была дань медовая и денежная, и называлась тоже *rosta*, *rokłon*; срв. статью I. Ф. Любомирскаго: *Starostwo radeńskie* (Biblioteka Warszawska 1855, II), и *Lustracya starostwa radeńskiego r. 1565* (Архивъ югозападной Россіи VII, 2). Въ томъ староствѣ встрѣчается тоже: „*poczerewizna (pobrzuchowszczyzna), jus primaе postis pro d. capitaneo g. 2; dają ci ktorzy żonę z pod drugieh rapów biorą*“ (kunicę od tych, co do cudzych dóbr dziewki oddawają). Южно- и западно-русскаго слово *голтяй* (въ кievской землѣ ок. 1471 г.: голтяи, люди приголтяевѣлые; въ западно-русскаго, каменецкой Четыи 1489 г.: гольтяй—бѣднякъ, гольтяйство—бѣдность) встрѣчается тоже въ коронной Руси, именно въ белзской землѣ въ началѣ XVI в.: *holtaji, oltaje — nihil tenent, nihil dant*; къ нимъ причислялись тоже бродяги музыканты, древніе скоморохи (срв. названіе двухъ сель въ белзской землѣ—Скоморохи). О копномъ судѣ въ коронной Руси (срв. „Славяне“ I. 120) см. Вил. Археогр. Сб. I. 122; Молчановскаго о подольской землѣ, 334; срв. Акты Вил. Арх. Ком., т. XVIII (1891).—О положеніи кметей въ коронной Руси см. *Atka gr. i ziem.*, разные описи (*lustracyi, rewizyi, inwentarze*) королевскихъ и частныхъ имѣній XVI—XVII вв., напр. староствѣ саноцкаго, галичскаго, львовскаго, любомльскаго, ратенскаго, скальскаго, каменецкаго, барскаго, хмѣльницкаго и др. Срв. статьи I. Ф. Любомирскаго: *Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w.* (см. *Akta grodzkie i ziemskie*, t. XII, p. XI et 425), А. Стадницкаго: *Ziemia lwowska za rządów polskich w XIV i XV w.* (Bi-

Польскіе колонисты-селяне исчезали среди русскаго населенія, сливаясь съ соплеменными Русскими, и только названія селеній на Руси Ляшки и Лядское (Ляцкое) указываютъ на ихъ лядское происхожденіе ¹⁾. Подобно тому и въ Подольѣ—послѣ его воссоединенія съ Польшею (1699) — поселялись не только Русскіе изъ Червоной Руси, а также повислянскіе Поляки, которые однако со временемъ дѣлались Русскими ²⁾.

Въ колонизаціи карпатской Руси вѣроисповѣднѣйшій моментъ не могъ не играть своей роли. Нѣмецкое право жаловалось обыкновенно всѣмъ кметямъ, Русскимъ и Полякамъ; но нерѣдко одни только католики, Поляки и Нѣмцы, считались достойными пользоваться нѣмецкимъ правомъ, между тѣмъ какъ „схизматики“ Русскіе изъ него исключались (*schismaticis et Ruthenis omnino ex-*

---

blioteka Ossolińskich 1863, III), Papée: Skole i Tucholszczyzna (львов. Przewodnik naukowy 1890), А. Яблоновскаго: Podole u schyłku w. XV (варшав. Ateneum 1880, II. III), и введенія къ изданнымъ имъ люстраціямъ подольскихъ староствъ (*Źródła dziejowe t. V, XIX*), Владимирскаго-Буданова: Населеніе югозападной Россіи до люблинской уніи (введеніе къ изданнымъ имъ памятникамъ въ Архивѣ югозападной Россіи VII. 1. 2., и срв. еще А. Яблоновскаго въ Ateneum 1888, I). О волошскомъ правѣ см. А. Стадницкаго: O wsiach tak zwanych wołoskich na północnym stoku Karpat (1848), O kniaztwach we wsiach wołoskich z poglądem na wójtowstwa we wsiach na magdeburskim prawie osadzonych (1853), I. Ф. Любомирскаго: Północno-wschodnie wołoskie osady (Biblioteka Warszawska 1855, IV), замѣтки Е. Калужняцкаго (въ вѣнскихъ Denkschriften der k. Akademie 1880, Bd. XXX, p. 25—64), А. Прохаски (Przewodnik naukowy 1889, p. 467), и др. Замѣтимъ, что слово „волохъ, валахъ, влахъ“ сдѣлалось у Славянъ нарицательнымъ, о чемъ см. „Славяне“ I. 72—73, и оба сочиненія Пича (заглавія см. „Славяне“ III. 95).

¹⁾ См. выше стр. 100.

²⁾ Отвиновскій (Pamiętniki do panowania Augusta II, Poznań 1838, p. 14) пишетъ: Poczęło się po pokoju uczynionym Podole osadzać, dokąd wiele tysięcy poszło chłopów od Wisły, a osobliwie od Przemyśla i Sanoka, że prawie całe wsi pozostawały pustkami w Podgórzu. Zeszło się też tam i Rusi potrosze, a ci nasi Mazurowie successu temporis w Ruś się poobracali, i może się tam teraz ten kraj nazywać polsko-ruski.

clusis et excerptis). Такъ было напр. въ селахъ Годовичахъ и Жидатичахъ (1405), Зубрь (1408), Малеховъ и Клекотовъ (1419), Вербяжъ (1423), Титовичахъ (1433), и др. Католическое духовенство требовало десятины и другихъ платъ не только отъ своей католической паствы, а тоже отъ „схизматиковъ“, съ чѣмъ соглашались и польскіе короли и паны. Такъ это было именно въ львовской архіепископіи, гдѣ архіепископъ взималъ извѣстныя платы тоже съ „схизматиковъ“, поселенныхъ на нѣмецкомъ правѣ; этотъ обычай утвердилъ король Владиславъ Ягайло (1426). Если въ селѣ жили католики Поляки (и Нѣмцы) и православные Русскіе, то эти послѣдніе должны были часто содержать не только своего попа, батюка, но также давать десятину или извѣстныя платы католическому ксѣндзу плебану, патеру ¹⁾. Такъ это было въ епархіяхъ коронной Руси, и часто тоже въ Руси литовской. Послѣ введенія уніи католическое духовенство требовало десятины тоже отъ уніатской Руси.

Положеніе православныхъ Русскихъ въ городахъ и селахъ ухудшилось послѣ уніи одной части русской церкви съ Римомъ, которая привилась и въ карпатской Руси, прежде всего въ епархіи холмской, потомъ и въ епархіяхъ перемышльской и львовской. Одни только русскіе „униты“ могли еще разсчитывать на снисходительность польскихъ католиковъ, а „дисуниты, схизматики“ считались уже прямо врагами католической Польши. Такъ напр. въ городахъ Томашовъ и Угриновъ допускались въ городскія представительства католики и уніаты, а въ Каменцѣ, послѣ многолѣтняго турецкаго господства, православнымъ вообще запрещалось жить: *ludzie religii greckiej disuniti mieszkać nie mają*—порѣшили даже на польскомъ сеймѣ 1699 г. ²⁾. Во Львовѣ

---

¹⁾ Срв. напр. въ селахъ львовской архіепископіи, въ Петликовцахъ (1421), Золотникахъ (1459), Грумнѣ (Румнѣ 1471), Литвиновѣ (1476), въ сб. *Akta grodzkie i ziemskie*; въ селахъ перемышльской епископіи въ XVI в. (*Pawłowski: Premisla sacra*, p. 205, 248, 309); о холмской епархіи см. выше, стр. 114. Срв. Росіей: *O dzieśięcinach na Rusi*, 31. См. тоже выше, стр. 53—54., жалобы шляхты коронныхъ русскихъ земель на сеймѣ 1558—1559 гг.

²⁾ *Volumina legum* (изд. петербург.) VI. 35; срв. Сводная галицко-русская летопись 389, 683.

русскимъ ищанами не помогла даже унія, восторжествовавшая въ Червоной Руси на рубежѣ XVII — XVIII вѣковъ; львовскіе и другіе Русскіе, хотя уніаты, оставались въ прежнемъ своемъ униженномъ положеніи. Въ холмской епархіи католическое духовенство въ XVII—XVIII вв. собирало десятины и съ уніатской Руси, не смотря на всѣ запрещенія Рима и протесты уніатскихъ епископовъ холмскихъ. Трудно было защищаться, если господствующая польская католическая народность все смотрѣла на Русь, не только православную, но тоже уніатскую, съ какимъ-то презрѣніемъ, смотрѣла на унію какъ на „вѣру хлопскую“ (а католицизмъ „вѣра панская“), не считала даже уніатскаго духовенства равнымъ католическому духовенству польскому и дѣйствовала всегда въ смыслѣ словъ шляхты белзскаго воеводства, высказавшей еще въ половинѣ XVIII в. (1746) все свое презрѣніе даже къ уніатскому русскому духовенству въ инструкціи своимъ депутатамъ на сеймъ: „A że clerus ritus graeci uzurpuje sobie officia, tytułując się dziekanami, officyałami etc., więc praxim antiquam obserwując, aby in stallo popowstwa simpliciter zostawali, et majores titulos nie uzurpowali, ani żadnego praejudicium dziedzicom i possessorom juryzdykcyą takową, któraby intracie praepedire mogła, non inferant, ichmość panowie posłowie curabunt. Tuzdież domówić się, aby presbyteri ritus graeci non praetendant decimas, gdzie per erectiones decimae applicatae do kościołów ritus romani“ ¹⁾).

---

¹⁾ Подробности у Поцѣя: O dziesięcinach kościelnych na Rusi. Взглядъ польской шляхты на уніатскую Русь измѣнялся только медленно по мѣрѣ распространенія просвѣщенія и чужого вліянія. Въ карпатской Руси уже австрійское правительство (1782) запретило всякое важничанье римскаго католицизма въ ущербъ обрядамъ русскому и армянскому (Сводная галицко-русская лѣтопись, 299; Pelesz: Geschichte der Union der ruthen. Kirche mit Rom, II 644). Въ великомъ княжествѣ варшавскомъ, въ которое вошла и холмская Русь, могъ уже въ 1811 г. уніатскій холмскій епископъ Цѣхановскій (первый русскій епископъ въ польскомъ сеймѣ) въ варшавскомъ сенатѣ сказать, между прочимъ, и слѣдующее: „Znikło już upodlenie roxolańskiego narodu, który niegdyś jednym imieniem wszystkich za-

Коронная Русь въ своихъ высшихъ шляхетскихъ слояхъ, казалось, ополячилась; русская шляхта смѣшалась съ Ляхами и скоро сдѣлалась такими-же Ляхами *gente Rutheni, natione Poloni*. „Вслѣдствіе взаимныхъ симпатій, взаимнаго благоволенія Русь ополячивалась. Какъ два братскіе корня одного дерева, стремились другъ къ другу и переплетались между собою элементъ русскій съ элементомъ лядскимъ, чтобы общими силами вырастить изъ себя одно исполинское дерево, одинъ могущественный народъ. Какъ затѣмъ дерево многими сучьями возносится ввысь, такъ и народъ разрастается и увѣнчивается тысячею меньшихъ семей, а между родовитыми вѣтвями Польши въ золотые ея вѣка развѣ не первыми по доблести, заслугамъ и славѣ, были именно роды, которые изъ русскаго корня на русской почвѣ, именно изъ земли холмской выросли. То-то наши знаменитѣйшія фамиліи и дома польскіе въ XVI и XVII вв., тѣ Зомойскіе, Жолкевскіе, Собескіе,— это все дома русскіе, отрасли холмскіе, изъ стараго Замостья въ землѣ холмской, изъ старой Жолки въ землѣ холмской, изъ холмской Воли Собеской. Видя, что прекраснѣйшіе цвѣты польщины развивались изъ русскихъ соковъ, видя послѣ, какъ двумя единственными мѣстными домами, на долю которыхъ выпало украсить себя въ лучшія времена польскою короною, были именно два русскіе дома, наши холмскіе Собескіе и сосѣдніе съ Холмомъ Вишневецкіе, мы могли бы теперь перейти къ изображенію вопроса въ противоположномъ свѣтѣ, представить другую сторону всегда прекрасной картины того испоконъ вѣковъ существующаго братскаго единства, и начать такъ, какъ мы здѣсь кончаемъ: Русь ополячивалась, а Польша обрусѣвала“ ¹⁾).

---

szczycał Polaków. Zniknął naganny przesąd upadający Rusinów. Teraz dopiero widzimy się zupełnie porównani z bracią naszą“ (Петрушевичъ: Холмская епархія, 204).

¹⁾ Szajnocha: Jak Ruś polszczała (Szkice historyczne IV. 189). Шайноха рисуетъ взаимныя отношенія Поляковъ и Русскихъ какъ-то въ розовомъ свѣтѣ (срв. тоже его Jadwiga i Jagiełło, главу Ruś szeregowa); если онъ подъ „Русью“ подразумѣваетъ шляхту на Руси, то онъ, пожалуй, правъ; но врядъ-ли кто-нибудь согласится нынѣ съ мнѣніемъ, что шляхта или бояре представляютъ „народъ“, и что,

Шляхетскій „народъ“ въ карпатской Руси весь былъ польскій, и не было уже разницы между Дѣдошицкими, Жолковскими, Замостскими, Одровонжами, Потоцкими, Яблоновскими. Русское мѣщанство, православное и потомъ уніатское, тоже говорило, читало, писало, одѣвалось по-польски, а русское свое происхожденіе обнаруживало преимущественно въ жизни церковной, въ „русскихъ“ обрядахъ. Если бы была правда, что исторія сильныхъ и знатныхъ родовъ представляетъ вмѣстѣ исторію страны, то ополяченіе коронной Руси можно было на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ считать совершившимся фактомъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время въ той Руси окончательно восторжествовала пасербница польскаго католицизма, унія. Но такое мнѣніе — одна только иллюзія. Русь въ Карпатахъ, по Сану, Днѣстру, Бугу не исчезла; отъ нея остался, правда, одинъ только „людь“, „попы и хлопы“ (какъ выражались въ Польшѣ), всѣ тѣ сѣрые Лемки, Гуцулы, Бойки, Подоляне, которые однако—вмѣстѣ съ своими братьями по Днѣпру и по Двинѣ — держали на своихъ плечахъ пышное зданіе польской шляхетской и католической Рѣчи Посполитой. Уже въ концѣ XVI в. раздается во Львовѣ голосъ, обращенный къ сильному царю „многоплеменитаго рода російскаго, отъ нихъ же и мы обрѣтаемъ во градѣ Львовѣ убози и умалени суще паче всѣхъ челоувѣкъ жителей града сего“. А когда около половины XVII в. зданіе Рѣчи Посполитой падало, не поддерживаемое плечами русскихъ хлоповъ, и Богданъ Хмѣльницкій стоялъ подъ Львовомъ, то и въ карпатской Руси повсюду замѣчалось опасное броженіе между хлопами: *confusio et occulta a graeca religione insidiae, inpla-*

какъ думаетъ другой польскій историкъ К. Стадницкій, *historya możnych i świetnych rodzin jest razem historyą kraju*. (Synowie Gedymina II. 261). Шайноха, историкъ-художникъ и лирикъ, вообще смотритъ на задачу историка довольно своеобразно; онъ, упрекая Костомарова въ индиферентизмъ, замѣчаетъ, что *taki indyferentyzm jest szkodliwy dziejom naszej ojczyzny, gdyż autor tych dziejów traktując ją z zupełnym indyferentyzmem, nie zapala się miłością do dziejów naszych, nie unosi się chwałą tych dziejów, nie stara się o podniesienie jej najszczytniejszych czynów i dążeń*. (Szkice histor. IV. 204). Но такое отношеніе къ фактамъ—не исторія, а эпопея.

cabile odium contra catholicos et Polonos, Ruś prosi Chmielnickiego, aby im contra tyrannidem Polaków chciał subvenire— вотъ что записалъ тогда одинъ современникъ очевидецъ ¹⁾. Даброженіе распространялось и дальше на западъ, гдѣ Костка Неперскій, надѣясь на помощь Хмѣльницкаго, возбуждалъ польскихъ горцевъ противъ шляхты и Жидовъ.

Опасность миновала, а карпатскою Русью все управляли польскіе паны, настоящіе „Ляхи“, и „Русскіе, обросшіе лядскимъ мясомъ“, чуждые своимъ православнымъ и позднѣе уніатскимъ русскимъ хлопамъ. Уже современникъ Іоанна Замойскаго и Станислава Жолковскаго, Іоаниъ изъ Вишни, касаясь разныхъ шляхетскихъ предразсудковъ и притязаній, съ ироніею замѣчаетъ: „Чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Албо ты не хлопъ такій же, не таяжъ матерія, глина и перстъ, не тоежъ тѣло и кровь и тлѣніе? Съ нами богъ восточными, разумѣйте языци, и ты прегордая Латино, и покоряйся, яко съ нами богъ!“ ²⁾. Эти-то русскіе хлопцы не сдѣлались Ляхами, а сохранили своей карпатской родинѣ характеръ земли русской; и только на плечахъ этой хлопской Руси держались польскіе ея паны, какъ истые *gari nantes in gurgite vasto*, но руководители ея судебъ. А эта Русь въ Карпатахъ по Сану, Днѣстру, Бугу смотрѣла не очень дружелюбно на своихъ пановъ Ляховъ, которые ей дали „панщизну“ (барщину); идеаломъ этой Руси былъ тотъ же „козакъ“, который дѣйствовалъ въ остальной югозападной Руси противъ Ляховъ пановъ и Жидовъ, противъ Татаръ и Турокъ.

5. Русскій языкъ и русская письменность въ карпатской Руси въ XVI—XVII вв. Польскій языкъ въ карпатской Руси; вліяніе русскаго языка на польскій, польскаго на русскій. Польская литература въ карпатской Руси.

Русскій языкъ исчезъ изъ канцелярій королевской, изъ воеводскихъ, земскихъ, старостскихъ и другихъ, изъ дворцовъ пан-

---

¹⁾ Кушевичъ у Лозинскаго, *Lwów starożytny* II. 257; срв. тоже хроники Львова І. Зиморовича и Юзефовича, и ниже о „селянкѣ“ І. Зиморовича.

²⁾ См. ниже.

скихъ и шляхетскихъ, и остался только среди русскаго духовенства и мѣщанства, хотя и здѣсь его право все больше оспаривалъ польскій языкъ, дѣлаясь и въ этихъ сословіяхъ языкомъ литературнымъ и обиходнымъ. На русскомъ языкѣ въ карпатской Руси писалось мало. Русскіе книжники изъ духовенства находились подъ вліяніемъ церковнаго языка словѣнскаго, который въ свою очередь подвергался вліянію русскаго языка и болгарско-волошкаго извода. Во Львовѣ, Угорцахъ и Уневѣ печатались церковныя словѣнско-русскія книги; во Львовѣ издана въ 1591 г. „Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка, совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому російскому роду“¹⁾. Главною опорою русскаго православія въ коронной Руси стало церковное ставропигійное братство во Львовѣ, поддерживаемое не только Русскими, а тоже Волохами изъ сосѣдней Молдавіи; оно старалось, насколько возможно, дѣйствовать во имя единства всей Руси, югозападной и сѣверовосточной, всего „многоименитаго или великоименитаго рода російскаго (россійскаго)“. Братство въ концѣ XVI вѣка (1592), строя вновь свою сгорѣвшую церковь, обратилось за помощью тоже къ русскому царю Федору Ивановичу, „господарю сѣверскія страны великоименитаго рода російска“, котораго „Богъ во многогороднѣмъ племенѣ російскомъ царя неподвижна отъ прародителей постави“. „Твое Величество всѣмъ по вселеннѣй во благочестіи и православіи живущимъ прохладженіе еси и утѣшеніе и окормленіе, паче же вездѣ обрѣтающимся отъ многоплеменитаго рода російскаго; отъ нихъ же и мы обрѣтаемъи во градѣ Львовѣ духовніи, священници, дидакаліе, родъ російскій и греческій, убози и умалени суще паче всѣхъ челоувѣкъ жителей града сего. Понеже въ польскихъ странахъ во великихъ печалѣхъ обрѣтаемъся, и вси славніи и благороднѣйшіи и могутствомъ силніи во иновѣрія различна поползновеніемъ падошася; мы же, яко не имущи прибѣжища, къ тебѣ благоутробному и тихому и милости требующимъ пристанищу благонадежному притекаемъ“; они извѣщаютъ царя о

---

¹⁾ О ней срв. статью Лепкаго въ Литературномъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1871, стр. 35.

несчастіи, постигшемъ ихъ церковь, и просятъ о помощи. „Да уподобишся, всесвѣтлый царю, памяти святѣй честнаго ти царства прародителю, великому Владимиру, просвѣтившему весь родъ ро- сійскій святымъ крещеніемъ и честными храмы святолепнѣ землю роскую даже дозѣ освятившему“. Просьбу братства поддержалъ передъ царемъ, царицею и боярами терновскій митрополитъ Діо- нисій, эксархъ Малой и Великой Россіи, указывая на то, что во Львовѣ живутъ христіане „благочестія ради и истины и правосла- вія ради утѣсненіи и умалишась паче всѣхъ жителей града того, понеже нарочитіи ихъ во иновѣріе разыдошась и не имуще при- бѣжища“. Царь Федоръ Ивановичъ внялъ этимъ просьбамъ и при- слалъ братству деньги и подарки ¹⁾.

Въ рядахъ православнаго духовенства карпатской Руси на- ходились всегда ревностные защитники стариннаго православія, боровшіеся словомъ и перомъ, все на русскомъ языкѣ, противъ на- ступательнаго католицизма и уніи ²⁾. Въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII в., послѣ провозглашенія церковной уніи въ Бе- рестѣ, уроженецъ карпатской Руси, Іоаннъ изъ Вишни, монахъ св. Горы аѳонской, написалъ нѣсколько статей и посланій о то- гдашнихъ церковныхъ отношеніяхъ на Руси—ко всѣмъ православ-

---

¹⁾ Акты западной Россіи IV. № 34; Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886, № 90 и др.). Въ забитой угорской Руси католическая іерархія и шляхта относились къ русскимъ „схизматикамъ“ и ихъ „батькамъ“ съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и въ Польшѣ. Попытки прививать русскимъ „схизматикамъ“ католицизмъ начались въ Угріи уже въ XIV в., но безъ успѣха; Стефанъ изъ Вербовца въ своемъ угорскомъ уложеніи (въ началѣ XVI в.) говоритъ, что *Rusnjaki neki su se k našoj vere, a neki su se gerčkoj blude pridružili* (по словен- ско-хорват. переводу Пергошича). Въ угорской Руси въ теченіе по- чти всего XVII вѣка происходила борьба православія съ унією; срв. статью Фидлера въ вѣнскихъ *Sitzungsberichte der k. Akademie d. Wissenschaften* 1862, Bd. 39, p. 481. Замѣтимъ, что угорскіе Русскіе тоже назывались „Волохи“—*Rutheni, quos et Valachos vocant* (Bider- mann: *Die ungarischen Ruthenen* II. 84).

²⁾ Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій то- гдашнихъ карпатскихъ Русскихъ, какъ образцы языка и слога.

нымъ христіанамъ Малой Россіи (Малое Руссіи), народу русскому, литовскому и лядскому въ Польшѣ, уніатскимъ епископамъ, и пр. Онъ между прочимъ указываетъ тоже на то, что „нынѣ межи Ляхи князіе рускіе всѣ поеретичили и христіанства, истинныя вѣры отступили, и еще на слѣдъ божій хулятъ и ропшутъ, иноческій чинъ ругаютъ, посмѣваютъ, злословятъ, лгутъ, клеветуютъ, судятъ, мерзятъ, безчестятъ и до конца ненавидятъ“, а „если бы тые клобучники каптуроносци межи вами не были, уже бы есте давно погыбли. На пановъ же вашихъ руского рода, на сыны человѣческія, не надѣйтесь, въ нихъ же нѣсть спасенія! Всѣ бо живаго бога и вѣры яже въ него отступили, прелести же еретической ся поклонили.“ Онъ представляетъ совершенно другую характеристику шляхетства, чѣмъ къ какой тогда привыкли: „Хтожъ есть шляхтичъ? Тотъ, который зъ неволѣ мірской къ богу вырнетъ и съвыщсе ся отъ духа святаго породить, по Іоанну: елициже, рече, пріяша его, дасть имъ власть чадомъ божіимъ быти, вѣрующимъ въ имя его, иже не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ бога родишася. Видиши ли шляхетство вѣры нашея? Который отъ бога ся породить, тотъ есть шляхтичъ.“ А обращаясь къ уніатскимъ іерархамъ „ксендзамъ бискупамъ“, шляхтѣ, Іоаннъ Вишенскій упрекаетъ ихъ, что они своихъ собратьевъ христіанъ считаютъ „подлѣйшими отъ себе“ и прозываютъ ихъ „хлопами (хлапами), кожемяками, сѣдельниками, шевцами на поруганіе“, и наконецъ спрашиваетъ: „Чимъ ты лѣпшій отъ хлода? Альбо ты не хлопъ такій же, не такая же матерія, глина и персть, не тоежъ тѣло и кровь и тлѣніе? Гдѣжъ Христосъ на своихъ учениковъ хлапавъ кожемякавъ?“ Въ городахъ „войтове, бурмистрове, лантвойтове, власть мірская градская, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судѣхъ по Руси не поборайте, пачеже и кривдите, въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ Русинъ съ папезникомъ волности единой да не имать, въ цехахъ ремесническихъ Русину быти не достоить, доколѣ ся не попапезитъ, на власти войтовства и бурмистрапства и прочихъ строителствъ отъ руского народа да ся не ставятъ, доколѣ ся у папежа не увѣрують“. Іоаннъ Вишенскій рѣзко нападалъ на дѣятельность іезуита Петра Скар-

ги, который взводилъ разныя клеветы на православіе и на русскій народъ, рекомендуя ему унію, какъ единственное средство для выхода изъ его жалкаго положенія. Между прочимъ онъ возмущался нападками Скарги на церковный языкъ словѣнскій: онъ-де не могъ и не можетъ русскому народу дать того, что́ даетъ языкъ латинскій католикамъ; Греки надули-де Русь, предоставивъ ей церковный словѣнскій языкъ, а не давъ ей своего греческаго въ церкви и наукѣ; а съ помощью словѣнскаго языка, непонятнаго для самихъ поповъ, никто ученымъ быть не можетъ: „Мы Русь словенскаго языка не разумѣемъ!“ восклицаетъ Іоаннъ Вишенскій, и спрашиваетъ, чѣмъ же словенскій языкъ хуже латинскаго въ дѣлѣ спасенія; вѣдь греческіе учителя все растолковали, такъ что всякій „языка словенскаго Русинъ либо Сербинъ или Болгаринъ вѣдаетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися можетъ, если только самъ восхощетъ“. Велико число святыхъ угодниковъ святаго языка словенскаго въ Великой Россіи, и въ Малой Россіи, во всемъ родѣ россійскомъ, и въ турецкой землѣ въ родѣ сербскомъ и болгарскомъ. „Ты Скарго на славянскій языкъ ¹⁾ посполу съ діаволомъ борбу подвигнулъ еси, который для того языка словянскаго не любитъ, и отъ всѣхъ другихъ на онаго подвигомъ сильнѣйшимъ (стлумити и угасити его хотѣй) подвигнулъ есть, ижъ въ языку словянскомъ лже и прелесть его никакоже мѣста имѣти не можетъ, ибо ани діалектитъ и силогизмъ поганскихъ (ницующихъ правду божію во лжу), ани хитрорѣчіемъ лицемѣрнаго фарисейства упремудряетъ, только истинною правдою божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть; и ничтоже другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ, только простоту и спасеніе рачителю славянскаго языка еднаетъ“! Іоаннъ изъ Вишни ревностно защищаетъ права словенскаго языка въ церкви, все утверждая, что „словенскій языкъ предъ богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго“ ²⁾.

Печальное положеніе православной Руси въ Польшѣ не смущало однако Іоанна Вишенскаго, и онъ гордо восклицаетъ:

---

¹⁾ Іоаннъ пишетъ „словенскій“, „словянскій“, „славянскій“.

²⁾ См. „Славяне“ П. 594, 600.

„Съ нами Богъ восточными, разумѣйте языци, и ты прегордая Латино и покорайся, яко съ нами Богъ! Если бо гордостію пре- можете, отъ тресущаго божества побѣждени будете, яко съ нами Богъ; и иже аще съвѣтъ съвѣщаете, разорить и Господь, яко съ нами Богъ; и слово еже аще възглаголете, не имать пребыти въ васъ, яко съ нами Богъ“ ¹⁾).

Современникъ Іоанна изъ Вишни, неизвѣстный православный священникъ львовскій, въ началѣ XVII в. тоже обширно описалъ событія временъ берестьевской уніи; онъ между прочимъ рассказываетъ о введеніи христіанства у Поляковъ и Русскихъ, а гибель „паньства руского“ приписываетъ недостатку школъ и наукъ. „Поляци рускіе паньства пообсѣдали, попріятелѣвшия зъ ними, и царскіе цурки (дочери) своѣ за Русиновъ давши, черезъ нихъ своѣ обычаѣ оздобные и науку укоренили, такъ ижъ Русь посполитовавшия зъ ними, позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, у науки римскіе своѣ дѣти давати почали; которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ по малу-малу науками своѣми все паньство руское до вѣры римской привели, ижъ потомкове княжатъ рускихъ зъ вѣры православной на римскую vykрестились, и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, яко бы николи не знали быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“ ²⁾. Говоря о введеніи уніи, авторъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе того „не только Русь, але и Ляхове ажъ до войны внутренней межи собою пришли, сеймы ся

---

¹⁾ Посланія Іоанна изъ Вишни см. въ Актахъ южной и западной Россіи II. 205—270. Зачанка мудраго Латынника съ глупымъ Русинѣмъ въ диспутацію (С. Голубевъ: Петръ Могила, Кіевъ 1883, I. приложенія, стр. 67), и нѣсколько другихъ статей, изданныхъ С. Голубевымъ въ Архивъ югозападной Россіи (1887). ч. I. т. 7, стр. 19. Срв. Кулиша: Исторія возсоединенія Руси I. 297. О Іоаннѣ Вишенскомъ см. статьи Сумцова и Житецкаго въ Кіевской Старинѣ 1885, XI. 649; 1890, XXIX—494, еще срв. 1889, XXV, 141 и приложеніе; 1890, XXIX, приложенія стр. 111.

²⁾ Авторъ говоритъ, что „по збуренью паньства руского“ въ числѣ добычи были тоже „словенскія книги“, которыя еще тогда, въ началѣ XVII в., хранились въ склепахъ въ Краковѣ и Львовѣ.

ломали, все злое оттоль пошло и конца еще не маеть“, что унія распространяется насильственными средствами, что не даютъ „вряду никому, кто не есть папезовъ, а Русинъ коли не есть унѣятомъ, а напередъ у незнаемыхъ пытаются, если Полякъ, чи есть католикъ, а если Русинъ, чи есть унѣятъ; наконецъ и у права коли тягаются межъ собою, теды также пытаются, естыли католикъ альбо унѣятъ, и на то баченье мають“¹⁾.

Лѣтописныя записки велись во Львовѣ еще около половины XVII в. по-русски. Львовскій лѣтописецъ особенно интересовался исторією козаковъ и подробно рассказываетъ о возстаніяхъ Тараса и Павлюка; между прочимъ говоря о кровавой битвѣ между польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ и Тарасомъ (1630), онъ замѣчаетъ, что Конецпольскій „показывалъ, слезы стираючи, трупъ великій тые слова мовячи: Отожь унія, лежитъ Русь съ Поляками“! ²⁾.

Нѣкоторые книжники карпатской Руси попробовали писать— по латинскимъ и польскимъ образцамъ — стихи или вирши, которые свидѣтельствуютъ о всемъ другомъ, только не о поэтическомъ талантѣ стихотворцевъ, обращавшихся немилосердно съ языкомъ славено-россійскимъ и съ смѣсю русско-польскою. Такъ напр. Яковъ Седовскій прославляетъ своего земляка Григорія Криницкаго, „въ Россіѣ Лвовскія земля обывателя“, въ виршахъ русскихъ, изданныхъ въ Венеціи 1641 г., замѣчая въ славено-россійскомъ посвященіи венеціанскимъ гражданамъ, что эти его стихи будутъ „во общую ползу и утѣшеніе прочіѣмъ православнымъ, найпаче же людемъ діалекту славенскаго, егоже шерокость земли шерокости равна“. Самые русскіе стихи въ честь Криницкаго и греческаго народа—въ родѣ слѣдующихъ:

Такъ ся прудко фортуны кола обертают,
сцептры въ ярмо, достатки въ нендзу отмѣняют,
але ты цный народе люб терпиш отмѣну
в дочасныхъ рѣчахъ, вѣру держиш неотмѣну, и пр.

---

¹⁾ Акты западной Россіи IV. № 149.

²⁾ Львовская лѣтопись издана въ Русскомъ истор. сборникѣ Погодина 1838, III, и въ Науковомъ сборникѣ галицко-русской Матицы 1867.

Современникъ и землякъ Седовскаго Григорій Бутовичъ, студентъ замоостской академіи, прославлялъ въ русскихъ стихахъ (1642) новаго „православного епископа львовскаго, галицкаго и Каменца подольскаго, въ Россіи, въ Роксоланіи“, Арсенія Желиборскаго,—въ родѣ слѣдующихъ:

Презацный доме, Желиборскихъ секты.
Кгды поглядаю на твои аспекты
Барзо высоко уступилесь кроку
Отъ мого зроку, и пр. ¹⁾.

Мысль переводить библію и другія церковныя книги на простую „мову рускую“ нашла себѣ сторонниковъ не только въ Руси литовской, но также въ Руси карпатской; здѣсь въ XVI в. въ такомъ смыслѣ дѣйствовали Михаилъ Васильевичъ изъ Санока, Лука изъ Тернополя, Василій Жугаевъ изъ Ярославля, Димитрій изъ Зинкова (оба послѣдніе списали части западно-русской библіи Скорины), и другіе ²⁾. Но къ такимъ мыслямъ русское духовенство карпатской Руси все-же относилось не очень доброжелательно, какъ это было и въ другихъ странахъ русскихъ ³⁾. Оно защищало неприкосновенность словѣнско-русскаго текста церковныхъ книгъ въ смыслѣ словъ львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго, высказанныхъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 г. Требнику: „Што ся тычетъ нововыниклыхъ што день отиѣнныхъ такъ тексту яко и сенсу, иншимъ типографіамъ звычайныхъ корректуръ и поправокъ, тымъ далисмы покой, маючи за то, же въ рыхломъ (што дай Боже) часѣ, за общимъ архіереовъ православноѣ церкви російскоѣ совѣтомъ, и не оспалымъ стараніемъ, станетъ една яка статечная и неотиѣнная, такъ старопре-

---

¹⁾ Объ этихъ стихахъ см. Як. Головацкій: Библиографическія находки во Львовѣ (Записки Императорской Академіи Наукъ, XXII, приложенія).

²⁾ См. ниже. О русскихъ евангеліяхъ: чолганскомъ (1603), саноцкомъ (1635), библіи шаргородской (1660), см. Петрушевича Сводную галицко-русскую лѣтопись, стр. 21, 74 316; Рукописи Ундольскаго 380.

³⁾ См. „Славяне“ II. 600.

тлумачоныхъ книгъ корректура, яко и въ нашомъ словенскомъ языкѣ еще не былыхъ претлумаченіе“¹⁾.

Какъ видно, немногіе карпатско-русскіе книжники писали на языкѣ церковномъ славено-россійскомъ; обыкновеннымъ письменнымъ языкомъ былъ простой русскій языкъ съ значительною примѣсью польскою; только изрѣдка къ этому языку русскому примѣшивались нѣкоторыя слова церковнаго славено-россійскаго языка, какъ бы въ воспоминаніе церковныхъ школъ у пишущихъ священниковъ; такъ напр. въ русскихъ сочиненіяхъ Іоанна Вишенскаго встрѣчаются слова: съборъ и соборъ, въпрашати и вопрошати, гласъ, градъ, подвижъ, святаго и святого, баше, съдѣся, хотѣхомъ, въврещи, виждь, одеръ (и ложка), врата адова (и брамы пеkelные) и др. Въ русскомъ языкѣ Іоанна Вишенскаго и другихъ карпатско-русскихъ книжниковъ XVI—XVII вв. встрѣчается множество польскихъ словъ, передѣланныхъ и передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. звияжца, трутизна, тяжаръ (сіе-żar), князь (и ксіондзь), брама, вонпене (wątpienie), нендза (pe-dza), небожента, въ бленѣдзе, владза, цурка, трвати, скарбъ, барзо, укрижовати, фрасунокъ, ратунокъ, гвалтъ (кгвалтъ), трафити, шафовати, проходилемся, мѣлесь, и др. Львовскій священникъ въ началѣ XVII в. замѣтилъ, что „якъ Поляцы у свой языкъ наиѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южъ и простые люди зъ налогу уживають, такъ же и Русь у свой языкъ наиѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживають“²⁾.

---

¹⁾ О словѣнско-русскихъ и русскихъ памятникахъ карпатской Руси см. Калужняцкаго, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ львовскихъ (Кіевъ 1877), Петрушевича, Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг., ниже упоминаемыя соч. Архангельскаго и Владимірова о памятникахъ югозападной Руси вообще, разные сборники Актовъ (особенно Акты южно-западной Руси въ Науковомъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1867—1870 гг.) и др.

²⁾ Акты западной Россіи IV. стр. 229. При такихъ соображеніяхъ авторъ узналъ подлогъ митрополита Потѣя относительно мнимой грамоты митрополита Мисаила 1476 года, о чемъ см. „Славяне“ П. 447. Письмо митрополита Исидора (см. выше стр. 48) считаемъ тоже подложнымъ.

Такой русско-польскій стиль употреблялся вообще во всѣхъ тѣхъ немногихъ запискахъ, которыя писали уже почти только одни карпатско-русскіе священники. Любопытно по существу и по языку воззваніе львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго къ русскому духовенству его епархіи въ изданной имъ книгѣ „Метрика albo реестръ для порядку церкви св.“ (Львовъ 1687): „Наслухалемся и того часто, же намъ панове духовенство римское, а часомъ и ляда кто промавляють простотою, называютъ насъ неуками, а то для того самого, же латинского письма albo польского многіе не разумѣють, языкомъ латинскимъ albo польскимъ мовити не умѣють, хочай другій священникъ въ славенскомъ языку и письмо будетъ добре учоный и умѣтвый и болшь умѣти бы не повиненъ только каждый своего власного языка добре письмо, але же латинского языка albo польского не умѣетъ, то южь у пана простаць. Павелъ святой по священнику науки потребуеть гды мовить: подобаеть епископу albo священникови быти учительну, и сама слушность, albo потреба духовная того на насъ вытягаетъ, иле тутъ въ краяхъ короны польской, абы духовенство наше россійское православное духовенству римскому языкомъ принаймнѣй корреспондовало, жебы священникъ съ паномъ полѣтичне могъ ся розмовити, и на заданье якой трудности умѣетне отповѣдити. Абысте сыновъ своихъ зъ молодыхъ дитинскихъ лѣтъ заправовали, первѣй своего словенского письма и языка добре научившу, потомъ до школъ польскихъ и латинскихъ не забороняли, и овшемъ отческо ихъ промововали. Суть зъ ласки божой школы, не только тутъ въ Львовѣ, въ Ярославію, въ Краковѣ, але и въ Кіевѣ, еще за державы найяснѣйшихъ монарховъ кроловъ польскихъ, и за особливимъ стараньемъ блаж. пам. преосвящ. митрополиты кіевскаго и вся Россіи, господина отца Могилы зафундованіе, а теперъ за державы благочестивыхъ царей и великихъ князей россійскихъ повеленіемъ и скарбомъ ихъ ново реставрованіе albo отновленіе; суть и ближей насъ на Гойщи дорога тежъ за упокоеніемъ монарховъ христіанскихъ, хвала богу, вольная, такъ зъ Кіева до насъ и отъ насъ до Кіева. Тамже честніи отцеве своихъ сыновъ для науки посылайте, кошту не жалуйте, а ежели кому здается до Кіева далеко, посылай теды

до Гойщи, можетъ и тутъ поучиться добре, такъ русскаго, словенскаго, яко и польскаго и латинскаго письма и языка“.

Трудно было развиваться русской литературѣ въ ея карпатской родинѣ при опояченіи высшихъ ея сословіи и при богатомъ развитіи польской и латинско-польской литературы, которая служила потребностямъ не только Поляковъ, но также Русскихъ въ коронѣ польской и въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ самой карпатской Руси, во Львовѣ, Добромиль, Замость, Яворовѣ и др. печатались книги польскія и латинскія, и многіе польскіе и польско-латинскіе писатели происходили изъ этой Руси, жили и писали здѣсь: Орѣховскій, Рей, Семпъ-Шаринскій, Верещинскій, Щербичъ, Бирковскій, Гербуртъ, Окольскій, Пясецкій, Шимоновичъ, Зиморовичи, Юзефовичъ; а другіе польскіе писатели пребывали временно въ карпатской и въ другой Руси, напр. Март. Бѣльскій, Клёновичъ, Вячеславъ Потоцкій и др. Эти польскіе писатели, живя въ карпатской Руси или сносясь съ русскимъ народомъ, знали болѣе или менѣе его нарѣчіе; они принимали нѣкоторыя русскія слова въ свой польскій языкъ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительнаго недостатка соотвѣтствующихъ польскихъ словъ, отчасти только чтобъ блеснуть знаніемъ русскаго языка или придать своимъ литературнымъ произведеніямъ мѣстную окраску провинціализмовъ (*z ruska, jak Ruś mowi*), отчасти же ради того, что такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ, особенно изъ чешскаго и русскаго, считалось возможнымъ ¹⁾. Съ половины XVI в. переходили въ польскій языкъ нѣкоторыя русскія слова, именно посредствомъ Руси коронной, карпатской; они встрѣчаются уже у польскихъ писателей второй половины XVI вѣка, у Рея, Орѣховскаго, М. Бѣльскаго, Л. Горницкаго, І. Кохановскаго, Клёновича и др. Коронная, карпатская Русь стала первымъ проводникомъ такихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ; скоро къ ней примкнула тоже и литовская Русь. Появленіе нѣкоторыхъ такихъ словъ въ польскомъ языкѣ можно комментировать и ближе. Такъ напр. героя Поляки XV в. называли, какъ и Чехи, *gardzino* (чеш. *hrdina*), вѣроятно тоже *wiciądz*

---

¹⁾ См. выше, стр. 41.

(витязь); Мончинскій въ словарѣ латинско-польскомъ (1564) слово *heros* объясняетъ: *człowiek znanienity, ran zasny*; Орѣховскій замѣчаетъ, что гѣроевъ—*Ruś nasza bohatermi zwała od Boga (!)*, и съ тѣхъ поръ восточное татарско-турецкое и Русью принятое слово *богатырь* употреблялось тоже Поляками: *bohatur, bohater* ¹⁾. Русское слово *голтѣй* (голый, голь, голышъ, голякъ, голота, голытьба), встрѣчающееся въ западно-русскомъ языкѣ XV—XVI вв., перешло въ польскій въ формѣ *hultaj* (т. е. *hóltaj, hóltaaj*) ²⁾. Мончинскій еще не знаетъ этого слова и переводитъ *vagus, vagabundus* — *tułacz, łazęka*, у другихъ *łazęga* (срв. *włóczęga*, волоцюга, бродяга); Орѣховскій знаетъ уже *łazęga* и *hultaj*. Слово *hultaj* вошло затѣмъ и въ юридическую терминологию польскую въ значеніи бездомныхъ людей ³⁾. Эта уже польская форма перешла опять въ западно-русскій языкъ: *гултай, гултѣй, гультай*. Берында и другой южнорусскій лексикографъ объясняютъ словенское слово *льтець, лестець* русскимъ „тулакъ, волоцюга, гултай (гултѣй)“ ⁴⁾. Поляки приняли тоже западно-русскія формы *hołota, hólaczek, hołysz*, но не забыли своихъ *gołota, gołes-gołek, gołysz*. Это *h* вмѣсто польскаго *g* указываетъ вообще на заимствованіе словъ изъ западно-русскаго или также изъ чешскаго ⁴⁾. Польское *smard* сохранилось до второй половины XVI в. въ значеніи простого хлопа въ презрительномъ смыслѣ (у Мончинскаго, Рея, Бѣльскаго, Папроцкаго); но со второй половины XVI в. и въ XVII в. польская форма этого слова уступила русской *смерд* (смердъ), каковую употребляютъ Стрыйковскій, Старовольскій ⁵⁾. Польское *por* означало вообще священника, и като-

---

¹⁾ О словѣ *wiciądz* см. „Славяне“ Ш. 210, о словѣ *gardzina* см. Biblioteka Warszawska 1891, I. 247. О словарѣ Мончинскаго см. „Славяне“ П. 147. Поляки знали тоже слова: русское *molodets, molodziec, molojes* (Стрыйковскій, Папроцкій, Бирковскій, Окольскій), и югославянскія *junak* (Будный, Гвагнинъ-Пашковскій, Коховскій, Опалинскій) и *witez* (Гвагнинъ-Пашковскій, Жебровскій, Коховскій).

²⁾ См. выше, стр. 122.

³⁾ Срв. примѣры изъ *Volumina legum* въ словарѣ Линде.

⁴⁾ Срв. выше, стр. 31.

⁵⁾ Срв. выше, стр. 38.

лическаго; въ XVI в. польскіе протестанты любятъ называть попами именно католическихъ священниковъ (Будный, Рей, Сеницкій); Орѣховскій такъ называетъ протестантскихъ священниковъ (pori kasarzykowię, а католическіе—kapłani). Со второй половины XVI в. por стало означать православныхъ (и уніатскихъ) русскихъ поповъ, какъ и слово serkiew (сначала вообще церковь также католическую)—церковь православную, уніатскую¹⁾. Въ такомъ значеніи вошло слово por, равнымъ образомъ какъ и другія русскія названія władyka, humen-humenica, serkiew и др., въ польскую юридическую терминологию—для отличія отъ католическихъ польскихъ biskup, opat, ksiądz — kapłan, opat; kościół и пр.²⁾. Слово zaбр (словѣн. зѣбрь) Поляки употребляли до половины XVI вѣка: dominus Pylko dictus zambr (1372), zambrus, zambro у Длугоша (о гербѣ Венява), zaбр въ польскомъ переводѣ литовскаго статута (1532); но уже Кромеръ (Polonia, напис. въ 1573 г.) замѣчаетъ: zubrum seu zambrum vocant nostrates, и со второй половины XVI в. русская форма zubr (такъ пишетъ напр. Рей), позднѣе неправильная żubr, водворилась въ польскомъ языкѣ, хотя въ географическихъ названіяхъ Zambrów, Zambrzysse сохранилась еще дрпольская форма. Польская форма *жубр* перешла потомъ и въ малорусское нарѣчіе³⁾. Подобно тому русская форма łuk (лукъ, безъ носового звука) перешла въ польскій языкъ въ началѣ XVI в. вѣроятно—чтобъ отличить łuk (оружіе) отъ łęk (часть сѣдла, срв. тоже obłęk). Въ обѣихъ польскихъ псалтиряхъ XIV—XV вв. встрѣчается еще форма съ носовымъ звукомъ łeczyszczе, łeczyszko; уже въ псалтиряхъ XVI в. (Врубля, напр. 1540, 1567 гг.) по большей части łuk, но рядомъ тоже łeczyszko; у другихъ польскихъ писателей уже только łuk, напр. у М. Бѣльскаго (1550).

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 213—214.

²⁾ Слово por употреблялось потомъ въ презрительномъ смыслѣ. У Кохановскаго por—конь въ шахматахъ (какъ и дрчеш.). См. Словарь Линде.

³⁾ „Жубровая трубонька“ въ червонорусской колядкѣ (сб. Як. Головацкаго III. 6. 61).

Мончинскаго, Рея, Кохановскаго, въ библии 1561 г. и др. Черезъ русскія земли въ XVI в. перешли въ польскій языкъ разныя восточныя (турецко-татарскія, кавказскія) названія оружія и одежды, употребляемыя Русскими и Поляками, напр. *kołczan* (*tuł*), *sahajdak* — *sajdak* (*luk*), *dzida*, *karabela*, *kolczuga*, *buława*, *szaławary*, *żupan* и др. Съ другой стороны многія слова польской военной терминологіи перешли въ русскій языкъ ¹⁾.

Повальное ополяченіе шляхты всей коронной Руси, распространение польскаго языка среди этой шляхты, насколько она была русскаго происхожденія, видно тоже по тому, что въ числѣ первыхъ польскихъ писателей нашлись уроженцы той Руси, именно Николай Рей изъ Нагловиць—изъ земли жидачевской и Станиславъ Орѣховскій изъ земли перемышльской, которые, вмѣстѣ съ уроженцами польскихъ земель Бѣльскимъ, Кохановскимъ, Горницкимъ, дѣльно поработали надъ литературнымъ польскимъ языкомъ. Протестантъ Рей владѣлъ польскимъ языкомъ въ совершенствѣ, благодаря отсутствію у него основательнаго знанія латинскаго языка, который портилъ польскій слогъ. Рей сознаетъ себя вполне Полякомъ, чѣмъ дѣйствительно и былъ (его отецъ переселился изъ краковской земли на Русь); онъ игнорируетъ Русь, гдѣ онъ родился, росъ и жилъ, и въ его сочиненіяхъ, которыя могли быть написаны и подъ Краковомъ, Люблиномъ, Познанемъ и Варшавою, нѣтъ и слѣдовъ русскаго колорита, и только очень немногія русскія слова могутъ свидѣтельствовать о родинѣ Рея на берегахъ Днѣстра, напр. *kobza*, *drewno*, *rohromki*, *nadzieźny*, *dohadywać*, *zubr*, *puhacz*, *krynica*, *czurгуна*, *rohатынка*, *sulica* и др.; въ сочиненіи *Figliki* онъ приводитъ Поляка говорящимъ съ Литвиномъ по-русски. Подобно Рею и младшій его современникъ и землякъ, Николай Семпъ Шаринскій (*Sęp Szarzyński*), проживавшій въ львовской землѣ, ничѣмъ не заявляетъ о своей русской родинѣ, развѣ только словомъ *rohanyes*. Если у Рея и Шаринскаго почти ничто не напоминаетъ ихъ русскаго гнѣзда, то старшій ихъ землякъ, Станиславъ Орѣховскій, пользуется часто

---

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 258 — 262. Форма *luk* можетъ быть впрочемъ тоже чешская.

случаеиъ напомнить о своемъ любимомъ „родомъ Русскій, народомъ Полякъ“; онъ употребляетъ иногда лишнія русскія слова, которыя онъ могъ замѣнить польскими, напр. *korabl* (а не *korab'*), *sorom* (а не *srom*, но *sromota*), *hruby* (а не *gruby*), *bohater* — *bohater* (слово „нашей Руси“), *hultaj* или *łazęga* и др.; онъ приводитъ тоже нѣсколько русскихъ словъ, сказанныхъ королемъ Владиславомъ Ягайломъ. Подобно Орѣховскому, и другой польскій писатель изъ карпатской Руси, Іоаннъ Гербуртъ, другъ и доброжелатель Руси, вставилъ въ свое сочиненіе русскія пословицы, пѣснь и слова короля Владислава Ягайла ¹⁾. И нѣкоторые другіе польскіе писатели, побывавшіе на Руси, внесли въ свои польскія сочиненія нѣсколько русскихъ словъ, чтобъ только показать свое знакомство съ Русью. Такъ напр. Март. Бѣльскій, прожившій много лѣтъ на Руси, въ землѣ перемышльской, въ Покутьѣ и Подольѣ, употребляетъ нѣсколько русскихъ словъ, напр. *rohaniec*, *hruby*, *rohatyna*, *łuk*, *skorb*, *hospodiu* и др. ²⁾. Даже

---

¹⁾ О Ст. Орѣховскомъ и І. Гербуртъ см. выше, стр. 70—73, 75—79.

²⁾ М. Бѣльскій зналъ вообще Славянство довольно хорошо, о чемъ см. „Славяне“ II. 115, 425 — 427, 437, III. 245. По Вишневному (*Historya literatury polskiej* VII. 306) казалось бы, что въ сатирѣ Март. Бѣльскаго *Sjem niewieści* (Kraków 1586, 1595) одна изъ этихъ женщинъ говоритъ русскіе стихи; но въ изданіяхъ 1586 и 1595 г. ничего подобнаго нѣтъ, и всѣ женщины говорятъ по-польски. Эти русскіе стихи помѣстилъ только позже Ежовскій, издавшій *Sjem niewieści* Бѣльскаго подъ своимъ именемъ (1639); но эти „русскіе“ стихи — замѣна польскихъ словъ такими же русскими, удачными и неудачными, напр. *często*—*czasto*, *przymawiała*—*prymawiała*, *gorzego*—*choroszoho* (!), *łaskawie* — *troszeńka*, *co* — *szczo*, *między*—*meży* и пр.; слова *plzyła*, *więcej*, *bardzo*, остались тоже въ русскомъ текстѣ. Срв. М. Бѣльскаго: *Satyry* по изд. краковскому 1889 г. Въ экземплярѣ всемірной хроники М. Бѣльскаго (изд. 1564 г.), хранящемся въ варшавской университ. библіотекѣ, кто-то недавно къ слову *pye* (т. е. *p-je*, *nie jest*) приписалъ *t: pyet*, и это *pyet* дало поводъ къ страннымъ разсужденіямъ о „русскомъ“ словѣ *пѣтъ* у Бѣльскаго. Срв. А. Павинскаго статью о Бѣльскомъ въ варшав. журналѣ *Tygodnik ilustrowany* 1880, p. 195.

Іоаннъ Кохановскій, первый поэтъ польскій второй половины XVI в., счелъ возможнымъ употребить нѣсколько словъ русскихъ, напр. *nadzieżny* (но *nadzieja*), *królewicz* (и *królewic*), *wiedma* (и *wiedźma*), *hrosz*, не говоря о другихъ словахъ русскихъ, которыя тогда въ польскомъ языкѣ приобрѣли уже право гражданства, напр. *bohater*, *łuk*, и др. ¹⁾. Вставка отдѣльных русскихъ словъ и даже фразъ въ польскія сочиненія считалась дѣломъ возможнымъ, не говоря о принятыхъ уже въ литературномъ языкѣ польскомъ словахъ русскихъ. Такъ напр. Клёновичъ употребляетъ не только слова *bohater*—*bohater* (*bohaterz*), *hultaj*, *krynica*, *hałas*, *rohaniec*, *łuk*, *surma*, а также лишнія русскія слова: *czerewo* (черево, *brzuch*, а *trzewo*—кишка), *skrowiszcze* (сокровище, *skarb*), *hołowieńka*, *mołojec*, *muż*, *borzobohaty*, *hołoble*, *gramota* (а не *hramota*), *izmiennik* (у другихъ польскихъ писателей *zmiennik*), *pobratym*, *złote* (*żniwo*, но *złote kłosy*, *grona* и пр.), *chorosze*, *czoboty*, *hubi*, *zahił*, *carstwo* (*tureckie*), *brednia*, *Lach-lacki*, и др. ²⁾. Современникъ Клёновича, Іосифъ Верещинскій, потомокъ русскаго рода изъ холмской Руси ³⁾, зналъ русскій языкъ, употребляя иногда въ своихъ польскихъ сочиненіяхъ русскія слова (*horodyszczce*, *bohodomlca*, *braha*—*piwo*, *horodniczy*, *skotogoch*, *hramota*), не говоря объ обыкновенной польской номенклатурѣ *mitropolit*, *władyka*, *archimendryt*, *humen*, *czerniec*, *por*;

---

¹⁾ Слова *Uhry*, *ruka*, употребленныя Кохановскимъ только какъ исключеніе (обыкновенно *Węgry*, *gęka*),—русскія или чешскія.

²⁾ Клёновичъ, родомъ изъ Сулимѣриць въ Великой Польшѣ, жилъ потомъ въ Люблинѣ и познакомился съ Русью; онъ зналъ тоже чешскій языкъ, о чемъ сравни „Славяне“ II. 138, III. 246. Надо сожалѣть о томъ, что Клёновичъ описалъ Русь стихами не польскими, а латинскими (*Roxolania*, 1584). Въ его поэмѣ *Worek Judaszów* на одной страницѣ (изд. Туровскаго 77) встрѣчаются слова *skarbnica* (польск.), *rokładnica* (чеш.), *skrowiszcza* (русс.); въ другомъ мѣстѣ (стр. 114) приводится „*czuryło młody*“, волокита въ родѣ русскаго Чурилы Пленковича (но *Czuryło* тоже родъ червонорусскій XV—XVI вв.); стр. 124: *jak Ruś mówi: jeden idzie k lesu, drugi chesze k biesu*.

³⁾ См. выше, стр. 69.

онъ выводитъ Татаръ, говорящихъ по-русски, и польскій переводъ русскаго письма hospodara cara i w. kniazia Chwedoga Iwanowicza къ нему, Верещинскому. Русскій языкъ былъ извѣстенъ обоимъ доминиканцамъ, уроженцамъ карпатской Руси, Ф. Бирковскому и Ш. Окольскому, которые кромѣ того побывали тоже въ другихъ земляхъ русскихъ. Окольскій провожалъ полеваго гетмана Николая Потоцкаго въ его походъ противъ возставшихъ козаковъ (1637—1638) и описалъ этотъ походъ; онъ часто вставляетъ въ свой дневникъ русскія слова и фразы козаковъ, напр. *ataman, asawuł, mołojcy, kozacy horodowi, ochoczy, wypiszykowie, czerń, jaruga, wertep, dobroho zdrowia od hospoda boga*, и др. ¹⁾.

Въ XVII в. нѣкоторые польскіе писатели идилій, проживавшіе на Руси, именно во Львовѣ, старались болѣе или менѣе придать своимъ польскимъ произведеніямъ мѣстный русскій колоритъ, примѣшивая въ разговоры своихъ героев русскія слова и фразы. Идилію назвали они, именно Шимоновичъ и Зиморовичи, по-русски: *sielanka* (село, селянинъ — селянка), а не по-польски (*wieś, wieśniak — wieśniaczka*) ²⁾. Впрочемъ всѣ эти пастухи и пастушки ихъ селянокъ могли свою сладкую дребедень декламировать повсюду и въ Греціи, Италиі и пр., гдѣ могли жить всѣ эти Коронеллы, Доримунды, Цыприны, Амореллы, Амаранты, Геліодоры, Гіацинты и др. Селянки Шимона Шимоновича не окра-

---

¹⁾ Окольскій написалъ между прочимъ исторію доминиканскаго ордена на Руси (*Russia florida rosis et liliis, Leopoli 1646*); онъ предполагаетъ, что *Russia Rubea dicitur primo ex complexione, quia gens a Lublino in Leopoli et Podoliam complexione rubea est; secundo ex loco propter rubeta; tertio ex sanguinis copiosi per summum fervorem belli effusione*.

²⁾ Краковянинъ Андрей Збылитовскій, изобразившій въ своей поэмѣ *Wieśniak* (Kraków 1600) сельскую жизнь, не знаетъ словъ *sielo, sielo, sielanka*, а только *wieś*, etc.; „*Nimfo słowieńska... nie gardź moją wsią ubogą*“. Поляки знали слова *siodłak* (срв. „Славяне“ III. 245), *siedlce, siedliszcze, siedlisko, przysiódek*. Но въ половинѣ XVII вѣка Краковянинъ Іоаннъ Гавинскій называлъ идилію (уже по-русски) *sielanka*.

шены еще на русскій ладъ, и развѣ только нѣкоторыя слова указываютъ на русскую обстановку автора, напр. sielanka, otrok (т. е. młodzienc, отрокъ), debrz (дебрь), winohrad, Wołha. Больше русскаго колорита встрѣчается въ селянкахъ обоихъ братьевъ Зиморовичей, Шимона и Іосифа Варѳоломея, особенно послѣдняго, старшаго. Оба они назвали свои селянки прямо Roksolanki to jest ruskie panny, rosiejskie—rosyjskie kniehynie, córy rosyjskie, z Podola i Ukrainy, z ruskiej — roksolańskiej stolicy (Lwowa), z ruskich — roksolańskich—roszańskich włości, z ruskiego księstwa; эти Роксоланки утѣшаютъ не только rosyjskie ziemie, а тоже możnego Lecha mnogie plemię, умѣютъ плѣсу ruskie wyprawiać i polski taniec toczyć z panienkami laskiemі, виѣстѣ со своими парнями, поющими подѣ звуки бандуры, кобзы и сербскихъ гуслей (przy serbskich gęślach), и обращающимися къ Музамъ и къ „славянскимъ Каменамъ“ ¹⁾. Въ селянкахъ Зиморовичей встрѣчается нѣсколько русскихъ словъ, и именно съ цѣлью придать селянкамъ русскій колоритъ, какъ напр. kniehynia (и ksieni), bojary, czerń, derewnia, sioło — sielski, bandora, kobza, surma, дума, wataha, młodyca, wasilek, pirog (ruski), knysz, muzyk, hołubec, krynica, czołobitne ukłony, sołowij po naszymu (обыкновенно: słowik), zezula, puhacz, czerepacha, sobaka, wertep, horylica, trużenie, trużenik, bis—bies, druh, hospodyn, władyka, ihumen, świaszczennik, czerniec, czernica, diak, cerkiew, monaster, proskurnica, ryza (риза), obidnia, Lachowie — laski, и др. Вся эта rosyjska młódź, всѣ эти kobeżnicy (кобзари), trużenicy (труженики), ruskie płaczennice, młójcy, изъ которыхъ многіе носятъ также русскія имена (Pałachna, Parasia, Bohymnia, Olena, Hafia, Fedora, Femka, Tymosz, Hrys, Miłosz, Samujło, Daniłko, Olechno, Dorosz, Ostafi, и пр.), справляютъ народные праздники и обряды (напр. огни наканунѣ св. Ивана Купалы—sobotki) ²⁾, похороны

¹⁾ Зиморовичи, слѣдую русскому обычаю XVII в., употребляютъ и книжную греческую форму „Россія, російскій“, даже „роксоланскій“ и народную „Русь, русскій“; срв. выше, стр. 2.

²⁾ Owszem, kiedy sobótkę, jako zwyczaj niesie, zapalicie na błoniу równem lub przy lesie etc., (Sielanki J. B. Zimorowicza, wyd.

(гробъ, украшенный гіацинтомъ—kwiat słowieńskiej ziemi), и пр. Въ двухъ селянкахъ, Kozaszyzna, Burda ruska, I. В. Зиморовичъ рисуеъ, какъ очовидецъ, уже не какія-то „идиліи“, а страшную дѣйствительность 1648 года, осаду Львова козаками и Татарами и всѣ ужасы того смутнаго времени возстанія Руси противъ Ляховъ и противъ православныхъ Русскихъ, обросшихъ „лядскимъ мясомъ“; ихъ то русскіе (roksolańscy) козаки и „чернь, мужики, хлопы, толпы окозаченнаго сброда“, эти ихъ „по-братимы, братья“, били наравнѣ съ „Ляхами собаками“, съ сарматскими панами, которые вынуждены были бѣжать за Вислу; было то страшное время, когда возставшая Русь считала богоугоднымъ дѣломъ lackie plemię wybiwszy oswobodzić z niego ruską ziemię, била Ляховъ и Русь — bracia bracia, synowie ojców, такъ что Rusi zginęła niemal połowica; więcej ich niż milion zabrali Tatarzy, więcej Rusi, niż była, w Turczach na bazarze, wszystkie hordy pogańskie, Tehinie, Stambuły, Azye obie śmierdzą już od ruskiej smoły! Тщетно православное русское духовенство и мѣщанство старалось ссылаться на общее свое съ козаками и чернью происхождение и вѣроисповѣданіе; тѣ только кричали вмѣстѣ съ Татарами: Bateńku choroszyj, nechoczem twojij wiru, łysze ditzych hroszyj; masz denhy lackie! считая ихъ котиковъ неразвитыми Русскими, обросшими лядскимъ мясомъ, которое надо отбить отъ ихъ русскихъ костей:

Ześ ty Rusin, kotiuho, niedoszły,
Bo mięsem lackiem ruskie kości tve obrosły,
Przeto jeżeli się dostać chcesz z nami do nieba,
Obić ci mięso lackie z kości ruskich trzeba!

Такую-то „селянку“ Ляховъ и Руси въ половинѣ XVII вѣка нарисовалъ тогда польскій писатель изъ Львова, I. Зиморовичъ.

Отдѣльныя слова и фразы русскія встрѣчаются и у другихъ польскихъ писателей XVII в., уроженцевъ не карпатской Руси,

---

Тигровскіе, 45, 48). Іоаннъ изъ Вишни возстаеъ противъ такихъ обрядовъ: „Купала на Крестителя утопѣте, и огненное скаканя отсѣчете“. Акты южной и западной Россіи, II. 223).

а коренныхъ польскихъ земель, у Старовольскаго, Твардовскаго, Гавинскаго, Коховскаго, Вячеслава Потоцкаго и др., напр. *smerd*, *dra*ka, *rozhowor*, *czere*wo, *sudno*, *derewnia*, *sobaka*, *sio*ło, *sielanka* („*sielanka—skotopaska w słowiańskim stroju*“ у Гавинскаго), *baudora*, *kobza*, *duma* (т. е. историческая, эпическая пѣснь), *kozacy mo*łojcy, и пр. ¹⁾).

Польская литература сдѣлалась повсюду въ русскихъ земляхъ, на Руси Червоной, Малой и Бѣлой, своею, которую читали не только поселившіеся тамъ Ляхи, но тоже Русь ²⁾. Уже во

---

¹⁾ Русскую форму *смердъ* вмѣсто польской *smard* употребилъ, послѣ Стрыйковскаго (срв. выше, стр. 139), краковянинъ Шимонъ Старовольскій (*Reformacya obyczajów polskich*, ок. 1625 — 1630 г.): „Gdy się ubogi człowiek do prawa pospolitego uciecze, zaraz mu mówią: Nie dla was to piszą statuty, *smerdowie*, ale dla panów. O czym zasłychnąwszy dobrze Moskwa, gdy im mówiono na traktatach pod Smoleńskiem, aby się z naszym narodem złączyli i jarzmo tyrańskiej niewoli z szyje swojej złożywwszy, z nami spólnie swobody i wolności miłej zażywali, odpowiedzieli św. p. ks. Zadzikowi kanclerzowi koronnemu na on czas: Nie *choczem* panie biskupie waszój wolności, *derżyte* ją sobie, bo u nas jeden tylko car co naszym *hor*łem i majątnościami dysponuje, a u was co bojar to tyran“. Старовольскій называетъ эпическія историческія пѣсни польскія — *думы* (Nehring, *Alt-polnische Sprachdenkmäler*, 216) несомнѣнно по южно-русскимъ думамъ, которыя (*ruskie lamenty*, *podolskie dumy*, *kozackie dumy*) были извѣстны Полякамъ XVI—XVII вв.; срв. Jagić: *Gradja za historiju slovinske narodne poezije* (Rad jugoslav. akademije, knj. 37). Въ стихотворномъ пр. *Żywot kozaków Lisowskich* (1620) приводится русскій разговоръ двухъ козаковъ: *Pomahaj boh Kiwajło! Spasi boh Iwane! Odkud idesz? Z Morawcow. Proszu te, moj pane, szczo tam czuwaty? Wsie licho Czechom. Szczo czyniti wam? Mołojcom terpity. Nemcom? Nemcow bitu.* Но Лисовчики били не только Нѣмцевъ, а также Чеховъ и Русь; срв. „Славяне“ III. 149. О русскихъ словахъ и фразахъ въ польскихъ сочиненіяхъ срв. тоже въ ж. *Biblioteka Warszawska* 1891, III. 547.

²⁾ Ст. Орѣховскій въ своей книжкѣ *Baptismus Ruthenorum* (1544, срв. *Orichoviana*, p. 47) помѣстилъ формулу присяги Русскаго, принимающаго католицизмъ, не на языкѣ русскомъ, а на польскомъ.

второй половинѣ XVI в. Севаст. Клѣновичъ, въ своихъ элегіяхъ на смерть І. Кохановскаго могъ сказать, что кончину великаго польскаго славянскаго поэта оплакиваютъ рѣки славянскія, города „широкаго народа славянскаго“, Краковъ, Познань, Люблинъ, Вильна въ ополяченной Литвѣ и Львовъ въ русскихъ земляхъ:

Płacze cię Litwa spolszczała, żałuje cię silno
Janie, dwugrodne Wilno,
Porządny Lwów w ruskich krajach, uczonych uciecha,
Płacze godnego Lecha ¹⁾.

Но не вся Русь карпатская наслаждалась стихами Кохановскаго и Зиморовича, читала хроники Бѣльскаго и Кромера, сборники правъ Гербурта и Янушовскаго, Щербича, проповѣди Скарги и Бирковскаго и русско-польскія „вирши“ Седовскаго и Бутовича. Масса русскаго народонаселенія въ Карпатахъ, по Сану, Бугу, Днѣстру, слушала въ своихъ церквахъ старинныя пѣснопѣнія на церковномъ языкѣ словѣнскомъ, пѣла со своими попами „Господи помилуй ны“, а въ своихъ хатахъ—старинныя народныя пѣсни, и прославляла не пановъ Ляховъ, а гайдамаковъ и опришковъ (разбойниковъ), особенно же козацкихъ молодцовъ Хмѣльницкаго, Перебійноса, Нечая, Морозенка, Козубая, которые били и рѣзали вражихъ Ляховъ, рубили ихъ мечомъ и топили водою, гнали ихъ за Случь и за Вислу ²⁾.

Б) Русь литовская ³⁾.

6. *Литва и присоединеніе къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Великое княжество литовско-русское. Русскій языкъ и русская въра въ Литвѣ. Гедиминовичи. Литва и ли-*

---

¹⁾ Żale nagrobne na Jana Kochanowskiego (w Krakowie 1585, перепечаталъ Туровскій 1858).

²⁾ См. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Як. Головацкимъ (Москва 1878, 3 т.).

³⁾ См. Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи (СП. 1846—1853, 5 т.), Акты, относ. къ исторіи южной и западной Россіи

*и Польша, столкновение католицизм
ческая Литва и православная Русь
альный и литературный язык лит
ва, католической Литвы и правосла
йство литовско-русского государст
и бояре, города, селяне.*

из Нѣманѣ и средней Двинѣ издавна
именно племя Кривичей, и Литва (съ Л
оголю); по Кривичамъ же Латыши наз
скихъ Кревами, а въ литовскомъ на
тоже скрывается переводъ названія К
раздѣлилась потомъ на двѣ половины, во

съ 1863 г.), Грамоты великихъ князей
съ 1868, изд. Антоновичъ и Козловскій),
орію западно-русского края (СП. 1865)
lziejów Litwy a Rusi litewskiej (Wilno
wicz), Zbiór praw litewskich (Poznań
ятники изд. комисіею для разбора древн
59, 4 т.), Архивъ югозападной Россіи (К
.), Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ
Трокъ (Вильна 1843), Археограф. Сбо
западной Руси (Вильна 1867—1889, 11 т.
жіею для разбора древнихъ актовъ въ Ви
1865), Историко-юридическіе матеріалы
рній витебской и могилевской (Витебскъ
książąt Sanguszków (Lwów 1887—1890,
вы и литовской Руси см. сочиненія На
аго, Крашевскаго, Кояловича, Брянцева,
торіи великаго княжества литовскаго д
ографіи по исторіи западной и югозапад
рв. Н. Дашкевича, Записки по исторіи
ства, Кіевъ 1885). Мѣсто исторіи литов
рин Руси хорошо понялъ уже Устряло
іе особенно Бестужевъ-Рюминъ, Русская
Історія Россіи, II. III.; Макарій (Булгаковъ

Смоленскъ и западную — Полотъскъ (Полоцкъ). Полоцкое княжество распалось на много мелкихъ княжествъ: полоцкое, нѣньское (минское), витебское, изяславское (ижеславское, жеславское), логожское, друческое (друцкое), случеское (случское), новгородское, городенское, клеческое (клецкое), свислочское, лукомское, оршанское и др. Нѣкоторые изъ этихъ полоцкихъ князей покорили себѣ тоже латышскія земли, и въ началѣ XIII в. русскіе князья встрѣчаются также въ латышскихъ городахъ Коконоисѣ и Герсикѣ.

Западные Литовцы (Прусы) покорены и истреблены нѣмецкими рыцарями; сѣверные Литовцы (Латыши) покорены другимъ нѣмецкимъ рыцарскимъ орденомъ меченосцевъ; а южные Литовцы, Ятьвяги (пол. Jaćvegi), истреблены соединенными силами Руси и Ляховъ. Только средніе и восточные Литовцы по Нѣману (Литва и Жемойть — Жмудь), долго преслѣдуемые русскими князьями, съ конца XII в. выступаютъ изъ своихъ лѣсовъ и болотъ и начинаютъ все чаще наѣзжать на русскія земли, на Полоцкъ и дальше на востокъ и на югъ. Русь, разрываемая безконечными междоусобицами князей и скоро разгромленная наѣдомъ монгольскимъ, не могла сопротивляться воинственнымъ Литовцамъ; о нихъ уже въ концѣ XII в. сказалъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ: „Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подѣ кликомъ поганныхъ; единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ (полоцкій), позвони своими острыми мечи о шелоны литовскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи“.

Около половины XIII в. вся западная часть кривской земли находилась подѣ господствомъ литовскаго князя Миндовга; Новгородокъ, Волковыйскъ, Слонимъ, Городно (Городенъ), Пинскъ, Полоцкъ, Витебскъ и др. входили непосредственно или посредственно въ составъ все усиливающагося литовскаго княжества, и границы его распространялись все дальше на югъ. При великомъ князѣ Гедиминѣ (1316—1341) литовское господство утвердилось въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Пинскѣ; завоеваны Туровъ, Берестье, Дорогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ; Воынь достался Литвѣ позднѣе вслѣдствіе брака Любарта Гедиминовича съ воынской княж-

ною. При Ольгирдѣ (Ольгердѣ) Гедиминовичѣ (1345—1377) присоединены къ Литвѣ земли сѣверская, подольская и вѣроятно кievская ¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ литовское господство утвердилось и въ землѣ воынской противъ притязаній Польши, владѣвшей карпатскою Русью. На крайнемъ востокѣ и Смоленскъ призналъ верховную власть Литвы, и наконецъ присоединенъ къ ней непосредственно (1404). Такимъ образомъ въ XIII—XIV вв. по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру образовалось сильное государство литовское, бѣольшую часть котораго составляла югозападная Русь по Двинѣ и по Днѣпру. Это литовско-русское государство восприняло и страшную борьбу съ наступающею на литовскій и славянскій востокъ силою нѣмецкою, съ обоими ордепами нѣмецкихъ рыцарей, стремившихся къ покоренію и порабощенію этого востока ²⁾.

Литовскіе князья, распространяя свое господство въ русскихъ земляхъ, оставляли въ нихъ прежнихъ князей Рюриковичей или раздавали княжества членамъ своего рода; послѣдніе приобрѣтали русскія княжества тоже вслѣдствіе браковъ съ русскими княжнами. Но Рюриковичи въ югозападной Руси все вымирали; въ началѣ XIV в. прекратились они въ Туровѣ, Пинскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Воынѣ, Минскѣ; у другихъ князей отняты ихъ княжества, какъ напр. у князей сѣверскихъ, кievскаго, смоленскаго. Въ XV в. въ литовской Руси было уже мало Рюриковичей въ своихъ старинныхъ княжествахъ; больше сохранились они въ Сѣверщинѣ. Русскія княжества достались литовскимъ Гедиминовичамъ и Ольгирдовичамъ, которые княжили въ нихъ подъ верховнымъ владычествомъ великаго князя литовскаго и русскаго, какъ прежде русскіе князья—подъ верховнымъ владычествомъ великаго князя кievскаго. Литовскіе князья, сносясь и сталкиваясь постоянно съ Русью, рано привыкли къ русской культурѣ: принимали православіе — „русскую“ вѣру; сами, будучи въ сравненіи съ болѣе образованною

---

¹⁾ Такъ думаютъ Антоновичъ и М. Грушевскій (Очеркъ исторіи кievской земли до конца XIV в., Кіевъ 1891); Дашкевичъ и др. принимаютъ завоеваніе Кіева Гедиминомъ.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 400.

Русью „варварами“, мало-по-малу обращались въ Русскихъ вѣроу, образованіемъ и языкомъ. Уже сынъ Миндовга Войшелкъ былъ ревностнымъ православнымъ и сталъ защитникомъ русско-православной партіи противъ литовско-языческой. Сыновья Гедимина, за исключеніемъ Монвида и Кестутія (Кейстута), и большая часть Ольгирдовичей, рожденные отъ русскихъ князей, были православные Русскіе, хотя нѣкоторые — въ виду своего языческаго литовскаго народа—не примкнули открыто къ православію. Православными Русскими были Гедиминовичи Евнутій (Явнута) Иванъ, Ольгирдъ (Ольгердъ), Коріятъ Михаилъ, Наримунтъ Глѣбъ, Любартъ Димитрій, Ольгирдовичи—Ягайло (Ягелло) Яковъ, Андрей, Корибутъ (Корыбутъ) Димитрій, Володимиръ, Скиригайло (Скиргелло) Иванъ, Лугвеній (Лингвень) Семень, Швитригайло (Свидрыгелло) Александръ, и др. ¹⁾; Кестутій остался вѣренъ вѣрѣ отцовъ, но его сынъ Витовтъ принялъ у нѣмецкихъ крестоносцевъ христіанство католическое, а вернувшись въ Литву—православіе и имя Александръ ²⁾. Великій князь Ольгирдъ мечталъ о

---

¹⁾ Швитригайла называютъ нѣкоторые Львомъ (срв. Акты западной Россіи I. примѣчанія, стр. 12; Stadnicki, Bracia Władysława Jagiełły, 365); но самъ Швитригайло назывался еще въ концѣ своей жизни „Алексадро (Олексадро) инако Швитрикгайло Ольгирдовичъ“ въ двухъ грамотахъ 1446 и 1451 гг. (Archiwum książąt Sanguszków III. № 8, 10); въ 1424 г. онъ называется „Болеславъ инако Швитрикгайло“.

²⁾ См. монографіи Каз. Стадницкаго: Synowie Gedymina (1849—1853, 2 t., I томъ въ новомъ изданіи 1881), Olgierd i Kiejstut (1870). Bracia Władysława Jagiełły (1867); дополненія написалъ J. Wolff: Ród Gedymina (1886). Имена литовскихъ князей пишемъ въ русскихъ ихъ формахъ, какъ онѣ встрѣчаются въ русскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ. Слѣдовало бы ихъ писать по-литовски, но литовскія ихъ формы до сихъ поръ не возстановлены и не объяснены; Микудкій считаетъ правильными формы Ягайлас, Швитригайлас, Карибутас, Витаутас, и объясняетъ -- *гайлас* словомъ *гайлетти* — жалѣть, *твитри*—свѣтлый, *кари*—дѣлать, *бутас*---домъ (Карибутас = славян. Домарадъ), *таута* — народъ, и пр. В. Юргевичъ (Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ, въ москов. Читеніяхъ 1883, III) сближаетъ литовскія имена съ именами христіанскаго православно-русскаго ка-

собраніи всѣхъ русскихъ земель противъ Москвы, важность которой относительно литовской Руси онъ уже предчувствовалъ; онъ, Ягайло и Витовтъ старались ослабить Москву въ отношеніи политическомъ и церковномъ, и стремились къ учрежденію особой митрополіи для литовской Руси и въ возвышеніи Кіева противъ Москвы, что имъ и удавалось, хотя только на время; а Ягайло заключилъ даже союзъ съ татарскимъ ханомъ Мамаемъ противъ Москвы. Многіе Ольгердовичи были ревностные православные Русскіе, пользовались общою любовью русскаго народа; такъ напр. Володимиръ Ольгердовичъ и его потомки Олельковичи (по Александру-Олельку Володимировичу) князья Слуцкіе, Бѣльскіе, Ольгердовичи Иванъ Скиригайло, Димитрій Корибутъ (Корыбутъ) и его сынъ Сигизмундъ Корибутовичъ, извѣстный защитникъ

лендаря, напр. Мингайло — Михайло, Ягайло — Яковъ (Яга, срв. въ Воскресенской лѣтописи, П. С. Р. Л. VII. 253: Яковъ нареченный Ягайло), Кестутій (Кейстутъ, Кинстутъ)—Константинъ (Костя), Лугвеній (Лиягвень) — Лонгинъ, и пр. О православіи Гедиминовичей и Ольгердовичей (и Ягайла) см. монографіи Стадницкаго (срв. „Славяне“ III, 45) противъ Шайнохи (Jadwiga i Jagiello III. 355), который защищаетъ язычество Ягайла и др., какъ и I. Вольфъ (Ród Gedymina, 86); срв. Smolka: Kiejstut i Jagiello (1888). Православіе Ягайла защищаетъ тоже М. Смирновъ: Ягелло—Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею (Одесса 1868); изъ приводимыхъ имъ источниковъ надо выпустить такъ называемый дневникъ Кибурга 1397 года, оказавшійся поддѣлкой начала XIX вѣка, и мнимыя слова Длугоша, который будто называетъ православіе idolatria (это относится къ Pruthenus, а не Ruthenus, см. выше стр. 10). Шайноха (стр. 358) приводитъ изъ книжки Historia pulchra et stupenda miraculis referta imaginis Mariae, quomodo et unde in Clarum montem Czanstochowiae et Olsztyn advenerit (Cracoviae 1523) слѣдующія слова: Post mortem Ludovici regis grande deus donum et miraculum genti polonae contulit. Ladislaus enim dux egregius Lithuanorum, vocatus ad regnum ea lege, si misso schismate christianus purus efficeretur etc. Срв. тоже что пишутъ нѣмецкіе рыцари въ своей запискѣ, представленной констанцскому собору въ 1416 году: Unum certe de humanitate dictorum Ruthenorum et aliorum infidelium recitatione dignum estimatur, quod dominum regem Polonie et alios, qui a fide eorum recesserunt et nostram susceperunt, ea beni-

чешскихъ гуситовъ, и др. ¹⁾. Православными русскими родами остались и другіе Гедиминовичи и Ольгирдовичи: князья Жеславскіе — Заславскіе (Евнутьевичи), Мстиславскіе (Лугвеньевичи), Пинскіе и Корецкіе (Наримунтовичи), Сангушки (Сонгушки, Сенкушки, Сендюшки), Гурки и Кобринскіе (родъ Федора Ольгирдовича), и др. ²⁾.

Борьба Литвы и Москвы изъ-за первенства на Руси кончилась бы раньше или позже въ пользу Москвы, сплоченіе же русскихъ земель около Москвы состоялось бы вѣроятно гораздо раньше, если бы событія не повернули Литвы и ея Руси съ востока на западъ—къ Польшѣ. Этотъ важный въ исторіи всего Славянства фактъ 1386 г. — избраніе великаго князя литовскаго и русскаго Ягайла въ польскіе короли и принятіе имъ, нѣкоторыми его братьями, Витовтомъ и народомъ литовскимъ католицизма, что и придало дальнѣйшей исторіи Польши и Руси совсѣмъ иной характеръ. То, что случилось еще раньше, около половины XIV вѣка, въ карпатской Руси, т. е. водвореніе господства латинско-поль-

---

gnitate et paciencia tolerant, qua ipsos in eorum perfidia tolerabant, in eo christianorum humanitatem excedentes, qui a fide eorum relapsos ad idola non solum ad ipsorum conversacionem non admittunt, sed diris cruciatibus persecuntur. (Codex epistolaris Vitoldi, p. 1030). О католическомъ и православномъ крещеніи Витовта см. особенно его письмо прусскимъ крестоносцамъ ок. 1390 г. (Scriptores rerum prussicarum II. 713); срв. А. Барбашевъ: Витовтъ и его политика до грюневальдской битвы (СП. 1885, стр. 135), тоже „Славяне“ III. 45.

¹⁾ О Сигизмундѣ Корибутовичѣ см. „Славяне“ III. 54; срв. еще Wolff: Ród Gedymina, 90, 152. Михаилъ Коріятъ, Димитрій Корибутъ, Александръ Володимировичъ упоминаются въ запискахъ XIV—XV вв. въ евангеліи лаврашевскомъ, которое хранится въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, а не въ Императорской публ. библ. въ Петербургѣ, какъ думаютъ Востоковъ (Описаніе рукописей Румянцева, стр. 124) и издатели Актовъ южной и западной Россіи II. стр. 103. Срв. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею 1882 г., стр. 23—24.

²⁾ См. J. Wolff: Ród Gedymina; A. Boniecki: Poczet rodów w w. ks. litewskiém w XV i XVI w. (Warszawa 1887, срв. Ateneum 1888, III. 525), часто противъ Стадницкаго и Бартошевича.

и культуры,—то же самое состоялось въ концѣ
и въ соединенной съ нею югозападной Руси.

Литва и Русь раскрылась латинской культурѣ, проводимой тамъ
Польшею,—той культурѣ, которая давно уже напирала на Русь и
Литву со стороны западныхъ ихъ сосѣдей, Шведовъ и прибал-
тійскихъ Нѣмцевъ въ Прусіи и Ливоніи. Подобно тому какъ
въ этихъ прибалтійскихъ странахъ литовскихъ и чудскихъ ла-
тинская культура сопровождалась паденіемъ независимости тѣхъ
племенъ и ихъ религій, водвореніемъ тамъ политическаго господ-
ства и устройства Нѣмцевъ и Варяговъ (Шведовъ),—такъ и въ
Литвѣ и югозападной Руси латинская культура сопровождалась
политическимъ и культурнымъ господствомъ польскаго элемента
въ ущербъ не только литовскому язычеству, а тоже русскому
православію или, какъ въ Польшѣ выражались, „схизмъ“. Этой
цѣли посвящена съ XIV вѣка почти вся дѣятельность польскаго
народа; она-то отвлекала его отъ славянскаго запада и влекла
его на славянскій востокъ; „стремленіе на Русь“ составляетъ
главное содержаніе исторіи польскаго народа,—то роковое стре-
мленіе, которое не соотвѣтствовало силамъ польскаго племени и
кончилось полною неудачею и паденіемъ этого славянскаго
народа ¹⁾).

---

¹⁾ Доктрина о „задачѣ“ польскаго народа—переносить западно-
европейскую, латинскую культуру (католицизмъ и полонизмъ) на
Русь—повторяется въ польской исторіографіи часто, даже въ новѣй-
шія времена. Если князь І. О. Любомирскій думаетъ, что „*ciudne
plemię lechickie przyjęło tylko najświatniejsze wyniki rzymsko-teu-
tońskiego świata; téj uświatnionej i zamożniejszej narodowości lechie-
kiej powołaniem było rozciągnąć na kraj nowo przyłączony swoje
rozliczne, płodne żywioły*“ (Biblioteka Warszawska 1855, IV. p. 7),
то онъ смѣшиваетъ исторію съ эпопеею. Въ такомъ смыслѣ высказы-
ваются тоже Шайноха (срв. статью Гильердинга: Польскій вопросъ,
въ Собраніи сочиненій II. 291) и Ст. Смолька; послѣдній еще не-
давно выразился, что посредствомъ западной латинско-польской ци-
вилизациі и католицизма Русь должна была освободиться „изъ кле-
щей запыльсневѣлаго востока и замораживающей схизмы“. (Rok 1386.
W pięćsiowiekową gospodę. Kraków 1886). Польскій историкъ какъ-
то уже слишкомъ увлекается доктриною и впадаетъ въ неумѣстный,

Владиславъ Ягайло — такъ назвался новый польскій король и наивысшій князь литовскій и русскій послѣ принятія католицизма — всевозможно старался не только распространять католицизмъ въ Литвѣ и Жмуди, но и придавъ ему характеръ господствующаго вѣроисповѣданія; онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ католической іерархіи, а поэтому и возненавидѣлъ чешскихъ гуситовъ; не менѣе враждебно относился онъ и къ православію или „схизмъ“, и все носился съ мыслью объ уніи церквей восточной и западной. Въ такомъ смыслѣ воспитаны и его сыновья, и такъ вела себя и его четвертая жена Софія изъ православныхъ литовско-русскихъ князей Ольгимунтовичей — Гольшанскихъ, сдѣлавшаяся ревностною католичкою. Великій князь литовскій и русскій, Александръ Витовтъ Кестутевичъ, не смотря на свое вторичное присоединеніе къ католицизму (1386), не относился враждебно къ православію; онъ, конечно, не могъ забыть, что огромное большинство его подданныхъ—православная Русь, что онъ „господарь литовскій и многихъ русскихъ земель“. Онъ заботился также о православной русской церкви и хлопоталъ о назначеніи особаго кіевскаго митрополита (1415)—противъ московскаго,—чтобы православная „вѣра не меншала ни угыбала, и русская честь вся стояла на своей земли“, и чтобы „митрополитъ

національно-конфесіональний лиризмъ, и тѣмъ самымъ въ сорсѣмъ неисторическій тонъ: „Pod tchnieniem unii (1386) rozwiało się groźne widmo azyatyckiej potęgi, która miała zaciężać nad Europą, jeśli nie na zgubę zachodniej cywilizacji, to na nieszczęście ludów, przez unię ocalonych. W unii z Polską i pod wpływem Polski, Litwa stała na wschodzie Europy jako niezmordowana krzewicielka katolickiej wiary i zachodniej cywilizacji... A Ruś, którą unia odsunęła od panowania, wzamian za berło złowrożej potęgi, otrzymała w tem zjednoczeniu ludów pierwszy posiew duchowego zmartwychwstania. Rok 1386 wyrwał ją z kleszczy zapleśniałego wschodu i powołał do wspólnego z zachodem życia. Ze zjednoczeniem kościelnem, które od chrztu Jagiełły stało się koniecznością dziejową, zstąpił duch w martwe a piękne ciało ruskiej cerkwi i rozbudził żywotność tych bujnych soków cywilizacyjnych, które schizma zmroziła w ruskim narodzie“. Можно подумать, что это написалъ польскій іезуитъ Скарга, а не польскій историкъ конца XIX вѣка! Менѣе лирически и болѣе исторически

сѣдѣлъ на своемъ столѣ въ Кіевѣ“, подобно тому, какъ есть первосвятители у Болгаръ и у Сербовъ ¹⁾. Витовтъ интересовался дѣлами православной церкви въ своемъ государствѣ не только по соображеніямъ политическимъ, но также потому, что онъ, подобно Ягайлу, думалъ объ уніи восточной церкви русской съ Римомъ. Новый кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, Болгаринъ, долженъ былъ, по желанію Витовта и Ягайла, хлопотать о дѣлѣ уніи, но ничего не сдѣлалъ ²⁾. Витовтъ сначала не чуждался и чешскихъ гуситовъ; при немъ въ Литвѣ находился и другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій (1413), съ которымъ Витовтъ совѣщался о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ; да католическая іерархія позже

поставленъ имъ вопросъ: „Czy nie poszła na marne cała zasługa dziejowa, która się w unii zawiera?“ Исторія рѣшила этотъ вопросъ не въ пользу польскаго народа, а „задача“ его была, по нашему мнѣнію, другая, срв. „Славяне“ II. 70—100, III. 157, 164.

¹⁾ Акты западной Россіи I. № 25. Объ избраніи особаго кіевского митрополита писалъ ливонскій магистръ прусскому вел. магистру (1 янв. 1416): „Herzog Vitovt hat einem russchen babist odir anders patriarchen geheissen, in Lettowen irhaben und irwelt, da her die Moskower, Nogardere, Pleskower und alle Russenland umme en gelegen, zu twingen wil, das sie deme patriarchen gehorsam sollen sin und keime andern“. (Liv—esth— und kurländisches Urkundenbuch, ed. Bunge, V. 107).

²⁾ Въ литовско-русской лѣтописи (изд. Даниловича, 240) разсказывается, что митрополитъ Григорій спросилъ Витовта, зачѣмъ онъ не православный: „Что ради ты княже самъ въ вѣрѣ ляцкой, а не въ православной вѣрѣ христіанской? -И отвѣща ему Витовтъ: Аще хоцещи не токмо мене единого видѣти въ своей православной вѣрѣ, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моя земля литовскія, то иди въ Римъ, и имѣй прю съ папою и съ его мудрици; аще ихъ преприши, то вси мы будемъ христіане, и аще-ли не преприши, то имамъ вся люди своя земля въ свою нѣмецкую превратити вѣру. И посла его въ Римъ“ (т. е. въ Констанць). Этотъ разсказъ перешелъ тоже въ сѣверныя русскія лѣтописи; см. м. Макарія, Исторія русской церкви IV. 99; Stadnickiego Bracia Władysława Jagiełły 129. Срв. писмо Владислава Ягайла папѣ 1418 г. у Левицкаго Codex epistolaris saec. XV, t. II, p. 98. О Григоріи Цамблакѣ см. тоже „Славяне“ II. 222.

на констанцкомъ соборѣ обвиняла Іеронима, что онъ уговариваетъ Витовта и Литовцевъ отречься отъ католицизма и принять православіе, къ которому Іеронимъ относился съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіею ¹⁾).

Не всѣ Ольгирдовичи братья Ягайла приняли католицизмъ: большая часть остались ревностными православными Русскими. Но даже тѣ Ольгирдовичи, которые замѣнили православіе католицизмомъ, не могли забыть о вѣроисповѣданіи своей молодости, о „русской вѣрѣ“, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ—уже въ силу своего пребыванія среди православной Руси и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ нею—не могли относиться къ ней враждебно. Такъ именно младшій братъ Ягайла, Швитригайло Александръ, и послѣ принятія католицизма (1386 г. и имени Болеславъ), все держался православныхъ Русскихъ ²⁾; Русскіе же съ своей стороны были къ нему всегда расположены и охотно помогали ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, и въ несчастной для него битвѣ вилкомирской: въ ней — по словамъ литовско-русскаго лѣтописца — Швитригайло вмѣстѣ „съ князи рускими, бояры и со

---

¹⁾ Hieronymus... in Lituania et Russia intrans ecclesias schismaticorum fidem seu perfidiam praetulit fidei communi christianae... dixit, quod schismatici et Rutheni essent boni christiani... Hieronymus, interrogatus per ducem Witoldum et episcopum (виленскимъ), si baptizati secundum ritum Graecorum erant rebaptizandi, consuluit, quod non, sed simpliciter in fide romana instruendi... Hieronymus, quantum potuit, circa dominum ducem institit et laboravit et conabatur, d. ducem cum tota gente sua christiana a fide christiana avertere, et ad permanendum in dicta secta Ruthenorum et infidelium populorum inducere. (Hardt: Constant. concilium IV. 634 etc.). Срв. „Славяне“ III. 37, 40, 44.

²⁾ Sectae ruthenicae quam maxime favens — говоритъ о немъ Длугошъ. Епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій тоже съ негодованіемъ отзывается (1432) о взаимныхъ симпатіяхъ Русскихъ и Швитригайла и о сношеніяхъ чешскихъ гуситовъ съ Швитригайломъ и съ православною Русью, „qui inter se videntur de multis articulis, videlicet communione utriusque speciei, paupertate cleri et aliis multis superstitionibus, concordare cum Bohemis, et sunt unius idiomatis“. (Codex epistolaris saec. XV, t. II. 289).

всею силою рускою“ сражался противъ великаго князя литовскаго Жидимонта (Сигизмунда) Кестутьевича съ его „силою литовскою и съ Ляхи“¹⁾. Швитригайло тоже думалъ объ уніи церкви восточной съ западною, но неискренно и по соображеніямъ чисто политическимъ, да онъ даже, готовясь къ войнѣ съ великимъ княземъ Сигизмундомъ, велѣлъ сжечь митрополита Герасима, душу этихъ плановъ объ уніи²⁾. Сношенія Ольгирдовичей и Витовта съ подвластными имъ православными Русскими, съ „схизматиками“, весьма не нравились нѣмецкимъ крестоносцамъ и ихъ верховному повелителю, римско-нѣмецкому императору; они упрекали даже Ягайла и Витовта въ вялости при защитѣ интересовъ католицизма въ Литвѣ и Руси и въ дѣлѣ церковной уніи³⁾.

Подобно тому какъ Литовцы принимали отъ покоренной ими Руси вѣроисповѣданіе православное, такъ приняли они отъ нея тоже *языкъ*, который употребляла вся югозападная Русь въ публичной жизни и въ литературѣ. Этотъ русскій языкъ, употребляемый во всей югозападной Руси и потомъ тоже въ Литвѣ, — литературный языкъ со своими опредѣленными формами и стилемъ,

---

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 67—78.

²⁾ Срв. St. Smolka, *Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego*, 18—19.

³⁾ Вотъ напр. нѣсколько отзывовъ нѣмецкихъ крестоносцевъ объ Ольгирдовичахъ; они-де „*scismaticorum perfidia baptizati... magis Ruteni quam christiani, magni et horribiles inimici christianitatis... Jagello fovet scismaticos immo hereticos videlicet Rutenos... Witawtus tenet se magis ad Litwanicos et Rutenicos et infideles quam ad christianos, quia ipse cum illis Rutenicis sicut cum illis de Moskaw et de Magna Naugarten et de Pleskaw se colligavit contra christianitatem*“ etc. (срв. *Codex epist. Vitoldi* 23, 996, 1025, 1030; *Codex diplomat. Prussiae* V. 183, etc.). Сношенія Ягайла, Витовта и Швитригайла съ чешскими гуситами „еретиками“ (см. обширно „Славяне“ III) еще усилили вопли тѣхъ борцовъ „христіанства“, такъ какъ нѣмецкіе крестоносцы въ своей скромности считали себя какъ бы главными его представителями; но тѣмъ не менѣе они не могли отнестись спокойно къ факту крещенія Литвы Ягайломъ: *pes grave eis (Литовцамъ) erat aquis mergi, quia ea gens a juventute sua balneis est assueta*.

развившійся на основаніи общаго древне-русскаго языка; это не языкъ простого народа югозападной Руси, такъ называемыя нарѣчія малорусское и бѣлорусское; характеристическія ихъ черты развивались и вліяли болѣе или менѣе на литературный языкъ югозападной Руси довольно поздно, вмѣстѣ съ языкомъ польскимъ. Въ этомъ письменномъ языкѣ „русскомъ“ — такъ онъ назывался—нѣтъ тѣхъ характеристическихъ чертъ говоровъ простого народа, т. е. именно нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго, нѣтъ напр. бѣлорусскаго *дзъ-еканья* и *цъ-еканья*, *а-канья* и *я-канья* (дзядъ, цяперъ, быць-быци, адзинъ, вяликій), малорусскаго *и-канья* (вѣкно, дѣдъ), общезападнорусскихъ *бувъ*, *вовкъ*—*воукъ* и пр.; такія формы встрѣчаются очень рѣдко рядомъ съ обыкновенными: *дѣдъ*, *теперь*, *одинъ*, *быти*, *великій*, *окно*, *быль*, *волкъ* и пр. Такъ писали въ Кіевѣ, Волынѣ, Львовѣ, въ Вильнѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ. Да „бѣлорусское“ *дзъ* и *цъ* исключаются даже изъ именъ и географическихъ названій западной Руси и изъ словъ, принятыхъ изъ польскаго языка, который тоже *дзъ-екаетъ* и *цъ-екаетъ*; такъ въ этомъ письменномъ языкѣ югозападной Руси пишется: Радзивиль (а не: Радзивиль, поль. *Radziwiłł*), Будиловичъ (Будзиловичъ, *Budziłowicz*), Костюшко (Косцюшко, *Kościuszko*), Тыкотинъ (Тыкоцинъ, *Tukociń*), тивунъ (цивунъ, *ciwun*), дѣцкій (дзецкій, *dziecki*), кметъ (поль. *kmieć*), костелъ (поль. *kościół*) и пр. Формы: *паслѣ* (послѣ), *мядовое* (медовое), *помяняли* (помѣняли), *Мицьково* (Митьково), *шляхцѣ* (шляхтѣ), *слаць* (слати), *Дзедунъ* (Дѣдунъ) и др. встрѣчаются рѣдко, да и то главнымъ образомъ уже позднѣе, въ XVI—XVII вѣкахъ ¹⁾. „Бѣлорусскимъ“ назывался этотъ письменный

---

¹⁾ См. И. Недешевъ: Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (въ варшав. „Филолог. Вѣстникѣ“ 1884, XII); срв. тоже Е. Карскій: Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Москва 1886), П. Житѣцкій: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. (Кіевъ 1889). О письменномъ языкѣ литовской Руси см. тоже замѣтки Як. Головацкаго въ соч. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшѣ по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, стр.

языкъ югозападной Руси только въ Москвѣ, названіе чисто географическое, такъ какъ ближайшая часть литовской Руси по верхнему Днѣпру и по Березинѣ со второй половины XVI вѣка носила названіе „Бѣлой Руси“ ¹⁾. Этотъ письменный русскій языкъ литовской Руси—чисто русскій языкъ безъ примѣси церковнаго языка словѣнскаго; такая примѣсь замѣтна только въ памятникахъ, составляемыхъ съ участіемъ православныхъ духовныхъ лицъ, которыя не могли писать по-русски безъ разныхъ словѣнскихъ: аще, градъ, глава, събрати, дрѣжати, добраго, поставихомъ, баше, и пр. ²⁾.

Русскій языкъ былъ офиціальнымъ языкомъ великаго княжества литовскаго; по-русски говорили и писали Гедиминовичи, Ольгирдовичи, Ягайловичи, князья и бояре литовскіе, дома, на сеймахъ, судахъ; по-русски писались литовскіе уложенія, статутъ Казимира (1468), статуты литовскіе всѣхъ трехъ редакцій (1529, 1566, 1588) и множество привилегій, грамотъ уставныхъ, жалованныхъ и др. для цѣлаго великаго княжества и для отдѣльныхъ его земель; по-русски писались разные сеймовые и судебные акты, записываемые въ особыя книги государственнаго архива литовскаго, въ такъ называемую метрику литовскую, и въ особыя судебныя книги ³⁾. Изъ великокняжеской канцеляріи

---

31); Головацкій впалъ въ ту же самую ошибку, какъ до него Палацкій (*Dějiny národu českého*, III. 1. р. 145) и я (Славянская взаимность СП. 1874, стр. 251), т. е. онъ предполагаетъ вліяніе чешскаго языка на этотъ письменный языкъ западно-русскій, чего доказать нельзя. Сходство здѣсь только племенное славянское, тѣмъ болѣе, что западно-русскія нарѣчія во многомъ очень близки къ нарѣчіямъ чешско-словенскимъ. Помню, что я, слушая малорусскую проповѣдь въ соборѣ св. Юрія во Львовѣ, часто воображалъ себѣ, что слушаю проповѣдь чешскую или словенскую.

¹⁾ Бѣлорусскимъ называетъ его тоже Крижаничъ; срв. „Славяне“ II. 330.

²⁾ Срв. напр. въ литовско-русской лѣтописи напыщенную „похвалу о великомъ князи Витовтѣ“ или грамоты объ избраніи митрополита Григорія (1415).

³⁾ Метрика литовская хранится нынѣ въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи; срв. Пташицкій: Описаніе книгъ и актовъ

писали по-русски въ Москву и въ Молдавію, въ Польшу, Татарамъ, даже въ Ливонію и въ Угрію. Въ сношеніяхъ съ Нѣмцами и вообще съ западною Европою былъ въ употребленіи преимущественно языкъ латинскій, извѣстный въ Литвѣ уже въ XIII в., особенно же съ конца XIV вѣка. Исторією Литвы занимались русскіе лѣтописцы; они сначала не разъ отличаютъ Русь отъ завоевательной Литвы („возгласи Русь плачемъ великимъ, ижъ такъ вси суть побити отъ безбожной Литвы“), но со временемъ, по мѣрѣ сліянія Литвы съ Русью, приняли литовскую точку зрѣнія противъ разныхъ притязаній Поляковъ. Говоря о древнѣйшей исторіи Литвы, они послѣдовали выдумкамъ польской исторіографіи, Длугоша и др. о происхожденіи Литвы-Литавіи изъ Италіи и пр.; такъ напр. въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ рассказываетъ удивительныя вещи о древней исторіи Литвы: изъ Италіи вышелъ-де „княжа Палемонъ и пять сотъ шляхты римское... пошли на кораблехъ моремъ на полночь и дошли до устія, где река Немонъ впадаетъ въ море“, и тамъ поселились. Важный въ тѣ времена вопросъ о гербахъ, переходившихъ отчасти изъ Чехіи въ Польшу, а оттуда въ Литву, лѣтописецъ трактуетъ по своему усмотрѣнію: онъ—не зная ничего о городенскомъ съѣздѣ и выражая гордость Литовцевъ противъ Ляховъ—разсказываетъ, что „Ляхове не были шляхта, але были люди простыи, ани мели гербовъ своихъ и великими дары того доходили въ Чеховъ, бе-

---

литовской метрики (СП. 1887). Списокъ древнѣйшихъ книгъ (1—66, съ XV в. до второй половины XVI в.), сдѣланный въ 1777 г. польскимъ письмомъ, хранится въ главномъ архивѣ варшавскомъ (книги означены № 191—219); этимъ спискомъ, удобнымъ для историковъ и юристовъ, но не для филологовъ, мы и пользовались. Судебныя книги хранятся въ центральныхъ архивахъ въ Кіевѣ, Вильнѣ, Витебскѣ; срв. Описи актовыхъ книгъ кіевского центрального архива (Кіевъ, выходятъ съ 1866 г.); Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній виленской, гродненской, минской, ковенской, также книгамъ нѣкоторыхъ судовъ губерній могилевской и смоленской, хранящимся нынѣ въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ, составленъ Н. Горбачевскимъ (Вильна 1872). Акты изданы и издаются въ вышеупомянутыхъ сборникахъ.

ручи такъ великіи скарбы отъ нихъ и гербовъ своихъ изжичили и шляхтою ихъ починили, и въ гербы свои ихъ приняли; але мы шляхта старая римская съ гербы своими не потребуемъ жадныхъ иныхъ гербовъ, але ся держимъ старыхъ, што намъ предки наши zostавили⁴. Но виѣстѣ съ тѣмъ и въ литовско-русскомъ лѣтописцѣ заговорила тоже шляхетско-польская спѣсь, если онъ о великомъ князѣ Зигизмундѣ Кестутьевичѣ рассказываетъ, что онъ „мыслилъ въ серцу своемъ, каковы весь рожай шляхецкій погубити и кровь ихъ розлити, а поднести рожай хлопскій псью кровь“¹).

Сами Литовцы и Жомонты (Жмудь) на своемъ языкѣ говорили развѣ только у себя дома, если не употребляли русскаго языка; но на сеймахъ и судахъ они говорили и писали не по-литовски, а по-русски. Имъ издавались разныя русскія грамоты изъ великокняжеской канцеляріи, совершенно какъ Русскимъ; и въ литовско-русскихъ земляхъ встрѣчаются, какъ и въ земляхъ русскихъ, князья, бояре, старосты, намѣстники, дѣтскіе, тивуны, серебщины, выдавщины, куницы, пересуды и другіе русскіе порядки, а Русь приняла отъ Литвы развѣ только слово *дякло* (дань натурою)². По-русски говорили и писали обрусѣвшіе князья Гедиминовичи и другіе литовскіе и жмудскіе князья и бояре, Остики-Радивилы, Гаштовты, Гедройти, Монвиды, Кезгайлы, Бутримы, Пацы—совершенно такъ, какъ природныя русскіе князья

---

¹) Литовско-русская лѣтопись XVI в., издалъ Нарбутъ (1846, стр. 6, 1, 43, 48 — 49). Литовско-русскую лѣтопись XV в. издали Даниловичъ (1827) и А. Поповъ (1854). О литовско-русскихъ лѣтописяхъ срв. статьи Даниловича (въ Ж. М. Н. П. 1840, по-польски въ варшав. изданіи Стрыйковскаго 1846), Шараневича (1882), Ст. Смольки (1889), А. Прохаски (1890). Лѣтописи писались тоже въ южной Руси, въ Кіевѣ, Львовѣ и др.; см. Сборникъ лѣтописей, относ. къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ 1888). Русскими лѣтописями пользовался и Стрыйковскій въ своей литовско-русской хроникѣ; срв. „Славяне“ II. 122.

²) Это слово (*dziakło*) употребляется еще нынѣ около Райгрода (въ польскомъ Подляшѣ), означая т. н. даремщизну (*daremszczyzna*), т. е. работу подданныхъ даромъ (Biblioteka Warszawska 1860, II. 751).

и бояре. Вѣроисповѣданіе—католическое (а прежде и языческое) и также православное у Литовцевъ, и православное у Русскихъ, здѣсь ни чуть не мѣшалось: всѣ писали по-русски. Такъ напр. шляхта жомойтская просила по-русски короля, чтобъ всѣ должности въ жомойтской землѣ давались не Литвѣ, не Руси, не Ляхамъ, а только Жомойти. Католическіе Литовцы, и во главѣ ихъ „князь бискупъ“ (по польскому *książdz biskup*) виленскій, заявляли свою преданность „его милости отцу святому папѣ и костелу святому римскому“, бранили „Москвитина отщепенца и непріятеля костела святого римского“, возставали противъ „чужоземцовъ Ляховъ, пановъ Поляковъ“, защищали въ собраніяхъ полную самостоятельность Литвы, требуя, чтобы „великое князьство литовское мѣло коруну; тогда не може быти привлащено къ корунѣ польской: бо коруна въ коруну втѣлена быть не може“—все по-русски ¹⁾. Литовцы, конечно, говорили и писали тоже на латинскомъ языкѣ, но никогда по-литовски. Это господство officialнаго русскаго языка въ Литвѣ возбудило въ литовскомъ патриотѣ Михаилѣ (1550) большое негодованіе; онъ, увлекаясь фантазіями польскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ о происхожденіи Литвы изъ Италіи, жалуется на употребленіе московскаго письма, не древняго и лишняго, такъ какъ русскій языкъ для Литовцевъ чужой; они—происхожденіемъ Итальянцы, изъ крови итальянской ²⁾.

Ягайловичи на польскомъ престолѣ говорили долго и послѣ

¹⁾ Срв. Акты запад. Россіи II. № 144, 221, III. № 24; Акты южн. и западной Россіи I. № 101, и др.

²⁾ *Literas moscoviticas, nihil antiquitatis complectentes, nullam ad virtutem efficaciam habentes, ediscimus, cum idioma ruthena alienum sit a nobis Libuanis hoc est Italianis, italico sanguine oriundis. (De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moscorum, Basileae 1615).* Эти слова Михаила, вѣроятно, дали поводъ къ разсужденіямъ о литовскомъ языкѣ въ такъ наз. дневникѣ Кибурга (конца XIV вѣка, по поддѣлкѣ начала XIX в.); виленскій епископъ разсуждаетъ здѣсь о литовскомъ языкѣ почти такъ, какъ Шлейхеръ или Микуцкій (русскій переводъ дневника у Смирнова: Ягелло-Яковъ-Владиславъ, стр. 26).

соединенія Польши и Литвы (1386) по-русски, тѣмъ болѣе, что сами Поляки не придавали своему родному языку особеннаго значенія, писали почти исключительно по-латыни, и только съ начала XVI в. начали чаще писать и по-польски. Владиславъ Ягайло, не зная ни латинскаго, ни польскаго языка, говорилъ по-русски; это было извѣстно въ Польшѣ долго, до XVII в., и польскіе писатели Орѣховскій и Гербуртъ выводятъ въ своихъ книгахъ короля Владислава Ягайла говорящимъ по-русски ¹⁾. Младшій сынъ Ягайла, Казимиръ, пребывая съ молодости въ Литвѣ и окруженный литовско-русскими панами, привыкъ къ русскому языку и къ русскимъ обычаямъ, тѣмъ болѣе, что его мать Софія была изъ русско-литовскаго рода князей Гольшанскихъ ²⁾. Въ часовнѣ св. Креста въ краковскомъ соборѣ, въ которой похороненъ Казимиръ, до сихъ поръ гласитъ русская надпись, что (вѣроятно 1470 г.) „благоизволеніемъ, мудростью бога отца всемогущаго пописана бысть сия капица повелѣніемъ великодержавнаго короля Казимира за божьей милости короля польскаго и великаго князя литовскаго и русьскаго (и пр.) и его королевое прѣнаяснѣйшей паней Елизаветы ис поколѣнья цесарьскаго, внука пренанезвитажней-

---

¹⁾ Въ лѣтописи монастыря Лысогорскаго (ок. 1536—1540 гг.) Ягайло спрашиваетъ монаховъ лысогорскихъ по-русски: *azto to jest*. Ст. Орѣховскій (*Dyalog*) рассказываетъ, что Ягайло „*z ruska odpowiedział: Kniaże wid na koli pietuch den i nocz pojet, woszełda korol*“. Гербуртъ (*Herkules*) вспоминаетъ о русскихъ словахъ Ягайла, сказанныхъ великому магистру прусскому: „*Tu na мене hrabotu, a ja na тебе szabloju*“. Срв. выше, стр. 142. Съ гуситами Чехами говорили Ягайло и Витовтъ вѣроятно тоже по-русски; срв. „Славяне“ III. 66.

²⁾ Длугоша *Historia Polon.* IV. 659. На Руси Казимиръ назывался тоже Андрей, напр. въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. VII. 256: „Ондрѣй Казимиръ“), въ западно-русской Четви 1489 г. („король Андрей“). К. Стадницкій (*Bracia Władysława Jagiełły*, 144) замѣчаетъ: „*Umiano u nas dołożyć starania, aby prawda historyczna zmaconą została, albo nigdy światła nie ujrzała. Ale zastanowić musi, że kroniki ruskie prawie zawsze Kazimierza Jagiellończyka nazywają Andrzejem, a czasami dodają, że był odszczepieńcem*“.

шаго цесаря Жикгимонта пана земли ракусское а чеськое, вгорской“¹⁾. Сынъ Казимира, король Сигизмундъ I, зналъ кромя польскаго языка тоже языки чешскій и русскій: въ его библиотекѣ (1510 г.) находились, кромя книгъ латинскихъ, тоже книги чешскія и русскія (словѣнско-русскія), и изъ нихъ именно тrefологій „сербскаго языка“, часословецъ, молитвы, книга св. Іоанна Златоуста, и разныя книги библии²⁾. Только король Сигизмундъ Августъ, послѣдній Ягайловичъ, поднѣвалъ пренебрегаемый до тѣхъ поръ языкъ польскій, вводилъ его болѣе въ публичную жизнь, и вообще больше держалъ сторону Поляковъ въ ущербъ Литвѣ и Руси. Поэтому и память объ обоихъ Сигизмундахъ на Литвѣ и Руси не была одинакова; въ началѣ XVII в. въ Литвѣ упрекали короля Сигизмунда Августа, что онъ „Подлясье и Волинь выныщылъ, Ляхомъ мянующися“, но за то хвалили Сигизмунда I: „солодкая памѣть его, бо той Нѣмецъ якъ собакъ не любилъ, а Ляховъ зъ ихъ хитростями велмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ“³⁾.

Названіе „Литва“, первоначально названіе этнографической единицы—области литовскаго племени, принимало все болѣе обширное значеніе, по мѣрѣ распространенія границъ великаго кня-

---

¹⁾ Срв. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, 107—108.

²⁾ Lelewel: Bibliograficzne księgi II. 97 (изъ Метрики литовской, срв. соч. Владимірова о Фр. Скоринѣ, 15). Срв. тоже „Славян“ III. 242.

³⁾ Эти слова встрѣчаются въ такъ называемой рѣчи пана Ивана Мелешка, кастеляна смоленскаго, произнесенной будто-бы на варшавскомъ сеймѣ 1589 года. Но такія странныя „рѣчи“ на сеймахъ не говорились, а панъ Иванъ Мелешко былъ смоленскимъ кастеляномъ въ 1615—1623 гг. (J. Wolff: Senatorowie i dygnitarze w. ka. litewskiego 1386—1795, Kraków 1885, p. 131). Эту „рѣчь“ сочинилъ по всей вѣроятности какой-нибудь литовско-русскій юмористъ XVII вѣка и приписалъ ее кастеляну Мелешку. Она напечатана, изъ рукописи архива Хребтовичей въ Щорсахъ (въ губ. минской), у Вишневскаго *Historya literatury polskiéj* VIII. 480, и вѣроятно оттуда въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 158.

жества литовскаго въ югозападной Руси. „Литва“ во второй половинѣ XIV в. — это всѣ земли по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру, большая половина владѣній Ягайла; меньшая половина — это „Польша“. Но въ самомъ великомъ княжествѣ литовскомъ различали „Литву“ (около Вильны и Троку) вмѣстѣ съ Жомонтью (Жмудью) отъ „Руси“, и великій князь господарь назывался литовскимъ, русскимъ и жомонитскимъ. Въ великомъ княжествѣ литовскомъ были русскія земли: полоцкая, витебская, смоленская, подляшская, волынская, кievская, сѣверская и др.¹⁾ „Литвинъ“ отличался отъ Полочанина, Витблянина, Смольнянина, Кіянина и вообще Русина. Такъ напр. великій князь Казимиръ (1440) раздѣляетъ „своихъ людей: Ляхъ, Литвинъ, Витблянинъ, Полочанинъ, Смольнянинъ, Русинъ или съ иныхъ нашихъ русскихъ земель“; король Сигизмундъ Августъ (1558) обращается къ своимъ подданнымъ „въ паньствѣ нашемъ великомъ князьствѣ литовскомъ и на Волини, на Руси і Подляшью“; рѣка Двина раздѣляла „стороны литовскую и рускую“, какъ говорилось въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того, вслѣдствіе соединенія Литвы и Польши въ 1386 г., названія „Литва — Литвинъ“ и „Русь — Русинъ“ приняли тоже значеніе вѣроисповѣдное: католиковъ и православныхъ, „шляхта литовского и руского народу“, „панове и шляхта обоего закону и вѣры христіанское, римского закону Литва и греческого Русь“, совершенно такъ, какъ и въ Польшѣ названія „Ляхъ“ и „Русинъ“. Такой „Литвинъ“ вѣрою (католикъ) могъ быть конечно и „Русинъ“ по языку. Въ южной Руси, въ земляхъ кievской и волынской, подъ названіемъ „Литва — Литвинъ“ подразумѣвали часто вообще сѣверную Русь литовскую, земли бѣлорусскія, какъ и до сихъ поръ Малорусы называютъ Бѣлорусовъ Литвинами. Последнее названіе „Бѣлая Русь“ — форма книжная; оно сначала означало самостоятельную Русь московскую (не-литовскую, не-польскую); такъ и называлась она напр. у прусскихъ крестовосцевъ,

---

¹⁾ Пограничныя земли назывались вообще *украина*; это названіе осталось особенно въ южной Руси, и въ XVII в. Украина — козацкая подднѣпровская земля — кievская и сѣверская. Срв. ст. Ю. Бартошевича въ ж. Biblioteka Warszawska 1864, II.

у разныхъ книжниковъ средней Европы, въ Польшѣ ¹⁾, да и въ самой Москвѣ; но позже со второй половины XVI в. „Бѣлая Русь“—это земли литовско-русскія по Двинѣ, Березинѣ, Сожи и верхнему Днѣпру, около Мстиславля, Могилева, Рши (Орши). Свислоча, Рѣчицы, Мозыря, Бобруйска, „волостей русскихъ“ въ отличіе отъ западныхъ, „волостей литовскихъ“ около Новгорода, Слонима, Городна, этой „Черной Руси“ ²⁾. Названіе „Бѣлая Русь“ принята потомъ и въ Москвѣ въ значеніи сѣверной литовской Руси, а „бѣлорусскій языкъ“ сталъ въ Москвѣ означать литературный языкъ литовско-польской Руси вообще. Кромѣ этихъ книжныхъ формъ „Русь Бѣлая и Черная“, въ русскихъ земляхъ приняты по примѣру канцелярскаго стиля въ Византіи и царьградскаго патріархата—тоже книжныя формы „Русь (Россія) Великая“—въ значеніи самостоятельной Руси московской, а „Русь (Россія) Малая“ — въ значеніи польско-литовской южной Руси, часть которой составляла тоже „Русь Червонная“ ³⁾.

¹⁾ Такъ напр. у архіепископа Іоанна Ласкаго (1514), о чемъ см. выше, стр. 2; см. Archiv f. slav. Philologie VIII. 21.

²⁾ У польскаго лѣтописца XIV в., Іоанна Чарнковскаго (Monumenta Polon. histor. II. 719), однако Polock castrum Albae Russiae.

³⁾ О названіяхъ Русь (Россія) Великая, Малая, Бѣлая, см. Archiv für slav. Philologie VIII; срв. тоже выше стр. 2, 161 — Объ отдѣльныхъ земляхъ литовской Руси см.—кромѣ общихъ исторій Литвы и литовской Руси — П. Батюшковъ: Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы сѣверозападнаго края (СП. 1890), его-же: Волинъ, истор. судьбы юго-западнаго края (СП. 1888), Stecki: Wołyń pod względem statyst., histor. i archeolog. (Lwów 1864 — 1871, 2 t.), А. Киркоръ: Полѣсье литовское (!) и бѣлорусское (СП. 1882; замѣтимъ, что все Полѣсье по Припети—русское, а не „литовское“, и что Городно, Берестье, Свислочь и др.—въ Руси, а не въ „Литвѣ“); Полѣсье, библиограф. матеріалъ по исторіи, статистикѣ, этнографіи и эконом. состоянію Полѣсья; сѣверозападный и югозападный край вообще, и губерніи минская, гродненская, волынская, кіевская и могилевская въ частности (СП. 1883); разныя монографіи въ сборникахъ: Акты виленскіе, Архивъ югозападной Россіи и др. Монографіи Андріяшева (Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV в., 1887), Грушевскаго (Очеркъ исторіи кіевской земли до конца XIV в., 1891), До-

Великое княжество литовско-русское состояло изъ нѣсколькихъ большихъ и меньшихъ княжествъ, въ которыхъ княжили члены рода Гедиминова, а въ немногихъ еще Рюриковичи. Но съ начала XV в. эти князья все болѣе исчезаютъ, и вмѣсто князей являются въ городахъ и земляхъ великокняжескіе *намѣстники* (старые посадники) и ихъ помощники въ судахъ *тивуны* и *дѣтскіе*, все древнерусскія должностныя лица, преимущественно судебныя; помощникомъ намѣстника сталъ тоже *воевода* (древнерусскій тысячскій), какъ и въ коронной Руси воевода помощникъ старосты. Намѣстники въ южной Руси, именно въ землѣ волинской (и подольской), назывались уже въ XIV в. также *старосты*, по примѣру польскихъ старостъ—намѣстниковъ вообще, какіе были въ коронной Руси ¹⁾. Земли раздѣлялись на округа, называемые уже въ XV в. по-польски *повѣты*; но часто слово „повѣтъ“ означало то, что „земля“, и въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. говорится о „повѣтѣ“ кіевскомъ, истиславскомъ, смоленскомъ, новгородскомъ, берестьевскомъ, слуцкомъ, и пр., что означаетъ землю. Средоточіемъ земли былъ *городъ*, всеословная община; горожане—это бояре, посполство, чернь. Отъ древнерусскихъ должностныхъ лицъ находились по городамъ великокняжескіе намѣстники (старосты) со своими помощниками (воеводами, тивунами), и городскіе сотники или сотскіе, десятскіе

внара-Запольскаго (Очеркъ исторіи земель кривичской и дреговичской до начала XIII в., 1891), Багалѣя (Исторія сѣверской земли до половины XIV в., 1882) касаются только древней исторіи этихъ земель. — Пишемъ „Волынѣ, Воляня, Волынѣмъ“ (муж. рода), такъ какъ это *adjectivum possessivum*: „Волынѣ scilicet городъ, какъ и Володимѣрь, Изяславль, Перемышль, Ярославль, Брячиславль (Брянславль), Всеволожь, Святополчь и пр.; всѣ эти названія въ древнерусскомъ языкѣ были муж. рода: къ Воляню, къ Володимѣрю, подъ Володимѣремъ, до Ярославля, (Святополкъ въ свое имя нарече) Святополчь городъ, и пр. Поляки до сихъ поръ употребляютъ правильныя формы Wołyń, na Wołyniu, Wołyniem, w Jarosławiu, pod Włodzimierzem, и пр.

¹⁾ Срв. статью З. Радзимиинскаго: O namiestnikach rusko-litewskich (краков. Przegląd polski 1885, ks. 77, p. 355).

или десятники. Горожане не-бояре, именно лучшіе (называвшіеся уже въ XV в. на польскій ладъ мѣщане) владѣли землями, селами. Жители города собирались по древнерусскому обычаю на вѣча: „мужи Полочане вѣчомъ ся справовали, какъ великій Новгородъ и Псковъ“ — замѣчаетъ еще въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ. Обыкновенная въ древнерусскихъ городахъ борьба партій, бояръ и черни, людей вятшихъ, добрыхъ и людей меньшихъ, малыхъ, продолжалась и подъ господствомъ литовскихъ великихъ князей. Такъ еще около половины XV в. (1440) Смольняне „чорные люди, кузнецы, кожомяки, шевники, мясники, котелники“, вооружившись зазвонили въ колоколъ и напали на замѣстителя намѣстника великаго князя Сигизмунда, воеводу Андрея Саковича и на его дворянъ и на бояръ, и между обѣими партіями произошелъ кровавый бой ¹⁾. Во второй половинѣ XV вѣка въ городѣ Полоцкѣ происходили споры между боярами и остальными жителями города, мѣщанами (такъ назывались уже лучшіе горожане, хотя городъ не пользовался еще нѣмецкимъ правомъ), городскими дворянами (вѣроятно дворянъ намѣстника), чорными людьми и всѣмъ посполствомъ; король Казимиръ, улаживая эти споры, приказалъ, „абы бояре и мѣщане и дворяне городскіи и все посполство въ згодѣ межи собою были, а дѣла бы наши городскіе вси згодою посполу справляли по давному, а сымались бы вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймывались здавна; а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“ ²⁾.

Князья и бояре были происхожденія русскаго, литовскаго и иного. Князья и бояре землевладѣльцы, по жалованію великаго князя господара, володѣли наслѣдственными дѣдинами-отчинами, какъ дѣдичи-отчичи, или держали временно помѣстья или выслуги—какъ державцы ³⁾. Русскіе князья Рюриковичи мало по

---

¹⁾ Литовско-русскія лѣтописи, изд. Попова 54, Нарбута 53.

²⁾ Акты западной Россіи I. № 60; въ варшав. списокѣ Метрики литовской эта грамота означена 1486 годомъ.

³⁾ Срв. Владимірскій - Будановъ: Помѣстья литовскаго государства (Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца III, Кіевъ 1889 г.).

малу вымирали, уступая свои княжества Гедиимовичамъ—Ольгирдовичамъ; послѣдніе, именно. Одельковичи, Слуцкіе, Жеславскіе, Мстиславскіе, Бѣльскіе, Сонгушки (Сангушки), Корецкіе, принимая православіе и русскую народность, сдѣлались такими же Русскими, какими были Рюриковичи: Друцкіе, Любецкіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Ярославичи, Четвертинскіе и др. Происхожденіе многихъ „княжескихъ“ родовъ въ литовско-русскомъ государствѣ неизвестно; нѣкоторые изъ нихъ, желая показать родовую связь съ Ягайловичами, стали позднѣе производить себя отъ Гедимина и Ольгирда, а некритическіе генеалогіи повѣрили всему, что князья рассказывали. Такъ напр. князья Чорторыйскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Порыцкіе, Воронежскіе, Ружинскіе, Лукомскіе, Полубенскіе и др. производили себя изъ рода Гедимина-Ольгирда, другіе князья производили себя отъ Рюриковичей; нѣкоторые князья происходили изъ боярскихъ родовъ, какъ напр. князья Гольшанскіе (Ольгимунтовичи), князья Радивилы (Остиковичи, хотя ихъ княжескій титулъ происхожденія не литовскаго, а римско-нѣмецкаго), и др.; происхожденіе нѣкоторыхъ князей (Капуста, Пузына, Курцевичъ, Соломирецкій и др.) неизвестно ¹⁾. Князья

---

¹⁾ Польскіе генеалогіи внесли въ родословіе этихъ князей много путаницы, какъ объ этомъ свидѣтельствуется особенно извѣстный Herbarz Несецкаго. Эта путаница начинается только въ новѣйшее время, благодаря критическимъ приѣмамъ К. Стадницкаго (въ монографіяхъ о Гедиимовичахъ и Ольгирдовичахъ), І. Вольфа (Ród Gedymina), А. Бонецкаго (Roczet rodów w w. ks. litewskiém); срв. тоже Ю. Бартошевича, разныя генеалог. статьи въ Encyklopedyi powszechnéj, и ст. Książ i książę (Dzieła X. 368). Но и между этими новѣйшими генеалогами есть разногласія; такъ напр. князей Чорторыйскихъ Вольфъ считаетъ Ольгирдовичами, а Стадницкій, Бонецкій, Бартошевичъ отрицаютъ это. Князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Порыцкіе, Воронежскіе считались Корибутовичами (см. „Славяне“ III. 78); но, по изслѣдованіямъ Стецкаго, Вольфа, Бонецкаго, они—потомки князя Ивана Несвицкаго (Несвичъ въ Волинѣ около Луцка) неизвестнаго происхожденія; вѣроятно сынъ этого князя Ивана, князь Федько, былъ сторонникомъ Швитригайла (срв. Стадницкаго Synowie Gedymina, 1881, I. 205—212); мы, слѣдуя Длугошу, назвали князя Федька ошибочно Острожскимъ („Славяне“ III.

назывались по своимъ городамъ (Жеславскіе, Мстротынскіе, Острожскіе), но сохраняли тоже болѣе родовыя, напр. Ярославичъ, Сангушко (Сонгушъ, Сенкушко вѣроятно отъ Санко, Сенко и Семко-Сковичъ (Омелько-Александръ), или даже прозвища, Пуста, Пузына, Одинецъ-Одинцевичъ. Такъ было и у другихъ бояръ; они долго назывались простыми именами (Олизаръ (Елеазаръ), Глѣбъ, Грицко (Григорій), Мелешко (Мелетій), Тишко (Тимофей), Федко, (Хвѣдко), Федюшко (Федоръ), Костютинъ), или прозвищами: Величко, Громыка, Гарабушило, Мукосѣй, Горностай, Туръ, Сопега (Сопига), Немира, Салогубъ и др. Нѣкоторыя такія имена и послѣдѣе какъ родовыя названія: Мелешко, село, Сопега, Гарабурда; къ другимъ прибавлено *Сковичъ*, *Ходковичъ*, *Глѣбовичъ*, *Водотовичъ*, *Мицковичъ*, *Хребтовичъ*, *Воловичъ*, *Волковичъ*, *Боговичъ*, *Немировичъ*. Наконецъ многіе бояре, подобно князьямъ, носили родовыя названія по своимъ имѣніямъ, городамъ, напр. Кирденъ—Мыльскіе, Мукосѣи—Баковецкіе, Бѣлосенскіе, Гулевичи—Воютинскіе. Такія родовыя названія встрѣчаются въ югозападной Руси, именитости Волыни, съ начала XV вѣка, и этотъ обычай слѣдуетъ считать господствующимъ. Нѣкоторые такіе бояре временемъ были тоже Гедиминовичами, напр. такъ утверждалъ довольно поздно, Сопегы или Сапегы, какъ назывались; другіе хотѣли происходить отъ князей р.

Сельское народонаселеніе въ литовской Руси

---

63). Князей Острожскихъ считаетъ Максимовичъ, другіе это отрицаютъ. Поляки называли и называютско-русскихъ князей и по-польски *kniaź* (а не *książę*), зомъ какъ они употребляютъ русскія слова *episkop*, *czerniec*, *cerkiew*, *monaster* etc., какъ бы все это русско-польского рода *z tego gatunku*.

онца XIV в. *смерды*; но потомъ это слово считалось браннымъ ¹⁾, бывшіе смерды назывались разнообразно: люди, мужики, селяне, *юспольство*, и пр. Отъ свободныхъ землевладѣльцевъ не-бояръ, *земцевъ*, остались немногіе до второй половины XV вѣка ²⁾. Селяне, жившіе на земляхъ господарскихъ—великокняжескихъ, далѣе князей, бояръ, городовъ, духовенства, раздѣлялись на много классовъ, смотря по большей или меньшей личной свободѣ, зависимости отъ ихъ господъ, прикрѣпленію къ землѣ, по ихъ повинностямъ, работамъ, данямъ, и пр.; нѣкоторые изъ нихъ владѣли однако тоже поземельною собственностью. Были люди вольные, слободичи — слободники, похожіе — прихожіе — захожіе, сохранившіе свободу вольнаго перехода послѣ исполненія своихъ повинностей; отчичи и дѣдичи, люди отчизные (земледѣльцы на отчинахъ и дѣдинахъ отчичей—дѣдичей землевладѣльцевъ), люди тяглые (на тяглѣ, дворницѣ, службѣ), находившіеся въ значительной зависимости отъ своихъ землевладѣльцевъ или прямо прикрѣпленные къ землѣ ³⁾; наконецъ—невольники, холопы, челядь, закупни, закладни, люди закупные. Въ южныхъ украинскихъ земляхъ русскихъ встрѣчаются въ XV в. люди безземельные, голтяи, поляни-

---

¹⁾ См. выше, стр. 117. Великій князь Витовтъ называлъ одного подданнаго смердомъ (Акты южной и запад. Россіи II. 103), а въ началѣ XVI в. одинъ бояринъ жаловался на данное ему бранное слово смердъ (Dapiłowicza, Skarbies II. 287), и др.

²⁾ „Земець Холѣвичъ“ въ мстиславскомъ княжествѣ (вилен. Археограф. Сборникъ VII. 4). Слово „земець“ въ значеніи „землянинъ“ встрѣчается еще въ западно-русскомъ переводѣ хроники Бѣльскаго (1564 — 1572), какъ видно по древнесерб. ея переводу (см. „Славяне“ II. 425): случи-се прѣніе двѣма земьцемъ о дедине (сѣвернорусск.: дворяномъ объ отчинномъ дѣлѣ). „Земцы“ или „своеземцы на своихъ отчинахъ“ (не-бояре, но и не-крестьяне) встрѣчаются тоже въ сѣверовосточной Руси XV — XVI вв., именно въ земляхъ новгородской и псковской; см. Чечулина, Города московскаго государства въ XVI в. (Москва 1889), стр. 43, и срв. „Славяне“ I. 127, II. 135.

³⁾ Въ кievской землѣ встрѣчаются въ XV вѣкѣ „коланые люди“, срв. выше стр. 121, пр.

ки, слуги, обязанные къ военной службѣ, предшественники козаковъ. Эти послѣдніе—тѣже безземельные, бездомные люди, занимавшіеся въ южнорусскихъ степяхъ Украины охотою и рыболовствомъ, и прибывавшіе на время въ украинные города; но впослѣдствіи козаки стали тоже землевладѣльцами въ тѣхъ городахъ и степяхъ ¹⁾. Древнерусское устройство общинъ сохранилось въ литовской Руси очень долго, хотя оно, по мѣрѣ распаденія сословія землевладѣльцевъ, горожанъ, земледѣльцевъ и все усилившейся зависимости подданнаго люда отъ его господъ, лишалось своего прежняго значенія. Округъ города съ селами составлялъ обширную общину волость (жители — волощане) подъ старцемъ села—подъ старостами (въ южной Руси по-татарски атаманы, ватаманы); въ общинахъ встрѣчаются древнерусскіе тивуны, сотники и десятники; сябры — сосѣди соучастники, нераздѣльные владѣльцы земли; старинный общинный судъ, собирающійся на сходку, копу (оттуда копное право), на вѣче — судить преступленія въ округъ общины, и пр. ²⁾. Разнообразны были повинности населенія относительно князя — государства и его чиновниковъ, и со временемъ относительно зѣмлевладѣльцевъ, въ пользу которыхъ государство отказывалось отъ многихъ такихъ повинностей, легшихъ преимущественно на подданный людъ; были: военная служба, разныя дани денежныя (грошовая — грошами, рублями, серебромъ, сере-

---

¹⁾ Татарское слово *козакъ*, *казакъ* — разбойникъ, встрѣчается въ карпатской Руси во второй половинѣ XV в. (см. выше стр. 65); по Днѣпру около Кіева и Черкасъ въ концѣ XV в.: въ 1493 г. доносятъ московскіе послы изъ Крыма, что около Днѣпра пришли на нихъ *Черкасцы*, и ограбили ихъ; въ 1494 г. татарскіе *казак*и отъ Бѣлагорода (см. Уляницкаго, Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши и Турціи, стр. 123, 124); въ 1499 г. въ Кіевѣ *козак*и *хрестіане*, которые „зъ верху Днѣпра ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй“ и привозятъ въ Кіевъ рыбу (Акты западной Россіи I. № 170). О словѣ *голтый* см. выше, стр. 122, 139.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 119. Слово *вѣче* — сходка, судъ волости-общины, встрѣчается въ двухъ волынскихъ актахъ 1538 и 1564 гг.

бренная—серебрица, серебризна)¹⁾, съ сохи (посошина), съ дворища — дыма (подымщина), дани натуральныя (дань медовая, бобровая, куничная, осыпная — дякольная и др.), полюдье (денежная и натуральная), разныя работы относительно городовъ (замковъ), мостовъ, дорогъ, работы полевныя, подводы и содержаніе князю и чиновникамъ (стациі) и пр.²⁾.

7. Соединеніе Литвы съ Польшей и его послѣдствія для Литовской Руси. Распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ Литвѣ и отстаиванье Литвою своей отдѣльности. Статутъ Литовскій. Антагонизмъ Литвы и Польши, переходящій въ явную вражду. Литовское „Подляшье“, особое его положеніе и быстрое ополяченье.

Избраніе Владислава Ягайла въ польскіе короли, переходъ Ягайловичей въ Польшу, въ сферу культуры и политики западно-европейской—все это произвело громадный переворотъ въ дальнѣйшей судьбѣ русскаго народа на западѣ. До этого важнаго со-

---

¹⁾ Дани *грошовыя* названы по новому названію денегъ — *гроши* (groszus), принятому въ Польшѣ изъ Чехіи; въ югозападной Руси кромѣ обыкновеннаго *рубля* (100 литов. грошей) встрѣчаются *гроши* не только литовскіе, но также польскіе (по закону съ 1508 г.), и чешскіе (копы широкихъ грошей чешскоѣ монеты). Что касается позднѣйшей русской золотой монеты *чехъ*, то это названіе происходитъ отъ итальянскаго *сесцо*, *зесчино*; такъ напр. въ казнѣ запорожскаго войска въ 1687 г. было больше двухъ сотъ тысячъ „золотыхъ чеховъ“; а еще при Петрѣ Вел. въ Сѣвскѣ чеканились „чехи“.

²⁾ Древнерусское полюдье (см. „Славяне“ I. 157) встрѣчается до второй половины XVI в. (въ актахъ 1471—1566 гг.) въ земляхъ кіевской и пинской, въ волостяхъ бѣличской, могилевской, свислочской; срв. тоже выше, стр. 122.—Подробности и внутреннемъ бытѣ югозападной (именно литовской) Руси см. особенно въ вышеупомянутыхъ сборникахъ кіевскихъ и вилевскихъ, отчасти и варшавскихъ (*Źródła dziejowe*), и у Бестужева Рюмина, Русская исторія II, и у Иловайскаго, Исторія Россіи III, гдѣ указана тоже литература предмета.

бытія можно было ожидать, что со временемъ русское православіе вполнѣ восторжествуетъ и по берегамъ Нѣмана въ собственной Литвѣ и въ Жмуди, что весь литовскій народъ, по примѣру многихъ его князей и вельможъ примкнетъ къ православію и къ русской культурѣ, и что борьба между князьями литовско-русскими Гедиминовичами и московско-русскими Рюриковичами изъ-за первенства на всей Руси будетъ происходить только на политической почвѣ, подобно тому, какъ происходила такая борьба когда-то между Кіевомъ и Суздалемъ - Володимиремъ или между Москвою и Тверью или Рязанью. Но внесеніе польско-латинской культуры въ ряды Ольгирдовичей и въ собственную Литву совсѣмъ перемѣнило положеніе дѣлъ въ югозападной Руси. Поляки, стремясь съ успѣхомъ на русскій востокъ гдѣ подчинялась ихъ вліянію карпатская Русь—съ 1386 года стали всею силою преслѣдовать одну завѣтную цѣль: полное сліяніе Литвы съ Польшею. Важнымъ орудіемъ считали они водвореніе своей культуры и въ остальной югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру; они и здѣсь справедливо рассчитывали на главное орудіе своихъ плановъ, на католицизмъ, который съ такимъ успѣхомъ способствовалъ ополяченію карпатской Руси, и на распространеніе въ литовско-русскомъ государствѣ шляхетскихъ привилегій, которыя дѣйствовали бы заманчиво на князей и бояръ литовско-русскихъ, выдѣлили бы ихъ изъ остальныхъ классовъ и образовали бы и въ литовскомъ государствѣ такое-же привилегированное шляхетское сословіе, какимъ была шляхта въ Польшѣ. Такимъ образомъ возникаетъ и въ Литвѣ, вмѣсто князей и бояръ, привилегированное сословіе по примѣру польской шляхты, такъ называется оно на польскій ладъ и по-русски *шляхта, земляне*, и пріобрѣтаетъ мало по малу все болѣе вліянія и власти рядомъ съ наивысшими сановниками литовскаго великаго княжества, Литовцами и Русскими, князьями и боярами, которые составляли по русскому обычаю боярскую думу великаго князя, но потомъ стали называться на польскій ладъ „*паны рада*“, *радные паны*. Первые шаги къ образованію такой „шляхты“ въ Литвѣ, привилегіи виленская (1387) и городельская (1413), вводящія и въ Литвѣ привилегированное сословіе шляхты, обнаруживаютъ

исключительный вѣроисповѣдный моментъ; только римскіе католики, а не „схизматики“ литовскіе допускались къ правамъ польской шляхты, т. е. дѣлались земьянами собственниками со своими судами, урядами (должностями) и съ разными вольностями польской шляхты, съ освобожденіемъ отъ многихъ земскихъ повинностей, и съ важными для тѣхъ временъ внѣшними знаками шляхетства, гербами ¹⁾. Но Владиславъ Ягайло и его польскіе совѣтники скоро убѣдились, что составъ населенія литовскаго великаго княжества не дозволяетъ такого исключительнаго вѣроисповѣднаго момента въ жалованіи политическихъ привилегій шляхтѣ литовской католической, что въ титулѣ „великій князь литовскій и русскій“ послѣднее слово важнѣе перваго, и что огромное большинство населенія литовскаго государства—вовсе не католики Литва, а православная Русь. По смерти Александра Витовта (1430) Польша убѣдилась въ силѣ литовской православной Руси, которая поддерживала великаго князя Швитригайла Ольгирдовича противъ великаго князя Сигизмунда (Жигимонта, Жидимонта) Кестутевича, кандидата Польши и католической Литвы: „Литва посадиша великаго князя Жидимонта Кестутевича на великое княженъе на Вилни... и князи рустіи и бояре посадиша князя Швитригаила на великое княженъе руское“, „Жидимонтъ собра силу многу литовскую и Ляхи, а Швитригаило со всею силою рускою поиде на Литву“—вотъ какъ характеризуетъ литовско-русскій лѣтописецъ положеніе дѣлъ въ литовскомъ государствѣ по смерти Витовта. Тогда король Владиславъ Ягайло и паны польскіе — въ томъ числѣ самъ краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій — убѣдились въ неудобствѣ вѣроисповѣдной исключительности для Литвы и литовской Руси, и особою привилегією (1432) распространены были права, пожалованныя прежде католической шляхтѣ литовской, тоже на православныхъ князей, бояръ и шляхту русскую въ Литвѣ. Кромѣ этой общей привилегіи для православной шляхты всей Литвы, пожалованы эти права особо и для нѣкото-

---

¹⁾ Привилегіи виленская и городельскія (двѣ) написаны не на офиціальномъ языкѣ Литвы, рускомъ, а на языкѣ латинскомъ; изданы въ сборникѣ Дзялынскаго, *Zbiór praw litewskich*.

рыхъ земель литовской Руси, въ томъ числѣ и для шляхты во-
лынской земли луцкой (*duces, praelati, bojari, milites, nobiles
caeterique indigenae terrae Lucensis tam in fide s. romanae
ecclesiae, quam etiam orientalis seu graecae constitutis*). Въ
томъ же самомъ году уравниены также виленскіе мѣщане въри-
мской и русской ¹⁾. Впрочемъ, всѣ эти привилегіи, имѣющія въ
виду болѣе тѣсную унію Литвы съ Польшею, имѣли не практи-
ческое, а только теоретическое значеніе, именно вслѣдствіе со-
противленія литовскихъ и литовско-русскихъ князей и пановъ,
которые не желали такой уніи и по смерти Витовта всевозможно
мѣшали ея осуществленію. Самъ великій князь литовскій, Си-
гизмундъ Кестутевичъ, ставленникъ и сторонникъ Польши про-
тивъ Швитригайла, одобрившій унію Литвы и Польши, отстаивалъ
потомъ полную самостоятельность великаго княжества литовска-
го противъ всякихъ притязаній Поляковъ, да онъ даже заключилъ
союзъ съ угорскимъ королемъ Альбрехтомъ противъ польскаго ко-
роля Владислава, добивавшагося чешской короны ²⁾. Этотъ антаго-
низмъ между Поляками и Литовцами сильно проявлялся и при
преемникѣ Сигизмунда, при великомъ князѣ и польскомъ королѣ
Казимирѣ: „стала брань великая и непріязнь межи паны литов-
скими и ляцкими, а панове литовскіи зваснившись гербы ихъ илѣ

---

¹⁾ Привилегію 15 окт. 1432 г., которой Длугошъ не помѣстилъ
въ своей исторіи (вѣроятно умышленно), сообщилъ изъ древней ру-
кописи по-польски Н. Малиновскій въ польскомъ переводѣ хро-
ники Б. Ваповскаго II. 207. Луцкую привилегію см. въ *Codex
epistolaris saec. XV, t. I. pag. 77*; Архивъ югозападной Рос-
сиі I. 5. № 1; *Inventarium privilegiorum in arce Cracov. (Paris 1862,
p. 271)*. Собрание грамотъ Вильны, № 4. Слова луцкой привилегіи:
„*ecclesias ruthenicas seu ritus graeci nec demoliri, nec in ecclesias ro-
manaе acclesiae converti faciemus seu permittemus, neque aliquem
hominem ritus graeci praedicti cujuscunque sexus seu status ad fidem
romanae ecclesiae violenter compellemus*“—звучать какъ самообвине-
ніе и всенародное покаяніе короля и его польскихъ пановъ рады за
ихъ прежнія дѣйствія въ русскихъ земляхъ.

²⁾ См. письмо Сигизмунда Альбрехту 1439 г. (*Codex. epistol.
saec. XV, t. II. p. 402*). Срв. „Славяне“ III. 84.

(паномъ ляцкимъ) отослали, а своими старыми печатовать стали, и много злого мыслили межи собою чинить, и король Казимиръ въ то ся пильно вложилъ, и много самъ господарь о томъ мыслилъ, поки ихъ звелъ у згodu“ ¹⁾).

Великій князь Казимиръ въ привилегіи 1457 г., изданной (по-русски и по-латыни) на имя „прелатовъ духовныхъ и свѣтскихъ князей (княжатъ, *ducum*), пановъ (рытеровъ, *baronum*) ²⁾, шляхтичовъ (шляхты, *nobilitatis*), боярь (*bojargum*), мѣщанъ (мѣстичовъ) земель великого княжства литовского и руского, жемонтского“, пожаловалъ имъ какъ ихъ отчичъ и дѣдичъ опять всѣ права и вольности прелатовъ, княжатъ, пановъ (рытеровъ), шляхты, мѣсть коруны польской, относительно свободнаго владѣнія ихъ отчинами, свободнаго выѣзда за границу, правильнаго суда, прикрѣпленія ихъ подданныхъ селянъ къ землѣ и освобожденія отъ многихъ государственныхъ повинностей и отъ непосредственнаго великокняжескаго суда. Кажется, что привилегія пожалована католикамъ и православнымъ ³⁾. Эта привилегія подтверждена и размножена преемниками Казимира, великими князьями Александромъ (1492) и Сигизмундомъ (1506, 1522). Александръ между прочимъ предоставилъ „панамъ радѣ“ литовскимъ большое вліяніе на политическія дѣла относительно сохраненія цѣлости

---

¹⁾ Литовско-русская лѣтопись, изд. Нарбутомъ, 58; срв. его же *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII.

²⁾ Паны, рытери, *barones* назывались тогда въ Польшѣ наивысшіе сановники земскіе, члены королевскаго вѣча (прежніе кметы); срв. „Славяне“ I. 145.

³⁾ Слова русскаго текста „право христіанское“ „обычай христіанскій“ переданы въ латинскомъ текстѣ привилегіи (и въ ея подтвержденіи 1492 г.) „*jus catholicum, ritus catholicus*“, а слова „прелаты, костелы (тоже: церкви), кляшторы“ едва-ли могутъ означать тоже православные. Только въ литовскомъ статутѣ 1529 г. говорится прямо, что господарь король и великій князь хочетъ „обдаровати правы хрестіанскими всимъ прелатомъ, княжатомъ, паномъ хоруговнымъ, велможнымъ рыцеромъ повышоной шляхте и всему посполству и ихъ подданымъ, а тубылцомъ земли великого княжства литовского, которого бы колвекъ стабла и стану были, вси ихъ права и привиля костельные такъ литовского закону яко кгреческого“ и

границъ государства, сношеній съ иностранными державами, изданія законовъ, пожалованія и отнятія урядовъ, завѣдыванія финансами и пр. Такимъ образомъ и въ Литвѣ власть государя сдѣлалась ограниченою панами радою, какъ это было и въ Польшѣ, гдѣ королевская власть ограничивалась сенатомъ и депутатами шляхты.

Слова привилегій о судѣ въ извѣстныхъ дѣлахъ „въ подлугъ обычая и права коруны польскоѣ—*juxta consuetudinem et jura sicut in regno Poloniae*“ могли примѣняться въ жизни не всегда, такъ какъ въ Литвѣ и литовской Руси было свое обычное право литовское и русское. Паны рада, хотя они и добивались политическихъ правъ польскихъ пановъ, все-таки весьма оберегали Литву и ея право отъ разныхъ притязаній „чужоземцевъ“ Поляковъ. Иванъ Литаворъ Хребтовичъ, наивысшій маршалокъ литовскій, вручая новому великому князю Александру мечъ, требовалъ отъ имени всѣхъ пановъ литовскихъ, чтобъ великій князь справедливо правилъ и судилъ „не по обычаю итальянскому, чешскому, нѣмецкому, а по истинному литовскому и по примѣру Витовта“¹⁾. Въ Литвѣ и въ литовской Руси обязательно было право русское, какъ оно является въ разныхъ юридическихъ актахъ и отчасти изложено въ судебникѣ великаго князя Казимира 1468 г., содержащемъ въ себѣ главнымъ образомъ судопроизводство относительно татъбы²⁾. Кромѣ этихъ общихъ привилегій и судебни-

---

пр. Въ русскомъ языкѣ привилегіи (по списку начала XVI в., см. Акты западной Россіи I. № 61, Владимірскаго - Буданова, Христоматія по исторіи русскаго права II, 23) третье изд., Кіевъ, 1887 г., замѣтно довольно сильное вліяніе польщизны: панство, прелаты, паны, княжата, рытере (рыцере), шляхта, мѣщане, врядники, костель, кляшторъ, моць, парсуна, привилеи, стацыи, обѣцуюемъ и слюбуемъ, плоть или стадо (*płeć, stadło, sexus*) и пр.

¹⁾ Dccius: De Jagellonum familia (Cracov. 1521, p. 49); отсюда взялъ Стрыйковскій Kronika, p. 667.

²⁾ Языкъ этого судебника (Акты запад. Россіи I. № 67; Владимірскій - Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, II) гораздо чище, чѣмъ языкъ привилегіи 1457 г.; польское вліяніе замѣтно развѣ въ словѣ „шибѣница“.

ка для всего государства литовско-русского, великіе князья узаконяли юридическія отношенія разныхъ лицъ, корпорацій, сословій, земель, волостей, городовъ особыми привилегіями, грамотами жалованными, уставными, льготными и др. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени Александра Витовта, но большая часть издана во второй половинѣ XV в. Казимиромъ Владиславовичемъ, и подтверждены потомъ его преемниками Александромъ и Сигизмундомъ. Въ этихъ привилегіяхъ, пожалованныхъ землямъ смоленской, полоцкой, витебской, кievской, воынской и др. узаконяются разныя постановленія древняго русскаго права (смоленскаго, полоцкаго, витебскаго, кievскаго, воынскаго и др.), но вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя порядки, возникавшіе подъ вліяніемъ польскаго права ¹⁾. Въ этихъ привилегіяхъ и вообще въ другихъ грамотахъ и юридическихъ памятникахъ XV в. и начала XVI в. является болѣе или менѣе всесословная земля или волость (болѣе въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, наименѣе въ Воынѣ), князья, бояре, горожане, старосты и старцы, наиѣстники, воеводы, тивуны, дѣтскіе и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя польскіе порядки и сословныя интересы шляхты, княжата, паны, земляне-шляхта (добрѣ уроженый шляхтичъ), освобожденные отъ многихъ государственныхъ повинностей, мѣщане—мѣстичи, урядники, маршалокъ, староста и воевода (польскіе), воеводство, повѣтъ, замокъ, соймъ (старое вѣче, но потомъ только сходка шляхты, поль. *sejm*, *sejm*), статутъ, и пр.; разныя древнерусскіе юридическіе обычаи и постановленія, напр. соки, ябедники, лицо-поличное, головщина, выдавка—выдача—выдавщина, полюдье, и пр. ²⁾. Въ этихъ при-

---

¹⁾ Привилегіи изданы особенно въ Актахъ западной Россіи, тоже въ сборникѣ Дзялынскаго; см. М. Ясинскаго, Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства (Кіевъ 1889), срв. тоже Бестужева-Рюмина Русская исторія II. 61 — 87, Владимірскаго - Буданова Христоматія II.

²⁾ Выдавка, выдачка и пр. встрѣчается часто во всей югозападной Руси, въ земляхъ смоленской, полоцкой, витебской, слонимской, подляшской, кievской (и жмудской), не только въ этихъ привилегіяхъ, а также въ другихъ актахъ XVI вѣка. Выдача русская —

вилегіяхъ, пожалованныхъ русскимъ землямъ нѣтъ, конечно, мѣста для вѣроисповѣдныхъ притязаній католицизма—какъ господствующаго исповѣданія, и православные русскіе владыки приводятся вмѣстѣ съ князьями, боярами, земянами и шляхтою, и въ привилегіяхъ даже прямо исключаются всѣ такіа вѣроисповѣдныа притязанія; такъ уже въ вышеупомянутой привилегіи луцкой (1432), потомъ въ смоленской привилегіи, гдѣ великіе князья Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ обѣщаютъ, „штожь намъ хрестіянства греческого закону не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити“; подобно тому тѣ же великіе князья обѣщаютъ Витблянамъ: „Которыи будутъ, Литвинъ або Ляхъ, крещены были у Витебску въ рускую вѣру, а хто изъ того роду и теперѣ живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестіянского ни въ чомъ не ломити“. Наиболе проникли польскіе порядки въ Волинъ, землю на границѣ коронной Руси; здѣсь уже отдѣлены суды намістниковъ отъ судовъ старостъ, по польскому праву судей по дѣламъ уголовнымъ, для „разбою, кгвалту, шляхетскоѣ раны, пожоги“; шляхта собиралась въ Луцкѣ „на соймъ на зборъ“, и судилась „водле права земли волинское“ до тѣхъ поръ, „коли права статута увъ отчизнѣ нашої уставимъ, тогды вси земли наши одного ся права держати мають, и однимъ правомъ сужоны будутъ подлѣ статуту“.

Уже по такимъ разнымъ грамотамъ XV и XVI вв. можно замѣтить постепенное распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ русскихъ земляхъ. Князья и бояре пріобрѣтали права польской шляхты, принимали гербы и хоругви (т. е. знамена) и названія: шляхта, шляхтичи, паны, рытере, земяне, шляхта хоруговная (уже въ 1438 г.), которая должна доказывать офіціально свое шляхетство (уже въ 1507 г.). Названія *паны*,

---

тоже, что чешское *вданіе*, *взданіе* (срв. Н. Jireček *Slovanské právo* I. 178, II. 217, срв. „Славяне“ I. 177). Въ словѣ витебской привилегіи „выдадутъ ся *въ кольцо* оба“ (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія II. 49) нельзя предполагать *кольцо*—коло, община (Иловайскій Ист. Россіи III, 615), а *въ кольцо* (*колицъ*), т. е. въ сколько (сколько) денегъ.

шляхта, *земляне* постепенно вытѣсняли старинное русское названіе знати *бояре*—прежде всего въ западныхъ земляхъ русскихъ, въ волынской и подляшской, потомъ въ кievской, всего позже въ полоцкой, витебской, мстиславской (напр. въ 1551 г. еще: князи, панове, хоружіе, и вси бояре шляхта). Древнее русское слово бояринъ какъ-то не хотѣло долго уступить новымъ польскимъ словамъ—панъ, шляхтичъ, землянинъ; поэтому до половины XVI в. бояринъ все еще то же, что шляхтичъ, землянинъ, какъ это видно изъ упомянутыхъ земскихъ привилегій, не только подлинныхъ, а тоже ихъ подтвержденій; такъ напр. и въ подтвержденіи кievской привилегіи (1529 г.) въ кievской землѣ находимъ все еще „князи и панове и бояре и земляне, вся шляхта кievская“; въ подтвержденіи полоцкой грамоты (1547 г.)—бояре, въ другихъ грамотахъ—князи и бояре витебскіе, полоцкіе, мстиславскіе, городенскіе, пинскіе, слонимскіе и др., а въ другихъ—бояре шляхта; король Сигизмундъ (1534) рѣшаетъ о нѣкоторыхъ боярахъ полоцкихъ, что, подобно тому какъ ихъ отцы были „бояре люди добрыи шляхта, а не слуги городови, и мы имѣли ихъ за бояръ шляхту“, такъ и ихъ сыновей „маемъ за бояръ людей добрыхъ шляхтичовъ“¹⁾. Также и на югѣ около Винницы и Бряцлавля встрѣчаются еще въ половинѣ XVI в. бояре въ смыслѣ шляхты, землянъ, („подлѣйшіе земляне не будучи урожоними боярами шляхтою, боярами называются“, 1545 г.); но болѣе на западѣ, на Руси Черной, подляшской, волынской знать уже называется повсюду земляне, шляхта. Со второй половины XVI в., когда большая часть литовско-русскаго боярства сдѣлалась землянствомъ, шляхтою наравнѣ съ польскою шляхтою, слово *бояре* въ имѣніяхъ государственныхъ, духовныхъ и панскихъ стало означать людей свободныхъ, не-шляхтичей, не-тяглыхъ, обязанныхъ только къ извѣстнымъ повинностямъ, преимущественно къ военной службѣ (бояре панцерные), или къ службѣ замковой и посылочной — путной

---

¹⁾ Срв. напр. обширный списокъ литовско-русской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литовской, кн. 21 (по варшав. копіи кн. 201, стр. 1—150). О землянахъ въ Литвѣ см. статью Малиновскаго въ ж. *Teka Wileńska* 1857, I.

(бояре замковые, путные, служки). Такіе бояре встрѣчаются до XVIII в., особенно въ пограничныхъ королевскихъ староствахъ, по городамъ и селамъ, рядомъ съ другими служилыми людьми, напр. козаками, и съ людьми тяглыми, или въ особыхъ боярскихъ селахъ ¹⁾).

По образцу польскому учреждались въ Литвѣ и Руси новыя уряды (должности), или древнерусскія должности получали новыя названія, или наконецъ древнерусскія названія получали новыя значенія. Такіе урядники (поль. *urzędnicy*) или даже честники (поль. и мазов. *czestnicy*, по-латин. *honorati*) по образцу польскому являются въ литовско-русскомъ государствѣ уже съ конца XIV в., преимущественно же въ теченіе XV и въ началѣ XVI вѣковъ, не одновременно во всѣхъ земляхъ, какъ-то воеводы (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ), кастеляны, старосты (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ и позднѣе судей), маршалки, канцлеры, гетманы, подскарбіе, писари и др. Воеводы и кастеляны являются прежде всего въ собственной Литвѣ, именно въ Вильнѣ и въ Трокахъ (1413), между тѣмъ какъ эти урядники въ остальныхъ земляхъ русскихъ встрѣчаются позднѣе, какъ воеводы въ Кіевѣ (1471), въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Новгородкѣ, Смоленскѣ, Подляшѣ (въ началѣ XVI в.), наипозже (1566) въ Минскѣ, Мстиславѣ, Берестѣ, Волинѣ и Бряцлавѣ; намѣстникъ Жмуди назывался староста, но былъ такимъ-же воеводою-намѣстникомъ. Воеводства раздѣлялись на повѣты. Пока не учреждены воеводства и не назначены были воеводы, управляли землями древнерусскіе намѣстники и ихъ помощники тивуны; въ другихъ городахъ (замкахъ) и земляхъ правили старосты-намѣстники по образцу польскому, какъ это было и на Руси польской (карпатской), и на Руси литовской, напр. подольской (еще подъ литовскимъ владычествомъ), воынской, кіевской; Александръ Витовтъ, занявъ въ концѣ XIV в. Подолье, „посажалъ на всѣхъ подольскихъ зе-

---

¹⁾ Срв. напр. описи (люстраціи) королевскихъ имѣній въ русскихъ земляхъ въ XVII в. (*Źródła dziejowe* V., Архивъ югозападной Россіи VI, и др.).

мляхъ и городахъ свои старосты“, какъ рассказываетъ литовско-русскій лѣтописецъ; такіе старосты-намѣстники были въ южной Руси еще раньше, въ Подольѣ при Коріатовичахъ, и позже въ Волинѣ при Швитригайлѣ, въ кіевской Украинѣ въ началѣ XVI вѣка, въ Кременцѣ, Луцкѣ, Бряцлавлѣ, Винницѣ, Хмельникѣ, Черкасахъ, Каневѣ и др. Со временемъ такіе старосты-намѣстники вообще сдѣлались — опять по образцу польскому — королевскими и великокняжескими намѣстниками-судьями по уголовнымъ дѣламъ, старостами „гродовыми“; власть такихъ старостъ определяется уже въ уставныхъ грамотахъ волинской и бѣльско-подляшской (подтверждены въ 1501 г.), въ послѣдней—такими словами: „Нашъ староста ено чтеры артыкулы на замку на судить: о розбитъе альбо о злупенье на добровольной дорозѣ альбо о крадежѣ, коли хто кгвалтомъ на чый домъ найдетъ, о дѣвичьемъ альбо о невѣстьемъ кгвалтъ, о пожогу“. Позднѣе, послѣ люблинской уніи, число такихъ гродовыхъ старостъ по воеводствамъ определено ближе. Кромѣ этихъ старостъ пограничныхъ и гродовыхъ встрѣчаются въ литовско-русскомъ государствѣ — по образцу польскому — тоже старосты негродовые, пожизненные пользователи (державцы, *tenutarii*) и правители королевскихъ имѣній—староствъ. Древне-русскіе воеводы (тысячскіе) сохранились до половины XV в., какъ помощники намѣстниковъ и старостъ, напр. въ Луцкѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ ¹⁾. Вмѣстѣ съ воеводами по образцу польскому являются въ началѣ XV в. (1413) въ Вильнѣ и въ Трокахъ кастеляны—паны; въ другихъ воеводствахъ встрѣчаются такіе кастеляны гораздо позже, съ 1566 и 1569 годовъ. Изъ другихъ урядниковъ литовско-русскаго государства и двора, по образцу польскому, является *канцлеръ* уже около Витовта и Швитригайла, а постоянный канцлеръ литовскій съ 1446 г., подканцлеръ (подканцлерій) съ 1566 года; *маршалокъ* великій (министръ двора) съ 1411 года, а маршалокъ надворный или

---

¹⁾ Срв. выше, стр. 82, 85, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово воевода означало тоже военнаго предводителя вообще: *herzog Lingwen und andere unsere woiwoden* — пишетъ Витовтъ маршалу тевтонскаго ордена (1407 г.).

дворскій съ 1494 года, маршалокъ земли воынской съ 1470 года (до образованія воынскаго воеводства наивысшій урядникъ воынской земли), *гетманъ* великій (военный предводитель) съ 1497 г., а гетманъ полевой (польный) съ начала XVI в., *подскарбій* великій съ 1454 г. (а раньше еще подскарбій у Швигайла), а надворный съ 1486 г. (поль. *скарбъ*—казна), а также и другіе литовскіе урядники: хорунжій, писарь (тоже по-руски дьякъ), подчашій, подкоморій, крайчій, кухмистръ, ловчій, чашникъ, конюшій, мечникъ, отчасти урядники по образцу польскому и съ польскими названіями, отчасти старинные русскіе и съ русскими названіями ¹⁾).

Эти земскіе и придворные урядники великаго княжества литовскаго составляли совѣтъ великаго князя, древнерусскую думу боярскую, въ родѣ польскаго сената; они уже рано стали называться по-польски *рада*, *паны рада*. Съ этою радою, съ воеводами, кастелянами, старостами, намѣстниками, маршалками, канцлеромъ и подканцлеромъ, гетманомъ, подскарбіемъ, подчашіемъ и другими урядниками, и съ князьями и панами, которые въ то время находились около великаго князя, и съ католическими епископами Литвы, великій князь совѣщался о разныхъ государственныхъ дѣлахъ; власть и вліяніе этой *рады* дѣлались все сильнѣе на дѣлѣ и по праву, подобно власти польскаго сената, тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ долго не могло образоваться представительство шляхты, изба пословъ (палата депутатовъ), на подобіе такой избы въ Польшѣ. Образованію такого представительства мелкой шляхты и ея вліянію на государственный дѣла мѣшали тѣ же паны рада, аристократическая олигархія, не смотря на всѣ привилегіи великихъ князей о правахъ шляхты на соймы (поль. *sejmy*): если шляхта и собиралась на такіе соймы—общіе и земскіе (напр. воынская), то болѣе какъ свидѣтели рѣшенія великаго князя и пановъ рады ²⁾. Такая рада, паны рада, находились не только

---

¹⁾ См. J. Wolff: *Senatorowie i dygnitarze w. ks. litewskiego 1386—1795* (Kraków 1886).

²⁾ Разницу сеймовъ литовскихъ и польскихъ характеризовалъ въ 1 пол. XVI в. литовскій канцлеръ и виленскій воевода Войтъхъ

около великаго князя литовско-русскаго, но тоже около нѣкоторыхъ другихъ удѣльныхъ князей; такъ напр. около великаго князя Швитригайла († 1452), когда онъ княжилъ въ Волинѣ и кратко-временно также въ Кіевѣ, были паны рада: маршалокъ земскій во-лынскій и другіе маршалки, канцлеръ, подканцлерій, подскарбій, старосты, воеводы и другіе князья и паны воынскіе (и кіевскіе), все—православная Русь, а также православный владыка луцкій; у князя Александра Володимировича († 1454), „государя отчича кіевскаго“ были въ „радѣ“ князья, паны, бояре, маршалки, вое-воды; у князя Ивана кобринскаго (1479) въ „радѣ“ были бояре, и пр.

Новые порядки, которые создавались въ Литвѣ именно въ сословіи шляхетскомъ, являются узаконенными въ ея уложеніи или, какъ оно названо на польскій ладъ, въ *статутъ литов-скомъ*, въ трехъ его редакціяхъ 1529, 1566 и 1588 гг.¹⁾ Въ первомъ статутѣ господарь великій князь литовскій подтверждаетъ прелатамъ, княжатамъ, панамъ хоруговнымъ, шляхтѣ (на-зываемой изрѣдка тоже бояре шляхта), „такъ латинскаго (рим-скаго) закону яко греческаго“, всѣ ихъ права и привилегіи; шляхта земляне отправляетъ военную службу, занимаетъ уряды, владѣетъ свободно своими имѣніями, отчизнами-дедизнами и вы-слугами, на которыхъ были поселены селяне мужики, кмети, люди вольные и похожіе и подданные, тяглые, отчизные, хлопы, челядь, закупы. Но шляхта все еще не пользуется вліяніемъ на законода-тельство, которое находится въ рукахъ господаря великаго князя и пановъ рады. Господарь и паны рада на соймѣ составляютъ наи-

---

Гаштовтъ такими мѣткими словами: *Nostrae longe aliter absolvuntur conventiones, et quidquid per majestatem regiam concluditur et domi- nos, nobilitas hoc nostra exequatur necesse est. Vocamus quidem ad nostros conventus etiam nobilitatem tanquam honoris gratia, re vera autem ut singulis palam sit, quidquid concluserimus* (Stadnicki: *Olgierd i Kiejstut*, p. 100).

¹⁾ См. Леонтовича (о русской правдѣ и литовскомъ статутѣ, 1865), Чарнецкаго (Исторія литов. статута, 1867); Владимірскаго-Бу- данова (о третьемъ литов. статутѣ и московскомъ уложеніи, 1877), и др.

высшій судъ; въ остальномъ судятъ воеводы, старосты, державцы (прежніе тивуны), маршалки, съ участіемъ земянъ. Въ статутъ являются рядомъ съ древнерусскими терминами: бояре, тивунъ, дѣтскій, приставъ, люди тяглые, сябры, копы, соки, круговая порука, сводъ, лице, головщина, и пр., тоже новые польскіе термины, напр. названія сословіи и урядниковъ, княжата (и князья), паны, шляхта-земяне, мѣщане, кмети, хлопы, воевода, староста, державца, маршалокъ, а также названія: соймъ, повѣтъ, уфала (ухвала), рокъ завилий, посагъ, и пр., не говоря уже о польской терминологіи военной (хоруговъ, шихъ, гетманъ, хоружій и др.), ремесленной (гафтаръ, маляръ, мураль, машталеръ, и др.), о словахъ въ родѣ кгвалтъ, рѣчь посполитая (*res publica*), тестаментъ, персона, экзекуторъ, прокураторъ, комисаръ, артыкулъ, и пр.

Между тѣмъ, со времени изданія этого перваго статута, шляхта въ Литвѣ добивалась, по примѣру польской шляхты, все болѣе правъ и пріобрѣтала ихъ; на сеймахъ 1559 — 1565 гг. она пріобрѣла право, которымъ пользовалась польская шляхта уже давно, т. е. выбирать себѣ судей повѣтовыхъ и на соймникахъ или сеймикахъ воеводствъ и повѣтовъ пословъ (депутатовъ) на вальный соймъ, который съ тѣхъ поръ состоялъ не только изъ верхней палаты, сената (пановъ рады, въ томъ числѣ и епископовъ католическихъ, но не православныхъ), а также изъ выбираемыхъ пословъ земскихъ. Виѣстъ съ тѣмъ король и великій князь Сигизмундъ Августъ особымъ закономъ (1563) уничтожилъ препятствіе въ пріобрѣтеніи шляхетства, заключавшееся въ городельскомъ привилегіи, постановивши, что не только католики, но и всѣ другія лица христіанской вѣры, Литва и Русь, пріобрѣтаютъ всѣ права шляхетскія. По поводу этихъ важныхъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ Литвы оказалась потребность исправить и дополнить статутъ; въ этотъ *второй* литовскій статутъ 1566 г. вошли эти новые порядки по образцу польскому: земскіе суды въ повѣтахъ съ судьей и подсудкомъ, писаремъ и вознымъ (стар. дѣтскій), съ земскими судебными книгами; городскіе или замковые суды съ старостою во главѣ и съ городскими книгами; граничные суды съ подкоморіемъ и коморниками; соймники по воеводствамъ и повѣтамъ, гдѣ осѣдая тамъ шляхта выбирала по-

словъ на вальный соймъ: „на которые соймики мають зъезждатися и бывати тые воеводове и каштелянове, врядники земскіе, потомужь князове, панове, шляхта того же повѣту и воеводства, а намовляти о всѣхъ потребахъ земскихъ и долегlostяхъ оногo повѣту и воеводства, и обирати пословъ своихъ, то есть отъ каждаго суду земского, колько ихъ у томъ воеводствѣ будетъ, по двѣ особы, послати на соймъ“¹⁾.

Со временъ воцаренія Ягайловичей въ Польшѣ переселялись многіе Поляки, шляхта изъ Мазовіи и изъ Польши, особенно Малой, тоже изъ карпатской Руси, въ литовскую Русь. На съѣздѣ въ Городлѣ (1413) польская шляхта разныхъ гербовъ приняла католическую шляхту литовскую въ „братство и родство“; такіи образомъ распространились въ Литвѣ польскіе гербы: Делива, Рава, Топоръ, Грыфъ, Повала, Помянъ, Налэнчъ, и др. Много Поляковъ участвовало въ военныхъ походахъ Витовта противъ Татаръ и сѣверной Руси²⁾. Но по смерти Александра Витовта

---

¹⁾ Первый и второй статуты тогда не напечатаны, хотя Сигизмундъ Августъ въ 1568 г. говоритъ, что „друкованье того статуту рускимъ языкомъ безъ мѣшканья маеть быти учинено“. Первый статутъ, вмѣстѣ съ современными переводами латинскимъ и польскимъ, напечатанъ (латиницею только Дзялынскимъ (*Zbiór praw litewskich*, 1841), и по другой рукописи во Временникѣ москов. общества исторіи, кн. 18 (1854). Второй статутъ напечатанъ въ томъ же Временникѣ, кн. 23 (1855); современный польскій переводъ второго статута не напечатанъ и встрѣчается въ многочисленныхъ рукописяхъ въ разныхъ библіотекахъ. Герменегильдъ Иречекъ напечаталъ первый литовскій статутъ въ своемъ сборникѣ *Svod zákonův slovanských*; онъ думаетъ, что литовскій статутъ написанъ Чехомъ, жившимъ въ Литвѣ, или Литвиномъ (Русскимъ), знавшимъ чешскій языкъ и стиль; но это мнѣніе Иречка и тоже Палацкаго совсѣмъ произвольно.

²⁾ Такъ напр. Витовтъ въ занятомъ имъ Смоленскѣ „посади свои намѣстники Ляхы, и тѣмъ Ляхомъ предаеть градъ держати“ (П. С. Р. Л. IV. 145); въ войскѣ Витовта на его походѣ противъ Москвы было „vil volnes us Polen, hauptman der Polen herzog Switergail“ (Codex epist. Vitoldi, 136); такъ и въ войскѣ Витовта противъ Новгорода 1428 г. (Длугошъ IV. 364). Длугошъ говоритъ, что Витовтъ non enim alterius nationis nisi Poloniae homines, per omne

антагонизмъ Польши и Литвы перешелъ въ открытую вражду и войну, и взаимныя отношенія польскихъ и литовскихъ пановъ значительно охладѣли; литовскіе паны не хотѣли признавать городельской уніи, возвращали — какъ уже сказано выше — принятые тогда гербы; а между Поляками и Русскими проявлялась въ этихъ войнахъ нерѣдко закоренѣлая вражда народная и вѣроисповѣдная ¹⁾. Эта нелюбовь всѣхъ обывателей великаго княжества литовско-русскаго, католическихъ литовцевъ и православныхъ Русскихъ, къ Полякамъ поддерживалась и раздувалась разными обстоятельствами, пограничными спорами и столкновеніями, стремленіями Поляковъ къ болѣе тѣсному присоединенію Литвы къ Польшѣ, неохотою многихъ Поляковъ, женившихся на Литовкахъ и пріобрѣтшихъ въ Литвѣ поземельную собственность, подчиниться литовскому праву, и пр. На литовскихъ сеймахъ часто раздавались жалобы на безправіе, наѣзды, грабежи, причиняемые пограничнымъ литовскимъ землямъ со стороны Поляковъ и Мазовчанъ. Литовцы считали Польшу чужою землею и Поляковъ „чужеземцами“, которымъ не дозволяется въ Литвѣ владѣть имѣніями и занимать уряды; если нѣкоторые Поляки вслѣдствіе браковъ съ литовскими и русскими княжнами и шляхтянками пріобрѣтали имѣнія въ Литвѣ, то это считалось незаконнымъ и вызывало всегда большое неудовольствіе среди Литовцевъ ²⁾. Только въ 1564 г. на сеймѣ варшавскомъ разрѣшено пріобрѣтать имѣнія Полякамъ въ Литвѣ и Литовцамъ въ Польшѣ. Исключеніе составляетъ литовская пограничная область Подляшье; эту землю уже во второй половинѣ XV в. наполняла польская шляхта, и она скоро

---

tempus aetatis suae visus est in honore amplissimo et reverentia habuisse. О Ляхахъ въ южной Руси см. Архивъ югозападной Россіи VII. 2, стр. 95.

¹⁾ Срв. обширный рассказъ Длугоша о событіяхъ по смерти Витовта (XI книгу).

²⁾ См. такіе акты въ сборникѣ *Zbiór praw litewskich*, въ Актахъ запад. Россіи (напр. II, № 144), въ Актахъ южной и зап. Россіи (напр. I. № 101), введеніе къ I т. 2 части Архива югозапад. Россіи; Mosbach: Początki unii lubelskiej (Poznań 1872).

потребовала и польское право. Но остальная Литва съ какою-то гордостью постоянно указывала на то, что она „подъ право польское, которое собѣ земаѣ (подляшского) повѣту бѣльскаго упрости, не подданы суть панове рада и вся земля литовская, але овшемъ зъ него вызволены“. Подляшье освободилось уже въ концѣ XV в. отъ литовскаго права, и хотя оно все еще составляло часть Литвы, заняло здѣсь рано нѣсколько исключительное положеніе, какъ раньше и въ большей степени ополяченная земля.

Подляшье, земля „подъ Ляхами“ — узкая полоса земли на восточной границѣ Мазовша между среднимъ Бугомъ и Нѣманомъ, гдѣ города: Мухободы, Соколовъ, Венгровъ, Лосичи (Łosice), Межирѣчье (Międzyrzecze), Мельникъ, Дорогичинъ (Drogiżyn), Брянскъ, Бѣльскъ, Суражъ (Саражъ), Бѣлостокъ, Гонязъ (Ганязъ, Ганезъ, поль. Goniądz), Тыкотинъ (Тукосін), Кнышинъ, Райгородъ (Rajgród), и др. Въ этой землѣ съ древнѣйшихъ временъ сосѣдиди Ляхи (Мазовшане), Русь и Литва. На сѣверозападѣ Райгородъ, Гоньондзъ; Тыкоцинъ, Цехановець, Высокій Мазовецкій, Августовъ — города польскіе, отчасти старые города мазовскіе; на юговостокѣ по Бугу, Нарви и Бобрѣ жили отрасли русскихъ Дреговичей; въ XII — XIII вв. и вѣроятно еще раньше были здѣсь русскіе города Бѣльскъ, Каменецъ, Кобринъ, Дорогичинъ, Мельникъ, Берестье (Берестій) и др. Въ сѣверномъ Подляшѣ жили литовскіе Ятьвяги (поль. Jaśwégi), которые въ XIII в. соединенными силами Руси и Ляховъ были почти совсѣмъ истреблены ¹⁾. Подляшье лишилось во второй половинѣ XVI в. берестьевской земли, изъ которой образовано (1566) особое воеводство.

Изъ-за Подляшья спорили потомъ Польша, Мазовія и Литва; послѣдняя наконецъ одержала верхъ. Мѣста истребленныхъ Ятьвяговъ въ сѣверномъ Подляшѣ заняли Ляхи-Мазуры (Мазовшане) и Русь ²⁾. Въ этой колонизаціи Подляшья важное мѣсто

---

¹⁾ См. выше, стр. 5, 150.

²⁾ До сихъ поръ черезъ бывшее Подляшье идетъ этнографическая граница народовъ польскаго и русскаго, начиная съ Лосичей къ Дорогичину, Брянску, Бѣльску, Суражу, Бѣлостоку, Кнышину, Гонязю, Райгороду, Августову. См. выше, стр. 5.

занимала мелкая шляхта мазовская, которая вообще распространялась далеко на востокъ въ русскія земли по Бугу и Днѣстру, въ Русь холмскую, белзскую, карпатскую, подольскую. Эта мазовская шляхта поселялась также въ русскомъ Подляшьѣ, среди русскаго народа и боярства, и оставаясь вѣрною своему католицизму и своей народности, распространяла польскую народность на востокъ среди Руси; поэтому и въ Подляшьѣ встрѣчается много мѣстностей съ такими же названіями, какъ въ сосѣднихъ земляхъ Мазовша, въ визской, ломженской, нурской и др., также и селенія Мазуры ¹⁾).

Вслѣдствіе такой сильной мазурской колонизаціи случилось въ Подляшьѣ то же самое, что и въ польской Руси карпатской, т. е. польскій элементъ рано одержалъ здѣсь верхъ—именно среди земянства. Но такъ какъ Подляшье продолжало составлять часть литовско-русскаго государства, то польскій элементъ долго не могъ здѣсь пріобрѣсти такого положенія и значенія, какъ напр. на Руси Червонной и подольской, и принужденъ былъ долго пользоваться правомъ литовско-русскимъ, употреблять въ публичной жизни русскій языкъ, и пр. Также и нѣкоторые древнерусскіе учрежденія и порядки сохранились на Подляшьѣ до XVI вѣка, напр. сябры, выдачка, дани грошовыя, медовыя, бобровыя, куничныя (рядомъ съ новымъ чиншемъ), и пр. ²⁾). Такъ какъ польской

---

¹⁾ Объ этой мазурской колонизаціи см. статьи Глогера въ журн. Biblioteka Warszawska 1873, III, Niwa 1878.

²⁾ Приводимъ здѣсь изъ Метрики литовской (по варшав. списку кн. 195, стр. 96) примѣръ древнерусской выдачи (см. выше, стр. 181) на Подляшьѣ въ началѣ XVI вѣка: „Жаловалъ передъ нами землянинъ бѣльскій Михалъ Гальшовскій на судью бѣльского на пана Юрія Рачка тымъ обычаемъ: Люди бѣльского повѣта забили ми сына моего безвинне, и я о томъ жаловалъ господару его милости, и е. м. писалъ до него, абы ми съ тыми людьми о головщину сына моего справедливость вчинилъ; и онъ съ тыми людьми и до сихъ часовъ справедливости ми невчинилъ. И панъ Рачко мовилъ передъ нами: Съ тыми людьми господарскими было ему въ той головщинѣ право, и тыи люди того ся справили; на тыи люди онъ головщины недовелъ, а я ихъ нашолъ въ томъ правыхъ, и въ книги земскіи то

шляхты на Подляшь все прибывало, то она требовала своего польского права, которымъ она и руководилась. Короли и великіе князья Казимиръ и Александръ признали только существовавшіе порядки, пожаловавъ подляшской шляхтѣ въ земляхъ дорогичской, мельницкой и бѣльской польское право—привилегіями, изданными на языкахъ русскомъ и латинскомъ. Такимъ образомъ съ конца XV в. и съ начала XVI в. на Подляшь вошло въ употребленіе право польское коронное; нѣкоторые остатки прежняго права уничтожены позднѣе, въ 1547 г., и Подляшь уравнено въ правѣ съ короною (Польшею). Но еще на люблинскомъ сеймѣ 1569 г. Подляшане жаловались, что, не смотря на всѣ привилегіи, все еще требуютъ отъ нихъ старыхъ повинностей, и просили снять съ нихъ „литовское рабство“ ¹⁾).

Вслѣдствіе распространенія польского права на Подляшь тамошнее земянство сдѣлалось и по праву шляхтою, со всѣми привилегіями польской шляхты; къ ней примкнули тоже нѣкоторые русскіе бояре; а слово „бояринъ“ стало означать человека свободнаго, но не-шляхтича; подляшскіе бояре исчезаютъ впро-

---

записано. И тотъ Михалъ мовилъ передъ нами: Тому права невчинилъ еси мнѣ съ тыми людьми, перевелъ ми тое право. И панъ Рачко мовилъ передъ нами: Естли дей буду тебе съ тыми людми не судилъ, и ихъ въ томъ правыхъ ненашолъ, шлю ся до книгъ съ десяти копъ грошей. И на то шапку свою передъ нами ставилъ, и тотъ Михалъ до книгъ на томъ непослалъ ся, и мы въ томъ пана Рачка нашли правого“. Около этого времени (1507) королева вдова Елена получила Бѣльскъ, Саражъ и Брянскъ „съ бояры и слугами путными и людми тяглыми и данники, съ даньми грошовыми и медовыми и бобровыми и куничными, и съ капщинами и съ мытными пѣнязьми и съ чиншы“ (Акты зап. Россіи I. № 8).

¹⁾ Привилегія бѣльская 1501 г. (русская и латинская); въ ней упоминается тоже дорогичская привилегія Казимира и Александра, но извѣстная только въ подтвержденіи Сигизмунда 1516 г.; мельницкой привилегіи не знаемъ, но несомнѣнно была и такая. См. *Zbiór praw litewskich* 82, 118, Акты западной Россіи I. № 189, *Volamina legum* I. р. 174 (петербург. изд.), литовскую Метрику по варшав. списку, кн. 213, р. 758, кн. 217, р. 577, Дневникъ люблин. сейма, изд. Кояловича, 274, 290.

чемъ рано въ подданномъ людѣ. Съ начала XVI в. подляшская шляхта—почти вся польская, и послѣдній разъ, кажется, упоминаются русскіе земляне около 1500 г., когда въ дорогичской землѣ въ какомъ-то спорѣ изъ-за границъ присягаютъ „земляне Ляхи и Русь, Ляхове на своей святости, а Русь на своей святости“¹⁾. Имена подляшской шляхты и ихъ селъ ишутся въ актахъ латинскихъ и русскихъ по большей части по-польски: Gabriel, Gałazka, Rąbiszewski, Zadambie, Czarny las, Moczydła, Ирыкъ (т. е. Юрикъ), Бартошъ, Якубъ, Миколай, Альжбета, князь (т. е. попъ, поль. ksiądz) Якубъ и др.; многія польскія названія мѣстностей на русскомъ Подляшьѣ остались до сихъ поръ польскія, напр. Droiczyn (Drohiczyn) — Дорогичинъ, Łosice — Лосичи и др. Въ огромномъ количествѣ польскихъ именъ подляшской шляхты встрѣчаются русскія имена очень рѣдко, напр. Iwan filius Daszko, Chwietko filius Michaelis, Костюшко (т. е. Константинъ) Костомолотскій, Петръ Монюшко, Григорей Тимофеевичъ, Васко Глуковскій, Федоръ Витблянинъ (т. е. изъ Витебска), Федко (Хведко) Дашковичъ, Олехъ Скрипокъ, Григоръ Почута, и др. Были ли эти мелкіе земляне около 1528 г. еще „Русь“, не говорится; но если они и были католики и Ляхи, то они, подобно червонорусскому землянству, вѣроятно дома говорили еще на русскомъ нарѣчій или скорѣе на какой-то польско-русской слѣси, равнымъ образомъ какъ они еще употребляли и въ публичной жизни, на судахъ и сеймикахъ, языкъ русскій. Только „бояре“ приводятся иногда какъ люди „греческого и римского закону“; они носятъ русскія имена: Грынъ Саковичъ, Тарась Кобятчъ, Федко Ивашковичъ, Иванко Милошевичъ, и др.²⁾.

---

¹⁾ Метрика литовская (по варшав. списку) кн. 192, стр. 54.

²⁾ Срв. подробный списокъ подляшской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литов. (варшав. списокъ кн. 201, стр. 69 — 188), именно шляхты мельницкой (37), дорогичской (246), бѣльской (688) и бояръ бѣльскихъ (78). Въ литовской Метрикѣ записано множество подляшскихъ актовъ; акты одного столѣтія (1469 — 1569) наполнили бы большой томъ. Нѣсколько актовъ, напечатанныхъ въ статьѣ Як. Головацкаго: Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ

Польское право ввело въ Подляшье всѣ польскіе порядки; вмѣсто намѣстниковъ въ отдѣльныхъ земляхъ съ начала XVI в. (1513 — 1514) является воевода—онъ управлялъ подляшскимъ воеводствомъ, раздѣленнымъ на три земли,—старосты, судьи и подсудки, писари, возные (вмѣсто бывшихъ дѣтскихъ, которые извѣстны еще въ 1526 г.), подкоморіе, коморники, войскіе и кастелянъ (этотъ только съ 1566 г.). Всѣ эти урядники должны были быть — по крайней мѣрѣ по подтвержденію дорогичской привилегіи 1516 г.—католиками. Суды и судебныя книги были городскіе и земскіе, и нерѣдко говорится, что надо судить „водле статуту права писаного польского“, и что къ шляхтѣ не относится литовское право; судебныя позвы должны были писаться только на латинскомъ языкѣ, что однако не всегда соблюдалось. Мужики на Подляшѣ стали называться по-польски кмети (кмѣти, kmetones)¹⁾, а иногда, какъ православные, тоже „Русины“ (въ русскихъ актахъ), „Rutheni“ (въ латинскихъ актахъ)—въ противоположность „Поляку, землянину (terrigena)“. Повинности сельскаго люда съ теченіемъ времени значительно усилились; между тѣмъ какъ при Витовтѣ „вшелькій кмѣть робилъ зъ волоки 14 дни презъ еденъ рокъ“, въ концѣ XV в. „зъ волоки на тый день мялъ робить еденъ день“. „Пѣнязе“, „копы грошей“, употребляемая на Подляшѣ, были „литовское монеты“, но тоже „личбы лядьской“. Важнымъ средоточіемъ русской народности и православія на Подляшѣ былъ монастырь супрасльскій, основанный въ 1500 г. на рѣкѣ Супраслѣ православнымъ русскимъ паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходковичемъ, воеводою новгородецкимъ и великимъ маршалкомъ литовскимъ—„для богомолья нашего и памети душъ зошлыхъ родителей моихъ и всего роду нашего богу милому ку чти и хвалѣ и мнѣ грѣшному на вѣчную

по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, вновь напечатаны въ Актахъ виленскихъ, 1890, т. 17), относятся собственно не къ Подляшью, а къ городенскому повѣту, который не входилъ въ Подляшье; въ статьѣ напечатанъ только одинъ подляшскій актъ (изъ книгъ дорогичскаго земскаго суда) 1558 г., о которомъ см. ниже.

¹⁾ Такъ и въ жмудской привилегіи 1492 г.: кмети, kmetones.

наметъ.“ Сынъ его Григорій, кастелянъ виленскій и великій гетманъ литовскій, пріютилъ у себя московскихъ типографовъ Ивана Москвитина и Петра Мстиславца, и основалъ въ Заблудовѣ недалеко отъ Супрасля типографію, или, какъ онъ ее назвалъ на польскій ладъ, „варстатъ друкарскій“, гдѣ въ 1568—1569 гг. напечатано Евангеліе на словѣнско-русскомъ языкѣ „на по честь и похвалу Господу Богу и къ наученію людей христіаньскимъ закону нашего греческаго“ ¹⁾).

Не смотря на то, что на Подляшѣ рано распространилось польское право вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, въ публичной жизни подляскаго воеводства, которое все еще входило въ составъ Литвы, а не Польши. Въ первой трети XVI в. въ подляскихъ судахъ употреблялся преимущественно языкъ русскій, потомъ латинскій; такъ многочисленныя распри подляской шляхты въ судахъ земскихъ и городскихъ, апелліи къ королю—великому князю, королевскіе декреты 1538 — 1546 гг., числомъ нѣсколько тысячъ,—всѣ латинскіе ²⁾). Но и прежній офиціальный русскій языкъ литовско-русскаго государства сохранялъ за собою значеніе и среди польской шляхты Подляшья. Король - великій князь по-

---

¹⁾ О супрасльскомъ монастырѣ см. виленскій Археограф. Сборникъ IX, гдѣ помѣщено много русскихъ грамотъ Ходковичей. Въ этомъ монастырѣ хранилась между прочимъ драгоценная словѣнская рукопись XI в., которая въ началѣ нашего столѣтія взята отсюда М. Бобровскимъ (см. Ж. М. Н. П., 1887, окт. и нояб.: П. О. Бобровскій, Судьба Супрасльской рукописи; срв. еще тамъ же, 1888, апр. Замѣтка его-же) и нынѣ находится отчасти въ варшавской бібліотекѣ графовъ Замойскихъ (см. Варшав. университ. Извѣстія 1872, № 4), отчасти въ бібліотекѣ люблянскаго лицея, куда попала съ бібліотекою В. Копитара. Эта супрасльская рукопись издана Миклошичемъ (1851). О заблудовскомъ евангеліи см. „Славяне“ II. стр. 600. Григорія Ходковича называетъ королева Варвара Радивиловна въ письмѣ матери 1549 г.: „Wilk chowany a Rusin chrzestny djabłu się godzi“. (A. Przezdziecki: Jagiellonki polskie I. 325).

²⁾ Записаны въ Метрикѣ литовской, кн. 35, 42, 47, 55, 58 (по варшав. списку, кн. 207—216).

сылалъ изъ своей канцеляріи русскіе акты подляшскимъ урядникамъ и земянамъ, издавалъ русскія земскія привилегіи, мѣстскія—на нѣмецкое право и др. грамоты; такъ напр. грамоты, касающіяся городовъ Дорогичина, Клещелязей (Клещелей), Нарви, Августова и др.—русскія или латинскія; русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, даже въ актахъ, относящихся къ католическимъ „князьямъ“ (т. е. попамъ, поль. ksiądz) въ нѣкоторыхъ городахъ. Русскій языкъ подляшскихъ актовъ, писанныхъ въ королевско-великокняжеской канцеляріи или въ шляхетскихъ судахъ, носитъ на себѣ часто отпечатокъ мѣстнаго нарѣчія и вліянія польскаго языка—мазурскаго нарѣчія, больше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ русскомъ офиціальномъ языкѣ литовской канцеляріи. Такъ напр. русскій текстъ бѣльской привилегіи 1501 г. обнаруживаетъ значительное вліяніе польскаго языка; этотъ текстъ писалъ или польскій земянинъ, не знавшій хорошо русскаго языка, или русскій земянинъ, поддавшійся вліянію польскаго языка, и въ этомъ актѣ слово „Русинъ“ означаетъ, какъ уже замѣчено, прямо „киѣтя“ (мужика), а „Полякъ“ синонимъ „земянина“: кды бы нѣкоторый съ земянъ былъ обвиненъ презъ Русина; естли бы нѣкоторый Русинъ позвалъ Поляка; Русиновѣ земянъ нагабали (vexabant, поль. gabać); Русиномъ на ся жалуючимъ; естли бы киѣть отъ земянина хотѣлъ ити, и пр. Въ бѣльской привилегіи встрѣчается много польскихъ словъ, писанныхъ русскимъ письмомъ, но невозможныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, напр. ниць, праца, обротить (поль. obrócić), быдлетя (род. пад., поль. bydłęcia), банде (поль. będzie, мазур. bandze, bandzie), хцунцы (chcący), вѣнцей (więcej), допускаюнчъ (dopuszczając), и пр. ¹⁾. Земяне гонязскіе (Гонязъ—Goniądz), чистые Мазуры, предъявляя жалобу на Радивила по-русски, описывали границы своей земли на томъ же языкѣ, но по неволѣ примѣшивали и

---

¹⁾ Приводимъ изъ 3 „Члонка“: „Естли бы жена не хтяла звротить вѣно, теды право близкости и тежъ часть отцовску тратить, а не матчинску, въ которыхже ту часть мяла была; тыле едно, бы не мяла родицовъ, братью ани сестры, гдѣжъ теды ко взроценью того вѣна не банде повинна“.

польскія слова: весь (wieś, рядомъ съ обыкновеннымъ село), при-лучить (поль. przyłączyć), ма служиць кмети, и пр. Въ приказѣ короля Сигизмунда Августа пану Миколаю Кишкѣ, старостѣ до-рогичскому (1558), писанномъ въ великопольскомъ Петрковѣ, за-мѣтно вліяніе русскаго нарѣчія (всихъ, дилати, дыеть) и вліяніе польское (земяниѣ, себие, небеспиечни) даже съ извѣстнымъ „ма-зуреньемъ“, т. е. употребленіемъ *ц* вмѣсто *ч*, *с* вм. *ш*, *з* вм. *ж* (стось = штожь, казесь = кажешъ, кѣдись = кдыжь, гросей = грошей).

Подляшская шляхта, употребляя свой польскій языкъ или, на сколько знала, латинскій, отвыкала мало-по-малу отъ офиціального русскаго языка и добивалась его замѣны роднымъ языкомъ поль-скимъ ¹⁾. Такое требованіе было вполне основательно, такъ какъ въ половинѣ XVI в. на Подляшѣ русской шляхты не было: самъ король Сигизмундъ Августъ уже въ 1547 г. въ отвѣтъ под-ляшской шляхтѣ употребилъ, какъ исключеніе, не языкъ русскій или латинскій, а польскій. На сеймѣ въ Вильнѣ 1565 г. подляшская шляхта обратилась къ королю съ просьбою по-польски, чтобъ акты изъ королевской канцеляріи посылались въ Подляшье на языкахъ латинскомъ или польскомъ, такъ какъ тамъ не знаютъ уже русскаго письма; король отвѣтилъ по-польски, что изъ его канцеляріи пишутъ по-русски по древнему обычаю, какъ это во-дится во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ, чтобъ въ Подляшье писалось изъ его канце-ляріи иногда тоже по-польски. Скоро послѣ того, въ 1568 г., до-рогичинская шляхта на сеймѣ въ Городнѣ вновь просила короля, чтобъ изъ королевской канцеляріи посылались имъ акты латинскіе или польскіе, а не русскіе; но король на этотъ разъ отвѣтилъ по-русски, что по древнему обычаю изъ королевской канцеляріи должны быть „листы писанные и выдаваны рускимъ писмомъ и языкомъ по всему панству его королевской милости великому князству литовскому“. Въ 1569 г. на сеймѣ въ Люблинѣ Под-

---

¹⁾ Такъ напр. описи староствъ брянскаго и саражскаго (1558), кнышинскаго (1561), города Нарви (1560)—составлены по-польски.

ляшье присоединено прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и въ этой королевской привилегіи, изданной по-польски, не говорится уже о русскомъ языкѣ и письмѣ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ польскій элементъ и языкъ вполне одержалъ верхъ на Подляшѣ; о прежнемъ официальномъ языкѣ русскомъ нѣтъ ни слуху, ни духу; только если оказывалась надобность, переводились старые русскіе акты на польскій языкъ ²⁾.

Больше и дольше, чѣмъ среди подляшской шляхты, сохранилась Русь на Подляшѣ въ городахъ — *мѣстахъ*, которыя съ XV в. устраивались здѣсь на правѣ нѣмецкомъ (магдебургскомъ, желменскомъ, сродскомъ); это право замѣнило господствовавшее до тѣхъ поръ въ городахъ право литовское и русское. Такъ устроены мѣста Высокій Мазовецкій, Лосичи, Мукободы, Соколовъ, Дорогичинъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Мельникъ и др. Въ городахъ-мѣстахъ жили Ляхи и Русь, — термины, означавшіе не только народность, а также вѣроисповѣданіе: католиковъ и православныхъ (*Graeci seu Rutheni*). Сначала находили иногда препятствія къ принятію Русскихъ во вновь устроенное по нѣмецкому праву „мѣсто“, какъ это бывало и на польской Руси; но вскорѣ фактическое положеніе народностей на Подляшѣ-помѣшало примѣненію такихъ препятствій. Такъ напр. въ Бѣльскѣ, по привилегіи Витовта (1430), мѣщане могли быть только католики, Нѣмцы и Поляки; но тѣмъ не менѣе въ концѣ XV в. жили въ томъ городѣ и Русскіе, и въ 1501 г. магдебургское право распространено на всѣхъ мѣщанъ обоихъ обрядовъ, латинскаго и греческаго; въ Лосичахъ въ началѣ XVI в. жили „люди лядскіи и рускіи“, и были „волоки лядскія и рускія“; въ Дорогичинѣ магдебургскимъ правомъ поль-

---

¹⁾ См. Метрику литовскую (по варшав. списку) кн. 214, pp. 1311 (напечаталъ тоже Hubert: *Pamiętniki historyczne*, Warszawa 1861, I. 60), 1413, кн. 217, p. 577; *Volumina legum* (изд. петербург.) II. 77.

²⁾ Вѣроятно послѣднія русскія строки, вышедшія изъ шляхетской среды Подляшья — это русскія и польскія замѣтки пана І. Трызны (1567 г.) въ его экземплярѣ Рея *Wizerunek*; срв. варшав. *Ateneum* 1888, III. 535.

зовались (1494 г.) Ляхи и Русь, и въ городѣ различались „сторона лядская“ (лѣвый берегъ Буга) и „сторона русская“ (правый берегъ), хотя и на лядской сторонѣ были православныя церкви; на происхожденіе дорогичскихъ и др. мѣщанъ указываютъ иногда ихъ прозвища: Русинъ, Словакъ, Чехъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ должны были и православныя Русскіе платить десятину католическому священнику, какъ напр. въ Дорогичинѣ, Суражѣ, Бранскѣ ¹⁾. Въ городахъ сохранился православный и потомъ уніатскій русскій элементъ болѣе, чѣмъ среди шляхты, но и въ городахъ одержала верхъ, какъ вообще на Руси литовской, польщизна, особенно когда сила русскаго православія на Подляшѣ рухнула подъ тяжестью церковной уніи, и единственнымъ убѣжищемъ православія на Подляшѣ остался монастырь яблочинскій на Бугѣ. Уніаты часто дѣлались прямо католиками, а тѣмъ самымъ и Поляками; такъ напр. въ Высокомъ Мазовецкомъ была когда-то церковь православная, потомъ уніатская, но только для нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній; въ самомъ городѣ не было уніатовъ, но что тамъ прежде жили и Русскіе, видно по названіямъ: русскій рынокъ (ring, площадь), русская улица. Также и въ Тыкоцинѣ была еще въ XVII в. православная церковь и нѣкоторое количество русскихъ жителей, съ половины этого столѣтія уже уніатовъ. Менѣе всего поддался вліянію простой русскій народъ Подляшья, въ южной части по Бугу малорусскій, въ сѣверной части за рѣкою Наровью бѣлорусскій, сначала православный, потомъ уніатскій; со временемъ нѣкоторыя уніатскія селенія сдѣлались католическими и польскими.

8. Люблинская унія и ея вліяніе на отношенія литовско-русскаго вел. княжества къ Польшѣ. Укорененіе польскихъ порядковъ въ Литвѣ и югозападной Руси. Распространеніе польскаго элемента и вліяніе польскаго языка въ ущербъ рус-

---

¹⁾ См. акты (изъ Метрики литовской) у Поцѣя: *Dzieśięcinu na Rusi*.

скому элементу и языку. Культурное значеніе польскаго вліянія въ литературѣ и просвѣщеніи; вѣроисповѣдное движеніе (распространеніе протестантизма). Польскій языкъ въ западной Руси.

Люблинская унія 1569 г. произвела важныя перемѣны въ отношеніяхъ литовско-русскаго великаго княжества къ Польшѣ, къ коронѣ. Послѣ долгихъ и бурныхъ препирательствъ между Поляками и литовско-русскою аристократіею, которая не желала тѣсной уніи Литвы съ Польшею, эта унія все-таки осуществилась, главнымъ образомъ при помощи литовско-русской шляхты, добивавшейся и добившейся тѣхъ же самыхъ правъ, какъ и шляхта въ коронѣ. Полякамъ удалось наконецъ осуществленіе давнишнихъ завѣтныхъ желаній, дѣлѣнныхъ ими съ 1386 г., но встрѣчавшихъ до 1569 г. непреодолимые препятствія. Южнорусскія воеводства волинское, брацлавское, кіевское, равнымъ образомъ какъ и воеводство подляшское, присоединены были прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и именно къ Малой, а ихъ сановники (католическіе епископы, воеводы, кастеляны) вошли въ составъ сенаторовъ польскихъ.

Остальная Литва съ такъ наз. Бѣлою Русью, т. е. воеводства жмудское, троцкое, виленское, полоцкое, витебское, мстиславское, минское, новгородское и берестьевское, слились съ короною-Польшею такъ, что лишились прежней самостоятельности. Литовскіе сенаторы (католическіе епископы, воеводы, кастеляны, маршалокъ, канцлеръ, подканцлеръ, подскарбій, маршалокъ дворный) вошли тоже прямо въ ряды коронныхъ сенаторовъ, составивъ съ ними одинъ сенатъ; послы (депутаты) литовскіе застѣли въ избѣ (палатѣ) вмѣстѣ съ коронными послами Польши Великой и Малой и Пруссіи. Польша и Литва сдѣлались однимъ государствомъ (рѣчь посполитая — *rzecz rozpolita—res publica*), однимъ „народомъ“ (политическимъ), съ однимъ сенатомъ и съ одною избою посольскою ¹⁾.

---

¹⁾ См. дневникъ люблинскаго сейма, изд. Дзялынскимъ (1857) и Кояловичемъ (1869), и разные акты 1569 г. въ *Volamina legum*.

Литва и ея русскія земли, присоединенныя къ коронѣ, за исключеніемъ Подляшья, сохранили однако свое старинное право, свой литовскій статутъ, который вскорѣ распространенъ и наконецъ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1588 г. ¹⁾. Король Сигизмундъ III подтвердилъ этотъ статутъ, какъ просили „панове рада и вряники наши, послы великого князства литовского на сойме вальномъ щастливое коронации наше будучи, именемъ всихъ становъ обывателей вел. кн. литовского“ и приказалъ „тотъ статутъ новопоправленный и привилыями земскими, письмомъ польскимъ и рускимъ друковати, и въ поветы розеслати“. Изданіе русскаго статута (на польскомъ статутъ тогда изданъ не былъ) взялъ на себя литовскій подканцлеръ Левъ Сапега, который гордится, что у Литовцевъ есть „права списанные не обчимъ (т. е. чужимъ, поль. *obcym*) акымъ языкомъ, але своимъ власнымъ“; но такъ какъ „не каждый статутъ могъ мети, для трудного и долгого переписованья, тогда и въ томъ той потребе каждого обывателя фольгуючи и пожитку речы посполитое служечи, важыломъ се того, тую працу на себе подняти, а кошту и накладу своего не жалуючи, и быхъ то въ друкъ подалъ, а дорогу лацнейшую и спаднейшую каждому ку ведомости права показалъ“. Вскорѣ послѣ того, когда въ Польшѣ учреждены трибуналы, т. е. наивысшіе суды (1578), учрежденъ былъ такой трибуналъ и для Литвы (1581); онъ раздѣлялся на двѣ части или репартиціи: виленскую (для воеводствъ виленскаго, троцкаго, жмудскаго, полоцкаго) и русскую (для другихъ воеводствъ). Для трехъ южнорусскихъ воеводствъ, присоединенныхъ къ коронѣ, учрежденъ сначала особый трибуналъ въ Луцкѣ, но скоро они были подчинены малопольскому трибуналу въ Люблинѣ (1589—1590) ²⁾.

---

¹⁾ Вновь перепечатанъ въ московскомъ Временникѣ, кн. 19 (1854). Эта третья редакція литовскаго статута принята безъ сомнѣнія тоже тремя южнорусскими воеводствами короны.

²⁾ Книги литовскаго трибунала хранятся въ центральномъ архивѣ виленскомъ; кое-что издается въ Актахъ виленскихъ, начиная съ XI т. Книги люблинскаго трибунала для южнорусскихъ воеводствъ волинскаго, бряцлавскаго и кіевскаго (и черниговскаго) хра-

Съ люблинской уніи 1569 г. Литва и югозападная Русь мало-по-малу сливались съ Польшею. Польскіе порядки, которые распространялись на Литву и на югозападную Русь (польскую и литовскую) уже въ XIV — XV вв., вкоренялись въ ней потомъ еще больше, и шляхта изъ Литвы и Руси, вполне уравненная въ правахъ съ шляхтою Польши, совѣщалась съ нею сообща на однихъ сеймахъ о дѣлахъ всей „рѣчи посполитой“ польской, по большей части въ Варшавѣ, но также въ Городнѣ въ Литвѣ. Повсюду въ Литвѣ и въ югозападной Руси уже давно существовали разные урядники по образцу польскому и съ названіями польскими, но съ уніи люблинской число ихъ определено точнѣе, а отъ старыхъ русскихъ урядниковъ осталось очень мало, напр. тивунъ или цивунъ, городничій, стольникъ, конюшій. Остальные великіе (государственные) урядники, сенаторы Литвы, были, какъ уже выше сказано, такіе же, какъ и въ Польшѣ, и назывались по-польски—воеводы, кастеляны, маршалки великій и надворный, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбіе великій и надворный, гетманы великій и полевой; далѣе были надворные урядники, секретари, референдари, подкоморіе, писари, хоружіе (поль. *chorągży*), мечники, конюшіе и подконюшіе, кухмистры, стольники, подчашіе, крайчіе, подстоліе, чашники, ловчіе и др. Земскіе урядники по землямъ (воеводствамъ) были: тивуны (цивуны), маршалокъ, подкоморій, хоружій, судья и подсудокъ, и проч.

Съ половины XVI в. исчезаютъ въ Литвѣ и югозападной Руси многіе древніе порядки и замѣняются новыми польскими, какъ и вообще государственный строй всей „рѣчи посполитой“ принимаетъ на себя одинаковый характеръ вслѣдствіе общей политической и законодательной дѣятельности сената и посольской избы на общихъ сеймахъ польско-литовскихъ. Вмѣсто старинной серебрины или серебщины (посощины и подымщины) съ сохи и стариннаго полюдья съ дыма встрѣчается поземельная

няются въ главномъ архивѣ варшавскомъ; издано очень мало, напр. въ Архивѣ югозападной Россіи I. 6.

дань (поборъ) съ новыхъ изъ Польши принятыхъ полевыхъ нѣтъ съ лановъ, волокъ (поль. włoka), морговъ; но однакожъ на крайнемъ востокѣ и юговостокѣ эта дань взималась долго еще съ сохъ, такъ какъ земля не была еще измѣрена на волоки ¹⁾. На Литвѣ входятъ вообще въ употребленіе разныя польскія или въ Польшѣ принятая дани: чиншъ — цыншъ (поль. czynsz, изъ census, нѣм. zins), чоповое (поль. szorowe) вм. старой капщины (плата съ на питковъ) и пр. Вообще на Литвѣ и Руси долго встрѣчаются старые порядки возлѣ новыхъ. Сельскіе грунты раздѣляются на волоки, морги и сохи; есть села (и по-польски *siola*) и фольвары (дворы); съ волокъ или „гдѣ помѣры нѣтъ“ — съ дымовъ, дворницъ платится серебщица и чиншъ, рублями и грошами, дани медовы (меды), овсы дякольные (дякло), осыпъ, капщица, дѣцкованье пересудъ, куница, десятина; люди тяглые (и по-поль. *ciachli, ciagli*), хлопы отправляютъ работы, панщину (панщицу), тологи и гвалты; по селамъ были войты (прежніе старцы, начальники войтовствъ, прежнихъ волостей) и лавники, но также древнерусскіе атаманы (ватаманы), тивуны (тивоны), десятники, копные суды и пр. Платы и повинности сельскаго люда возбуждаютъ часто удивленіе къ финансовымъ талантамъ пановъ, которые, вмѣстѣ со своими арендаторами — жидами, нерѣдко вторгались со своею жадностью къ деньгамъ даже въ церковную область своихъ православныхъ подданныхъ и вжимали разныя платы даже за церковныя требы ²⁾. Этотъ сѣрый сельскій людъ югозападной Руси поддавался

---

¹⁾ „Серебщица зъ сохи по 30 грошей“ одобрена на виленскомъ сеймѣ 1563 г.; „серебщица (серебщина) господарская отъ сохи по полкопы“ въ Волынѣ 1566 г., но уже тогда постановлено, „абы вже серебщины не давано, только поголовщину“; „податокъ зъ волокъ и дымовъ гроши польскими“ 1576 г., и пр. О полюдіи см. выше, стр. 122, 175. Со второй половины XVI в. исчезаетъ въ Литвѣ русскій рубль.

²⁾ Срв. такія „идиллическія“ картинки изъ быта русскаго люда нарисованныя современниками, у Шайнохи: *Dwa lata dziejów m. szuch* 1646, 1648 (Lwów 1865 I. 110), и у Костомарова: Богдан Хмельницкій (изд. 1870 г., стр. XL и дальше).

господствующему польскому влиянію очень мало и сохранилъ своей родинѣ—не смотря на отчужденіе высшихъ сословій—характеръ земли русской.

Старые города на Литвѣ и Руси обращались, какъ уже сказано, въ *мѣста*, новыя привилегированныя общины, изъятые изъ земскаго права и пожалованныя особымъ правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ ¹⁾. Такими „мѣстами“ сдѣлались города Вильна, Луцкъ, Володимеръ волинскій, Кремянецъ, Житомеръ, Кіевъ, Бряцлавль, Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ, Берестье, Новгородокъ, Пинскъ, Могилевъ и др. Жители городовъ-мѣстъ были не только православная Русь, но также католики Литовцы и Ляхи, а далѣе, особенно въ южной Руси,—Волохи, Нѣмцы, Армяне, Татары, Жида. Названія „Русь“ и „Ляхи, Литва“ означали и въ городахъ не только народность, а также вѣроисповѣданіе, т. е. православныхъ и католиковъ; въ послѣднихъ исчезли, какъ это было и въ польской Руси, также Нѣмцы. „Ляхи и Русь“, „*fidei catholicae cultores et Rutheni*“—такъ опредѣляются часто уже въ XV в. мѣстичи въ Вильнѣ, Луцкѣ, Володимерѣ, Кремянцѣ, Острогѣ и др. ²⁾. Приверженцы обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій жили сначала въ хорошихъ отношеніяхъ, и даже случалось не рѣдко, что „Литвинъ або Ляхъ крещены были въ рускую вѣру“, какъ это было напр. въ Витебскѣ въ началѣ XVI в., и конечно такіе исчезали потомъ въ русскомъ большинствѣ. Мѣстское представительство было обыкновенно на половину—католики „закону римского, сторона лядьская“ и на половину православные „закону греческого, сто-

---

¹⁾ О городахъ (мѣстахъ) югозападной Руси вообще см. Антоновича (Архивъ югозападной Россіи V. I и тоже его Монографіи), Владимірскаго-Буданова: Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ (1868), тоже Röpell: Über die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reiches ostwärts der Weichsel (1857), монографіи Вильны — Васильевскаго, Полоцка—Бѣляева, Витебска—Сацунова, Кіева—Антоновича, и др.

²⁾ Въ Кремянцѣ, по привилегіи Швитригайла (1438), войтъ долженъ судить Русина, Ляха, Нѣмца, Волошина, Арменина, Жида и Татарина; въ 1545 г. жители Кремянца были Чехи, Нѣмцы, Ляхи, Литва, Русь.

рона руская“. Мѣста въ литовской Руси получили нѣмецкое право не непосредственно изъ нѣмецкихъ странъ, а уже посредственно изъ Польши и польской Руси; нѣмецкое право было нѣ доступно по польскимъ переводамъ, преимущественно по печатному польскому изданію Саксонскаго Зеркала Щербича; но дѣла рѣшались часто не по этому формальному праву нѣмецкому, а просто по обычному праву русскому. Вся терминологія мѣстскаго права и учреждений въ мѣстахъ югозападной Руси—нѣмецкая, но въ польской передѣлкѣ: мѣсто, мѣстичи-мѣщане, бурмистры, радцы (райцы), войтъ, лавники, ратушь, рынокъ, ортель, ярморокъ, цехъ, цехмистры и др. и нѣкоторыя названія ремесленныхъ цеховъ: кушнеры, рымары, слѣсары, муралы, гарбари и др., но есть тоже кравцы, шевцы, ковали, мечники, котельники, теслы, гончары, сѣдлари, кожемяки, столяри, золотари, солодовники, маслобойники, купцы, рѣзники, крашанинники, шапочники и др. Впослѣдствіи, послѣ церковной уніи на Руси въ концѣ XVI в., начались и въ мѣстахъ Литвы и Руси споры и драки между уніатами и православными. Положенія членовъ православныхъ „закону греческого“ въ мѣстскомъ представительствѣ и въ цехахъ (цехмистровъ) добивались уніаты, которые, съ помощью католиковъ, привилегій и конституцій, достигали обыкновенножелаемаго положенія, и право относилось только „oboju narodom, katolickiemu i greckiemu w jedności świętej z kościołem rzymskim będącemu“, какъ говорится въ одномъ виленскомъ цеховомъ уставѣ 1666 года ¹⁾. Православные устраивали церковныя братства со школами и типографіями, въ которыхъ печатались книги „по грецку, по словацку (т. е. по церковно-словянски), по руску и по польску“, какъ говорится въ привилегіи короля Сигизмунда III виленскому братству. Польская народность,

---

¹⁾ Еще въ началѣ XVII в. (1615 г.) виленскіе католики и уніаты, мѣщане и священники, ссылаясь на королевскія привилегіи, протестовали противъ допущенія православныхъ старшинъ въ цехъ портныхъ и требовали однихъ только уніатскихъ старшинъ. (Акты виленскіе IX. 313).

польскій языкъ приобрѣли скоро господство и въ мѣстахъ югозападной Руси. До конца XVI в. въ мѣстахъ употребляется русскій языкъ, привилегіи на нѣмецкое право, разныя королевскія грамоты, мѣстскія книги, уставы цеховъ и др. писаны на русскомъ языкѣ. Но съ начала XVII в. польскій языкъ въ мѣстахъ все болѣе распространялся и въ мѣстскихъ книгахъ, въ уставахъ и другихъ актахъ цеховъ; русскій языкъ встрѣчается, возлѣ польскаго, еще до тридцатыхъ годовъ XVII в., но гораздо рѣже польскаго; нерѣдко случалось, что и въ польскихъ актахъ русскіе мѣщане подписывались еще по-русски. Подобно тому, какъ русскій языкъ мѣстскихъ актовъ изобилуетъ польскими словами и оборотами, такъ и въ польскихъ актахъ встрѣчаются русскія слова, напр. *miechownicy*, *kraszaninnicy*, *porciszczce*, *porohy*, *liturgia*, *moleben* и др.

Послѣ люблинской уніи многіе шляхетскіе роды польскіе поселялись въ Литвѣ и Руси и дѣлались здѣсь урядниками. Такъ напр. Жолкевскіе, Замойскіе, Потоцкіе, Калиновскіе, Конецпольскіе, Любомирскіе, Яблоневскіе, Браницкіе и др. ¹⁾ Старинные роды литовскіе и русскіе мало-по-малу принимали тоже польскую народность и польскій языкъ, но все-таки сохраняли долго сознаніе своей политической народности, „литовской“ и „русской“, воспоминаніе о прежней своей господствующей роли на всемъ востокѣ „рѣчи посполитой“ отъ моря балтійскаго до чернаго. Эти паны „литовскіе“ и „русскіе“, католики, протестанты и православные, послѣ прекращенія династіи Ягайла смотрѣли съ недовѣріемъ и изъ-подлобья на искателей польской короны изъ „Нѣмцевъ“ въ родѣ Сигизмунда шведскаго или Максимилиана австрійскаго, и напротивъ благопріятствовали кандидатурѣ русскаго царя. „У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому языку никакъ добра не смыслить: и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государи?“—эти слова Радивиля и Глѣбовича, сказанныя московскимъ посламъ въ 1587 г. ²⁾, характеризуютъ политическія

---

¹⁾ Срв. Szajnocha: *Dwa lata z dziejów naszych*, I 10; Кулишъ: *Исторія возсоединенія Руси, I* и *Записки о южной Руси* I. 84.

²⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, VII, 296.

убѣжденія литовскихъ и русскихъ пановъ какъ нельзя. Этотъ антагонизмъ Литвы и Руси къ Польшѣ, нелюбови хамъ и къ „Нѣмцамъ“, т. е. вообще къ западнымъ Евре проглядываетъ также въ такъ называемой рѣчи Ивана которую сочинилъ какой-нибудь русскій юмористъ в XVII в. во время царствованія „Нѣмца“ Сигизмунда¹ рожь король больше Нѣмцевъ якъ насъ улюбили, заразиши старшіе собрали, то все Нѣмцоиъ роздали нашии г Пручь Зигмунта короля — того ничего въ люди личити Подляшье и Волинь вынищилъ, Ляхомъ мануючися — аде та первого, солодкаа памѣть его, бо той Нѣмцевъ якъ любилъ, и Ляховъ зъ ихъ хитростями вельмѣ не люб. Литву и нашу Русь любовительно миловалъ... Да уже ушались и по польску такъ умѣють говорити и все лихо паномъ рѣчи носополютой какъ могутъ было баламутять... правду, не такъ виновать король, якъ гетые радные (што при нимѣ сидятъ да крутятъ. Много тутъ гетакимъ што хотъ наша костка, однако собачимъ мясомъ обросла и тме-то насъ деруть и за ихъ баламутнями не поживают носополютую губять, и Волинь съ Подляшьемъ пропала: намѣ приступило, што ходимъ какъ подваренные, бо ся из. А коли бѣ гетакоего бѣса кулакомъ въ морду, забывъ дрѣтити. И то, милостивые панове, не мала шкода, слуги Ляхи: давай же ему сукню хвалендышовую, кормижь ег а зъ нихъ службы не пытай, и только убравшись на подковкахъ до дѣвокъ дыбле и ходить, а зъ великого к битъ; ты цане за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты бо слуга за пукатую штуку мяса; ты за фляшку, а онъ з а коли слабо держишь, то онъ и ту зъ рукъ вырветъ и пильнуеть, скоро з дому ты, то онъ молчкомъ прилас жонки... И такого чертополоха зъ Нѣмцами выгнати, насъ вѣзли противъ праву нашему²).

¹) О ней см. выше, стр. 165, пр.

²) См. Акты южной и зап. Россіи, II, стр. 188.

Распространеніе польскаго элемента, его господства и вліянія, и языка на всей югозападной Руси происходило, конечно, въ ущербъ русскому элементу и языку. Польско-литовскіе радные паны могли уже въ первой половинѣ XVII в. (1637 г.) отвѣтить московскимъ посламъ, что „народъ польскій и литовскій, а зважа украинныхъ городовъ воеводы и старосты къ руському письму не звычайны: бо украинные города даваны людямъ рыцерскимъ, которые хоть у воиньскихъ дѣлѣхъ знали ся и умѣли, а письма руського неучились“¹⁾. Вслѣдствіе такого недостаточнаго знанія русскаго языка у польскихъ должностныхъ лицъ въ Литвѣ происходили часто недоразумѣнія и затрудненія съ московскими послами и чиновниками, которые были большіе формалисты. Такъ напр. въ 1646 г., въ переговорахъ между польскими панами и московскими послами, эти послѣдніе жаловались на разныя ошибки въ грамотахъ изъ Польши къ царю; польскіе паны извинялись, что такъ случилось не умышленно, и что писари пишутъ не зная русской рѣчи; московскіе послы удивлялись дательному падежу „самодержцы“ въ русской грамотѣ короля къ царю, что-де не правильно, даже не прилично, такъ какъ эта форма скорѣе множественное число; а правильный дательный падежъ „самодержцу“, какъ пишется и въ грамотахъ изъ Польши; польскіе паны увѣряли, что въ ихъ польскомъ языкѣ формы „самодержцы“ (имен. пад. самодержца) и „самодержцу“ (имен. пад. самодержецъ) одно и то же; но если по-русски не такъ, то они впредь будутъ осторожнѣе; вообще было бы лучше, еслибъ король писалъ царю по-польски, и еслибъ также изъ пограничныхъ городовъ писалось въ Москву по-польски; такимъ образомъ не было бы впредь никакихъ ошибокъ. Но московскіе послы отвѣтили: „Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ, и теперь, мимо прежнихъ обычаевъ, по-польски писать не годится; да у порубежныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ“²⁾. Такъ это и осталось, и дипломатическимъ языкомъ меж-

¹⁾ Акты западной Россіи V. 28.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи X. 136.

ду польскимъ королевствомъ и русскимъ царствомъ до конца XVII в. былъ русскій языкъ.

Распространеніе польскаго элемента на востокъ въ русскія земли имѣло важное *значеніе культурное*. Русь, подавленная страшнымъ татарскимъ разгромомъ и всѣми его злополучными послѣдствіями, задержана на долго въ духовномъ своемъ развитіи. Литературная дѣятельность на всей Руси была незначительна и ограничивалась преимущественно письменностью церковною, богословскою; свѣтская литература не особенно процвѣтала, и главную ея часть составляла лѣтопись. Эта небогатая письменность скрывалась еще долго послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ рукописяхъ и поэтому не могла быть доступною болѣе широкимъ кругамъ народа. Книги церковныя, библейскія, богословскія и литургическія для Руси стали печататься съ конца XV вѣка въ Краковѣ, Прагѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ, Кіевѣ и др. Разныя эти церковныя книги на языкѣ словѣнско-русскомъ составляли главную духовную пищу читающей Руси, прежде всего шляхты и духовенства. Но рано почувствовали на Руси потребность ввести и въ эту церковную письменность народный языкъ русскій, который употреблялся въ государственной и юридической жизни и въ незначительной свѣтской литературѣ: въ лѣтописяхъ, и въ другихъ сочиненіяхъ историческаго содержанія, въ романахъ и пр. Притомъ переводчики церковныхъ книгъ на народный русскій языкъ сначала не рѣшались вводить этотъ языкъ въполнѣ, а съ разною примѣсью, церковно-словѣнскою (русскаго и болгарско-волошкаго изводовъ), чешскою и наконецъ польскою; послѣдняя по мѣрѣ сильнѣйшаго ополяченія западно-русскаго языка пріобрѣла полное право гражданства тоже въ церковныхъ книгахъ русскихъ, замѣняя и пополняя „зацный, пенкный, звязный, суптельный“ языкъ церковно-словѣнскій ¹⁾.

Распространенію польскаго языка среди литовско-русской шляхты способствовало распространеніе въ Литвѣ и югозападной Руси протестантизма разныхъ сектъ, кальвинскаго, лютеранскаго,

---

¹⁾ Подробно см. „Славяне“ II. 595.

братскаго, социніанскаго. Къ этимъ новымъ вѣроисповѣданіямъ примкнули не только роды литовскіе католическіе, какъ напр. Радивилы, Пацы, но также православные роды русскіе или давно обрусѣвшіе, какъ напр. Ходковичи, Сопеги, Огинскіе, Воловичи, Зеновичи, Дорогостайскіе, Глѣбовичи, Пузыны, Гольшанскіе, Друцкіе, Соколинскіе, Головчинскіе, Чаплицы, Потѣи, и др. ¹⁾. Русскихъ протестантскихъ священниковъ не было, и попытка Буднаго, Крышковскаго, Негалевскаго — употребить русскій языкъ какъ орудіе протестантизма—скоро оказалась лишнею. Протестантскіе паны и шляхта въ Литвѣ и Руси приглашали къ себѣ священниковъ изъ Польши: Буднаго, Крышковскаго, Чеховича, Жачича, Хрѣнстовскаго и др., пользовались польскими книгами и сами издавали протестантскія книги на польскомъ языкѣ, печатавшіяся въ Берестѣ, Несвижѣ, Лоскѣ, Вильнѣ. Издатели прекрасной кальвинской бібліи на польскомъ языкѣ, напечатанной въ 1563 г. въ Берестѣ, иждивеніемъ Николая Радивиля (Radziwiłła), рассчитывали не только на читателей польскихъ, но также на другихъ Славянъ, преимущественно на Русскихъ; а польскія книги С. Буднаго, печатавшіяся въ Несвижѣ, служили не только Полякамъ, а тоже Русскимъ ²⁾. Изъ Польши переходили на Литву и Русь польскія бібліи и другія книги, и социніанскій священникъ Мартынъ Чеховичъ въ польскомъ Новомъ Завѣтѣ (въ Раковѣ 1577) прямо говоритъ, что онъ въ этой своей книгѣ ввелъ отдѣленія по русскому способу называемыя *зачала*, такъ какъ объ этомъ просили братья изъ русскихъ земель: въ ихъ рукописныхъ книгахъ нѣтъ обыкновенныхъ у протестантовъ и у католиковъ главъ.

Это новое вѣроисповѣдное движеніе въ Литвѣ и Руси составляло часть того культурнаго движенія вообще, которое тогда проникало съ запада на востокъ Европы при посредствѣ Польши. Русь по разнымъ причинамъ не могла участвовать въ духовномъ движеніи остальной, латинской Европы,—движеніи, которое прио-

---

¹⁾ См. Łukasiewicz: *Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie* (Poznań 1842—1843, 2 t.).

²⁾ См. „Славяне“ II. 146—147, 152.

брѣталo именно съ XV в., со временъ гуситства, все болѣе широкое содержаніе и объемъ. Науки и литература, отчасти освобожденныя отъ церковной опеки, стали съ успѣхомъ развиваться, и Поляки заняли въ этомъ отношеніи особенно въ XVI в., не послѣднее мѣсто среди народовъ Европы. Науки и литература разрабатывались въ Польшѣ, равнымъ образомъ какъ и въ остальной западной Европѣ, сначала на языкѣ латинскомъ, потомъ (именно литература) также на польскомъ, причемъ научная дѣятельность находила въ высшихъ школахъ (университетахъ, академіяхъ) краковской, виленской и замостской свою опору. Въ Польшѣ издавалось множество книгъ латинскихъ и польскихъ разнаго содержанія, научныхъ и по изящной словесности, прозы и поэзіи. Католики и не-католики разныхъ сектъ основывали школы и типографіи, и всѣ они старались въ этомъ превзойти другъ друга ¹⁾.

Положеніе Руси было гораздо хуже. Русская литература XVI в. не могла похвалиться такими сочиненіями, какъ родственная ей литература польская, уже не говоря о латинской. Кромѣ церковныхъ книгъ на языкѣ словѣско-русскомъ и русскомъ было мало русскихъ сочиненій свѣтскаго содержанія: лѣтописей, романовъ, повѣстей и др.; да и эта часть русской литературы скоро очутилась въ зависимости отъ польской, и польская хроника М. Бѣльскаго стала и въ русскомъ переводѣ общимъ достояніемъ русской литературы на западѣ и на востокѣ ²⁾. Кромѣ этой лѣтописной литературы на языкъ западно-русскій переводились романы, повѣсти, легенды и другія произведенія книжниковъ, начинающія появляться въ югозападной Руси съ конца XV и начала XVI вѣковъ — то вслѣдствіе давнишнихъ сношеній Руси съ славянскимъ югомъ то опять вслѣдствіе сношеній Руси съ Польшею. Такимъ образомъ въ западно-русской пись-

---

¹⁾ О школахъ см. Łukasiewicz: *Historya szkół w Koronie i Litwie* (Poznań 1849—1851, 4 t.).

²⁾ См. „Славяне“ II. 425. Исправляемъ ошибку на стр. 116 (въ послѣдней строкѣ), гдѣ послѣ слова „уже“ пропущены слова: „въ западной Руси во время польскаго короля Сигизмунда Августа (въ 1565—1572 гг.) и списана потомъ въ Москвѣ“.

менности появились переводы съ сербскаго, напр. романы Тристанъ и Бово, съ польскаго, напр. легенда о св. Алексѣѣ, такъ назыв. евангеліе Никодима, повѣсть о трехъ короляхъ-чернокнижникахъ, повѣсть объ Атилѣ, и др. ¹⁾. Но всѣ эти сочиненія оставались въ рукописи; русскія типографіи служили преимущественно цѣлямъ церковнымъ, издавая книги церковныя, богословскія, полемическія и др. Этотъ недостатокъ, эту односторонность духовной пищи чувствовали и признавали нѣкоторые просвѣщенные Русскіе. Въ началѣ XVII в. одинъ львовскій православный священникъ справедливо жалуется на недостатокъ школъ и наукъ на Руси; вслѣдствіе такихъ печальныхъ обстоятельствъ Русь огрубѣла и попала подъ вліяніе болѣе просвѣщенныхъ Поляковъ въ ущербъ своей народности ²⁾. Въ такомъ смыслѣ высказывается тоже современникъ львовскаго священника, кіевскій монахъ Леонтій (1608); въ своей статьѣ о ересьяхъ на Руси онъ извиняется передъ читателями, что о другихъ авторахъ „я яко простакъ не вѣдаю, понеже розныхъ языковъ, одно такъ якъ имъ тутъ написалъ рускимъ языкомъ“ ³⁾. Нашлись и на Руси аскеты-ревнители, которые защищали старинную простоту и осуждали всякія новости, приходящія на Русь отъ латинскихъ Ляховъ. Въ такомъ смыслѣ говоритъ современникъ и землякъ львовскаго священника, монахъ Іоаннъ изъ Вишни, который не переставалъ возставать противъ разныхъ поганскихъ латинскихъ хитростей ⁴⁾.

---

¹⁾ Срв. А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888), П. Владиміровъ въ Ж. М. Н. П. 1887, окт., стр. 250, А. Брюкнеръ въ Archiv für Slavische Philologie IX. 345. Въ западно-русской письменности были тоже повѣсти о Троѣ и объ Александрѣ Вел. („о богатырскихъ делехъ во Александрии и во Трои“ воспоминаетъ въ началѣ XVI в. Фр. Скорина). Въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ находилась западно-русская Александреида, какъ видно по каталогу; но теперь ея тамъ нѣтъ (срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 23); о другой западно-русской Александреидѣ 1697 г. вспоминаетъ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. (Кіевъ 1889). Польская Александреисъ, переведенная съ латинскаго, напечатана въ 1550 г.

²⁾ См. выше, стр. 133.

³⁾ Акты южной и западной Россіи II. 273.

⁴⁾ См. выше, стр. 131.

Простой монахъ изъ Вишни не нашелъ сторонниковъ для своего ученія. Югозападная Русь хорошо поняла, что съ опасною польско-латинскою пропагандою надо бороться равнымъ оружіемъ, просвѣщеніемъ и наукою, и что слабость Руси составляетъ недостатокъ науки и школъ. Это хорошо сознавали тогда, въ концѣ XVI в., оба вождя Руси, митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза и князь Константинъ Острожскій. Митрополитъ Михаилъ жалуется (1592), что „ученіе святыхъ писаній оскудѣ, паче же словенскаго російскаго языка, и вси челоувѣцы приложишася несъвершенному людскому писанію и сего ради въ различныя ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка“. Князь Константинъ Острожскій замѣтилъ, что Русь вообще и русская церковь въ особенности нуждается въ наукѣ и въ школахъ; такъ какъ „наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилось“ ¹⁾. Съ конца XVI вѣка Русь дѣйствительно старалась устранить этотъ недостатокъ, и стала заводить у себя, по образцу польскому, школы преимущественно при церковныхъ братствахъ; въ этихъ школахъ учили не только богословію и грамматикамъ языковъ греческаго, латинскаго, словѣнскаго, также русскаго и польскаго, но и разнымъ „наукамъ“ очень проблематическаго значенія, риторикѣ, діалектикѣ, философiи, мусикѣ, ариѳметикѣ и др. ²⁾. Такія „русскія“ или „словенскія“ школы „науки еллинскаго и словенскаго письма, наукъ еллино-словенскаго и латино-польскаго письма“ основаны въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Гощѣ, Берестѣ, Минскѣ, Бѣльскѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и др. съ цѣлью—какъ выражаются кіевскіе братчики—чтобъ „отрочата православныя не отъ чуждаго источника пьюще смертоносного яда западныхъ схисмы

---

¹⁾ Акты западной Россiи IV, 42, 46. О культурномъ состояніи югозападной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. см. С. Голубева: Петръ Могила (Кіевъ 1883, I. 413), и Исторiя кіевской духовной академіи (Кіевъ 1886, I. 176), А. Архангельскій: Очерки изъ исторiи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888).

²⁾ См. Голубева, Исторiя кіев. духовной академіи I. 176, срв. „Славяне“ II. 594.

упившеся ко мрачно-темнымъ Римляномъ уклонятся“. Въ дѣлѣ основанія и даренія школъ русская шляхта, духовенство, мѣщане и козаки соревновали другъ другу. Князь К. Острожскій основалъ въ Острогѣ не только школу, а тоже типографію, изъ которой вышла первая полная печатная библія словѣнско-русская (1581); но скоро князь долженъ былъ жаловаться на „скудость учителей и научный голодъ“ въ своей школѣ. Князь Полубенскій щедро дарилъ виленское братство (1593 — 94) „на школу для науки руского писмения и греческого и латинского, для твиченія (пол. *świcepnia*) и ученія въ оной школѣ дѣтей у наукахъ вшелякихъ, такъ языка греческого и словенского, яко и иныхъ“; козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный завѣщалъ (1622) братской школѣ львовской капиталъ „на науку, на выхожанье учоного майстра въ греческомъ языкѣ бѣглого, церкви божой и дѣткамъ христіанскимъ народу россійскому потребного“. О кievской школѣ все заботились сами митрополиты, считая ее справедливо важнѣйшимъ училищемъ „всему православному народови россійскому“; позже (1632) эта школа соединена съ коллегією, основанною П. Могилою, и возведена потомъ (1701) въ академію. Латинскій языкъ занялъ въ этихъ школахъ выдающееся мѣсто, а въ кievской коллегii-академіи преподавались почти всѣ предметы на латинскомъ языкѣ, какъ на языкѣ тогдашней европейской образованности вообще и кромѣ того—языкъ очень важнымъ и въ практической жизни Польши. Необходимость латинскихъ школъ, латинскаго языка для Руси усердно защищали сами Русскіе. Латинскій языкъ необходимъ, чтобъ нашей бѣдной Руси не называли глупою Русью, простаками, и чтобъ бѣдняжка Русскій на сеймахъ, сеймикахъ, судахъ понималъ, въ чемъ дѣло, и не подвергался пенямъ (*bez łaciny płaci winy*); языки греческій или словѣнскій никакъ не могутъ замѣнить латинскаго, тѣмъ паче, что латинскихъ книгъ въ разныхъ отрасляхъ науки много ¹⁾.

---

¹⁾ Sylwester Kossow: *Exegesis to jest danie sprawy o szkołach kijowskich i winnickich, w których uczą zakonnicy religiej graeckiej* (Kijów 1635), Euzeb Pimin (т. е. П. Могилла): *Lithos abo kamień z procy prawdy cerkwie św. prawosławnej ruskiej etc.* (Kijów. 1644).

Такимъ образомъ пересажена и на Русь латинско-польская премудрость съ разными Минервами, Аполонами, Парнасами, Геликонами, средневѣковая схоластика со всѣмъ своимъ діалектическимъ и риторическимъ пустословіемъ, которое учило „малую часть амплѣфковати, розширяти, придавати до ней приклады, подобенства, сентенціи, фѣгуры, учинити зъ малое части великую“; къ этому присоединялись безсодержательные диспуты, безвкусные вирши (стихи) и весь тотъ никому ненужный хламъ, который только затемнялъ, а не развивалъ мозги учащихся „спудеевъ“ (студентовъ), не обогащалъ ихъ никакими, полезными положительными знаніями. Напрасно книжники польско-католическіе и ихъ птенцы изъ русскихъ уніатовъ насмѣхались надъ русскими школами, что въ нихъ только дымится, а не горитъ, и дѣти изъ телятъ становятся волами ¹⁾; и въ латинско-польскихъ школахъ іезуитскихъ и другихъ было не лучше, и изъ нихъ выходили тоже *asini asinorum in saecula saeculorum* ²⁾.

Коссовъ полагаетъ, что только школы дадутъ болѣе ученыхъ людей, и что тогда не будутъ правдой насмѣшки враговъ Руси: *Porz ruscy głupi, nie umieją nic jedno az buki; kaznodziejów mało mają, mówić z nami nie umieją, dysputować, dyszkutować, poroz ruskim jak skały gryść.*

¹⁾ Эти слова принадлежатъ М. Смотрицкому (уже уніату) въ его соч. 1629 г. *Exhaetesis, Paraenesis*; ихъ съ удовольствіемъ повторилъ уніатъ Скумиковичъ (*Przyczyna porzucenia disuniej.* 1643).

²⁾ Срв. мѣткій отзывъ о латинско-польскихъ школахъ у Костомарова: *Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой* I. 51 (3-е изд.). Недостатки школъ въ Польшѣ хорошо понималъ уже В. Татищевъ; срв. „Славяне“ II. 498. — Какую дребедень приходилось читать и выслушивать отъ кіевскихъ профессоровъ и спудеевъ, можно видѣть напр. на „виршахъ“ 1622 и 1632 гг. (перепечатанныхъ въ „Приложеніяхъ“ къ Исторіи кіев. духовной академіи I). Вотъ напр. „вирши“, которые при открытіи кіевской коллегіи 1632 г. говорила напр. „Уранія“:

Ты южъ Атлясь, о Музо, перестань зъстарѣлымъ

Прешлымъ байкомъ вѣрити, внимай сердцемъ смѣлымъ:

Южъ не кроль мавританскій сферы модеруетъ,

Лечъ найвышшій монарха самъ небомъ керуетъ, и пр. и пр.

Срв. тоже „гексаметры“ Смотрицкаго („Славяне“ II. 363).

Но не смотря на всѣ недостатки школъ того времени, Русь нуждалась въ такихъ школахъ—русскихъ православныхъ, чтобъ не отставать отъ своихъ согражданъ польско-католическихъ и чтобъ не быть вынуждаемою отдавать своихъ дѣтей въ латинскія, іезуитскія школы. Многіе русскіе православные паны думали такъ, какъ брацлавскій кастелянъ Василій Загоровскій, который въ своемъ завѣщаніи (1577) увѣщевалъ своихъ дѣтей, „абы письма своего руского и мовенья рускими словы и обычаевъ цпотливыхъ и покорныхъ русскихъ не забачали, а набольшей вѣры своее греческого закона не опускали“; пусть они учатся прежде всего „руской наукѣ“, а потомъ латинскому языку, послѣ чего пусть отправляются въ Вильну къ іезуитамъ ¹⁾. Но это послѣднее обстоятельство сопровождалось вредными и роковыми для русской народности послѣдствіями, о которыхъ Загоровскій и другіе русскіе паны не подумали.

Польскій языкъ проникъ—послѣ присоединенія всей южной Руси къ Польшѣ (1569)—далеко на югъ, на нижній Днѣпръ, на Низъ, на Украину, т. е. въ земли у края польскихъ владѣній и Татаръ, къ тамошнимъ русскимъ поселенцамъ, которые изъ бродягъ мало-по-малу устраивались какъ военные колонисты, въ пограничныхъ староствахъ черкасскомъ и каневскомъ, также въ другихъ городахъ Украины: Брацлавлѣ, Винницѣ, Барѣ, Хмельникѣ, наконецъ далеко за порогами Днѣпра. Это—*козаки* (казаки) украинскіе и запорожскіе ²⁾. Украина и Запорожье считались на Руси и въ Польшѣ вообще военною школою, куда отправлялись не только паны русскіе, а тоже польскіе (напр. Самуилъ Зборовскій); за то В. Папроцкій справедливо восхваляетъ этихъ мужествен-

---

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи I. 1. стр. 67.

²⁾ „Козакъ“—слово татарское, разбойникъ; срв. выше, стр. 65 и 174. Въ 1493 г. „Черкасцы“ напали на московскихъ пословъ; въ 1499 г. „козаки“ въ Кіевѣ—люди, занимавшіеся торговлею рыбами; въ 1503 г. „козаки“ кіевскіе и черкасскіе. По Черкасамъ называли въ Москвѣ южнорусскихъ козаковъ, а потомъ Малорусовъ вообще—Черкасами. Слово „козакъ“ приняли тоже Поляки въ значеніи вольнонаемнаго воина, солдата вообще, см. *kozak* въ словарь Линде.

ныхъ львовъ русскихъ, которые защищаютъ Польшу отъ Турокъ и Татаръ ¹⁾. Съ козаками, съ ихъ вождями, старостами черкасскими и каневскими, старшими и вообще съ ихъ „гетманами“, какъ эти вожди назывались на польскій ладъ ²⁾, съ Дашковичемъ, Тышковичемъ, Вишневецкимъ, Бадовскимъ и др. польскіе короли до второй половины XVI в. переписывались по-русски; но уже Стефанъ Баторій писалъ по-польски не только украиннымъ старостамъ въ Хмельникъ, Баръ, Бряцлавль, Винницъ, Бѣлой Церкви, Черкасахъ, Каневъ, но также *zarogóznym tojójom* ³⁾. Также и козацкіе старшины въ концѣ XVI в. и еще болѣе въ XVII в. пишутъ королю и польскимъ и литовскимъ панамъ по-польски, имен-но: Палей, Полоусъ, Наливайко, Лобода, Дорощенко, Сулима, Петрыжицкій, Скиданъ, Хмѣльницкій, Выговскій, Ханенко, Сирко и др. Польскій языкъ употреблялся въ переговорахъ и договорахъ между Поляками и козаками, хотя послѣдніе говорили съ Поляками тоже по-русски. Козаки, сносясь и сталкиваясь постоянно съ Поляками, принимали отъ послѣднихъ многія учрежденія и ихъ названія, напр. гетманъ, обозный, хорунжій (*chorąży*), подскарбій, товариство и пр. Козацкіе старшины, не смотря на всю борьбу козаковъ и южно-русского народа съ Ляхами, вообще тяготѣли къ шляхетской Польшѣ, стремясь въ Украинѣ

---

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 170. Папроцкій (*Herbu rycerstwa polskiego, wud.* 1584, p. 103) подробно описываетъ походы козаковъ подъ Зборовскимъ; срв. Кулишъ: *Исторія возсоединенія Руси*, I. 146.

²⁾ Это слово „гетманъ“ дало поводъ некритическимъ малорусскимъ лѣтописцамъ XVII в. возводить разныхъ вождей козаковъ XVI—XVII вв. въ „гетманы“ въ смыслѣ второй половины XVII в., когда „гетманы“ были наивысшими начальниками Малой Россіи. Слово „атаманъ, ватаманъ“ происхожденія татарскаго (см. выше, стр. 119), какъ вообще много другихъ русско-козацкихъ словъ, напр. кошъ, таборъ, асаулъ-есаулъ, бунчукъ, булава, паланка, и др.

³⁾ Срв. разные акты о козакахъ въ Актахъ западной Россіи, въ Актахъ южной и западной Россіи, въ Архивѣ югозападной Россіи III. 1, 2, VII. 2, у Кулиша, *Исторія возсоединенія Руси* (матеріалы), у Яницкаго: *Akta histor. do panowania Stefana Bator. 1578—1579* (Warszawa 1881, Biblioteka ordynacyi Krasieńskich).

играть роль прогнанной оттуда въ 1648 году шляхты, подражая разнымъ шляхетскимъ обычаямъ, костюму, гербамъ и пр. ¹⁾). Это тяготѣніе козацкой старшины къ шляхетской Польшѣ продолжало свое существованіе и впослѣдствіи, когда Малая Россія сдѣлалась частью русскаго царства, и когда оставшеюся за этимъ царствомъ Малою Россіей на лѣвомъ берегу Днѣпра управлялъ козацкій гетманъ войска запорожскаго Его царскаго Величества. Не смотря на всю національно-религіозную вражду Русскихъ и Ляховъ, не смотря на всю ненависть Русскихъ къ Ляхамъ, которая обнаруживается въ южнорусскихъ пѣсняхъ, лѣтописяхъ и въ другихъ произведеніяхъ литературы, въ разныхъ актахъ козацкихъ ²⁾),—козацкіе старшины лѣвобережной Малой Россіи все обращали свои взоры къ общественному и культурному строю Польши; они учились по-латыни и по-польски, одѣвались въ жупаны и контуши, жаждали гербовъ и подданства „посполитыхъ“ людей, руководились Статутомъ литовскимъ, и вообще страстно

---

¹⁾ На такіе гербы кіевскіе стихотворцы часто сочиняли, въ духъ того времени, ужасные „вирши“. Такъ напр. К. Саковичъ состряпалъ въ 1622 г. слѣдующіе „вирши на гербъ сильного войска Его Кор. Мил. Запорозскаго“ (представляющій вооруженнаго козака):

Кгды мензства Запорозцовъ кролеве дознали,

Теды за гербъ такого имъ рыцера дали.

Который ото готовъ Ойчизнѣ служити,

За вольность ей и свой животъ положить.

И якъ треба землею албо тыжъ водою:

Вшеляко онъ способный и прудкій до бою.

Вирши на гербъ Богдана Хмѣльницкаго (1650 г.):

Абданкъ знакъ есть щодрой повольности,

Крестъ за фараментъ виры Хмельницькихъ мужности,

Незвытяжоный кролю въ христіанскомъ панствѣ,

Кеды повольность Хмельницькихъ маешъ у подданствѣ.

²⁾ Срв. напр. подложные универсалы гетмановъ Остраница (1638) и Хмѣльницкаго (1748), составленные только въ въ XVIII в., подлинный универсалъ гетмана Брюховецкаго (1663), фантастическую „Исторію Русовъ“, приписываемую бѣлорусскому епископу Георгію Конисскому, и др. „Исторія Русовъ“ вліяла до недавна на малорусскую исторіографію, поэзію, повѣсть.

желали и у себя водворенія общественныхъ порядковъ шляхетско-польскихъ. Это стремленіе къ польщизнѣ прекратилось только въ XVIII в., когда козацкіе старшины сдѣлались наконецъ дворянами русской имперіи и владѣльцами крѣпостного народа ¹⁾.

Козаки южнорусскіе, говоря на своемъ русскомъ нарѣчій, писали на обыкновенномъ тогда книжномъ языкѣ западно-русскомъ съ большею или меньшею примѣсью польщизны. Они, главные борцы православной русской религіи, протестовали часто словомъ и мечомъ противъ „квалта въ реліи старожитной православной“, обѣщали (обѣщали) „за церковь восточную и за вѣру греческую головы свои вси положить и боронити словомъ нашимъ рыцерскимъ“; гетманъ Петръ Конашевичъ въ предсмертномъ письмѣ королю Сигизмунду III (1622) благословляетъ „ксіонженца принца Владислава персону“, возстаетъ противъ іезуитовъ и противъ уніи, и завѣщаетъ деньги православному братству львовскому, „тую вѣчную войска Е. К. М. Запорозского фундацію укгрунтовавши подѣ вышѣ описаною облигацьею и кондыцьями“, какъ выражаются душеприкащики Конашевича, кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій и козацкій гетманъ Голубъ ²⁾. Такой языкъ встрѣчается вообще въ козацкихъ актахъ, письмахъ, лѣтописяхъ до начала XVIII в.; даже русскіе демократы-козаки запорожскіе низовые не могли уберечься отъ такого вычурнаго языка; кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, поздравляя гетмана Мазепу (1686) „вельможнаго мосцѣ пана на новомъ гетманскомъ гонорѣ“, обѣщаетъ ему во имя войска низового вѣрную службу: „мы дознавши ласки твоей рейментарской субмѣтуемъ ся зѣ оною щиростью нашою оказоватися, и по ординансу вашомъ на всякую военную потребу пресвѣтлѣйшимъ государямъ царямъ нашимъ готовыми zostавати“ ³⁾. Только съ начала XVIII

---

¹⁾ См. А. Ефименко: Малорусское дворянство и его судьба (Вѣстникъ Европы 1891, августъ, 515).

²⁾ Срв. въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 36, 41, 47, въ Архивѣ югозападной Россіи I. 3. № 74, и другіе акты XVII в.

³⁾ Величко (ок. 1720 г.): Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII в., II. 518 (Кіевъ 1851).

вѣка, по мѣрѣ культурнаго усиленія Великой Россіи, и въ Малой Россіи входитъ въ употребленіе литературный языкъ велико-русскій; на немъ писали тоже малорусскія лѣтописи, въ томъ числѣ тоже „Исторія Русовъ“, приписываемая Георгію Конисскому *).

Въ литовско-русской лѣтописи XV в. польскихъ словъ очень мало, напр. панъ, коморникъ, хлопъ, скарбъ, кмотръ, моць (и мочь, помочь), бискупъ и костель (въ значеніи католическихъ), мистръ (магистръ ордена тевтонскаго), гиньштъ (нѣмецк. heugst), уму-ровати, кглентовныи листы, рада (и советъ, светъ) и др. Также и въ другой литовско-русской лѣтописи XVI в. польская примѣсь сказалась немногими словами, напр. обѣцати, звитяжество, офѣра, сеймъ, рада ¹⁾, господа (въ значеніи постоялаго двора), обфитость, кгвалтъ, моць, зрада—зрада, малжонка, малженскій станъ, кроль (обыкновенно: король), вензеніе, гетманъ, жолнеръ, рыцеръ, штурмъ, шихъ, гуфъ, ратунокъ, панъ (но тоже господинъ, господичичъ), бискупъ, прелать, пробощъ, крижъ, костель, кляшторъ, законъ, т. е. орденъ (въ значеніи католическихъ, а православные: епископъ, архимандритъ, игуменъ, крестъ, церковь, монастырь), звестованіе матки божой, Барбара, Алжбета, и пр. ²⁾).

---

¹⁾ Лѣтописецъ знаетъ тоже слова *въче* и *дума*: мужи Полочане, которые вечомъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ; думу вчинили межи собою безъ ведомости пановъ рады.

²⁾ Лѣтопись XV в. издали Даниловичъ (1827) и А. Поповъ (Ученныя записки второго отдѣл. Имп. акад. наукъ, I); лѣтопись XVI в. — Нарбуттъ (Pomniki do dziejów litewskich, 1846), но по списку XVI в., сдѣланному съ русскаго подлинника латинско-польскимъ письмомъ („z ruskiego języka na polski przetłumaczona“, что однако не вѣрно); нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи по русской рукописи познанской сообщилъ Бодянский въ московскихъ Читеніяхъ 1846, I. Нѣкоторыя мѣста лѣтописи XV в. вошли и въ лѣ-

---

*) Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи нѣкоторый пропускъ: по всему можно заключить, что здѣсь должна была быть рѣчь о русскомъ языкѣ въ литовско-русскихъ актахъ. *Ред*

Приводимъ здѣсь два примѣра изъ обѣихъ лѣтописей.

(*Лѣтопись XVI в. по изд.
Бодянского*):

Кияне змовывшися одное мыслечи податся великому князю Кгидимину, и пошодши з города со кресты, игумены, попы и дѣяконы, и ворота городовы отворыли, и стрѣтили великого князя честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчизны (!) ихъ не отнималъ, и князь Кгидиминъ притомъ ихъ zostавилъ, и самъ честно у городъ Киевъ уѣхалъ.

(*Лѣтопись XVI в. въ польской транскрипціи, по изд. Нарбутта*):

Kijane zmowiwszysia odno-
myślnie podalisia welikomu
kniaziu Gidyminu, y szedszy
z horoda so kresty, ihumeny,
popu y diakony, y worota ho-
rodowyia otworyli, y stretyli
welikoho kniazia czestno y
wdaryli iemu czołom, y pod-
dalisia służyty iemu, i prysia-
hu swoju na tom dali, y bili
czołom, szto by ot nich ot-
czyn (!) ich neotnimał, y kniaź
Gidymin prytom ich zostawił
i sam czestno w horod Kijew
wiechał.

(*Лѣтопись XV в. по изд.
Попова*):

И владыка смоленский Се-
мионъ, и князи и бояре и ме-
стиче, и черныи люди целовали
пану Андрею держати у себе
честно воеводою на Смолень-
ску. И по велице дни на свя-
той недели в среду здумали

(*Лѣтопись XVI в. по изд.
Нарбутта*):

Y władyka smoleński Se-
mien, y kniazi y bojary y me-
styczy y czornyi ludyie pry-
siahali Andreiu derżaty ieho
w sobe czestno woiewodoiu na
Smolensku. Y po welice dni
na swiatoy nedeli w sere du

топись XVI вѣка. Въ этихъ лѣтописяхъ встрѣчаются тоже слабые слѣды церковнаго языка словѣнскаго, напр. глава, гладъ, возгласи, злато, серебро, градъ, младъ, младенецъ, пленити, ноцъ, дщерь, вла-
стели (панове литовскіи) и пр., которыя попадаются очень рѣдко ря-
домъ съ словами: голова, голосъ, золото, городъ, молодой, полонъ,
ночь, дочка, волость и пр. Вліяніе церковнаго языка замѣтно осо-
бенно въ „Похвалѣ“ Витовту въ лѣтописи XV вѣка.—Западно-рус-
скій переводъ всемірной хроники М. Бѣльскаго, сдѣланный въ 1564—
1572 гг., срв. „Славяне“ II. 425.

Смолняне чорныи люди, кузнеци, кожомяки, (пере)шевники, мясники, котелники пана Андрея согнати силою з города; а цолеваніе преступали и нарядилися во изброи и с сулицами и со стрелами и с косами и с сокирами и зазвонили в колоколь.

zдумали Smolniane czornyi ludyie, kuznecy, kożomiaki, pereszewniki, miasniki, kotelniki Andreja siłoiu sosałaty z horoda, a prysiahu prestupity, y naradylisia wo zbroi so sulicami y so strelami, y z kosami y so siekierami i zazwonili wo zwon.

Въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ переводахъ конца XV в., сдѣланныхъ съ латинскаго и польскаго (напр. въ легендѣ о св. Алексѣѣ, въ повѣсти о трехъ короляхъ, въ апокрифическомъ евангеліи Никодима), польское вліяніе сказалось тоже не особенно сильно, напр. въ словахъ: рада, превелебный, капланъ, цесарь, панъ (и панъ богъ), шляхетный, декую-дякую, огарненный, мары, помоць, немоцный, узрокъ (wzrok), оплавитость (opłwitość), манзельство, злото (и золото), здорова и др., тоже въ формахъ: нове҃го (ви.—ого), которему, котореи и др.; новыя польскія слова еще боролись со старыми русскими: собраніе — зборъ albo рада, келихъ albo чаша, валка albo воина, лотръ—тать, з его моци albo волости, крижъ albo крестъ, укрижуи albo распъни, скаредость albo смородъ, и пр. ¹⁾), Что касается „русскаго языка“ Фр. Скорины въ его библейскихъ книгахъ, то въ немъ польскихъ словъ

---

¹⁾ Объ этой рукописи см. П. Владимірова въ Ж. М. Н. Ц. 1887, октябрь, 250; въ языкѣ этой рукописи есть тоже нѣкоторые слѣды чешскаго вліянія. Легенда о св. Алексѣѣ находится въ извѣстномъ средневѣковомъ сборникѣ GeŃta Romanogum, который переведенъ и на польскій языкъ; неизвѣстно, существовалъ-ли тоже „бѣлорусскій“ переводъ сборника. Языкъ рукописи Римскихъ Дѣяній, изданной Обществомъ любителей древнерусской письменности въ СП. въ 1877 — 78 гг., вовсе не „бѣлорусскій“ или словено-польскій или польскій простой (!), а сѣверно-русскій или славено-россійскій съ многими польскими словами; эти Римскія Дѣянія переведены въ XVII в. прямо съ польскаго или „славено-польскаго“; а изъ этого польскаго текста остались и въ житіи св. Алексѣя напр. слова: облюбеница, панъ, панья, цесарь, князя, папежъ, костель, пелgrimъ, година, мары, възрокъ (wzrok), опутанный (opętanу), коштовный и др.

встрѣчается очень немного, напр. обжарство, члонокъ, плотно, взрокъ, звытяжество, скарбъ, покармъ, панъ (и господинъ), писарь (и диакъ), жельнеръ (и воинъ), и др.; гораздо больше мѣста Скорина отвелъ въ своемъ русскомъ языкѣ чешскимъ словамъ; онъ употреблялъ ихъ совсѣмъ неорганически противъ духа словѣнско-русского и русскаго языка, и придерживался вообще самаго текста чешской библии ¹⁾).

Со второй половины XVI в. разговорный и письменный западно-русскій языкъ представлялъ часто какую-то смѣсь русско-польскую; она въ русскихъ письменныхъ памятникахъ обуславливалась не польскимъ подлинникомъ, переводимымъ на русскій языкъ, а просто характеромъ самаго западно-русскаго языка. Такъ напр. западно-европейскіе романы о Тристанѣ и Бовѣ переведены на западно-русскій языкъ не съ польскаго, а съ сербскаго (повесть о витезяхъ с книгъ сѣрбскихъ); а между тѣмъ русскій языкъ этого перевода изобилуетъ множествомъ полонизмовъ, которые употребляются уже какъ элементъ, присущій тогдашнему западно-русскому языку. Въ переводѣ встрѣчается множество польскихъ словъ, которыя пользовались тогда въ западно-русскомъ языкѣ уже правомъ гражданства даже въ чистой своей польской формѣ, не передѣланной даже на русскій ладъ; напр. кроль, злото, млоденецъ (рядомъ съ обыкновеннымъ русскимъ полногласіемъ), паницъ, пани, кгвалтъ, пелкгримъ, працовати, здраца, эстѣмъ (jestem), эстѣсь, ижемъ ся доведала, ѿ послѣ ж, ш, ч (межы, взявши, говоречы) и пр. Если же русскій переводъ сдѣланъ съ польскаго подлинника, какъ напр. романъ объ Атилѣ, то русскій текстъ кажется почти простою транскрипціею польскаго со множествомъ неорганическихъ словъ и формъ въ родѣ—кроль, вонтпливый, втаргнене, неогарнены, зацнѣ трыумпы, опатрный, крвавое, срокгое, естесьмы, поведаломъ (powiedziałem) и пр.; нѣкоторыя слова и формы переведены неправильно или даже совсѣмъ не переведены, такъ какъ переводчикъ ихъ не понималъ;

---

¹⁾ Обширно въ монографіи П. Владимірова о Фр. Скоринѣ (СП. 1888, см. замѣтки М. Мурка въ Archiv für slavische Philologie XII. 243); срв. „Славяне“ II. 595.

такъ напр. онъ смѣшивалъ польскія ktore — которые, которое, krowawej — кривое (о битвѣ, вмѣсто кривой), перевелъ wigowu — кривобранный (т. е. тоже польское krzywy), rosha — почестность, пыха, и пр. ¹⁾).

Вліяніе польскаго языка проникало все болѣе и въ „русскіе“ переводы библіи, которые дѣлались для простаго народа западно-русскаго ²⁾). Взглядъ на такой „русскій“ языкъ былъ довольно своеобразенъ; переводчики допускали въ этотъ русскій языкъ не только церковный языкъ словѣнскій въ русскомъ и болгарско-волошскомъ изводахъ, а также языки чешскій и польскій. Фр. Скорина изъ Полоцка обращалъ свое вниманіе не только на церковный языкъ словѣнско-русскій, а тоже на языкъ чешскій и, печатавая свои библейскія книги въ чешской Прагѣ, руководился текстомъ чешской библіи; на польскій языкъ онъ обращалъ мало вниманія, да и тѣ немногія слова польскія, встрѣчающіяся у Скорины, можно скорѣе считать уже принятымъ достояніемъ западно-русскаго языка начала XVI вѣка ³⁾). Незначительное польское

---

¹⁾ Эти романы издалъ (изъ познанской рукописи) А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888); рукопись и языкъ разсмотрѣлъ А. Брюкнеръ въ Archiv für slavische Philologie IX. 345. Въ романахъ о Тристанѣ и Бовѣ встрѣчается тоже нѣсколько сербскихъ словъ: витезь, юнакъ, войникъ, отокъ, племенита панна (=временно панна), градъ, кралица, белегъ и др. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ западно-русскаго и польскаго „Атилы“ (польск. изд. 1574 года въ Краковѣ):

A tak wedle przereczzonego rachunku ktore się do prawdy więcej stosuje, gdy Atylę kroleм obrano, w ten czas mu było siedm-dziesiąt let i dwie. Stąd się tedy znaczy, iż on w ten czas, gdy Węgrowie s tatarskiej ziemi wyszli, pięćdziesiąt lat miał i dwie. Co wszystko jeśli w jedną liczbę złożysz, pokaże się, że Atyla był żyw lat sto dwadzieścia i czterzy.

А такъ водле пререченого рахунку которое ся до прайды болжеи стосуетъ коли Атылю королемъ обрано, в тотъ часъ ему было семдесятъ лѣтъ и двѣ. Оттуль ся тѣды значить ижъ онъ в тотъ часъ коли Угрове с татарское земли вышли, пятьдесятъ мѣлъ лѣтъ и двѣ, што все если въ одну лицбу зложишь, покажется же Атыля былъ живъ лѣтъ стодвадцать и чотыры.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 595.

³⁾ См. выше, стр. .

вліяніе на языкъ книгъ Скорины тѣмъ болѣе понятно, что тогда не было еще польскаго перевода библіи, а рукописныхъ переводовъ нѣсколькихъ библейскихъ книгъ Скорина знать не могъ. Иначе было во второй половинѣ XVI в., когда среди разцвѣтающей польской письменности библія заняла одно изъ первостепенныхъ мѣстъ и могла похвалиться нѣсколькими переводами со стороны католиковъ и протестантовъ. Прииѣръ Скорины подѣйствовалъ на двухъ южныхъ Русскихъ, Григорія архимандрита волинскаго монастыря Пересопницы и Михаила Васильевича, сына протопопа изъ Санока; они въ 1556 — 1561 гг. перевели евангеліе „изъ языка блѣгарскаго на мову рускую для лепшого вырозумленя люду христіанскаго посполитого“, но совершили свой трудъ довольно оригинально. Переводили они дѣйствительно съ „болгарскаго“ т. е. съ книги извода болгарско-волошскаго (съ сиѣшанными ерами и юсами), который былъ въ употребленіи тоже на Руси карпатской (краковскія книги Швайполта извода болгарско-волошскаго)¹⁾, но и оставили въ своемъ переводѣ правописаніе болгарско-волошское, которое, конечно, не годилось для южно-русскаго языка; отъ „болгарскаго“ осталось тоже немного словъ церковно-словѣнскихъ (учрѣждение, рождество, глава, дѣщеря, наплѣнити, прѣвѣе, съврѣшена и пр.); къ русскому тексту прииѣшаны тоже слова и фразы изъ чешскаго и польскаго евангелій, часто въ скобкахъ какъ-бы синонимы русскихъ словъ; въ самомъ же русскомъ текстѣ встрѣчается много словъ польскихъ, вошедшихъ уже въ русскій языкъ; такъ напр. домъ радецкии або ратушь, влодарь (но тоже по-чешски владарь), моць, немоцна, стропа, млоденець, покаръмь, працювати, смакъ, шафовати, зражени, маетность и др., или какъ синонимы: учрѣжденіе великое (учта або калацѣмъ — калацымъ, пирь, честь), подобеньство то есть притьча, господа або подворя, два пѣнезѣ або два галерѣ, два бѣлыи, десять мнась (!) або копь або гривень або злотыхъ або грошіи, имѣи мене отреченымъ або вымовъ мене, приставникъ або шафарь, гнои (вроды або болячки), свѣтникъ або пань радныи, и пр. Кромѣ такихъ польскихъ

---

¹⁾ См. „Славяне“ II. 572.

словъ или объясненій переводчики прибавляли тоже—изъ чешской библіи — чешскія слова, которыя имъ часто больше нравились, чѣмъ польскія, слѣдовали иногда тексту чешскому, иногда тексту польскому (по Новому Завѣту 1556 г.); напр. помаваше имъ (навѣщки давалъ)—*navěštie jim dávat*—*mógł mówić do nich*; раслаблень (дною зламаны)—*dnú zlámaný*—*paraliżem zarażony*; абы его оскаржили (обжаловали)—*aby jej obżałovali* — *aby go oskarżyli*; розмечу житницу мою (клуню або стодолу).— *zbořím stodoły své* — *pokažę stodoły moje*; з браку (веселя або свадьбы)—*s svatby* — *z wesela*; и глѣдали его межи прироженными и межи знаемыми (чеш.: *i hledali ho mezi příbuznými a známými*, пол. *i szukali go między przyrodzonymi i znajomymi*); вышла о немъ повѣсть по всей украинѣ (чеш. *vyšla jest o něm pověst'* по *všie krajíně*, поль. *a sława wyszła po wszytkiej krainie o niem*); мѣру добру и польну и натопытану и потрясеную и зверхомъ опловитымъ—*mieru dobrú a plnú a natiačenú a vrchovatú* — *miarę dobrą i natłoczoną i potrząsioną i opływającą*; абы теребилъ васъ яко пшеницу—*aby třiebił vás jako pšenici*—*aby was przesiał jako pszenicę* и пр. ¹⁾).

Нѣсколько лѣтъ спустя землякъ и современникъ переводчиковъ пересопницкаго евангелія, Лука изъ Тернополя, попытался сдѣлать Ветхій Завѣтъ болѣе понятнымъ „посполитому люду рускаго языка“ и перевелъ Ветхій Завѣтъ въ 1569 г. „по-руски“ ²⁾. Но русскій языкъ тернопольскаго ветхаго завѣта—менѣе народный, чѣмъ языкъ пересопницкаго евангелія. Лука, употребивъ тоже правописаніе болгарско-волошское, оставилъ церковно-словѣнскій текстъ болѣе нетронутымъ въ формахъ и въ словахъ; онъ пользовался библейскими книгами Скорины, но не списывалъ ихъ, зналъ чешскую библію или ея части (по чески *зеалтарь*, по чески *присловѣ*, по чешскому *языку учительныя*), но самъ чешскій языкъ не повліялъ на языкъ Луки, какъ это было въ языкѣ Скорины; о польской библіи — которая въ то время су-

¹⁾ П. Житецкій: Описаніе пересопницкой рукописи (Кіевъ 1876); вполнѣ издано здѣсь только евангеліе отъ Луки.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 573.

ществовала въ переводѣ католическомъ (краковская 1561) и протестантскомъ (берестьевская 1563) — Лука не упоминаетъ; онъ могъ пользоваться библіею 1561 г., но вполне самостоятельно; о польскомъ вліяніи въ языкъ Луки трудно говорить, а нѣкоторыя польскія слова, встрѣчающіяся въ языкъ Луки, вошли тогда уже въ составъ западно-русскаго языка, напр. офѣровати, рѣчь—гез, малженка, змордовати, и др. ¹⁾).

Стремленіе переводить библію или ея части на простой языкъ югозападной Руси продолжалось въ XVI и XVII вв., не безъ сопротивленія со стороны приверженцевъ и защитниковъ словѣнскихъ книгъ церковныхъ. Книжный русскій языкъ югозападной Руси—безъ болгарскихъ, церковно-словѣнскихъ, чешскихъ примѣсей, но съ свойственной ему примѣсью польскою—водворился тоже въ церковной письменности, и на простой русскій языкъ переводились псалтири, евангелія, постилы и др.; нѣкоторые Русскіе считали такія книги даже „польскими“, переведенными съ русскаго на польскій ²⁾). Такіе переводы на простой „подлый“ русскій языкъ стали необходимы, такъ какъ церковный языкъ словѣнскій, „зацнѣйшій, пенкнѣйшій, звязнѣйшій, суптелнѣйшій, достаточнѣйшій“ дѣлался для югозападной Руси все менѣе удобопонятнымъ ³⁾).

Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ „русскаго“ языка изъ западно-русскихъ библейскихъ книгъ XVI — XVII вѣковъ, вмѣстѣ съ текстами чешскимъ, польскимъ и церковно-словѣнскимъ:

Библія Скорины:

(изъ книги Судей, 6).

Тогда иде Гедѣонъ и увари козля, и напече хлебовъ пресныхъ съ муки, и вложи мясо въ кошъ и юху влилъ в гор-

Библія Луки:

Тогда Гедѣонъ вшедши и уварилъ козелца, и опрѣсниковъ напекъ отъ мала мѣки, и мяса накладе в котелець, и по-

¹⁾ Библія Скорины списывалась въ XVI в. и въ южной, карпатской Руси—правописаніемъ русскимъ и болгарскимъ, о чемъ см. Владимірова о Фр. Скоринѣ, 218.

²⁾ Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцева, № 335.

³⁾ Срв. „Славяне“ II. 600.

нецъ, и принесе все то подъ дубъ и пода ему. И рече къ нему ангелъ божии: Возми мясо и хлебы и наклади на оную скалу, и юху на верхъ выли.. И ангелъ божии зъмизалъ отъ очию его.

ливку зъ мяса вѣлиалъ в горнецъ, и принеслъ то въсе подъ дуба и офѣроваль ему. И рекль ему аггелъ божіи: Възми мяса и хлѣбы, и положи на тои скалѣ, и поливку на врѣхъ вылѣи.. Тогда аггелъ божіи зникнѣлъ отъ очіи его ¹⁾).

Чешская библія 1506 г. ²⁾: Tehdy šed Gedeon uvařil kozelce, a chlebuov přesných napekl z věrtele, a masa nakladl v koš, a polévku z masa vliv do hrnce přinesl všecko pod dub, i obětoval mu. Jemužto die anjel boží: Vezi maso a chleby a nakład' na onuno skálu, a polévku svrchu vlij... Tehdy anjel boží zmizel od očí jeho.

Польская библія 1561 г.: Szedszy Gedeon uwarzył kozłatko, i z korca mąki chleba przasnego napiekł, i włożywszy mięso w kosz, polewkę mięsną wylał w garniec, i przyniósł to wszystko pod dąb, i ofiarował mu. I rzekł do niego anioł pański: Weźm to mięso i te przasne chleby, i położ na onej skale, a zwierzchu polej polewką... A anioł pański zniknął z osu (!) jego.

Словѣнская библія острожская 1581 г.: Гедеонъ же въниде и сътвори козлище отъ козъ, и четверть ефи муки опрѣсноковъ, и вложи смясомъ въ крошницу, и юху вѣлія въ горнецъ, і изнесе кнему подъ дубъ, о постави. И рече кнему аггелъ господень: Възми мяса и хлѣбы прѣсныя, и положи у камене оно-

---

¹⁾ Съ началомъ I псалма у Луки (см. „Славяне“ II. 573) срв. тоже по западно-русскому переводу псалтири (у Востокова Опис. рукописей Румянцева № 335): Благословенни мужъ, онже не отшолъ въ порадѣ неучетивыхъ, а ни сталъ на дарозе грешныхъ, а ни (!) столцу губителскомъ неседель, але възаконе Господни воля его есть, втомъ же законе будетъ ся вѣчилъ день и ночь и будетъ яко дерево саженое ведѣле водъ текущихъ.

²⁾ Тексты чешскій и польскій приводимъ новымъ правописаниемъ.

го, и юху близъ проліи... Ангелъ же господень отиде отъ очю его.

Пересопницкое евангеліе: *Евангеліе учительное 1616 г.¹⁾:*
(отъ Луки, гл. 5).

А онъ стоямъ подлеи езера Генисаретского, и узрѣвъ двѣ лодѣ, которыи тамъ близько езера стоали а рыболове отишодши отъ нихъ выполоковали мрѣжу. И уступилъ на едину зѣнихъ, котораа то была Симонова. И просилъ его, абы мало отступилъ отъ землѣ и сѣдячи научалъ съ корабля народы. А коли пересталъ научати ихъ, рекъ къ Симонови: Поступи на глубину и заврѣсте мрѣжу нашу на уловленя рыбѣ. А Симонъ отповѣдаючи рекъ ему: Учителю, презъ вѣсю ночь трудилися есмо ся а ничего не поимали, але на слово твое запусу сѣтъ. А коли тое учинили, множество великое рыбѣ загорѣнули, ажъ и мрѣжа ся ихъ порывала.

Стоялъ Ісусъ при озерѣ Генисаретскомъ, и обачилъ двѣ лоди, стоячіи при озерѣ, бо рыболове вышедши зъ нихъ полоскали сѣти. А вступивши до одной лоди, которая была Симонова, просилъ его, абы отвезлъ мало отъ землѣ, и сѣдши, училъ зъ лоди людѣй. А кгда пересталъ мовити, рекъ до Симона: Поступи на глубину а закинте сѣти вашѣ до ловенья. И отповѣдаючи Симонъ рекъ ему: Учителю, цалую ночь, працювавши нѣчогосмо не уловили, але на слово твое запусу сѣтъ. А кгда то учинили, заняли множество рыбѣ великое, ажъ сѣтъ ихъ падалася.

Чешская библия 1506 г.: A on stál podle jezera Genezaretského. I uzřel dvě lodie, any stojie podle jezera, a rybáři byli sstúpili a vypierali sieti. Tehda vstúpiv na jednu lodí, kteráž byla Simonova. Prosiť ho, aby od země odvezl maličko. A sedě učil jest z lodie zástupy. A když přestal mluvití, řekl k Šimonovi: Vez na hlubinu, a rozestřete sieti své k lovení ryb. A odpověděv Šimon řekl jemu: Příkazateli, přes celú noc pracující nic jsme nepopadli, ale k slovu tvému rozestru sieti. A když to učinili, zahrnuli množství ryb veliké, tak že trhala se sieť jich.

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 599.

Польская библия 1561 г.: A on stał przy jeziorze Genesaret. I ujźrzał dwie łodce, które stały przy brzegu, a rybitwi byli z nich wysiedli, i płokali sieci swoje. A wstąpiwszy w jedną łodkę, która była Symonowa, prosił go, aby go maluczko odwiózł od ziemi. I siedząc w łodce, nauczał tłuszcze. A gdy przestał mówić rzekł do Symona: Wiedź na głębią, a rozrzućcie sieci wasze, na obłów. I odpowiadając Symon rzekł mu: Nauczycielu, całuchną noc pracując, niceśmy nie ułowili, ale na twe słowo jeszcze zarzucimy sieć. A gdy to uczynili, zawarli ryb wielką wielkość, tak iż się sieć rwała.

Острожская библия 1581 г.: И тои бѣ стоя при езерѣ Генесаретстѣ, и видѣ два корабля стоаща при езерѣ, рыбаѣ же отшедѣше отъ нею плакаху мръжя. Влѣзже въ единѣ отъ кораблю, иже бѣ Симоновѣ, моли его отъ земля отступити мало, и сѣдѣ учаше искорабля народы. Икоже преста глаголя, рече к Симону: Поступи въ глубину, и вѣврѣзѣте мрежа ваша вловитву. И отвѣщавѣ Симонѣ рече ему: Наставниче, обнощѣ всю труждѣшеся ничесоже ѡхомѣ, по глаголуже твоему вѣвергу мрежу. И се сѣтворше яша множество рыбѣ много, протрѣзашежеся мрежа ихѣ.

О характерѣ западно-русского языка, книжного и народного, можно себѣ составить хорошее понятіе по словарямъ церковного словѣнскаго языка (русского извода) XVI — XVII вв. Лаврентія Зизанія (Лексисѣ сирѣчь реченія, вѣкратѣцѣ събранны и изѣ словенскаго языка на простый рускій діалектѣ истолкованы, въ Вильнѣ 1596) и Памвы Берынды (Лексиконѣ славено-росскій, въ Кіевѣ 1627, второе изд. въ Кутеинскомѣ монастырѣ 1655), и по рукописному словарю русского языка, составленному во второй половинѣ XVII в. въ Кіевѣ по словарю Берынды ¹⁾. Въ числѣ словъ простого русского языка встрѣчается множество польскихъ словъ, принятыхъ въ русскій языкъ вопреки законамъ русской фонетики;

---

¹⁾ Словари Зизанія и Берынды издалъ вновь (съ ошибками) Сахаровъ: Сказанія русского народа (СП. 1849, II); рукописный словарь русского языка издалъ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889, приложение).

такъ напр. рядомъ съ обыкновенными русскими полногласными словами: волоцюга, молодой, оборона, порожне, король—употреблялись слова польскія: влочня, млоденець, хлопъ — хлопецъ, кроль, прожно, бронь; рядомъ съ обыкновенными: взгордитель, полный, толстый—барзо, взгарда, зупелне, тлустый; слова: кровь, бровь и—кръвавый, крви, брви, трвога, крумбръный (krnąbrny); слова: помочь, честь и—моць, цнота, зацный, учта; къ русскимъ словамъ съ *z* (*h*) приняты тоже нѣкоторыя польскія съ *ж* (*g*): варкги, вилготность, згелкъ, кгородъ; такъ и польскія слова съ носовымъ звукомъ: нендзный, охендожный, вонтплю, до щенту, дзвенкъ, менжный, ксіонже (но: князь, мужъ, звукъ); слова: малженство, звитязство (польское *zwusięstwo* передѣлано на рускій ладъ), квѣтъ, праца, довцѣпъ, родзай, рядца (*rzadca*, рядъ—*rzad*), ольбрымъ-олбримъ ¹⁾, было, опатрный, ростеркъ, albo, кгда, поневажъ, ведлугъ, презъ, завше и пр., много словъ польскихъ, заимствованныхъ изъ латинскаго, нѣмецкаго и др., напр. вѣршъ, вѣншую, гамую, гоноръ, гуфъ, кгвалтъ, дахъ, деспектъ, друкарня, дяковати, жакгель, жартъ, келихъ, клейноть, коляція, контентъ, ланцухъ, мордерца, офѣра, пелкгримъ, прииушенъе, рада, сакраментъ, смарую, фрасунокъ, пошанованъе и пр. ²⁾).

Кромѣ этого усвоенія множества словъ польскихъ, книжники западно-русскіе поддались тоже польскому вліянію въ формахъ,

---

¹⁾ Берында знаетъ тоже русское слово *велеть* (исполинь=гигантъ, велеть, ольбрымъ); Скорина пишетъ *волотъ*.

²⁾ Берында иногда помѣщаетъ въ словарь и другія славянскія слова, напр.: *тѣтель*, чески когутъ, волынски пѣвень, литовски пѣтухъ. Берында въ посвященіи „зацне урожовымъ и православнымъ паномъ Балабаномъ“ говоритъ между прочимъ: „Широкій и великославный языкъ славенскій, маючи оквитое залеченъе не только отъ писмъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ, съ еллинского нимъ претлумачоныхъ, але и съ божественныя литургіи и иныхъ таемницъ, которыи ся тымъ языкомъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправують, ижъ трудности тѣхъ словъ до выразумѣня темныхъ многіи въ собѣ маеть, за чимъ и самая церковь россійская многимъ власнымъ сыномъ своимъ въ огиду приходитъ“.

напр. на шѣстцу (вмѣсто:—цѣ, —ці), естемъ, далемъ, далесь и пр.; наконецъ синтаксисъ книжнаго западно-русскаго языка тѣсно примыкаетъ къ польскому, такъ что русскій текстъ кажется часто простымъ переложеніемъ польскаго. Такъ это было въ книжномъ языкѣ всей югозападной Руси, не смотря на нѣкоторыя особенности этого языка въ Руси западной (Бѣлой) и въ Руси южной (Малой), напр. формы бѣлорус. хочечи и малорус. хотячи ¹⁾. Это громадное вліяніе польщизны на западно-русскій языкъ измѣнило его до такой степени, что его считали просто нарѣчіемъ польскимъ ²⁾. Польское вліяніе въ книжномъ малорусскомъ языкѣ исчезаетъ въ немъ съ конца XVII и начала XVIII в., по мѣрѣ возвышенія великорусскаго племени. Москва и Петербургъ поднялись выше Кіева не только въ отношеніи политическомъ, а также въ отношеніи литературномъ и культурномъ. Это великорусское литературное и культурное движеніе становилось общерусскимъ, и въ немъ стали участвовать тоже многіе западные и южные Русскіе ³⁾.

Распространеніе польской культуры на всю югозападную Русь отъ карпатскихъ горъ далеко на сѣверъ и на востокъ за Двину и Днѣпръ, ополяченіе всѣхъ высшихъ сословій, всей интеллигенціи той Руси,—фактъ важный въ исторіи народа польскаго. Поляки, отраженные на западѣ Нѣмцами отъ Одры и балтійскаго моря, бросились на востокъ—на Русь, и скоро успѣли здѣсь водворить свое политическое и культурное господство. „Ляхами“ сдѣлалась русская шляхта, принявшая католицизмъ, который сталъ синонимомъ полонизма; къ такимъ Ляхамъ присоединилась тоже уніатская шляхта, такъ какъ унія была только преддверіемъ католицизма; но такими же „Ляхами“ въ отношеніи политическомъ и отчасти національномъ (*gente Rutheni natione Poloni*)

---

¹⁾ О книжномъ языкѣ малорусскомъ срв. часто упоминавшееся сочиненіе П. Житецкаго.

²⁾ Срв. выше, стр. 228, и мысли Крижанича („Славяне“ II. 330).

³⁾ Срв. А. Пычина, Исторія славянскихъ литературъ I. 349. срв. „Славяне“ II. 472 и слѣд.

дѣлалась тоже православная шляхта русская, примкнувшая къ политическому и соціальному строю польскому; она, благодаря воспитанію въ латинско-польскихъ школахъ, постояннымъ сношеніямъ съ польскою шляхтою, пребыванью при дворѣ и на сеймахъ, рѣшительному вліянію литературы латинской и польской — которыя просто подавляли незначительную русскую литературу — проникалась все болѣе польскимъ шляхетскимъ духомъ, стала все болѣе дорожить привилегированнымъ положеніемъ шляхетскаго сословія относительно презрѣнныхъ мѣщанъ и хлоповъ, принимать польскіе обычаи, одежду и пр. Вся эта шляхта русскаго происхожденія заговорила на польскомъ языкѣ, оставляя свой родной русскій языкъ только для хлоповъ; да и этотъ русскій языкъ, вслѣдствіе господства и многосторонняго вліянія польщины, скоро сдѣлался какимъ-то безформеннымъ организмомъ, къ которому все болѣе прививались неорганически польскія слова, польскій слогъ, польско-латинскіе макаронизмы, такъ что такой русскій языкъ представлялъ скорѣе какую-то помѣсь русско-польскую, мало отличавшуюся отъ польскаго языка. Такія же перемены происходили и въ русскомъ униатскомъ духовенствѣ, именно въ высшемъ, и въ мѣщанствѣ; всѣ эти русскіе униаты: епископы, протоіереи, архимандриты, мѣщане, старались подражать польскому духовенству и мѣщанству, стали принимать польскіе нравы, говорить и писать по-польски, забывая свой родной языкъ, или впадѣя имъ недостаточно, испещряя его полонизмами и макаронизмами. Даже православное духовенство и мѣщанство, крѣпко держась своей „русской вѣры“, поддавалось, подобно православной шляхтѣ, польскому духу, образованію, языку. Если бы удалось Польшѣ вполне уничтожить въ принадлежавшей ей Руси православіе, повсюду ввести унию, какъ временное учрежденіе, имѣющее въ виду полное торжество латинскаго польскаго католицизма, если бы польская и ополяченная шляхта и польское духовенство признавали бѣольшую общность интересовъ своихъ и интересовъ русскихъ хлоповъ, православныхъ и униатскихъ, если бы не сохранился въ Польшѣ соціальный дуализмъ даже въ области религіи — „вѣры панской, польской“ и „вѣры хлопской, русской“: то несомнѣнно вся югозападная Русь, а не только шляхта, ополячилась бы, всѣ

русскія земли по Днѣстру, Днѣпру и Двинѣ заселились бы новыжи Ляхами, и Русь Червоная, Малая и Бѣлая сдѣлались бы такою же Польшею и въ отношеніи національномъ, кокою были Польша Малая и Великая, Поморье и Мазовія.

Но вышло иначе: проектъ объ уничтоженіи Руси въ Польшѣ 1717 г. не осуществился, русскіе униатскіе хлопы остались Русью, а православные русскіе хлопы съ своими „схизматическими попами“ тоже не вывелись въ Польшѣ. Русскій вопросъ въ Польшѣ остался не рѣшеннымъ. А между тѣмъ въ сосѣдствѣ Руси Малой и Бѣлой усиливалась Русь Великая, взялась за собираніе русскихъ земель, стала вытѣснять Польшу изъ Руси Малой и Бѣлой, и такимъ образомъ возстановлять русскій характеръ той югозападной Руси по Днѣпру и Двинѣ, ломать всѣ искусственныя преграды, воздвигнутыя Поляками съ цѣлью разлучить, разъединить, сдѣлать другъ другу чуждыми и посорить Русь югозападную и сѣверовосточную.

Ополяченъе высшихъ сословій и интеллигенціи югозападной Руси состоялось вслѣдствіе силы польской государственности и западно-европейской культуры въ латинско-польскомъ ея видѣ ¹⁾.

---

¹⁾ Говоря о торжествѣ культуры западно-европейской надъ восточно-европейской, мы разумѣется, не намѣрены восхищаться первою и осуждать вторую. Значеніе „культуры“ вообще условно; такъ и западно-европейскую культуру и христіанство съ его высокогуманнымъ характеромъ безграничной любви къ ближнимъ „украшали“ до недавна фанатическіе походы противъ всякой свободы научныхъ изслѣдованій при полнѣйшемъ ничтожествѣ псевдо-ученаго пустословія (срв. Коперникъ и Галилей, гг. профессора Саламанки и Колумбъ), постыдное рабство, мученія и пытки во имя „права“ глубокомысленно толкуемаго властью свѣтскою и церковною (инквизиціею), дикіе крики и драки, войны и рѣзни „правовѣрныхъ“, „кривовѣрныхъ“, „невѣрныхъ“ (срв. варшавскую ночь, повсемѣстное избіеніе Жидовъ), пылающіе на кострахъ „чародѣи“, „вѣдьмы“, „еретики“, „невѣрные“ и другіе „сыны и дочери дьявола“ въ западной и средней Европѣ (напр. Гусъ и Іеронимъ Пражскій, Іоанна Д'Аркъ, Савонарола и Джордано Бруно, Серветъ) и въ Польшѣ (напр. гуситскіе священники, Екатерина Мальхеръ, Лыщинскій)

Руководящіе кружки югозападной Руси, не обладая достаточными средствами для борьбы съ тою и другою силою Польши, долго не имѣя надежной опоры въ Великой Руси, поддались наконецъ польскому вліянію до такой степени, что сами обезличивались и дѣлались Ляхами. Это было несомнѣнно въ пользу народности польской; а съ другой стороны отъ такого распространенія латинско-польской культуры народность русская не выиграла, а проиграла. Эта культура отзывалась зловредно на русской народности, ослабляя и разлагая ее, лишая ее коренныхъ началъ, отнимая у нея высшія сословія, интеллигенцію, отчуждая ихъ отъ народныхъ массъ.

Итакъ, западно - европейская культура, прививаемая покоренной Ляхами Руси посредствомъ господствующей въ ней польской государственности и образованности, приносила польской народности пользу, а русской—вредъ. Польская государственность, латинско-польская культура, католицизмъ, унія—все это были только средства для главной цѣли, т. е. асимилациі, полонизациі югозападной Руси, цѣли вполне понятной у польскаго народа, который за всѣ свои потери на ѳѣмечивающемся западѣ, искалъ и нашелъ вознагражденіе на востокѣ, въ русскихъ земляхъ. Западно-европейская культура сама по себѣ, конечно, и Руси не опасна и не вредна, а напротивъ полезна, но только въ такомъ случаѣ, когда она прививалась самостоятельной Руси и подчинялась господствующей русской народности и государственности, когда чужіе, не русскіе проводники той культуры вынуждены были служить всецѣло не интересамъ своей народности, а интересамъ народности русской, ея исимилироваться, способствовать ея развитію и укрѣпленію. Такъ это было въ Великой Руси при Петрѣ Великомъ, такъ это было и въ присоединенныхъ къ русской имперіи частяхъ Руси Бѣлой и Малой.

и пр. И всѣ эти мерзости и звѣрства прославлялись еще какъ богоугодные подвиги вѣры—*auto da fé, actus fidei!* Всѣ эти „украшенія“ западно-европейской цивилизациі—чѣмъ же отличаются отъ по-

Отрывокъ изъ главы о церковной уніи *).

Унія сдѣлалась настоящею хлопскою вѣрою русскою; почти вся шляхта давно ее замѣнила латинскимъ католицизмомъ, подобно тому какъ она давно замѣнила свою русскую народность польскою, обратилась въ Ляховъ. Но эта хлопская „русская“ унія—униженная, преклоняющаяся передъ пышнымъ зданіемъ шляхетскаго польскаго католицизма, все-таки беспокоила нѣкоторыхъ Поляковъ; унія, не смотря на свое униженное положеніе, была вѣрою „русскою“, а интересы Польши требовали, чтобъ эта уніатская Русь исчезла, подчинившись вполне Ляхамъ и латинско-польскому обряду. Въ началѣ XVIII в. одинъ неизвѣстный Полякъ думалъ объ уничтоженіи даже этой уніи и о замѣнѣ ея чистымъ латинскимъ обрядомъ, и этотъ свой проектъ „*na zni-
szenie Rusi zjednoczonéj*“ представилъ даже сейму 1717 г., хотя безъ успѣха. Чтобъ уничтожить унію—разсуждаетъ авторъ этого проекта — оставшаяся русская шляхта, уніатская и тѣмъ болѣе схизматическая, не должна быть допускаема до „урядовъ“; Поляки должны сторониться Русскихъ и всевозможно унижать и поносить русскую унію и уніатовъ, матеріально и умственно ихъ разорять, довести русское мѣщанство и духовенство до крайней нищеты и униженія, не допускать въ городахъ употребленія офиціального русскаго языка и требовать употребленія польскаго, запрещать хлопамъ учиться и пр.; если же простой народъ въ Украинѣ, Волынѣ и Подольѣ возстанетъ, то, въ случаѣ если польскія войска не были бы въ состояніи подавить такое возстаніе,

---

добныхъ явленій на востокъ, костры Гуса и Савонаролы отъ костровъ митрополита Герасима, М. Башкина и пр.? Мѣткія слова поэта: *Das schrecklichste der Schrecken ist der Mensch in seinem Wahn*—относятся одинаково къ людямъ и народамъ „культурнымъ“ и „некультурнымъ“.

---

*) Это—все что авторъ успѣлъ написать (вѣроятно конецъ?) изъ заключительной главы о церковной уніи. Сюда же вошло бы—надо думать — и обзорѣніе польско-русскихъ политическихъ сношеній въ XVII и XVIII вв. Ред.

этихъ Русскихъ выдать Татарамъ, а русскія земли заселить народомъ польскимъ и мазовскимъ. Россія (Москва) не будетъ-де мѣшать, такъ какъ и она ненавидитъ уніатовъ, да и кромѣ того можно ее надуть. Такимъ образомъ уничтожится унія и всѣ русскіе уніаты сдѣлаются римскими католиками, и Польша окажется заселенною однороднымъ населеніемъ, приобрѣтетъ силу и могущество, а Москва будетъ ослаблена и не будетъ угрожать Польшѣ: „Tymi i tym podobnymi stopniami z Ruśnakami postępując, ten niewątpliwy w czasie odbierzemy pożytek, że lud królestwa polskiego w zobopólnej miłości, zgodzie i jedności zostawać będzie, że Polska szacowniejsza, mocniejsza i postronnym straszniejsza stanie się, że religia rzymska katolicka, więcej jak mil 160 wszерz i wzdłuż zakwitnie, słowem, że wszyscy mocni i ocaleni zostaniemy. Jako Ruś w swoim zostawiona obrządku, lub za oderwaniem się od moskiewskiej schizmy lub za powróceniem do tejże, zdała by się grozić upadkiem Polscze, tak gdy ją przemienimy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieję Moskałom jéj odzyskania, potym, ściśle z nami złączoną, uczynimy Moskwie nieprzyjazną“... Москву можно надуть, показывая ей пріязнь... „Moskwa, będąc nam przyjazną, przyjacielskich naszych kroków, do jakiego zamierzają celu, uważać nie będzie, i rzeczy bez przeszkody swoim pójdą porządkiem, im z większym naszym zmocnieniem, tym znaczniejszym Moskwę i całej Rusi osłabieniem“.

„Проектъ уничтоженія уніатской Руси“ всплылъ на поверхность публичной жизни еще одинъ разъ, именно уже во время распадения польской Рѣчи посполитой. Въ 1786 г. шляхта южнорусскихъ земель, сама происхожденія русскаго, но давно уже католическая и польская, рекомендовала сейму опять уничтоженіе уніатскаго обряда своихъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ прямо въ римскихъ католиковъ; всѣ эти русскіе хлопы, подданные и служащіе своимъ католическимъ польскимъ панамъ, должны съ ними же соединиться и въ обрядахъ, календарѣ и пр. и освободиться отъ своихъ неучоныхъ и простыхъ поповъ, и такимъ образомъ должно водвориться согласіе въ единствѣ. Но этотъ курьезный „Głos obywatelów województw i po-

wiatów ruskich do zgromadzonych obywatelów na sejmiki przedsejmowe i do stanów na sejm zebranych w r. 1786“ вызвалъ протестъ въ средѣ униженнаго русскаго униатскаго духовенства. Самъ униатскій митрополитъ Смогоровскій, разбирая этотъ „голосъ“ ополченной южнорусской шляхты, замѣчаетъ между прочимъ, что простой людъ русскій, хотя и подданный пановъ, участвовалъ въ рѣзнѣ украинской и еле подавленъ могущественною силою Россіи; а что касается мнѣнія авторовъ этого „голоса“, будто можно принудить народъ къ перемѣнѣ обряда. или что онъ не примкнетъ къ не-уніи, то на это очень мало надежды. Изъ среды униатской Руси раздавались, по поводу этого „голоса“, разные возгласы, въ которыхъ выражался старинный антагонизмъ Руси и Ляховъ съ большею и меньшею силою. Пусть униатскіе іерархи — говоритъ одинъ униатъ — обратятъ вниманіе на такіе планы шляхты, жаждущей ихъ имуществъ и мести надъ Русью; уже не-униты обратились въ своихъ нуждахъ къ Россіи,—что-же мѣшаетъ и униатамъ искать покровительства у Императрицы Русской, которую Польша признала Императрицею всей Россіи и тѣмъ самымъ и покровительницею всей Руси? — jeśli się udacie do wysokiej protekcyi Najjaśniejszej Monarchini, niezwyciężonej Cesarzowej Rosyjskiej, pełnej łaskawości na wszystkich, którą wszakże Najjaśniejsza Rzecz Pospolita uznała całej Rosyi Imperatorową a tym samym wszystkiej Rusi protektorką“. Другой русскій униатъ въ отвѣтъ на тотъ „голосъ“ разбираетъ его довольно подробно и ѣдко, называя его подкидышемъ темнаго суевѣрія, не знающаго истинной основы ни религіи, ни политики благоустроеннаго государства. Въ древней Польшѣ — разсуждаетъ авторъ отвѣта — греческо-русская религія не терпѣла никакихъ преслѣдованій, униженія и насмѣшекъ, и ради нея не было въ отечествѣ никакихъ ссоръ и смутъ. Унія въ концѣ XVI в. не принята всею Русью, а началась травля и вражда между Русью униатскою и неуниатскою; римское духовенство и его приверженцы охотно участвовали въ этой ссорѣ и травлѣ, радуясь тому, что удалось обратить Русскаго противъ Русскаго и что такимъ образомъ они сами другъ друга загубятъ—ruśc Rusina na Rusina, a tak sami się

wygubią. Русская шляхта приняла изъ-за политическихъ выгодъ римскій обрядъ, названіе „Русскій“ сдѣлалось чуть не синонимомъ „хлопа“, а унія презрѣнною „хлопскою вѣрою“ — *po dziś dzień w szkołach nawet, urągają się z Rusinów, ruska wiara — chłopska wiara, Ruthenus et Rusticus idem sonat* ¹⁾. Уничтоженіе уніатской Руси и обращеніе ея въ римскихъ католиковъ предлагалъ уже въ началѣ XVIII в. неизвѣстный авторъ „проекта“ 1717 года. Но это униженіе русской уніи не принесло Польшѣ никакой пользы, а преслѣдованіе русской религіи, которая вопреки конституціямъ называется схизмою, дало поводъ къ кровавымъ козацкимъ возстаніямъ. Напрасно авторы „голоса“ ожидаютъ отъ уничтоженія уніи и побѣды римскаго католицизма на Руси „согласія въ единствѣ“, и жаль, что они не прибавили, чтобъ хлопы украинскіе учились-де говорить по-мазовски; ибо такимъ образомъ было бы согласіе въ предлагаемомъ ими единствѣ большее. Поселяне русскаго уніатскаго обряда едва-ли могутъ быть приневолены къ принятію римскаго обряда безъ возстанія, а тотъ „голосъ“ не шумъ вѣтра тихаго, а вѣтеръ большой и сильный, разваливающій горы и раздробляющій скалы. А что-же послѣ уничтоженія уніатовъ дѣлать съ не-уніатами и дисидентами, которые пользуются сильнымъ покровительствомъ сосѣднихъ державъ; и какъ же миліонамъ сельской Руси запретить, если не захотятъ принять латинскій обрядъ, вернуться къ не-уніи? ²⁾.

Авторы разныхъ этихъ проектовъ объ уничтоженіи уніатской Руси и объ ея обращеніи въ римско-католическихъ Ляховъ ошиблись въ одномъ только: Россія или, какъ они ее называютъ,

---

¹⁾ Срв. выше стр. 197 въ Подляшѣ (1501) „Rusin“=chłop!

²⁾ Разные эти акты помѣщены въ историческихъ запискахъ о событіяхъ на Волынѣ и Подольѣ 1798 г. Θεодосія Бродовича, уніат. священника лудкаго: *Widok przemocu na słabą niewinność wrogo wywartéj* (изд. во Львовѣ 1861—62, и въ московскихъ Читаніяхъ 1868—1869, съ русскимъ переводомъ). См. тоже *Supplementum ad histor. Russiae monumenta*, 221; Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края; срв. *Jekel Polens Staatsveränderungen* III. 132, S. Załęski: *Ojcowie jezuici we Lwowie*, p. 80.

„Москва“ вовсе не была такою, какъ они себѣ ее воображали, и очень трудно, да и невозможно было „надуть“ сильное государство русское, которое — благодаря цѣлому ряду мудрыхъ государей и ихъ совѣтниковъ—въ теченіе многихъ вѣковъ стремилось неуклонно къ одной завѣтной цѣли, къ осуществленію законнаго титула своего царя „всея Руси, Великой, Малой и Бѣлой“.

Одинъ изъ униатскихъ Русскихъ, Θεодосій Бродовичъ ¹⁾, наблюдая тогдашнее настроеніе Поляковъ въ отношеніи къ Руси вообще, уже наканунѣ паденія Польши, задаетъ себѣ вопросъ, откуда взялась такъ сказать врожденная ненависть въ средѣ одного славянскаго народа въ Польшѣ, именно между Поляками и униатскою Русью; да даже какъ только Русскій переходитъ къ римскому обряду, онъ сейчасъ начинаетъ смотрѣть на своего брата Русскаго-униата изъ-подлобья, его ненавидѣть и преслѣдовать. Шляхта русскихъ земель, покинувши русскій обрядъ, болѣе благопріятствуетъ протестантамъ и жидамъ, чѣмъ Русскимъ, соединеннымъ съ нею религіею, родиною и происхожденіемъ. Если во время подчиненія Руси царьградскому патріархату распространялась между Славянами взаимная вражда, то къ этому по крайней мѣрѣ существовалъ предлогъ, т. е. разница главы церкви; но послѣ отдѣленія Руси въ Польшѣ отъ главенства царьградскаго патріарха и соединенія ея съ Римомъ, такая вражда и ненависть просто непонятны; одна разница обряда или войны Поляковъ съ Русью ея не объясняютъ. Поляки не пожелали, рядомъ съ тремя областями—Великою Польшею, Малою Польшею и Литвою, учредить четвертую, Русь, и на всѣ требованія съ презрѣніемъ отказали—чтобъ Русскій зналъ, что онъ не достоинъ занять мѣсто въ гражданскомъ обществѣ равноправно съ другими—*żeby znał Rusin, iż w cywilnym społeczeństwie równie z innemi mieścić się nie godzien*. Вѣковая вражда и ненависть католической шляхты и духовенства (и іезуитовъ) къ Руси, даже униатской, не происходитъ отъ одного незнанія. Униатская Русь, ли-

---

¹⁾ См. выше, предыд. стр., прим.

шенная на всегда въ своей землѣ правъ и привилегій, напрасно ссылается на свою вѣрность, послушаніе, подданство, постоянство въ униі; никогда ей не повѣрятъ. Ея судьба всегда печальна: Полякъ будетъ преслѣдовать Русь въ томъ убѣжденіи, что она благопріятствуютъ Москвѣ, а Москвитянинъ сдѣлаетъ то же самое потому, что она — униатская. Причина такой ненависти стѣдующая: Русь, хотя и униатская, все-таки вѣтвь того дерева, въ которомъ усмотрѣли ядъ; она принадлежитъ восточной церкви, которая дерзнула когда-то состязаться и сравниваться съ церковью западною. Вотъ непростительный грѣхъ Руси!

IV.

ЧЕХИ И ПРАВОСЛАВНЫЕ СЛАВЯНЕ *).

Большую мысль возымѣли моравскіе Мойміровичи, когда они, стремясь къ полному освобожденію своего государства изъ-подъ нѣмецкаго вліянія, обратились въ Царьградъ и призывали оттуда апостоловъ вѣры Христовой вмѣсто жадныхъ нѣмецкихъ епископовъ и священниковъ. Прекрасно стало развиваться словѣнское богослуженіе въ Моравѣ, откуда оно распространялось и въ сосѣднія славянскія земли, въ Чехію, въ полабскую Сербію и къ южнымъ Ляхамъ; оно процвѣтало и въ Паноніи, проникало къ Славянамъ адріатическимъ, къ Хорватамъ, къ Сербамъ, и къ Словѣнамъ въ Болгаріи и въ подунайскихъ странахъ. Римскій патріархъ или папа, къ епархіи котораго принадлежали западнославянскія страны, относился сначала благосклонно къ словѣнскому богослуженію. Можно было надѣяться, что всѣхъ Славянъ соединитъ одно вѣроисповѣданіе, а также одинъ языкъ — надежда тщетная! Моравское государство погибло, Угры раздѣлили Славянъ, и западные Славяне вынуждены были примкнуть къ Нѣмцамъ и къ латинскому Риму; отъ словѣнскаго богослуженія уцѣлѣли тамъ только остатки, да и тѣ скоро исчезли вслѣд-

---

*) Эта глава, очевидно не конченная и не отдѣланная, написана авторомъ по всѣмъ признакамъ значительно ранѣе предыдущей (въ 1886 г.). Онъ соби-
рался ее обработать, принявъ во вниманіе новыя изслѣдованія по разбирае-
мымъ ею вопросамъ (напр. Пальмова—о сношеніяхъ Гуситовъ съ восточною цер-
ковью, Д. Цвѣтаева—о Рокитѣ etc.). Ред.

ствіе латинско-нѣмецкой вражды. Когда основана епископія въ Прагѣ (973 г.), то папа прямо потребовалъ, чтобъ епископія была латинская, а не по обрядамъ или сектѣ болгарскаго или русскаго народа или словѣнскаго языка. Латинское духовенство въ Чехіи, въ Моравѣ и Словенщинѣ стремилось къ истребленію словѣнскаго богослуженія, какъ оно это дѣлало и въ другихъ странахъ. Главное участіе въ разрушеніи труда апостоловъ Константина и Меѳодія среди западныхъ Славянъ приписывали на Руси еще въ XV в., несомнѣнно по болѣе древнимъ извѣстіямъ, второму пражскому епископу Войтѣху: этотъ латинскій епископъ разрушилъ-де правую вѣру въ Моравѣ, у Чеховъ и у Ляховъ, отвергъ русскую. (т. е. словѣнскую) грамоту, и поставилъ латинскую вѣру и грамоту, а правой вѣры епископовъ и поповъ перебилъ или разогналъ ¹⁾).

Но словѣнскій языкъ въ богослуженіи не исчезъ въ Чехіи тотчасъ послѣ побѣды латинскаго; еще сто лѣтъ спустя послѣ учрежденія пражской епископіи чешскій князь Вратиславъ и народъ любили словенское богослуженіе къ большому негодованію папы. Только съ исчезновеніемъ словѣнскаго монастыря Сазавскаго исчезло и словѣнское богослуженіе въ Чехіи, и Чехи привыкли потомъ смотрѣть на православныхъ христіанъ, Грековъ ли, или Славянъ, съ римско-латинской точки зрѣнія. Греки, Болгаре и Рашане (Сербы) были для Чеховъ „схизматики — роздвоенцы“ (какъ выражается король Премысль Отакаръ II), Русскіе „неутвержденные“ (какъ они называются въ чешской *Александревѣ*), и сравнивались чуть ли не съ Татарами, Бесерманами, Литовцами, босенскими Патаренами и пр.

---

¹⁾ См. приписку къ панонскому житію св. Константина по рукописи XV в. въ москов. Чтеніяхъ 1860-хъ гг., *Fontes rerum bohemicarum* I. 38). Войтѣху приписывалось на Руси то, что вообще случилось въ Моравіи послѣ смерти св. Меѳодія (*Fontes rer. bohém. I. 90*, срв. *Časopis Česk. Mus.* 1881, 286) и въ Чехіи въ XI в. въ Сазавскомъ монастырѣ, какъ это описываютъ Сазавскій монахъ и біографъ св. Прокоція (*Fontes rer. bohém. II. 250, I. 349*). Срв. *Будиловича*: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ Славянъ. Епископъ Войтѣхъ (Варшава 1880).

Ошибочно мнѣніе, будто въ Чехіи сохранились тайкомъ остатки словѣнскаго богослуженія до гуситскаго движенія, которое будто-бы выросло на основаніи тѣхъ словѣнскихъ преданій. Это мнѣніе не основывается ни на какихъ достовѣрныхъ современныхъ извѣстіяхъ, и пущено въ обращеніе только нѣкоторыми некритическими лѣтописцами чешскими XVI и XVII вв., со стороны уtrakвистовъ и чешскихъ братьевъ ¹⁾. Гуситство имѣло совер-

---

¹⁾ По ихъ примѣру утверждаютъ это тоже нѣкоторые новѣйшіе русскіе историки: *Еламинъ* (Объ исторіи Чехіи Палацкаго 1848), *Новиковъ* (Православіе у Чеховъ 1848, Гусъ и Лютеръ 1859), *Клевановъ* (Очеркъ исторіи чеш. вѣроиспов. движенія, въ Читеніяхъ М. О. И. Д. 1869 — 1875), *Надлеръ* (Причины оппозиціи католицизму въ Чехіи 1864), *Бильбасовъ* (Чехъ Янъ Гусъ 1869), *Гильбердинъ* (Гусъ и его отношеніе къ православной церкви 1871), *Невостровецъ* (въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije 21), *Ламанскій* (Славян. Сборникъ 1875, I. 549). Но всѣ эти мнѣнія опровергаетъ *Васильевъ*: Причины и характеръ чешскаго религіознаго движенія (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1876, іюль, августъ); съ нимъ согласенъ *Пальмовъ*: Вопросъ о чашѣ въ гусит. движеніи (1881) *). Срв. *Kalousek*: O historii kalicha v dobách předhusitských (1881), и въ Časopis Česk. Musea 1882, стр. 90; *Goll* (contra Denis) въ Časopis Č. M. 1878, стр. 590. — О „православіи“ у Чеховъ (Моравянъ и Словаковъ) можно говорить только съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Ученіе, обряды, книги, принесенныя Константиномъ и Меѳодіемъ къ западнымъ Славянамъ, были, конечно, православныя, церкви восточной, греческой; но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что тогда расколъ обѣихъ церквей, восточной и западной, не былъ еще упроченъ, и что Константинъ и Меѳодій дѣйствовали „въ области св. Петра“, въ области римской патріархіи, и что они признавали римскаго патріарха своимъ духовнымъ начальникомъ.

---

*) Въ рукописи здѣсь есть отиѣтка автора на поляхъ — со ссылкой на статью г. Пальмова въ „Христ. Чтен.“ за 1889 г.: „Къ вопросу о сношеніяхъ Чеховъ-Гуситовъ съ восточною церковью въ пол. XV в.“, въ которой г. П. разъясняетъ, что выступая съ возраженіями противъ названныхъ ученыхъ, онъ „не отрицалъ приводимыхъ ими въ защиту своего положенія фактовъ и даже нѣкоторыхъ объясненій ихъ, но высказывался только противъ крайностей выводовъ, по которымъ гуситское движеніе представляется исконнымъ и сознательнымъ стремленіемъ Чеховъ къ православному востоку“, что онъ однакожъ при-

шенно другія причины; оно началось оппозиціей нѣкоторымъ злоупотребленіямъ въ католической церкви, а кончилось отдѣленіемъ чешской гуситской церкви отъ римской, и возникновеніемъ разныхъ религіозныхъ обществъ, начиная умѣренными чашниками и кончая радикальными Таборами и пантеистами—Адамитами.

Чехи, начиная свою оппозицію Риму и ведя потомъ упорную борьбу съ нимъ, обратили свое вниманіе и на другую половину христіанства, на церковь восточную или греческую, на тѣхъ „схизматиковъ“ (какъ ихъ называла римская церковь), по большей части Славянъ. Гуситскіе Чехи, освобождаясь все болѣе изъ-подъ власти Рима и наконецъ вполнѣ порвавъ съ нимъ сношенія, стали смотрѣть на православную церковь иначе, чѣмъ ихъ предки. Также и причащеніе подъ обоими видами—обычай, соблюдавшійся и въ западной церкви довольно долго, но потомъ запрещенный—постоянно напоминало гуситамъ восточную церковь, въ которой оно всегда оставалось въ употребленіи. Гусъ, занимаясь разными богословскими вопросами, обращалъ вниманіе и на греческую церковь, хотя онъ не имѣлъ о ней всегда вѣрныхъ свѣдѣній; онъ не думалъ, что Греки, хотя и не признаютъ главенства папы, прокляты, и предполагалъ, что Греки и Латиняне могли бы согласиться и относительно исхожденія св. Духа ¹⁾. Было бы любопытно узнать, почему тогда, именно когда Гусъ писалъ свое сочиненіе „о церкви“, его довѣренный другъ магистръ *Иеронимъ* изъ Праги путешествовалъ въ Польшу и дальше на Руси, гдѣ онъ отнесся очень дружелюбно къ православной

---

¹⁾ Срв. Гильердинга: Гусъ, его отношеніе къ православной церкви (Спб., 1871). О „греческой вѣрѣ“ могли тогда Чехи узнать кое-что и въ описаніи путешествій Мандевиля, переведенномъ по-чешски Лаврентіемъ изъ Брезовой (*Výbor z literatury české* II. 598).

знаетъ важнымъ факторомъ въ чешской реформаци—„первоначальное кирилло-меоодіевское православіе Чеховъ, которое, не смотря на торжество надъ нимъ латинства, тамъ-то здѣсь въ исторической обстановкѣ какъ преданіе“ и проч. Дѣлая ссылку на эту статью Пальмова, авторъ вѣроятно собирался видоизмѣнить это мѣсто своего примѣчанія, а быть можетъ кое-что и въ самомъ текстѣ своемъ. Ред.

вѣрѣ. О цѣли этого путешествія Іеронима не извѣстно ничего достовѣрнаго; можетъ быть, что онъ его предпринялъ по внушенію Гуса,—можетъ быть, что онъ, познакомившись почти со всей западной Европой, пожелалъ узнать также славянскій востокъ.

Весной 1413 г. Іеронимъ былъ въ Краковѣ, и здѣсь онъ своими рѣчами, несомнѣнно богословскаго содержанія, произвелъ среди духовенства и народа такое возбужденіе умовъ, какого не помнили въ краковской епархіи; но простой народъ польскій — утѣшался епископъ краковскій — не былъ въ состояніи понять ученіе такого философа, а еще меньше Литва и Русь ¹⁾. Черезъ нѣсколько дней Іеронимъ отправился дальше на Литву къ великому князю Витовту, и сопровождалъ его по Литвѣ и Руси. Описаніе этого путешествія представляемъ здѣсь по обвиненію Іеронима инквизиторомъ на Констанцкомъ соборѣ.

„Въ русскомъ краѣ существуетъ многолюдный городъ *Витебскъ*. Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіанской (т. е. католической) вѣры и заблуждающіеся. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона, и существуетъ также монастырь францисканцевъ, живущихъ по закону истинныхъ христіанъ (т. е. католиковъ). Въ 1413 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, князь Витовтъ, двоюродный братъ короля польскаго, прибылъ въ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитою, въ числѣ которой находился *Іеронимъ Пражскій*. Монахи и благочестивые христіане вышли на встрѣчу къ князю съ процессіей и хоругвями и священными мощами. А Русскіе или схизматики—съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессіею вышли также на встрѣчу князю и приняли его при вѣздѣ. Іеронимъ же во время вѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію монашествующихъ братій и христіанъ (т. е. католиковъ), пошелъ къ процессіи Рус-

---

¹⁾ Documenta M. J. Hus, 506. По этому писъму епископа Іеронимъ говорилъ въ Краковѣ, что онъ приглашенъ королемъ Владиславомъ и Витовтомъ; но епископъ отрицаетъ это, по крайней мѣрѣ относительно короля.

кихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И тамъ, въ присутствіи четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ обоого пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ мощамъ и образамъ невѣрныхъ, схизматиковъ и Русскихъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ исповѣданья вѣрныхъ христіанъ. Въ слѣдующее затѣмъ время онъ поклонялся явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, говоря и утверждая положительно, на сколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что секта Русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная. Онъ, на сколько могъ, тщился, работалъ и старался, чтобы великаго князя Витовта, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отворотить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ сказанной сектѣ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ. И такъ было и есть дѣйствительно, публично и гласно. Затѣмъ Іеронимъ, въ присутствіи преподобнаго отца, епископа Виленскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждая скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры сказалъ положительно, что схизматики Русскіе суть хорошіе христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя тѣхъ Русскихъ и ихъ превратную вѣру. На Руси есть городъ Плесковъ, въ разстояніи около 100 нѣмецкихъ миль отъ границъ христіанъ. Іеронимъ въ 1413 г. прибылъ въ городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь или синагогу тѣхъ Русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоненія превратнымъ ихъ таинствамъ; и въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіи ключей Петровыхъ, и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданья тѣхъ невѣрныхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ иными ихъ дарами, явно, публично и гласно. Поведеніе Іеронима дало поводъ къ соблазну между христіанами и Русскими, тѣмъ болѣе, что Іеронимъ публично одобрялъ невѣру, схизму и ересь Русскихъ и подтверждалъ ихъ въ ихъ заблужденіяхъ. Дабы болѣе понравиться невѣрнымъ народамъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ вѣрѣ, онъ по обряду невѣрныхъ отпустилъ

себѣ и носилъ длинную бороду и волосы, совершенно отринувъ и оставивъ одѣяніе и тонсуру клирика. Объ этомъ вездѣ публично говорили, особенно въ епархіяхъ Гнѣзенской и Пражской, въ Польшѣ, въ Чехіи и въ другихъ странахъ“. Со всѣмъ этимъ, Іеронимъ соглашался и на Констанцкомъ соборѣ, и собирався защищать все это вновь ¹⁾).

Іеронимъ показалъ себя и на Руси тѣмъ, „благороднымъ, знаменитымъ геніемъ и истиннымъ философомъ“, какимъ его нашелъ три года спустя въ Констанцѣ Итальянецъ Поджо Брачоллини, выдающійся изъ числа остальныхъ его темныхъ судей. И въ самомъ дѣлѣ, относится тогда, въ фанатическомъ XV-омъ вѣкѣ, къ православному вѣроисповѣданію такъ, какъ это дѣлалъ Іеронимъ Пражскій, для этого надо было быть человѣкомъ необыкновенно сильнымъ, благороднымъ и просвѣщеннымъ; низкая брань инквизитора по адресу православныхъ Русскихъ и просвѣщеннаго Чеха выказываетъ этого послѣдняго въ свѣтѣ еще болѣе блестящемъ. Также и Гусъ защищалъ своего друга противъ клеветъ вѣнскаго профессора Зибарта, который публично обвинялъ Іеронима въ ереси и въ томъ, что онъ отправился къ польскому королю Владиславу и къ литовскому князю Витовту ради совращенія ихъ съ пути истинной вѣры. „Мало того“, пишетъ Гусъ Зибарту († іюля 1413 г.), „что ты дерзнулъ коснуться зубами почтеннаго магистра Іеронима, ты коснулся и великихъ общинъ; не довольно тебѣ было Чехіи, но ты осмѣлился въ своемъ преподаваніи, съ дьявольскою наглостью, заклеить обвиненіемъ въ еретичествѣ царство

---

¹⁾ Hardt: Concilium Constantiense (Francofurti et Lipsiae 1699) IV. 634, 752. Гильфердингъ, Гусъ 16; Пальмовъ, 182. Къ сожалѣнію не сохранилось съ чешской стороны никакого извѣстія объ этомъ любопытномъ путешествіи Іеронима.—Отъ этого магистра Іеронима Пражскаго надо отличать другого *Іеронима Пражскаго*, монаха камальдуенскаго, который послѣ возникновенія гуситскаго движенія бѣжалъ изъ Праги въ Польшу, и оттуда отправился въ Литву, гдѣ онъ, пользуясь благосклонностью Витовта, обращалъ Литовцевъ въ христіанство. Позже онъ былъ на соборѣ Базельскомъ, и здѣсь съ нимъ познакомился Эней Сильвій, и узналъ отъ него многое о Литвѣ. Срв. Aeneae Sylvii Historia de Europa, cap. 26.

Славянъ, но я надѣюсь, лживо, по невѣжеству“ ¹⁾. Подъ этимъ славянскимъ царствомъ Гусъ подразумѣваетъ безъ сомнѣнія и Польшу, которую не нужно было называть еретической, — а скорѣе Литву и соединенную съ нею православную Русь, гдѣ Іеронимъ только-что путешествовалъ. Это путешествіе надѣлало тогда много шуму въ Польшѣ, Чехіи и въ другихъ странахъ, и католики въ Литвѣ и Руси навѣрное не преминули оглашать міру предосудительный по ихъ мнѣнію образъ дѣйствій чешскаго магистра, вмѣстѣ съ необходимыми тогда осужденіемъ „невѣры, схизмы и ереси“ Русскихъ, какъ выразился потомъ инквизиторъ ²⁾. Можетъ быть, еслибъ Гусъ и Іеронимъ остались дольше въ живыхъ и убѣдились въ невозможности примиренія съ Римомъ, они бы искали сношенія съ восточной церковью, какъ объ этомъ думали позже ихъ ученики. О Гусѣ былъ въ первой половинѣ XV вѣка распространенъ между Сербамъ слухъ, что онъ былъ въ Іерусалимѣ и на Синаѣ, и здѣсь познакомился съ православіемъ и съ греческимъ письмомъ; потомъ онъ „началъ въ Прагѣ ересь глаголемая Хусъ, ихъже нѣціи близъ православія глаголють быти“ ³⁾.

Гуситскіе Чехи, умѣренные и усердные, въ послѣдствіи часто указывали симпатично на церковь восточную, греческую, ко-

---

¹⁾ Documenta M. J. Hus, 63.

²⁾ Подобно тому какъ эти слова и дѣйствія чешскаго магистра казались инквизитору предосудительными, такъ соблазняется въ послѣдствіи польскій каноникъ Длугошъ по поводу словъ императора Сигизмунда, которыя тотъ сказалъ на съѣздѣ въ Луцкѣ (1429 года): *Nec reductioni Graecorum intendere expedit, cum unam fidem nobiscum profiteantur, barbis duntaxat et uxoribus a nobis secreti sunt; id tamen illis vitio non est, una enim uxore Graecorum presbyteri contenti sunt, Latini decem et amplius tenent.* (Historia polon. IV. 368).

³⁾ Такъ пишетъ тогда Сербъ Константинъ философъ въ житіи сербскаго князя Стефана (Бѣлградскій Гласник 1875, кн. 42, стр. 313). Сербы (Расы, Рацы) бывали тогда въ Чехіи, какъ враги, въ войскѣ императора Сигизмунда. Во всякомъ случаѣ Сербы знали гуситовъ лучше, чѣмъ Греки, которые считали ихъ приверженцами Іисуса, Моисея и Магомеда. (Scriptores regum hussit. III. 170).

торая-де тоже составляет часть общей церкви, и въ которой сохранился важный символъ гуситства, причащеніе подъ обоими видами; гуситы часто требовали, чтобъ на соборъ всего христіанства были тоже Греки, Армяне, патріархъ изъ Константинополя, которые причащаются подъ обоими видами. Одинъ чешскій утраквистъ, въ концѣ XV вѣка совершившій путешествіе на востокъ до Іерусалима, думаетъ, что — какъ восточные христіане причащающіеся подъ обоими видами не еретики, такъ и Чехи утраквисты не еретики, а истинные сыны св. церкви. На греческую церковь ссылались не только утраквисты, но тоже Таборы, о соглашеніи которыхъ съ православной церковью нельзя было и подумать; ихъ епископъ Николай изъ Пельгримова называлъ греческую церковь непосредственной дочерью и ученицей апостоловъ и учительницей римской церкви ¹⁾).

Когда чешскіе утраквисты, не смотря на всѣ торжественныя обѣщанія базельскаго собора, были Римомъ безпрестанно отталкиваемы, то они, желая выйти изъ этой своей изолированности, а также приобрести законную іерархію и духовенство, стали серьезно думать о соединеніи своей церкви съ греческой: „мысль смѣлая“ — говоритъ Палацкій — „и въ своихъ послѣдствіяхъ, еслибъ она осуществилась, неизмѣримая“. Первые слѣды этой мысли являются около 1447 г., когда чешскіе послы въ Римъ угрожали, что Чехи обратятся въ другую сторону; годъ спустя сказалъ въ Прагѣ Петръ изъ Младеновицъ, ученикъ Гуса, папскому легату, что въ случаѣ неподатливости Рима—онъ услышитъ стран-

---

¹⁾ Срв. между прочимъ Archiv český VI. 421; Urkundl. Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges II. 211, 221, 515; Пальмовъ 147; Časopis Česk. Musea 1861, 273; Scriptores rer. hussit. II. 506. Одинъ древній чешскій лѣтописецъ восхваляетъ турецкаго султана за то, что онъ предпочиталъ христіанъ утраквистовъ христіанамъ, причащающихся подъ однимъ видомъ—того бога, который даетъ ѣсть и пить, тому, который даетъ только ѣсть, а не пить. Эти слова султана подѣйствовали на пана Яна Стражскаго такъ, что онъ, возвратившись съ востока въ Прагу, сталъ изъ jednušky podobojím. (Starší letopisové čestí, 216).

ныя вещи. Скоро утравистская консисторія стала сноситься съ Царьградомъ, откуда получила благопріятное письмо, подписанное нѣсколькими архіереями, въ томъ числѣ и позднѣйшимъ патриархомъ Геннадіемъ (1452 г.); греческіе епископы радовались намѣренію чешскихъ утравистовъ, увѣщевали ихъ соединиться съ восточной церковью, и надѣялись, что это соединеніе возможно, соглашаясь въ томъ съ утравистами. Одинъ чешскій посолъ принятъ былъ въ Царьградѣ очень дружески, и Греки съ радостью прислушивались къ его выходкамъ противъ папы и къ его восхваленію греческой церкви. И въ самомъ дѣлѣ, если взять ученіе чешскихъ утравистовъ, главная разница котораго отъ римско-католическаго состояла въ причащеніи подѣ обоими видами и въ непризнаніи папы, то можно было ожидать, что чешская утравистская церковь сойдется съ церковью греческой—православной. Но эти переговоры между Прагой и Царьградомъ, столь важные для будущности славянскаго міра, прекратились въ самомъ зародышѣ, именно вслѣдствіе паденія Царьграда и греческаго царства (1453) ¹⁾. Но расположеніе къ восточной церкви осталось у чешскихъ утравистовъ и впослѣдствіи. Послѣ паденія Царьграда прибыли въ Прагу два греческихъ священника; утравистскій архіепископъ Янъ Рокицана принялъ ихъ любезно, разговаривалъ съ ними о религіи и позволилъ имъ справить литургію ²⁾. Также

---

¹⁾ Palacký: Dějiny národu česk. IV. č. I. str. 227, 259; Гильфердинга, Гусъ 43, 57; Пальмовъ 186. Письмо администраторовъ консисторіи въ Царьградъ отъ 29 сентября см. у Палацкаго: Urkundl. Beiträge zur Geschichte Böhmens in der Zeit Georgs von Poděbrad, 51. Такое же письмо отъ 14 ноября (Höfler: Scriptores reg. hussit. III. 176) только передѣланное первое.

²⁾ Срв. рукопис. исторію чешскихъ братьевъ, приписываемую Благославу (рукоп. праж. университет. библ., I. 19), и Historia fratrum bohemi. (Halaе 1702, р. 15, приписыв. Коменскому). Оба эти братскіе писателя замѣчаютъ, что здѣсь оказалось, что и греческая вѣра „изобилуетъ суевѣріями, и что нечего искать истину и начало у Грековъ“. Но мы сомнѣваемся, чтобъ обряды греческой церкви показались чешскимъ утравистамъ столь „суевѣрными“; вѣдь и въ утравистской церкви было много обрядовъ. Утрависты не были братья.

и преемникъ Рокицаны, администраторъ Вячеславъ *Коранда*, все желалъ соединенія съ восточной церковью всей чешской церкви, католической и уtrakвистской. „Желательно, чтобъ Чехи узнали, что папа со своими — церковь западная, и чтобъ ее оставили и обратились бы къ восточной, и руководясь ею, поставили бы себѣ епископовъ своего языка, не Нѣмцевъ, не Итальянцевъ! Пользовались бы лучше свободой христіанской вѣры, и подобно тому какъ въ причащеніи подъ обоими видами, вода бы потекла и здѣсь истинной серединой“. Уtrakвистовъ тогда упрекали въ томъ, что, когда между ними появлялся какой-нибудь Грекъ, Русскій или Раць (Сербъ), они принимали его съ особенной любезностью, будто онъ лучше другихъ христіанъ ¹⁾. Это, такъ сказать, духовное родство съ православной церковью чувствовали чешскіе уtrakвисты долго. Когда въ 1554 г. несчастная русская княжна, Елизавета (Гальшка) Острожская и ея женихъ русскій князь Дмитрій Сангушко прибыли въ Чехію, то ихъ въ городѣ Яромѣрѣ вѣнчали два священника — рассказываетъ неизвѣстный Яромѣрянинъ — одинъ подъ однимъ видомъ (католикъ), а другой подъ обоими видами (утраквистъ)—по той причинѣ, что князь Дмитрій держался обряда подъ обоими видами, какъ его соблюдаютъ Греки ²⁾.

Причащеніе подъ обоими видами, общее церквамъ уtrakвистской и восточной, возбудило въ уtrakвистахъ мнѣніе, что этотъ обычай существовалъ въ Чехіи съ самаго начала христіанства, введеннаго тамъ изъ Греціи апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ, и что онъ сохранился здѣсь не смотря на всѣ преслѣдованія до временъ Карла IV. Такимъ образомъ уtrakвисты старались установить какъ-бы непрерывность причащенія подъ обоими видами съ начала христіанства въ Чехіи почти до Гуса, связывая себя съ церковью греческой. „Историческихъ доказательствъ“ тогда, при полномъ недостаткѣ исторической критики, нашлось вдоволь; если чешскіе лѣтописцы могли рассказывать разныя разности о праотцѣ Чехѣ, то они точно также умѣли по-

---

¹⁾ Palacký: Dějiny národu českého, V. I. str. 350.

²⁾ Časopis Česk. Musea 1852, str. 19.

томъ разсказывать разные вещи о зачаткахъ христіанства въ Чехіи. Уже Іеронимъ сказалъ на соборѣ Констанцскомъ, что Чехи происходятъ отъ Грековъ и что потомъ въ Чехіи враждовали между собою „Греки“ и „Нѣмцы“, что продолжалось-де до временъ императора Карла IV ¹⁾. Впослѣдствіи уtrakвистская консисторія, зная кое-что о дѣятельности обоихъ славянскихъ апостоловъ, утверждала, что св. апостолы „Цръга“ (чешская форма имени „Цырилъ“), епископъ моравскій и чешскій, и Донатъ (!) испросили у папы, чтобъ онъ дозволилъ Чехамъ причащеніе подъ обоими видами: это разсказывали пражскіе послы уtrakвисты папскому легату въ Будинѣ (1525 г.), ссылаясь на какія-то „исторіи въ пражской коллегіи въ консисторіи“ ²⁾. Также уtrakвистскій священникъ Богуславъ *Билеѣвскій* въ церковной хроникѣ чешской (1537) разсказываетъ разные различия о причащеніи подъ обоими видами въ Чехіи съ самыхъ зачатковъ христіанства до временъ Карла IV. По примѣру уtrakвистовъ утверждали это также братскіе писатели—Іафетъ, Странскій, Коменскій и др. ³⁾.

Мысль о соединеніи уtrakвистовъ съ греческой церковью исчезла послѣ возникновенія нѣмецкой реформаціи, къ которой прикнула большая часть уtrakвистовъ. Ихъ остатки, получивъ отъ папы разрѣшеніе чаши (1564 г.), жили потомъ въ согласіи съ римской церковью.

Кромѣ уtrakвистовъ, о соединеніи которыхъ съ православными можно было думать, не переставали интересоваться восточною церковью также усердные гуситы, Таборы и впослѣдствіи ихъ духовные преемники, *чешскіе братья*. Эти послѣдніе, скоро послѣ возникновенія своей церкви (1457 г.), стали искать первоначальную чистую христіанскую церковь на востокъ, гдѣ

---

¹⁾ Hardt: Concil. Constant. IV. 758.

²⁾ Современникъ Bartoš: Kronika pražská, 182.

³⁾ Гильфердингъ (Гусъ, 22) совершенно напрасно довѣряетъ разсказамъ Странскаго, которые имѣютъ такую-же цѣну, какъ подобныя сказки Гайка, Велеславина, Папроцкаго, Бѣльскаго и др. О причащеніи подъ обоими видами въ западной христіанской церкви, см. вышеупомянутыя сочиненія Васильева и Пальмова.

они хотѣли получать посвященіе для своихъ священниковъ; они думали, что такая црковь существуетъ въ Индіи, но узнали потомъ, что тамъ нечего искать такой церкви; впослѣдствіи они говорили въ Прагѣ съ Греками, и нѣкоторые Чехи были и сами въ Греціи, Сербіи, Россіи, Арменіи, Молдавіи, но и тутъ обманулись: волошскіе и русскіе священники посвящаютъ-де кого-бы то ни было, только бы онъ имъ заплатилъ, какъ они дѣйствительно недавно посвятили трехъ лицъ изъ Чехіи, не зная какъ они себя ведутъ ¹⁾. Но это желаніе—узнать чистую первобытную црковь христіанскую не оставляло братьевъ и позже; уже тридцать лѣтъ спустя стали они искать ее вновь, и послали (1491 к.) на востокъ особыхъ развѣдчиковъ для отысканія болѣе чистыхъ црквей. „Черезъ Польшу и Русь“, рассказываетъ въ лѣтописяхъ чешскихъ братьевъ, „они отправились въ Константинополь, откуда нѣсколько лѣтъ тому назадъ предлагалось Чехамъ, когда тѣ отказались отъ папы, соединеніе съ греческой црковью. Братья, желая этого соединенія, хотѣли прежде всего посмотрѣть на религію и бытъ Грековъ. Пробывши въ Константинополѣ, они развѣхались: Лука Пражскій—въ земли греческія, рыцарь *Марешъ Коковецъ* въ Москву и въ другія области славянскаго языка, Мартынь *Кабатникъ*, мѣщанинь Лютомышльскій, въ Азію, Палестину и Египетъ, а *Каспаръ* изъ Мархіи (марки, вѣроятно Вальденецъ) хворая ждалъ ихъ въ Константинополѣ, но однакожъ осмотрѣлъ между тѣмъ Оракію. Эти развѣдчики благочестія, возвратившись домой, сообщили своимъ, что они не нашли ничего, чего искали. Такимъ образомъ обманулись въ своихъ надеждахъ всѣ тѣ, кто, желая воспользоваться добрыми примѣрами чужихъ

---

¹⁾ Братскій трактатъ 1471—73 гг., который Палацкій (Dějiny n. č. IV. I. 431) приписываетъ брату Григорію, что Голъ (Quellen u. Untersuchungen zur Geschichte d. böhm. Brüder I. 103) отрицаетъ. Срв. Анненкова: Гуситы въ Россіи въ XV и XVI стол. (Странникъ 1878, мартъ).—Около этого времени многіе угорскіе гуситы бѣжали въ Молдавію, гдѣ они основали городъ *Гусъ* (*Гушъ*), *Хусъ* (*Hus*) на Прутѣ. См. Hunfalvy: Ethnographie von Ungarn, 266, I. Иречекъ въ Časopis Česk. Musea 1885, стр. 387.

церквей, не пожалѣвъ труда и денегъ: до такой степени тѣ когда-то процвѣтавшія церкви поблѣкли. Ибо они увидали повсюду людей—христіанъ, которые, точно сговорившись, преданы были разврату, основывали религію на суевѣріяхъ и на поклоненіи образамъ, пренебрегали болѣе важными дѣлами въ завѣтѣ; они увидали священниковъ, которые превосходили народъ распутствомъ, но не позволяли никому ихъ наказывать. И убѣдились они, что правы были тѣ, которые говорили имъ объ испорченности всего христіанскаго міра и отсовѣтывали имъ такое путешествіе¹⁾. Иного результата это путешествіе имѣть не могло; строгіе взгляды чешскихъ братьевъ на разные вопросы вѣры и нравственности нельзя было примирить съ ученіемъ ни церкви латинской, ни греческой, ни утравкистской, и братья Лука или Коковецъ не могли смотрѣть на греческую церковь такъ, какъ нѣкогда Іеронимъ Пражскій.

Чешскіе братья, не находя первобытной чистой христіанской церкви и видя повсюду въ мірѣ испорченность, грѣховность и развратъ, стали скоро считать себя такою чистою церковью, и думать о ея распространеніи, преимущественно на славянскомъ востокѣ, въ земляхъ польскихъ и русскихъ. Къ этому ихъ побуждали сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами народа чешскаго и славянскаго, я со своими будемъ апостолами нѣмецкими“, сказалъ Лютеръ братьямъ Августъ и Израилю (1542), а Буцеръ уже раньше сказалъ брату Червенкѣ, что братья посредствомъ своего славянскаго языка могутъ служить болѣе распространеннымъ народамъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ языкомъ²⁾.

Первымъ поприщемъ такой апостольской дѣтельности бра-

---

¹⁾ По чешскому переводу книги Поляка *Ласицкаго*: *Historie bratří českých* (изд. 1649, 1765, 1869). Объ этомъ разсказываютъ и другіе историки общины чешскихъ братьевъ: Благославъ (срв. *Goll: Quellen* 123), Камерарій, Коменскій, тоже Венгерскій (*Regenwolscius: Systema histor.-chron. eccles. slavon.*) и др. Изъ тѣхъ развѣдчиковъ одинъ Кабатникъ, насколько знаемъ, описалъ свое путешествіе (срв. *Výbor z literatury české* II. 1015). Жаль, что именно Коковецъ не описалъ своего путешествія.

²⁾ Ласицкій 233, 237, Венгерскій 58.

тѣевъ была Польша, куда они, прогнанные изъ родины, обратились—какъ къ своимъ соплеменникамъ (1548). Братское вѣроисповѣданіе пріобрѣло тутъ много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, и заняло важное мѣсто рядомъ съ другими двумя некатолическими вѣроисповѣданіями, кальвинскимъ и лютеранскимъ. Въ Польшѣ, именно на Литвѣ и Руси, братья опять встрѣтились съ церковью греческой, православной. Во время упадка протестантизма и усиленія католицизма въ Польшѣ въ ущербъ „диссидентамъ“ (протестантамъ) и „дисунитамъ“ (православнымъ не принявшимъ уніи съ Римомъ), возникла среди всѣхъ не-католиковъ въ Польскомъ государствѣ мысль войти другъ съ другомъ въ болѣе тѣсныя сношенія противъ общаго противника; да нѣкоторые диссиденты думали о соглашеніи всѣхъ не-католиковъ и о соединеніи протестантовъ и православныхъ въ нѣкое церковное общество,—мысль довольно странная. Для этой цѣли собрались въ Вильнѣ въ 1599 г. старшины всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій, соединившихся такъ называемымъ соглашеніемъ (консенсомъ) Сандомѣрскимъ, т. е. чешскаго, гельветскаго и аугсбургскаго, и нѣсколько православныхъ русскихъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Были здѣсь Симеонъ Турновскій (чешскаго происхожденія), Миколаевскій, Гличнеръ и др. Но скоро оказалось, что о какомъ-либо болѣе тѣсномъ соединеніи протестантизма и православія нельзя даже и думать; уже въ собраніи у князя Острожскаго какой-то православный монахъ, протягивая тѣмъ старшинамъ руку, сказалъ не очень вѣжливо: „хотя священное писаніе запрещаетъ говорить еретикамъ даже здравствуй, мы все-таки считаемъ васъ достойными такой вѣжливости“. Но не смотря на эти препятствія, старшины изъ Польши и изъ Литвы, Гличнеръ, Турновскій, Миколаевскій, Яницкій и Пётровскій, послали Царьградскому патріарху Мелетію письмо (6 іюня), въ которомъ они заявляютъ свое желаніе соединиться съ церковью болѣе чистою и независимою отъ Рима. „Такою церковью мы считали всегда восточную церковь въ Греціи и между людьми одного съ нами языка въ Москвѣ, Руси и Литвѣ“. Между прочимъ они указываютъ на какое-то письмо патріарха Никомеда (?) чешскимъ братьямъ (*ad fratres Bohemos*), вѣроятно—то письмо изъ Царь-

града уtrakвистамъ 1452 г.; Турновскій писалъ потомъ патріарху еще особо объ этомъ письмѣ „моимъ предшественникамъ и предкамъ въ Чехіи“. Само собой разумѣется, что все это ни къ чему не повело ¹⁾. Чешскій братъ Турновскій, хотя онъ тогда говорилъ уже по-польски, чувствуетъ себя сдѣсь Чехомъ и думаетъ опять о соединеніи съ „болѣе чистой“ церковью греческою. Любопытно, что еще въ началѣ XVIII в. подобная тому мысль соединенія польско-литовскихъ „диссидентовъ“ съ „дисунитами“, мысль „возобновленія конфедераціи съ старой Русью“, конечно только съ цѣлью политической, вышла также отъ чешскихъ братьевъ, именно отъ ихъ старшины въ Великой Польшѣ, Яблонскаго ²⁾.

Чешскіе братья думали, что они и въ восточной Руси, въ Москвѣ, найдутъ почву для своей апостольской дѣятельности, тамъ, гдѣ въ концѣ XV в. искалъ чистую вѣру ихъ предшественникъ, рыцарь Коковецъ. Чтобъ лучше понять эту мысль чешскихъ братьевъ, надо знать, что тогда, въ половинѣ XVI в., въ Москвѣ появился раціоналистскій толкъ Матвѣя Башкина и Θεодосія Косого, что въ 1552-омъ г. прибыли въ Витебскъ три православныхъ монаха изъ глубины московской Руси и ратовали противъ обрядовъ и образовъ. На сѣздѣ въ Вильнѣ 1599 г. Николай Зеновичъ, русскій кальвинистъ изъ Литвы, сказалъ, что и московскіе Русскіе склонны къ евангелію; сотни ихъ прибываютъ въ Витебскъ и въ другія пограничныя мѣста на богослуженіе, и жадно читаютъ и покупаютъ польскую библію, изданную кальвинистами въ Берестѣ, и новый завѣтъ, изданный въ Вильнѣ изданіемъ Зеновича; и въ Москвѣ-де открывается обильная жатва, только чтобъ не было недостатка въ рабочихъ. Обо всемъ этомъ братья несомнѣнно имѣли хорошія свѣдѣнія, и думали о приобрѣтеніи новыхъ приверженцевъ также въ обширномъ восточно-славянскомъ государствѣ; а старшина великопольскихъ братьевъ, Янъ *Рожита*, Чехъ происхожденіемъ, думалъ даже объ обращеніи са-

---

¹⁾ Regenvolscius, 487.

²⁾ Łukaszewicz: Historya helweck. wyznania w Litwie, I. 315.

мого царя Ивана. Рокита находился въ польскомъ посольствѣ въ Москву (1570 г.), членами котораго были два великопольскихъ пана братскаго вѣроисповѣданія, Янъ изъ Кротошина и Рафаилъ изъ Лещна (Лешна, Лещинскій), и рѣшился на это путешествіе главнымъ образомъ съ цѣлью миссіонерской. „Одно меня утѣшаетъ“, пишетъ Рокита передъ отъѣздомъ брату Червенкѣ (1569 г.), „что народъ московскій употребляетъ славянскій языкъ, и что, можетъ быть, при этомъ случаѣ богъ можетъ явиться въ томъ густомъ мракѣ“¹⁾. Въ разговорѣ съ царемъ, вѣроятно на польскомъ языкѣ, Рокита излагалъ свое исповѣданіе въ отвѣтахъ на вопросы царя, касающіеся разныхъ статей вѣры. Царь спрашивалъ у Рокиты, чтó онъ учитъ, какого онъ мнѣнія о постахъ, зачѣмъ не кланяется св. образамъ, исповѣдуетъ ли ученіе Лютера и пр. Рокита представилъ царю свои отвѣты также письменно и получилъ отъ него обширное изложеніе православнаго вѣроученія на языкѣ словѣнско-русскомъ, которое лучше всего доказываетъ полную невозможность какого-бы то ни было соглашенія обоихъ вѣроисповѣданій, братскаго и православнаго. Царь Иванъ отнесся къ Рокитѣ и къ ученію его и Лютера („Люторъ“ — лють) съ большимъ презрѣніемъ; онъ сначала не хотѣлъ даже отвѣчать, такъ какъ не слѣдуетъ давать свѣтыя вещи псамъ и метать бисеръ передъ свиньями, и упрекалъ Рокиту, что ученіе его и Лютера противится ученію Христа, и что Рокита не только еретикъ, но и слуга Антитриста дьявольскаго совѣта. „И впредь“, кончаетъ царь, „чтобъ ты этого своего ученія не проповѣдывалъ въ нашей землѣ. Мы же усердно молимся Господу нашему Іисусу Христу всѣхъ спасителю, чтобъ онъ спасъ насъ русскій родъ отъ мрака вашей невѣры“²⁾. Такимъ образомъ,

---

¹⁾ Gindely: Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, 124. Срв. Časopis Česk. Mus. 1876, 749, и статью Анненкова.

²⁾ Рокита описалъ свой разговоръ съ царемъ по-польски, и Ласицкій перевелъ его и ту словѣнско-русскую рукопись (ex inculto ac horrido moscovitico) на языкъ латинскій: De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione (Spirae 1582). Та рукопись въ богатомъ переплетѣ хранилась у братьевъ еще въ половинѣ XVII в. (Regen-

разъ—обѣ стороны упрекали другъ друга въ мракъ, должно было кончиться ничѣмъ всякое апостольство братьевъ въ Москвѣ, и исчезла надежда на возможность какого-либо соглашенія церквей братской и православной. Братя, сѣтуя на печальное положеніе своей церкви послѣ паденія чешскаго государства (1620 г.), утѣшаются по крайней мѣрѣ тѣмъ, что „и церкви другихъ славянскихъ народовъ не въ лучшемъ положеніи, будучи отягчены игомъ папскимъ и турецкимъ, или же полны многочисленныхъ суевѣрій церкви греческой. Помилуй Иисусъ Христосъ свой христіанскій народъ столькими способами изсѣченный и разрубленный!“ ¹⁾).

---

volsciis, 91). Недавно нашелся отвѣтъ царя Рокитѣ въ двухъ рукописяхъ, въ Холмѣ (напечат. въ Холмско-Варшав. епарх. Вѣстникѣ 1878) и въ Москвѣ (напеч. въ москов. Читеніяхъ 1878, II).

¹⁾ Historia fratrum bohemi. (Halle 1702, 46), приписываемая Коменскому.

ЮГОСЛАВЯНЕ ВЪ СНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ СОБОЙ И СЪ ПРОЧИМИ СЛАВЯНАМИ.

Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы *).

Раздѣленіе христіанской церкви на восточную и западную, со всѣми своими религіозно-культурными послѣдствіями, коснулось особенно южныхъ Славянъ; кромѣ того между ними сильно распространилась секта Богомиловъ или Патаренъ (Павликіянъ). Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же народѣ явились приверженцы церкви восточной—греческой православной, церкви западной—римско-католической и церкви богомильской или патаренской; всѣ эти церкви относились враждебно другъ къ другу, православные къ „латинянамъ“, католики къ „схизматикамъ“, и тѣ и другіе къ „еретикамъ“ патаренскимъ. Но всѣ они считали себя истинными христіанами; патарены называли себя не иначе, какъ „кръстіяне, крѣстяне“ (christiani), а у православныхъ и католиковъ установился такой обычай, что первые стали называть себя хришћане (ришћане)“, а другіе „кршћане“ (krštjani,

---

*) Только этотъ отрывокъ или главу и успѣлъ написать авторъ изъ отдѣла, который очевидно долженъ былъ быть посвященъ сношеніямъ (историч. и культурнымъ) Южныхъ Славянъ между собою и съ прочими Славянами. Оставшіяся еще кое-какія выписки и замѣтки не представляютъ ничего связнаго. Ред.

krstjani, или какъ босенскіе фратры писали кириллицею: карстняни). Эти два названія сдѣлались на славянскомъ югѣ, у Сербовъ и Хорватовъ, особыми конфесіональными терминами, не говоря о другихъ первоначально бранныхъ, но потомъ безобидныхъ названіяхъ. Такъ католики Хорватин (Славонин), Далмацин и Боснин, не долюбивая православныхъ Влаховъ (Волоховъ, Румынъ, пастуховъ, мужиковъ), стали ихъ именемъ называть въ презрительномъ смыслѣ всѣхъ православныхъ вообще „влахами“, а въ сѣверной Далмацин тоже „хркаѣми, ркаѣми“ (серб. хрвати—спорить, ркати — храпѣть); православные же называли католиковъ шокцами (вѣроятно по итал. ziozzo—дуракъ). Сербы католики въ южной Угрии (въ Бачкѣ) называются Буневцы (Буњевац, переселенцы отъ рѣки Буны въ Герцеговинѣ? или буѣак — дрянъ), и пишутъ латиницею свой „буѣевачки“ языкъ; ихъ соплеменники, католики Болгаре въ южной Угрии (въ Банатѣ) и въ самой Болгарин сохранили свое старинное конфесіональное названіе Павликіянъ (Паулиѣане, Палуѣене), хотя они съ XVII в. католики. У католическихъ Хорватовъ, Далматинцевъ и Босняковъ слово „Сербъ“ означало тоже православнаго (сръблинь и латининь, поць сръбски, въ дубровницкихъ памятникахъ XIV в.); „сербскимъ“ они называли только кириловское письмо, но не языкъ „словинскій“ (илирскій, хорватскій, далматинскій, босенскій, дубровницкій), который однако былъ тоже сербскій. Разница вѣроисповѣданій, виѣстѣ съ политическимъ и національнымъ раздробленіемъ, породили тотъ печальный партикуляризмъ, который издавна раздѣляетъ и разрываетъ именно Хорватовъ и Сербовъ.

Римская курія, сплотивши всѣхъ католическихъ Югославянъ подъ своею рукою, видѣла въ нихъ, въ ихъ духовенствѣ, важное орудіе для распространенія своей власти и своего вліянія *).....

Въ виду католической пропаганды среди православныхъ Славянъ папы Григорій XIII (1580) и Урбанъ VIII основали въ го-

---

*) Тутъ видимо пропускъ. Ред.

родъ Лоретъ особую іезуитскую колегію для „илирской“ молодежи. Папа Урбанъ, возобновляя эту илирскую колегію (1627 г.), указываетъ на огромное распространеніе „илирскаго“, т. е. Славянскаго народа (*illyricae gentis*) въ Европѣ и въ Азіи, который нынѣ по большей части находится подъ турецкимъ игомъ и принадлежитъ къ „схизматикамъ“. Воспитанниками лоретской колегіи должны поступать юноши илирскіе, знающіе языкъ и, если возможно, тоже литературу илирскую, изъ всѣхъ югославянскихъ странъ, изъ Далмаціи и Хорватіи, Босніи, Сербіи (Смедерева, Ниша, Призрена), Македоніи (Скопья) и Болгаріи; послѣдніе должны быть здѣсь тоже воспитываемы среди своихъ илирскихъ соплеменниковъ (*inter connationales illyricos*) ¹⁾.

Со времени уніи одной части русской церкви съ Римомъ, папа могъ рассчитывать, въ своихъ планахъ относительно православныхъ Славянъ, также на содѣйствіе русскихъ уніатовъ, которые съ тѣхъ поръ часто бывали въ Римѣ и увеличили ряды разныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, Словенцевъ и Хорватовъ, католическихъ Сербовъ и Болгаръ. Такимъ образомъ сгруппировались около Ватикана представители разныхъ Славянъ, католиковъ и уніатовъ, готовые исполнять всѣ приказанія папы. Изъ рядовъ славянскаго духовенства папа часто выбиралъ подходящія орудія для своихъ плановъ среди Славянъ не-католиковъ.

Съ конца XIII вѣка францисканцы изъ провинціи „Славоніи“ (т. е. Хорватіи и Далмаціи) стали дѣйствовать противъ патаренъ въ Боснѣ. Самъ папа выбралъ ихъ именно потому, что они знали языкъ этой страны (*regionis illius idiomatis non ignari*) и такихъ знатоковъ „словенскаго языка“ (*linguae slavicae*) требовали и владѣльцы Босны. Съ тѣхъ поръ францисканцы дѣйствовали среди патаренъ и православныхъ въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Сербіи

---

¹⁾ Theiner: *Vetera Monumenta Slavorum meridionalium* II, 124, *Arhiv za povjestnicu jugoslav.* II. 90. Въ лоретской колегіи воспитывался знаменитый Болгаринъ Парчевичъ. Въ Лоретѣ издалъ іезуитъ Микаля свой „словинскій“ словарь (1649), особенно для священниковъ „илирскаго народа“; словарь напечатанъ на счетъ конгрегации *de propaganda fide*.

и Болгаріи, въ пользу католицизма, насколько это въ тѣхъ странахъ было возможно. Они познакомились съ письмомъ кириловскимъ „сербскимъ“ и стали его употреблять въ своихъ „словинскихъ“ или „босенскихъ“ книгахъ ¹⁾. Легче было дѣйствовать въ странахъ подвластныхъ католическимъ государямъ, какъ въ Далмаціи и Хорватіи. Въ приморскихъ владѣніяхъ Дубровника, которыя онъ въ XIV в. приобрѣлъ отъ Босны, проживавшіе тамъ православные и патарены, благодаря рвенію францисканцевъ, обращены въ католицизмъ, и „сербскіе попы“ скоро сдѣлались излишними и ушли на Св. Гору аѳонскую; съ тѣхъ поръ однако Дубровчане платили извѣстныя денежныя вспомошествованія „сербскимъ“ монастырямъ на Аѳонѣ, хиландарскому и св. Павла; если же, въ концѣ XIV в., кое-гдѣ встрѣчаются „словинскіе“ священники (*presbyter sclavichus*), то они не были уже сербскіе, т. е. православные, а далматинскіе католики-глаголяши. Еще до позднѣйшихъ временъ (XVIII в.) употреблялся отчасти и въ латинской литургіи народный языкъ словинскій по переводамъ В. Кашича (*lingua slavonica V. Cassich ad ragusinam dialectum et usum ab ipso adornata*); такъ было особенно по деревнямъ, гдѣ евангелія и епистолы читались по-латыни и по-словински ²⁾. Въ Хорватіи и Угріи католическая пропаганда имѣла въ виду прежде всего православныхъ Сербовъ (Влаховъ, Ускоковъ), поселенныхъ въ хорватской Военной Границѣ. Въ 1629-омъ г. люблянскій епископъ Кренъ совѣтовалъ туда послать фратровъ босенскихъ, и около этого времени дѣйствовалъ между этими Сербами русскій уніатъ Меѳодій Терлецкій. Здѣсь же дѣйствовалъ въ 1641 г. тоже францисканецъ Рафаиль Леваковичъ, хорватъ провинціи босенско-хорватской (Херващинин державе Босне

---

¹⁾ Срв. Rački: *Bogomili i Patareni* (1870), Batinić: *Djelovanje franjevasa u Bosni i Hercegovini* (1881), Jukić: *Bosanski prijatelj* (1850—1853).

²⁾ Miklošić, *Monumenta Serbica* 108, Vučetić въ *Starine* XVII, 1. и въ дубровницкомъ журналѣ *Slovinac* 1882, стр. 30; Дубровчанинъ J. Mattei у Макушева, *Изслѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника*, стр. 6.

Херватске), который пылалъ усердіемъ распространять католицизмъ среди „схизматиковъ, преимущественно нашего языка“, зналъ въ совершенствѣ сербскій языкъ и письмо (*linguam valachicam et scripturam cyrillicam, qua Valachi utuntur*), и около этого времени, виѣстъ съ русскими уніатскими священниками, „исправлялъ“ словѣнскій языкъ въ хорватско-глаголическихъ церковныхъ книгахъ ¹⁾. Послѣ Леваковича дѣйствовалъ между этими „Влахами“ его землякъ и современникъ, Юрій Крижаничъ, который вообще приготовлялся къ мисіонерской дѣятельности среди „схизматиковъ“ Славянъ ²⁾. Къ православному вѣроисповѣданію Сербовъ въ Хорватіи, Славоніи и Угріи придирались хорватскіе и угорскіе католики въ теченіе XVII и XVIII вв. безпрестанно; да опасность угрожала и древнему кириловскому письму Сербовъ, которое правительство хотѣло замѣнить латинскимъ.

Босенскіе и другіе францисканцы повліяли вѣроятно и на временное уніатское движеніе, которое явилось въ самомъ концѣ XVI вѣка среди Сербовъ Турціи, именно въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Тогда сербскій патріархъ въ Печи Іоаннъ и митрополитъ герцеговинскій Висаріонъ признали главенство папы. Это уніатское движеніе находилось въ связи съ политическимъ движеніемъ турецкихъ Сербовъ, которые (1594 и 1606) предлагали папѣ и императору свое содѣйствіе въ войнахъ съ Турками. Посредникомъ между папою и императоромъ съ одной стороны и Сербами и ихъ духовными и свѣтскими начальниками—съ другой былъ между прочимъ тоже францисканецъ Доминикъ Андриашевичъ ³⁾.

¹⁾ Arkiv za povjestnicu jugoslav. II. 127, IX. 297; Starine XVIII, 211. Унія среди Сербовъ въ хорватской Военной Границѣ привилась, съ помощью военной силы, только въ XVIII вѣкѣ, о чемъ см. статью Швикера въ Archiv für österreich. Geschichtsquellen, Bd. 52, и тоже Фидлера въ томъ же Archiv 37, и въ Sitzungsberichte 1861.

²⁾ См. о Крижаничѣ „Славяне“ т. II, стр. 309 и сл.

³⁾ См. письма папы Климента VIII 1598 — 1600 г. Joanni archiepiscopo Rasianorum. et Bessarioni metropolitae Serviae, и барскому архіепископу (Theiner: Monumenta Slavorum merid. II. 90—94); P. Balan: Delle relazioni fra la chiesa cattolica e gli Slavi della Bul-

Босенскіе францисканцы распространяли и укрѣпляли католицизмъ также въ Болгаріи, гдѣ центромъ католицизма былъ городъ Чипровецъ (Чипоровцы) въ западной Болгаріи. Въ XVII в. остатки Богомиловъ — Павликіянъ въ Болгаріи приняли католицизмъ, но сохранили это свое старинное названіе (Паулихане) и какъ католики—въ Болгаріи, въ Семиградіи и Угріи, куда многіе переселились; въ томъ числѣ были тоже боляре Пеячевичи, возведенные въ послѣдствіи (1772) въ графское достоинство. Болгарскіе католическіе священники, францисканцы и іезуиты, воспитывались въ Римѣ и Лоретѣ, позже и въ Угріи ¹⁾.

Болгарскіе католики, воспитываясь въ Римѣ, Лоретѣ, а позже и въ Хорватіи и Угріи среди своихъ „словинскихъ соплеменниковъ“ (*inter connationales illyricos*), привыкали къ этому близкому имъ языку словинскому или илирскому. Такое вліяніе словинскаго языка замѣтно въ первой печатной книгѣ на народномъ

---

garia, Bosnia, Serbia, Erzegovina (Roma, 1880), p. 207. Этотъ архіепископъ патріархъ сербскій и болгарскій Іоаннъ заявилъ позже (1608) готовность вѣнчать фантастическаго герцога савойскаго Карла Эмануила, мечтавшаго объ освобожденіи христіанскихъ народовъ на балкан. полуостровѣ, въ королѣ Болгаріи, Сербіи, Герцеговины, Босніи и Македоніи. См. Историческій Вѣстникъ 1889, I. 180. Письма сербскихъ начальниковъ и императора Рудольфа и эрцгерцога Фердинанда (1594 и 1606 гг.) сообщилъ Фидлеръ въ *Slavische Bibliothek* II. 288. Сербскій языкъ этихъ писемъ чисто народный, какъ его употребляли босенскіе францисканцы; поэтому встрѣчаются здѣсь слова Висарионъ бискупъ, свети отаць папа, карьсьтианьсьтво, Иезусъ Исукарьсьть (!) и пр. Сербское письмо императора Рудольфа „Иовану патриарки од Пеѣи“ писано какою-то странною орфографіею (у Прази, т. е. Прази; зарбскому, т. е. сарбскому; шивнети, т. е. живнети).

¹⁾ О францисканцахъ (босенскихъ и дубровницкихъ) въ сербскихъ и болгарскихъ странахъ см. записку Матвѣя Гундулича, дубровницкаго посла при Портѣ, 1674 г. (Banduri: *Imperium orientale* II, *animadversiones*, p. 99); Batinić II. 79; К. Иречекъ, *Исторія Болгарь* 594 — 613 и поправку Е. Ферменджина въ *Starine* XVIII. 210, а также и монографію Пеячевича о П. Парчевичѣ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся болгарскихъ католич. священниковъ былъ вышеупомянутый Петръ Парчевичъ.

болгарскомъ языкѣ,—въ молитвенникѣ, напечатанномъ кириллицею въ Римѣ 1651 г. Эту книгу издалъ католическій епископъ болгарскій, Филипъ *Станиславовъ*, „своиему народу болгарскому“. Вліяніе словинскаго языка видно въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ правописаніи; авторъ пишетъ напр. кашта (къшта) и кукна (куѣа), сердце и сарце, даже огагн (т. е. огань, по словинско-итал. правописанію *ogagn*), з очень рѣдко. Станиславовъ употребляетъ еще слова христіанской терминологіи православно-греческаго происхожденія: цар и царство, архииереи, попи, калугиери и пр. (хотя онъ самъ называется „бискуп“); въ молитвѣ Господней: хлебъ нашъ васдашни, грехи — далги, далшникомъ, напастъ, сбави ни од лукавога. Впослѣдствіи однако кириллица въ книгахъ для Павликіянъ вышла изъ употребленія и замѣнена латиницею по правописанію илирскому; также устранена церковная терминологія греческо-славянская, а введена терминологія латинско-славянская ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій митрополитъ Исидоръ во Флоренціи принялъ унію (1439), папская курія не упускала изъ виду великій славянскій народъ на востокѣ, Русь, деля надежду, что онъ послѣдуетъ примѣру своего митрополита. Въ Римѣ и на славянскомъ югѣ хорошо знали и понимали значеніе словъ спутника Исидора, суздальскаго инока Симеона, что у Хорватовъ—черезъ земли которыхъ Русскіе путешествовали — „языкъ съ Руси а вѣра латинская“ ²⁾. Объ этихъ Хорватахъ или Словинахъ вѣры латинской, говорившихъ языкомъ съ Руси, папская курія не разъ вспомнила, строя планы относительно распространенія католицизма на славянскомъ востокѣ. Этихъ „Словѣнъ, Словенъ“ знали тоже на Руси, не только въ польско-литовской,

---

¹⁾ О книгѣ Станиславова см. статьи М. Петровскаго въ Славянскомъ Сборникѣ II. (1877) и Лескина въ *Archiv für slavische Philologie* III. 518. Примѣры болгарскаго языка писаннаго латиницею (и греческимъ письмомъ) см. въ статьѣ Миклошича о болгар. правописаніи въ вѣнскихъ *Denkschriften* XXXIV.

²⁾ Сахаровъ: Сказанія русскаго народа II. (Путешествія русскихъ людей, стр. 88).

а то же въ московской. Не даромъ требовалъ великій князь Иванъ III отъ императора Максимилиана (1490) „писати грамоту свою рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словѣнинъ, а не будетъ такого писца, кому по руски писати, ино по латински или по нѣмецки“. А около этого времени въ Новгородѣ проживалъ югославянскій доминиканецъ Веніаминъ „родомъ Словенинъ а вѣрою латинянинъ“, и переводилъ, по повелѣнію архіепископа Генадія, нѣкоторыя библейскія книги „съ латинска языка на рускы“ ¹⁾. Въ Римѣ не могло-же остаться тайною, что знаніе какого-нибудь славянскаго языка приноситъ иностраннымъ посламъ въ Москвѣ большую пользу, какъ напр. посламъ римскаго императора Герберштейну и Кобенцелю, знавшимъ краинско-словенскій языкъ. Югославянское католическое духовенство, бѣлое и черное, дѣйствовало въ интересахъ католицизма среди славянскихъ „схизматиковъ“ Сербовъ и Болгаръ, и „еретиковъ“ — патаренъ и гуситовъ: оно могло Риму сослужить службу и среди „схизматической“ Руси, поддержать мысль митрополита Исидора. Здѣсь, на славянскомъ востокѣ давно дѣйствовали уже другіе славянскіе слуги Рима, польскіе епископы, разные монахи, потомъ іезуиты, надѣясь со временемъ заполнить для Рима всю Русь, польско-литовскую и московскую. Эти надежды не были лишены извѣстной доли вѣроятности, такъ какъ вліянію польскаго духовенства и іезуитовъ удалось въ концѣ XVI вѣка (1590 — 1596) привить среди одной части православнаго духовенства въ польско-литовской Руси давно забытую унію восточной церкви съ Римомъ. Такимъ образомъ уніятская Русь сдѣлалась, на равнѣ съ католическимъ польскимъ и югославянскимъ духовенствомъ, важнымъ орудіемъ римской *ecclesia militans* среди православныхъ Славянъ. Русскіе уніаты бывали часто въ Римѣ и сносились съ югославянскимъ католическимъ духовенствомъ; одинъ изъ нихъ, Меѳодій Терлецкій, впоследствии

---

¹⁾ Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранными I. 41; Описаніе славянскихъ рукописей москов. синодальной бібліотеки I. 128; Описаніе рукописей Румянцев. Музея, 164.

епископъ холмскій, въ 1628 — 1629 гг., по внушенію папы и римскаго императора, дѣйствовалъ въ хорватской Военной Границѣ среди тамошнихъ православныхъ Сербовъ въ пользу уніи, что доставляло люблянскому епископу, Томъ Крену, большое удовольствіе ¹⁾. Распространеніе уніи среди православныхъ Югославянъ возбуждало, конечно, большое удовольствіе и въ Польшѣ, въ рядахъ правительства и духовенства, которыя не преминули указывать и Русскимъ на такіе успѣхи католицизма въ югославянскихъ странахъ. Польскій король Сигизмундъ III въ письмѣ князю Острожскому (1595) указывалъ на готовность „волоскихъ, сербскихъ и болгарскихъ бискуповъ“ подчиниться папѣ, и скоро послѣ того утверждали въ Польшѣ, что въ 1601 г. „Іона“ (т. е. вышеупомянутый Іоаннъ), патріархъ сербскій и болгарскій, со всѣми митрополитами, епископами, воеводами, князьями и главарами королевства сербскаго отступилъ отъ царьградскаго патріарха и поддался папѣ ²⁾.

На новаго папу Климента VІІІ возлагали католическіе Югославыне большія надежды. Хварскій епископъ Петръ Чедолини, поздравляя новаго папу (1592), выражаетъ радость свою и народа словинскаго (*gentis meae et linguae illyricae*) по поводу избранія такого папы, который познакомился еще во время своего посольства въ Польшѣ съ положеніемъ дѣлъ у народовъ славянскихъ (*linguae illyricae*). Славянскія страны (*Illyricum*) отчасти подвластны Туркамъ, отчасти пребываютъ отдѣленными отъ римской церкви; въ тридцати огромныхъ странахъ раздается славянскій языкъ—во Фракіи, Мизіи, Македоніи, Босніи, Дакіи, во всѣхъ странахъ между Дунаемъ и Днѣпромъ, въ Паноніи, Далмаціи,

---

¹⁾ Arkiv za povjestnicu jugoslav. II. 128. Тотъ же самый Терлецкій принималъ позже въ Римѣ дѣятельное участіе въ исправленіи церковныхъ книгъ у Хорватовъ глаголящей, о чемъ срв. послѣднюю главу II-го тома: Словѣнскій языкъ и его судьбы.

²⁾ Акты западной Россіи IV. 107; *Święte pobudki do jedności św. w cerkwi ruskiej wielce potrzebnej (Prawa i przywileje od królów polskich nadane obywatelom religiei greckiej w jedności z kościołem rzymskim będącym, Wilno 1632, стр. 60—62).*

Хорватіи, Истріи, Краньской землѣ, Чехіи, Польшѣ, Руся и въ огромномъ царствѣ Русскихъ (*Ruthenorum imperio*), Норикѣ, называемомъ нынѣ Австріей и повсюду между Альпами и Дунаемъ до его источниковъ и до моря адриатическаго; папа, заботясь о славянскихъ народахъ, навѣрное назначить въ славянскихъ церквяхъ не иноплеменниковъ, а людей того же рода и языка. Тотъ же епископъ Чедолини представилъ папѣ и записку (1594) о пользѣ союза римскаго императора съ русскимъ царемъ, который можетъ выставить многочисленное войско и пользуется преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ владѣніяхъ султана ¹⁾).

Папа Климентъ поручилъ Далматинцу-Сплѣтянину, члену братства св. Іеронима въ Римѣ, іезуиту Александру *Комуловичу* дѣйствовать въ Польшѣ и въ Москвѣ въ пользу войны съ Турками (1594—1597). Комуловичъ уже раньше, десять лѣтъ назадъ, путешествуя, по порученію папы Григорія XIII на балканскомъ полуостровѣ виѣстъ съ іезуитомъ Томою Радичемъ, изучалъ тамошнее положеніе дѣлъ—на случай войны съ Турціею; онъ считывалъ на то, что тамъ живутъ по большей части воинственные Славяне греческаго и латинскаго вѣроисповѣданія. Онъ, по порученію папы, долженъ былъ возбуждать къ войнѣ съ Турками польскаго короля и польскихъ пановъ, волошскихъ господарей, русскихъ козаковъ и русскаго царя. Въ Москвѣ Комуловичъ былъ два раза (1594—95 и 1597) и уговаривалъ царя освободить христіанскіе народы „одного языка съ Русскими или мало отъ него отличающагося“, которые стонутъ, подъ турецкимъ игомъ и съ радостью примутъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ государи. Виѣстъ съ тѣмъ Комуловичъ долженъ былъ имѣть въ виду также унію русской церкви съ Римомъ; папа обѣщалъ царю разныя почести, по примѣру своихъ предшественниковъ, которые отличали королей угорскихъ, польскихъ и чешскихъ, и самыхъ царей западнаго и восточнаго Рима; онъ надѣялся, что русскій царь будетъ дѣйствовать въ такомъ духѣ и ра-

---

¹⁾ Theiner: *Vetera Monum. Slavorum merid.* II. 83; Zinkeisen: *Geschichte des osman. Reiches* III. 592.

ди самого посла: ибо уже болѣе семисотъ лѣтъ со времени введенія христіанства на Руси не случилось, чтобъ папы туда послали кого-либо знающаго ихъ языкъ. На это послѣднее обстоятельство папа Климентъ не переставалъ напирать, повторяя царю Федору и Борису Годунову, что къ нимъ послалъ умышленно Славянина, который знаетъ и ихъ языкъ (*Illyricum, qui etiam vestram linguam callet*) ¹⁾. Планы папы на Руси не удались; Комуловичъ съ 1599 г. пребывая въ Дубровникѣ, продолжалъ, по порученію папы, дѣйствовать здѣсь на южныхъ Славянъ и Албанцевъ въ пользу войны съ Турками.

Планы римской куріи относительно насажденія католицизма въ самостоятельной Руси не удавались ни тогда, ни позже, когда въ началѣ XVII вѣка польскіе іезуиты надѣялись, подъ покровительствомъ польскихъ войскъ, крѣпко засѣсть и въ Москвѣ и продолжать здѣсь свою дѣятельность и относительно восточно-русской церкви.

Но на польскихъ епископовъ, монаховъ и іезуитовъ Русскіе смотрѣли не только какъ на враждебныхъ православной вѣрѣ латинянъ, но также какъ на національныхъ и политическихъ своихъ враговъ Поляковъ, которые всевозможно старались вредить интересамъ Руси; польскіе епископы всегда были болѣе сенаторы Поляки, чѣмъ сановники католической церкви, и относились даже къ уніятской Руси не особенно дружелюбно. Православная же Русь—въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ имѣла много причинъ смотрѣть враждебно на наступающую противъ нея польско-католическую часть римской церкви, которая была опасна не только православію, а также національной и политической самобытности русскаго народа. Между тѣмъ южные „Словене, вѣрою латиняне“

---

¹⁾ Starine, *izd. jugoslav. akad.* XIV. 86, XVI. 209; Turgenev: *Monumenta Russ. histor.* II. 46, 48; Theiner: *Vetera Monum. Slav. merid.* II. 86, 90; *Monum. hist. Polon.* III. 210; D. Tolstoy: *Le catholicisme romain en Russie* I. 313 (инструкція папы Комуловичу, по-русски уже у Новикова, Древняя россійск. вивлію. XII. 456); Памятники дипломат. сношеній древней Россіи X. 393. Комуловичъ, пребывая въ Литвѣ (1595), обратилъ польскаго историка Іоакима Бѣльскаго въ католицизмъ.

не представлялись для Руси столь антипатичными и опасными, да они могли, какъ свидѣтельствуеть особенно примѣръ Крижанича, посмотрѣть на Русь съ неменьшими симпатіями, чѣмъ православные Югославане.

Когда же въ началѣ XVIII вѣка (1719) іезуиты прогнаны изъ Россіи, то предполагалось поручить духовныя дѣла католиковъ югославянскимъ францисканцамъ, особенно тѣмъ, которые отправляютъ богослуженіе на словинскомъ языкѣ (*in slavo*); этихъ югославянскихъ францисканцевъ имѣли въ виду преимущественно по поводу многихъ Поляковъ, ибо, хотя языки словинскій и польскій отличаются, но всетаки можно ихъ легко понимать ¹⁾. Еще нѣсколько лѣтъ спустя далматинскій священникъ, Матвѣй Караманъ, посѣтившій нѣсколько разъ Россію (1737, 1739, 1742 — 1743), предполагалъ, что далматинское духовенство можетъ сослужить важную службу въ распространеніи католицизма въ Россіи, такъ какъ у Далматинцевъ и Русскихъ почти одинаковый языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣется тоже на униатское русское духовенство, которое имѣетъ общій обрядъ и языкъ съ Русскими ²⁾. Преемниками іезуитовъ въ Россіи сдѣлались на время францисканцы и капуцины — но не югославянскіе, а позже доминиканцы.

Всѣ мечтанія югославянскихъ патеровъ и фратеровъ въ родѣ Комуловича, Градича ³⁾, Сладича, Милишича, Карамана и др., чтобъ всѣ Русскіе приняли унію съ Римомъ, такъ и остались мечтами.

---

¹⁾ Письмо русскаго контръ-адмирала Змаевича (Далматинца) его брату задерскому архіепископу, изъ Петербурга 1719 г. (Theiner: *Monuments historiques de Russie*, p. 518).

²⁾ Донесенія Карамана въ Римъ см. въ *Stagine* XV. 95.

³⁾ Дубровчанинъ абать Стефанъ Градичъ написалъ, послѣ оставленія русскимъ посольствомъ Рима (1670 г.), для кардинала Рапони особую статью (1674 г.) „о народахъ славянскаго языка“, т. е. о южныхъ и русскихъ Славянахъ. Съ полунощныхъ странъ — разсуждаетъ Градичъ — выступили храбрые Славяне на югъ, завоевали подунайскія страны между Альпами и Чернымъ моремъ, Хорватію, Сербію и Болгарію; они и Русь приняли потомъ, главнымъ образомъ

Русскіе уніаты рассчитывали тоже на распространение своихъ церковныхъ словѣнско-русскихъ книгъ среди Югославянъ, тѣмъ болѣе, что словѣнско-русскій церковный языкъ принятъ и въ церкви болгарской и сербской, да и хорватскими католиками глаголяшами. Такъ напр. въ концѣ XVII в. русскіе уніатскіе епископы просили одобренія со стороны римской конгрегациі de propaganda fide для издавнаго ими словѣнскаго служебника, который долженъ служить не только для всей Руси, а тоже для всѣхъ славянскихъ народовъ во владѣніяхъ римскаго цесаря и венеціанской республики. Еще въ XVIII в. уніатскій епископъ холмскій, позже перемышльскій Максимиліанъ Рыло, переведши (1773 г.) *Martyrologium romanum* а *Benedicto XIV editum* съ латинскаго на тогдашній русскій, рассчитывалъ на распространение этого *Martyrologium slavonicum* среди многочисленныхъ славянскихъ народовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ ¹⁾.

Въ интересахъ католицизма югославянскіе священники и монахи дѣйствовали и въ другихъ странахъ славянскихъ. Дубровчанинъ, доминиканецъ Иванъ *Стойковичъ*, усердный ревнитель соединенія церквей, врагъ и обличитель „еретиковъ“ (патаренъ и гуситовъ), сторонникъ идеи о примиреніи всѣхъ христіанъ и соединеніи ихъ противъ Турокъ, дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ въ Базелѣ на соборѣ и въ Царьградѣ. На базельскомъ соборѣ Стойковичъ ревностно спорилъ съ чешскими гуситами (1433), возставая именно противъ причащенія подъ обоими видами. Онъ въ жару спора называлъ ихъ еретиками и возбудилъ этимъ большое негодованіе Чеховъ, тѣмъ болѣе, что они считали его, какъ Славянина, своимъ соплеменникомъ, землякомъ (*conterraneus*), называя его просто Яномъ Славяниномъ, славянскимъ докторомъ (*Johannes Sclavus*); когда же Прокопій Великій жаловался на

посредствомъ Грековъ, христіанство съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ, одобренномъ и нѣкоторыми папами. Желательно, чтобъ всѣ эти „схизматическіе“ Славяне, преимущественно же московскіе Русскіе, приняли унію съ Римомъ. См. *Turgenev: Historica Russiae Monumenta*, II. 236—249.

¹⁾ Theiner: *Monumenta Poloniae et Lituaniae* III. 741; Петрушевичъ: Холмская епархія, стр. 2.

такія оскорбленія со стороны „земляка“, то Стойковичъ возразилъ, что онъ, какъ землякъ Чеховъ по языку и народу (*contegnanus vester lingua et natione*), желаетъ столь сильно ихъ возвращенія къ матери церкви. Въ Царьградѣ (1436) Стойковичъ, знатокъ греческаго языка и литературы, трактуя, отъ имени собора базельскаго, объ уніи съ патріархомъ—Болгариномъ, говорилъ съ нимъ тоже на родномъ своемъ языкѣ (*Bulgarus est natione et de lingua mea multum peritus et mihi affectus*) ¹⁾.

Подобно Стойковичу и другой Далматинецъ имѣлъ извѣстное участіе въ дѣлахъ гуситскихъ Чеховъ, именно докторъ *Фантинъ de Valle* изъ Трогира, рода Ципріаничей. Онъ проживая въ Римѣ какъ аудиторъ суда такъ назыв. *S. Rota*, былъ въ то же самое время и прокураторомъ чешскаго короля Юрія Подѣбрадскаго при папской куріи, и отправился съ чешскими послами изъ Рима въ Прагу какъ папскій легатъ (1462); чешскіе послы сами выбрали именно Фантина, такъ какъ онъ зналъ-де „чешскій языкъ“ (т. е. посредствомъ своего родного словинскаго) и могъ съ королемъ говорить безъ переводчика. Но его посольство, имѣвшее цѣлью—примирить гуситскихъ Чеховъ съ папскою куріею, не имѣло никакого успѣха, тѣмъ болѣе, что онъ велъ себя въ Прагѣ, на сеймѣ въ присутствіи короля, надменно и рѣзко, обзывая гуситскихъ Чеховъ еретиками и требуя безусловнаго подчиненія папской куріи ²⁾.

---

¹⁾ Echard: *Scriptores ordinis praedicatorum* I. 797 — 798. См. краткую біографію Стойковича у Appendini: *Notizie critiche sulle antichità, storia e letteratura de'Ragusei* II. 74 — 80, и въ сборникѣ *Dubrovnik (u Spljetu* 1866, p. 280—298). Два сочиненія Стойковича: *Initium et prosecutio Basil. concilii*, *Tractatus quomodo Bohemi reducti sunt ad unitatem ecclesiae*, издалъ Ф. Палацкій въ *Monumenta conciliorum generalium saec. XV* (1857, I.); въ изданномъ здѣсь дневникѣ Чеха Петра Жатецкаго часто говорится о *Johannes Sclavus*.

²⁾ О Фантинѣ см. Палацкаго: *Dějiny národu českého* IV. 2. p. 188, 206, 217—226. Фантинъ принималъ участіе въ основаніи вышеупомянутаго словинскаго подворья св. Іеронима въ Римѣ, † 1475. —Замѣтимъ, что въ началѣ XVI в. одинъ изъ администраторовъ утравкистской консисторіи пражской, магистръ Матвѣй Корамбусъ происходилъ изъ Хорватіи; Чехи его называли *mistr Matěj z Charvat*.

Не всѣ югославянскіе католическіе священники и монахи были однако столь исключительными римскими католиками, чтобъ изъ-за интересовъ римской церкви забывать о національныхъ узахъ, связывающихъ ихъ съ православными соплеменниками. И дѣйствительно въ рядахъ югославянскаго католическаго духовенства можно встрѣтить такихъ лицъ, которыя относились къ православнымъ своимъ братьямъ съ одинаковою симпатіею, какъ и къ своимъ единовѣрцамъ, видѣли въ нихъ не столько „схизматиковъ“, сколько своихъ единоплеменниковъ. Дубровчанинъ - бенедиктинецъ Л. Црѣвичъ отзывался не очень лестно о нѣкоторыхъ папахъ и смотрѣлъ на споръ обѣихъ церквей, латинской и греческой, довольно равнодушно, считая ихъ препирательства пустяками. Дубровчанинъ-бенедиктинецъ Мавро Орбини и Далматинецъ-францисканецъ Андрей Качичъ-Міошичъ прославляли одинаково подвиги „словинскихъ“ богатырей католиковъ и православныхъ. Исторія Словинъ Орбини читалась съ удовольствіемъ, въ рускомъ переводѣ, и православными Славянами, Русскими, Сербами и Болгарами, а пѣснями Качича наслаждались католики и православные „словинскаго народа“. Да книги Црѣвича и Орбини попали даже въ число запрещенныхъ Римомъ,—первая по поводу дружелюбнаго отношенія Црѣвича къ православной церкви, вторая—потому, что Орбини пользовался тоже некатолическими авторами ¹⁾. Дубровчане—іезуитъ Иг. Градичъ и священникъ Ст. Ружичъ прославляютъ русскаго царя Петра, какъ освободителя восточныхъ христіанъ, каноникъ Ю. Феричъ—императрицу Екатерину, не заикаясь о ихъ „схизмѣ“. Знаменитый Хорватъ, католическій священникъ Ю. Крижаничъ, смотрѣлъ на русскаго царя и русскій народъ, какъ на единственное спасеніе Славянъ ²⁾.

Что касается югославянскихъ мірянъ католиковъ, то многіе изъ нихъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ разными иновѣр-

---

¹⁾ Макушевъ: Изслѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника, стр. 98, 219.

²⁾ См. „Славяне“ т. II, стр. 309 и сл. Приводимъ здѣсь любопытные стихи извѣстнаго представителя гуманизма въ Угріи и Хорватіи Ивана Людича (Janus Raponius), уроженца Славоніи, епископа пе-

цами или вслѣдствіе бѣльшей образованности и просвѣщенія, смотрѣли и на православныхъ Славянъ не съ исключительной точки зрѣнія римской куріи. Въ далматинско-дубровницкой поэзіи часто звучитъ славянская, а не римская струна, да Ю. Пальмичъ выставляетъ мудрую Сѣверницу-Русь примирительницею Славянъ, не смотря на ея „схизму“. Дубровчанинъ-католикъ Троянъ Гундуличъ, пребывая, вѣроятно по торговымъ дѣламъ, въ Бѣлградѣ въ Сербіи, устроилъ здѣсь въ своемъ домѣ типографію, и велѣлъ сербскому православному монаху Мардарію изъ монастыря Меркшиной Церкви напечатать, на словѣнско-сербскомъ языкѣ, православное Евангеліе (1552); въ послѣсловіи Гундуличъ говоритъ: „Азь Троянъ Гундуликъ отъ великаго града Дубровника, почехъ и сѣвршихъ сію светую душеспасную книгу, и отъ богоданнаго ми именія не пощедехъ, ни тѣлу моему покоемъ дахъ, дондеже пріидохъ до сѣвршенія дѣлу“.

Между православнымъ сербскимъ духовенствомъ были тоже просвѣщенные лица, которыя сознавали печальное положеніе южныхъ Славянъ, особенно Сербовъ, весь вредъ ихъ раздробленія, политическаго, племенного и конфессіональнаго, и видѣли спасеніе въ поднятій общаго уровня просвѣщенія и образованія. Представителемъ такого направленія былъ сербскій писатель и дѣятель, Досифей Обрадовичъ, православный монахъ. Онъ зналъ, что есть одна „нація славено-сербска одъ Баната до Албаніе, у Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Далмаціи и Ерцеговини“; если же ненавидятъ другъ друга, то по бѣльшей части это „пронсходи изъ того, що су неки греческаго и неки римскаго закона, и наричу едни друге съ кое-какви ружьи (скверными) и презритель-

---

чуйскаго, † 1472 въ Загребѣ, куда онъ бѣжалъ передъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ, послѣ неудачнаго заговора, затѣяннаго имъ и его дядею Иваномъ Витезомъ изъ Средны, въ пользу польскаго короля Казимира.

Deridet euntes Romam ad Jubilaeum.
Hispani, Galli, Sclavini, Teutones, Hunni,
Clavigeri petitis limina sancta Petri.
Quo ruitis stulti, Latios ditare Telonas?
Salvari in patria siccine nemo potest?

ними именами; први вторе зову или шокци или буніевци или римци или латини, а ови оне власи, ркаћи и шизматици. А чесно, свето и братско име хрістiani то свакъ (всякій) само за се држи; или ако кадъ една страна другу назове кршћани или ришћани, то се за особиту милость и учтивость твори и држи; и по несрећи (несчастью) врло редко бива.... Сербія, Босна и Ерцеговина избави́есе съ временомъ отъ Турака и ослободити: али (но) ако народъ у овимъ земляма не почне отресати одъ себе суевѣріе и неизкорени ону древню и богомрську вражду и мрзость за законъ (ненависть изъ-за вѣроисповѣданія), они ћеду бити (будуть) сами себе Турци и мучители“ ¹⁾).

Иванъ Мажураничъ, замѣняя утраченную XV пѣснь „Османа“ Ив. Гундулича своимъ произведеніемъ, сѣтуетъ, въ духѣ поэта, на это жалкое положеніе южныхъ Славянъ:

O slovinska zemljo liepa,
Što sagrieši nebu gori,
Da te taki udes ciepa ¹⁾
I jadom te viečniem mori?

¹⁾ См. Пыпина, Исторія славянскихъ литературъ I. 208—210, Этнографическою и конфесіальною идиліею, какъ ее начерталъ Обрадовичъ сто лѣтъ тому назадъ, можно любоваться на славянскомъ югѣ до сихъ поръ,—и встрѣчаться съ хришћанами, кршћанами, влахами, хркаћами, шокцами, буневцами, паулићанами, помаками (магомет. Болгарами) и пр. Хорваты требуютъ, чтобъ православные Сербы („Влахи“, какъ ихъ называетъ даже хорватскій историкъ Смичикласъ), живущіе въ Хорватіи и Славоніи, считали себя „православными Хорватами“. Въ Босніи, послѣ ея фактическаго присоединенія къ Австріи, тамошніе чиновники выдумали какую-то „bosnische Landesprache“, подражая вѣроятно „босанскому“ языку францисканцевъ, которые однако называли его тоже „словинскимъ.“ Извѣстны препирательства Хорватовъ и Сербовъ изъ-за имени (срв. нашу статью въ книгѣ Jihoslavané, стр. 7 — 15), литературы, разныхъ областей, политической гегемоніи и пр. „Срби и Хрвати су један народ, само имају два имена“, сказалъ уже Юрій Даничичъ, и подъ его редакціею югославянская академія въ Загребѣ стала издавать словарь „хорватскаго или сербскаго языка“. Это, разумѣется, идеаль всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ Хорватовъ и Сербовъ; но иначе — *rescatur intra et extra muros*.

¹⁾ судьба терзаетъ.

Potišteni tvi sinovi,
Gospodičnoj niegda vlasti,
Izrodi su, il' robovi,
Željni s ovcam' travu pasti.

Ab da je proklet, tko cieć ²⁾ vire
Na svojega reži ³⁾ brata:
Jer nesrieća ⁴⁾ tvoja izvire ⁵⁾
Samo iz toga kalna ⁶⁾ blata.

Tiem istinu rieč čuj paka,
Ku me neco riet nadiše:
Ti si majka od junaka,
Nu robova vele više.

Robovi su tvi junaci,
Tvoji sebri, ⁷⁾ tvá gospoda;
Robovi su tvi viěstaci ⁸⁾
I svi, tvoga ki su roda.

I robstvo će tvoje iz tmina
Na gospodski dan iziti,
Kad paklenieh dno dubina ⁹⁾
Bratinska se mårzos ¹⁰⁾ hiti.

---

²⁾ ради, ³⁾ скалить зубы, ⁴⁾ несчастье, ⁵⁾ истекаетъ, ⁶⁾ грязнаго, ⁷⁾ мужики, ⁸⁾ интеллигенція, ⁹⁾ адскихъ пучинъ, ¹⁰⁾ ненависть (mrzost).

СОДЕРЖАНІЕ

ПРЕДЫДУЩИХЪ ТОМОВЪ.

ТОМЪ I-Й.

	<i>Стр.</i>
ПРЕДИСЛОВІЕ	I
I. Древнѣйшая исторія Славянъ	1

Племя арійское или индоевропейское и его распространеніе въ Европу. Славяне-Венеты въ странахъ адріатическихъ, альпійскихъ и подунайскихъ (въ Венетіи, Норикѣ, Паноніи, Дакіи), полабскихъ, пови-
слянскихъ, поднѣпровскихъ и черноморскихъ (въ Гер-
маніи—Свевіи, Скиѣи и Сарматіи). Славянскія пле-
мена — народы — государства. Полабско-балтійскіе
Славяне, Моравяне, Чехи, Поляки, Словенцы, Хорва-
ты, Сербь, Болгаре, Русь, Христіанство, Римъ и Кон-
стантинополь, церковно-культурное раздвоеніе Сла-
вянъ. Славяне и Нѣмцы и Угры. Мысль о западно-
славянскомъ государствѣ; моравскіе Мойміровичи,
чешскіе Болеславы, польскій Болеславъ Храбрый,
чешскій Брячиславъ.

II. Славяне балтійскіе и полабскіе.	15
--	-----------

Ободричи, Велеты-Лютичи, Поморяне, Сербь. Борьба
Славянъ съ Нѣмцами. Карлъ Великій и его преемники.
Христіанство. Княжество ободрическо-лютичское, Го-
дескалькъ, Крутъ, Генрихъ, Прибыславъ, Никлотъ.
Княжество поморско-лютичское. Рана. Покореніе
Славянъ полабско-балтійскихъ. Бранденбургъ. Герма-
низація.

III. Чехи . . . . .

Моравское государство Мойміровичей. Чешское государство Премысловичей. Присоединеніе Чехіи къ Германіи, и водвореніе и распространеніе въ Чехіи нѣмецкаго вліянія. Политическое могущество чешскаго государства при Премыслѣ Отакарѣ II, Вячеславѣ II и Карлѣ, императорѣ римско-нѣмецкомъ. Гуситское движеніе, религіозное и національное, чешское, славянское. Юрій Подѣбрадскій. Польскіе Ягайловичи въ Чехіи. Габсбурги. Возстанія 1547-го и 1618-го гг. Паденіе Чехіи и его печальныя для чешской народности послѣдствія.

IV. Поляни 31

Польское государство Пястовичей. Распаденіе его, потеря Силезіи и Цоморья. Возобновленіе польскаго королевства при послѣднихъ двухъ Пястовичахъ, Владиславѣ и Казимірѣ. Борьба съ нѣмецкими крестоносцами и соединеніе Польши и Литвы. Поворотъ Польши съ запада на востокъ и ея движеніе въ русскія земли, и происшедшая изъ этого борьба съ Москвою. Ослабленіе королевской власти и усиленіе шляхты, и водвореніе анархіи. Паденіе Польши и его причины. Побѣда Нѣмцевъ надъ всѣми западными Славянами.

V. Словенцы 44

Племена. Государство Сама. Раздробленіе Словенцевъ, покореніе ихъ Нѣмцами, онѣмеченіе сѣверной половины Словеніи. Габсбурги.

VI. Хорваты 47

Хорваты въ Далмаціи. Верховная власть Франковъ и Византіи. Народная династія. Соединеніе Хорватіи съ Угріею. Борьба Хорватовъ съ Уграми, Венеціанцами, Турками. Габсбурги въ Угріи и Хорватіи. Военная Граница. Дубровникъ. Раздробленіе хорватской земли.

VII. Сербы 55

Сербы въ Далмаціи и Мизіи. Сербское государство на сѣверѣ и на югозападѣ. Расскіе Неманичи и ихъ

завоевательныя стремленія на балканскомъ полу-
островѣ. Царь Стефанъ Душанъ. Покореніе Сербіи и
Босны Турками. Черная Гора. Сербы въ Хорватіи
и въ Угріи.

VIII. Болгаре 62

Задунайскіе Словѣне. Образованіе болгарскаго госу-
дарства и его борьба съ Византією. Царь Симеонъ.
Южноболгарскіе Шишмановичи. Паденіе болгарскаго
царства и его возобновленіе Асѣневичами. Покореніе
Болгаріи Турками. Болгаре и Греки-Фанаріоты.

IX. Славяне въ Угріи и въ Румуніи. 68

Угорское государство. Румуны или Волохи, и ихъ го-
сударства Валахія и Молдавія. Словаки, Русскіе, Сло-
вѣне. Вліяніе славянскаго элемента на угорскій и
румунскій. Возрожденіе угорскихъ Славянъ и начало
анти-угорскаго движенія.—Торжество Нѣмцевъ надъ
всѣми Славянами западными и многими южными.

X. Русскіе 77

Русь и Варяги. Собраніе восточно-славянскихъ пле-
менъ въ одно политическое цѣлое. Русь. Христіан-
ство. Дробленіе Руси и побѣда сѣвера надъ югомъ.
Монголы, Литовцы. Нѣмцы. Сѣверовосточная Русь,
Москва, освобожденіе ея отъ монгольскаго ига. Юго-
западная Русь — Литва, ея соединеніе съ Польшею.
Борьба Литвы-Польши съ Москвою. Москва — цар-
ство русское. Иванъ III, Иванъ IV Грозный. Смут-
ное время. Доцареніе Романовыхъ. Распространеніе
польскаго вліянія въ югозападной Руси. Унія. Каза-
ки. Стремленія русскихъ царей осуществить титулъ
царя всей Руси и вытѣснить Польшу изъ русскихъ
земель. Петръ Великій. Сношенія Россіи съ запад-
ною Европою, съ южными Славянами въ Турціи.
Паденіе Польши и ослабленіе Турціи. Значеніе Рос-
сіи для Славянъ.

XI. Быть Славянъ 91

1. Колонизація 92

Географическая номенклатура. Названія племенъ и
народовъ. Переселенія славянскихъ племенъ. Сла-

вянская колонизація востока и юговостока Европы.
Село (весь) и городъ

2. *Родъ* 100

Славянскій родъ, югославянская задруга. Слѣды родового быта у западныхъ и восточныхъ Славянъ. Названія рода, семьи: родъ, племя, челядь, полкъ, вервь, жупа. Названія начальниковъ рода; дѣдъ, башта, господарь, кметъ, старѣшина-староста, владарь, князь, войвода, жупанъ. Женщины въ родѣ, вѣно, похищеніе. „Вражды“ родовъ, междоусобицы, кровавая месть. Имена. Постриги.

3. *Община* 111

Славянская община, жупа, вервь, волость, погость, околица, околина, ополе, миръ, гонитва, губа. Начальники общины, староста, жупанъ, кметъ, князь, ватаманъ. Тысячи, сотни, десятки и ихъ начальники, тысяцкіе-воеводы, сотскіе, десятскіе. Сходки общинъ—вѣча. Польское ополе, русская вервь—околица—волость—копа, западно-славянскія общины—села, югославянскія общины—кнежины—жупы—околины. Нѣмецкое и римское вліяніе.

4. *Сословія* 126

Люди вятшіе и меньшіе. Землевладѣльцы, земляне, земцы, дѣдичи. Простой людъ, чернь, полкъ, холопы, мужи, кмети, сябры, смерды, крестьяне, земледѣльцы, рольники, ратаи, люди пашенные, сошные, тяглые, нарочники, урочники, оброчники, серебряники, куничники, половники, мѣропхи, влахи. Купцы—гости, промышленники. Рабы, невольники, холопы, холоуи, отроки, челядь, сироты, склавы. Горожане и селяне. Люди вятшіе; знать, земляне, князья, жупаны, паны, владыки, боляре, властеле; други, панюши, дѣтскіе, дворяне, витязи и пр. Шляхта, гербы, рыцари. Знать высшая и низшая. Знать—дѣдичи, владѣльцы дѣдинъ, отчинъ, выслугъ, проній, помѣстій. Знать и людъ.

5. *Государственное устройство* 142

Государства у Славянъ, князя, короли, цари; князья дѣдичи и отчичи своихъ государствъ—дѣдинъ, от-

чинъ, своихъ удѣловъ. Старшинство въ родѣ княжескомъ, первородство, сажаніе на столъ дѣдень и отень, коронація. Сановники и чиновники, совѣтники (думцы, кметы, жупаны, князья) и намѣстники государя. Раздѣленіе на земли, волости, учѣды, жупы, станы, погосты, повѣты, городскіе округа. Государственныя повинности, дани и поборы, деньгами и натурою, распредѣляемыя по плугу, ралу—сохѣ, двору, дыму, люду; военная служба и военные порядки; повинности, относительно государства и двора. Нѣмецкое право.

6. *Народныя собранія* 162

Сходки общинъ, соборы, сномы, вѣча, громады, копы, круги, рады и пр. Вѣчевое устройство на Руси вообще, въ Новгородѣ, Псковѣ, въ югозападной Руси, въ казацкихъ войскахъ; московскіе соборы. Вѣча у Югославянъ, особенно у адриатическихъ, въ Дубровникѣ, Винодолѣ, Керкѣ, Полицахъ и др. Вѣча у балтійскихъ Лютитей и Поморянъ. Сеймы польскіе и чешскіе, соборы хорватскіе, сербскіе, болгарскіе.

7. *Право* 174

Право обычное и писанное. Законъ. Судъ, судъ присяжныхъ, судъ божій; судопроизводство, вданіе, соки, сводъ, судебный приговоръ.

8. *Мифологія и поэзія* 178

Обожаніе природы. Дуализмъ. Сварогъ небо и Сварожичи солнце, огонь, вѣтеръ. Русалки, вилы, дѣдки—домовые, роженицы и пр. Идолы, храмы, жрецы, жертвы и требы, богослуженіе. Волхвы, чародѣи, вѣдуны, колдуны и др., моры, волкодлаки упыри. Рай, навъ, похороны, тризна, пиръ—страва. Язычество и христіанство. Небесныя тѣла—мѣрильщики времени. Праздники солнца, коляда, русалія, крѣсъ. Слѣды старинной религіи въ народной письменности, обычаяхъ и пр. Миѣническія преданія. Эпическая поэзія у Сербовъ, Болгаръ, Русскихъ.

9. *Языкъ и письмо* 179

Славянскій праязыкъ и славянскіе языки, ихъ отличительныя черты; фонетика, удареніе, формы, словарь.

Письмо, книги, черты, рѣзы, буквы, доски. Письмо греческое и латинское; письмо греческо-славянское Константина, глаголица, кирилица, гражданка, буквица. Славянскій языкъ - свидѣтель древней славянской культуры.

ТОМЪ II-ОЙ.

ВВЕДЕНІЕ	I
I. Славяне балтійскіе и полабскіе	11

Балтійскіе Славяне (Ободричи, Лютичи, Поморяне)— „Словене“ (Венды). Древніе нѣмецкіе лѣтописцы о балтійскихъ Славянахъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ и др.: Кранцъ, Бугенгагенъ, Канцовъ. Полабско-лужицкіе Сербь. Сербскій языкъ и письменность. Вліяніе чешскаго языка. Мих. Френцель и его привѣтъ русскому царю Петру Алексѣевичу. Его сынъ Авраамъ. Антонъ.

II. Чехи.

1. Славянская идея въ публичной жизни	23
---	----

Опасное положеніе Чеховъ окруженныхъ Нѣмцами. Роковыя послѣдствія отъ нежеланія Чеховъ и Лютичей примкнуть къ Болеславу Храброму. Воззваніе чешскаго короля Премысла II Отакара къ Польшѣ о помощи противъ „ненасытной части Нѣмцевъ“. Движеніе гуситское-славянское. Паденіе чешскаго государства, брошеннаго Польшею, и полное торжество Нѣмцевъ въ средней Европѣ. Славянское сознаніе Чеховъ въ публичной жизни.

2. Историческая литература	30
--------------------------------------	----

Легенды. Лѣтописи Косьмы, Далимила, Мариньолы, Пулкавы. Собраніе изъ чешскихъ лѣтописей (1437) и жалованная грамота Александра Великаго Славянамъ. Эней Сильвій, Кутенъ, Гаетъ, Дубравскій, Велеславинъ, Пуховскій, Палпроцкій. Мнѣніе о происхожденіи Чеховъ съ славянскаго юга и востока. Споръ объ этомъ въ пражскомъ университетѣ въ на-

чалъ XVII в. между Судетскимъ и Троиломъ. Исторія другихъ славянскихъ народовъ.

3. *Филологическая литература* 46

Знаніе славянскихъ языковъ въ Чехіи вообще, въ статьяхъ Голешовскаго и Гуса, въ сочиненіяхъ Грубаго изъ Еленя, Благослава, Бенешовскаго, Лодерекера. Чешскія книги у другихъ Славянъ.

4. *Славяновѣдѣніе въ чешской литературѣ XVII — XVIII вв.* 60

Чешскіе историки Бальбинъ, Пешина, Стредовскій, Йорданъ и др., филологи Роса, Долежалъ и др. Фрозинъ, Керманъ, Вхинскій, Шимекъ и др. Вопросъ о происхожденіи Чеховъ и о праотцѣ Чехъ. Добнеръ, Пубичка, Пельцель, Добровскій, Славянская идея въ возрожденіи чешскаго народа.

III. Поляки.

1. *Славянское сознаніе Поляковъ въ публичной жизни.* . 70

Выгодное положеніе Польши среди Славянства, ея политика относительно другихъ Славянъ, и неудача этой политики. Поляки и Нѣмцы, наступающіе противъ западныхъ Славянъ. Габсбурги и ихъ планы завладѣть польскимъ престоломъ. Польша и Русь, планы Поляковъ о соединеніи всего восточнаго Славянства, Польши, Литвы, Москвы, и объ избраніи русскаго царя въ польскіе короли. Невозможность соглашенія интересовъ польскихъ и русскихъ, политическо - національныхъ и религіозныхъ, польскаго католичества и русскаго православія. Неудача плановъ Польши относительно Руси. Католическая исключительность Польши мѣшаетъ энергической защитѣ славянскихъ интересовъ въ средней Европѣ: политическія ошибки Польши относительно Чеховъ въ XV, XVI, XVII вѣкахъ. Ошибка Собескаго. Польша и южные Славяне. Мысли Константиновича, Андрашевича, Орѣховскаго, Варшевицкаго, Папроцкаго, Грабовскаго, и др. о роли Польши относительно южныхъ Славянъ. Полная неудача славянской политики Польши. Замѣна Польши Россіею. Торжество Нѣмцевъ въ Польшѣ.

2. *Историческая литература* 100

Связь польской истории съ исторією Славянъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ, и мнѣніе о томъ Длугоша, Мѣховскаго, Сарницкаго. Древніе лѣтописцы, Мартынь Галль, Викентій Кадлубекъ, Держва, Богухваль-Башекъ, и др. Длугошъ, Григорій изъ Санока, Ваповскій, Мѣховскій, Бѣльскій, Кромеръ, Стрыйковскій, и др. Исторія другихъ славянскихъ народовъ. Полидамъ, Бѣльскій, Константиновичъ. Мысль объ общеславянской исторіи: Сарницкій, Папроцкій, Венгерскій. Географы. Мѣховскій, Бѣльскій, Красинскій, Кромеръ, Гвагнинъ и др. Вопросъ о происхожденіи Поляковъ. Варшевицкій, Орѣховскій, Кохановскій, Дэмболэнцкій и др. Спычинскій. Историкъ XVII—XVIII вв., Пасторій, Ленгнихъ, Яблоновскій, Ключевскій, Вага, Нарушевичъ.

3. *Филологическая литература* 146

Зачатки польской славистики. Польскія книги у другихъ Славянъ. Словари Мончинскаго и Кнапскаго. Квятковскій. Вопросъ о польскомъ правописаніи, у Заборовскаго, Кохановскаго, Орѣховскаго, Горницкаго, Янушовскаго. Знаніе славянскихъ языковъ. Пашковскій, Статорій, Бѣльскій. Скарга, Сенникъ, Будный и др. Горницкій о славянскихъ языкахъ. Ключевскій.

4. *Славянская идея у польскихъ поэтовъ* 159

Польскіе поэты—поэты „славянскіе“, ихъ стихи—стихи „славянскіе“, Славянская идея у І. Кохановскаго. Польскіе поэты и западно-славянскій вопросъ и Нѣмцы; Кохановскій, І. Бѣльскій, Гроховскій, В. Потоцкій, Трембецкій. Польскіе поэты и югославянскій вопросъ; Папроцкій, Ваповскій, Стрыйковскій, Клёновичъ, Пашковскій, Твардовскій, Гавинскій, Коховскій, Барановичъ, Нарушевичъ, Князьнинъ, Трембецкій. Польскіе поэты и восточно-славянскій вопросъ, борьба Польши и Руси; Кохановскій, Пельgrimовскій, Гроховскій, Мясковскій, Витковскій, Твардовскій и др. Трембецкій — поэтъ панславизма.

IV. Южные Славяне.

1. *Югославяне по преимуществу „Славяне“* 198

Словѣне, Словене подунайскіе и альпійскіе, балкан-

скіе и адріатическіе. „Илиры“ — Славяне, Югославяне. Роздробленіе и разрозненность южных Славянъ. Болгаре, Сербы и Греки. Порабощеніе Югославянъ Турками, и надежды возлагаемыя Югославянами на Угрію, Польшу, римскаго цесаря и русскаго царя. Голоса въ пользу соединенія христіанскихъ государствъ противъ Турціи; Константиновичъ, Андрашевичъ, Георгіевичъ, Чедолини и др. Римскій цесарь Нѣмецъ и русскій царь Славянинъ. Вопросъ югославянскій или „восточный“.

2. *Историческая литература* 218

Болгарскія и сербскія лѣтописи, и отождествленіе въ нихъ древнихъ Илировъ и Тракійцевъ съ Славянами. Далматинско-хорватскія лѣтописи; смѣшеніе Готовъ съ Славянами. Діоклейскій лѣтописецъ, Ома снѣтскій, Црѣвичъ, Вранчичъ, М. Орбини, Раткай, Риттеръ-Витезовичъ, Качичъ-Міошичъ, Бандури, Лучичъ, Дюфренъ. Югославянскіе генеалогіи и географы. Вопросъ и споръ объ имени „Илиръ“ въ илирскомъ подворьѣ св. Іеронима и въ исторіографіи; Леваковичъ, Джорджичъ, Мрнавичъ и др. Герберштейнъ и Вальвазоръ. Сербскія лѣтописи, Юрій Бранковичъ, Паисій, Раичъ.

3. *Филологическая литература* 255

Языкъ „словѣнскій“ (церковный), „словинскій“ (адріатическихъ Славянъ), „словенскій“ (альпійскихъ Славянъ), и вообще „славянскій“; языкъ „хорватскій“, „илирскій“. Югославянскіе грамматики и лексикографы. Вранчичъ, Микаля, Занотти, Деллабелла, Белостенецъ, Ямбрешичъ. Югославянское правописаніе, латиница, глаголица, кирилица. Кирилица — орудіе католической пропаганды среди православныхъ; книги Булинича, Матіевича, Маргитича, Пекича, кириловскія книги іезуитовъ. Мнѣніе о глаголицѣ, письмѣ св. Іеронима. Грубишичъ. Югославянскія подрѣчія, снѣтское, дубровницкое, босенское. Зчатки славистики. Дѣятельность словенскихъ и хорватскихъ протестантовъ и ихъ расчеты на распространеніе ихъ книгъ у другихъ Славянъ. Труберъ, Крелль, Юрій Далматинъ, Антонъ Далматинъ, Стефанъ

Истріянинъ. Влаичъ. Филологи словенскіе, Бохоричъ, Мегизеръ, Иполитъ, Похлинъ, Гутсманъ, Поповичъ, Хорватскіе — Георгіевичъ, Враничъ, Градичъ, Деллабелла, Сладичъ-Дольчи. Церковный словѣнскій языкъ у Сербовъ и Болгаръ, и языки славено-сербскій и славено-болгарскій. Борьба за кирилицу у Сербовъ угорскихъ. Славено-сербскіе писатели. Языкъ славено-сербскій уступаетъ народному сербскому. Обрадовичъ.

4. *Юрій Крижаничъ, Хорватъ славистъ и панславистъ.* 309

Положеніе славянскаго міра въ половинѣ XVII вѣка. Занятія Крижанича славистикою. Его путешествіе въ Москву черезъ Польшу и Малую Русь, и цѣль его переселенія на Русь. Ссылка въ Сибирь. Его сочиненія: Грамматика идеальнаго общеславянскаго (русскаго) языка, Политика, О божіемъ промыслѣ, Письмо объ освобожденіи, Русская лѣтопись, Описаніе Сибири и др.

5. *Славянская идея у словинскихъ (хорватско-далматинскихъ) поэтовъ . . . . .* 351

„Словинскіе“ (хорватскіе) поэты — поэты обще-, „словинскіе“ (славянскіе); Дубровникъ — гордость и цвѣтъ словинской державы, словинскаго народа между морями адриатическимъ и Чернымъ, балтійскимъ и ледовитымъ, словинскій югъ — гнѣздо сѣверныхъ и восточныхъ Славянъ. Хекторовичъ, Бараковичъ, Гундуличъ, Пальмотичи Юній и Яковъ, Джорджичъ, Каванянъ, Качичъ-Міошичъ. Драмы Ю. Пальмотича и ихъ славянская подкладка. Словинскіе поэты и порабощеніе Югославянъ Турками; Маруличъ, Ветраничъ, Мрнавичъ, Минчетичъ. Словинскіе поэты и Польша; И. Гундуличъ, Канавеловичъ, Богашиновичъ, Мрнавичъ, Каванинъ. Словинскіе поэты и Россія; Каванинъ, Витезовичъ, Градичъ, Русичъ — прославляющіе Петра Великаго, Раичъ, Феричъ, Крмпотичъ. Россія въ югославянской народной поэзіи.

V. **Русскіе.**

1. *Славянская Русь и ея роль въ Славянствѣ . . . . .* 395

Соединеніе восточно-славянскихъ племенъ въ русскій народъ, Русь. Сношенія Русскихъ съ Славянами за-

падными и южными, и сношенія этихъ Славянъ съ Русскими. Борьба Руси на западѣ съ Варягами и Нѣмцами, на востокѣ и югѣ съ Татарами и Турками. Русь и Польша. Петръ Великій и Славяне. Роль Россіи въ югославянскомъ („восточномъ“) вопросѣ. Нѣмцы и Россія.

2. *Историческая литература* 420

Начальная русская лѣтопись о Славянахъ. Югославянскіе и польскіе памятники на Руси, хронографы, житія, хроники и др. Русскія лѣтописи и хронографы XVI — XVII вѣковъ. Вопросъ о Варягахъ, Руси, Славянахъ. Южнорусскіи хрники и др. сочиненія; Синопись. Вопросъ о дѣятельности свв. Константина и Меѳодія въ русской исторической литературѣ. Русскіе православные и уніаты объ этомъ вопросѣ. Космографія.

3. *Зачатки русской славистики* 463

Знаніе славянскихъ языковъ на Руси. Церковный словѣнскій языкъ. Русскій языкъ въ Руси сѣверовосточной и югозападной. Азбуковники.

4. *Славяновѣдѣніе въ русской литературѣ XVIII в.* . 470

Петръ Великій и его заботы о русскомъ языкѣ и литературѣ. Языкъ славенскій и русскій. Филологическіе труды Кошіевича, Поликарпова, Максимова, Максимовича. Славянское сознаніе въ трудахъ Кошіевича и Поликарпова. Историческіе труды Манкіева, южнорусскихъ хронистовъ; Лейбницъ; русскій переводъ славянской исторіи Орбини. Историческіе труды Байера, Миллера, Татищева, Ломоносова, Тредьяковскаго, Щербатова, Болтина. Вопросъ о Варягахъ и Руси. Языкъ славенскій и русскій; Тредьяковскій, Ломоносовъ; словарь академіи. Екатерина II.

VI. *Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ.*

1. *Распространеніе словѣнскаго языка у славянскихъ народовъ* 515

Словѣнскій языкъ—первый у Славянъ письменный языкъ. Словѣнское богослуженіе у западныхъ Славянъ, его исчезновеніе и слѣды у Моравянъ-Чеховъ,

Поляковъ, Словенцевъ. Словѣнское богослуженіе у Хорватовъ, и въ Болгаріи, Сербіи, Русм. Словѣнскія св. книги, глаголическія и кириловскія.

2. *Словѣнскій языкъ и его изводы* 529

Раздѣленіе славянскихъ языковъ. Вліяніе ихъ на письменный словѣнскій, и его изводы: чешскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, русскій. Изводы чешскій и хорватскій. Распространеніе словѣнско-хорватскаго извода въ Прагу и въ Краковъ, въ два монастыря. Словѣнскій языкъ въ Чехіи и въ Польшѣ.

3. *Словѣнскій языкъ и его изводы болгарскій, сербскій, русскій.* 555

Словѣнскій языкъ — соединяющее свено между православными Славянами. Словѣнско-болгарскія книги распространяются къ Сербамъ и къ Русскимъ, подвергаются все усиливающемуся вліянію мѣстныхъ языковъ, а въ Болгаріи—вліянію болгарскаго. Исправленіе книгъ терновскимъ патріархомъ Евѣиміемъ и Константиномъ Костенчскимъ. Изводы болгарскій и сербскій. Русскій изводъ. Разнообразіе текстовъ и правописанія въ словѣнскихъ (словенскихъ, славенскихъ) церковныхъ книгахъ. Библии острожская и московская, и другія словѣнско-русскія книги издаются не только для Русскихъ, а тоже для Сербовъ и Болгаръ. Исправленіе словѣнско-хорватскихъ книгъ и введеніе въ нихъ словѣнско-русскаго извода.

4. *Попытки научной разработки словѣнскаго языка. Переводы св. книгъ на народный языкъ русскій* 584

Отождествленіе словѣнскаго языка съ болгарскимъ, сербскимъ, русскимъ. Мнѣніе терновской школы и Константина Костенческаго. Мнѣніе русскихъ книжниковъ. Языкъ словѣнско-русскій, „русскій“, благодаря церковнымъ книгамъ, букварямъ, грамматикамъ, словарямъ, считается настоящимъ славенскимъ, на Руси, въ Болгаріи, Сербіи и Хорватіи. Русскіе переводы св. книгъ, Скорины, Буднаго, Негалевскаго, Григорія пересопницкаго и Михаила саноцкаго, Типинскаго и др.

5. *Чествованіе свв. Кирилла и Методія у Славянъ* 602

Память святыхъ апостоловъ у всѣхъ Славянъ, особенно у православныхъ. Возобновленіе ихъ чествованія у Славянъ католиковъ въ XIV в. Повѣствованія объ апостолахъ, житія и лѣтописи, у всѣхъ Славянъ. Кириллъ и Меѳодій—общеславянскіе учителя.

ТОМЪ III-Й (часть I).

ПРЕДИСЛОВІЕ I

I. Полабско-балтійскіе Славяне, Чехи и Поляки.

1. Связи политическія. Балтійско-полабскіе Ляхи и полабскіе Сербы. Великоморавская держава. Чехи и Лютичи. Балтійско-полабскіе Славяне и Поляки временъ Болеслава Храбраго. Поморяне, Поляки, Чехи, лужицкіе Сербы и Чехи. Взглядъ Поляковъ и Чеховъ на гибель балтійско-полабскихъ Славянъ. Чешскій и польскій переводъ саксонскаго зеркала о взаимныхъ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Славянъ 1

2. Связи культурныя. Христіанство и христіанская терминологія у полабско-балтійскихъ Славянъ. Чешскій языкъ и правописаніе, чешскія книги у лужицкихъ Сербовъ. Сербскій новыи завѣтъ Н. Якубицы. М. Френцель, Я. Тицинъ, З. Бирлинъ. Католическая сербская семинарія въ Прагѣ. Полякъ І. Потоцкій и его путешествіе въ полабско-балтійскихъ странахъ 12

II. Чехи и Поляки.

1. Западно-славянскія государства моравскихъ Моймировичей; чешскихъ Болеславовъ, польскаго Болеслава Храбраго; неудавшаяся попытка чешскаго Брячислава. Премысловичи и Пястовичи. Чешскій король Премысль Отакаръ II, его отношеніе къ Польшѣ, его борьба съ нѣмецкимъ королемъ Рудольфомъ Габсбургомъ и смерть (1278). Габсбурги на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ. Чешскій король Вячеславъ II королемъ польскимъ (1300). Люксембурги въ Чехіи, присоединеніе Слезіи къ чешской коронѣ,

ихъ отношеніе къ Польшѣ. Пруско-нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ и ихъ борьба съ Польшею, Литвою и югозападною (литовскою) Русью. 20

2. Гуситское движеніе, національное чешское и славянское. Общіе враги Славянства, Чеховъ, Поляковъ, Литвы и Русскихъ, Нѣмцы въ Германіи и нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ. Чешскій король Вячеславъ IV, тевтонскій орденъ и Польша. Домбровенская (грюнвальдская) битва (1410). Чехи и польскій король Владиславъ Ягайло. I. Гусъ, Іеронимъ Пражскій, ихъ сожженіе на позоръ славянскому народу. Гуситскіе Чехи, ихъ борьба (1419—1434) противъ Нѣмцевъ за славянскіе интересы вообще, ихъ отношенія къ польскому королю Владиславу Ягайлу и великому князю литовско-русскому Александру Витовту, ихъ желаніе присоеди- ниться къ славянскому востоку. Непониманіе Ягайломъ и Витовтомъ чешскаго вопроса какъ національнаго славянскаго, и тщетныя ихъ попытки примирить чешскихъ гуситовъ съ Римомъ. Литовско-русскій князь Сигизмундъ Корибутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Национальная политика Шафранцевъ. Чехи и литовско-русскій князь Швитригайло. Чешскіе гуситы, союзники польскаго короля противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, въ балтійскихъ странахъ и на базельскомъ соборѣ. Паденіе ревностныхъ гуситовъ, Сиротковъ и Таборовъ (1434). Пораженіе Швитригайла (1435). Славянская партія Чеховъ призываетъ на чешскій престолъ польскаго короля противъ короля нѣмецкаго и ея манифестъ объ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Чеховъ и вообще Славянъ. Тревога Нѣмцевъ по поводу предстоящаго соединенія Чехіи и Польши. Неудача плановъ этой партіи и поддерживающей ее Польши (1437 — 1439). Польская партія въ Чехіи (1439 — 1443). Чешскія военныя роты въ Угріи, Польшѣ и Прусіи, ихъ участіе въ борьбѣ Польши съ тевтонскимъ орденомъ изъ-за балтійскаго приморья и побѣда Польши (1454—1466). Чешскій король Юрій Подѣбрадскій (1458—1471) и польскій король Кази-

миръ, ихъ славянское сознаніе, роль Польши примирительницы по чешскимъ дѣламъ. Война Польши съ Угріею изъ-за чешской короны. Ягайловичи въ Чехіи и въ Угріи (1471—1526) 33

3. Габсбурги на престолахъ чешскомъ и угорскомъ. Политическая ошибка Польши. Стремленія Габсбурговъ пріобрѣсти тоже польскую корону. Чешскіе паны въ Польшѣ какъ послы императора и чешскихъ чиновъ, Розенбергъ, Пернштейнъ, Лобковицъ и др. и ихъ сношенія съ соплеменными Поляками (1572 --- 1573). Вильгельмъ изъ Розенберга, кандидатъ польской короны (1575). Неудачи Габсбурговъ, именно императора Максимилиана (1576). Неудачная кандидатура Габсбурговъ въ 1587 г., особенно эрцгерцога Максимилиана. Оломуцкій епископъ Ст. Павловскій въ Польшѣ. Замоискій и Розенбергъ. Польскій король Сигизмундъ сближается съ Габсбургами; его отношеніе къ чешскимъ дѣламъ 1618—1620 г. Чехи и Поляки, ихъ славянское сознаніе въ тѣ времена. Польша способствуетъ паденію Чехіи. Лисовчики. Политическая ошибка Польши. Чехи и Поляки послѣ паденія чешскаго государства. Паденіе Польши 119

4. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. Ихъ государственныи и общественныи строй. Христіанство у Чеховъ и Поляковъ, богосуженіе, словѣнское и латинское. Пражскій университетъ. Гуситство въ Польшѣ, мѣры противъ него; польскіе гуситы, паны Спытекъ изъ Мельштына, Авраамъ Збонскій, Николай Сестронецъ и др. Гуситство въ Польшѣ до конца XV и начала XVI вѣковъ. Польскіе гуситскіе священники. Гуситскія мнѣнія папа Іоанна изъ Остророга. Вопросъ причащенія подъ обоими видами у католиковъ Поляковъ. Чешскіе братья въ Польшѣ (съ 1548 г.) и ихъ сношенія съ другими польскими протестантами. Чешскіе братья въ Польшѣ послѣ 1620 г., І. А. Коменскій въ Лешнѣ. Языки чешскій и польскій, ихъ нарѣчія, фонологія, морфологія, лексикальная часть. Вліяніе чешскаго языка на польскій въ древнепольской письменности.

Церковная терминологія. Чешское духовенство въ
Польшѣ. Древнепольскіе переводы библейскихъ
книгъ, пѣснь, молитвъ, романовъ и др. и чешское
вліяніе. Польское и чешское правописаніе. Поляки
и Словаки. Чешскій языкъ въ Слезіи—официальный,
именно въ княжествахъ опольско-ратиборскомъ, тѣ-
шинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ,
Статуты опольско-ратиборскій и тѣшинскій. Чешскій
языкъ въ слезскихъ статутахъ, грамотахъ и пр.
Чешскій языкъ въ слезскихъ княжествахъ, присоеди-
ненныхъ къ Польшѣ, въ кн. сѣверскомъ, освѣтим-
скомъ и заторскомъ. Польско-слезскіе памятники.
Чешскій языкъ въ самой Польшѣ. Польскій языкъ
въ Чехіи. Чешское военное искусство, чешскія на-
емныя роты въ Угріи и въ подунайскихъ странахъ,
въ Польшѣ, Литвѣ, Руси; возовая ограда, названія
оружій, военная терминологія и пр. 165

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ КО ВСѢМЪ ТРЕМЪ ТОМАМЪ *).

А.

Абель, уч. II, 67, 137.
 Августа, чеш. братъ, III¹, 186, III², 256.
 Августъ, кесарь рим. II, 347, 385, 436, 437, 440, 457, 482, 483.
 Августъ II Саксонскій, кор. поль. I, 40, II, 409, 410, III¹, 163, III², 56.
 Августъ III, кор. поль. I, 41, II, 415.
 Авраамовичъ, Феодоръ, II, 305, 307.
 Авраамъ Збонскій, III¹, 176, 183.
 Авраамъ Чарный изъ Гощицъ, III¹, 51, 58, 176.
 Агнеса, абатиса, III¹, 25.
 Адамъ, прарод., II, 138, 139.
 Адамъ Вячеславъ, кн. тѣшин. III¹, 232.
 Адамъ, лѣтопис., I, 15, II, 12, 13.
 Адамъ изъ Радзеёва, III¹, 178.
 Адодуровъ, II, 507.
 Адрианъ II, папа, II, 451, 603, 615.

Адрианъ, патріархъ, II, 597.
 Аксамитъ, III¹, 229.
 Аланъ, II, 104.
 Алегретичъ, II, 389, 398, 399.
 Александръ Великій, II, 4, 5, 30, 33 — 35, 41, 87, 90, 104, 116, 117, 120, 123, 127, 135, 140, 230, 231, 233, 236, 238, 244, 245, 250, 273, 295, 345, 354, 257, 369, 370, 425, 438—440, 482, 503, III¹, 226, 233.
 Александръ I, имп. рус. II, 420.
 Александръ Невскій, I, 80, 81, II, 400.
 Александръ Витовтъ, см. Витовтъ.
 Александръ, кор. поль. и литов. I, 36, 175, II, 406, III¹, 116, 117, 254, III², 6, 47, 113, 179, 180—182, 193.
 Александръ (Олелько) Володимировъ, III², 153, 154, 187.
 Александръ, господарь Молд. II, 551.
 Алексѣевъ Петръ, II, 511, 592.

---

*) Сюда не вошли лишь имена авторовъ и издателей источниковъ и пособій, цитуемыхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, да собственныя имена приводимыя въ текстъ—въ видѣ примѣровъ, иногда изъ источниковъ—именно со стороны ихъ формы и т. п. Ред.

Алексѣй, св., Ш², 213, 223.
 Алексѣй Михайловичъ, I, 85, 86,
 194, II, 79, 314, 332, 349, 399.
 Алексѣй Петровичъ, царев. II, 415.
 Алексѣй, сынъ Лазаря пресвят., пи-
 сецъ, II, 532, 577.
 Алеша Поповичъ, богатырь, I, 193.
 Альбертъ, войтъ крак., II, 164.
 Альбрехтъ, импер. нѣм., Ш¹, 81,
 151.
 Альбрехтъ, австр. герц. и чеш.
 угор. король, Ш¹, 61, 79—81,
 83, 85—92, 99, 110, Ш², 178.
 Альбрехъ, герц. баварскій, Ш¹,
 89, 91.
 Альбрехтъ, маркграфъ (XV в.),
 Ш¹, 100, 109.
 Альбрехтъ, прусс.-бранденбур. кн.,
 II, 148, 163, 165, Ш¹, 119, 120,
 123, 124, 253.
 Альбрехтъ Медвѣдь, маркгр., I, 19,
 Ш¹, 5, 6.
 Альбрехтъ Костка изъ Поступицъ,
 Ш¹, 97, 252.
 Альдобрандини, Сильвестръ, II,
 355.
 Альтанъ, Ш¹, 148.
 Анастасій, ц. II, 223.
 Ангеларъ, св. II, 577.
 Андрашовичъ, Транквиллъ Андро-
 никъ, II, 87, 88, 210.
 Андрей, св., II, 128, 422, 453, 455,
 502.
 Андрей, архіеп. далм.-спл. II, 523.
 Андрей Боголюбскій, I, 79.
 Андрей (Гедимин.), Ш², 152.
 Андрей, воевода смоленскій, I, 167.
 Андрей Галка, изъ Добчина, Ш¹,
 179, 180, 206, 214.
 Андрей изъ Дуби, панъ, I, 175.
 Андрей изъ Кокорина, Ш¹, 173.
 Андрей Русинъ, мон., II, 571.
 Андрей изъ Яшовицъ, Ш¹, 217,
 222.
 Андриашевичъ, II, 284.
 Андриашевичъ, Дом. Ш², 265.
 Андроникъ, учит. Konst. Кост.,
 II, 560.
 Андроникъ, уч. св. Павла, II, 219,
 423, 453.

Д'Анжу, дюкъ, Ш¹, 129,
 Анна, греч. царевна, II, 19.
 Анна Ивановна, имп. I, 88, 89,
 II, 414.
 Анна Сигизмундовна, королева,
 Ш¹, 126.
 Ансбертъ, Ш¹, 250.
 Антиохъ, черноризецъ, II, 566.
 Антонъ, Карлъ, ист. II, 21.
 Антонъ Сенянинъ II, 288.
 Аппіанъ, II, 117.
 Ардалеонъ Св., I, 196.
 Аристотель, II, 34.
 Арнольдъ, лѣтоп., II, 13.
 Арнольдъ изъ Доброславина, II,
 63.
 Арсеній, еп. перемыш., Ш², 45.
 Арсеній IV, патр. печск. II, 305,
 307.
 Асармоть, праот. Сарм., II, 6, 103,
 119, 123, 124, 127, 141, 439.
 Ассемани, II, 238, 239.
 Асканій, II, 104.
 Асѣни, II, 426.
 Асѣнь, освобод. болг. I, 64.
 Атила, ц. I, 7, 183, II, 107, 485,
 Ш², 218, 224, 225.
 Аубанъ, истор. II, 46.
 Аѳанасій, патр. охрид., II, 213.
 Аѳанасій, уч., II, 67.
 Аѳанасій, рус. писецъ, II, 571.

Б.

Бадовскій, гетм., Ш², 218.
 Базиликъ, Кипріанъ, Ш¹, 190.
 Байда, рыцарь, I, 195.
 Байеръ, II, 303, 489, 490, 500.
 Балабаны (Болобаны), Ш², 52, 80,
 232.
 Балабанъ Адамъ, Ш², 104.
 Балабанъ Александръ, Ш², 104.
 Балицкіе, Ш², 61, 68, 80.
 Балицкій, панъ, Ш¹, 40.
 Балшичи, I, 60.
 Бальбинъ, чешск. ист., I, 30, II,
 34, 61—64, 611, Ш¹, 10, 38.
 Бандуловичъ, II, 264, 265.
 Бандури, Ансельмъ, II, 236, 303.
 Бановедъ, II, 264, 266.

Вараковичъ, П, 264, 265, 353.
 Барановичъ, Лаз., П, 181, 185,
 Ш², 44.
 Барберини, кардин., П, 356, 380.
 Варнинъ, сынъ Лестька, П, 106.
 Бароній, П, 454, 486.
 Бартошевичъ, Ш², 63—64.
 Вартошекъ изъ Драгоницъ, лѣто-
 пис. Ш¹, 87.
 Барскій, В. Г. рус. путеш. П, 398.
 Батиториячъ, Марое, П, 555.
 Баторій, Стефанъ, см. это имя.
 Батый, П, 450.
 Бахачекъ, Март. Ш¹, 190.
 Башкинъ, М. Ш², 237, 258.
 Башко (Башекъ), лѣтоп. П, 105,
 108, 109.
 Баянъ Симеоновичъ, царевичъ бол-
 гарск. I, 182.
 Бедрихъ, попъ, Ш¹, 68, 72, 84, 86.
 Бедрихъ, Ш², 63.
 Безпремъ Болесл. кн. пол., Ш¹,
 22.
 Бела IV, кор. угорск., I, 57.
 Белостенецъ, П, 269.
 Бемъ, родон. чеховъ П, 38.
 Бенедиктъ, св., Ш, 366.
 Бенешевичи, Ш², 75.
 Бенешовскій, филологъ, П, 36, 54—
 57, 148, 149, 546, 549, Ш¹, 137.
 Бенешъ изъ Мокровусъ, Ш¹, 84, 89.
 Бенко изъ Кухаръ, Ш², 63, 81.
 Березовскіе, Ш², 68, 80.
 Бериславичъ, I, 50.
 Берковскій, Янъ Павловичъ, П,
 552.
 Бернардинъ Сплѣтанинъ, П, 263,
 264, 271, 279, 283, 291, 539,
 540.
 Бернардъ, абб. клерв., Ш², 12, 13.
 Бернардъ изъ Цимбурга, Ш¹, 97, 98.
 Бернолакъ, П, 257.
 Беросъ, ист., П, 117.
 Бертольдъ изъ Липы, Ш¹, 125.
 Берында, Памва, П, 485; 480, 579;
 592, Ш², 44, 139; 231, 232.
 Бесъ изъ Колна, панъ, Ш¹, 233.
 Бецковскій, П, 64.
 Билеѣвскій, ист., П, 542, 546, 611,
 Ш², 254.

Бирецкіе (Берецкіе) Ш², 63, 64, 68.
 Бирецкій, Анастасій, Ш², 63.
 Бирецкій Иванъ, Ш² 63.
 Бирковскій, Ш¹, 214, Ш², 138, 139,
 144, 148.
 Бирлингъ, Зах., Ш¹, 17, 18.
 Биронъ, П, 414.
 Бискупскій, Петръ, Ш¹, 148, 149.
 Благославъ, Я., П, 48 — 58, 148,
 Ш¹, 186, 247, 248, 254, Ш²,
 252, 256.
 Блажовскій, Ш¹, 2.
 Блондъ, П, 7, 14, 112, 115, 117,
 227, 243.
 Бобаличъ, Маринъ, П, 229.
 Воболинскій, П, 484.
 Богашиновичъ П., П, 178, 381.
 Богорин, гербъ поль., I, 137, Ш¹,
 167.
 Богущъ, П, 139.
 Богухвалъ, лѣт. П, 105, 108, 109,
 111, 137, 421.
 Бодинъ, К., кн. сербск., I, 56, 64.
 Бозо, П, 17.
 Болекъ, кн. опольск., Ш¹, 62.
 Болеславъ I Храбрый, кн. поль.,
 I, 14, 16—18, 21, 31 — 33; П,
 9, 12, 17, 23, 24, 73, 81, 99,
 164, 427, 520, Ш¹, 4—7, 21 —
 23, 28, 32, 97, 165, 169, 205,
 229, Ш², 4, 15, 18.
 Болеславъ II, кн. поль., I, 32, П,
 74, Ш¹, 22, 32, Ш², 15.
 Болеславъ III, кн. поль., I, 19, 82;
 П, 73, 164; Ш¹, 7; 22, 28.
 Болеславъ IV, кн. поль., I, 138;
 Ш¹, 6.
 Болеславъ (V), кн. крак. и сандом.,
 Ш¹, 25, 215.
 Болеславы, кн. чет., I, 14, 23, П,
 23, Ш¹, 3—5, 21, 22, 28, 165;
 230, Ш², 15.
 Болеславъ, сынъ Лестька, П, 106.
 Болеславъ Тройденевичъ, кн. ма-
 зов. (см. Юрій II), Ш², 17, 18.
 Болеславъ, кн. опольскій, Ш¹, 180.
 Болеславъ, кн. тѣшинскій, Ш¹,
 242.
 Болтинъ, Ив., П, 506.
 Воинары изъ Балицъ, Ш¹, 243.

Бонаръ изъ Балиць, Северинъ, Ш¹, 243.
 Бонаръ —, Иоаннъ, Ш¹, 245.
 Бонфини, Ц, 126, Ш¹, 89, 110.
 Бопланъ, инженер. франц., Ш¹, 258.
 Боратинскіе, Ш², 68.
 Борецкіе, I, 169.
 Борецкій, Іовъ, митр., Ш², 220.
 Боривой I, кн. чеш., Ц, 125, 425, 449, 451, 604, 608, 610, 611.
 Боривой II Вратисл., чеш. кн. Ш¹, 22.
 Борисъ, кн. рус., Ц, 346, 569.
 Борисъ (Михаилъ), кн. болг., I, 63, Ц, 468, 589, 590, 609, 614.
 Борисъ, царь болг. (Асѣнев.) Ц, 585.
 Борисъ Годуновъ, I, 84, Ц, 192, Ш², 271.
 Боршовскіе, Ш², 68.
 Борута (Борота), панъ, Ш¹, 40.
 Ботеръ, геогр. Ц, 133, 134, 441, 455.
 Бохоричъ, Ц, 249, 258, 270, 279, 285, 287, 290, 294—299, 546.
 Боянъ, I, 184, 195.
 Браницкіе, Ш², 62, 207.
 Браницкій, старш. сан. Ш², 81.
 Бранковичи, I, 61, 109.
 Бранковичъ Юрій, десп. I, 59.
 Бранковичъ Юрій, ист. (XVIII в.), Ц, 218, 226, 251, 253, 307.
 Братковскіе, Ш², 80.
 Брачолини Поджо, Ш², 249.
 Брежевскій Амвр., Ц, 425.
 Брезакъ изъ Бѣлой, Ш¹, 252.
 Брезанъ Вяч., Ш¹, 185.
 Брѣзовскій Вал. Ш¹, 189, 228.
 Бродовичъ Θεодосій, Ш², 240, 241.
 Бродскій Андрей, Ш¹, 170.
 Брозичъ, Ц, 267, 582.
 Бронскій, Ш², 44.
 Бруно, Дж., Ш², 235.
 Брунонъ, еп. оломуц. Ш², 75.
 Брунтальскій Николай, изъ Вербна Ш¹, 236.
 Брюсъ, ген., Ц, 478, 490.
 Брюховецкій, гетм. Ш², 219.
 Брячиславъ, кн. чеш. I, 14, 24, Ц, 23, Ш¹, 22, 24, 28, 165, 169.

Бугенгагенъ, историкъ, Ц, 15, 16.
 Будиничъ, Сим., Ц, 153, 264, 267, 270, 272, 275, 276, 278, 279.
 Будный, Сим., Ц, 152—151, 549, 595, 597, Ш¹, 214, 222, 223, 260, Ш², 139, 140, 211.
 Бужинскій Гавр., Ц, 473, 479.
 Бужинскій Іосифъ Кеглевичъ, Ц, 238.
 Буковецъ, Ш¹, 39.
 Букуа, Ш¹, 160.
 Булавинъ, атаманъ, I, 88, 169.
 Буничъ Никол., Ц, 356.
 Бурцовъ Вас., Ц, 591.
 Бутовичъ Григор., Ш², 135, 148.
 Бутримы, Ш², 163.
 Буковецъ, таборитъ, Ш¹, 55.
 Буцеръ, Ш¹, 186, Ш², 256.
 Бучацкіе (-Язловецкіе), Ш², 62, 63, 70, 81, 106.
 Бучацкій Мих., Ш², 63, 82, 83.
 Бучацкій Янъ, Ш², 63.
 Бучацкій Бартошъ, Ш², 63.
 Бучацкій Мужилъ, Ш², 63.
 Бучацкій Федоръ, Ш², 82.
 Буничъ, Ц, 261.
 Быбельскіе, Ш², 67, 68, 102.
 Быбельскій, Сенко, Ш², 66.
 Быховецъ, лѣтоп., Ш¹, 96.
 Бѣлецкіе, Ш², 63, 67, 68.
 Бѣлецкій Іоаннъ, Ш², 64.
 Бѣлье, Ш¹, 252.
 Бѣлый Павелъ, I, 105.
 Бѣлый I., Ш¹, 253.
 Бѣльскіе, Ш², 171.
 Бѣльскій, Март., истор., Ц, 34, 42, 45, 72, 101, 103, 106, 109, 112, 115, 116, 119—121, 125, 126, 131—134, 137, 141, 150, 226, 425—427, 435—438, 442, 444, 449, 454—457, 548—550, 610, Ш¹, 2, 156, 209, 245, 254, 256—259, Ш², 117, 138 — 142, 148, 173, 212, 222, 254.
 Бѣльскій Іоакимъ, Ц, 109, 119, 166, 438, Ш², 271.

В.

Вага, Ц, 137, 141, 142.

Вазы (польскіе), II, 82.
Валлисы, III¹, 160.
Вальвазоръ Іоаннъ, бар., II, 248, 249.
Вальдемаръ, кор. дат., I, 19.
Вальдштейны, чеш. родъ, I, 137, III¹, 160.
Вальдштейнъ Гинекъ (Генрихъ), III¹, 50.
Вальдштейнъ Альбр. III¹, 160.
Вальдштейнъ Іоаннъ, III¹, 252.
Вальдштейнъ, архіеп., II, 59.
Ванда Краковна, II, 104, 117, 141, 142, 427.
Вандалъ, праот. Вандаловъ, II, 6, 15, 38, 104, 119, 127, 141.
Вавѣкъ Пиво, III¹, 51.
Ваповская Екатерина, кастел. перемыш. III², 57.
Ваповскій, учен., II, 43, 101, 112—116, 121, 140, 172, 186, 187, 207, 209, 442, III¹, 71, 94, 116, 202, 253, 254, 262, III², 178.
Барвара Радивиловна, вт. ж. Сигизм. Авг., III², 196.
Баршевицкій Христосъ., II, 76, 89, 134, 229, 231, III¹, 139.
Бареоломей, кн. Минстербергскій, III¹, 242.
Василій I, моск. кн. I, 81.
Василій II, моск. кн., 81.
Василій Иван. III, I, 83, 169, II, 209, 348, III¹, 262, III², 2.
Василій, виз. императ., II, 19, 203, 454, 480, 609, 613.
Василій Петровичъ, черног. влад., II, 205.
Василій Буслаевичъ, богатырь, I, 193.
Василько Ростиславичъ, кн. рус., II, 401, III², 16.
Васильковскіе, III², 80.
Велеславинъ, ист., II, 34, 37, 39, 40, 42, 59, 224, 548, III², 254.
Велесъ, яз. бож. I, 179, 184, 185, 187, II, 424.
Величко, II, 484.
Венгерскій, ист., II, 127, 130, 131, 293, 315, III¹, 186, 191, 192, III², 256.

Венгерскій, повтъ, II, 196.
Веніаминъ, доминик., II, 573, III², 268.
Венява, поль. родъ., III¹, 166, 167, III², 140.
Вергерій П., III¹, 190.
Верещинскій Андрей, III², 69.
Верещинскій Федоръ, III², 69.
Верещинскій Іос., II, 89, 91, III², 69, 138, 143, 144.
Вертба (изъ —), чеш. родъ, III¹, 160.
Верушъ, поль. гус. III¹, 63.
Вершовичи, III¹, 22.
Веста, II, 151.
Ветраничъ, II, 264, 371, 372.
Видомиръ, I, 183.
Видукиндъ, I, 15, 75, II, 11, 13, 117.
Викентій, лѣт., см. Кадлубекъ.
Викентій, чеш. лѣтоп., III¹, 6.
Виклефъ, III¹, 172, 173, 176, 177, 179, 180, 214.
Викторинъ изъ Вшегрдъ, I, 175.
Викторинъ, сынъ Юрія Под., III¹, 242.
Вильгельмъ австрійск., перв. мужъ Ядвиги поль., III¹, 91.
Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ, III¹, 38, 50, 51, 68, 69, 72, 76.
Винницкіе, III², 80.
Виргилій, I, 182.
Висаріонъ, митр. герцег., III², 265.
Витвицкіе, III², 69, 80.
Витезовичъ Риттеръ, Пав., II, 233, 234, 235, 239, 243, 260, 262, 267, 274, 373, 386, 389, 392, 409.
Витезъ Иванъ, изъ Средны, III², 276.
Витковичи, чеш. родъ, I, 137.
Витковскій, II, 161, 190, 193.
Витовтъ Александръ (Ольгердовичъ), I, 82, 207, III¹, 34, 37, 40, 41, 44—48, 51—67, 74, 75, 77, 174, 253, III², 14, 62, 64, 152—154, 156—159, 165, 173, 177, 178, 180, 181, 184, 185, 189, 195, 199, 222, 247—249.
Витри, франц. посл., II, 84.

Витсенъ Ник., II, 348.
 Витъ = Святovitъ, II, 40.
 Витъ, св. I, 16.
 Вишиміръ, сынъ Лестька, II, 106.
 Вишневекіе, рус. родъ, I, 138, 139, 190, III¹, 78, 157, III², 171.
 Вишневекій Мих., кор. II, 178, 179, III¹, 79, 230.
 Вишневекій Іеремія, кн., III¹, 78.
 Вишневекій, гетм., III², 218.
 Вишничъ, сербск. рапсоѣ, I, 196.
 Віеторъ. III¹, 184.
 Владиміръ Святой, I, 78, 79, 193, 195, II, 19, 312, 431, 443, 445, 447, 453, 454, 457, 528, 589, III², 17, 26, 27, 130.
 Владиміръ Мономахъ, I, 80, III², 15, 17,
 Владиміръ Ярославичъ, кн., III², 97.
 Владицъ, гот. кор. II, 223.
 Владиславичъ Сава, II, 232.
 Владиславъ I Локотокъ, I, 33, II, 164, III¹, 29, 30.
 Владиславъ II—Ягайло, см. Ягайло.
 Владиславъ III, кор. поль. и угрочеш., I, 35, II, 82, 85, 86, 112, 126, 169, 206, III¹, 76, 83—92, 95, 251, 252, 257, III², 48, 85, 86, 92, 178.
 Владиславъ IV, король и кор. поль., I, 39, 84, II, 81, 178, 189, 193, 374—377, 381, III², 220.
 Владиславъ I, кн. чеш., III¹, 23.
 Владиславъ Казиміръв., кор. чеш. и угор., I, 28, 73, II, 86, 207—209, 227, III¹, 108, 109 — 118, 121, 131, 180, 231.
 Владиславъ (Ладиславъ) Альбрехтовичъ (постумъ), I, 70, III¹, 89, 91—93, 98—100, 103, 229, 251.
 Владиславъ, кн. серб. II, 450.
 Владиславъ, кн. ополь. (XIII в.), III¹, 27.
 Владиславъ, кн. ополь. (XIV в.), III², 63, 83, 108.
 Владиславъ Грамат., II, 221, 563.
 Власій, св., I, 187.
 Властиславъ, кн. Лучанъ, I, 134.
 Власть Петръ, III², 12, 13.
 Влаичъ Матв., см. Франковичъ.

Водникъ, В., II, 201.
 Водопія, Марое, II, 355.
 Вовйковъ, II, 471.
 Войшелкъ Миндовг., III², 152.
 Войтѣхъ, св., II, 28, 30, 47, 140, 426, 448, 449, 452, 453, 518, 519, 541, 548, 604, 605, III¹, 3, 169, 170, III², 244.
 Войтѣхъ, вельм. Славников., III¹, 22.
 Войтѣхъ Ястрембецъ, еп. крак., III¹, 40, 44, 49.
 Войтѣхъ изъ Хлума, III¹, 252.
 Волкъ, жуп. (его еванг.), II, 527, 567, 568.
 Воловичи, III², 211.
 Володимиръ (Ольгерд.), III², 152 153.
 Волчекъ изъ Ченова Вячеславъ, III¹, 251, 259, 262.
 Волчекъ Переслужичъ изъ Рогатина, III², 118.
 Воронежскіе, III², 171.
 Вороничъ, II, 197.
 Воротынскіе, III², 171.
 Вrameцъ Ант., II, 261, 266.
 Вранчичъ Ф., II, 14, 58, 227 — 229, 243, 268, 290, 302, 510.
 Вратиславъ I, кн. чеш., III¹, 3.
 Вратиславъ II, кн. чеш., II, 518, III¹, 22, III², 244.
 Вратиславъ изъ Митровицъ, II, 223, 555.
 Вратиславъ, кн. мор., III¹, 5.
 Вршовичи, I, 107.
 Врубль В., III¹, 219, 220, III², 140.
 Всеволодъ Юрьевичъ, I, 79, 144.
 Всеславъ Полоцкій, I, 182, 184, III², 150.
 Вукъ, II, 550, III¹, 222.
 Вукашинъ Мрнявичъ, кор. сербск., I, 58.
 Вуковичъ Божидаръ, II, 804, 863.
 Вуковичъ Виентій, II, 804.
 Вучичъ Стефанъ, воевода, I, 60.
 Вукъ Бранковичъ, I, 192.
 Вукъ Ст. Караджичъ, см. Караджичъ.
 Вхинскіе, III¹, 160.
 Вхинскій Вячеславъ, III¹, 142.

Выговскій, I, 169, III², 218.
 Вяземскіе, I, 138.
 Вяткоу, праотець Вятчей, II, 6, 111, 124, 439, III², 3.
 Вячеславъ, св., I, 30, 102, II, 28, 30, 59, 60, 61, 64, 423, 425, 429, 442, 447, 451, 458, 460, 518, 548, 604, 605, 607, III¹, 3, 43, 60, 99, 105, 120, 169, 170.
 Вячеславъ I, кор. чешск., I, 24.
 Вячеславъ II, кор. чешск., I, 24, 33, II, 521, III¹, 27 — 29, 131, 208.
 Вячеславъ III, кор. чешск., I, 70, III¹, 29.
 Вячеславъ IV, кор. чеш., I 25, II, 450, III¹, 32, 35, 36, 38, III², 92.
 Вячеславъ, кн. ошавскій, III¹, 70, 242.
 Вячеславъ, кн. тѣшинскій, III¹, 235.
 Вячеславъ изъ Енштейна, III¹, 51.
 Вячеславъ изъ Раупова, III¹, 150.

Г.

Габсбурги, II, 27, 71, 72, 75, 76, 82, 90, 93, 94, 164—166, 213, 418, III¹, 27, 92, 95, 123—165, 247.
 Гавенскій, I, 139.
 Гавинскій, II, 161, 177, 180, III², 144, 147.
 Гавріилъ, инокъ, II, 425.
 Гаекъ, ист. II, 34, 35, 37, 38, 42, 43, 67, 68, 116, 117, 125, 231, 449, 486, 610, 611, III¹, 248, III², 254.
 Гаекъ изъ Годѣтина, III¹, 259, 261.
 Галеотъ М., III¹, 114.
 Галетъ Іоаннъ, гус. попъ, III¹, 180.
 Галилей, III², 235.
 Галка, см. Андрей Галка.
 Галласы, III¹, 159.
 Галлеръ, III¹, 184.
 Гальшовскій Мих., III², 192, 193.
 Галятовскій, III², 44.
 Гаральдъ, королев. норв., II, 432.
 Гарантъ Христоф., II, 200.

Гарасавичъ, II, 451.
 Гарткнохъ, II, 141.
 Гартманъ А., чеш. бр. III¹, 192.
 Гасилина, любовн., III¹, 244.
 Гаштовтъ Войтѣхъ, воев., III², 186, 187.
 Гаштовты, III², 163.
 Гвагнинъ, истор., II, 35, 46, 133, 173, 425, 441, 442, 445, 491, III², 139.
 Гдаціусъ Адамъ, III¹, 240.
 Гедиминовичи, I, 80, 134, III¹, 33, III², 151 — 154, 161, 169, 171, 172, 176.
 Гедиминъ, III¹, 33, III², 2, 19, 150, 151, 152.
 Гедройць Мельхіоръ, II, 292.
 Гедройтъ, III², 168.
 Гейдель изъ Рассенштейна, пос. нѣм., II, 398.
 Гейденштейнъ, II, 73.
 Гелиса Іафет., II, 114, 119.
 Гельмольдъ, лѣтоп., I, 15, II, 13, 43, 117, 231, 248, 492, 500, 502, III¹, 73, 74, 250.
 Геннадій, патр., III², 252.
 Геннадій, архіеп., II, 573, III², 268.
 Геннигъ, учен. свящ., II, 13.
 Генрихъ I (Птицеловъ), кор., I, 17.
 Генрихъ II, имп. нѣм., III¹, 21.
 Генрихъ IV, кор. нѣм., I, 18, III¹, 5.
 Генрихъ д'Анжу (Валуа) кор. поль., I, 38, 139, III¹, 132, 133.
 Генрихъ хорутанскій, кор. чеш., III¹, 81.
 Генрихъ Левъ, герц. сакс., I, 19, III¹, 5.
 Генрихъ, кн. (Годескальков.), I, 18.
 Генрихъ, кн. вратислав., III¹, 26, 27.
 Генрихъ, кн. глоговскій, III¹, 27, 232.
 Генрихъ Здикъ, еп. III¹, 5.
 Генрихъ изъ Манетини, III¹, 252.
 Генрихъ Пиво, III¹, 252.
 Генрихъ Пуздро, III¹, 252.
 Георгіевичъ Варо., ученый, II, 45, 149, 210, 301.
 Георгій св., I, 187, 189, 193.

Георгій Амартолъ, II, 219, 420, 423.
 Георгій изъ Срѣма, III¹, 122.
 Герасимъ, митр., III², 159, 237.
 Герберштейнъ, II, 35, 43, 45, 117, 119, 124, 132, 190, 230, 245—248, 303, 398, 404, 425, 435—437, 441, 500, III², 2, 268.
 Гербестъ, іев., III¹, 191, III², 54.
 Гербуртъ изъ Фульштына, Іоаннъ, II, 94, 101, 160, 161, III², 23, 75 — 80, 116, 138, 142, 148, 165.
 Гербуртъ изъ Фульштына, Валентинъ, еп., III², 73.
 Гербурты, III², 64, 74.
 Гердеръ, II, 514.
 Германовскіе, III², 67.
 Герміонъ, праот. нѣмц., II, 15.
 Геродотъ, ист., I, 182, II, 143.
 Гертвикъ изъ Рушинова, III¹, 84.
 Гесперъ, учен., II, 21, 49.
 Гижицкіе, III², 63.
 Гизель, ист., II, 34, 444.
 Гильфердингъ Пантолонъ, II, 415.
 Главачъ изъ Голедча, III¹, 252.
 Главиничъ, истор., II, 34, 245, 264, 276, 281, 285, 389, 440.
 Гласъ изъ Камениць, рыц., III¹, 51.
 Гледжевичъ Ант., I¹, 357.
 Глинскій Мих., кн., II, 436, III¹, 117, 262.
 Глѣбовичи, III², 211.
 Глѣбовичъ, II, 76, III², 207.
 Глѣбовичъ Станиславъ, III¹, 254.
 Глѣбъ, кн. рус., II, 346, 569.
 Гогенцоллерны, II, 27, III¹, 157, 162.
 Гогъ, II, 139,
 Годескалькъ, кн. ободричскій, I, 18, 107.
 Годуновъ Борисъ, см. Борисъ Г.
 Гоздава, родъ поль., I, 137.
 Гозій Станиславъ, еп., II, 554.
 Голешовскій Янъ, II, 520, 549.
 Голицкій Алешъ, III¹, 84.
 Голицкій Смиль, III¹, 69.
 Голицынъ В., кн., III¹, 262.
 Головчинскіе, III², 211.
 Голубекъ, II, 160.

Голубъ, гетм., III², 220.
 Гольшанскіе, III², 156, 165, 211.
 Гомеръ, II, 6, 138, 160.
 Гораздъ, св., II, 577.
 Горайскіе, III², 70.
 Горайскій, поль. панъ., III¹, 138.
 Горацій, II, 62.
 Горбачевскіе, III², 53.
 Гордіенко, I, 169.
 Горки, поль. родъ, I, 139, III¹, 135.
 Горка Андрей, II, 87.
 Горнекъ Оттокаръ, III¹, 27.
 Горницкій Л., II, 51, 57, 149, 155, 158, 549, 550, III¹, 200, 228, 245, III², 36, 138, 141.
 Горчичка, лексикогр., II, 65.
 Гостомскіе, I, 138.
 Гостомысль, II, 347, 440.
 Гостоунскій Валтазаръ, III¹, 247, 248.
 Гошовскіе, III², 61, 68.
 Грабовецкіе, III¹, 53, 80.
 Грабовскій, II, 89, 90.
 Грабянка, II, 484.
 Градичъ Игнатій, II 387, 389, 392, 409, 486, III², 275.
 Градичъ Стеф., II, 284, 302, III², 272.
 Граціани Ант., III¹, 132.
 Григорій Богословъ, II, 529, 533, 565.
 Григорій XIII, папа, II, 278, 611, III², 262, 270.
 Григорій Цамблакъ, II, 221, 222, 224, 560, 571, 572, III², 157, 161.
 Григорій, архим. хил., II, 570.
 Григорій, архим. пересопн., II, 598, III², 226.
 Григорій, митроп. ун. (преемн. Исидора), III², 49.
 Григорій, діаконъ новогор., II, 525, 527, 532, 533.
 Григорій изъ Геймбурга, III¹, 108, 112, 252.
 Григорій изъ Жарновца, III¹, 189.
 Григорій изъ Санока, II, 112.
 Григорій, чеш. бр., III², 255.
 Гриммъ, франц. энцикл., II, 512.
 Гримултовскіе, I, 138.

Гродецкій, кан. вратисл., II, 550.
 Грозданка, бож. слав., I, 188,
 Гроновичи, чеш. родъ, I, 137.
 Гроховскій, II, 159, 161, 167, 190,
 192.
 Грубишичъ, II, 281.
 Грубый, II, 148.
 Грыѣъ, поль. гербъ, III², 189.
 Губачекъ Петръ, III¹, 241.
 Гундуличъ Ив., II, 159, 178, 244,
 257, 264, 267, 322, 352, 354,
 355, 356, 357, 369 — 371,
 374—378, 381, 383, III², 277.
 Гундуличъ Францискъ, II, 357,
 381, 389, 399.
 Гундуличъ Троянъ, III², 276.
 Гундичъ Матв., III², 266.
 Гурки, III², 154.
 Гусъ Іоаннъ, I, 25, 206, II, 29,
 48, 82, 293, 392, 456, 505, 549,
 III¹, 34, 39—44, 153, 171, 172,
 173, 176, 177, 180, 183, 191,
 215, 227, III², 157, 235, 237,
 246—251, 253.
 Гусъ, воинъ, III¹, 39.
 Гутсманъ Освальдъ, грам., II,
 258, 300.
 Гуэрта, испан., III¹, 161.
 Гюйсонъ, баронъ, II, 482.

Д.

Давидовскіе, III², 67, 68.
 Даждъбогъ (Дажбогъ), I, 179, 184,
 II, 423, 421.
 Далеевскіе, III², 62, 63, 81, 83.
 Далеевскій Іоаннъ, III², 65.
 Далеевскій Кола, III², 83.
 Далимиль, лѣтопис., II, 31, 33, 42,
 108, 336, 421, 604, III¹, 2, 8,
 9, 10, 24.
 Далматинъ Антонъ, II, 259, 264,
 285, 286, 288, 290, 291, 296.
 Далматинъ Юрій, II, 21, 257 —
 260, 267, 270, 285, 287, 288,
 293, 294, 297.
 Дамалевичъ, III¹ 178, III², 9.
 Давичичъ Юрій, III², 277.
 Даниль, прор., II, 139.

Даниль Романовичъ, I, 80, II,
 461, III², 2, 16, 17, 27, 75, 87.
 Даниль Александровичъ, I., 81.
 Даниль, серб. лѣтоп., II, 253.
 Дантышекъ Іоаннъ, II, 186, 187,
 III¹, 255.
 Дашковичъ, гетм., III², 218.
 Деллабелла, II, 269, 283, 302.
 Денница, бож. слав., I, 188.
 Державинъ, II, 412.
 Дерславъ изъ Рытвянъ, III¹, 176.
 Децій, III¹, 262, III², 50.
 Джаманичъ, II, 267, 270.
 Джорджичъ Игн., II, 244, 264,
 266, 271, 354, 355, 363—365,
 366, 389.
 Джорджичъ, хорв., II, 210.
 Джурины Іосифъ, II, 275.
 Держва, II, 104, 108.
 Дзѣдушицкій Маврикій, III¹, 49.
 Дивишъ Борекъ изъ Милетинка,
 III¹, 69.
 Дивковичъ, II, 257, 264, 273, 274.
 Димитрій Донской, I, 81, 82, 184,
 II, 342, III², 26.
 Димитрій Ольгердовичъ Корыбутъ,
 III¹, 54.
 Димитрій изъ Зинкова, III², 135.
 Димитрій Ростовскій, II, 454, 455,
 484, 586.
 Димитрій царевичъ, I, 84, II, 191,
 192.
 Димитрій, дьякъ, II, 564.
 Дитрихштейны, III¹, 159.
 Диоклейскій попъ (Дуклянскій),
 II, 223, 603.
 Диоклетіанъ, имп. II, 244.
 Діонисій, митр. терн., III², 130.
 Длугошъ, истор., I, 183, II, 43, 74,
 75, 101—103, 106, 109 — 111,
 114, 119, 121, 125, 141, 363,
 434, 442, 444, 486, 491, 546,
 550, 610, III¹, 2, 7, 37, 41, 49,
 50, 78, 96, 97, 99, 103, 104,
 111, 156, 170, 173, 175, 176,
 256, 257, 260, III², 9, 10, 14,
 17, 65, 76, 140, 153, 162, 178,
 190, 250.
 Добеславъ изъ Курозвенкъ („п. Лю-
 бельчикъ“) III¹, 110.

Добнеръ, II, 67, 68, 108, 137, 142, 612.
 Добрава Болесл., кн. чеш., III¹, 21, 169.
 Добренскіе, III¹, 160.
 Добрилъ, II, 528, 566.
 Добровскій Юсифъ, II, 22, 68, 69, 159, 578, 612, III¹, 18.
 Добрыня Никитичъ, богатырь, I, 193.
 Добрянскіе, III², 81.
 Добрыта, пѣвецъ, I, 196.
 Дойчинъ, юнакъ, I, 192.
 Долгоруковъ, кн., посолъ, II, 455.
 Долежалъ, II, 65, 257.
 Дольчи (= Сладичъ) Севаст., II, 244, 303.
 Домбровка, княжна, II, 427, 451.
 Донатъ, III², 254.
 Дорогостайскіе, III², 70, 211.
 Дорошенко, I, 169, III², 218.
 Дороеа изъ Прибѣславицъ, III¹, 59.
 Дороей, патр. охрид., II, 564.
 Досноей Обрадовичъ, II, 214, 215, 308, 390, 487, 488, III², 276, 277.
 Драгомира, III¹, 3.
 Драгославъ Іоаннъ, II, 443.
 Драгыня, презвит., II, 567, 568.
 Драховскій, II, 555.
 Држичъ Маринъ, II, 284, 355.
 Дрогоѣвскіе, III², 70, 79.
 Друцкіе, I, 138, III², 171, 211.
 Дубовичъ I., II, 451.
 Дубравскіе, III², 53, 81.
 Дубравскій, лѣтоп., II, 37, 39, 43, 46, 117, 125, 231, 248, 303, 611.
 Дубрау Матв., III¹, 17.
 Дуба (изъ—), чеш. родъ, III¹, 160.
 Дудичъ, III¹, 134.
 Дуклянъ, яз. бож., I, 187.
 Дулѣба, II, 111.
 Дунай Ивановичъ, I, 194.
 Дуниъ, панъ, III¹, 40, 135.
 Дурихъ Фортунатъ, II, 66.
 Духинскій, II, 505.
 Духовскій, II, 67.
 Дѣмболѣнцкій Войт., II, 138, 139, 300, III¹, 149.

Дѣмбенскіе, III¹, 243.
 Дюкъ Степановичъ, I, 194.
 Дюфрентъ (Диканжъ), II, 238, 239.
 Дѣдошицкіе (Дзедушицкіе), III², 52, 61, 67, 68, 102, 127.
 Дѣдошицкій Вячеславъ, III², 67.
 Дѣдошицкій Іоаннъ, III², 67.

Е.

Ева, II, 125.
 Евгеній IV, папа, II, 402.
 Евдокимъ, рус. книжн., II, 464.
 Евнутій (Явнута), III², 152.
 Евнутьевичи, III², 154.
 Евсевій, II, 571.
 Евстратій, попъ, II, 563.
 Евемій, патр. болг., II, 222, 560, 561, 563, 586, 587.
 Евемій, мон., II, 591.
 Ежовскій, III², 142.
 Екатерина II, I, 88, 89, II, 184, 195, 196, 205, 390, 411, 417, 419, 420, 498, 505, 511, 512.
 Екатерина Мальхеръ, III², 235.
 Елагинъ, II, 505, 510.
 Елацичи—Бужимскіе, хорват. родъ, I, 138.
 Елена, св., II, 244, 384.
 Елизавета Петровна, I, 88, 89, II, 414, 415.
 Елисавета, дочь им. Сигизм., III¹, 79, 91, 92, 99, 229.
 Елисавета, дочь кор. поль. Премысла, III¹, 28.
 Елисавета Альбрехтовна, III¹, 97, 99.
 Елиты, поль. р., III¹, 167.
 Елиса, прат., II, 6, 31, 38.
 Еникъ, изъ Мечкова, III¹, 251, 253.
 Ефремъ Сиринъ, II, 566.
 Ешинъ Навелъ, III¹, 10.

Ж.

Жабокрупкіе, III², 63.
 Жабокрупкій (Кухарскій), III², 83.
 Жабчицъ, II, 191, 192.
 Жакъ изъ Свеборовицъ, III¹, 39, 97, 252.

Жатецкій Мартинъ, II, 53.
 Жачичи, III², 211.
 Жеборовскій, III², 139.
 Желиборскіе, III², 53.
 Желиборскій Арсеній, еп. львов., III², 45, 135.
 Желивскій Іоаннъ, попъ, III¹, 53.
 Жеротинскій Іоаннъ, III¹, 253.
 Жеротинскій Карлъ, III¹, 186.
 Жеславскіе (Заславскіе), III², 154, 171.
 Жефаровичъ, II, 239, 307.
 Жидекъ Павель, III¹, 244.
 Жижка Іоаннъ, I, 27, II, 26, 82, III¹, 37, 43, 50, 55, 56, 62, 63, 72, 94, 153, 158, 191, 251, 255, 256, 259.
 Жолкевскіе, III², 70, 126, 207.
 Жолкевскій, гетм., II, 190, 192, III¹, 146, 149, 258, III², 116, 128.
 Жолковскіе, III², 53, 127.
 Жоховскій, II, 328, 552, III², 44.
 Жугаевъ Василій, изъ Яросл., III², 135.
 Жураковскіе, III², 80.

3.

Заборовскій, II, 148, 149, III¹, 227, 228.
 Завицкій, 161.
 Завиша Чарный, изъ Гарбова, III¹, 38, 40.
 Заглобы, поль. родъ, III, 167.
 Загоровскій Вас., III², 217.
 Загуровичъ, II, 585.
 Зализнякъ, I, 195.
 Замойскіе, I, 139, II, 160, III², 70, 80, 126, 207.
 Замойскій Іоаннъ, II, 72, 166, 167, 190, III¹, 127, 139 — 141, 153, 259, 261, III², 53, 115, 128.
 Замойскій Оома (с. Іоанна) III², 53.
 Замостьскіе, III², 53, 68, 102, 127.
 Замостьскій Олехно, III², 53.
 Занотти, II, 265, 269.
 Заславская Елизав., III², 76, 79.
 Збаражскіе, III¹, 78, 150, 157, III², 92, 171.
 Збаражскій Христофоръ, II, 94, 176, 190, III¹, 78, III², 78.

Збаражскій Юрій, II, 94, III¹, 78, 147, 148, 252, 153, 156.
 Збонскій, см. Авраамъ Збонскій.
 Зборовскіе, поль. родъ, I, 139, III¹, 135.
 Зборовскій Самуилъ, III², 217, 218.
 Зборовскій Петръ, воев. позн., III¹, 123.
 Зборовскій Христоф., III¹, 247.
 Зборовичъ, II, 264.
 Збраславскій Петръ, II, 521.
 Збыгнѣвъ Владисл., кн. поль., III¹, 22.
 Збыгнѣвъ Олешницкій, еп. крак., II, 101, III¹, 49, 56, 66, 68, 84, 92—94, 175 — 177, 235, 244, III², 14, 49, 50, 158, 177.
 Збылитовскій Андр., III², 144.
 Звониміръ Диметрій, I, 49.
 Звечичъ, II, 289.
 Зденекъ изъ Рожмиталя, III¹, 119, 122, 243.
 Зденекъ изъ Штернберга, панъ, III¹, 103, 105.
 Зебридовскій, I, 39, III¹, 185, III², 75.
 Зеленко, II, 258.
 Земка Тарасъ, II, 576.
 Зеновичи, III², 211.
 Зеновичъ Ник., II, 147, III², 258.
 Зибартъ Іоаннъ, проф., III¹, 39, III², 249.
 Зизаній Лавр., II, 257, 592, III², 44, 231.
 Зиморовичъ Іос. В., II, 161, III², 18, 45, 112, 128, 138, 144—148.
 Зиморовичъ Ш., III², 138, 144, 145.
 Зиновій, книжникъ, II, 601.
 Зировскій, III¹, 233.
 Златаричъ, II, 264—266, 271, 322, 357.
 Змаевичъ, II, 389, 471, 583.
 Змаевичъ, контръ-адмир., III², 272.
 Змешкаль, ротм. III¹, 253.
 Змѣй Горыничъ, I, 193.
 Зонара, II, 119, 121, 219, 220, 423, 426, 434, 442, 569.
 Зораничъ, II, 264.
 Зотовъ К., II, 415, 478.
 Зренчицкій Я., III¹, 154.

Добнеръ, П, 67, 68, 108, 137, 142, 612.

Добрава Болесл., кн. чеш., Ш¹, 21, 169.

Добренскіе, Ш¹, 160.

Добрихъ, П, 528, 566.

Добровскій Іосифъ, П, 22, 68, 69, 159, 578, 612, Ш¹, 18.

Добрыня Никитичъ, богатырь, I, 193.

Добрянскіе, Ш², 81.

Добрята, пѣвецъ, I, 196.

Дойчинъ, юнакъ, I, 192.

Долгоруковъ, кн., посолъ, П, 455.

Долежалъ, П, 65, 257.

Дольчи (= Сладичъ) Севаст., П, 244, 303.

Домбровка, княжна, П, 427, 451.

Донатъ, Ш², 254.

Дорогостайскіе, Ш², 70, 211.

Дорошенко, I, 169, Ш², 218.

Дороженъ изъ Прибѣславницъ, 59.

Дорожей, патр. окрид., П, 277.

Доседей Обрадовичъ, П, 308, 390, 487, 488, 277.

Драгомира, Ш¹, 3.

Драгославъ Іоаннъ, I, 216.

Драгыня, презвитъ, I, 216.

Драховскій, П, 55.

Држиць Маринъ, I, 216.

Дрогоѣвскіе, Ш², 216.

Друцкіе, I, 139.

Дубовичъ I, I, 216.

Дубравскіе, I, 216.

Дубравскій, I, 216.

Дубрау У, I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дуба (изъ), I, 216.

Дамбенскіе, Ш¹, 243.

Дюкъ Степановичъ, I, 211.

Джурентъ (Диканжъ), I, 211.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

Дѣдошницкіе (Дзе), I, 139.

ець, еписк., см. Ша-

255, 257, 557,

ч., III¹, 222.

II, 594,
—133,

569.

Іоаннъ Мѣричка изъ Крыгова, III¹
252.

Іоаннъ изъ Освѣтима, III², 49.

Іоаннъ Пушкаръ, III¹, 97.

Іоаннъ Рогачъ изъ Дубы, III¹, 62.

Іоаннъ Соколъ, III¹, 37.

Іоаннъ изъ Стобниці, II, 131.

Іоаннъ Терика, III¹, 253.

Іоаннъ изъ Тѣчана, III¹, 86.

Іоаннъ изъ Члжева, III¹, 7.

Іоаннъ изъ Шарова, III¹, 252.

Іоаннъ Филипецъ, уг. канцл. еписк.,
III¹, 115.

Іоакимъ Бѣльскій, см. Бѣльскій I.

Іоаннъ Пав., II, 35, 40, 45, 200, 201,
404, 425.

Іоаннъ, ист., II, 64—66, 110, 117,
222, 225, 303.

Іоаннъ изъ Закличина, III¹, 243.

Іоаннъ Іакова, II, 104.

Іоаннъ, ист., II, 4, 570.

Іоаннъ, II, 307.

Іоаннъ, II, 69, 214, 215,
413, III¹, 234, III², 27.

И.

Кабатникъ Март., III², 255, 256.

Кабога, ист., II, 371.

Кавечинскій, II, 597.

Кавка изъ Собѣсуку, III¹, 97, 252,

Кадлубекъ Викент., лѣтоп., II, 34,
35, 74, 103, 104, 108, 109, 112,
136, 436, III¹, 167, III², 4, 12, 76.

Казановскіе, поль. родъ, I, 138.

Казиміръ I, кн. поль., I, 106.

Казиміръ III Велик., кор. поль., I, 34,
175, II, 328, III¹, 31, III², 18,
22, 46, 50, 108.

Казиміръ IV, к. п., I, 36, 82, 166,
169, II, 548, 550, 572, III¹, 7,
84—90, 93, 94, 96 — 115, 121,
151, 171, 239, 241, 242, 247,
252, III², 50, 51, 65, 93, 120,
161, 165, 167, 170, 178—182,
193, 276.

Казиміръ Казиміровичъ (с. Казиміра IV), III¹, 114.

Казиміръ, сынъ Лестька, II, 106.

Казя, княжна чеш., I, 182, 183.

см.

242.

ратиб., III¹, 51,

свѣтискій, III¹, 97.

сала, II, 219, 423.

Витезь изъ Средны, архіеп.

остригом., III¹, 114, 116.

Іоаннъ Витезь, еп. Весприм., III¹,

116.

Іоаннъ Витовець изъ Гребня, III¹,

95.

Іоаннъ изъ Газенбурга, III¹ 184.

Іоаннъ Гертвикъ изъ Рушинова,
III¹, 89.

Іоаннъ Годіовскій, II, 59.

Іоаннъ изъ Голешова, II, 47.

Іоаннъ изъ Карикова, III¹, 254.

Іоаннъ Колда изъ Находа, III¹, 89,
95, 97, 98, 252.

Іоаннъ Миротичскій, II, 46.

Зринскій Ник., Сигет. герой (XVI в.), I, 50, 51, 192, 260, 370, 373.
Зринскій Петръ, I, 52, II, 84, 211, 260, 262, 266, 267, 373.
Зринскій Ник., (бр. Петра, XVII в.), I, 52, II, 211, 212, 262, 373.
Зутерь Андрей, III¹, 129.

И

Иванишевичъ, II, 265.
Иванишъ, кн. цет., II, 271.
Ивановъ Аванасій, дум. дьякъ, II, 188.
Иванъ, св., (Предтеча), I, 189, 190, 191.
Иванъ Калита, I, 84, 166.
Иванъ III, I, 82, 156, 169, II, 208, 209, 398, 406, III¹, II, 117, 118, III², 268.
Иванъ IV Грозный, I, 83, 84, 87, 194, II, 278, 342, 405, 436, 571, 578, III², 259, 260.
Иванъ Алексѣев., ц. м. II, 211.
Иванъ Москвитянинъ, типогр., III², 196.
Иванъ, кн. кобринскій, III², 187.
Ивашко, армян., III², 47.
Иво Сенянинъ, юнакъ, I, 192.
Игнатій, діак., II, 427.
Игорь Рюриковичъ, I, 78, 107, 183.
Игорь Святославичъ, I, 184, 195.
Израэль Георг., чеш. бр., II, 154, III¹, 186, 188, 189, III², 256.
Изяславъ Мстиславичъ, кн. русскій, I, 138.
Изяславъ Васильковичъ, III², 150.
Иларіонъ Могленскій, II, 424, 569.
Илья св., I, 187.
Илья Муромецъ, I, 193, 195, III², 26.
Ингевонъ, потом. Твиска, II, 15.
Иннокентій III, папа, II, 537.
Иполитъ, патерь, II, 299.
Исаія, архим. аеон. II, 211.
Исидоръ, митроп., I, 85, II, 397, 402, 573, III², 47—49, 136, 267, 268.
Исидоръ Севильскій, II, 4, 104, 109.

Искра Іоаннъ, изъ Брандыса, I, 70, III¹, 95, 97, 229.
Истевонъ, потом. Твиска, II, 15.

І

Іаванъ, (Іафетов.), II, 6, 38, 104, 110, 111, 114, 119, 141.
Іафетовичи, II, 6, 107, 117, 133.
Іафетъ, II, 4, 110, 111, 113, 119, 138, 139, 231.
Іафетъ, чеш. бр., III², 254.
Іезекіиль, пророкъ, II, 10, 63, 124.
Іеремія Богомилъ, поплъ болгарскій, I, 182.
Іеронимъ св., I, 206, II, 21, 22, 39, 114, 117, 120, 140, 231, 239, 240, 242, 244, 248, 271, 281, 296, 299, 300, 485, 493, 507, 508, 523, 526, 541, 544, 547, 548, 549, 554, 603, 605, III¹, 105, III², 270, 274.
Іеронимъ Пражскій, II, 555, 612, III¹, 39—44, 172, 177, III², 157, 158, 235, 246—250, 254, 256.
Іеронимъ изъ Праги, монахъ, III¹, 41, 74, 75, III², 249.
Іоакимъ, іеродіак., II, 578.
Іоакимъ, патр., II, 204.
Іоанна Д'Аркъ, III², 235.
Іоаннъ св., II, 394.
Іоаннъ Богословъ, II, 526.
Іоаннъ Дамаскинъ, II, 590.
Іоаннъ Златоустъ, II, 466, 526, 563, III², 166.
Іоаннъ VIII, папа, II, 603.
Іоаннъ IX, папа, II, 517.
Іоаннъ X, папа, II, 222.
Іоаннъ XIII, папа, II, 603.
Іоаннъ, патр. печскій, III², 265, 266, 269.
Іоаннъ, архіеп. праж., II, 542.
Іоаннъ Ласкій, арх. гнѣз., см. Ласкій.
Іоаннъ, еп. (канцл. Руд. Габ.), III¹, 24.
Іоаннъ, еписк. вратисл., III¹, 29.
Іоаннъ, еп. мишенск., II, 17.
Іоаннъ Людичъ, еп. печуш., III¹, 114.

Іоаннъ Шафранецъ, еписк., см. Шафранецъ Іоан.
 Іоаннъ Экзархъ, II, 255, 257, 557, 584, 590, 602.
 Іоаннъ изъ Львова, свящ., III¹, 222.
 Іоаннъ, діак., II, 525, 533.
 Іоаннъ изъ Вишни, мон., II, 594, 600, III², 44, 55, 128, 130—133, 136, 146, 213, 214.
 Іоаннъ Рыльскій, II, 221, 424, 569.
 Іоаннъ Цимискій, II, 203.
 Іоаннъ V Пал., виз. имп., II, 402.
 Іоаннъ III, ц. моск., см. Иванъ III.
 Іоаннъ Александръ, царь болгарскій, I, 65, II, 559.
 Іоаннъ Асѣнь I (Калоянъ), I, 64.
 Іоаннъ Асѣнь II, I, 64, 203.
 Іоаннъ Шишманъ, I, 65, 192, II, 560.
 Іоаннъ Люксембург., кор. чешск., I, 25, 33, III¹, 29—31, 35, 81.
 Іоаннъ I Альбрехтъ, кор. поль., I, 36, II, 86, 207—209, III¹, 115, 116, 253, III², 47, 113.
 Іоаннъ Казиміръ, кор. поль., I, 40, 41, II, 78, 79, 95, 194, 381.
 Іоаннъ Запольскій, I, 51, II, 87, III¹, 121, 122.
 Іоаннъ Искра, полков. чеш., см. Искра.
 Іоаннъ, кн. опольск., III¹, 242.
 Іоаннъ, кн. опав. и ратиб., III¹, 51, 52.
 Іоаннъ, кн. освѣтимскій, III¹, 97.
 Іоаннъ Малала, II, 219, 423.
 Іоаннъ Витезь изъ Средны, архіеп. остригом., III¹, 114, 116.
 Іоаннъ Витезь, еп. Весприм., III¹, 116.
 Іоаннъ Витовець изъ Гребня, III¹, 95.
 Іоаннъ изъ Газенбурга, III¹, 184.
 Іоаннъ Гертвикъ изъ Рушинова, III¹, 89.
 Іоаннъ Годіовскій, II, 59.
 Іоаннъ изъ Голешова, II, 47.
 Іоаннъ изъ Карикова, III¹, 254.
 Іоаннъ Колда изъ Находа, III¹, 89, 95, 97, 98, 252.
 Іоаннъ Миротицкій, II, 46.

Іоаннъ Мѣричка изъ Кръгова, III¹, 252.
 Іоаннъ изъ Освѣтима, III², 49.
 Іоаннъ Пушкарь, III¹, 97.
 Іоаннъ Рогачъ изъ Дубы, III¹, 62.
 Іоаннъ Соколъ, III¹, 37.
 Іоаннъ изъ Стобницы, II, 131.
 Іоаннъ Терика, III¹, 253.
 Іоаннъ изъ Тѣчана, III¹, 86.
 Іоаннъ изъ Члжева, III¹, 7.
 Іоаннъ изъ Шарова, III¹, 252.
 Іоаннъ Филипецъ, уг. канцл. еписк., III¹, 115.
 Іоакимъ Бѣльскій, см. Бѣльскій I.
 Іовій Пав., II, 35, 40, 45, 200, 201, 404, 425.
 Іорданъ, ист., II, 64—66, 110, 117, 143, 222, 225, 303.
 Іорданы изъ Закличина, III¹, 243.
 Іосифъ, сынъ Іакова, II, 104.
 Іосифъ Флавій, ист., II, 4, 570.
 Іосифъ I, имп., II, 307.
 Іосифъ II, имп., II, 69, 214, 215, 390, 412, 413, III¹, 234, III², 27.

К.

Кабатникъ Март., III², 255, 256.
 Кабога, ист., II, 371.
 Кавечинскій, II, 597.
 Кавка изъ Собѣсукъ, III¹, 97, 252.
 Кадлубекъ Викент., лѣтоп., II, 34, 35, 74, 103, 104, 108, 109, 112, 136, 436, III¹, 167, III², 4, 12, 76.
 Казановскіе, поль. родъ, I, 138.
 Казиміръ I, кн. поль., I, 106.
 Казиміръ III Велик., кор. поль., I, 34, 175, II, 328, III¹, 31, III², 18, 22, 46, 50, 108.
 Казиміръ IV, к. п., I, 36, 82, 166, 169, II, 548, 550, 572, III¹, 7, 84—90, 93, 94, 96 — 115, 121, 151, 171, 239, 241, 242, 247, 252, III², 50, 51, 65, 93, 120, 161, 165, 167, 170, 178—182, 193, 276.
 Казиміръ Казиміровичъ (с. Казимира IV), III¹, 114.
 Казиміръ, сынъ Лестька, II, 106.
 Казя, княжна чеш., I, 182, 183.

Каница, воевода, I, 183, 192.
 Кайсаровъ, II, 247.
 Калиновскіе, III², 62, 207.
 Калининскій Іоаннъ, II, 164, 179, 180, 183.
 Каллимахъ, ист., II, 126, 231, III¹, 89.
 Калоіоаннъ (Калоянъ), см. Іоаннъ Асѣнъ I, I, 64.
 Кальвинъ, II, 82.
 Кальнофойскій, II, 552, III², 44.
 Камерарій, III², 256.
 Камилъ, III², 54.
 Канавеличъ (Канавеловичъ), II, 178, 264, 369, 378—380, 389, 392.
 Канижличъ, II, 266.
 Канизій, II, 60, 270, 279.
 Канцовъ, истор., II, 15, 16.
 Каплирь изъ Сулевицъ, II, 83.
 Капистранъ Іоаннъ, III¹, 93, 94, III², 49.
 Капоунъ изъ Свойкова, Альбр., III¹, 129.
 Капунъ (Капоунъ) изъ Смирицъ, III¹, 97, 252.
 Қапуста, кн. родъ, III², 171.
 Кара-Мустѣфа, II, 84.
 Караджичъ Вукъ, II, 323.
 Каражъ Іоанникій, II, 205.
 Караманъ Матв., II, 275, 291, 389, 583, 584, 593, III², 272.
 Карваялъ, зап. лег., III¹, 179.
 Каріонъ, II, 46.
 Карловичъ, I, 50.
 Карлъ Великій, I, 17, II, 213, 228, 483.
 Карлъ IV (I), кор. чеш., I, 25, 58, II, 29, 31, 57, 89, 148, 234, 296, 299, 303, 357, 535, 541—544, 546, 605, 608, III¹, 31, 32, 35, 81, III², 253, 254.
 Карлъ VI, II, 307.
 Карлъ, кор. неаполь. I, 50.
 Карлъ, герцогъ бургунд., III¹, 109.
 Карлъ, эрцгерцогъ, III¹, 124.
 Карлъ, кн. Минстерберг., III¹, 243.
 Карнковскій Станиславъ, еп. II, 72, 78.
 Карпинскій, II, 435.

Каспаръ изъ Вишавы, свящ., II, 288.
 Каспаръ изъ Мархин, III², 255.
 Каспаръ Шликъ, III¹, 84.
 Катанчичъ, II, 266.
 Качичъ-Міошичъ, II, 233, 235, 236, 243, 244, 264, 369, 371, 374, 385, 392, III², 275.
 Кашичъ, II, 264, 265, 267, 282, 284, III², 264.
 Квятковскій Март., II, 148, 163.
 Кезгайлы, III², 163.
 Кердеевичи (Кирдеевичи), III², 67, 68.
 Кердеевичъ Грицко, III², 63, 82.
 Керманъ Данилъ, II, 65.
 Кестутій (Кейстутъ), III², 152, 153.
 Кестутьевичи, III¹, 33.
 Кибургъ, еп., III², 164.
 Кизаревичъ, II, 435.
 Кинскій Францъ, графъ, II, 66, III¹, 160.
 Кирианъ, митроп., II, 560, 571, 572, 575, 587, 588.
 Кирдеевичи, см. Кердеевичи.
 Кирдеевичъ изъ Квасилова, Ванко, III², 92.
 Кирдей Ванковичъ, III², 92.
 Кирикъ, новогор., II, 396.
 Кирилъ (Константинъ) св., ап. сл., I, 11, 23, 204—206, II, 5, 28, 30, 31, 40, 47, 66, 79, 120, 124, 126, 128, 223, 231, 239, 242, 248, 251, 252, 256, 257, 271, 275, 280, 281, 291, 300, 303, 328, 338, 397, 422, 423, 426—431, 434, 437, 439, 442, 443, 446—449, 451—459, 468, 469, 482, 484, 486, 493, 498, 507, 508, 515 — 616, III¹, 170, III², 16, 72, 244, 245, 253.
 Кирилъ Іерусалимскій, св., II, 550.
 Кирилъ, митроп., II, 569.
 Кирхнеръ Аѳанасій, II, 241, 310.
 Кисель, пис. дух., II, 328, 435.
 Кишка Микол., панъ, III², 198.
 Кій, II, 111, 124, 439, 447.
 Клѣновичъ Севаст., II, 89, 137, 138, 173, 175, III¹, 245, III², 22, 138, 143, 148.

Клечевскій, II, 67, 143, 144, 158.
 Клечковскій, III¹, 150.
 Климентъ, св. (болг.), II, 517, 577, 584, 614.
 Климентъ VI, папа, II, 541.
 Климентъ VIII, папа, II, 210, 404, III², 265, 269—271.
 Кломбнеръ, II, 289, 294.
 Клоцъ, II, 526, 536,
 Клюверій, ученый, II, 21.
 Ключи (Клюсы), III², 67.
 Ключъ Іоаннъ (Вижнянскій), III², 66.
 Ключъ Иванъ (XVII в.), III², 67, 104.
 Кмита Ахадъ, II, 190, III¹, 246.
 Кмита, старш., III², 81.
 Кмиты, III², 62.
 Кнапскій, II, 148, 152.
 Князьинъ Францъ, II, 183, 184, 196.
 Кобенцель, пос. нѣм., II, 398, III¹, 160, III², 268.
 Кобринскіе, III², 154.
 Кобылянскій, III², 81.
 Кобятчъ Тарасъ, III², 194.
 Кованъинъ Іерон. (Каванинъ), II, 254, 355, 357, 366—370, 380, 383—285, 389, 392, 409.
 Кодициль, астрон., II, 36, 40, 242.
 Кожиччъ, II, 267.
 Козубай, каз., III², 148.
 Коковецъ Марешъ, II, 555, III², 255, 256, 258.
 Колальто, III¹, 160.
 Коларъ Янъ, II, 197, 578.
 Коленда, митроп. униат., III², 52, 80.
 Коллонтай, II, 139.
 Коллоредо, III¹, 160.
 Коловраты, III¹, 160.
 Коломанъ, кор. уг., I, 49, II, 74.
 Колоници, II, 245.
 Колоничъ, II, 83, 279.
 Колумбъ, III², 235.
 Коль Іоанчъ, II, 507.
 Коменскій, Я. Ам., II, 611, III¹, 186, 190, 192, 193, III², 252, 254, 260.
 Коммендони I., II, 292, III¹, 132.
 Коморовскіе, братья, III¹, 229, 243.

Коморовскій Христофоръ, III¹, 243.
 Комуловичъ, II, 210, 279, 285, 290, 389, 398, 404, 408, 540, III², 270—273.
 Коначъ изъ Годашткова, II, 58, 59, 125, III¹, 243, 244.
 Конашевичъ, гетм., см. Сагайдач-
 ный.
 Конецпольскіе, III², 62, 207.
 Конецпольскій Стан., гетм., II, 190, III¹, 153, III², 134.
 Конецпольскій, старш., III², 81.
 Конискій Георг., II, 484, III², 219, 221.
 Конопка Дерславъ, III², 63.
 Конопки, III², 62.
 Конрадъ, кн. олешницк., III¹, 31, 101.
 Конрадъ, кн. чеш. (XII в.), I, 175.
 Конрадъ Бичинъ, III¹, 73.
 Константиновичъ Мих., II, 45, 86, 87, 121, 127, 174, 207, 208, III¹, 36, 113, 202, 259.
 Константинъ Филос., см. Кирилъ.
 Константинъ Костенчскій, II, 221, 257, 560—562, 587—590. III², 250.
 Константинъ Багрянородный, II, 42, 68, 145, 220, 236, 613, III², 4.
 Константинъ, имп., II, 244, 384, 385, 456.
 Константинъ Тѣхъ, II, 328.
 Константинъ Манассія, см. Манас-
 сія.
 Констанція, чеш. сестра, III¹, 223.
 Конті, фр. принцъ, III¹, 162.
 Коперникъ, III², 235.
 Кошівскій (Кошевичъ) Илья, II, 473, 475, 479, 480.
 Копитаръ, II, 577, 578.
 Копыстенскіе, III², 81.
 Копыстенскій, II, 94, 329, 435, 442, 449, 450, 452, 573, III², 9, 44, 57, 72, 75, 77.
 Корамбусъ Матвій, III², 274.
 Коранда Вяч., III², 253.
 Корецкіе, III², 154, 171.
 Корецкій Самуилъ, III¹, 149.
 Коріатовичи, III², 63, 185.

- Коріатовичъ Александръ, кн., Ш², 50, 61, 63.
 Коріатовичъ Федоръ, I, 70.
 Коріать Мих., Ш², 152, 154.
 Корибутовичи, Ш¹, 147, Ш², 171.
 Корибутъ (Корыбутъ) Дм., Ш², 152—154.
 Корицинскій, старш., Ш², 81.
 Корьевичъ, II, 239.
 Косача Стефанъ, см. Стефанъ К.
 Косой Θεодосій, Ш², 258.
 Коссовъ Сильв., II, 442, 552, Ш², 44.
 Коста, II, 264.
 Костелакъ, ротм., Ш¹, 253.
 Косьма, пресв., II, 328.
 Косьма, лѣт., I, 13, II, 12, 24, 31, 42, 421, 604, Ш¹, 3, 8, 22, 23.
 Кохановскій, поэтъ, II, 9, 67, 136, 137, 142, 148, 149, 159 — 161, 163, 165, 187, 190, Ш¹, 209, 214, 228, Ш², 76, 138, 140, 141, 143, 147.
 Коховскій Іерон. Веспасіанъ, II, 121, 161, 179, 180, Ш¹, 210, Ш², 139, 147.
 Коуницы, I, 75, Ш¹, 160.
 Коуницъ Вяч., II, 413, Ш¹, 160, 163.
 Коцель, кн., I, 11, II, 428 — 430, 448, 453, 455, 468, 586, 589, 590, 610.
 Коята, цѣвецъ, I, 196.
 Крайковъ Яковъ, II, 304, 564, 585.
 Краковны, княжны чеш., I, 182.
 Кракъ, II, 104, 141.
 Крамеръ I. Ф., 479.
 Кранцъ Альбертъ, истор., II, 14—16, 35, 102, 112, 117, 140.
 Красинскій, еписк., Ш¹, 127.
 Красинскій Іоаннъ, геогр., II, 132.
 Красицкій Игн., II, 180, 183, 196.
 Краснодѣмбскій, II, 99.
 Крашевскій, II, 170.
 Крайчевичъ, II, 261.
 Кревза, см. Креуса.
 Крелъ, II, 257, 258, 270, 279, 285, 987, 294, 297.
 Кренъ Оома, еп., II, 257, 266, 297, Ш², 269.
 Кресихлобъ, II, 553.
 Креуса (Кревза) Левъ, II, 441, 442, 451, Ш², 44.
 Крижаничъ Юрій, II, 3, 4, 34, 205, 211, 212, 240, 241, 260, 285, 309 — 351, 354, 362, 382, 383, 385, 389, 392, 405, 408, 410, 418, 436, 440, 441, 473, 514, 581, 589, Ш¹, 83, Ш², 28, 161, 233, 265, 272, 275.
 Крижъ, Ш¹, 171.
 Кринецкій Вильгельмъ, Ш¹, 124.
 Криницкій Григ., Ш², 134.
 Криштянъ (Христіанъ), маг., Ш¹, 57.
 Крмшотичъ, II, 389, 390, 392.
 Кровицкій М., II, 293.
 Крокъ, II, 427.
 Кроликъ, рус. книжн., II, 471.
 Кромеръ Март., ист., II, 35, 41, 43, 45, 54, 101, 103, 106, 109, 112, 113, 117—119, 121, 126, 132, 134, 141, 143, 231, 237, 243, 443 — 445, 452, 454, 486, 491, Ш¹, 2, 247, Ш², 103, 140, 148.
 Кропивницкіе, Ш², 81.
 Кротоскіе, Ш¹, 187, 189.
 Крумъ, кн., I, 63.
 Крупецкій, еп. ун., Ш², 75, 78.
 Крупскій, II, 59.
 Крутъ, кн., I, 18.
 Крушала Ив., II, 482.
 Крыскій, поль. пос., II, 408.
 Крышковскій Лавр., II, 154, 596, 597, Ш¹, 214, Ш², 211.
 Кръсиміры, I, 49.
 Кулеша, поль. іез., II, 328, 552.
 Кулинъ, банъ бос., II, 557.
 Кульчинскій Игн., II, 446, 447, 451.
 Кульчицкіе, Ш², 81.
 Кумердей, II, 577.
 Кунигунда, жена Прем. От. II-го, Ш¹, 25.
 Куницкій, II, 383.
 Купецкій, живоп. чеш., II, 409.
 Курбскій, кн., II, 578.
 Курлятевъ Нилъ, II, 575, 576.
 Куроввенцкіе, Ш¹, 243.
 Куропатва изъ Ланцухова, Ш¹, 175, 176.

Курцевичъ, III², 171.
Кутенъ, лѣтоп., II, 37—39, 548.
Кухарскій (Жабокруцкій,) III², 83.

Л.

Лаврентій Беведиктъ изъ Нудожеръ, II, 58.
Лаврентій изъ Брезовы, II, 33, III¹, 42, 50, III², 246.
Лаврентій, оп. перемыш., III², 102.
Лаврентій изъ Панёка, III¹, 62, 68.
Лагодовскіе, III², 61, 68.
Ладиславъ Куманъ, вор. уг., II, 450.
Ладиславъ неаполит., I, 50.
Ладиславъ, угор. францискан., III¹, 94.
Лазарь Грбляновичъ, кн., I, 59, 192, II, 370, 394, 571.
Лазарь Бранковичъ, серб. деспотъ, III¹, 92.
Лакотъ, II, 500.
Ламорменъ, іев., II, 262.
Ламормены, II, 95.
Ланосовичъ, II, 266, 267.
Лаоникъ Халкокондиль, II, 219.
Ларшъ, панъ, III¹, 233.
Ласи, фельдмарш. рус., II, 412.
Ласицкій, II, 293, 294, III¹, 186, 189—191, III², 256, 259.
Ласкіе, поль. родъ, I, 139.
Ласкій Іоаннъ, архіеи. гнѣз., II, 113, III², 2, 49, 95, 168.
Ласкій Іеронимъ, воев. серадъ, III¹, 121, 122.
Ласкій Альбрехтъ, воев. серадъ, III¹, 128, 137.
Ласскій Іоаннъ, II, 160.
Лацекъ (Ладиславъ) изъ Краваръ, III¹, 38, 42.
Лашъ Март., II, 553, III¹, 191.
Леваковичъ Раф., учен., II, 14, 243, 267, 272, 275, 285, 310, 389, 580, 581, 592, III², 264, 265.
Левенклей, II, 45.
Левъ Муд., имп., II, 430, 454, 480.
Левъ Даниловичъ, кн., III², 17, 64, 103.

Леготскіе, I, 138.
Ледецкий, свящ., II, 555.
Лейбницъ, II, 331, 484, 485, 487, 500.
Леливы, III¹, 167, III², 189.
Ленгнихъ, II, 67, 137, 141, 142.
Леонардъ, доминик., III¹, 222.
Леонтій, монахъ, III², 213.
Леопольдъ, имп., II, 83.
Лелехинъ, II, 511.
Лестько, II, 75, 106, 119, III², 16.
Лещинскіе, III¹, 187.
Лещинскій Раф., III¹, 189, III², 259.
Лещинскій, товар. Собеск., II, 383.
Лжедмитрій, I, 84, II, 191, 278.
Либерда, III¹, 233.
Ликинъ, II, 220, 244.
Лингартъ Антонъ, II, 243, 250.
Линде Сим., II, 159.
Липскіе, III¹, 187.
Лисовскій, II, 190, III¹, 149.
Лисы, поль. родъ, III¹, 167.
Лихтенштейны, III¹, 159.
Лихуды, уч. моск., II, 329.
Лобковицъ Ладиславъ, III¹, 129, 130—132, 136.
Лобковицъ Богуславъ, III¹, 251.
Лобковицы, чеш. родъ. I, 75, III, 160.
Лобода, кав. старш., III², 218.
Лодерекеръ изъ Прошовицъ, II, 57, 58, 228.
Лоевичи, III², 67, 68.
Лозинскіе, III², 68, 80.
Ломоносовъ, II, 412, 500 — 503, 509—512.
Лопатинскій Теофилъ, II, 473, 486.
Лопатици (—Чеперовскіе), III², 64, 65, 68, 102.
Лорбахъ, нѣм. пос., II, 398, 399.
Лубенскій Станиславъ, еписк., III¹, 148, 156.
Лугвеній (Лыгвеній, Лингвень), Семень, III², 96, 152, 153.
Лугвеневици, III², 154.
Лудольфъ, II, 465, 485.
Лука, чеш. братъ, III², 255, 256.
Лука изъ Теркополя, II, 573, 598, III², 135, 227—229.

Лука изъ Горки, воев. позн., III¹, 63.
 Лукарить, II, 303.
 Лукомскіе, III², 171.
 Луначъ, II, 546.
 Луничъ, II, 264, 267, 270, 322, 352, 357.
 Лучичъ Иванъ, II, 237, 243, 303.
 Лызловъ Андр., II, 441.
 Лыщинскій, III², 235.
 Лѣхъ, праотецъ ляховъ, II, 6, 19, 32, 37 — 43. 64 — 68, 75, 94, 105, 108 — 121, 124, 125, 128, 134—137, 141—145, 160, 161, 199, 201, 229, 231, 233, 238, 242, 243, 245, 369, 427, 439, 443, 447, III¹, 152, 153, 159.
 Лѣнчицкій Павелъ, II, 134.
 Любартъ Гедиминовичъ, Дм., III², 150, 152.
 Любельчикъ Яковъ, II, 147, 148, 161.
 Любецкіе, III², 171.
 Любомирскіе, III², 207.
 Любомирскій, предвод. возстанія, I, 40, II, 160, 190, 383.
 Любуша, княжна чеш., I, 182, II, 78, 125, 142.
 Людгарда, III¹, 2.
 Людичъ Ив., еп., III², 275.
 Людмила, св., II, 30, 31, 125, 423, 429, 447, 451, 452, 458, 518, 548, 604, 605, 608, III¹, 8, 105.
 Людовикъ I Великій, I, 34, 50, II, 126, 128, 206.
 Людовикъ II, Ягайлов., кор. уг. I, 28, 51, II, 169, 209, III¹, 118, 119, 121.
 Людовикъ XIV, II, 83.
 Людипрандъ, II, 119.
 Лютеръ, I, 21, 28, II, 17, 18, 292, 493, III¹, 15, 186, 225, III², 256, 259.
 Лютомѣръ, I, 105.
 Ляницкорона, поль. родъ, I, 137.
 Лята (Ляда), мѣщ. крак., III¹, 262.

М.

Маврикій, св. (нѣм.), I, 17.

Маврикій, имп. виз., II, 341.
 Моголъ, праот., II, 6, 63, 139.
 Магомедъ, султанъ, I, 59.
 Мажураничъ Иванъ III², 277.
 Мазепа, гетм., I, 88, 169, II, 472, III², 220.
 Макарій, митроп. рус., II, 428, 429, 436, 586.
 Макарій, намѣстн. гал. еп., III², 52.
 Макарій, мон. II, 470.
 Макарій, черногор. мон., II, 304.
 Макаровъ, II, 415.
 Максимиліанъ, имп. рим.-гер., III¹, 115—118, III², 268.
 Максимиліанъ, чешск. кор. и имп., I, 29, II, 147, 166, 168, 286, 348, 398, III¹, 124, 126, 129 — 138, 244.
 Максимиліанъ, эрцг., II, 72, III¹, 138—141.
 Максиминъ, имп., II, 244.
 Максимовичъ Иванъ, II, 475, 476.
 Максимовъ Федоръ, II, 475.
 Максимъ Грекъ, II, 469, 497, 575, 589.
 Малаховскій, II, 98.
 Малецкій Іеронимъ, III¹, 225.
 Мальцанъ Іоаннъ, III¹, 124.
 Мальчицкіе, III², 61, 67, 68, 102, 119.
 Мальчицкій К., III², 103.
 Мамай, ханъ, III², 153.
 Манассія Конст., II, 219, 220.
 Мандевиль, III², 246.
 Мандичъ, еписк. хорв., II, 306.
 Манкіевъ, ист., II, 34, 437, 482.
 Маннъ, сынъ Твиста, II, 6, 14.
 Мануилъ, имп. виз., II, 203.
 Маргарита, жена Конрада Оленницкаго, III¹, 101.
 Маргитичъ, II, 264, 273, 274, 277, 282.
 Мардарій, монахъ, III², 276.
 Марина Мнишекъ, II, 191.
 Маринвола, лѣт. II, 29, 31.
 Марія (огненная), I, 187.
 Марія, дочь Людов. Вел., I, 50.
 Марія-Терезія, I, 54, II, 217, 307, 413, III², 27.
 Марія, жена кн. Тройдена, III², 17.

Марка Иванъ, II, 283.
 Марко Вукашиновичъ, королевичъ серб., I, 58, 192, 193, 196, II, 174, 370.
 Маркъ, св., евангелистъ, II, 18.
 Маркъ изъ Пётркова, врачъ, II, 151.
 Марнавичъ Ив. Томко, II, 178, 244, 264, 312, 372, 373, 382, 383.
 Мартинидъ изъ Руды, III¹, 233.
 Мартиницы, III¹, 160.
 Мартынь, св., II, 140.
 Мартынь, папа, III, 108, 173.
 Мартынь Бѣльскій, см. Бѣльскій.
 Мартынь Галъ, II, 103, 421, III¹, 21.
 Мартынь изъ Баворова, III¹, 79.
 Мартынь Гидзельскій изъ Ценжковицъ, III¹, 242.
 Маршевскіе, III¹, 187, 189.
 Маруличъ, II, 257, 264—266, 270, 283, 322, 371, 372, 389.
 Масальскіе, русскій родъ, I, 138.
 Матвѣй, еп. перемышл., III², 22, 98.
 Матвѣй Корвинъ Хунядъ (Гуниядъ), кор. угор., I, 28, 50, 73, II, 86, 206, III¹, 98, 105, 108 — 117, 251—253, III², 276.
 Матвѣй, чеш. кор. и имп., I, 29, III, 144, 145.
 Матвѣй изъ Мѣхова, см. Мѣховскій.
 Матвѣй Вильгъ изъ Петровицъ, III¹, 236.
 Матіевичъ Стеф., II, 273, 276, 328.
 Матиоли, II, 59, 151.
 Матѣй, св., евангел., II, 18, 293.
 Матѣй, еп. крак., II, 103, 396, III², 12, 21.
 Мегизеръ, II, 250, 258, 298.
 Мелантрихъ Юрій, II, 59.
 Меланхтонъ, II, 148.
 Мелетій, царегр. патр., III², 257.
 Мелешко Иванъ, панъ, III², 166, 208.
 Мельштынскій, см. Спытекъ изъ Мельштына.
 Мельштынскіе (отъ з. Мельштынъ), I, 137, III², 62, 81.
 Менжикъ изъ Домбровы, III², 81.
 Меншиковъ, II, 455

Меркаторъ, II, 425, 441, 455.
 Мечиславъ, кн. поль., II, 446.
 Меоодій, св., ап. сл., I, 11, 12, 23, 205, 206, II, 5, 17, 21, 28, 30, 31, 40, 47, 66, 74, 124, 128, 231, 235, 242, 248, 249, 252, 256, 257, 271, 280, 281, 303, 323, 397, 422, 423, 426—429, 442, 443, 446 — 459, 484, 486, 493, 507, 508, 515 — 616, III¹, 12, 170, 213, III², 9, 72, 244, 245, 253.
 Микаля Яковъ, II, 268, 279, 284, 371, III², 263.
 Миколаевскій, чеш. бр., III², 257.
 Милетичъ, франциск., II, 275.
 Миличъ Іоаннъ, III¹, 172.
 Милишичъ, III², 272.
 Миллесимо, III¹, 160.
 Милорадовичъ, II, 389, 393, 409, 471.
 Милошъ Кобиловичъ (Кобиличъ), I, 192, 196, II, 174, 370.
 Милошъ Воиновичъ, юнакъ, I, 193.
 Милютинъ Стефанъ, см. Стефанъ М.
 Миндовгъ, кн., III², 152.
 Минихъ, II, 414—415.
 Минчетичъ Влад., II, 264, 373, 389.
 Мирославъ (его еванг.), II, 527, 557.
 Мисанлъ, ун. митр., III², 48, 136.
 Митисъ, поэтъ, II, 59.
 Митровскіе, I, 138.
 Митуса, пѣвецъ, I, 195.
 Михаилъ, имп., II, 433, 448, 449, 453, 455, 468, 516, 589, 607.
 Михаилъ Федоровичъ, царь, I, 84, 85, III¹, 262.
 Михаилъ болг., см. Борисъ.
 Михаилъ, кн. сербск., I, 56.
 Михаилъ изъ Санока, протоп., II, 598, III², 135, 226.
 Михаилъ, гус. попъ, III¹, 112.
 Михаилъ Литвинъ, II, 436, III², 164.
 Михаилъ Полякъ, III¹, 180.
 Михаилъ Константиновичъ, см. Константиновичъ.
 Михаилъ Потыкъ (Потокъ), богатырь, I, 194, 195.

Мичмаеръ, Ш¹, 180.
 Младеновичъ Бранко, II, 527.
 Мнишекъ Юрій, II, 160, 190, 191.
 Могила П., II, 328, 329, 435, 552, 599, Ш², 44, 215.
 Модлибогъ, I, 108.
 Модревскій Фричъ, Ш¹, 178, 179, 184, 190.
 Моисей, патр. печск., II, 305.
 Моисей Путникъ, митроп. серб., II, 306.
 Моисей Петровичъ, архіеп. серб., II, 487.
 Моисей (его еванг.), II, 566.
 Моймировичи, кн. моравск., I, 22, 23, Ш¹, 2, 3, 21.
 Моллеръ, II, 21.
 Момчило, юнакъ, I, 192.
 Монвидъ, с. Гедим., Ш², 152.
 Монвиды, Ш², 163.
 Монлюкъ, фр. пос., Ш¹, 127, 130.
 Мончинскій, II, 147, 148, Ш², 117, 139, 141.
 Морозенко, I, 195, Ш², 148.
 Морштынъ Іоаннъ Андр., II, 189.
 Морштынъ Іерон., II, 170.
 Москвитинъ Иванъ Федоровичъ, II, 600, Ш², 196.
 Мосохъ, праотецъ, II, 6, 63, 103, 113, 119, 122—124, 127, 141, 144, 438, 439, 441, 443.
 Мошенки, Мошенчичи (— Мальчицкіе) Ш², 68, 119.
 Мощенскій, II, 67.
 Мукачевскій, кн., см. Фед. Коріатовичъ.
 Мстибогъ, I, 108.
 Мстиславецъ Петръ Тимофѣевичъ, II, 600, Ш², 196.
 Мстиславскіе, рус. родъ, I, 138, Ш², 154, 171.
 Мстиславъ Удалой, I, 80, Ш², 16.
 Мстиславъ Владимір., кн. (его еванг.), II, 528, 532, 565, 567.
 Мужилевскій, II, 328.
 Мурделіоны, поль. р., Ш¹, 167.
 Мустафа, султ. тур., II, 176.
 Мустафа паша, Ш¹, 122.
 Мюллеръ Герардъ, II, 415, 489, 499—502, 506.

Мюнстеръ, II, 133.
 Мышковскіе, Ш¹, 239, 241, 243.
 Мѣшко, кн. поль., II, 451, 520, Ш¹, 169, 248, Ш², 14, 15.
 Мѣховскій Матвѣй, истор., II, 35, 45, 101 — 103, 106, 109, 110, 114, 115, 119, 121, 131, 404, 442, 550, 551, Ш¹, 2, 228, 254, Ш², 2, 49.
 Мясковскій К., II, 160, 161, 190, 192, Ш², 76.

Н.

Нагай, іез., Ш², 54.
 Надажда, II, 84.
 Надобный изъ Рогова, Ш¹, 175.
 Наленчи, поль. гербъ и родъ, I, 137, 138, Ш¹, 167, Ш², 189.
 Налешковичъ, II, 264.
 Наливайко, атам., Ш¹, 258, Ш², 218.
 Наперскій Костка, Ш², 128.
 Наполеонъ I, имп., II, 201, 420.
 Наполеонъ III, имп., II, 420.
 Наримунтовичи, Ш², 154.
 Наримунтъ Глѣбъ, Ш², 152.
 Нарушевичъ, ист., II, 137, 141, 143—145, 183, 184, 196.
 Наумъ, св., II, 577.
 Негалевскій Валент., II, 597, Ш², 211.
 Негно, нраот., II, 104.
 Неголевскіе, I, 138.
 Неманичи, I, 103, 143, 220.
 Неманя Стефанъ, см. Стефанъ Н.
 Немоевскій Як., Ш¹, 189, 191.
 Немродъ, II, 106.
 Ненадовичъ Алексѣй, II, 215.
 Ненадовичъ Павелъ, II, 307, 487.
 Ненній, II, 104.
 Неронъ, имп., II, 437.
 Несвицкій Иванъ, кн., Ш², 171.
 Несвицкій Федоръ, кн., Ш², 171.
 Несецкій, Ш², 63.
 Неслуховскіе, Ш², 68.
 Несторъ, лѣтоп., II, 443, 446, 453, 486, 490, 492, 499, 501—505, Ш², 25.
 Нетолицкій, Ш¹, 134, 135.

Нечай, атаманъ, I, 195, III, 148.
 Нечуя, поль. р., III¹, 166.
 Никлотъ, кн., I, 19.
 Никифоръ, патр. цареград., II, 433.
 Никифоръ, митр. кiev., III², 16.
 Никодимъ, чеш. бр., II, 52.
 Никодимъ (его еванг.), III¹, 213, 223.
 Николай, св., I, 187.
 Николай изъ Пельгримова, еп., III¹, 62, 91, III², 251.
 Николай, еп. модруш., II, 523.
 Николай Павловичъ, имп., II, 85.
 Николай, кн. помор., III¹, 2.
 Николай I Черногорскій, I, 196.
 Николай Брезинка, III¹, 79.
 Николай Богемецъ (Bohemus), III¹, 215.
 Николай изъ Гуси, III¹, 50.
 Николай изъ Брестя, инквиз., III¹, 175.
 Николай изъ Дубовца, III¹, 242.
 Николай изъ Знойма, писарь, III¹, 86.
 Николай Корничъ Сестренецъ, III¹, 52, 57, 60, 63, 66, 176.
 Николай Ланцкоровскій, III¹, 176.
 Николай, миноритъ, III¹, 86.
 Николай изъ Шадка, III¹, 244, 249.
 Никонъ, патр., I, 87, II, 574.
 Новаковичъ, сербъ, II, 512.
 Новакъ, кн. крбав., II, 544.
 Новакъ, гайдукъ, I, 193.
 Новакъ Дебелякъ, I, 196.
 Ной, II, 38, 103, 127, 139, 151.
 Нѣпръ, III¹, 171.

О.

Ободзинскій Алекс., II, 121, 161.
 Обрадовичъ, см. Доснѣей. Обр.
 Обыховскій, стар., III², 81, 83, 101.
 Овѣдїй, II, 363.
 Огнлевичъ, II, 552.
 Огинскіе, III², 211.
 Огинскій Богданъ, II, 599.
 Оглендовскій, III², 81.
 Огончики, поль. р., III¹, 166.
 Одоевскіе, III², 171.

Одровонжи, поль. р., III¹, 166, III², 62, 127.
 Одровонжъ, старш. гал., III², 82.
 Одынцы, поль. р., III¹, 167.
 Окольскій, III², 138, 139, 144.
 Окша, поль. родъ, III¹, 166.
 Олегъ, кн., I, 78, 183.
 Олегъ Святославичъ, III², 17.
 Омельковичи, III², 153, 171.
 Омелько-Александръ Волод., III², 153.
 Олешницкій Збыгнѣвъ, см. это имя.
 Ольга, св., I, 78, 107, 183, II, 142, 447, 569.
 Ольгердовичи, I, 80, III¹, 33, 76, III², 151—154, 158, 159, 161, 171, 176.
 Ольгердъ Гед., I, 82, III², 151, 152, 171.
 Ольгимунтовичи (— Гольшанскіе), III², 156, 171.
 Ольдрихъ изъ Смолотелъ, см. Ульрихъ.
 Ольшевскій, еписк., II, 83.
 Опалинскіе, III¹, 187.
 Опалинскій Лука, II, 140, III², 139.
 Опець Валтазаръ, III¹, 211, 213.
 Оповровскій Владиславъ, свящ., III¹, 65, 66.
 Орбини Мавро, ист., II, 34, 37, 224, 229—233, 235—238, 242, 243, 245, 284, 303, 308, 315, 486, 487, 490, 494, III², 275.
 Орельскій, Св., III¹, 135, 138.
 Орфей, II, 244.
 Орфелинъ, II, 216, 307, 308, 488, 592, 595.
 Орѣховскій Станиславъ, II, 88, 135, 137, 149, 151, III¹, 36, 126, 202, 209, 214, 245, III², 22, 23, 70—73, 76, 138—142, 147, 165.
 Османъ, султ., II, 382.
 Осталовскіе (— Лопатичи—Чеперовскіе) III², 68.
 Остерманъ, II, 414.
 Остиковичи (— Радивилы), III², 163, 171.
 Остоя Стефанъ, I, 50, 59.
 Острица, гетм., III², 219.

Острожская Елизавета, III², 253.
 Острожскіе, III¹, 157, III², 172, 296.
 Острожскій Конст., II, 190, 574, 577, 578, III², 27, 214, 215.
 Острожскій Вячеславъ, III¹, 62, 63.
 Острожскій Федоръ, III¹, 63, 256, 257.
 Острожскій Фридрихъ (=Федоръ?), III¹, 61—63, 175, 257, 261.
 Острожскій Янушъ, III¹, 149.
 Остромиръ, I, 198, 205, II, 525, 528, 529, 532, 565.
 Остророги, I, 138, III¹, 181, 187.
 Остророгъ Іоаннъ, II, 75, 129, III¹, 108, 179, 181, 183, 189.
 Остророгъ Станиславъ, III¹, 104, 190.
 Ота изъ Робоусъ, III¹, 39.
 Отикъ изъ Лозы, табор. полков., III¹, 71.
 Ортонъ I, кор., I, 17.
 Оттонъ, кн. мор., III¹, 5.
 Оттонъ Бамбергскій, еп., I, 15, 19.
 Охмучевичъ, II, 200.

П.

Павелъ св., апостолъ, II, 18, 128, 219, 235, 423, 453.
 Павелъ II, папа, II, 86, III², 49.
 Павелъ V, папа, III², 78.
 Павелъ Варда, архіеп. остриг., III¹, 122.
 Павелъ, пробоцъ здравскій, III¹, 106, 112, 114.
 Павелъ Діак., II, 117.
 Павловичъ Бернандъ, II, 264, 283.
 Павловскій Станиславъ, еписк., II, 611, III¹, 138, 243.
 Павлюкъ, III², 134.
 Падневскій Филиппъ, еп. крак., III², 123.
 Пайсій, болг. ист., II, 233, 251, 307, 585, 588, 595, 609.
 Палацкій, ист., III², 251.
 Палицынъ Авр., II, 406.
 Палій (Палей), I, 195, III², 218.
 Пальмотичъ Ю., II, 159, 264, 273, 284, 302, 352, 354, 356, 357,

361 — 363, 370, 383, 389, 392, III², 276.
 Пальмотичъ Як., II, 353, 370.
 Панинъ, II, 416.
 Панкраць изъ св. Николая, III¹, 95.
 Пантелеймонъ, св., I, 187, II, 570, 571.
 Папанекъ Юрій, II, 66, 68.
 Папроцкій, истор., II, 34, 37, 42, 41, 45, 89, 90, 101, 103, 127, 129, 130, 170, 171, 315, 402, 546, 611, III¹, 139, 233, 246 — 248, 254, III², 63, 69, 117, 139, 217, 218, 254.
 Паркошъ Яковъ, III¹, 227.
 Парчевичъ, болг., II, 177, 192, 210, III², 263, 266.
 Пасекъ, II, 83, 92.
 Пасторій, II, 67, 137, 142, 143.
 Пастричъ Іеронимъ, II, 240, 583.
 Пахомій, архіеп. астрах., II, 454.
 Пахомій, серб. мон., II, 571, 572.
 Пацы, III², 163, 211.
 Пашковскій Мартынъ, II, 133, 149, 161, 172 — 175, 302, III¹, 202, 255.
 Пенкичъ, Карстъ, II, 277.
 Пековчикъ, II, 161.
 Пекосинскій Ф., III¹, 166, 167.
 Пельгримовскій Илья, II, 188, 189.
 Пельцель, I, 30, II, 68, III¹, 10.
 Пенёнжекъ, стар. сан., III², 81.
 Перебийнось, I, 195, III², 148.
 Пергошичъ, II, 257, 261, III², 130.
 Пернштейнъ Вильгельмъ, III¹, 119.
 Пернштейнъ Вратиславъ, III¹, 127, 128, 247.
 Пернштейнъ Іоаннъ, III¹, 84.
 Перунъ, I, 108, 179, 185, 187, 64, II, 424.
 Петанчичъ Феликсъ, II, 208.
 Петка, II, 424, 569.
 Петретичъ, II, 257, 261, 262, 266.
 Петровичъ Василій, митр. черног., II, 205, 308.
 Пётровскій, чеш. бр., III², 257.
 Петрыжицкій, каз. ст., III², 218.
 Петръ I Великій, I, 87—89, 194, 206, II, 9, 18, 20, 211, 216, 232, 247, 279, 307, 308, 343,

348, 350, 369, 384, 386 — 390,
392, 393, 400, 401, 408—411,
413—415, 420, 470—490, 494,
498, 500, 513, 595, Ш², 28, 29,
55, 56, 275.
Петръ II, I, 88.
Петръ III Теодоровичъ, I, 88, II,
414.
Петръ, ц. болг., I, 64.
Петръ изъ Младеновиць, Ш¹, 40,
Ш², 251.
Петръ Жатецкій, попъ, Ш¹, 76,
77, Ш², 274.
Петръ изъ Враньяго, Ш¹, 252.
Петръ Полякъ, Ш¹, 62, 86, 176.
Петръ изъ Пробошовиць, Ш¹, 249.
Пешина изъ Чехорода, 63, 64, 611.
Пейчевичъ Яковъ, II, 239.
Пилецкіе, II, 151, Ш², 62.
Пилецкій Петръ, пис., Ш¹, 244, 245.
Пилецкій, стар., Ш², 81, 83.
Пименъ, митроп., II, 427.
Пивскіе, Ш², 154.
Планкнаръ изъ Кинсперка Іоаннъ,
Ш¹, 243.
Плиній, II, 6, 117, 143.
Повала, поль. гербъ, Ш², 189.
Подбузскіе, паны Ранскіе, I, 134.
Подвысоцкіе, Ш², 80.
Погодзинскій Варс., Ш¹, 154.
Подкова, поль. гербъ, Ш¹, 233.
Подманицкіе, I, 138, Ш¹, 95.
Подъбрадскій Юрій, кор. чеш., I, 27,
II, 107, Ш¹, 98—112, 131, 231,
242, 247, 252, 261, Ш², 274.
Полидамъ Валентинъ, II, 125.
Поликарповъ Федоръ, II, 474—478,
481, 482, 487, 592.
Поликарпъ (его еванг.), II, 566.
Полоусъ, каз. ст., Ш², 218.
Полубенскіе, Ш², 171.
Полубенскій, кн., Ш², 215.
Помяны, поль. родъ, Ш¹, 167, Ш²,
189.
Понтанъ, II, 12, 257.
Понятовскій Ст. Авг., см. Стани-
славъ Авг. II.
Попели, Ш², 81.
Попель Никол., посолъ нѣм., II,
398, Ш¹, 116.

Попель, II, 141, 427.
Поповичъ Іоаннъ, словен. уч., II,
301.
Порай, поль. г. и р., I, 137, Ш¹,
166.
Порыцкіе, Ш², 171.
Посиловичъ, II, 264, 267, 273.
Поссевицъ, II, 278, 404, 408.
Потоцкіе, Ш², 70, 127, 207.
Потоцкій Вяч., II, 84, 164, 167,
178 — 180, 380, Ш¹, 170, 198,
211, Ш², 138, 147.
Потоцкій (Стан.), гетм., Ш², 78.
Потоцкій Ник., гетм., II, 190, Ш²,
144.
Потоцкій Андр., тов. Соб., II, 383,
Ш², 116.
Потоцкій Іоаннъ, гр., II, 146, Ш¹,
19.
Потоцкій Феликсъ, II, 98.
Потъи, Ш², 211.
Потъи Ипат. (Поцъи), II, 435, 447,
Ш², 48, 57, 136.
Похлинъ Маркъ, II, 299, 300.
Прай, ист. уг., II, 255.
Предимирскіе, Ш², 81.
Прекора Яковъ, Ш¹, 176.
Премысловичи, кн. чеш., I, 23, 25,
101, 109, 143, Ш¹, 21, 22, 230,
231.
Премыслъ, родонач., I, 145.
Премыслъ (Премыславъ), кор. поль.,
I, 33, II, 427, Ш¹, 2.
Премыслъ Отакаръ I, кн. чеш., I,
24.
Премыслъ Отакаръ II, к. ч., I, 24,
25, 45, 57, II, 25, 74, 339, 462,
Ш¹, 24—27, 35, 107, 159, 254,
Ш², 244.
Прецлавскій, Ш¹, 135.
Прибоевичъ Вик., II, 229.
Прибыславъ, кн. I, 19.
Прибыславъ, сынъ Лестька, II, 106.
Принцъ Дан., изъ Бухова, II, 246.
Пріемскій, Ш¹, 135.
Прокопій, св., II, 28, 30, 31, 242,
519, 535, 541, 544, 548, 560,
604, 605, Ш¹, 105, Ш², 244.
Прокопій, ист., II, 30, 39, 117,
143, 435, 502, 504.

Прокоповичъ Теофанъ, II, 232, 473, 486, 494.
 Прокопъ Великій, попъ, I, 27, III¹, 68, 69, 72, 76, 77, 158.
 Протива, еписк., II, 543.
 Прусиновскій Вильг., еп. олом., III¹, 124.
 Прусковскій, панъ, III¹, 233.
 Псевдо-Берось, II, 7, 14.
 Птоломей, II, 6, 39, 117.
 Пубичка, II, 67, 68.
 Пугачовъ, I, 89, 169.
 Пузыны, III², 171, 211.
 Пулкава, лѣтоп., II, 31, 32, 42, 108, 110, 125, 420, 449, 610, 611, III¹, 6, 86.
 Путятинскіе, III², 81.
 Пуффендорфъ, ист., II, 479.
 Пухала Добеславъ, III¹, 62, 64, 65, 68, 69.
 Пухалы, поль. родъ, III¹, 167.
 Пуховскій Іоаниъ, II, 59.
 Пуховскій, лѣтоп., II, 37.
 Пуховскій Сигизмундъ, II, 59.
 Пуцичъ-Солтановичъ, II, 362.
 Пѣтицескій, ротм., III¹, 253.
 Пѣнь, свящ., III¹, 68.
 Пясецкій Павелъ, еписк., II, 74, 93, 101, 167, 248, 441, 520, III¹, 123, III², 23, 74, 75, 138.
 Пястовичи (Пясты), I, 84, 101, 102, 109, 139, 143, 183, III¹, 23, 29, 30, 33, 163, 230, 231, III², 12—14.
 Пясть, I, 31, II, 79, 427.

Р.

Рава, поль. гербъ, III², 189.
 Рагоза Михайлъ, митр. кiev., III², 214.
 Рагозинскій, попъ, III², 162.
 Радзивилъ Николай, II, 146, 147, III¹, 222, III², 211.
 Радзивилъ Явушъ, III¹, 143.
 Радзивилъ, II, 76, III², 207.
 Радзивилы (Радзивилы), I, 139, II, 152, 190, 292, III², 163, 171, 211.
 Радигость, слав. бож., II, 64.
 Радимъ, I, 105, II, 6, 111, 124, III², 3.

Радимъ, архіеп. поль., III¹, 169.
 Радичъ Оома, іез., III², 270.
 Радничъ, II, 264, 273, 439.
 Радославъ, кн. сербск., I, 56, 450.
 Раду, воевода, I, 69.
 Разинъ Стенька, I, 87, 168, 169.
 Ранчъ, II, 37, 233, 238, 253, 254, 307, 308, 390, 512, 595.
 Ракоцы Ф., II, 410, III², 56.
 Ранина Н., III², 38.
 Рановичи, I, 134.
 Раткай, ист., II, 34, 233, 242, 243, 245, 262.
 Ратоміръ, кор. гот., II, 223.
 Рачинскій Вышекъ, III¹, 62.
 Рачко Юрій, панъ, III², 192, 193.
 Рашковичи, серб. родъ, I, 147.
 Рдестъ, I, 139.
 Рева, истор., II, 34, 61.
 Рей изъ Нагловицъ, II, 41, 160, 161, III¹, 209, 246, III², 36, 67, 76, 117, 138—141.
 Рельковичъ, II, 266, 267.
 Ремеделли Діонисій, II, 217.
 Ременовскіе, III², 68.
 Рикардъ, уг. монахъ, III², 7.
 Ритеревичи (Рытеровскіе), III², 68.
 Риттеръ-Витезовичъ, см. Витезовичъ.
 Ришелье, II, 96.
 Ричарди Петръ, II, 381.
 Роговскій Палладій, II, 473.
 Рожаницы, яв. слав. бож., I, 185.
 Роза (Ружичъ), Март., II, 232.
 Розенберги, чеш. родъ, I, 137, 166.
 Розенбергъ, панъ (его „Книга“), I, 175.
 Розенбергъ Вильгельмъ, II, 72, III¹, 125, 127—180, 134—141.
 Розенбергъ Генрихъ, панъ, III¹, 38.
 Розенбергъ Ульрихъ, панъ, III¹, 84, 179.
 Рѣзнятовскіе, III², 80.
 Рокита Янъ, чеш. братъ, III¹, 189, III², 243, 258—260.
 Рокитана Янъ, II, 134, 174, III², 252, 253.
 Романовичи, III², 16, 17.
 Романовскіе, III², 67, 68.
 Романовы, II, 77.

Романъ Мотисл., кн. вол., III², 16, 17, 58.

Роса Вяч., грамм., II, 63—65, 234.

Ростиславичи, кн. гал., III², 15, 16.

Ростиславъ, кн. рус., III², 58.

Ростиславъ, кн. мор., I, 11, 22, 23, 63, II, 9, 23, 30, 428, 430, 448, 453, 455, 586, 589, 590, 607, 609, III¹, 165.

Росъ, II, 109, 110, 124, 144.

Рубичъ, II, 200, 239.

Рудольфъ, еп. лавантскій, пап. легатъ, III¹, 102, 104, 107, 110, 179.

Рудольфъ Габсбургскій, III¹, 24—26.

Рудольфъ (австр.) I, кор. чеш., III¹, 81.

Рудольфъ II, кор. чеш. (и имп.), I, 29, II, 426, 611, III¹, 135, 140, III², 266.

Рудольфъ, кронпр., III², 27.

Ружинскіе, III², 171.

Ружичъ Ст., свящ., III², 275.

Руликъ Іоаннъ, II, 100, III¹, 164.

Румовскій, II, 511.

Русдорфъ Павелъ, III¹, 75.

Русиновскій, III¹, 152.

Русичъ Стеф., II, 388, 389, 392, 409, 584.

Русъ, праот. русовъ, II, 6, 19, 65, 105, 108 — 111, 114, 118, 124, 134, 135, 142, 145, 238, 242, 243, 245, 368, 439, 443, 447.

Рутскій Венѣям., митр. ун., II, 451.

Рыба, чеш. братъ, III¹, 188, 189.

Рыботицкіе, III², 68.

Рыло Максимиліанъ, еп. холм., III², 273.

Рысинскій, II, 41, III¹, 247.

Рюриковичи, I, 80, 102, 103, 109, 134, 143, II, 77, 111, 434, III¹, 116, III², 13, 14, 17, 58, 151, 169—171, 176.

Рюрикъ, I, 78, 79, II, 433, 434, 436, 437, 440, 445, 447, 449, 457, 483, 500.

Рѣшинъ, II, 418.

Рябининъ, рус. раисодъ, I, 196.

С.

Сабелликъ, ист., II, 7, 112, 117.

Сава, королева, II, 105.

Сава (его еванг.), I, 205.

Сава, св., учит. слав., II, 577.

Сава, архіеп., I, 57, II, 394, 424, 450, 569, 571.

Сава Петровичъ, черног. влад., II, 205, 412.

Сава Владиславичъ (Рагузинскій), II, 387, 389, 409, 471, 486.

Савва Романовъ, II, 575.

Савватій, справщ., II, 575.

Савонарола, III², 235.

Сагайдачный Конашевичъ Петръ, гетм., II, 178, 374, 453, III², 215, 220.

Сагайдачный Григорій, атам., III², 220.

Сакмарди Иванъ, II, 354.

Саковичъ, К., II, 435, 552, III², 44, 219.

Саковичъ Андр., воев., III², 170.

Саковичъ Грынъ, III², 194.

Саксонъ Грам., II, 117, 492.

Самуилъ, ц. болг., I, 64, II, 201, 203.

Самуилъ изъ Праги, III¹, 254.

Самуилъ Кошка, I, 195.

Самъ (Samō), кн., I, 45.

Сангушки (Сонгушки, Сенкушки), III², 154, 171.

Сангушко Дмитръ, III², 253.

Сандакъ Храничъ, I, 103.

Саноцкій, ученый, II, 43.

Сапега Алекс., кн., II, 100.

Сапега, канцл., II, 188, 190, III², 23, 202.

Сапегы (Сопеги), III¹, 157, III², 172, 211.

Сарбевскій, II, 62, 161.

Сарницкій, ист., II, 34, 41, 71, 101 — 103, 106, 126—129, 132, 206, 315, III¹, 19, 190, 247, 255, 257.

Саскій Іоаннъ, II, 238.

Сатановскій Арс. II, 472.

Свантоборичи, помор., родъ, I, 134.

Сварогъ, I, 179, II, 423, 424.

Сварожичъ, сл. бож., I, 17, 179, 185, 187—190, II, 424.
 Сватава, кн. поль., III¹, 22.
 Свачичъ Петръ, I, 49.
 Свевладъ, кор. гот., II, 223.
 Севъ, II, 6, 15.
 Свиловичъ, юнакъ, I, 192.
 Свистельницкіе, III², 68, 80, 102.
 Свобода Прокопій, II, 242.
 Свойше изъ Заградки, III¹, 89.
 Свѣтликъ Юрій, III¹, 18.
 Свѣтъбогъ, I, 108, 179.
 Свѣтовитъ, яз. бож., I, 16, 64, 179, 185, II, 39.
 Святогоръ I, 194.
 Святополкъ, кн. мор., I, 17, 23, 107, II, 17, 23, 126, 223, 224, 250, 251, 428 — 430, 448, 449, 453, 455, 520, 531, 586, 610, 611, 616, III¹, 165, 230.
 Святополкъ, кн. мор. (XII в.), III¹, 5.
 Святополкъ Владимировичъ, I, 180, II, 397.
 Святославъ, кн. русс., I, 64, 78, II, 401, 533.
 Святославъ, десн. болг., II, 569.
 Седовскій Яковъ, III², 134, 135, 148.
 Сенковскій, III², 7.
 Секлюціанъ Іоаннъ, III¹, 228, III², 36.
 Секула, юнакъ, I, 192, 193.
 Селява Анаст., архиманд., II, 596.
 Семечка изъ Семчицъ, III¹, 39.
 Семовитъ, кн. поль., II, 251, 610.
 Сендзивой изъ Остророга, III¹, 73, 86, 181.
 Сенникъ Мартынъ, II, 59, 151.
 Сенницкій, III¹, 214, III², 140.
 Сенавскіе, III², 62, 70.
 Сенавскій, тов. Іоан. Соб., II, 383.
 Сенавскій, III², 23.
 Сонявскій Іеронимъ, воев. русс., III², 116.
 Сербъ, праот. серб., II, 6, 106.
 Серветъ, III², 235.
 Сецинскій Стан., еп., III², 74, 75, 78, 79.
 Сибинынинъ Янко, юнакъ, II, 192.
 Сива, слав. бож., II, 64.

Сигизмундъ I Вел., кор. поль., I, 36, II, 113, 172, 186, 209, III¹, 118 — 121, 142, 215, 223, 238, 341, 242, 247, 252, III², 2, 47, 51, 52, 102, 103, 106, 112 — 114, 166, 170, 179, 181—183, 193.
 Сисизмундъ II Августъ, кор. поль., I, 36, II, 59, 78, 147, 163, 407, 425, 596, III¹, 124 — 127, 185, III², 70, 166, 167, 188, 189, 198, 212.
 Сигизмундъ III, кор. поль., I, 38, 84, 90, II, 72, 178, 189, 192, 193, 381, 453, III¹, 141 — 148, 150, 155, III², 202, 206 — 208, 220, 269.
 Сигизмундъ, кор. чеш. и уг., I, 27, 50, 65, 70, II, 38, 128, 206, 450, III¹, 32, 36—38, 42—47, 49, 50, 58, 64—72, 75—80, 90 — 92, 110, 122, 151, 172, III², 93, 166, 250.
 Сигизмундъ (Жигимонтъ) Кесту-тьевичъ, III¹, 64, 77, 78, 84, III², 159, 163, 177, 178.
 Сигизмундъ (Жигимонтъ) Корыбутовичъ, III¹, 52 — 70, 72, 77—79, 92, 150, III², 153, 154.
 Сигизмундъ Грубый изъ Еленья, II, 48, 49, 52, 53.
 Сигизмундъ изъ Пухова, II, 40, III¹, 8.
 Сидичъ, II, 261.
 Сикстъ IV, папа, II, 447.
 Силимѣрь, кор. гот., II, 223.
 Сильвій, см. Эней С.
 Симеонъ, св. (Стефанъ Нѣм.), I, 103, II, 427, 569, 571.
 Симеонъ, мнихъ—писецъ, II, 567.
 Симеонъ, инокъ сузд., II, 402, 573, III², 267.
 Симеонъ Полоцкій, II, 472.
 Симеонъ Борисовичъ, царь бол., I, 63, II, 202, 203, 424, 524, 525, 532, 533, 584, 585.
 Симеонъ, кн. моск., I, 81.
 Симеонъ Логоветъ, лѣт. виз., II, 109, 431.
 Симоновскій, II, 484.

Симъ, II, 138, 139.
 Сирко, каз. ст., III², 218.
 Ситовичъ Любушкій, II, 264, 267.
 Снеъ, II, 139.
 Скала Павелъ, III¹, 144, 147, 148.
 Скарга П., II, 71, 94, 95, 99, 150, 549, 550, III², 54, 131, 132, 148, 156.
 Скандербегъ Юр. Кастриотичъ, II, 236, 369, 370.
 Скиданъ, каз. ст., III², 218.
 Скиригайло (Скирыгелло) Ив., III², 152, 153.
 Скорина Франц., II, 152, 292, 595 — 59^м, III², 43, 135, 213, 223, 225—228.
 Скринскій Дунинъ, Петръ, III¹, 139, III², 54.
 Скумиковичъ, III², 216.
 Скутечскій Викторинъ, II, 293.
 Славата Юаннъ, III¹, 97.
 Славаты, III¹, 160.
 Славиборъ, кн., II, 30, III¹, 8.
 Славинецкій Епиф., II, 457, 460, 472.
 Славниковичи, III¹, 22.
 Славникъ, князь, II, 30.
 Славъ, праот. славянъ, II, 6, 105.
 Сладичъ, III², 272, см. тоже Дольчи.
 Сливскій Яковъ, III², 79.
 Слуцкіе, III², 171.
 Слѣповроны, поль. г. и р., I, 139, III¹, 167.
 Смирицкіе, I, 138.
 Смогоровскій, митр., III², 239.
 Смолька Ст., III², 4, 155.
 Смотридкій Мелет., II, 257, 322, 332, 363, 435, 451, 452, 465, 474, 475, 477, 487, 552, 579, 592, 593, III², 44, 53, 216.
 Собескіе, III², 126.
 Собескій Юаннъ, кор. поль., I, 40, II, 83 — 86, 92, 97, 169, 178, 179, 183, 349, 378, 380 — 383, 392, 393, III¹, 162, III², 55, 117.
 Собѣборъ, вельм. Славников., III¹, 22.
 Собѣславъ, сынъ Лестька, II, 106.
 Собѣславъ Вратисл., кн. чеш., III¹, 22.

Совинскій Павелъ, III¹, 69.
 Совичъ, II, 593.
 Соколинскіе, III², 211.
 Соколовскій Станис., II, 606, III¹, 170.
 Соколовскій Юаннъ, III¹, 253.
 Сокольниковскій Михаиль, II, 411.
 Соларичъ Пав., II, 278, 593.
 Соляковскій, III², 110.
 Соловей Будимировичъ, I, 194, 195, 196.
 Соломирецкій, III², 171.
 Сосновскій Григорій, III², 69.
 Сосновскій Иванъ, III², 69.
 Софія, царица греч., I, 82.
 Софія, жена Вл. Ягайла, III², 156, 165.
 Софія, королева поль., II, 148.
 Софія, любовн. армян. Ивашки, III², 47.
 Софоновичъ Θεод., II, 443, 444, 461.
 Спаарій Николай, II, 348.
 Спытекъ изъ Мельштына, III¹, 176, 183, III², 18, 63.
 Спычинскій Іерон., II, 140.
 Срацимиръ, царь болг., I, 65.
 Ставеръ, богатырь, I, 193.
 Ставровецкій, II, 485, 466, 599, III², 44.
 Стадницкіе, III², 62, 70.
 Стадницкій, панъ, III¹, 190.
 Станиславскіе, III², 52, 68.
 Станиславовъ Филиппъ, II, 601, III², 267.
 Станиславъ, св., II, 140, 548, III¹, 25, 68, 105, 170.
 Станиславъ Августъ Понятовскій, I, 41, II, 97, 98, 183, 388.
 Станиславъ Лещинскій, II, 388, 414.
 Станиславъ Горка, III¹, 128, 129.
 Станиславъ, воев. калиш., III¹, 181.
 Станиславъ изъ Доброй Воды, III¹, 39.
 Станиславъ изъ Скарбимѣря, III¹, 173.
 Станиславъ, мон. гѣсн., II, 563.
 Старовольскій Симонъ, I, 162, II, 93, III¹, 156, 202, III², 139, 147.

Статорій (Стоенскій), II, 150.
 Сташиць Стан., II, 97, 98.
 Стефанъ Свят., кор. уг., I, 69, 71, 74, II, 450, III², 15.
 Стефанъ, еп. перм., II, 396.
 Стефанъ Суроженій, св., II, 430, 431.
 Стефанъ Войславъ, кн., I, 56.
 Стефанъ Неманя, I, 56, 57, 144, II, 220, 221, 224, 394, 557.
 Стефанъ Первовѣнч., сынъ с. Немани, I, 57, II, 224.
 Стефанъ Урошъ, кр. серб., I, 57, 58.
 Стефанъ Драгутинъ, I, 57, 71.
 Стефанъ Милутинъ, I, 57, II, 203, 570.
 Стефанъ Дечанскій, I, 58, II, 221, 224, 424, 562.
 Стефанъ Душанъ, I, 58, 175, II, 29, 203, 394, 541, 571, III¹, 31.
 Стефанъ Лазаревичъ, десп., I, 59, II, 394, 424, 562, III², 250.
 Стефанъ Тврдко, кор. босн., I, 50, 59.
 Стефанъ Остоя, см. Остоя.
 Стефанъ Өомичъ, кор., I, 60.
 Стефанъ Баторій, I, 38, II, 312, 408, III¹, 136, 138, 255, III², 218.
 Стефанъ, воев. молдав., III², 101, 106.
 Стефанъ Косача, воев., II, 213.
 Стефанъ Истриянинъ, II, 259, 260, 264, 267, 285, 286, 288, 290, 291, 298.
 Стефанъ изъ Вербовца (Вербѣчи), III², 130.
 Стоенскій, см. Статорій.
 Стойковичъ Иванъ, доминик., III², 273, 274.
 Стоянъ, юнакъ, I, 192.
 Страбонъ, II, 6, 37, 117.
 Стражскій Янъ, III², 251.
 Странскій, II, 611, III², 254.
 Странѣнскій Я., II, 293.
 Страшъ, III¹, 176.
 Страхота=Меоодій, св., II, 31, 605.
 Стредовскій Іоаннъ, II, 64, 611, 612.

Стрезислава, княгиня, II, 31.
 Стрибогъ, яз. богъ., I, 179, 184.
 Стриттеръ, II, 505, 506.
 Струтинскіе, III², 68, 80.
 Стрыйковскій Матв., ист., II, 34, 41, 72, 89, 101, 103, 106, 109, 113, 121 — 127, 169, 173—175, 187, 363, 424, 438, 441, 442, 444 — 446, 454, 483, 505, III¹, 247, 254, 262, III², 14, 139, 147, 163.
 Стряла, III¹, 135.
 Стырь, богатырь, I, 183.
 Оуворовъ, полков., II, 512.
 Суворовъ Максимъ, II, 592.
 Судетскій, II, 21, 43, 45.
 Оулима, каз. ст., III², 218.
 Сумароковъ, II, 412, 509.
 Суровецъ, дьякъ, II, 573.
 Сухановъ Арсеній, II, 570, 615.
 Суша Яковъ, еп. холм. униат., III², 55, 58.
 Сыновцы изъ Сандовицъ, бр., III¹, 242.

Т.

Талафусъ, III¹, 229.
 Тамъ Карлъ, II, 69.
 Таннеръ, іез., II, 555.
 Тарло, III¹, 135.
 Тарло Андрей, III², 110.
 Тарлы, III², 62.
 Тарасъ Б., III², 134.
 Тарновскій, панъ (у Варшави), II, 134.
 Тарновскій I., III¹, 184, 257, 259, 261.
 Тарновскій Стан., гр., II, 91.
 Тарновскій Спытѣкъ, III¹, 58, III², 81, 82.
 Татищевъ В., II, 446, 486, 490—499, 506, III², 216.
 Таубертъ, акад., II, 499.
 Тацитъ, II, 6, 14, 15, 117.
 Твардовскій Сам., II, 160, 161, 176, 177, 190, 191, 193, 194, III¹, 78, III², 147.
 Твиско, праот. герм., II, 6, 14, 38.
 Тевкадъ, вождь нѣмцевъ, II, 33, 38.

Тевтонъ, вождь нѣмц., II, 38.
 Текели, II, 84.
 Теодорикъ, III², 10.
 Тержичъ Лука, II, 283.
 Терлецкіе, III², 80.
 Терлецкій Мееодій, II, 310, 581, 582, III², 48, 58, 264, 268, 269.
 Тидагъ, еп. праж., III¹, 4.
 Тисаровскіе, III², 80.
 Титмаръ, еп. праж., III¹, 4.
 Титмаръ мерзебург., лѣтоп., I, 15, II, 18, 17, III¹, 3, 21, 109.
 Тицинъ, іез., II, 18, 21, III¹, 17, 18.
 Томицкій Петръ, III¹, 118, 121, 189.
 Топоръ, поль. гербъ, III², 189.
 Трановскій изъ Тѣшина, III¹, 233.
 Тредьяковский, II, 412, 500, 501, 503, 505—508, 508, 512.
 Трембецкій Стан., II, 98, 168, 183, 184, 185, 195—197.
 Триглавъ, язич. бож., I, 185.
 Троицъ Святопольскій, II, 44, 45.
 Тройденъ, кн. маз., III², 17.
 Троянъ, I, 5, 185, 187, II, 424.
 Труберъ, II, 21, 257, 259, 260, 266, 270, 285 — 288, 290, 291, 294, 296, 297.
 Тугаринъ Змѣевичъ, I, 193.
 Турновскій Симеонъ, II, 553, III¹, 174, 179, 186, 189, 191, III², 257, 258.
 Турпъ Францъ, графъ, III¹, 136.
 Туробойскій Іос., II, 473.
 Тустановскіе, III², 81.
 Тышковичи, родъ, III¹, 157.
 Тышковичъ, гетм., III², 218.
 Тяпинскій Вас., II, 598, 599.
 Тѣнчинскіе, III², 62.
 Тѣнчинскій Андр., II, 165.
 Тѣнчинскій, панъ, II, 135.

У.

Угарто, III¹, 160.
 Ульрихъ, кн. чеш., III¹, 6, 21.
 Ульрихъ Червѣнка изъ Ледець, III¹, 97.
 Ульрихъ изъ Смоленскъ, III¹, 97, 252.

Ульрихъ, схол., III¹, 24.
 Уингадъ Іоаннъ, бар., II, 285, 290, 292—294.
 Упиръ Лихій, попъ, II, 528, 573.
 Урбанъ VIII, пала, II, 576, 581, III², 262, 263.
 Урбанъ изъ Старицы, III¹, 252.
 Урбихъ, II, 484.
 Устрицкіе, III², 81.
 Устрицкій Викент., II, 172, 179, 180.
 Уханскій Яковъ, арх., II, 76, 550, III¹, 185.

Ф.

Фабриціусъ Богум., III¹, 19.
 Фабриціусъ Донатъ, III¹, 17.
 Фантинъ de Valle, III², 274.
 Фаренсбахъ, III¹, 149.
 Фарлати, II, 238, 239.
 Федоръ Иван., царь, I, 84, III², 70, 128, 130, 271.
 Федоръ Алексѣев., царь, II, 244, 349.
 Федоръ Коріатовичъ, кн. лит.-рус., I, 70, см. Коріатовичъ.
 Федоръ Кобытовичъ, III¹, 78.
 Федоръ Ольгирдовичъ, III², 154.
 Федоръ Любартовичъ, кн., III², 83.
 Феликсъ изъ Панёва, III¹, 63.
 Фердинандъ I, кор. чеш., I, 28, 61, II, 125, III¹, 15, 120—126.
 Фердинандъ II, к. ч., I, 29, II, 276, 580, III¹, 145, 148, 155, III², 266.
 Фердинандъ III, к. ч., II, 262, 310.
 Фердинандъ, братъ имп. Максимилиана, III¹, 133, 136.
 Феричъ, II, 264, 390, 392, III², 275.
 Физалетъ Христосъ, III², 53.
 Филипецъ Іоаннъ, еп., II, 208.
 Филиповичъ, II, 266.
 Филиппъ, кор. исп., III¹, 156.
 Фирлей, III¹, 135, 255.
 Фишеръ, совѣт. ерцг. Альбр., III¹, 149.
 Флетчеръ, II, 590.
 Фойгтъ, II, 68.
 Фока, имп. виз., II, 344.

Фотій, патр., II, 453—455, 613.
 Франкопанъ, I, 50, 52, 103, 170,
 II, 84, 211.
 Франковичъ Матв. Влаичъ, II, 293,
 294, III¹, 186.
 Францискъ, лѣтоп. чеш., III², 18.
 Франць Іосифъ, III², 27.
 Фредро Андрей, II, 93.
 Фредро Іоаннъ, III², 80.
 Фредро, воевода, III¹, 123.
 Фредры, III², 62, 63.
 Фрѣлихъ, книгопр., II, 292.
 Френцель Авраамъ, II, 20, 21, 293,
 484.
 Френцель Михаилъ, свящ. сербск.,
 II, 18, 2¹, 409, III¹, 16, 17, 18.
 Френцель Мих., сынъ его, II, 20,
 21.
 Фридрихъ I, имп., III¹, 6, 250.
 Фридрихъ III, имп., I, 50, II, 86,
 III¹, 91, 95, 103, 115, 116.
 Фридрихъ II, кор. прус., I, 41, II,
 413, 414, 418, III¹, 156, 163.
 Фридрихъ, курф. пфальцк. и кор.
 чеш., III, 145, 146, 150, 154,
 158.
 Фридрихъ, бранденб. курфюрстъ,
 III¹, 98, 100, 107, 108.
 Фридрихъ, кн. слезско-легн., III¹,
 120.
 Фрицъ, II, 22.
 Фришъ Іоаннъ, учен., II, 507.
 Фрозинъ Антонъ, II, 65.
 Фволъ Швайполтъ, II, 550, 572,
 573, III¹, 183, III², 226.

Х.

Хабделичъ Юр., II, 262, 266.
 Ханенко, гетм., III¹, 258, III², 218.
 Хвалибогъ, I, 108.
 Хвалъ, табор., III¹, 55.
 Хвальчевскій Станиславъ, II, 109,
 115, III¹, 259, 260.
 Хекторовичъ, II, 264, 265, 355,
 370, 371.
 Хельчицкій Петръ, II, 134.
 Херасковъ, II, 412.
 Хервоя, воев. босенск., I, 50.
 Хилецкіе, III², 68.

Хилковъ, кн., II, 483.
 Хитрей, учен., II, 21.
 Хлебовскій, II, 173—175.
 Хмѣльницкій Богданъ, I, 86, 168,
 195, II, 177, III¹, 258, III², 27,
 127, 128, 148, 218, 219.
 Хмѣльницкій Тимофей, I, 196.
 Ходаковскій, II, 139.
 Ходецкіе, III², 62.
 Ходкевичъ Карлъ, II, 160, 178,
 190, 374.
 Ходковичи (Ходкевичи), родъ, III¹,
 157, 211.
 Ходковичъ Алекс. Иван., III², 195.
 Ходковичъ Григорій, сынъ Ал., II,
 600, III², 196.
 Ходковичъ Ивашка, III¹, 96.
 Ходоровскіе, III², 61, 67, 68.
 Хомутовскій Юрій, III¹, 253.
 Хомяковъ, II, 197.
 Хорсъ-Хръсъ, I, 108, 179, 184, 185,
 II, 424.
 Хотки, чеш. родъ, III¹, 160.
 Хотовскій, шляхт. поль., III¹, 137,
 214.
 Хоривъ, II, 111, 124.
 Храбръ, чернориз., II, 255, 280,
 468, 584, 588, 590, 602, 614.
 Храповицкій А. В., II, 420.
 Хребтовичъ, II, 98.
 Хребтовичъ Ив., III², 180.
 Хрѣнстовскій, свящ., III², 211.
 Христіанъ, кн. легницкій, III¹, 230.
 Хросьцинскій Войт., II, 179.

Ц.

Цамблакъ, см. Григорій Ц.
 Цебровскіе, III², 63.
 Цельтесъ Конрадъ, III¹, 244.
 Ципріаничи, III², 274.
 Црноевичи, I, 60.
 Цръга = Кирилъ св., II, 31, III²,
 254.
 Цръвичъ (Черва), Илья Людовикъ,
 II, 200, 208, 224 — 226, 242,
 243, 294, 303, III¹, 116, III²,
 275.
 Цтиборъ изъ Цимбурга, I, 175,
 III¹, 111, 248.

Цырусь Іоаннъ, III¹, 125—127.
Цѣхановскій, еп. холм., III², 125.

Ч.

Чайковскіе, III², 68.
Чаки Матвій, I, 70.
Чапекъ Іоаннъ изъ Санъ, III¹, 71, 73, 86, 89, 90, 95, 98.
Чаплицы, III², 211.
Чариковскіе, поль. родъ, I, 138.
Чариковскій Іоаннъ, лѣт., III², 168.
Чедолина Петръ, еп., II, 210, 404, III², 269, 270.
Чежелитскій Матіашъ, III¹, 117.
Чеперовскіе (Лопатичи), III², 65, 67.
Черва, ист., см. Црѣвичъ.
Червенка, III¹, 189, 248, III², 256, 259.
Черкаскіе, III², 61.
Чернинъ, графъ, II, 471.
Чернинъ изъ Худеницъ, III¹, 252.
Чернины, III¹, 160.
Черный, чешъ братъ., III¹, 189.
Черный Іоаннъ, гейт. чеш., III¹, 254.
Четвертинскіе, III², 171.
Чеховичъ М., II, 597, III², 211.
Чехъ, праот. чеховъ, II, 6, 19, 31, 32, 37—43, 45, 65, 67, 68, 94, 105, 108—121, 123—125, 128, 134—136, 141—145, 199, 201, 209, 231, 233, 238, 242, 243, 368, 427, 439, 443, 447, III¹, 152, 153, 159.
Чижевскій Іоаннъ, II, 75.
Чолгавскіе, III², 52, 80.
Чорторыйскіе, I, 139, III¹, 157, III², 171.
Чубрановичъ Андрей, II, 355.
Чурила Пленковичъ, I, 194, III², 143.

Ш.

Шайноха, III¹, 166, 167, III², 63, 126, 127, 155, 204.
Шалеть Яковъ, II, 380.
Шаиникъ Іоаннъ Леонтіевичъ, II, 451.

Шарняскій—Семпъ Ник., III², 138, 141.
Шарфенбергъ, III¹, 184, 222.
Шафранецъ Іоаннъ, еписк., III¹, 50, 59, 66.
Шафранецъ Петръ, III¹, 59, 62, 63, 82.
Шафранецъ, его сынъ, III¹, 59, 63.
Шафранецъ Станисл., III¹, 129.
Шафранцы, шляхет. родъ, III¹, 59, 64—67, 135.
Швайнолтъ, см. Фѣоль Ш.
Шварценберги, III¹, 159.
Швегла, III¹, 229.
Швитригайло Левъ Болеславъ Александръ, в. кн. лит., III¹, 63, 67, 69, 70, 72, 75, 77, 79, 253, III², 61, 83, 117, 152, 158, 159, 171, 177, 178, 185—187, 205.
Шенлебенъ, II, 250, 298.
Шептицкіе, III², 52, 68, 80, 102.
Шереметевъ Борисъ, III², 55.
Шидловецкіе, поль. родъ, III¹, 243.
Шидловецкій Николай, III¹, 243.
Шидловецкій Христоф., II, 58, III¹, 120, 243.
Шимекъ, II, 66.
Шимоновичъ Ш., III², 138, 144.
Шимоновскій, II, 161, 191.
Шингоричъ Юрій, II, 199.
Шинковъ, II, 513.
Шиншмановичи, I, 63.
Шиншмановичъ Михайлъ, I, 65.
Шиншманъ, царъ, см. Іоаннъ Шинш.
Шлецеръ Авг., II, 67, 499, 506, 514, 612.
Шомбергъ, фр. пос., III¹, 129.
Шпангенбергъ, II, 287.
Шпарки, III¹, 160.
Штарембергъ, II, 83, III¹, 160.
Штернберги, III¹, 160.
Штернбергъ Вяч., гр., II, 357.
Штернбергъ Ладиславъ, панъ, III¹, 118, 119.
Шуанонъ, III¹, 127.
Шубичи—Зринскіе, хорв. родъ, I, 138.
Шубичъ Павелъ, банъ, I, 50.
Шубичъ Младенъ, I, 50.
Шуйскій Мих., II, 396.

Шульцъ Парумъ, II, 13, III¹, 19.
 Шумахеръ, II, 414.
 Шумлянскіе, рус. родъ, III², 52, 68, 80.
 Шумлянскій Іос., еп., II, 328, 435, III², 55, 56, 137.
 Шурцелейшъ, II, 21.

Щ.

Щекна, III¹, 171.
 Щекоцкій, стар., III², 81, 83.
 Щекъ, II, 111, 124, 447.
 Щербатовъ, ист., II, 34, 416, 505, 506.
 Щерблячъ, III², 138, 148, 206.

Э.

Эггенберги, III¹, 159.
 Эгингардъ, лѣтоп., II, 13, 117.
 Элеонора, австр. эрцгерц., III¹, 79.
 Эльснеръ Іоаннъ, III¹, 193.
 Эмануилъ Карлъ савойскій, III¹, 154, III², 266.
 Эмзеръ, II, 17.
 Эминъ, II, 506.
 Энгель, ист. II, 254.
 Энгельбертъ, III¹, 24.
 Эней (сынъ Анхиза), II, 104.
 Эней Сильвій, II, 3, 35, 37 — 39, 58, 110, 117, 125, 131, 132, 224, 248, 302, 303, 548, III¹, 41, 92, 180, 244, 246, III², 249.
 Д'Эонъ, франц. агентъ, II, 411.
 Эрдеды, I, 52.
 Эрнотъ Австр., сынъ имп. Максим., I, 139, III¹, 125—133, 136.
 Эшенлоеръ Петръ, писарь вратислав., III¹, 102, 104, 106, 107, 109, 113.

Ю.

Юговичи, I, 192.
 Юзефовичъ, III², 128, 138.
 Юлинацъ Пав., II, 307, 595.
 Юлій Цесарь, II, 5, 104.
 Юрикъ, пѣвецъ, I, 126.
 Юричичъ Юрій, II, 288.

Юрій Подѣбрадскій, см. Подѣбрадскій.
 Юрій II (Болеславъ Тройд.), князь, III², 8, 17, 18, 60, 108.
 Юрій изъ Гуменнаго, III¹, 148.
 Юстиніанъ, имп., II, 34, 113, 244, 341, 548.

Я.

Яблоновскіе, III², 127, 207.
 Яблоновскій, кн., II, 67, 68, 143, 144.
 Яворскіе, III², 81.
 Яворскій Стеф., II, 473.
 Ягайло-Яковъ-Владиславъ, кн. лит. и кор. поль., I, 34, 84. II, 192, 193, 546, 553, III¹, 33—35, 37, 40, 42, 44—72, 75, 76, 78, 91, 108, 151, 170—176, III², 9, 19¹, 21, 45, 46, 52, 85, 124, 142, 152—159, 165, 167, 175, 177, 207, 247.
 Ягайловичи, I, 28, 84, 85, II, 27, 72, 75, 78, 82, 86, 93, 126, 163, 165, 169, 183, 186, 207, 209, III¹, 33, 34, 110, 114—116, 119, 123, 131, 138, 163, 247, III², 21, 161, 175, 189.
 Ядвига, II, 546, 550, III¹, 91, 171, III², 81, 108.
 Ядвига Фредровна, III², 66.
 Язловецкіе (— Вучацкіе), III², 62, 63.
 Яковъ Свинка, архіеи. гнѣз., II, 74, III¹, 28.
 Яковъ, арх. галич., III², 60, 66.
 Яковъ изъ Дѣмбна, III¹, 104, 242.
 Яковъ изъ Курелова, III¹, 249.
 Якубицъ Никол., II, 18, III¹, 16.
 Якшичи, юнаки, I, 192.
 Ямбретичъ, II, 269.
 Яндить, II, 65.
 Яницкій, чеш. бр., III², 257.
 Янко Сибиляннинъ (Іоаннъ Хуніякъ), II, 286, 369, 370.
 Янковичъ Миріевскій, II, 306, 595.
 Яновичи, паны чеш., I, 134.
 Януковичъ, II, 137, 148, 149.
 Янушъ изъ Тулишкова, III¹, 40.

Яня, бож. слав., I, 188.
 Янъ, II, 105, 107, 109.
 Янъ изъ Горки, предвод. поль.,
 III¹, 61—63.
 Янъ Заблоцкій, III¹, 215.
 Янъ Пардусъ изъ Горки, табор.,
 III¹, 61.
 Янъ изъ Кротошина, III², 259.
 Япель, II, 577.
 Ярмолинскіе, III², 52, 64.
 Яровить, яз. богъ, I, 179, 185.
 Яроміръ Брячисл., кн. чеш., III¹,
 22.
 Ярославичи, III², 171.
 Ярославна, I, 184.
 Ярославъ, архіеп., III², 93.
 Ярославъ Володимировичъ, I, 79,
 106, 175, 532, 571, III², 3.

Ярославъ Всеволодовичъ, I, 20.
 Ярославъ Святополков., III², 16.
 Ярославъ Оемоуслъ, III², 105.
 Ярославъ, канон. плоцк., II, 105.
 Ясинскіе, III², 62.
 Ясинскій Варлаамъ, митр. кіев.,
 III², 55.
 Ястрембцы, III¹, 167.
 Яфетъ, чеш. бр., II, 611.
 Яцекъ, панъ поль., III¹ 6.
 Яцковскій, III¹, 245.

Ө.

Оеофилактъ, арх. болгар., II, 574.
 Оеофанъ, діак., II, 466.
 Оома Сплѣтскій (архид.), II, 224,
 537.
 Оома изъ Пѣтркова, III¹, 249.

